

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

89

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2024 Issue 89

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de México

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza
w Poznaniu

Evgeniy V. Afonasin
Novosibirsk State University

Stefano GARZONIO
Università di Pisa, Italia

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
Perm State National
Research University

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Natalia B. SELUNSKAYA
Lomonosov Moscow State University

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2024 Выпуск 89

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный
университет Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории
Российской академии наук

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

Е. В. АФОНАСИН
Новосибирский государственный
университет

Стефано ГАРДЗОНИО
Пизанский университет, Италия

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Пермский государственный
национальный исследовательский
университет

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии
Российской академии наук

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
НИУ «Высшая школа экономики»

Дюла СВАК
Будапештский университет
им. Лоранда Этвеша, Венгрия

Н. Б. СЕЛУНСКАЯ
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
МГИМО (Университет) МИД России

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ВЕДЕШКИН М. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент (зам. гл. редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ШАБУНИНА А. К., кандидат исторических наук
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 89

М.: Аквилон, 2024. — 456 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

ISSN 2073-7564

Эл. № ФС 77-53624

DIALOGUE WITH TIME 89:

Moscow: Aquilo-Press, 2024. — 456 p.

Journal "Dialogue with Time" is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

Подписной индекс в общероссийском каталоге «Роспечать» — **36030**

© Общество интеллектуальной истории, 2024

© Институт всеобщей истории, 2024

© Издательство «Аквилон», 2024

© Журнал «Диалог со временем», 2024

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

И.Н. Ионов

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РЕНЕССАНС И КОГНИТИВИСТИКА

В статье анализируется процесс возрождения интереса к цивилизационному подходу в разных областях знания. Особенности вариантов идей предлагается искать во взаимодействии разных моделей мышления. Анализируется двусистемная модель мышления Д. Канемана и А. Тверски, а также теория культурно-генетической коэволюции Дж. Хенрика. Они демонстрируют роль форм мышления, сложившихся в малых традиционных обществах в анализе истории больших и модернизированных обществ (цивилизаций). Раскрывается значение контингентности и мультитемпоральности современного этапа модернизации, заставляющих исследователей прибегать к постпарадигмальным, мультиперспективистским подходам (П. Катценштейн, Д.Н. Замятин). Приводятся примеры отличий старых подходов к истории цивилизаций от новых, связанных с цивилизационным ренессансом. Отмечено движение в сторону контингентной истории в социокультурной экономике А.А. Аузана.

Ключевые понятия: *цивилизационный ренессанс, когнитивные искажения, постпарадигмальность, мультиперспективистский презентизм, рефрейминг, контингентная история, государство-цивилизация, социокультурная экономика.*

За последние десятилетия цивилизационный подход претерпел большие изменения. Трансформировались его функции и дисциплинарное содержание. В XX в. цивилизационный подход постепенно вычленился из философии истории, доминировавшей у О. Шпенглера и у А.Дж. Тойнби, а также из социологии, превращаясь в одно из направлений макроисторического анализа и исторической антропологии у школы «Анналов». В регионалистском направлении развивалась концепция множественности модернизаций Ш.Н. Эйзенштадта и теория глокализации Р. Робертсона. На этом фоне усиливался интерес к среде обитания, властным отношениям стран и регионов, местным культурным традициям и коммуникациям между ними. Развивалась конструктивистская критика реифицированных субстанционалистских моделей цивилизации. Особенно важна для ее понимания концепция фрейма, при помощи которой антрополог Г. Бейтсон обозначал формы метакоммуникации, контекстуализации, предпосылочного или фонового знания, т.е. маркировку границ познавательных возможностей каждой конкретной познавательной модели, отчасти предопределяющей выводы исследователя¹.

Итогом стал кризис цивилизационного подхода, который привел к отрицанию его валидности теоретиками гуманитарного знания. Если раньше созданные в Европе цивилизационные модели критиковались с постколониальных позиций как «воображаемая история», то теперь цивилизационные модели, создаваемые вне Европы, критикуются с неолиберальных позиций как имперские и неорасистские². Оказалось, что ис-

¹ Бейтсон 2000: 211–220.

² Russia... 2020.

торики не столько изучали реальность прошлого, сколько интерпретировали собственные идентичности, всматривались в когнитивные карты, отчасти отражавшие прошлое, а отчасти трансформировавшие или даже искажавшие его. Ф. Анкерсмит обозначил опыт обретения идентичности как возвышенный и резко отделил его от когнитивных практик историка: «Опыт возвышенного живет в мире, не похожем на тот, где обитают истинность и ложность... Здесь не происходит привычной замены неадекватного знания более успешными прозрениями, но, скорее, идет процесс *обратного знания*, “раз-узнавания” прошлого...»³. Историческое исследование цивилизации, базируясь на стремлении укрепить идентичность с ее традицией, приводит к совершенно иному результату: «Историческое исследование прежней идентичности мотивируется желанием вновь обрести эту идентичность, но всякий раз, когда возвращается часть прежней идентичности, к различию между прежней и нашей настоящей идентичностью (непреднамеренно) добавляется какой-то новый аспект»⁴.

Тем не менее первые десятилетия XXI в. были отмечены бурным развитием цивилизационных представлений в самых разных областях знания, где они раньше не были представлены, рождающих непривычные, порой экзотические образы цивилизации: политологические (государство-цивилизация, цивилизационная идентичность, цивилизация как «пустое означающее»), социологические (информализация, цивилизационные компетенции), исторические (цивилизационный трансфер), экономические (социокультурная экономика), географические (метагеография цивилизации), антропологические (культурная нейробиология)⁵. На некоторых из этих направлений происходит настоящий слом традиций. Откуда возникло это бурное стремление к расширению исследуемого материала? В чем причины появления новых дисциплинарных познавательных перспектив? Какой теоретический аппарат необходим для их анализа? В данной статье я попытаюсь поискать когнитивную основу для ответа на эти сложные вопросы.

Когнитивный поворот

Глубинные причины познавательных противоречий в разных областях знания стали понятны в 2000–2010-е гг., когда широкую известность приобрели работы психологов, таких как Д. Канеман и А. Тверски. Их труды по когнитивистике повлияли на весь круг гуманитарных дисциплин и были оценены Нобелевской премией Д. Канемана по экономике (2002). В них описана «двухсистемная модель мышления», два типа деятельности мозга, которые нередко вступают в противоречия друг с другом и перехватывают друг у друга контроль⁶. Первый – произвольный и действующий автоматически, отчего его невозможно «от-

³ Анкерсмит 2007: 264–265, 321.

⁴ Там же: 448–449.

⁵ ZhangWeiwei 2012; Civilizational... 2007; Bettizza 2014; Wouters 2007; Sztompka 1993; Эспань 2018; Аузан, Никишина 2021; Замятин 2024; Хенрик 2023: 402.

⁶ Канеман 2023: 31, 42, 392–393.

ключить»; второй, требующий самоконтроля, произвольный и аналитический, способный при должных усилиях корректировать автоматическую реакцию. Влияние первого нередко приводит к прогнозируемым искажениям и когнитивным иллюзиям. Его анализ, напротив, создает для ученых «необычную возможность отслеживать потенциальные изъяны в своем мышлении... распознавать ситуации, в которых возможны ошибки»⁷. Это особенно важно на поворотных этапах развития знания.

Первый, когнитивно-эмоциональный тип мышления строится на предчувствиях, эвристике и доверии к интуиции. Он позволяет быстро ориентироваться и принимать решения в условиях неопределенности, когда бездействие опаснее любой деятельности. Его преимущество связано с глубокими эволюционными корнями, ассоциативным, метафорическим и причинно-следственным мышлением, когнитивной простотой, наглядностью и убедительностью предпосылочных схем, которыми он оперирует, таких как бинарные оппозиции. Между ними можно осуществить быстрый выбор. Они создаются на основе очевидных данных, часто при малой выборке⁸. Поэтому выстроенные познавательные схемы, по мнению Д. Канемана, отвечают не столько на заданные (целевые), сколько на более простые (эвристические) вопросы, которых, возможно, и не задавали. Фреймирование ситуации осуществляется эмоционально, иногда при помощи подмены понятий, и дальнейшие действия человека связаны уже с когнитивной картой, описанием реальности, а не с самой реальной ситуацией, что создает иллюзии понимания и истинности: «Большинство из нас пассивно воспринимают проблему в установленных рамках, и поэтому редко можно обнаружить, в какой степени наши предпочтения связаны с рамками, а не с реальностью». В том же направлении ведут особенности памяти: человек лучше помнит яркие моменты и разрешение ситуации, а не сам процесс в его многообразии. Они примитивизируют образ прошлого, а «легкость вообразимости» позволяет наполнять его при помощи слабо скорректированного «эффекта привязки», вводящего в описание бинарные оппозиции⁹.

На основе непротиворечивой, но и неполной информации строится правдоподобный, доходчивый и логичный рассказ. Часто выстраиваются «удивительно сложные схемы мыслей», рисующие реальность «более логичной, чем на самом деле»¹⁰. Автор при этом создает историю на основе известных ему данных, подтверждающих концепцию, но не учитывает значения противоречащих ей данных и возможное влияние случайных обстоятельств, которые упущены автором. Причем такой нарратив тем более когерентен (внутренне связан), чем меньше знаний используется, так как в условиях иллюзии причинности кау-

⁷ Там же: 10,15, 17, 31–34, 40–41, 57, 59, 67, 88.

⁸ Там же: 23–25, 81–96, 147–158, 219–230.

⁹ Там же: 81–96, 131, 319, 480, 559–563.

¹⁰ Там же: 31, 111, 319.

зальная схема не разрушается учетом случайностей. «На самом деле зачастую, когда меньше знаешь, – пишет Канеман, – проще сложить все известное в когерентную схему». Такая стратегия неспособна отслеживать неопределенность как характеристику окружающего, случайный характер явлений, альтернативные варианты суждений. При этом она порождает ощущение прозрачной познаваемости мира¹¹.

Подобный исторический нарратив основан на модели «прочного», предсказуемого времени, на каузальных схемах, которые авторы связывают с «пресмыкающимся детерминизмом». Подчас они зависимы от реконструированных причин и намерений, порожденным «ретроспективным искажением» прошлого, связанным с девелопментальным историзмом (М. Бевир). В исследовательской практике появление подобных нарративов, «подпитываемых иллюзорной достоверностью оглядки на прошлое», по мнению Канемана и его соавторов, характеризует «безграничную способность» обществоведов «не замечать собственно невежества»¹². При этом размер выборки фактов не имеет большого значения. В итоге рамки анализа сужаются, маловероятные события переоцениваются, и ожидания могут оказаться неверными. Более того, они порождают систематические ошибки. Канеман называет это слепотой, вызванной теорией, ставшей единственным инструментом мышления о предмете. В этих обстоятельствах все ошибки трактуются в пользу теории, и становится невероятно сложно заметить ее недостатки¹³.

Второй, когнитивно-рефлексивный тип мышления «приходит в действие, когда обнаруживается событие, нарушающее модель окружающего мира в представлении Системы 1». Он связан с недоверием к интуиции, когнитивным напряжением, «перенаправлением внимания» на слабые логические и исторические связи, непривычные объекты и обстоятельства, с разрывом устоявшихся шаблонов и внутренних установок (корректировка «эффекта привязки»), со способностью исследователя выходить за рамки предпосылочного знания. Он реализует «стратегию намеренного “обдумывания противоположного”»¹⁴. При ее помощи становится возможным занимать внешнюю позицию по отношению к познавательной традиции, сомневаться в установленных рамках фреймирования, критиковать ранее принятые эвристические ответы, заменяя их на более обоснованные и рациональные. Эмоционально окрашенные впечатления заменяются логикой, рефлексией и анализом когнитивных искажений. Перед наблюдателем встает вопрос, какая информация нужна для преодоления когнитивной легкости и зависимости от предпосылочного знания. Это требует сосредоточенной деятельности по выявлению альтернативных данных, разрушающих исходный тип фреймирования. Условиями являются глубина анализа, увеличение

¹¹ Там же: 109, 115, 118.

¹² Там же: 23, 264, 266, 390; Олейников 2021: 16–18.

¹³ Канеман 2023: 361–362; Канеман, Сибони, Санстейн 2021: 251.

¹⁴ Канеман, Словик, Тверски 2005: 397–401; Канеман 2023: 36, 81–82, 109–110, 120, 162–163, 269.

масштабов имеющейся выборки и учет разнообразных статистических законов, применение которых требует мобилизации полученных теоретических знаний. На место **когерентной истории**, порожденной каузальной логикой, приходит **контингентная история**, связанная с учетом процесса как целого, влияющих на него вероятностей и случайностей. На арену выходит когнитивно менее прозрачное, «зЫбкое» время, воплощающее непредопределенность и принципы радикального историзма, неразрывно связанного с контингентностью¹⁵.

Однако Канеман не преувеличивает роли Системы 2. Обычно она «ленива» и позволяет себе подтверждать домыслы, сформулированные в рамках Системы 1. Поэтому важнейшей стратегией становится не усложнение методологического аппарата, а умножение познавательных перспектив, заставляющее обнажать когнитивные искажения, а не прятать их в когерентном нарративе. «Когда мы используем множественные подходы, знание, которое они производят, никогда точно не конвергирует, – отмечали Канеман, Словик и Тверски¹⁶.

Развитие взглядов Канемана и Тверски было связано с критикой экономической рациональности поведения человека и породило множество подражателей. Но для наших целей более интересны труды их последователей-антропологов, прежде всего Дж. Хенрика, который встроил идеи Канемана в эволюционистскую картину мира и критиковал политологические, социально-психологические и экономические представления о рациональности человека¹⁷. Он описал социально-биологические основания когнитивистики как процесс культурно-генетической коэволюции, сделавшей человека принципиально новой формой жизни. Человек эволюционировал не столько на личном, сколько на социокультурном уровне, за счет «коллективного разума», т.е. культурных традиций, коллективных изобретений и обучения. Этот путь сделал его более сильным, но одновременно породил когнитивные искажения, не известные другим животным¹⁸. У этого процесса были противоречивые следствия. С одной стороны, социокультурная эволюция компенсирует некоторые следствия канемановой Системы 1, такие как автоматическая реакция подражания, приверженность влиянию авторитета и престижа, склонность к поиску мнимых закономерностей, преобладание причинно-следственных моделей¹⁹. Но, с другой стороны, из-за несоответствия длительности существования малых традиционных (сотни тысяч лет) и больших модернизирующихся обществ (сотни лет), формы культурной эволюции и идентичности, господствующие до сих пор и выявляемые в ходе экспериментов, в значительной степени связаны с наследием

¹⁵ Там же: 174, 545; Олейников 2021: 16–17.

¹⁶ Канеман, Словик, Тверски 2005: 401.

¹⁷ Хенрик 2024: 479–481.

¹⁸ Хенрик 2023: 14, 25, 48–51, 381.

¹⁹ Там же: 49, 167–170, 179, 395.

малых традиционных обществ и «конформистской передачей культурных знаний... Естественный отбор благоприятствует тем, кто верит в культурное наследие, в накопленную мудрость, скрытую в приемах и убеждениях, перешедших от предков, и ставит их выше своей интуиции и личного опыта». Многие люди склонны к «машинальному» или «избыточному» подражанию традиционным практикам, включающим копирование ненужных действий и тех, адекватность которых сомнительна, а истоки отличаются «причинной непрозрачностью»²⁰.

Однако эта закономерность не универсальна. Большие и особенно современные общества порождают изменение социальных институтов. Нуклеарная семья или смена конфессии разрушают интенсивное родство и родовые кланы, традиционность и авторитаризм. Соответственно изменяется строение «коллективного мозга», в который включаются все новые массы людей и выстраиваются новые формы их взаимодействия. Это приводит, по мнению Дж. Хенрика, к соответствующим изменениям в психологии, которая переориентируется с кооперации с родственниками на кооперацию с незнакомцами и демократию. Соответственно, коллективистская идентичность сменяется индивидуалистической. В этих условиях возникают компенсаторные механизмы развития культуры, такие как массовая грамотность, университеты, «республики ученых», критическое отношение к античной традиции, публикация научных достижений в Западной Европе раннего Нового времени. Они создали новые стандарты «убедительного» и «обоснованного» знания, способствуя наращиванию роли Системы 2. Трансформировались механизмы мышления, представления о жизни как игре с нулевой суммой претворились в образ игры с положительной суммой, что убеждало в эффективности умственного труда, использования профессиональных знаний и возможности прогрессивных изменений²¹.

Функции архаичных форм мышления в современном модернизированном и глобализирующемся мире больших «воображаемых сообществ» различны и противоречивы. «Избыточное подражание», являющееся условием поддержания репутации, формирует как культурные особенности местных групп населения, так и способность различать эти группы. «Культурно-генетическая коэволюция создает множество причин, по которым наш вид склонен копировать все шаги без исключения или педантично следовать местным протоколам», – отмечает Дж. Хенрик. В разных регионах подобная склонность имеет разные последствия. В одних рождается слепота к культурным контекстам, «склонность... изолировать и рассматривать людей и предметы по отдельности., игнорируя все, что происходит вокруг, жители Запада не видят людей и предметы в контексте... и не учитывают контекст по умолчанию». Напротив, в других регионах более «контекстозависимые» жители незападных стран (что подтверждается экспериментально) склонны

²⁰ Там же: 89–90, 160, 171–174, 432.

²¹ Хенрик 2024: 395–482; Хенрик 2023: 402.

распознавать культурные контексты, «составлять карту мира невероятной культурной сложности и маневрировать в нем». Вместе с тем в рамках подобных «фолк-социологий» границы групп и их поведения представляются более резкими и контрастными, чем в действительности, где они представляют собой «динамически меняющиеся шкалы и градиенты культурных вариантов»²².

Мультитемпоральность и постпарадигмальность

Актуальность идей Д. Канемана и А. Тверски об ограниченной рациональности человеческих суждений в условиях контингентности, неопределенности ситуации особенно актуальна в связи с особенностью современного периода модернизации, который отмечен не только с очевидным технологическим прогрессом, но нарастающими рисками, создающими ситуацию опасного и ненадежного или даже непостижимого и хаотичного мира, определяемого как «мир VUCA» или «мир BANI»²³. В результате образ времени из прочного, эссенциалистского и даже персоналистского («этого требует время», «время работает на нас»), становится зыбким и конструктивистским. Это отмечали социологи П. Сорокин и З. Бауман, недовольные такой ситуацией²⁴. По словам Баумана, историческое время теряет свою «прочность» (я бы сказал: «жесткость» векторности) и становится все более «текучим» (я бы сказал: «зыбким»), относительным. В связи с этим образ игры с положительной суммой становится неочевидным. Х. Йордхайм пишет, что возникли «пронизывающие друг друга темпоральные режимы... множество темпоральных шкал»²⁵. В условиях «зыбкого» времени З. Баумана раздражала недоступность исторической истины. Он полагал, что когнитивные карты стали «чересчур подвижны». «В атмосфере беспокойства, растерянности и тревоги» у политических элит рождаются эксклюзивистские картины прошлого и настоящего. Для преодоления кошмаров неопределенности настоящего истеблишмент использует политику памяти и идентичности, концепт исторического наследия, создает «царство веры... прославления того, что есть наше и что исключает других»²⁶. Бауман связывает это движение с трибализмом и характеризует его как стремление «назад к племенам», Дж. Хенрик именует продукты подобного фреймирования «квазиплеменами»²⁷.

Как показывает когнитивистика, росту неопределенности соответствует эмоциональный фрейминг, связанный с Системой 1 по Канеману. Ему свойственна «бескомпромиссно разделяющая/разъединяющая логика или/или...», – пишет З. Бауман, – «она» становится столь же очевид-

²² Там же: 173–174, 308–311, 402.

²³ Cascio 2020.

²⁴ Ионов 2021.

²⁵ Йордхайм 2021.

²⁶ Бауман 2019: 56–70, 145–147, 151–156.

²⁷ Там же: 56; Хенрик 2023: 309.

ной, сколь и обязательной, а противоположная логика “и-и” отвергается, и тогда даже мысли нельзя допустить об отказе делать однозначный и бесповоротный выбор. Этот фрейминг включает ориентацию на прошлое и механизм веры, а не анализа. «Под тяжестью потерь и перемен мы продолжаем жить, цепляясь только за остатки стабильности... Прошлое восхищает больше, являясь царством веры, а не фактов... Одурманенные своим наследием, слепые к наследию других, мы не только избегаем сравнения, но и лишаемся пользы от него», – цитирует Бауман²⁸ историка и географа Д. Лоуэнталя. Однако неприятие ситуации неопределенности и хаотичности мира столь велико, что значительная часть населения видит в механизмах Системы 1 единственную опору в жизни, и с помощью психотерапевтов прибегает, например, к **конструированию** фокусировок (Канеман называет это «фокализмом») для повышения личных жизнестойкости и оптимизма²⁹. Это связано с деформацией восприятия прошлого. «Ошибка, возникающая из-за иллюзии фокусировки, – писал Канеман, – состоит во внимании к избранным моментам и игнорировании того, что происходит в остальное время»³⁰.

Подобное отношение к прошлому связано с особенностью Системы 1, которая опирается на отдельные впечатления, дискретные эпизоды, порой на случайные и маловероятные события, ограниченные узкими рамками. Она сосредоточена на внимании к критическим моментам, прежде всего на пике и при завершении памятных событий, но не на самом процессе в его разнообразии. «Длительность игнорируется», отмечал Канеман. Мозг, с успехом сочиняющий хорошие истории на базе описания последовательности моментов, оказывается плохо приспособлен к анализу течения процессов, к восприятию исторического времени. «Система 1 с готовностью подменяет целое малой частью. Любая сторона жизни, на которую человек обращает внимание, становится главной в глобальной оценке»³¹. Только широкие многомерные рамки, включающие целый ряд познавательных перспектив в их взаимодействии, такие как концепция трех времен, (событийного, конъюнктурного и длительной временной протяженности), разных порядков и социальных иерархий Броделя, прямо предназначенные для того, чтобы задать истории «другие вопросы» могут противостоять фокализму (если бы сам Бродель во имя логики не преуменьшал значение некоторых из них)³². Эти широкие рамки связаны с Системой 2, включающей ощущение длительности и процессуальности, интегральное восприятие всей суммы событий. Непременным условием ее включения является рефрейминг – смена и взаимодействие различных стратегий фреймирования (познавательных перспектив, когнитивных карт). Поэтому противоречия и даже стол-

²⁸ Бауман 2019: 57, 65.

²⁹ Бауман 2017.

³⁰ Канеман 2023: 532.

³¹ Там же: 393, 444, 525–526, 531–532.

³² Бродель 1992: 8–10, 44–51, 81, 641, 644; Бродель 2000.

кновения разных систем мышления в мире VUCA или BANI усиливаются, и одним из полей этого процесса стал цивилизационный подход³³.

Эту ситуацию усугубляет то, что авангардная роль в изучении цивилизаций перешла от историков к политологам и исследователям международных отношений, связанным с политикой, локальными идентичностями, метафизически и идеологически нагруженными моделями прошлого. Именно политологи первыми заговорили о «цивилизационном ренессансе» (*revival*)³⁴. Он был следствием дискуссии вокруг книги С. Хантингтона о перспективах столкновения локальных цивилизаций и ответного движения за диалог цивилизаций, заручившегося покровительством ООН³⁵. Исследователь цивилизационного дискурса Г. Беттидза в ходе анализа деятельности организации ООН «Альянс цивилизаций» отметил мысль работавшего с ней итальянского политика: «Хантингтон задел за живое, потому что он, кажется, определил фундаментальное направление в международных отношениях XXI века. Теперь важно не только экономическое развитие или военная мощь, продвижение прав человека и демократии, но и идентичность. В то время как права человека могли быть главной темой второй половины XX в., актуальный вопрос сегодняшнего дня – признание коллективной идентичности, вопреки глобализации и (власти) экономической технократии»³⁶.

Для международных отношений центральной является также проблема коммуникаций, требующая рассмотрения картины мира с разных сторон. Политологи Р. Сил и П. Катценштейн, ставший одним из инициаторов новой волны цивилизационных исследований, выдвинули в связи с этим методологическую концепцию «аналитического эклектизма». Она оставляет за учеными право на выбор предпочтительного способа фреймирования мира, но при этом поддерживает инклюзивистский идеал, так как не признает ни за одним из способов фреймирования права на безошибочность, не оставляя причины, логически запрещающей использовать другие способы фреймирования. Напротив, поощряется поиск механизмов взаимодействия теорий, представляющих разные парадигмы. Для этого необходимо выделить, интерпретировать и воссоединить аналитические элементы, концепты, логики, структуры теорий или нарративов, которые развивались в рамках разных парадигм, выявлять соединяющие их скрытые связи и элементы взаимодополнительности. Теоретики учитывают многослойность, сложную структуру парадигм, сочетающих метатеоретические допущения, конкретные дисциплинарные теории и кумулятивное знание. Среди парадигм политологи выделяют три основные группы: сторонников *Realpolitik*, ориентирующихся на анализ конфликтов стран и их причин, неолибералов, преимуще-

³³ Канеман 2023: 480, 533–534.

³⁴ Davutoğlu 2014: VII–XII.

³⁵ Хантингтон 2003; Абулмагд, Ариспе, Ашрави 2002.

³⁶ Bettiza 1995: 1, 8.

ственно занятых анализом контактов и взаимодействий в мире, и конструктивистов, стремящихся понять, как акторы политики понимают свой мир и свою идентичность. В поиске связей между этими направлениями они опираются на работы П. Фейерабенда и Л. Лаудана³⁷.

В этом же направлении развиваются отечественные представления о цивилизациях. К 2010 г. в центр внимания интеллектуальной истории попали метафизические (метатеоретические, по словам Сил и Катценштайна), образные и нарративные формы цивилизационных исследований, роль предпосылочного знания и когнитивных искажений³⁸. Однако надо подчеркнуть, что эти параллельно развивающиеся представления о цивилизациях имеют разный пафос – объективистский и идеологизирующий в одном случае и конструктивистский и диалогический – в другом. Именно диалог конструктивистов с их коллегами составляет ядро дискуссии, начало которой положили Р. Сил и П. Катценштайн.

Особенности цивилизационного ренессанса

Цивилизационный дискурс создавался дилетантами: писателем Шатобрианом, ботаником Н.Я. Данилевским, преподавателем математики О. Шпенглером. Он строился на базе малых выборов, включающих небольшие группы населения (светское общество, интеллигенцию), ориентированных на избранные исторические явления, использование эффекта привязки, основанного на идентичности и вводящего бинарные оппозиции: цивилизация и варварство, Восток и Запад, центр/периферия, прогресс/застой, демократия/деспотия и т.п. Тем не менее, этот дискурс успешно воспроизводился на основе влияния авторитета и повторов, закрепляющих его в культуре. До последнего времени его отличали поиск мнимых закономерностей, когнитивная легкость, избирательное отношение к фактам, эмоциональный и идеологизированный подход, что напоминает Систему 1 Канемана. Специальные знания историков (Система 2) использовались в основном для подтверждения метафизических схем. Э. Трельч писал, что в выведенных исследователями цивилизаций «социальных законах... всегда уже заключены очень большое превышение эмпирии... полнота фантазии, душевной настроенности... [они] абстрагированы от опыта и истории... преисполнены... различными видами своеобразного оптимизма, телеологии, мудрствования, сентиментальности, эстетических и религиозных чувств». Эти теории представляют собой дедуктивно развернутый вариант идеалов Французской революции, английского джентльмена и американской демократии³⁹.

В основе линейно-стадиальных моделей цивилизации, доминировавших в то время, лежал историцизм (девелопментальный историцизм), который Поппер критиковал за его эмоциональность, патологически развитую приверженность причинно-следственным связям и закономерностям («исторический историцизм»), и за проекцию на большое общество

³⁷ Sil, Katzenstein 2011: 3–11.

³⁸ Ионов 2007: 66–108.

³⁹ Трельч 1992: 124–125.

героических идеалов малого, за племенные корни, о которых писали Канеман и Хенрик. Для Поппера высоко когерентные схемы Шпенглера и Тойнби были результатом детских травм, плодом «надежды и веры человека, достоинство которого унижено». Поэтому они выносили представления о силе, ответственности и прогрессе человека на внешние, «объективные» факторы. Поппер низводил то, что они называли «законами истории» до уровня «квазитеорий» и «общих интерпретаций»⁴⁰.

В духе девелопментального историзма и принципа игры с нулевой суммой до последнего времени трактовалось и развитие цивилизационных представлений от линейно-стадиальных схем до локальных моделей цивилизации. Парадигмальный подход к предмету диктовал восприятие их отношений в форме бинарной оппозиции и выстраивал ее либо по логике развития (от европоцентристской линейно-стадиальной к локальной цивилизации, либо по логике деградации, от универсальной к расистской локальной цивилизации)⁴¹. Но на этапе цивилизационного ренессанса ситуация изменилась. Начинается поиск альтернативных примеров, позволяющих разрушить привычные рамки фреймирования. В гуманитарной географии Д.Н. Замятина, изучающей когнитивные карты, господствует принцип игры с положительной суммой, и выдвигается задача мультиплицирования познавательных перспектив и конструирования множества образных географий, рефреймирования когнитивных карт в дискурсах глобализации/глокализации/регионализации⁴². Подобный подход характерен для современной эпохи. Он опирается на идеал множественности образов универсальной цивилизации, цивилизации-гегемона и контргегемона, автономной цивилизации, цивилизации-спутника, пограничной цивилизации, цивилизации-государства. При этом задача исследования в традиции конструктивистского анализа национального дискурса предполагает не только верификацию этих моделей, но и анализ ресурсов, которыми располагает общность для создания, распространения и поддержания того или иного цивилизационного дискурса⁴³. Цивилизация предстает как многоликая совокупность дискурсивных процессов, осуществляемых в разных временных измерениях на базе радикального историзма и стратегического (мультиперспективистского) презентизма⁴⁴, учитывающего разные тенденции развития современности.

Когнитивная легкость сменяется когнитивным напряжением. Происходит деконструкция реифицированных моделей цивилизационного развития и когерентных нарративов на эту тему. Цивилизация рассматривается как инструмент фреймирования прошлого, создаваемая специалистами когнитивная карта, несущая предпосылочное знание, кото-

⁴⁰ Поппер 1992:15–20.

⁴¹ Callot 1954: 2-7, 72-90, 96-97, 198, 201, 243-247.

⁴² Замятин 2024.

⁴³ Брубейкер 2012: 16, 25–26, 34.

⁴⁴ Олейников 2021:15–20.

рое необходимо критиковать, корректировать и дополнять. Для разделения предпосылочного и прибавленного знания было постулировано, что «регионы – это не факты, а артефакты – наших интересов, фантазий, нашей потребности знать, помнить, забывать», одновременно объект и инструмент познания. Получалось, что и историческое знание о цивилизациях как плод такого фреймирования сочетает черты знания о фактах и артефактах⁴⁵. Отношение к представлению о цивилизациях как конструктах меняло образы их центра и периферии, коммуникаций и развития. Они существенно релятивизировались. Ставший во главе новой эпохи изучения цивилизаций социолог Й. Арнасон писал о роли культурной традиции не как о фундаменте цивилизации, наборе культурных кодов, цементирующих общество, а в духе Х. Бабы – как особом, динамически развивающемся пространстве коммуникации: «Культурные ядра цивилизаций не являются неизменными и застывшими наборами решений или образов, применяемых во всех случаях. Их следует рассматривать не как окончательные решения, а как контуры возможных проблем и споров»⁴⁶. Ядро цивилизации у Р. Коллинза не может быть целостным и сущностным. Оно дистанцировано от государства или империи, имеет характер интеллектуальной сети, которая связывает конкурирующие части цивилизации в единое коммуникативное сообщество, внутри которого конфликты интеллектуалов производят культуру. История цивилизаций становится контингентной, открытой для все новых познавательных перспектив, в соответствии с требованиями Системы 2 Канемана. В результате, как писал еще Ф. Бродель, главной для гуманитария, изучающего цивилизации, становится работа на границе: исторического и логического, рационального и иррационального, закономерного и случайного. «Для меня история – это сумма всех возможных историй, всех подходов и точек зрения – прошлых, настоящих и будущих, – писал Ф. Бродель. – Я считаю ошибочным только одно: выбрать одну из этих историй, а всеми остальными пренебречь»⁴⁷.

Междисциплинарное движение в сторону новых познавательных перспектив маркирует современные модели цивилизации, тесно связанные с цивилизационным ренессансом. К ним принадлежит, в частности, ряд работ экономиста А.А. Аузана, опирающегося на идеи поведенческой экономики Канемана идвигающегося от проблематики институциональной экономики к социокультурной экономике, очень близкой истории цивилизации. Переходным мостиком ему послужила теория неформальных институтов, что включает элементы социологии и культурологии, предполагает смену познавательных перспектив и инклюзивистский научный анализ. В центре его внимания контингентность феномена цивилизации: экономистов волнуют ценности и поведенческие установки, появившиеся в результате «ошибки первоначаль-

⁴⁵ Appadurai, Guneratne, Bhabha, Collins 1997: 5, 23.

⁴⁶ Цит по.: Ионов 2015: С. 281.

⁴⁷ Бродель 2000: 128.

ного институционального выбора» и закрепленные в культуре как «эффект колеи». Они «могут тормозить или стимулировать экономическое развитие через структуру и уровень транзакционных издержек». Это открывает возможность для использования больших выборок, материалов клиометрии и компаративных статистических исследований глобального уровня, ломающих шаблоны предпосылочного знания, связанные с самоидентификацией, корректирующих первичные фокусировки и привязки, ставшие традиционными для экономической науки. Специфика современной модели презентистского режима историчности состоит в том, что углубление знаний о прошлом возможно не только за счет анализа исторических источников, но и за счет углубления представлений о современных проблемах и разнообразных путях их решения. Поэтому работы экономистов как минимум служат для разрушения когерентных моделей цивилизации и как максимум прокладывают путь к контингентной истории цивилизации⁴⁸.

Цивилизационный ренессанс соответствует поступательному движению в пространстве двусистемной модели мышления Д. Канемана и А. Тверски. Некоторые из его проявлений (конструктивистские подходы П. Катценштейна, Й. Арнасона, А.А. Аузана, Д.Н. Замятина и др.) связаны с изменением структуры мышления: падением влияния Системы 1 Канемана и ростом влияния Системы 2. Соответственно замечен переход от создания философских или дисциплинарных, основанных на малых выборках высоко когерентных эксклюзивистских, причинно-следственных нарративов, отличающихся когнитивной легкостью, в структуре которых большую роль играет идентичность и предпосылочное знание (фокусировки и привязки), основанные на представлениях о «прочности» времени и конституирующем характере отдельных событий – к созданию междисциплинарных и постпарадигмальных, инклюзивистских нарративов контингентной истории, анализирующей влияние случайностей в истории («эффект колеи»), основанной на больших выборках и статистических исследованиях, порождающей когнитивные напряжения, ориентированной на корректировку предпосылочного знания, основанной на представлении о «зыбкости» времени, радикальном историзме и стратегическом презентизме. Можно в связи с этим говорить о столкновении познавательных идеалов в рамках цивилизационного подхода? Мы узнаем об этом, углубляя исследования в этой интересной области.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Абулмагд А.К., Ариспе Л., Ашрави Х. и др. Преодолевая барьеры: Диалог между цивилизациями / Под ред: П. Капицы. М.: Логос, 2002 [Abulmagd A.K., Arispe L., Ashravi H. i dr. Preodolevaya bar'ery: Dialog mezhdru civilizacijami (Overcoming barriers: Dialogue among Civilizations) / Pod red. S.P. Kapicy. M.: Logos, 2002].
- Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007 [Ankersmit F.R. Vozvyshennyj istoricheskij opyt (Sublime historical experience). M.: Evropa, 2007].

⁴⁸ Аузан, Никишина 2021: 8–9, 109–125.

- Аузан А. А., Никишина Е.Н. Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика – на культуру: курс лекций. М.: Экономический факультет МГУ, 2021 [Auzan A. A., Nikishina E.N. Sociokulturnaya ekonomika: kak kul'tura vliyaet na ekonomiku, a ekonomika — nakul'turu: kurs lekcij (Socio-cultural economics: how culture affects the economy, and the economy affects culture: course of lectures). M.: Ekonomicheskij fakul'tet MGU, 2021].
- Бауман З. Ретротопия. М.: ВЦИОМ, 2019 [Bauman Z. Retrotopiya (Retrotopia). M., 2019].
- Бауман Н. Мысли делают нас. Практика фокусировок. М.: АСТ, 2017 [Bauman N. Mysli delayut nas. Praktika focusirovok (Thoughts make us. The practice of focusing). M.: AST, 2017].
- Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000: 211–220 [Bateson G. Ekologiyarazuma. Izbrannyye stat'i po antropologii, psihiatrii i epistemologii (The ecology of the mind. Selected articles on anthropology, psychiatry and epistemology). M.: Smysl, 2000. S. 211–220].
- Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории / Под ред. И.С. Кона. Благовещенск: РИО БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000: 115–142 [Braudel F. Istoriya i obshchestvennyye nauki. Istoricheskaya dlitel'nost' (History and social sciences. Historical duration) // Filosofiya i metodologiya istorii/ Pod red. I.S. Kona. Blagoveshchensk: RIO BGK im. I.A. Boduena de Kurtene, 2000. S. 115–142].
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. В 3 тт. Т. 3. Времямира. М.: Прогресс, 1992 [Braudel F. Material'nayacivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. V 3 tt. T. 3. Vremyamira. M.: Progress, 1992].
- Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: НИУ «ВШЭ», 2012 [Brubaker R. Etnichnost' bez grup (Ethnicity without groups). M.: NIU «VShE», 2012].
- Замятин Д.Н. Вообразить Россию: к становлению геокультур и метагеографий Северной Евразии. СПб.: Алетея, 2024 [Zamyatin D.N. Voobrazit' Rossiyu: k stanovleniyu geokul'tur i metageografij Severnoj Evrazii (Imagining Russia: towards the formation of geocultures and metageographies of Northern Eurasia). Spb.: Aleteya, 2024].
- Ионов И.Н. Коррекция темпорального режима и проблемы теории истории. Ст. 3 // Диалог со временем. 2021. Вып. 75: С. 20–36 [Ionov I.N. Korrekciya temporal'nogo rezhima i problem teorii istorii (Correction of the temporal regime and problems of the theory of history). St. 3 // Dialog so vremenem. 2021. Vyp. 75. S. 20–36].
- Ионов И.Н. Мировая история в Глобальный век. Новое историческое сознание / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: Аквилон, 2015 [Ionov I.N. Mirovaya istoriya v Global'nyj vek. Novoe istoricheskoe soznanie (World history in the Global Age. New historical consciousness) / Otv. red. L.P. Repina. M.: Akvilon, 2015].
- Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: Наука, 2007 [Ionov I.N. Civilizatsionnoe soznanie i istoricheskoe znanie: problem vzaimodejstviya (Civilizational consciousness and historical knowledge: problems of interaction) / Otv. red. L.P. Repina. M.: Nauka, 2007].
- Йорджайм Х. Множественное время и стратиграфии истории // Логос. Т. 31. № 4. 2021 С.95–118 [Jordheim H. Mnozhestvennoe vremya i stratigrafii istorii (Plural time and stratigraphy of history) // Logos. T. 31. № 4. 2021 S. 95–118].
- Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2023 [Kahneman D. Dumajmedlenno... reshajbystro (Think slowly... decide quickly). M.: AST, 2023].
- Канеман Д., Сибони О., Санстейн К.Р. Шум. Несовершенство человеческих суждений. М.: АСТ, 2021 [Kahneman D., Siboni O., Sanstein K.R. Shum. Nesovershenstvo chelovecheskih suzhdenij (The imperfection of human judgments). M.: AST, 2021].
- Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. Харьков: Изд-во Институт прикладной психологии «Гуманитарный Центр», 2005 [Kahneman D., Slovik P., Tversky A. Prinyatiereshenij v neopredelennosti: Pravila i predubezhdeniya (Decisionmaking under uncertainty: Rules and biases). Har'kov.: Izd-vo Institut prikladnojpsihologii «GumanitarnyjCentr», 2005].
- Олейников А.А. Время истории // Логос. 2021. Т. 31. № 4: 5–30 [Olejnikov A.A. Vremyaistorii (The time of history) // Logos. 2021. T. 31. № 4. S. 5–30].
- Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. В 2 тт. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М.: Культурная инициатива, 1992. [PopperK.R. Otkrytoeobshchestvoiegovragi. V 2 tt. T. 2. Vremyalzheprokov: Gegel', Marks i drugie orakuly (The Open Society and its enemies. In 2 vols. Vol. 2. The time of false prophets: Hegel, Marx and other oracles). M.: Kul'turnayainiciativa, 1992].

- Трельч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории. М.: Юрист, 1994 [Troelch E. Istorizm i ego problemy. Logicheskaya problema filosofii istorii (Historicism and its problems. The logical problem of the philosophy of history). М.: Yurist, 1994].
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003 [Huntington S. Stolknovenie civilizacij (Clash of Civilizations). М.: AST, 2003].
- Хенрик Дж. Самые странные в мире. Как люди Запада обрели психологическое своеобразие и чрезвычайно преуспели. М.: АСТ, 2024. [Henrik J. Samye strannye v mire. Kak lyudi Zapada obreli psihologicheskoe svoebrazie i chrezvychajno preuspeli (The strangest in the world. How Westerners gained psychological originality and extremely succeeded). М.: AST, 2024].
- Хенрик Дж. Секрет нашего успеха. Как культура движет эволюцией человека, одомашнивает наш вид и делает нас умнее. М.: АСТ, Corpus, 2023. [Henrik Dzh. Sekret nashego uspekha. Kak kul'tura dvizhet evolyuciej cheloveka, odomashnivaet nash vid i delaet nas umnee (The secret of our success. How culture drives human evolution, domesticates our species and makes us smarter). М.: AST, Corpus, 2023].
- Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М.: Новое литературное обозрение, 2018 [Espagne M. Istoriya civilizacij kak kul'turnyj transfer (History of civilizations as cultural transfer). М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018].
- Appadurai A., Guleratne A., Bhabha J., Collins S. Area Studies, Regional Worlds: A White Paper for the Ford Foundation. Chicago: The University of Chicago Press, 1997.
- Bettiza G. Empty Signifier in Practice: Interrogating the «Civilizations» of the United Nations Alliance of Civilizations // European University Institute. Robert Schuman Centre for Advanced Studies. RELIGIOWEST. Florence, 2014/95. P.1–29.
- Callot E. Civilisation ou civilisations? Recherche d'une philosophic de la culture. P., 1954.
- Cascio J. Facing the Age of Chaos / Medium. 29 April 2020.
- Davutoğlu A. Civilizational Revival in the Global Age // Civilizations and World Order. Geopolitics and Cultural Difference / Ed. F. Dallmayr, M. A. Kayapınar, İ. Yaylacı. Lanham, Boulder, New York etc.: Lexington, 2014.
- Russia as Civilization: Ideological Discourses in Politics, Media and Academia / Ed. by K.J. Mjør and S. Turoma. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2020.
- Sil R., Katzenstein P.J. Beyond Paradigms. Analytic Eclecticism in the Study of World Politics. Basingstoke: PalgraveMacMillan, 2011.
- Sztompka P. Civilizational Incompetence: The Trap of Post-Communist Societies // Zeitschrift für Soziologie. Jg. 22. Heft 2. April 1993. S. 85–95.
- Zhang Weiwei. The China Wave: Rise of a Civilizational State. Singapore: World Century Publishing Corporation, 2012.

Ионов Игорь Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, cih@igh.ras.ru

Civilizational Revival and Cognitive Science

The article analyzes the process of reviving interest in the civilizational approach, which has manifested itself in various fields of knowledge. It is proposed to look for the roots of the specificity of the models they propose in the interaction of different models of thinking. The author analyzes the two-system model of thinking of D. Kahneman and A. Tversky, as well as the theory of cultural-genetic co-evolution of J. Henrik. They demonstrate the role of forms of thinking that have developed in small traditional societies in the analysis of the history of large and modernized societies (civilizations). The significance of contingency and multitemporality of the modern stage of modernization is analyzed, forcing researchers to resort to post-paradigmatic, multi-perspective approaches to the history and images of civilizations (P. Katzenstein, D.N. Zamyatin). Examples are given of differences between old and new approaches to the history of civilizations. A movement towards contingent history in the sociocultural economy of A.A. Uzan is shown.

Key words: *civilizational revival, cognitive science, cognitive bias, post-paradigmality, multi-perspectival presentism, reframing, state-civilization, sociocultural economics.*

Igor Ionov, Ph.D. in History, senior research fellow, Department of Historical and Theoretical Studies, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, cih@igh.ras.ru

К ВОПРОСУ О ЛАНДШАФТНОМ ВАРВАРСТВЕ

В статье рассматривается проблема влияния природно-географических и климатических факторов на формирование агрессивного злонамеренного поведения человека в процессе его исторической эволюции. В качестве когнитивного образа предложена концепция ландшафтного варварства, характеризующего взаимодействие человека с природными системообразующими факторами, что обуславливает прямое или косвенное формирование способностей человека существовать в разных условиях природной среды, и влияет на его социальное поведение. Через эволюцию человека антропогенного периода ландшафтное варварство представлено дополняющим компонентом истории варваров. Обозначена структура междисциплинарных подходов, направления исследования и прогностические возможности преодоления экологической валентности варварства. Отмечен эвристический потенциал изучения зависимостей человека от природно-географической среды обитания, взаимосвязь его варварского поведения с климатическими условиями выживания и жизнедеятельности.

Ключевые слова: *варварство, ландшафтное варварство, эволюционно-исторический процесс, природно-климатические условия, агрессия, мобильность.*

Современные исследователи, затрагивающие проблему варварства, соглашаются с античными греками в том, что варварство – это состояние, не «обработанное» гармоничным общественным устройством. Допускается, что оно определяется внешними (окружающая обстановка, когнитивные переменные), а также внутренними факторами, отражающими характерные черты и склонности конкретного человека¹. Однако трудноуловимому природно-географическому компоненту формирования агрессивных злонамеренных действий внимание уделяется по-прежнему недостаточно. Природно-географическая среда обитания связана с образом жизни человека, с его стремлением постоянно менять окружающий природный мир, покоряя и приспособлявая к своим потребностям. Но в процессе этих преобразований в человеке зачастую прорываются агрессивные деструктивные начала, склонность к насилию, злодейству и варварству. Ландшафтное варварство – это оценочная характеристика бесчеловечного, дикого поведения, враждебного, злонамеренного действия, жестокого, злобного поступка, побуждаемого взаимосвязью природы и человека, человека и природы в условиях и состоянии природно-географической среды обитания. Варварство начинается в мире, где природа господствует над человеком, хотя не всегда непосредственно и открыто. Среди исследователей нет абсолютной уверенности, что климатические условия могут вызывать или усиливать враждебное противостояние цивилизации и варварства. Также не все разделяют и считают правомерным утверждение, что природно-географическая среда обитания оказывает чрезвычайно сильное влияние на мотивацию агрессивного злонамеренного поведения человека, определяя

¹ Zillmann 1988: 51-64; Bandura 1986; Berkowitz 1989: 59–73.

ее. Какие влияния среды обитания «питают» варварство? Что происходит с варваром, который начинал свое *зло-действие* в одном природном окружении, в одной среде обитания, а заканчивал совсем в другой? Какое воздействие на вспышки ярости оказывают температура воздуха, скудные водные ресурсы? Как сказывалась на поведении человека плотность заселения той среды обитания, где он находится? Как происходит оцивилизация варвара в «горячих» и «холодных» географических регионах? Ответ на эти и другие вопросы ищут общими усилиями историки, археологи, климатологи, этнологи, лингвисты, биологи, психологи и социологи. Как исследовательское направление современная варваристика опирается на междисциплинарный синтез, на системный анализ различных проявлений исторической трансформации варвара.

В XXI в. «возрождение» варварства развивается в парадигме взаимодействия с цивилизацией. Критическое столкновение варварства с цивилизацией становится все более очевидным и агрессивным, демонстрируя различные формы насилия. При этом на сокрушительную дегуманизацию человека, как предполагают некоторые исследователи, влияют физические параметры окружающей географической среды, которая якобы программирует жестокие, бессмысленные деяния, толкает человека к совершению злодеяния, к варварству. Сторонники «географического детерминизма» утверждают, что физико-географические условия являются решающим фактором. Им противостоят «посибиллисты», которые считают решающим фактором человека. Как известно, географический ландшафт, а именно, рельеф, климат, водный ресурс, почва, растительность и животный мир образуют с человеком *взаимобусловленное, взаимосвязанное и взаимопереплетающееся единство*, разорвать которое невозможно. Соединенность природно-географической среды обитания с образом жизни человека, с его стремлением постоянно менять окружающий природный мир, покоряя и приспособлявая к своим потребностям, прослеживается на всех этапах истории человечества². Ното *barbaricus* жил в пространстве, которое отвела ему природа, пользовался продуктами природы, строил жилища из материалов природы, разворачивал миграции с учетом времен года. Он жил в мире, где природа господствует над человеком, менял и преобразовывал свою среду обитания (украшал пещеры, держал в загонах нужных ему животных, выращивал растения). В процессе этих преобразований зачастую нарушалась экология человека, прорывались агрессивные деструктивные начала, негативная реакция и злодеяние по отношению к окружающим, т.е. совершалось варварство. В настоящее время опасность разрушительного потенциала ландшафтного варварства остро стоит в ряду актуальных исследовательских задач. Обращая внимание на значение природно-географического компонента в истории варваров, важно не забывать о социальных детерминантах поведения варвара, которое всегда направлено, прежде всего, против человека и

² Подробнее, см.: Цивилизация и варварство: ландшафтное варварство. 2024.

человечности. Изучение истории варваров в контексте природы усиливает прогностические возможности преодоления экологической валентности варварства, конкретизирует проявление способности варвара мимикрировать в разных условиях природно-социальной среды, демонстрировать возможные комбинации вариабельности.

Варвар тесно связан с окружающей природой, и эта связь существует буквально во всех сферах его жизнедеятельности, будь то труд или война. История варвара всегда разворачивается в каком-либо природном контексте, который выступает как место действия человека и во многом определяет сам характер этого действия. Но природа не является сценой, где разыгрывается трагедия варварских злодеяний, она может выступать и действующим лицом варварского процесса. Ландшафтное варварство – это также и метафоричное понятие, характеризующее взаимодействие человека с природным системообразующим фактором, что вызывает прямое или косвенное формирование способностей человека существовать в разных условиях природной среды. В ходе этого взаимодействия человек приспосабливается, упорядочивая используемые им ресурсы и меняющиеся условия жизни, в итоге эволюционно-исторически выигрывает, приобретает экологическую валентность. Но если в силу каких-либо обстоятельств его диапазон способностей не позволяет справиться, проявляется агрессия, *зло-действие*, что превращает человека в варвара и ведет к губительным последствиям. В настоящее время варваристика и денотативно, и коннотативно определяет возможное направление и структуру междисциплинарных подходов к анализу ландшафтного варварства. Учитывая, что варварство – это приобретенное ситуативное состояние, историки, археологи, лингвисты, психологи, антропологи стремятся обозначить формат причастности и соединенности разных компонентов его «вращения» в эволюционной перспективе. В ходе исследований анализируется географическое сопровождение истории варваров, интерпретация вариантов ландшафтного участия в процессе варваризации и оцивилизации человека.

Слово «ландшафт», первоначально используемый голландскими художниками, вошло в научный дискурс в качестве термина. Это целостный образ территории, характеризующий специфическую взаимосвязь природных и социокультурных форм. Природа иногда «осуществляет насилие» над человеком, вводит его в тупиковое состояние. Преодолевая подобные «сюрпризы» природы, вторгаясь в ее мир, человек может совершать насилие и агрессивные действия, но при этом его социальная природа может противостоять злобному внеприродному варварскому началу. Материальные объекты в тесной пространственной упорядоченности, возникшие в результате трансформации природного ландшафта в связи с появлением человека, создают особый культурный ландшафт. Сегодня исследователи считают более целесообразным говорить о природных и культурных элементах ландшафта. В природном, естественном состоянии – это климатические характеристики, особен-

ности географического пространства, формы суши и ее растительного покрова, почвы, гидрологические особенности рек, озер, морей и побережья. В результате адаптации человека к естественной, природной среде ландшафт проходит через ряд последовательных форм культурного процесса. Вместе с человеком он проживает определенную историю, в течение которой постепенно меняется, видоизменяя и самого человека. Имеющиеся отрывочные данные письменных источников не всегда позволяют представить целостную картину перемен в человеке, связанных с природными катаклизмами. Адаптивные транзиты, темпы и роли экологического сценария, а также биолого-социо-географических взаимоотношений между человеком и природой, ученым еще предстоит оценить дополнительными исследовательскими усилиями.

Истоки агрессивного поведения следует искать уже в эволюции человека антропогенного периода, когда он сам превращался в движущую силу эволюционно-исторического процесса. К настоящему времени понятие эволюция утратило свою жесткую связь с эволюционной теорией Ч. Дарвина. Оно подтверждено и стало фундаментальным в рамках общей теории эволюции³. Эволюционные тенденции имеют необратимый характер и касаются не только людей, но и физической среды обитания⁴. Окружающие природные условия могут изменить жизнь человека, характер и мотивацию его поведения. Человек существо биологическое, природное, обладающее множеством специфических проявлений, однако у него помимо биологического начала присутствует и начало социальное. Обретая способность адаптироваться к окружающей среде в процессе борьбы за удовлетворение жизненных потребностей, племенные сообщества в определенных обстоятельствах оказывали влияние на окружающий их природный мир. В антропогенный период, характеризующийся сложным и противоречивым взаимодействием человека и природы, великое разнообразие природно-географической реальности на евразийском континенте обусловило как отличие, так и сходство условий обитания человека. Перемещение людей, их мобильность сдерживалась географическими факторами – лесами, океанами, ледниками. Двигаясь в поиске необходимых для жизни ресурсов, человек осваивал обширные пространства и территории. Исследователи полагают, что генетическое и фенотипическое свойство приспособления к окружающей среде имело не только физиологический, но и культурный характер, в данном случае, как адаптивная экологическая ниша⁵. Срабатывала изобретательная способность человека, который выходя из природы и двигаясь в историю, не только выживал и приспособлялся, но и создавал свой особый культурный ландшафт.

Проходя постоянную топографическую эволюцию, ландшафты, также претерпевали большие изменения. В период похолодания форми-

³ Моисеев 1990.

⁴ Лазуков 1981: 206–216.

⁵ Facchini 1993: 51–66.

ровались лёссы, которые в толщину могли достигать несколько метров. В длительные эрозионные периоды вершины холмов подвергались значительной «полировке». Непрерывно менялась флора и фауна, а в периоды похолодания так называемая «мамонтная степь» простиралась на тысячи километров. По берегам рек тянулись галерейные леса, а в периоды умеренного, и даже жаркого, климата, напротив, появлялись более или менее густые леса. Животный мир европейских ландшафтов также не оставался неизменным. Изменение ландшафта длилось тысячелетиями и его нельзя рассматривать как процесс разрыва и хаоса природы. Палеоантропологи предполагают, что человеческое существо доисторического периода, так называемый «гейдельбергский человек» был биологически приспособлен к постоянной топографической эволюции природы. Это помогало ему выживать в период наступления ледников и доминирования холодных температур. Бездушно-эволюционной стихии природы подвергались и неандертальцы, но их телосложение уже было адаптировано к климатическим катаклизмам. Исследователи полагают, что время неандертальцев – это эпоха стирания различий в Европе: один единственный тип человека – неандерталец, одна технологическая платформа – Леваллуа, единый культурный фонд – Мустье⁶. На всем лежал отпечаток единообразия, что до сих пор вводит в замешательство археологов. Биоповеденческий подход позволил понять, как окружающая среда повлияла на физическую внешность неандертальца, как в процессе эволюции переплетались географические обстоятельства, биология и поведение человека. Хотя подробности восстановить невозможно, предполагают, что климат влиял на физические особенности организма архантропа, воздействуя на агрессивный темперамент его поведения. В обозримом будущем вряд ли возможен ответ на вопрос как проявлялось злодейство тех, кто находился в состоянии «становления человека».

С появлением в Европе кроманьонцев (*Homo sapiens*), которые по анатомическим параметрам идентичны современному человеку, на территории Западной и частично Центральной Европы торжествует Ориньяк – археологическая культура первой группы сапиенсов-кроманьонцев. Лингвисты полагают, что Ориньяк является археологическим выражением единой языковой семьи, но вряд ли индоевропейской принадлежности⁷, что распространение Ориньяка привело к возникновению мозаики различных языков⁸. С этого времени биологическое развитие стало замедляться, а социальное постепенно ускорялось. Известно, что неандертальцы проиграли кроманьонцам, и причина этого до сих пор является предметом острых дискуссий. Природа подарила неандертальцам временный успех. Истребляя крупных животных, они уничтожали ресурсы окружающей среды и себя. Победители легко превратились в побежденных. Около 12 тыс. до н.э. произошел великий переворот в при-

⁶ Григорьев 1987; Беляева 1998.

⁷ Otte 1997: 74–81.

⁸ Nichols 2003: 287.

роде. Резкое потепление растопило ледник на севере, на юге в ареале предгорий Ирана и Ирака оно вызвало большую засуху. В ситуации уменьшающихся запасов природной пищи, занимаясь земледелием и скотоводством, человек подошел к возможности не только существенно уменьшить свою зависимость от природы, (став сапиенсом, он стремится к этому постоянно), но и перейти к воспроизводству основных продуктов питания. Распространение сельского хозяйства за несколько тысячелетий полностью изменило для человека условия жизни, привело к увеличению числа людей, их повышенной мобильности, вызвало первые проявления агрессии по отношению к окружающей среде под воздействием перемещения из средиземноморского региона в более лесистую местность с умеренным климатом.

Генетические подходы вновь оживили дискуссию по поводу смены племен в Европе. Опираясь на данные митохондриальной ДНК и хромосомы Y, исследователи склоняются к мысли, что первые земледельцы Европы лишь слегка повлияли на генетическое наследие современных европейцев⁹. Освоение новых географических ареалов зачастую сопровождалось проявлением агрессии, ярости и варварства. Достаточно хаотичное передвижение людей могло быть вызвано, как случаем, так и осознанными целями. Точные мотивы перемещений нам неизвестны. Возможно, мобильность усилилась в результате меняющегося климата, исчерпания пищевых ресурсов и обострившихся конфликтов с соседями. Однако коммуникативные потребности рождали языки с множеством «разговорных кодов». Лингвисты обратили внимание на то, что распространение сельского хозяйства могло радикально сократить лингвистическую пестроту, привести к первому массовому вымиранию языков, к появлению более единообразного лингвистического ландшафта¹⁰. Регулирующий фактор лингвистической дивергенции для человека зависел от таких переменных величин, как климат и экологическая система. Чем больше экологический риск, тем больше у человека потребность поддерживать более широкую сферу лингвистического взаимодействия. Тогда как экологически благоприятная среда, способствующая надежному выживанию, не являлась стимулом поддержания более широких изначальных связей¹¹. Вряд ли стоит связывать появление пестрой лингвистической картины исключительно с «вызовом» природы. И, тем не менее, активное общение людей, появление языка, в том числе в его агрессивном исполнении, зачастую спасало сапиенса от гибели, к которой его приговорила природная среда обитания.

Таким образом, предыстория человечества представляет уникальную модель противостояния природы человеку и зависимость человека от природы. Преодолевая стихийные бедствия и климатические катаклизмы, приспособиваясь к окружающей среде, человек создавал для

⁹ Ammerman, Pinhasi, Banffy 2006.

¹⁰ Nettle 1998: 369.

¹¹ Campbell 2002: 49–63.

себя оптимальные условия удовлетворения витальных потребностей. Он брал из природной среды материалы, создавал первые орудия труда. Эти орудия труда использовались также при защите и нападении, на охоте и убийстве себе подобных. «Вызовы» природы принуждали сапиенса к постоянным передвижениям, в процессе которых происходили столкновения. В конфликтах за территории проявлялись жестокость и агрессия, утверждался приоритет насилия, ибо не всякий ландшафт позволял древним племенным сообществам выживать. В антропогенный период связь зависимостей человека от природы нельзя в полной мере представить, не учитывая процесс выживания, который испытывала сама природа. Животный и растительный мир постоянно вел с человеком жестокую и беспощадную борьбу за существование.

Уже Античность призывала к гармонии с природой, частью которой являлся человек. Осознавая, что тягаться с природой не под силу, античный мир предложил идею состязательности с надеждой, что агностика расставит все по своим местам. Однако агон и призыв к слиянию с природой не останавливал человека, который в борьбе за существование становился все более агрессивным. Инерция этой борьбы обернулась в эпоху Великого переселения народов чередой войн и варварских насилий. Средневековье, по мере утверждения христианства, отделило мир людей от природы, рассматривая ее как нечто второсортное по сравнению с духом, формировало потребительское отношение к окружающей природной среде. Начиная с эпохи Возрождения, о *воздействии человека на природу* писали довольно часто. Значительно меньше внимания, вплоть до конца XX в., уделялось проблеме *зависимости человека от природы*. Из природы homo sapiens вышел, но от ее зависимостей не избавился. Природа вносила свой благотворный вклад и гармонизировала жизненное пространство человека. Однако природной среде человек безразличен, она вполне может обходиться и без него, заменяя свое пространство животными или растениями. Но человек, как его не социализируй, сопротивляется равнодушию природы, стремится природную среду изменить, использовать в своих целях. Вмешиваясь в природное равновесие, он, и сам того не желая, зачастую подводит свою естественную среду обитания к гибели, превращаясь в варвара. Понимание опасности уничтожения человека окружающей природной средой так же, как и человеком окружающей среды, сегодня актуально как никогда. Ландшафтное варварство – продукт этой сложной взаимосвязи и взаимозависимости и было бы недальновидно игнорировать этот взаимодополняющий компонент изучения истории варваров.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Беляева Е.В. О перспективах типологии в изучении мустьерских орудий // Изучение раннего палеолита Старого Света. СПб. 1998 [Belyaeva E.V. O perspektivah tipologii v izuchenii must'erskih orudij (On perspectives of typology in the study of Mousterian tools) // Izuchenie rannego paleolita Starogo Sveta. SPb. 1998].
- Григорьев Г.П. Ф. Борд и проблемы развития мустьерской культуры // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе. 1987 [Grigor'ev G.P. F. Bord i

- problemly razvitiya must'erskoj kul'tury (F. Bord and problems of the development of Mousterian culture) // Problemy interpretacii arheologicheskikh istochnikov. Ordzhonikidze. 1987]
- Лазуков Г.И. Взаимодействие палеолитического человека и природы // Природа и древний человек. М.: Мысль, 1981. С. 206–216 [Lazukov G.I. Vzaimodejstvie paleoliticheskogo cheloveka i prirody (Interaction of paleolithic man and nature) // Priroda i drevnij chelovek. M.: Mysl', 1981. S. 206–216].
- Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия. 1990 [Moiseev N.N. Chelovek i noosfera (Man and the Noosphere.). M.: Molodaya gvardiya. 1990].
- Цивилизация и варварство: ландшафтное варварство / Под ред. В.П. Будановой. М.: Аквилон, 2024. (Цивилизация и варварство. Вып. XII) [Civilizaciya i varvarstvo: landshaftnoe varvarstvo (Civilization and Barbarism: Landscape Barbarism) / Pod red. V.P. Budanovoj. M.: Akvilon, 2024. (Civilizaciya i varvarstvo. Vyp. XII)].
- Ammerman A., Pinhasi R., Banffy E.: Comment on «Ancient DNA from the First European Farmers in 7500-Year-Old Neolithic Sites // Science. Jun 30; 312(5782):1875. 2006
- Bandura A. Social Foundations of Thought and Action: A Social Cognitive Theory. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall. 1986
- Berkowitz L.: Frustration-Aggression Hypothesis: Examination and Reformulation // Psychological Bulletin. 106. 1989. P. 59–73.
- Campbell L. 2002: What Drives Linguistic Diversification and Language Spread? // P. Bellwood, C. Renfrew (eds.). Examining the Farming / Languages Dispersal Hypothesis. Cambridge: McDonald Institute, 49-63.
- Facchini F. 1993: La culture dans l'évolution humaine. Comptes rendus de l'Academie des Sciences. Paris, 10.1. 1989. P. 51–66.
- Mallory J.P. Migrations in Prehistoric Eurasia: Problems in the Correlation of Archaeology and Language // Proceedings of the International Conference «First Great Migrations of Peoples» under the auspices of UNESCO (UNESCO Headquarters, Paris, 19 June 2008). Paris, 2009. P. 76–97.
- Nettle D. Explaining Global Patterns of Language Diversity // Journal of Anthropological Archaeology. 17. 1998. P. 354-374.
- Nichols J. Linguistic Diversity in Space and Time. Chicago: University of Chicago, 1992.
- Otte M. The Diffusion of Modern Languages in Prehistoric Eurasia / R. Blench, M. Spriggs (eds.) // Archaeology and Language. London, New York. I. 1997. P. 74–81.
- Zillmann D. Cognitive-Excitation Interdependencies in Aggressive Behavior // Aggressive Behavior. 14. 1988. P. 51–64.

Буданова Вера Павловна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Лаборатории по исследованию цивилизации и варварства Института всеобщей истории РАН; vpbudanova@yandex.ru

On the Issue of Landscape Barbarism

The article deals with the problem of the influence of natural, geographical and climatic factors on the formation of aggressive malicious human behavior in the process of its historical evolution. As a cognitive image, the concept of landscape barbarism is proposed, characterizing human interaction with natural system-forming factors, which determines the direct or indirect formation of human abilities to exist in different conditions of the natural environment, and affects his social behavior. Through the human evolution of the anthropogenic period, landscape barbarism is represented as a complementary component of the history of barbarians. The structure of interdisciplinary approaches, the main directions of research and the prognostic possibilities of overcoming the ecological valence of barbarism are outlined. The heuristic potential of studying human dependencies on the natural and geographical environment, the relationship of his inhuman, barbaric behavior with the climatic conditions of survival and vital activity is noted.

Key words: barbarism, landscape barbarism, evolutionary and historical process, natural and climatic conditions, aggression, mobility.

Vera P. Budanova, Dr. Sc. (History), Professor, Chief Researcher of the Department of Historical and Theoretical Research of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Chief of the Laboratory of Research of Civilization and Barbarity of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; vpbudanova@yandex.ru

«ОН ОТКРЫЛ ДЛЯ МЕНЯ НОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЖИЗНИ»: ЮНГ И ТОЙНБИ

Статья посвящена проблеме влияния К.Г. Юнга на творчество А. Тойнби, особенно на его «Постижение истории». Характеризуется ситуация знакомства Тойнби с идеями немецкого ученого. Выявляются сходные основания воззрений Юнга и Тойнби. Характеризуются точки соприкосновения концепций Юнга и Тойнби, а также элементы влияния Юнга на философию историю и теорию локальных цивилизаций Тойнби. Особое внимание уделяется воздействию теории психологических типов на мышление Тойнби. Показываются попытки адаптации юнганской психологии к историческим исследованиям. Подчеркивается творческое развитие Тойнби идей немецкого ученого в историографии, что привело к синкретизму его мировоззренческих установок, нашедших отражение во всем творчестве британского историка.

Ключевые слова: А. Тойнби, «Постижение истории», К.Г. Юнг, психоистория, мифология, психологические типы, высшие религии, «уход-и-возвращение».

Реконструкция творческого влияния Юнга на Тойнби крайне затруднена, потому что предполагает поиск доказательства не только знакомства Тойнби с работами Юнга, но и того, что адресат воздействия не пришел к этим выводам самостоятельно или не заимствовал их у кого-то другого. И если сам факт знакомства сомнения не вызывает, остальные компоненты этой префигурации не столь очевидны. Неслучайно, в немногочисленных работах, где влияние Юнга на Тойнби вообще находит признание, оно рассматривается исследователями в диаметрально противоположных оценках: от полного отрицания или едва заметного влияния¹ до признания заметных откликов на него² и одного из важнейших источников его религиозно-философского мировоззрения³. Спектр оценок, лежащих внутри этой дихотомии, тоже разнообразен. Так, американский историк Дж.Г. Спаркс считает, что Тойнби шел с Юнгом параллельными путями, поскольку оба они полагали, что человеческая психика неразрывно связана с внешними проявлениями⁴. А Ричард Парес предполагает, что неудача Тойнби как историка была напрямую связана с его зависимостью от юнгианской психологии⁵.

Данное обстоятельство усугубляется тем, что Юнг не был историком и не писал исторических трудов, соответственно признание факта теоретического синтеза в сознании Тойнби требует более тонкого анализа. Отмечается разница эпистемологических позиций истории и психологии, не способствующая их продуктивному взаимодействию⁶.

¹ Stromberg 1972: 80.

² Мучник 1986: 101.

³ См., например: Рашковский 1976: 78, 80–83; Goldwert 1983: 363–366; Meyer 2007.

⁴ Sparks 2017.

⁵ Pares 1956: 258–259.

⁶ Lu 2011.

Главное препятствие видится исследователями в «недостаточной научности»⁷ и внеисторической природе юнгеанских архетипов, а также в его попытке выйти далеко за пределы исторического времени⁸. Следует отметить, что и Тойнби историки нередко отказывали в принадлежности к историческому цеху. Они подчеркивали трудности верификации его философско-исторических построений⁹, обвиняли в попытке объяснения исторического процесса в терминах биологии, в самом предположении существования определенного тождества между историческими и природными процессами¹⁰. Данная критика фиксирует несоответствие творчества Тойнби дисциплинарным установкам своего времени, для английской историографии он всегда являлся *аномальным* мыслителем. Тойнби подтверждает это в X томе, отмечая, что «находился в неблагоприятной западной ментальной среде, в которой не нашел ни одного выдающегося современного примера для подражания», но «дожил до того, чтобы осознать подсознательный источник поэзии и пророчеств, выявленный в западном мире гением Юнга». «Но прежде чем звезда Юнга взошла над моим горизонтом, пример Платона, попавший в мой кругозор, придал мне смелости расстаться с западным духом времени начала XX века, чьими оракулами были весы и разделители, потому что в глазах зашоренного западного духа единственной реальностью была та, которую можно взвесить и измерить»¹¹.

Парадоксально, но именно неисторичность Юнга, препятствующая, по мнению критиков, интеграции его концепции в историческую науку, как раз и привлекла Тойнби: «...он мало говорил о людях как о конкретных людях – “кто-то где-то” ... Они были для него выражением человеческой природы, <...> типами. Именно поэтому он и подходил для историка... Если чей-то подход основан на том, что вещи движутся во времени, ему нужен этот вневременной взгляд... Наверное, я оценил его именно за это», – признавался Тойнби в более позднем интервью¹². А еще ему очень импонировало стремление Юнга мыслить поверх дисциплинарных барьеров: «Он не останавливался на собственном профессиональном опыте. Он смотрел через разные поля человеческого знания и он видел, что то, что он выделял или замечал в этих полях, корреспондирует с его собственными открытиями, с его собственной работой – он сводил их воедино»¹³.

Ирония заключалась в том, что очень неисторичного Юнга сильно привлекала история. Он был убежден, что многое в психике человека отражает его историческое прошлое, и потому анализ сновидений, рав-

⁷ См. об этом, например: Тарнас 1995: 328.

⁸ Lu 2012: 5-6.

⁹ Коллингвуд 1980: 152–158.

¹⁰ Geyl 1955: 118-119, 157.

¹¹ Toynbee 1954, X: 228.

¹² Interview 1969.

¹³ Ibidem.

но как и лечение невротиков и психозов, не может состояться без привлечения мифологии и истории культуры¹⁴. Он подчеркивал влияние исторического контекста на формирование и проявление архетипов¹⁵. Наконец, он говорил об использовании знания о прошлом для понимания и решения трудностей в настоящем¹⁶. Описывая потрясение от этого открытия, Юнг признавался, что, изучая психический разум, «был ошеломлен “историческим” материалом. С 1906 по 1912 год я приобрел как можно больше знаний о мифологии, первобытной психологии и сравнительном религиоведении. Это исследование дало мне ключ к пониманию более глубоких слоев психики, и поэтому я смог написать свою книгу»¹⁷. Таким образом, взаимосвязь между природой и культурой фиксируется обоими мыслителями, а значит, тезис о параллельном их движении в общем направлении имеет под собой основания, хотя и не отменяет факта влияния концепции Юнга на Тойнби.

Целью данной статьи не является анализ сильных и слабых сторон, или адекватность применения Тойнби элементов глубинной психологии в своей концепции. Мой интерес связан с юнгианством как одной из мировоззренческих доминант творческого облика Тойнби, оказавшей сильное влияние на самоопределение историка.

Как следует из текста интервью для Общества Юнга, данного в 1969 г.¹⁸, очное знакомство Юнга и Тойнби состоялось во время вечеринки профессоров в Цюрихе, где Тойнби читал свои лекции. Точная дата знакомства не называется, но, по-видимому, это было в конце 1930-х – начале 1940-х. Юнг тогда «был на вершине мира» и сильно поразил Тойнби своей внутренней силой и харизмой¹⁹. Второй раз они встретились почти через десять лет, в конце 1940-х – начале 1950-х. Его интеллектуальная сила, пыл и любопытство, по словам Тойнби, все еще были сильны, но внешне он выглядел уже старым и больным. Даже отставив свои взгляды, он теперь скорее защищался, чем убеждал. Из мемуаров Юнга мы узнаем, что обе встречи состоялись по инициативе Тойнби, чтобы обсудить взгляды на мифологию. И, по мнению Юнга, обе были односторонними: «Я рассказал ему кое-что о своих идеях, но он ничего не рассказал о себе»²⁰. Тем не менее Юнг пару раз сослался на Тойнби в своих письмах и интервью, что все же свидетельствует о взаимном интересе. В частности, заявляя, что существование архетипов признано не только психологией, но и другими науками, в числе представителей истории он называет Тойнби²¹.

¹⁴ Юнг 2002.

¹⁵ Юнг 1991.

¹⁶ Юнг 1996.

¹⁷ Jung 1953: 353–356. P. 354–355.

¹⁸ Interview 1969.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Bair 2003: 402.

²¹ «Я намереваюсь продемонстрировать новые факты – например, существование

Однако заочное знакомство Тойнби с Юнгом состоялось намного раньше, в самом начале его творческого пути, когда появился английский перевод «Психологических типов»²². Это произошло не позднее конца 1920-х гг., т. е. как раз в то время, когда Тойнби вынашивал замысел «Постижения истории». Свое впечатление от прочтения этой книги Тойнби описал в небольшом эссе 1954 г.: «Первой книгой доктора Юнга, которую мне довелось прочесть, были “Психологические типы”, и хотя с тех пор прошло уже много времени, мои воспоминания об этом захватывающем опыте все еще живы. Я заново переживаю то волнение, которое охватило меня, когда я почувствовал, как в моем сознании происходят проясняющий и интегрирующий процессы <...> Это был ум, вдохновленный безграничным любопытством к сбору данных, которые на первый взгляд могли показаться разнородными: классические мифы, хорошо известные или малоизвестные эпизоды истории и биографии; отрывки из литературы более чем одной цивилизации; записи собственных клинических случаев... И все же это любопытство [...] было направленным [...] Это была ментальная сила разума, который видел, как извлечь из этих, казалось бы, разнородных “материалов” набор общих принципов человеческой психологии»²³.

Скорее всего, Тойнби заинтересовался Юнгом под влиянием Платона и Бергсона, а также опыта, приобретенного во время обучения в университете. Уже тогда он усомнился в возможностях человеческого разума, что нашло отражение в другом его юношеском эссе, написанном в последний год обучения. Оно начинается с обоснования роли воображения в историческом познании, поскольку «разум не может ни схватить изменения, ни объяснить их. Изменение остается упрямо иррациональным, непонятным, немислимым и в то же время упрямо реальным»²⁴. Этот интеллектуальный багаж делал его весьма чувствительным к идеям Юнга. Дальнейшие события мировой истории только утвердили его в этом понимании. В написанной много лет спустя книге «Цивилизация перед судом истории» (1948) Тойнби признавался, что именно «крах этих якобы научных, безличных объяснений» заставил его обратиться к мифологии. «Я чувствовал себя несколько неловко и испытывал замешательство, как будто совершил дерзкий шаг назад»²⁵.

Мысль Юнга о неразрывной связи внутреннего и внешнего в человеке сразу же захватила его. «...даже отцы эллинистической филосо-

архетипов, — наличие которых к тому же уже признано другими науками: в этнологии в виде коллективных представлений (Леви-Брюль); в биологии (Альвердес); в истории (Тойнби); в сравнительной мифологии (Керченви, Туччи, Вильгельм и Циммер, представляющие Древнюю Грецию, Тибет, Китай и Индию); в фольклоре в виде “мотивов”. — Jung 1973: 525. См. также: McGuire, Hull 1977: 326–327.

²² На немецком языке книга вышла в 1921 г., а английский перевод появился в 1923.

²³ Toynbee 1954a: 193.

²⁴ Toynbee. What the Historian Does?

²⁵ Тойнби 1995: 21.

фии не были настолько ослеплены светом только что открытого ими разума, чтобы не подозревать об иррациональной психической жизни, вызревающей под ярко освещенной поверхностью в темных глубинах подсознательного. Аристотель осознал это и заявил, что интеллект сам по себе ничего не двигает, а Платон предположил и развил это утверждение в своем мифе о душе как возничем, управляющим одновременно двумя резвыми конями разных темпераментов. В то же время детям западной цивилизации [...] была дана возможность подкрепить эти эллинские догадки, с опозданием приступив к научному исследованию подземного психического мира, который был знаком индийским и китайским современникам эллинских первооткрывателей Разума...»²⁶.

Религиозно-духовная природа человека, коренящаяся не столько в сознании, сколько в глубинах человеческой психики, полностью разделяется Тойнби. Именно подсознание, считает он, а не рациональный интеллект, является органом, посредством которого человек проживает свою жизнь ради добра или зла. Это источник поэзии, музыки, изобразительного искусства, а также канал, через который Душа общается с Богом, когда она не противится Его влиянию. «Если бы мы только могли достичь дна психического космоса, то получили бы более полное видение Бога как обители сокровенного»²⁷, – пишет он в VII томе «Постижения истории». В позднем интервью Тойнби еще раз подчеркивает значение религиозно-духовной составляющей в творчестве Юнга: «Я думаю, каждый человек религиозен – ткни пальцем достаточно глубоко – и не в последнюю очередь те, кто отрицают это. Я имею в виду ощущение чего-то, стоящего за человеческой природой универсума. В этом смысле Юнг был религиозен. Он чувствовал мистерию универсума, хотя, уверен, что не прошел бы экзамен на ортодоксию. Это другая история»²⁸. Идея Юнга о взаимосвязи внутреннего и внешнего в личном опыте человека легла на благодатную почву и нашла свое отражение в философии истории Тойнби в виде попыток найти корреляцию между историческими событиями и внутренним опытом человека. Они говорили языками разных наук, но сути об одном и том же.

Особенно явно теоретический синтез юнгеанских и тойнбианских идей заметен в послевоенных трудах британского историка. События Второй мировой войны, отозвавшиеся в сознании историка острым мировоззренческим кризисом, заставили его пересмотреть некоторые положения своей концепции и сосредоточить внимание не на локальных цивилизациях, а на высших религиях как инструментах преодоления кризиса. В VII томе он попытался непосредственно соотнести психологические типы Юнга с высшими религиями²⁹. Тойнби описывает их

²⁶ Toynbee 1934: 327–328.

²⁷ Toynbee 1954, VII: 500–501.

²⁸ Interview 1969.

²⁹ Toynbee 1954, VII: 442. В интервью Тойнби отмечает значимость этой типологии

через содержащуюся в каждой из них антитезу. Христианство и ислам он отнес к экстравертным религиям, стремящимся к богу как внешнему, трансцендентному, а индуизм и буддизм – к интровертным, тяготеющим к внутреннему, имманентному. Затем Тойнби описал каждую из них в соответствии с четырьмя функциями разума. Христианство в доктрине «Бог есть любовь» делает упор на *чувство*. Индуизм, рассматривая Бога как вездесущего, – на *мышлении*. Ислам следует *ощущениям* и учит, что религия – это факт, а Аллах – это сила. Индуизм же посредством *интуиции* открывает причину зла в виде жажды существования и спасение от него через угасание желания – нирвану³⁰. Тойнби прекрасно осознавал спорность подобных утверждений, поэтому в письме к своему другу, монаху Колумбе признавался в их предварительном характере. «Я еще не опробовал [их] ни на ком из психологов и осмелюсь предположить, что они назовут это собачьей чушью»³¹. На деле же самая резкая критика последовала со стороны историков.

Большее всего в Тойнби отзывались крайности характерной для западного мышления субъект-объектной дихотомии. Усиление в ней интровертного начала приводит, с его точки зрения, к устранению из познавательного процесса объективной реальности, в то время как усиление экстравертного – к элиминированию субъекта познания. Преодоление этой дихотомии виделось ему в признании ограниченности рационального способа осмысления истории и обращении к религиозному сознанию и мифу как феноменам, в рамках которых утверждается средство человека миру, а не противостояние ему.

Сказанное объясняет еще одну метаморфозу, произошедшую в концепции Тойнби в послевоенных томах «Постижения истории», по-видимому, не без влияния Юнга. Она связана с проблемой преемственности в истории. Признание взаимосвязи внутреннего и внешнего, а также приоритета первого над вторым неизбежно ставило вопрос о судьбе этого внутреннего при гибели цивилизации. Найденная в итоге Тойнби формула в виде сохранения внутреннего, его накопления и распространения на руинах погибшей цивилизации в очередной раз отсылает нас к концепции коллективного бессознательного Юнга. Индивидуальные и локальные структуры смертны, но накопленный ими опыт накладывает отпечаток на структуры человеческой психики и тем самым продолжается и умножается. Другими словами, континуитет существует в глубинах человеческой психики.

Влияние Юнга на философию историю Тойнби не вызывает сомнения. Гораздо труднее выявить это влияние на его теорию локальных

для своей концепции: «Я очень хорошо разбирался в истории, чтобы сделать ее своим подходом». – Interview 1969.

³⁰ Toynbee 1954, VII: 716–736. В поздней книге «Исторический подход к религии» (1956) Тойнби в очередной раз отмечает близость психологических типов основным религиям.

³¹ Toynbee, Cary-Elwes 1986: 242.

цивилизаций. Прямых ссылок на Юнга в «Постижении истории» очень мало, поэтому точки соприкосновения двух ученых скорее предполагаются, чем выявляются. Сам Тойнби нигде об этом не говорит и даже прямой вопрос интервьюера о близости некоторых положений его концепции идеям Юнга оставляет без ответа, отделившись признанием, что Юнг является первооткрывателем новых полей³². Лишь однажды Тойнби приоткрывает эту завесу, позволяя и нам думать в этом направлении. «После того как Юнг дал мне свободу Нового мира психологии, я нашел в опыте Души эквиваленты ряда явлений, которые я наблюдал в опыте Общества. Поляризация либидо (психической энергии) при столкновении с препятствием была эквивалентом раскола Социального тела (зеркала Души) после неспособности ответить на Вызов. Подавление подчиненных функций в подсознании было эквивалентом отчуждения пролетариата от господствующего меньшинства. Взрывной выброс сдерживаемого либидо был эквивалентом массовой миграции варварских военных банд, когда сдерживающие их границы уступили, наконец, место коллапсу, который был для меня символом прорыва Марибской плотины. Спасение, исходящее из подсознания, было эквивалентом спасения, исходящего от внутреннего пролетариата. [...] Проекция элементов Подсознания на внешние объекты была эквивалентом излучения элементов жизни распадающейся цивилизации на ее внешний пролетариат»³³.

Американский исследователь К. Лу, например, считает, что понимание Тойнби роста как движения по спирали, сочетающего в себе элементы повторяемости (на уровне локальных цивилизаций) и развития (в процессе духовного роста), является явной отсылкой к Юнгу. Ведь он использовал образ восходящей спирали и при интеграции архетипа в сознание (большая степень осознанности), и в процессе индивидуации (движение в сторону самости)³⁴. Однако идея постоянного накопления инновационных элементов, прорастающих в разных цивилизациях, могла быть усвоена Тойнби и под влиянием Бергсона³⁵.

Более близкой к концепции Юнга кажется тойнбианская мифология «уход-и-возвращение». Процесс индивидуации, как известно, описывается Юнгом как уход-погружение в бессознательное, встреча с Тенью, за которой следует возвращение в общество. Однако и здесь говорить о влиянии Юнга со стопроцентной уверенностью нельзя. Бергсонизанский мистик ведь тоже уходит внутрь себя для того, чтобы, пережив мистический опыт, преобразиться и вернуться к людям³⁶. Описывая поведение творческой личности, которая находит в себе си-

³² Interview 1969.

³³ Toynbee 1954, X: 225.

³⁴ Lu 2014: 58–61.

³⁵ См. об этом: Воробьева 2023: 43–60.

³⁶ Тойнби 1991: 267–288.

лы уйти от общества, чтобы найти новые смыслы и тем самым преодолеть застой и упадок, Тойнби почти явно апеллирует к Бергсону. К тому же мифологема «уход-и-возвращение» появляется уже в первом томе, а первая ссылка на Юнга – только во втором пуле томов.

Таким образом, корреляция жизненных этапов развития цивилизации с развитием психики в творчестве Тойнби, несомненно, просматривается, но отнести ее исключительно к юнганскому влиянию не представляется возможным. Несмотря на то, что Юнг, например, считал, что жизнью цивилизаций в теории Тойнби управляют именно архетипические формы, реализуя тем самым свою историческую функцию³⁷, напрашивается мысль не о заимствовании, а творческой переработке идей разных мыслителей в плавильном тигле тойнбианского творчества. В X томе Тойнби признавался, что некоторые аспекты концепции Юнга лишь *подтверждали его собственную точку зрения*³⁸. «Если бы в то время [1914–1918] я был знаком с работами К.Г. Юнга, они дали бы мне нужный ключ», «на деле же я обнаружил его в “Фаусте” Гете...»³⁹ (курсив мой. – О.В.). Действительно, некоторые компоненты концепции Тойнби, появление которых, на первый взгляд, было обусловлено аналитической психологией Юнга, могли проникнуть в его идейный багаж под влиянием других мыслителей или нескольких сразу, и оказались созвучными настроениям историка. В результате чего и состоялось то мощное обсуждение проблем символизма, духовных ценностей, смыслов бытия, траекторий развития обществ, которое присутствует на страницах работ британского мыслителя.

Однако сам факт влияния Юнга на творчество Тойнби сомнению не подлежит. Тойнби был вдохновлен психологией Юнга и заинтересован его идеей динамического взаимодействия сознательного и бессознательного, в том числе посредством психологических типов. Пару раз он даже открыто назвал себя юнганцем⁴⁰. В числе значимых фигур своей интеллектуальной биографии он безусловно отдает дань Юнгу как «навигатору» по глубинам человеческой психики⁴¹. В «Журнале аналитической психологии» за 1956 г. Тойнби заявляет, что коллективное бессознательное Юнга – это не только новое измерение в истории, но и *ключ к единству всех исследований человека*. «Подсознание – это подземная река, из которой вытекают источники нашей сознательной деятельности. Тем самым подсознание является объединяющим уровнем психики, и когда история доходит до этого уровня, она может объединиться с другими гуманитарными исследованиями, которые на сознательном уровне делятся на множество разных дисциплин, замкну-

³⁷ McGuire, Hull, 1977: 307.

³⁸ Toynbee 1954, X: 226.

³⁹ Тойнби 1995: 25.

⁴⁰ Toynbee 1954, VII: 443; Toynbee, Toynbee 1963: 106–107.

⁴¹ Toynbee 1954, X: 20

тых в водонепроницаемые отсеки»⁴². Другими словами, глубинная психология Юнга обладала мощными синтезирующими свойствами, столь близкими установкам Тойнби. Он не раз писал о том, что «быть человеком означает обладать способностью переступить собственные пределы»⁴³. И всегда восхищался учеными, обладавшими масштабностью мышления, приходившими к своим эпохальным открытиям «путем сопоставления вещей, которые для менее мощных умов оставались разрозненными»⁴⁴. Именно к таким людям он относил Юнга, оперирующего разнообразным материалом, который состоял из клинических случаев из его собственной жизни, элементов греческой мифологии и событий мировой истории. Не стоит забывать и о том, что юнгеанские установки давали Тойнби инструмент противостояния тому «самому страшному», что происходило на его глазах – разрушению европейской культуры. Они избавляли его от крайностей как детерминистского, так и индетерминистского толкования истории, обеспечивая ей ту самую целостность, к созданию которой он так стремился.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Воробьева О.В. «Он поразил меня с силой откровения»: бергсонские мотивы в творчестве А.Дж. Тойнби // Диалог со временем. 2023. № 84. С. 43–60. [Vorobieva O.V. «On porazil menya s siloj otkroveniya»: bergsonianskie motivy v tvorchestve A.J. Toynbee (“He struck me with the force of a revelation”: Bergsonian motifs in A.J. Toynbee’s works) // Dialog so vremenem, 2023, № 84. S. 43–60].
- Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография (1946). М., 1980. [Collingwood R.J. Ideya istorii. Avtobiografiya (The Idea of History. Autobiography). Moscow, 1980].
- Мучник В.М. В поисках утраченного смысла истории. Генезис и эволюция исторических взглядов А. Тойнби. Томск, 1986. [Muchnik V.M. V poiskah utrachennogo smysla istorii. Genezis i evolyuciya istoricheskikh vzglyadov A. Toynbee (In search of the lost meaning of history. The genesis and evolution of A. Toynbee’s historical views)]. Tomsk, 1986].
- Рашковский Е.Б. Востоковедная проблематика в культурно-исторической концепции А.Дж. Тойнби. М.: Наука, 1976. [Rashkovskij E.B. Vostokovednaya problematika v kulturno-istoricheskoy koncepcii A.J. Toynbee (Oriental problems in the cultural and historical concept of A.J. Toynbee). Moscow, 1976].
- Тарнас Р. История западного мышления. М.: Крон-пресс, 1995. [Tarnas R. Istoriya zapadnogo myshleniya (The Passion of the Western Mind). Moscow, 1995].
- Тойнби А.Дж. Постижение истории. М., 1991. [Toynbee A.J. Postizhenie istorii (A Study of History). Moscow, 1991].
- Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М.: Прогресс, 1995. [Toynbee A.J. Civilizaciya pered sudom istorii (Civilization on Trial). Moscow, 1995].
- Тойнби А.Дж. Пережитое. Мои встречи. М.: Айрис-Пресс, 2003. [Toynbee A.J. Perezhitoe. Moi vstrechi (Experiences. Acquaintances). Moscow, 2003].
- Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. [Jung K.G. Arkhetip i simvol (Archetype and symbol). Moscow, 1991].
- Юнг К.Г. О природе психе. М.: Рефл-бук, Ваклер, 2002. [Jung K.G. O prirode psihe (About the nature of the psyche). Moscow, 2002].
- Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс, Универс, 1996. [Jung K.G. Problemy dushi nashego vremeni (The problems of the soul of our time). Moscow, 1996].
- Bair D. Jung: A Biography. New York, NY & Boston, MA: Back Bay Books, 2003.
- Geyl P. Debates with Historians. London & Glasgow: The Fontana Library, 1955.

⁴² Тойнби 1956: 193–194.

⁴³ Тойнби 2003: 102.

⁴⁴ Там же: 104, 105.

- Goldwert M. Toynbee and Jung: The Historian and Analytical Psychology: a Brief Comment // *Journal of Analytical Psychology*. 1983. Vol. 28(4). P. 363–366.
- Interview with Arnold Toynbee. Interviewed by Gene F. Nameche, Ph.D. Date – 11 February 1969. Place – London, England // Bodleian Library. Toynbee Papers.
- Jung C.G. The Self in Psychotic Process // W. McGuire (Exec. Ed.), Sir H. Read, M. Fordham, G. Adler (Eds.). *Collected works*. Vol. 18: The symbolic life. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1953. P. 353–356.
- Jung C.G. *Letters*. 1: 1906–1950. New Jersey, NY: Princeton University Press, 1973.
- Lu K. A Jungian Psychohistory: A.J. Toynbee's Use of Analytical Psychology in his Theory of Civilizations // *International Journal of Jungian Studies*. 2014. No. 6:1. P. 52–68.
- Lu K. Jung and History: Adumbrations of a Post-Jungian Approach to Psychoanalytic History // G. Heuer (Ed.) *Sexual revolutions*. London & New York, NY: Routledge, 2011.
- Lu K. Jung, History and His Approach to the Psyche // *Journal of Jungian Scholarly Studies*. 2012. Vol. 8, No. 9.
- McGuire W., Hull R.F.C. (Eds.). *C.G. Jung Speaking*. London: Thames & Hudson, 1977.
- Meyer R. *Clio's Circle*. New Orleans, LA: Spring Journal Book, 2007.
- Pares R. Untitled Review of Toynbee's "A Study of History" // *The English Historical Review*. 1956. Vol. 71(279). P. 256–272.
- Sparks J.G. *Carl Jung and Arnold Toynbee: The Social Meaning of Inner Work*. Inner City Books, 2017.
- Stromberg R.N. *Arnold J. Toynbee: Historian for an Age in Crisis*. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1972.
- Toynbee A.J. *A Study of History*. Vol. IV. London, New York, NY & Toronto: Oxford University Press, 1934.
- Toynbee A.J. *A Study of History*. Vol. VII–X. London, New York, NY & Toronto: Oxford University Press, 1954.
- Toynbee A. J. The Value of C.G. Jung's Work for Historians // *Journal of Analytical Psychology*. 1954a. No. 1(2). P. 193–194.
- Toynbee A.J., Toynbee P. *Comparing Notes: A Dialogue Across Generations*. London: Weidenfeld & Nicolson, 1963.
- Toynbee A. What the Historian Does? Essay Read to the Undergraduate Club at Oxford in the University Year 1910–1911 // Bodleian Library. Toynbee papers. Juvenilia.
- Toynbee A.J., Cary-Elwes C. *An historian's conscience: The correspondence of Arnold J. Toynbee and Columba Cary-Elwes, Monk of Ampleforth*. Boston, MA: Beacon Press, 1986.

Воробьева Ольга Владимировна, к.и.н., доцент, в.н.с., ИВИ РАН; доцент, РГГУ; vorobushek1@yandex.ru

“He Opened Up for Me a New Dimension in the Realm of Life” A.J. Toynbee and C.G. Jung

The article deals with the problem of C.G. Jung's influence on A.J. Toynbee's work and particularly on his “A Study of History”. Similar intellectual and spiritual bases of Jung's and Toynbee's views are revealed. The points of common ground between Jung's and Toynbee's concepts are characterized, as well as the elements of Jung's influence on Toynbee's philosophy of history and theory of local civilizations. Special attention is paid to the impact of the theory of psychological types on Toynbee's thinking. Attempts to adapt Jungian psychology to historical research are indicated. Toynbee's creative development of the German scientist's ideas is emphasized, which led to the syncretism of his world outlook, reflected in the whole work of the British historian.

Keywords: A. Toynbee, “A Study of History”, K.G. Jung, psychohistory, mythology, psychological types, higher religions, “departure-and-return”.

Olga V. Vorobieva, PhD in History, Associate Professor, Leading Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; associate professor, University for the Humanities; vorobushek1@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ГЛОБАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В ТЕОРИЯХ РЕВОЛЮЦИЙ (КРАТКИЙ ЭКСКУРС)¹

Статья посвящена анализу подходов к исследованию фактора неравенства в революционных теориях конца XIX – начала XXI вв. С крушением Советского Союза и утратой марксистской парадигмы статуса единственно верной в отечественной науке развернулась дискуссия относительно предпосылок и причин возникновения социальных волнений и революционных взрывов. Неравенству, при этом, не уделялось должного внимания. Вопрос рассматривался либо в разрезе экономических проблем, либо с точки зрения социальных диспропорций. Феномен неравенства имеет весьма сложную природу, соответственно, велика и его роль с точки зрения воздействия на возникновение явлений деструктивных, приводящих к демонтажу текущего социально-политического порядка. В этой связи важным представляется сделать срез научных подходов, чтобы опередить уровень изученности темы и выявить направления для дальнейших исследований.

Ключевые слова: *Неравенство, справедливость, несправедливость, революция, протесты, общественные классы, историография.*

На протяжении всей истории проблема неравенства оказывала дестабилизирующее воздействие на глобальные процессы. Развиваясь в сферах локальных и глобальных, дисбалансы неравенства отдельных социумов, государств или групп государств приводили к восстаниям, революциям, мировым войнам. Однако, до сих пор в политической и исторической науках нет единого взгляда на то, комплекс каких именно причин, объединенных в рамках проблематики неравенства, является ключевым с точки зрения возникновения кризисов. В первой половине XX в. в научном сообществе преобладал экономоцентричный подход. Ученые, работавшие в его рамках, так или иначе, обращались к марксизму, хотя и не всегда во всем были с ним согласны. В связи с существенными изменениями, произошедшими в мире после Второй мировой войны, часть исследователей попытались по-иному взглянуть на проблему неравенства в социальных протестах, уходя от «экономического заблуждения» в сторону системного подхода. Фактически, именно исследователи так называемой «второй волны» (1950–80-е гг., всего принято выделять три «волны», об это - ниже) предприняли единственную полноценную попытку нового осмысления данной проблемы, а их выводы продолжают использоваться до сих пор. Третья и последующие волны лишь несколько скорректировали акценты, оставаясь, в целом, в русле трендов, заданных второй волной. В то же время, в XXI в., в свя-

¹ Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-326 от 25.04.2022) в рамках консорциума НЦМУ.

зи с существенными изменениями глобальных процессов, старые подходы теряют свою релевантность. Очевидно, что исследования актуальные для эпохи Холодной войны, вряд ли в состоянии в полной мере описать причины современных протестов. Следовательно, необходимы новые научные исследования в данной области, которые невозможны без «ревизии» уже существующих. В данной статье, которая является частью более масштабного научного проекта, проводимого группой сотрудников РАНХиГС, мы попытаемся сделать обзор ключевых подходов к проблеме возникновения протестов в современном мире и воздействия на них ситуации неравенства.

Неравенство как фактор социального протеста

Тема неравенства вызывала интерес уже у античных философов, которые рассматривали ее в контексте понятий «справедливого» и «несправедливого». Однако, его осмысление как научной проблемы начинается лишь с эпохи Просвещения. Поворотной точкой здесь, по оценкам исследователей, следует считать трактат Ж-Ж. Руссо «Рассуждение о происхождении неравенства», который фактически вывел дискуссию о феномене за пределы религиозного спора. Во главу угла французский мыслитель поставил вопросы социально-политического свойства, подчеркнув при этом право народа на неповиновение в случае ненадлежащего исполнения властями своих функций и отступления от положений законов². Исследование проблемы неравенства как причины (или комплекса причин) недовольства и беспорядков продолжилось в XIX в. Ключевую роль в этом процессе сыграло развитие науки в целом. Оно привнесло в гуманитарное знание устойчивое представление о материальности общественных процессов, направляемых не божественной волей, но совокупностью интересов и устремлений групп индивидумов. Особенную актуальность рассуждения приобрели в рамках классических левых концепций от классовой теории Карла Маркса и его последователей-практиков (в лице В. И. Ленина и И. В. Сталина) до реформаторских походов представителей Франкфуртской школы (Г. Маркузе, Т. Адорно, М. Хоркхаймера).

Основной идеей своих рассуждений марксисты поставили тезис об эксплуататорском характере современного капиталистического общества, подавляющего тем или иным путем трудящихся, или в более широком смысле этого слова – население – то есть всех, кто отчужден от собственности на средства производства. Одним из основополагающих понятий марксистской философии до середины XX века была «пролетарская революция», возникающая из дисбалансов капитализма, когда труженик не получает справедливой оплаты за затраченный на производство продукта или услуги труд. Капитализм не может обойтись без пролетариата, а значит – сам создает собственного «могиль-

² Цит. по: Климова, Демиденко 2023:20.

щика», который, приобретя «классовое сознание», разрушает несправедливое общественное устройство.

Что касается теорий немарксистских, то они также рассматривали революционные процессы как результаты общественных дисбалансов, однако не исходили из принципа неизбежности крушения капитализма. Также для немарксистских подходов характерен взгляд на революцию как на феномен политический – порожденный дисбалансами в управлении, но не глубинными, характерными исключительно для капиталистического общества, социально-экономическими противоречиями.

Еще Алексис де Токвиль отмечал, что революции не являются следствием обнищания и крайней бедности. По его мнению, революция происходит в момент ослабления абсолютизма, когда государство, после долгих лет гнета, начинает проводить реформы. В том же примере ключе, но гораздо позже, рассуждали мыслители - приверженцы так называемой «теории систем» - конгломерата концепций, исходивших из принципа соответствия деятельности правительств общественным ожиданиям (принцип «входа и выхода»). По их мнению, революции происходят в тот момент, когда государство перестает адекватно реагировать на общественные запросы, то есть не может справиться с накопившимися проблемами в социальной, экономической, культурной, внешнеполитической и т.д. сферах. Чалмерс Джонсон в книге «Революционные изменения» пришел к выводу, что революции происходят в контексте множественных дисбалансов, когда общественные требования становятся невыполнимыми из-за их количества и разнонаправленности³. Ему вторил Тед Гарр («Почему люди бунтуют»), утверждая, что революции случаются тогда, когда возникает разрыв между тем, что люди имеют, и тем, что им бы хотелось иметь⁴.

Как видно из приведенного выше краткого обзора теорий революций, практически все они исходят из существования в мире фактора неравенства и его воздействия на политическую среду. Также очевидным является связь этого фактора с социальными потрясениями. В то же время степень изученности данной проблемы не всегда достаточно глубока. Связано это, во-первых, с методологической ограниченностью ряда подходов (например, рассматривают неравенство исключительно в социально-классовом смысле – об этом ниже), во-вторых, с тем, что проблема неравенства не всегда находится во главе угла исследований, уступая место вопросам легитимности, политического участия или несовершенству управленческих решений.

В этой связи нельзя не выделить в особую группу исследования, которые так или иначе концентрировались на факторе неравенства и его воздействии на ситуации политических кризисов.

³ Johnson 1968.

⁴ Garr 2005.

Неравенство в теориях революции

Исследования, делавшие особый акцент на факторе неравенства в революциях, разделяются на несколько волн. Ряд историографов насчитывают от четырех до пяти «волн» сменяющих друг друга подходов, другие выделяют три.⁵ В силу размытости границ между третьей, четвертой и пятой «волнами» (четкого разделения не выявлено) мы попытаемся обрисовать исследовательский контур проблемы в разрезе трех этапов. При этом, сделав фокус на втором, т.к. именно исследователями этой волны была предпринята попытка по-новому взглянуть на причины революции (в том числе, фактор неравенства в них) из-за фундаментальных изменений, происходящих в мире после Второй мировой войны. Что же касается третьей волны, появившейся на фоне распада социалистического лагеря и «бархатных революций» в Восточной Европе, то она разбирается гораздо более кратко, т.к. ее представители уделяли основное внимание исследованию практических кейсов, но не новым методологическим построениям.

К первому этапу относят ученых начала XX века – Л. Эдвардса, П. Сорокина и К. Бринтона. Характеризующим все эти на-правления моментом был взгляд через призму социальных проблем. При этом Эдвардс и Бринтон исходили из классовых построений Маркса, а Сорокин делал акцент на аспектах социально-психологических. Коснемся исследований этой первой волны (хотя бы вскользь), чтобы понять интеллектуальный фон заочной полемики, развернувшейся между поборниками условно классовой и ценностной (об этом – ниже) моделей.

Лайффорд Эдвардс рисует картину революционного процесса, как продолжительного и очень медленно вызревающего (в течение жизни не менее трех поколений трудящихся). Основой недовольства он полагал классовые различия – консерватизм имущих слоев, не желающих расставаться со своим привилегированным положением. В то же время Эдвардс отрицал знаменитую формулу Ленина относительно обострения нужды и бедствий угнетенного класса «выше обычного»⁶. В своей работе «Природная история революции» он отмечал, что исторические примеры говорят об обратном – революционная ситуация возникает в тот момент, когда уровень неравенства снижается. То есть тогда, когда благосостояние угнетенных классов, благодаря научно-техническому прогрессу, увеличивается и пропорционально возрастают их политические требования⁷. Также Эдвардс призывал не преувеличивать роль экономики ни в формировании революционной ситуации, ни с точки зрения ее воздействия на человеческую историю в целом. Гораздо более важными он считал факторы социально-психологические, моральные. Все

⁵ Шульц 2015: 169.

⁶ Ленин 1925.

⁷ Edwards 1970: 34.

революции, по Эдвардсу, имели внутри себя духовную компоненту, их участники выстраивали свое мировоззрение на основании дихотомии «как есть» и «как должно быть» (здесь – фактическая отсылка к антично-средневековому пониманию неравенства «справедливо – несправедливо»). Двигателями революции при этом должны стать трудовые объединения и профсоюзы. Они в будущем заместят капиталистические институты в структуре управления экономикой и обществом. Это и станет, в итоге, торжеством социалистических преобразований.

Крейн Бринтон подчеркивал некоторую стихийность и неконтролируемость революционных процессов. Порождаются они неэффективностью управления прежней администрации, ее крахом с точки зрения решения вопросов неравенства. Течение революции обуславливается историческими особенностями того или иного сообщества, где в одном революционный процесс направляется организованной группой профессиональных агентов (В.И. Ленин и русская революция), а в другом – развивается стихийно, включая в себя все новые и новые общественные силы от романтиков-идеалистов до радикалов и политических экстремистов (Англия, Франция, США). Также нельзя сбрасывать со счетов и того факта, что революция, это не всегда стремление к свободе, но стремление к справедливости, то есть устранению неравенства, понимаемого в самом широком смысле этого слова (общество – действующее предприятие). Именно с этим обстоятельством связано появление такого феномена как консервативные революции, к которым Бринтон относит фашистские перевороты в Италии и Германии. То есть в этом моменте, как и в теории Эдвардса, автор отмечает апелляцию революционно настроенных слоев к «справедливости» и попытках движущих революцию сил на этом спекулировать⁸.

П. Сорокин в «Социологии революции» писал о неравенстве как о факторе, влияющем на возможность удовлетворять базовые потребности (рефлексы или инстинкты) человека. Если потребности питания, сохранения (самосохранения), владения (обладания), самовыражения и природной агрессивности сознательно ограничиваются, это может привести к революции. Но, как и Эдвардс, он полагал, что мировоззренческий сдвиг революционно настроенных масс происходит не в моменте обострения социальных проблем, а вызревает постепенно через сравнение и осознание своего положения в обществе на фоне привилегированных позиций других страт (фактически, иное издание классового подхода). Взрыв же происходит в точке не крайнего обнищания, но в момент увеличения разрыва в положении угнетенных и власть имущих⁹.

В целом, представители «первой волны» оставались в русле неких сугубо материалистских рассуждений, основывая их на вопросах клас-

⁸ Brinton 1965.

⁹ Сорокин 2005: 321.

совых или экономических. На этом фоне волна вторая, с ее критикой марксизма (прямой или завуалированной) представляет особый исследовательский интерес. Фактически можно говорить о структуризации самостоятельного научного направления, сделавшего попытку описать социальные конфликты в контексте ситуации второй половины XX в.

Представители второй волны – Х. Арендт, Т. Гарр, Ш. Эйзенштадт и Р. Дарендорф старались взглянуть на неравенство как на комплексное явление и избежать «экономического заблуждения», свойственного, по их мнению, марксистам. Данный вектор, в целом, не удивителен, так как волна исследований происходила на фоне борьбы за свои права чернокожего населения США, роста феминистского движения и ряда других процессов, с трудом вписывавшихся в марксистскую парадигму. Авторы этой волны активно полемизировали с марксистами, апеллируя именно к классическому марксизму, игнорируя его более современные версии (в частности, получивший достаточно широкое распространение неомарксизм представителей «Франкфуртской школы»). Ханна Арендт, отдавая должное работам Маркса, писала о главенстве в формировании революционной ситуации состояния крайней бедности. Вслед за П. Сорокиным она отмечала важность физиологических потребностей, а именно потребности в питании, как ключевого аспекта формирования недовольства. Цитируя Фрэнсиса Бэкона, Арендт писала о мятежах, вызванных брюхом, как о наихудших. Вместе с тем, утверждалось, что сами по себе бедные и доведенные до отчаяния люди не способны подняться на революцию. Взрыв происходит в тот момент, когда к процессу присоединяются слои общества, наделенные к нищим чувством сострадания. Само по себе слово «неравенство» в работе не упоминается ни разу. Однако слово «бедность» используется автором более ста раз¹⁰.

Упомянутый выше Т. Гарр в книге «Почему люди бунтуют» уделял значительное внимание ценностям, разделяя их на гибкие и не гибкие. К первым он относил ценности экономические, справедливо отмечая, что революционный процесс ускоряется в тот момент, когда происходит экономический спад, увеличивающий неравенство, но торжествует, когда точка невозврата, например голод или тотальное разорение, достигнута. То есть угроза обнищания гораздо важнее самого обнищания. Что касается ценностей негибких, то к ним Т. Гарр относит ценность жизни. В качестве подтверждения приводится пример Вандейского мятежа, как выступления против воинской повинности, или антипризывные бунты в Нью-Йорке 1863 г.¹¹.

Шмуэль Ноах Эйзенштадт также уделяет определенное внимание неравенству и его роли в формировании внутривнутриполитического конфликта. Исходит он при этом из того, что неравенство существует в любом

¹⁰ Арендт 2011.

¹¹ Гарр 2005.

обществе, а, значит, главный вопрос состоит не в ликвидации неравенства, но в создании такой системы институционализации неравенства, при которой основные социальные группы ее примут. Институционализацию Эйзенштадт считает важнейшим фактором и в организации общества, и в структурировании неравенства. Основная в этой связи причина конфликтов заключается в том, что при увеличивающемся социальном разнообразии современного мира, правящие группы утверждают выгодную им форму неравенства. Другие группы либо принимают эту ситуацию, либо нет. Но есть и третий вариант, при котором подчиненные группы населения мирятся с предложенной моделью, но до тех пор пока она не перестает их устраивать в силу неэффективности с точки зрения распределения благ и ресурсов¹². Также Эйзенштадт отмечает, что одной из причин роста недовольства является противоречие между реальностью – институционализированной в данный момент ситуацией неравенства-несправедливости, и ожиданиями – неким идеальным с точки зрения протестных социальных групп состоянием общества, которого необходимо достичь¹³.

Наиболее интересный автор второй волны Ральф Дарендорф выстраивал свою концепцию теории революции, основываясь на критике марксистских подходов. Во-первых, он вслед за Гарром и частично Арендт отрицал саму возможность совершения революции наиболее угнетенными классами. Протест не может возникнуть в точке наибольшей нужды, поскольку нужда ставит человека на грань борьбы за существование, а, следовательно, приводит не к активности, но к апатии. Во-вторых, он ставит под сомнение возможность разделения социума второй половины XX века на два класса «пролетариат» и «буржуазия», исходя из того, что структура общества поменялась, а, соответственно, изменились противостоящие друг другу социальные группы. В-третьих, взрыв, по мнению Дарендорфа, происходит в момент ослабления власти, когда она, утратив возможности для тотального контроля и подавления, решается на реформы и преобразования (здесь он отчасти солидаризировался с идеями, высказанными еще де Токвилем). Дарендорф считал концепцию Маркса умозрительной, а факт исчезновения революционного пролетариата для нее смертельным.

В книге «Современный социальный конфликт. Очерки политической свободы» Дарендорф отмечал, что существует два типа революций. Первый носит характер эволюционный и представляет собой продолжительный процесс экономической трансформации общества и государства, второй – быстрая смена носителей власти. Примером первого является промышленная революция, второго – Французская революция. И при первом, и при втором типе неравенство как таковое будет

¹² Эйзенштадт 1999: 83–86.

¹³ Там же.

сохраняться, а значит важнейшим моментом с точки зрения изменения управления и, соответственно, существования системы-государства являются вопросы самореализации индивидуумов и существования для этого соответствующих возможностей¹⁴. Собственную теорию неравенства Дарендорф увязывал с жизненными шансами Максимилиана Вебера. Любое общество означает господство, а господство означает неравенство. В то же время неравенство порождает конфликты, служащие источником прогресса, то есть расширения жизненных шансов. Ключевым вопросом гармонизации общественных отношений является не ликвидация господства (это невозможно), а создание устойчивой модели реализации жизненных шансов большинства.

Исторический процесс представляет собой движение от традиционной иерархии средневековья, скованного рамками сословной системы, к открытости современного общества. Изменения всегда являются результатом социальной борьбы за жизненные шансы, которую не во всех случаях можно характеризовать как классовую.

Ссылаясь на Т. Маршалла, Дарендорф говорит о неравенстве количественном (экономическом) и качественном (социально-политическом). Первое будет существовать всегда, поскольку уравнивать всех в моментах имущественных невозможно, второе же устранимо путем революций. Если экстраполировать эту модель на европейскую историю, то в средневековье имело место неравенство второго типа, где социальные группы изолированы друг от друга на уровне закона с минимальными возможностями для перехода из одного сословия в другое, а новое время с его буржуазной системой – первого¹⁵.

Анализируя состояние общественных процессов, Дарендорф пытается использовать так называемую «кривую Саймона Кузнеца», согласно которой на первых порах существования капиталистической системы уровень неравенства возрастает, а потом, вследствие развития научно-технического прогресса и деловой активности лично свободных людей, сокращается (хорошо видно на примере современной России). В его интерпретации «кривая Кузнеца» трансформируется из формы U в форму Z. Экономическое, капиталистическое развитие может происходить только в условиях обретения обществом гражданских свобод, и это нижняя черточка в Z-конфигурации. После наступает вызванный освобождением экономический рост, увеличивающий разрыв между богатыми и бедными – косая черточка между верхней и нижней линиями. Когда же капиталистические достижения насыщают рынок и население обогащается, происходит выравнивание имущественного и правового состояния, и достигается верхняя черточка. То есть, в современном обществе все, условного говоря, равны перед законом, но существует раз-

¹⁴ Дарендорф 2002.

¹⁵ Там же.

ница в экономическом положении его членов. Однако неравенство устранимо, если индивидуум найдет в себе волю и энергию начать движение по социальной лестнице (средневековое же общество максимально ограничивало права непривилегированных классов и сословий)¹⁶.

Представители третьей волны, такие как Д. Голдстоун, Т.Скочпол и Ч. Тилли, сосредотачивались, в основном, на практических кейсах конкретных революций. Их теоретические построения по большей части повторяли обобщения авторов первой и второй волн. Так, Джек Голдстоун, вслед за Гарром и Дарендорфом отмечал невозможность возникновения революции в условиях крайней бедности. Также, солидаризируясь с Гарром, он подчеркивал, как необходимое условие для бунта, ощущение ожидания кризиса, ухудшение материального положения населения (но не тотальное его обнищание). В этом контексте Голдстоун обращал внимание на фактор неравенства, когда массы, чей жизненный уровень падает, а доступ к благам (в т.ч. политическим) ограничивается, могут решиться на восстание. Движущим соци-ально-психологическим моментом здесь, как и в целом наборе других кейсов, является растущее ощущение несправедливости происходящего. Среди пяти условий, необходимых для возникновения революционной ситуации, неравенство Голдстоун выделял под номер три. Важным элементом теории Голдстоуна является внимание к фактору раскола элит. Без него, по мысли исследователя, никакая революция невозможна¹⁷.

Тэда Скочпол рассматривает революции через призму их итогов, доказывая на примерах Франции, России и Китая уникальность каждого из кейсов. Фактор неравенства фигурирует как отдельное явление в разрезе рассуждений об экономических проблемах Европы (доступ к земле) и политических Китая (доступ к должностям). В выводной части Скочпол говорит о невозможности обобщения революционных сюжетов разных стран, полагая каждый случай индивидуальным¹⁸.

Чарльз Тилли в работе «От мобилизации к революции» основное внимание уделяет разбору политических факторов и их воздействию на революционный процесс. При этом теме неравенства места уделено немного, и, в основном, в разрезе рассуждений на тему бедности¹⁹.

Как видно из приведенного выше беглого анализа ключевых научных подходов, в большинстве разобранных научных работ перекос в сторону социально-экономической компоненты, несмотря на желание авторов на концептуальном уровне отойти от нее, сохраняется. Причем, это касается и авторов «второй волны», построивших свои рассуждения на основе критики марксизма. Тезис о высокой значимости экономиче-

¹⁶ Дарендорф 2002.

¹⁷ Голдстоун 2017: 36.

¹⁸ Скочпол 2017.

¹⁹ Тилли 2019.

ского неравенства в революционных процессах никуда не исчез, а атака на положения марксизма в основном сводится к тому, что он не отвечает реалиям изменившегося мира – мира середины XX в. Это наиболее четко прослеживается в трудах Дарендорфа²⁰, который во многом берет за основу своих исследований именно тезис о неприменимости идей классического марксизма к событиям второй половины XX в., и, соответственно, невозможности с его помощью описать социальные выступления новой эпохи. Но данный момент, и этим Дарендорф сознательно манкирует, не отрицается и многими марксистами. Именно в ответ на изменения, произошедшие в мире в XX столетии, и появился неомарксизм, который взглянул на проблему противоречий между трудом и капиталом под новым, в том числе культурно-ценностным, углом. Тезис об устойчивости вертикального взаимодействия между базисом и надстройкой был скорректирован, причем начало этому процессу положено было еще в трудах А. Грамши.

Таким образом, критику марксизма представителями «второй волны» вряд ли можно считать до конца обоснованной. Сама же «волна», скорее, представляет собой реакцию на изменившиеся реалии, нежели принципиально новый теоретический взгляд на проблему – критика К. Маркса, изучавшего и описывавшего капитализм первой половины – середины XIX в., без учета эволюции его идей в новом историческом контексте не выглядит справедливой (с учетом того, что, например, Р. Дарендорф работал в те же годы, что и представители Франкфуртской школы и намного позже А. Грамши и Д. Лукача).

Как показывает проведенный анализ, неравенство является проблемой комплексной и не лежит в русле исключительно экономического или социально-классового подхода. Ситуации последних масштабных потрясений (от «бархатных» революций в Европе до украинского кризиса или «Арабской весны») лишь подтверждают построения большинства теоретиков, подчеркивавших мультиструктурную детерминированность феномена возникновения революций и, соответственно, феномена глобального неравенства. Неравенство же, вслед за постоянно усложняющимся современным миром, также изменяется, приобретая на каждом из этапов своей эволюции новые черты и оттенки.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Арендт Х. О революции. М.: «Европа», 2011. 469 с. [Arendt X. O revolucii (On Revolution). Moscow: «Evropa», 2011. 469 p.]
- Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. 461 p. [Garr T.R. Pochemu lyudi buntuyut (Why Men Rebel). Saint Petersburg: Piter, 2005. 461 p.]
- Голдстоун Дж. А. Революции. Очень краткое введение. М.: Институт Гайдара, 2017. 200 с. [Goldstoun Dzh. A. Revolucii. Ochen' kratkoe vvedenie /per. s angl. A. Yakovleva (Revolutions. A Very Short Introduction). Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara, 2017. 200 p.]
- Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы /Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2002. 288 с. [Darendorf R. Sovremennyj social'nyj konflikt. Ocherk

²⁰ Дарендорф 2002: 14.

- politiki svobody` / Per. s nem. (The Modern Social Conflict: An Essay on the Politics of Liberty). Moscow: «Rossijskaya politicheskaya e`nciklopediya», 2002. 288 p.]
- Климова Г.С., Демиденко С.В. Интеллектуальная история неравенства как политической проблемы // Диалог со временем. 2023. № 85. С.16-34 [Klimova G.S., Demidenko S.V. Intellekturnaya istoriya neravenstva kak politicheskoy problemy` (The Intellectual History of Inequality as a Political Issue) // Dialog so vremenem. 2023. № 85. P.16–34].
- Ленин В.И. Крах II Интернационала: сборник статей / Н. Ленин (В. Ульянов); предисл. и примеч. К. П. Новицкого. М.; Л.: Гос изд-во, 1925. 270с. [Lenin V.I. Kraх II Internatsionala: sbornik statej / N. Lenin (V. Ulyanov); predisl. i primech. K. P. Noviczko. (The Collapse of the Second International). M., L.: Gos izd-vo, 1925. 270 p.]
- Скочпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Ин-т Гайдара, 2017. 552 с. [Skochpol T. Gosudarstva i social`ny`e revolyucii: sravnitel`nyj analiz Francii, Rossii i Kitaya. (States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China). Moscow: Institut Gajdara, 2017. 552 p.]
- Сорокин П.А. Социология революции. М.: Территория будущего, РОССПЭН. 2005. 703 с. [Sorokin P.A. Sociologiya revolyucii (The Sociology of Revolution). Moscow: Izdatel'skij dom «Territoriya budushhego», ROSSPE`N, 2005. 703 p.]
- Тилли Ч. От мобилизации к революции / пер. с англ. Д. Карасева; под науч. ред. С. Моисеева. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. 432 с. [Tilli Ch. Ot mobilizacii k revolyucii / per. s angl. D. Karaseva; pod nauch. red. S. Moiseeva. (From mobilization to revolution). Moscow: Izd. dom Vy'sshej shkoly` e`konomiki», 2019. 432 p.]
- Шульц Э.Э. Теория революции: к истории изучения, систематизации и современному состоянию. // Via in tempore. История. Политология. 2015. С. 167–172 [Shul'cz E.E. Teoriya revolyucii: k istorii izucheniya, sistematazicii i sovremennomu sostoyaniyu (The Theory of Revolution: towards the history of study, systematization and the current state) // Via in tempore. Istoriya. Politologiya. 2015. P. 167–172].
- Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. А.В.Гордона под ред. Б.С.Ерасова. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с. [E`jzentshtadt Sh. Revolyuciya i preobrazovanie obshhestv. Sravnitel'noe izuchenie civilizacij / Per. s angl. A.V.Gordona pod red. B.S.Erasova (Revolution and the Transformation of Societies. A comparative study of civilizations). Moscow: Aspekt Press, 1999. 416 p.]
- Brinton C. The anatomy of revolution. New York: Vintage Books, 1965. 320 p.
- Edwards L.P. The natural history of revolution: 2nd ed. Un-ty of Chicago Press, 1970. 229 p.
- Johnson Ch. Revolutionary change. L.: University of London Press, 1968. 217 p.

Демиденко Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, декан, факультет политических исследований ИОН РАНХиГС; demidenko-sv@ranepa.ru

Маргулис Сергей Борисович, старший преподаватель, кафедра международной политики и зарубежного регионоведения ИОН РАНХиГС; margulis-sb@ranepa.ru

The Problem of Global inequality in Theories of Revolutions

The article is devoted to the analysis of approaches to the study of the inequality factor in the revolutionary theories of the late XIX – early XXI c. With the collapse of the USSR and loss of the status of the only true Marxist paradigm in Russian science, a discussion unfolded regarding the prerequisites and causes of social unrest and revolutionary explosions, at the same time, in Western science it did not stop for a day. Inequality, as practice shows, was not given due attention. The issue was considered either in the context of economic problems or from the point of view of social imbalances. The phenomenon of inequality has a very complex nature, accordingly, its role is also great in terms of influencing the emergence of destructive phenomena leading to the dismantling of the current socio-political order. In this regard, it is important to make a cross-section of scientific approaches in order to get ahead of the level of knowledge of the topic and identify areas for further research.

Keywords: *Inequality, justice, injustice, revolution, protests, social classes, historiography.*

Sergey V. Demidenko, PhD (History), Dean of the Faculty of Political Research, ISS RANEPА; demidenko-sv@ranepa.ru

Sergey B. Margulis, Senior Lecturer at the Department of International Politics and Foreign Regional Studies, ISS RANEPА; margulis-sb@ranepa.ru

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ В ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕВИАЦИЙ В РОССИИ И ЕВРОПЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

В статье анализируется эвристический потенциал социологических теорий в изучении девиантных практик, получивших распространение на рубеже XIX–XX вв. в России и Европе в условиях кризиса модерна. Рассмотрены познавательные возможности концепций Э. Дюркгейма, Р. Мертона, П. Сорокина, Н. Смелзера, Т. Парсонса, Г. Беккера, Т. Селлина, использование их идей для исследования социальных девиаций. Сделан вывод о том, что они позволяют изучить ряд взаимосвязанных проблем, среди которых причины распространения и условия воспроизводства девиантных социальных практик; проявления аномии в быстро меняющихся обществах; влияние конфликта культур, войн и революций на характер и уровень социальных девиаций; меры социального контроля и их эффективность; восприятие девиаций и их репрезентация в дискурсах и социальных практиках.

***Ключевые слова:** методология, социологические теории, социальные девиации, кризис модерна, Россия, Европа.*

Популярность социокультурной истории, исторической антропологии, междисциплинарного подхода обусловили внимание современной историографии к проблеме девиантного поведения в России и Европе в конце XIX – начале XX в.¹ Несмотря на значительное количество исследований отдельных аспектов темы, анализ историографии показывает неисчерпанность ее эвристического потенциала, актуальность изучения не только традиционных, но и новых видов девиаций, порожденных процессами, сопровождавшими кризис модерна.

Модернизация рубежа XIX–XX вв. обусловила глубокие социально-экономические и социокультурные трансформации, рост социальной мобильности, грамотности, вовлечение в политический процесс широких слоев населения. С другой стороны, борьба за реализацию разноречивых общественных и национально-государственных интересов в условиях обострения социальных противоречий, влияние разрушительных последствий индустриализма, идейного арсенала социально-философских парадигм, определила появление духовной атмосферы, в которой ценности и нормы буржуазной цивилизации переживали кризис. В Европе широкое распространение получили националистические, империалистические и социал-дарвинистские воззрения, обусловившие идейно-психологическую подготовку к мировой войне². Не случайно разразившаяся в 1914 г. война была воспринята во многих европейских странах как «очищающая гроза», начало возрождения, путь к освобождению от принуждения и ограничений современного общества³.

¹ Девиантность и социальный контроль 2000; Безгин, Жеребчиков 2015: 190–206; Winock 2017; Миронов 2019: 139–144.

² Jelavich 1999: 43; Davis 2003: 123.

³ Leed 1979: 59; Wohl 1979: 207.

Разрушение традиционного уклада жизни и коррозия традиционных ценностей под влиянием модернизации, рост противоречий в развитии человеческой цивилизации на рубеже XIX–XX вв., определили появление конфликтных, модернистских и иррационалистических моделей восприятия действительности, распространение девиантных практик адаптации к меняющейся реальности. В России и европейских странах стали стремительно распространяться девиантные практики нового типа, которые, помимо традиционно маркируемых государством и обществом как аномалии (преступность, алкоголизм, проституция, самоубийства), стали осмысливаться как социальные болезни новой эпохи. К ним можно отнести феномен уличной жестокости/«хулиганства», порожденный становлением «человека масс», урбанизацией, конфликтом культур; сексуальные извращения и нетрадиционные сексуальные практики, связанные с кризисом традиционной морали, поисками новой идентичности, «открытые» обществом в связи с возможностями их интерпретации в рамках развивавшейся психиатрии и психоанализа; распространение детской проституции; рост наркотизма, превращение его в элемент образа жизни; мода на оккультизм, распространение оккультных практик как средства преодоления социально-стрессовых ситуаций.

Исследование причин, условий распространения и механизмов воспроизводства девиантных социальных практик, вариантов их осмысления и форм репрезентаций в социальной практике, общественном, научном дискурсе и художественном творчестве является актуальной научной проблемой. Научное осмысление девиантных форм поведенческой адаптации к ситуации социального и ценностного кризиса, их ретроспективный анализ дает материал для оценки и прогнозирования современных трендов социального развития.

Методология исследования социальных девиаций в период кризиса модерна: возможности социологических теорий

Методология исследования социальных девиаций носит междисциплинарный характер, опирается на подходы и инструментарий ряда социально-гуманитарных дисциплин: социологии, истории, психологии, лингвистики. Мы обратим внимание на эвристический потенциал теорий девиантного поведения, в рамках которых проблематика девиаций разработана наиболее глубоко и комплексно. Наряду с социологическими существуют биологические и психологические концепции, объясняющие физиологическими и психологическими особенностями людей отклонения в их поведении⁴. Нейл Смелзер убедительно показал их ограниченность, отмечая, что девиация возникает в результате сочетания многих социальных и психологических факторов, социологическое объяснение учитывает как социальные, так и культурные факторы, на основе которых людей считают девиантами⁵.

⁴ Смелзер 1994: 203–206; Кошарная, Мордишева 2010: 70–73.

⁵ Смелзер 1994: 206.

Впервые социологическое объяснение девиации было предложено в теории аномии, разработанной Эмилем Дюркгеймом. Концепция аномии Э. Дюркгейма позволяет изучить причины и формы развития социальных девиаций в быстро меняющихся обществах, когда старые социальные нормы уже не работают, а новые еще не освоены («конфликт норм») или когда некоторые социально значимые сферы жизнедеятельности остаются неурегулированными («нормативный вакуум»). В своей работе «Норма и патология»⁶ Э. Дюркгейм утверждает, что девиантное поведение присуще обществам всех типов, но его формы меняются; если в стабильном обществе стабилен и уровень девиантных проявлений, то в быстро меняющихся обществах наблюдается состояние социальной аномии (безнормности, неуправляемости), утрачивается эффективность нормативных и нравственных рамок, регулирующих социальную жизнь, имеют место ценностная дезориентация и социальная дезорганизация, вызывающие резкий рост социальных девиаций. Теория Э. Дюркгейма позволяет выявить в социальной реальности России и европейских стран на рубеже XIX–XX вв. конкретные проявления аномии и их корреляция с возникновением новых социальных патологий и девиантных практик, ростом девиантного поведения в целом.

Н. Смелзер в своей книге «Социология» в последней трети XX в. подчеркивал актуальность идей Э. Дюркгейма: «Хотя теория Дюркгейма подверглась критике, основная мысль о том, что социальная дезорганизация является причиной девиантного поведения, и в наши дни считается общепризнанной. Термин «социальная дезорганизация» обозначает состояние общества, когда культурные ценности, нормы и социальные взаимосвязи отсутствуют, ослабевают или противоречат друг другу»⁷. Положения Дюркгейма были развиты Р. Мертоном, П. Сорокиным, Н. Смелзером. Р. Мертон, в противовес биологическим теориям, обращался к социально-культурным факторам отклоняющегося от нормы поведения. Он считал причиной девиаций разрыв между культурными целями общества и социально одобряемыми средствами их достижения. В результате способ достижения цели, наиболее практичный с технической точки зрения, независимо от того, законен он или нет, может получить предпочтение перед институционально предписанным поведением. По мере развития этого процесса интеграция общества ослабевает и развивается аномия⁸. «Чрезвычайное значение, придаваемое в нашем обществе накоплению богатства в качестве символа успеха, – писал он, – препятствует установлению полностью эффективного контроля над использованием институционно урегулированных способов приобретения состояния. Обман, коррупция, аморальность, преступность, весь набор запрещенных средств становится все более обычным, когда значение, придаваемое стимулируемой данной культурой

⁶ Дюркгейм 1966: 39–44.

⁷ Смелзер 1994: 207.

⁸ Мертон 1966: 301–302.

цели достижения успеха, расходится с координированным институциональным значением средств»⁹. В результате такой структурной непоследовательности формируется психопатическая личность и(или) антисоциальное поведение, и(или) революционная деятельность¹⁰. Теория Мертона позволяет на конкретно-историческом материале исследовать проявления этого противоречия, выявить его влияние на социальную ситуацию в целом и рост девиантных практик, в частности. Она дает объяснение так называемому «феномену завышенных/обманутых ожиданий», порождающему относительную депривацию – психологическую неудовлетворенность достигнутым уровнем жизни у различных слоев населения, разрыв между тем, что есть, и тем, что хочется и «должно быть»¹¹. Феномен завышенных ожиданий и их последствий изучил применительно к России Л. Хеймсон, писавший: «Еще в конце XIX в. в России становятся заметными признаки того, что начался процесс, который западные общественные науки называют «revolution of rising expectations» – резкое повышение уровня социальных ожиданий и требований, а также общее недовольство своим положением среди населения больших городов и крупных промышленных и торговых центров»¹². В этом же ключе трактует причины Революции 1917 г. Б.Н. Миронов: «Когда относительная депривация - ее называют также коллективной завистью - охватывает целые социальные группы, она становится причиной яростной агрессии против властей, элит и законов»¹³. Рост социальной напряженности, девиантных практик, революционных и протестных настроений, как следствие выявленного Р. Мертоном противоречия, были характерной чертой социально-политического развития стран в условиях ускоренной модернизации.

П. Сорокин осмысливал причины девиантности в контексте представлений о природе социокультурной динамики, цикличности социального развития. В работе «Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали» он писал, что социальная среда и социальное взаимодействие динамичны по своей природе, а изменение среды вызывает необходимость изменения и шаблонов группового поведения. Благодаря неодинаковой эластичности старых шаблонов у различных индивидов и благодаря тому, что не все индивиды стоят в одинаковом отношении к новым условиям, приспособление к ним шло и идет не одновременно..., одни опаздывают, другие опережают. Благодаря этой неодновременности в данной группе возникает конфликт шаблонов, а тем самым и конфликт между различными частями группы¹⁴.

⁹ Мертон 1966: 302.

¹⁰ Там же: 309–310.

¹¹ Миронов 2019: 156.

¹² Хеймсон 1993: 6.

¹³ Миронов 2019: 156.

¹⁴ Сорокин 2006: 359.

Аномия, как отмечал П. Сорокин, увеличивается в переходные, кризисные периоды в развитии обществ, характеризующиеся резким ростом отклонений в поведении людей. По мнению П. Сорокина, на рубеже XIX–XX вв. организм западного общества переживал один из самых сильных и глубоких кризисов за всю свою историю, «его признаки стали особенно явными, когда закончился XIX век и мы вступили в век XX», – писал он. П. Сорокин обосновал положение о кризисе «чувственной культуры» Запада, нацеленной на удовлетворение материальных потребностей людей, необходимости перехода к «идеациональной» или «идеалистической» культуре, суть которой – обуздание инстинктов, гуманизация, облагораживание человека путем его приобщения к Божественному Абсолюту¹⁵.

П. Сорокин обосновал влияние войн и революций XX в. на рост девиантности в поведении масс, изменение их ценностей и психологических установок¹⁶. По мнению социолога, в результате социальных катаклизмов происходит дезинтеграция моральных и других норм, которые изнутри контролируют и управляют поведением индивидов и групп¹⁷. Объясняя эту трансформацию, он отмечал, что совершаемые нами действия не проходят бесследно для нас самих, наши поступки рикошетом видоизменяют нашу душу и поведение. Тем более это относится к актам и поступкам, прививаемым войной и революцией. «И война, и революция представляют могучие факторы изменения поведения... Мирная жизнь тормозит акты насилия, убийства, зверства, лжи, грабежа, обмана, подкупа и разрушения. Война и революция, напротив, требуют их, прививают эти рефлексy, благоприятствуют им всячески... Война и революция требуют беспрекословного повиновения (в противовес творчеству, праву и т.п.), душат личную инициативу, личную свободу, прививают и приучают к чисто разрушительным актам, отрывают и отучают от мирного труда... Война и революция выращивают и культивируют вражду, злобу, ненависть, посягательство на жизнь, свободу и достоинство других. Следствием войны и революции является «оголение» человека от всего костюма культурного поведения. С него спадает тонкая пленка подлинно человеческих форм поведения, которые представляют нарост над рефлексами и актами чисто животными»¹⁸. Изучение практик насилия и выживания эпохи военно-революционных потрясений нач. XX в., военно-революционного кризиса 1914–1921 гг., гражданских войн, «военизированного насилия» 1917–1923 гг. в России и Европе¹⁹, дают богатый материал, подтверждающий правоту положений П. Сорокина, характеризующих влияние войн и революций на уровень и характер социальных девиаций.

¹⁵ Там же: 786–794.

¹⁶ Сорокин 1994: 458–460; Сорокин 1993: 29–30.

¹⁷ Сорокин 1993: 29–30.

¹⁸ Сорокин 1994: 458–459.

¹⁹ Нарский 2001; Holquist 2002; Война во время мира 2014.

Значительный вклад в разработку теории девиантного поведения внес Н. Смелзер. Смелзер выделял нормы-правила, представляющие собой основные механизмы, регулирующие общественную жизнь, и менее важные нормы-ожидания, нарушение которых не приводит к суровому наказанию²⁰. Социальная девиация представлялась Смелзеру системой, включающей три основных компонента: человека, которому свойственно определенное поведение; норму или ожидание, являющиеся критерием оценки поведения как девиантного; другую группу или организацию, реагирующие на данное поведение²¹. «Девиация, – писал он, – с трудом поддается определению, что связано с многообразием социальных ожиданий, которые часто представляются спорными. Эти ожидания могут быть неясными, меняющимися со временем, кроме того, на основе разных культур могут формироваться различные социальные ожидания.

С учетом этих проблем, социологи определяют девиацию как поведение, которое считается отклонением от норм группы и влечет за собой изоляцию, лечение, исправление или другое наказание»²². Эти факторы (релятивная природа девиации, неопределенность ожиданий, разногласие по вопросу о правилах) свидетельствуют о недопустимости навешивания ярлыка девиантности на некий вид поведения при всех обстоятельствах²³. Разумно считать девиацию такой же «естественной», или «нормальной» формой поведения, как, например, конформизм. То, что общество создает стандарты (ожидания) поведения, подразумевает, что оно не всегда им соответствует²⁴. Эта теория, акцентирующая внимание на релятивной природе девиаций, позволяет исследовать изменение норм и социальных ожиданий в переходные эпохи, влияние кризисных периодов на трансформацию социальных практик в целом и девиантности, в частности, появление ее новых форм.

Релятивизация социальных норм и ожиданий, определяющих девиации, наиболее ярко проявлялась в социокультурных, досуговых практиках и образе жизни творческой богемы нач. XX в. в Европе и России. Исследование М. Элиаде интереса *fin de siècle* к оккультизму²⁵ показало, что французские писатели использовали оккультизм как мощное орудие бунта против господства буржуазии и ее идеологии²⁶, а пробуждение интереса писателей к оккультизму совпало (по крайней мере, частично) во времени с исследованиями Бессознательного Фрейдом и с открытием психоаналитического метода, который в значительной степени способствовал изменению европейских нравов и образа мыслей. Фрейд обосновал гносеологическое значение порождений фантазии, которые

²⁰ Смелзер 1994: 220–221.

²¹ Там же: 239.

²² Там же.

²³ Там же: 202.

²⁴ Там же.

²⁵ Элиаде 2002: 86–92.

²⁶ Там же: 90.

до тех пор считались бессмысленными или непонятными²⁷. Одной из репрезентаций моды на оккультизм было и появление в России Теософского Общества мадам Блаватской²⁸.

Изучение мироощущения русских символистов в единстве их новаторских художественных и жизненных практик позволило О. Матич квалифицировать их как опыт реализации эротической утопии²⁹. Исследователь повседневной жизни и творчества российской театральной богемы Серебряного века Л.И. Тихвинская говорит о практиках наркотизма и эротизма в их среде³⁰. О распространенности девиаций среди богемы повествуют мемуаристы, например, А. Белый: «Иные из нас, задыхаясь во все заливающим мещанстве, ...аплодировали всему «ненормальному», «необщему», «болезненному», выявляя себя и антисоциально»³¹, говорит о «душной наркотике эротизма»³². В 1891 г. Петербургские «Новости» напечатали статью В.О. Португалова «Элегантное пьянство», где отмечалось, что морфинизм распространяется во всех культурных странах, в Париже учреждены «институты наркоманов», велико влияние этой моды на Россию³³. Данные исследований позволяют констатировать эстетизацию богемой девиантного поведения, порождавшую не только новые социокультурные практики (наркотизм, эротизм, оккультизм), но и коррозию существующих норм, влиявшую на повседневность городского социума в целом.

Феномен девиантности и механизмы социального контроля исследовал Т. Парсонс, рассматривавший их как свойства социальных систем, в частности систем социального взаимодействия. Он подчеркивал, что анализ девиантности должен осуществляться в контексте системы социального взаимодействия, а культурные модели, являющиеся ее частью, всегда нормативны. Концепцию девиантности как нарушение равновесия системы взаимодействия он считал перспективной для анализа социальных систем³⁴.

Очевидно, что стремительные социокультурные трансформации рубежа веков сопровождались разрушением систем социального взаимодействия, сложившихся в предшествующий период. Теория Т. Парсонса позволяет исследовать влияние новых, протестных и альтернативных по отношению к существующим культурным нормам, социальных практик и форм поведения на систему социального взаимодействия. Эпоха fin-de-siècle, со всеми ее политическими, социальными и культурными катаклизмами, стала плодородной почвой как для духовного новаторства, так и деструктивных эмоций, душевных заболеваний,

²⁷ Там же: 91–92.

²⁸ Там же: 88.

²⁹ Матич 2008.

³⁰ Тихвинская 2005: 106–107, 273, 280, 292.

³¹ Белый. Начало века: 9–10.

³² Белый. Между двух революций: 361.

³³ Девиантность и социальный контроль 2000: 218.

³⁴ Парсонс 2002: 360–361.

девиантных практик. Концепция социального контроля Т. Парсонса ориентирует на изучение на конкретном историческом материале рубежа XIX–XX вв. действие таких его механизмов как институционализация, санкции, ритуалы, использование реинтегративных структур³⁵.

Теории стигматизации (этикетирования, клеймления), среди которых выделим концепцию Г. Беккера³⁶, объясняют девиантное поведение способностью влиятельных групп ставить клеймо «девиантов» членам менее влиятельных групп. С этой точки зрения девиация не качество поступка, который совершает человек, а скорее следствие применения другими людьми правил и санкций против «нарушителя»³⁷.

Как отмечают Г.Б. Кошарная и Л.Н. Мордишева, теория стигматизации, вскрывая существенный пласт взаимоотношений преступника и общества, страдает односторонностью: «При широкой трактовке стигматизации получается, что если упразднить стигматизацию (клеймление), то исчезнет и девиантность. Невозможно также уничтожить нормативную систему общества или, по меньшей мере, все запрещающие нормы, без которых социальная система существовать не может»³⁸. В этой констатации отражается недооценка эвристической значимости теории, которую обоснованно характеризует Смелзер: «В отличие от концепций, обращающих основное внимание на особенности индивидов, способствующие девиации, теория стигматизации объясняет, каким образом формируется отношение к людям, как девиантам»³⁹.

Теория стигматизации вооружает оптикой исследования восприятия «социальных болезней» власть имущими, представителями профессиональных сообществ – сотрудниками медицинских учреждений, полиции, органов социального призрения, влиятельными социальными институтами и группами (например, сельскими общинами в России). Она ориентирует на реконструкцию механизма действия стигматизации и оценку его изменений, в частности, определение правил и санкций, применявшихся к нарушителям существующих норм, спектра «работающих» и уже не действующих образцов, утрачивающих значение эталонов в условиях социального и ценностного кризиса.

Значительным эвристическим потенциалом объяснения роста социальных девиаций на рубеже XIX–XX вв. в России и Европе обладает теория конфликта культур Торстена Селлина⁴⁰. Селлин рассматривал конфликт между культурными ценностями и нормами различных слоев и групп общества как важный фактор роста преступности. Теория Селлина, в частности, позволяет осмыслить влияние конфликта культур на рост девиантности в ситуации массовых миграций, когда представите-

³⁵ Там же: 422–442.

³⁶ Becker 1963.

³⁷ Смелзер 1994: 213.

³⁸ Кошарная, Мордишева 2010: 77.

³⁹ Смелзер 1994: 214.

⁴⁰ Sellin 1938.

ли одной культуры попадают в среду другой, ценности и нормы разных культур вступают в противоречие друг с другом. Так, в России, после реформ Александра II, массовые миграции из деревни в город порождали социокультурное напряжение, культурный конфликт двух миров. Он протекал в пространстве города, с его относительной свободой, стимулировал такие формы адаптации и протеста вчерашних крестьян, оказавшихся вне привычного контроля общины, как хулиганство, алкоголизм, сексуальная распущенность и др. Селлин считал, что девиация имеет место, когда индивид идентифицирует себя с субкультурой, нормы которой противоречат нормам доминирующей культуры. Действием этого механизма можно объяснить больший уровень преступности среди рабочих, вчерашних крестьян, субкультура которых в России на рубеже XIX–XX вв. существенно отличалась от доминирующей культуры городского социума. Для рабочих был характерен ряд общих черт духовного облика и представлений по кардинальным вопросам социальной, экономической и политической жизни, определявших их поведение, специфические обычаи, традиции, нравы⁴¹. К характеристикам ментальности рабочих рассматриваемого периода можно отнести нескрываемую неудовлетворенность своим экономическим и правовым положением; ослабление религиозных предостережений и несоблюдение сложившихся в прошлом норм поведения; особые манеры, пренебрежение законом и неповиновение властям; стремление изменить свое положение с помощью организации революционеров и массовых выступлений⁴². Девиации в поведении рабочих во многом определялись их психологической неудовлетворенностью, относительной социальной депривацией, имевшими место в ситуации конфликта культур.

Таким образом, изучение исторической и социокультурной ситуации в России и европейских странах на рубеже XIX–XX вв. позволило исследователям констатировать кризис модерна, порожденный ускорением социальных трансформаций, усилением неустойчивости и неравномерности в развитии социумов и мировой системы в целом.

Распад традиционного уклада жизни и коррозия ценностей под влиянием модернизации и разрушительных последствий индустриализма, рост противоречий в развитии человеческой цивилизации на рубеже XIX–XX вв., приведший к первой в истории мировой войне, определили появление конфликтных, модернистских и иррационалистических моделей восприятия действительности, ценностный кризис в социумах, переживавших социокультурную трансформацию, распространение девиантных практик адаптации к меняющейся реальности.

В ситуации кризиса модерна на рубеже XIX–XX вв. стали стремительно распространяться новые виды девиаций, которые осмысливались как «социальные болезни» новой эпохи, новые экзистенциальные угрозы. Новые девиации были маркерами социального неблагополучия,

⁴¹ Кирьянов 1997: 40–51; Полищук 1997: 115–128.

⁴² Кирьянов 1997: 51.

страхов и тревожных ожиданий, социально-психологической нестабильности и напряженности, сопровождавших переживание людьми глубоких политических, социально-экономических и социокультурных трансформаций, одновременно являясь объектом осмысления/освоения в дискурсах и поведенческих практиках.

Изучение социальных девиаций рассматриваемого периода может быть плодотворно осуществлено на основе междисциплинарного подхода, имплементации идей и методов социальных и гуманитарных наук. Теоретически осмыслить социальные девиации позволяют социологические концепции, обладающие богатым эвристическим потенциалом. Рассмотренные социологические теории предлагают интеллектуальный инструментарий исследования ряда взаимосвязанных проблем. Среди них стоит выделить причины, условия распространения и механизмы воспроизводства девиантных социальных практик; конкретные проявления аномии, релятивизации социальных норм и ожиданий в быстро меняющихся социумах; влияние структурных противоречий, нормативного конфликта, войн и революций на изменение ценностей и психологических установок, способствующее росту девиантности; роль конфликта культур в распространении девиантных практик; характер и эффективность государственных и социальных мер, направленных на преодоление социальных девиаций и их последствий. Социологические теории ориентируют также на изучение восприятия традиционных и новых «социальных болезней» различными слоями населения, представителями правительственных, профессиональных структур, репрезентации девиаций в дискурсах и социальных практиках.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Безгин В.Б., Жеребчиков Д.П. Социальные девиации периода российской модернизации в современных исторических исследованиях // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал) 2015. № 5 (49). С. 190–206. [Bezgin V.B., Zherebchikov D.P. *Sotsial'nye devitsii perioda rossiiskoi modernizatsii v sovremennykh istoricheskikh issledovaniyakh* (Problems of social deviance reflected in modern historical research works) // *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem* (elektronnyi nauchnyi zhurnal). 2015. № 5 (49). S. 190–206].
- Бельи А. Между двух революций. М.: Художественная литература, 1990. 588 с. [Belyi A. *Mezhdu dvukh revolyutsii* (Between two revolutions). M.: Khudozhestvennaya literatura, 1990. 588 s.].
- Бельи А. Начало века. М.: Художественная литература, 1990 [Belyi A. *Nachalo veka* (The beginning of the century). M.: Khudozhestvennaya literatura, 1990].
- Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923. М.: Новое литературное обозрение, 2014 [Voina vo vremya mira: Voenizirovannyye konflikty posle Pervoi mirovoi voyny. 1917–1923 (War during Peace: Paramilitary conflicts after the First World War. 1917–1923). M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014].
- Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление. СПб.: Алетейя, 2000 [Deviantnost' i sotsial'nyi kontrol' v Rossii (XIX–XX vv.): tendentsii i sotsiologicheskoe osmyslenie (Deviance and Social Control in Russia (XIX–XX centuries): trends and sociological comprehension). SPb.: Aleteiya, 2000].
- Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966. С. 39–44. [Dyurkgeim E. *Norma i patologiya* (Norm and pathology) // *Sotsiologiya prestupnosti* (Sovremennyye burzhuznyye teorii). M.: Progress, 1966. S. 39–44].
- Кириянов Ю.И. Рабочие в России на рубеже XIX – XX вв. // Отечественная история. 1997. № 4. С. 40–51. [Kir'yanov Yu.I. *Rabochie v Rossii na rubezhe XIX–XX vv.* (Workers in Russia at the turn of the XIX–XX centuries) // *Otechestvennaya istoriya*. 1997. № 4. S. 40–51].

- Кошарная Г. Б., Мордишева Л. Н. Основные подходы к изучению девиантного поведения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. Социология. № 1 (13), 2010. С. 70–81. [Kosharnaya G. B., Mordisheva L. N. Osnovnye podkhody k izucheniyu deviantnogo povedeniya (The main approaches to the study of deviant behavior) // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki. Sotsiologiya. № 1 (13), 2010. S. 70–81].
- Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siecle в России. 2008: <https://litresp.ru/chitat/ru/M/match-oljga/eroticheskaya-utopiya-novoe-religioznoe-soznanie-i-fin-de-sicle-v-rossii> (02.02.2024). [Matich O. Eroticheskaya utopiya: novoe religioznoe soznanie i fin de siecle v Rossii (Erotic Utopia: a new religious consciousness and fin de siecle in Russia) 2008: <https://litresp.ru/chitat/ru/M/match-oljga/eroticheskaya-utopiya-novoe-religioznoe-soznanie-i-fin-de-sicle-v-rossii> (02.02.2024)].
- Мертон Р. Социальная структура и anomия / Социология преступности (Современные буржуазные теории) М.: «Прогресс», 1966. С. 299–313. [Merton R. Sotsial'naya struktura i anomiya / Sotsiologiya prestupnosti (Sovremennye burzhuzaznye teorii) (Social structure and anomie). M.: Progress», 1966. S. 299–313].
- Миронов Б.Н. Российская модернизация и революция. Санкт-Петербург: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2019 [Mironov B.N. Rossiiskaya modernizatsiya i revolyutsiya (Russian Modernization and Revolution). Sankt-Peterburg: DMITRII BULANIN, 2019].
- Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001 [Narskii I.V. Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg. (Life in a catastrophe: everyday life of the population of the Urals in 1917–1922). M.: ROSSPEN, 2001].
- Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический проект, 2002 [Parsons T. O sotsial'nykh sistemakh / Pod red. V.F. Chesnokovoi i S.A. Belanovskogo. (About social systems). M.: Akademicheskii projekt, 2002].
- Полищук Н.С. Обычаи и нравы рабочих России (конец XIX – нач. XX в.). // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г. СПб.: БЛИЦ, 1997. С. 115–128. [Polishchuk N.S. Obychai i нравы rabochikh Rossii (konets XIX – nach. XX v.) (Customs and tempers of the Russian workers (late XIX – beginning of the XX century). // Rabochie i intelligentsiya Rossii v epokhu reform i revolyutsii. 1861 – fevral' 1917 g. SPb.: BLITs, 1997. S. 115–128].
- Смелзер Н. Социология: пер. с англ. М.: Феникс, 1994 [Smelzer N. Sotsiologiya: per. s angl. (Sociology). M.: Feniks, 1994].
- Сорокин П. Главные тенденции нашего времени. М.: Ин-т социол., 1993 [Sorokin P. Glavnye tendentsii nashego vremeni (The main trends of our time). M.: In-t sotsiol., 1993].
- Сорокин П.А. Кризис нашего времени // Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. С. 786–794 [Sorokin P.A. Krizis nashego vremeni (The crisis of our time). // Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika. M.: Astrel', 2006. S. 786–794].
- Сорокин П. Общедоступный учебник по социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994 [Sorokin P. Obshchedostupnyi uchebnyk po sotsiologii. Stat'i raznykh let (A public textbook on Sociology. Articles from different years). M.: Nauka, 1994].
- Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М.: Астрель, 2006 [Sorokin P.A. Prestuplenie i kara, podvig i nagrada: sotsiologicheskii etyud ob osnovnykh formakh obshchestvennogo povedeniya i moral (Crime and punishment, feat and reward: a sociological study on the basic forms of social behavior and morality). M.: Astrel', 2006].
- Сорокин П. Современное состояние России // Общедоступный учебник по социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. С. 486–571. [Sorokin P. Sovremennoe sostoyanie Rossii (The current state of Russia) // Obshchedostupnyi uchebnyk po sotsiologii. Stat'i raznykh let. M.: Nauka, 1994. S. 486–571].
- Тихвинская Л.И. Повседневная жизнь театральной богемы Серебряного века: Кабаре и театры миниатюр в России. 1908–1917. М.: Молодая гвардия, 2005 [Tikhvinskaya L.I. Povsednevnyaya zhizn' teatral'noi bogemy Serebryanogo veka: Kabare i teatry miniatyur v Rossii. 1908–1917 (The daily life of theatrical bohemians of the Silver Age: Cabarets and miniature theaters in Russia. 1908–1917). M.: Molodaya gvardiya, 2005].
- Хеймсон Л. Об истоках революции // Отечественная история. 1993. № 6. С. 3–15. [Kheimson L. Ob istokakh revolyutsii (About the origins of the Revolution) // Otechestvennaya istoriya. 1993. № 6. S. 3–15].

- Элиаде М. Оккультизм, колдовство и моды в культуре. М.: «Гелиос», 2002 [Eliade M. Okkultizm, koldovstvo i mody v kul'ture (Occultism, sorcery and fashion in Culture). M.: «Gelios», 2002].
- Becker H. The Outsiders. Studies in the Sociology of Deviance. New York, London: The Free Press, 1963.
- Davis B. Experience, Identity, and Memory: the Legacy of World War I // The Journal of Modern History. 2003. Vol. 75, no. 1. P. 111–131.
- Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge, Mass., London: Harvard University Press, 2002.
- Jelavich P. German culture in the Great War // European culture in the Great War. Cambridge, 1999. P. 32–57.
- Leed Eric J. No Man's Land. Combat and Identity in World War I. Cambridge: Cambridge University press, 1979. 257 p.
- Sellin, T. Culture, conflict, and crime. New York: Social Science Research Council, 1938.
- Winock M. Décadence fin de siècle. Paris: Gallimard, 2017.
- Wohl R. The Generation of 1914. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1979.

Поршнева Ольга Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина o.s.porshneva@urfu.ru

The Heuristic Potential of Sociological Theories in the Study of Social Deviations in Russia and Europe at the Turn of the XXth Century

The article reveals the heuristic potential of sociological theories in the study of deviant practices that have become widespread in Russia and Europe in the context of the crisis of modernity at the turn of the XX century. The cognitive possibilities of the concepts of E. Durkheim, R. Merton, P. Sorokin, N. Smelzer, T. Parsons, H. Becker, T. Sellin, the use of their ideas for the study of the problems of social deviations are considered. It is concluded that they allow us to study a number of interrelated problems, including the causes of the spread and conditions of reproduction of deviant social practices; manifestations of anomie in rapidly changing societies; the impact of cultural conflict, wars and revolutions on nature and level of social deviations; social control measures and their effectiveness; perception of deviations and their representation in discourses and social practices.

Keywords: *methodology, sociological theories, social deviations, crisis of modernity, Russia, Europe.*

Olga Porshneva, Dr. Sc. (History), Professor, Ural Federal University after the first President of Russia B.N. Yeltsin; o.s.porshneva@urfu.ru

Д.С. ТКАЧЕНКО

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ОСВОЕНИЕ КАВКАЗА
В КОНТЕКСТЕ ОРИЕНТАЛИСТСКОГО НАРРАТИВА
ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1820–1840 ГГ.***

В статье анализируется ориенталистский дискурс нарратива, определявший логику и смыслы составления военно-политических и этнокультурных описаний событий на Кавказе и жителей региона. Источниками анализа стали публикации современников в центральных и региональных периодических изданиях первой половины XIX в. Периодические издания представляли читателям знания о своем регионе и транслировали четкие политические и культурные установки, легитимировали и усиливали сложившиеся отношения как внутри региональных сообществ, так и их с центральной имперской администрацией. Авторов статей различного содержания и политических взглядов, в описаниях народов региона объединяло использование ряда постулатов, терминов и методологических подходов, сложившихся в европейской колониальной практике XVIII–XIX вв. при описаниях Восточных культур.

Ключевые слова: *Ориентализм, колониальный дискурс, периодическая печать, Тифлиссские ведомости, Закавказский вестник, Северная Пчела, Северный Архив, Телескоп, Московский телеграф, Отечественные записки, Русский инвалид.*

Созданная Э. Саидом в конце 1970-х гг. концепция ориентализма продолжает вызывать дискуссию в отечественной и зарубежной исторической науке¹. Несмотря на то, что в XVIII–XIX вв. под ориентализмом понимали лишь конгломерат наук, связанных с изучением Востока, ученый значительно расширил его определение, связав власть и знание, а ориентализм с проводимой Западными странами политикой по отношению к народам Востока. Возникнув и развиваясь как механизм, позволявший европейцам идентифицировать себя на основе отрицания принадлежности к порицаемым восточным политическим, культурным и поведенческим практикам², ориентализм в XIX в. превратился в мощный политико-идеологический инструмент строительства империй. Он по словам Саида, стал своеобразным «научным обоснованием» колониализма³, где созданный образ Востока свелся к набору удобных для европейских политических кругов идей и нарративов, призванных помочь в управлении территориями⁴.

Вопрос о применимости теории Саида к Российской империи до сих пор является остро дискуссионным. Ответ на него по оценке Д. Схиммельпэннинка целиком зависит от решения глобальной проблемы применимости всех европейских политико-экономических и культур-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00302, <https://rscf.ru/project/23-28-00302/>

¹ Анализ современного состояния ориентализма в отечественной науке, см. в Бобровников 2016.

² Саид 2021: 51.

³ Саид 2021: 75.

⁴ Саид 2021: 28–29.

ных теорий, рожденных на Западе к России⁵. В связи с этим, целью настоящей статьи является попытка проследить то, как общеевропейские ориенталистские штампы проявлялись в центральной и региональной периодической печати первой половины XIX в., освещавшей круг проблем, возникавших на Кавказской окраине России.

Мы останавливаемся на анализе только двух из трех составляющих саидовской модели ориентализма⁶: особом дискурсе – наборе европейских взглядов, идей и теорий о Востоке, которые диктовали авторам газетных статей логику выстраивания образов в нарративе о народах Кавказа и на том, как этот нарратив был связан с проводимой имперскими военно-административными властями политикой в регионе. Третья важная часть этой модели – конгломерат научных дисциплин и знаний о Востоке, взаимосвязанных как с дискурсом, так и с политикой, остался за рамками данной статьи, так как требует отдельного исследования, которое должно сделать акцент на анализе академических, а не публицистических изданий того времени, таких, например, как Записки Кавказского отдела РГО, Сборниках сведений о кавказских горцах или Сборнике сведений о местностях и племенах Кавказа.

Периодические издания XIX в. не раз становились объектом изучения современных исследователей⁷, однако, большинство авторов обращали внимание на содержание статей, а не на построение нарратива в них. Только в самое последнее время в контексте изучения проблемы связи власти и знаний исследователями высказывается идея, что развитие публицистики об окраинах империй следует рассматривать как один из инструментов для организации управления этими территориями⁸. Периодические издания не только предлагали читателям знания о регионе, региональном сообществе и внешнем мире, но также транслировали и четкие политические установки. Заметки в них часто усиливали имевшиеся у обывателя представления о себе и «других», о государстве и имперском общественном порядке⁹.

Круг популярных центральных российских периодических изданий, в которых в той или иной степени поднималась Кавказская проблематика, был достаточно широк. «Северная Пчела», «Северная почта» и «Северный Архив», «Журнал Министерства народного просвещения» и «Журнал Министерства Внутренних дел», «Русский вестник» и «Русский инвалид», «Телескоп» и «Московский телеграф», «Отечественные записки», «Литературная газета», «Вестник Европы» и «Библиотека для чтения», составляли основу центральных изданий Санкт-

⁵ Схиммельпэннинк 2019: 19.

⁶ Саид 2021: 19–22.

⁷ См., напр.: Тахушева 2020; Белоусова 2016 и др.

⁸ См., напр. материалы конференции “Print Media in the Colonial World”, где проблемы функционирования периодических изданий в колониях рассматривались с позиций постколониализма: Print Media 2015, а также статьи: Asseraf 2022; Potter 2007.

⁹ Цит. по Leow 2015.

Петербурга и Москвы. Они отличались как концепцией издательской деятельности, так и политической направленностью и симпатиями своих издателей. Кавказская тематика, поднимаемая в них, была также разноплановой: от печатания литературных фантазий до издания отрывков из реляций военных о результатах их экспедиций. Для нашего исследования представляют интерес статьи историко-этнографического характера, которые в максимально емком виде отражают те направления имперского знания о народах Кавказа, которые власти считали достойными популяризации среди широкой общественности России.

Анализ тематики издательской деятельности отражает и редакторскую политику центральных периодических изданий 1820–1840 гг. Так, журнал «Русский вестник» опубликовал за это время 7 статей, связанных с этнографией народов Кавказа (Д. Зубарева, Н. Окольниковичева, Хан-Гирея и др.), тогда как известная «Библиотека для чтения» ограничилась лишь публикацией отрывков из работ Страббона о Кавказе, подготовленных профессором Э. Эйхвальдом¹⁰. Ориенталистские увлечения редактора «Библиотеки», О.И. Сенковского проявлялись по отношению к Кавказу в основном в печатании романтических зарисовок, таких, как «Кавказские очерки» Бесстужева-Марлинского¹¹, которые несут слабую этнографическую нагрузку.

Региональные издания были представлены издававшимися общекавказскими газетами конца 1820–1840-х гг. Их в это время было только две – «Тифлиссские ведомости» и «Закавказский вестник», которые являлись отражением культурной и информационной политики высшей военно-гражданской администрации Кавказа.

Первые этнографические заметки о Кавказе и его жителях, появившиеся в печати в начале XIX в., носили общий информационный характер. По своему жанру они перекликались со статистическими описаниями, выполненными российскими военными исследователями, проникавшими в регион ранее¹². Примером этого подхода может служить статья П.М. Литвинова, посвященная обзору отдельных областей Грузии. В ней автор давал описание географии и природы, а также отдельные этнографические зарисовки жителей и их нравов. «Народ по горам живущий, отличается проворством и силой и имеет некоторое понятие о нужных в жизни ремеслах»¹³, – пишет исследователь.

Литвинов не делал выводов из информации энциклопедического характера, однако само построение нарратива содержало целый ряд общеευропейских ориенталистских штампов. «Вообще горские обитатели одарены от природы отличными способностями, – пишет автор, – но надобно раскрыть и образовать их приобщением людей сих к луч-

¹⁰ Эйхвальд 1838.

¹¹ Бесстужев-Марлинский 1834.

¹² Гербер 1760: 3–232; Бурнашев 1793.

¹³ Литвинов 1806: 129.

шему образу жизни, усовершенствованием между ними земледелия и торговли, распространением полезных знаний и художеств»¹⁴. Творчество Литвинова – пример того, как нарратив периодической печати конструировал удобный для имперского сознания образ социальных явлений, политических и культурных отношений¹⁵. В начале XIX в. это была трансляция распространенного в ранней европейской колониальной практике образа отсталой земли, ждущей, когда внешняя сила предоставит ей средства прогресса¹⁶. Противопоставление Запада и Востока и отсталость последнего не вызывали сомнений у автора.

Указанный политико-идеологический посыл транслировали и заметки других авторов, помещенные в центральных периодических изданиях. Их нарратив добавлял к нему лишь идею о процветании народов, покорившихся Российскому правительству. Так, рассказывая историю переселения осетин с гор в район российской крепости Владикавказ, автор одной из статей отмечает, что «народ сей, сколько был беден при поселении, столько теперь изобилует хлебом и скотом...»¹⁷.

Процветанию народов под внешним управлением российских властей противопоставлялось бедственное состояние тех, кто по каким-либо причинам еще не был включен в российскую сферу влияния, или отверг политические амбиции империи. Так, говоря о ближайших к Линии ингушских обществах, автор отмечает, что до подчинения российскому правительству, «дикостью нравов они были подобны зверям, но в последствие из непримиримых врагов они сделались нашими друзьями и находясь под защитой поставленного воинского поста, приохотились к хлебопашеству до такой степени, что ... продают хлеб всем ближайшим горским народам»¹⁸.

В целом, подобные приведенным выше, общие информационные справки о народах Кавказа, как и аналогичные европейские издания начала Нового Времени, рассчитанные на читательскую аудиторию метрополии, говоря о событиях на окраинах диктовали то, как обществу следует понимать явления ее политической и культурной жизни¹⁹. Например, газета «Северная пчела», описывая успехи русского оружия на Кавказском театре Русско-Турецкой войны 1828–1829 гг. давала знаковый комментарий событий: «Где не могут быть русские?! Они были в Париже, они теперь в Эрзеруме. Для них открыты пути в Азию. Потомки Чингисханов и Тамерланов им покоряются, Баязет в их руках, – и султан трепещет!»²⁰. Имперский нарратив в подобных публикациях представлял экспансию на Кавказ в самом благоприятном

¹⁴ Литвинов 1806: 130.

¹⁵ Print Media 2015.

¹⁶ Pratt 1992: 44.

¹⁷ Краткая записка 1826: 22.

¹⁸ Краткая записка 1826: 26.

¹⁹ Print Media 2015.

²⁰ Радожицкий 1 1829: 3.

свете. Он часто сопровождался романтизацией противостояния как с внешним противником, так и с горцами, ярким примером которой могут выступать публикации в 1832 г. писем А.А. Бестужева-Марлинского «из отряда, действующего в Северном Дагестане»²¹. В серии заметок писатель описывает осаду горцами Гази-Магомета крепости Бурной и снятие блокады отрядом солдат Куринского пехотного полка, в составе которого находился автор. В статье описывались страдания оказавшегося в осаде гарнизона, но при этом, не упоминалось о страданиях горцев. В ярких красках рассказывалось Марлинским о разгроме неприятеля при деблокаде Бурной, а уничтожение соседних горских селений представлялось справедливым возмездием за измену²².

Еще более субъективными и романтизированными были «Кавказские очерки», помещенные Бестужевым-Марлинским в «Библиотеке для чтения» в 1834 г. В четырех зарисовках автор делится не столько сведениями о реальных событиях и народах Кавказа, сколько чувствами, которые вызвали у него идеализированные сцены Кавказской природы, увиденные на пути от Каспийского побережья в «горы Лезгистана». Сравнения «унылого полярного неба» сибирской ссылки писателя с «воскресшей природой Востока» на Кавказских границах империи²³ были очень близки тому явлению, который Г. Нэш назвал «эстетическим ориентализмом» – нарративу путешественников, которых Восток привлекает своей красочностью и экзотичностью. Они предлагали читателям знакомиться с Востоком ради получения эстетического удовольствия от созерцания неведомой страны²⁴.

В целом, опубликованные в центральном издании письма Бестужева-Марлинского, рассчитанные на вкусы читательской аудитории столицы, могут быть примером того, как говоря о событиях на имперских окраинах периодическая печать формировала удобную для властей модель вовлечения общества в политику²⁵. Красочный рассказ заставлял читателя сопереживать русским военным, демонизировал «чужих» и показывал героизм «своих». Подобные статьи давали имперской политике четкий фокус, а человек в метрополии, читая описания шокирующих по храбрости подвигов, совершенных его соотечественниками на окраинах мира, неизбежно приходил к мысли о правоте действий своего государства, ведущего экспансию²⁶.

Достаточно прямолинейно в первой четверти XIX в. строилось и повествование о духовной жизни горцев, часто фокусировавшееся на критике ислама. Последний в ориенталистском нарративе чаще всего трактовался негативно, как одна из главных причин стагнации Восточ-

²¹ А.М. 1832.

²² А.М. 1832: 4.

²³ Бестужев-Марлинский 1834.

²⁴ Nash 2016: 112

²⁵ Print Media 2015.

²⁶ Paxman 2011: 108.

ных обществ²⁷. Вопросу распространения ислама на Кавказе была посвящена статья, помещенная в 1832 г. в журнале Телескоп. В ней распространение мусульманской религии среди адыгов автор связывал с проiscaми Порты, которая «стремилась укоренить и поддержать [ислам] дабы сделать из сих диких детей природы религиозных врагов Русским, как гяурам – противникам Магомета»²⁸. Распространение мусульманства автор связывал с невежеством горцев, которые, по его словам, «с восторгом приняли веру, проповедующую чувственные удовольствия»²⁹. В общей логике ориентализма³⁰, автор представлял ислам как внешнее напластование над традиционной культурой³¹. При этом статья скрупулезно перечисляла сохранившиеся у адыгов следы христианской веры. Делалось это ради трансляции одного из основных постулатов имперского религиозного нарратива на Кавказе – тезиса о первенстве православия и его моральном превосходстве над исламом, однако само обращение автора к одной из особенностей религиозного уклада адыгов, придавала статье некоторый этнографический характер.

Вопросами взаимоотношения имперских властей и народов Кавказа занимались не только центральные, но и региональные издания, призванные удовлетворить интеллектуальные запросы образованных людей на фронтире. Многие современные исследователи предлагают рассматривать их как инструмент для организации просвещения и управления³², а также как средство для внесения в интеллектуальное сообщество окраин империи политически значимых направлений идейной жизни и культурных форм ее центра³³. Эти функции общеевропейской колониальной публицистики можно проследить, обратившись и к общей тематике публикаций Тифлиссских ведомостей – первой газеты, учрежденной Кавказской военно-гражданской администрацией в 1828 г. «Я имел в виду, – писал И.Ф. Паскевич, – что сие предприятие доставит правительству удобный способ распространять неприметно между здешними жителями нужные для них сведения и мысли, более согласные с понятиями просвещенных народов, и сим самым послужить к увеличению благонадежного просвещения»³⁴. Командующий войсками считал, что учреждаемое на государственные средства периодическое издание самим фактом своего существования «принесет пользу уничтожением ложных слухов, часто распускаемых здесь в народе и приносящих вредное влияние»³⁵.

²⁷ Jersild 2002: 44

²⁸ Религия 1832: 126.

²⁹ Религия 1832: 127.

³⁰ Jersild 2002: 45.

³¹ Религия 1832: 127.

³² Print Media 2015.

³³ Bhattacharya 2019: 63.

³⁴ АКАК 1878:9.

³⁵ АКАК 1878: 9.

В отличие от столичных изданий, региональные публикации были незначительно затронуты романтизацией Кавказской жизни. В них звучали мысли о политико-культурном единстве региона с центром и транслировалась установка на то, что интеллектуальная элита на имперской окраине пытается придать цивилизованные формы своему окружению. Так, в Тифлисских ведомостях за 1831 г. было помещено письмо одного из служащих, делившегося впечатлениями о Кавказе с далекими петербургскими знакомыми. «Прибыв из России в Тифлис, я воображал, что найду здесь только азиатскую лень, беспечность, полудикое состояние, – писал автор. – Вообрази себе, как я был приятно обманут. 25 прошедшего июня, в день рождения Великого Государя нашего, Командующий Закавказскими войсками давал блестящий бал...»³⁶. Заметка показывала стремление автора через описание праздника с фейерверками, французскими кадрилиями и вальсами, подчеркнуть европейскую идентификацию военно-гражданской администрации Кавказа через отрицание ее причастности ко всему азиатскому, точнее – к образу «примитивного другого», на контрасте с которым выстраивалась и подчеркивалась европейская идентичность империи³⁷.

Противопоставление европейского и восточного общества в интеллектуальной практике европейских государств было общепринятым явлением, которое формировало ориенталистский дискурс XIX – начала XX вв.³⁸. Однако этот дискурс приобретал на Кавказе черты «фронтального ориентализма», при котором основное внимание в нарративе уделялось не доказательству «дикости» туземцев, а описанию тех черт уклада, которые вызывали раздражение у имперских властей. В связи с этим, центральным становился рассказ о горских набегах и тех особенностях традиционалистских обществ, которые по мнению имперских авторов порождали «хищничество».

Одним из первых исследователей, поместивших подобный материал в региональном издании, стал И. Радожицкий, в 1828 г. описавший ход одной из военных экспедиций 1824 г. на Северо-Западном Кавказе. В статье он дал и краткий этнографический обзор адыгов. Имевший слабое представление даже о количестве черкесских племен автор, детально описал важнейшую с точки зрения имперских военных черту горцев – склонность к набегам: «Закубанские черкесы, народ воинственный, полудикий, не признающий над собой никакой власти, народ свободный, разноплеменный, управляемый старшинами, с давних времен не переставал беспокоить границы наши по Кавказской линии хитрыми, отважными набегами в больших и малых партиях, коль скоро предоставлялся к тому благоприятный случай»³⁹.

³⁶ Письмо 1831: 169.

³⁷ Урушадзе 2015: 122.

³⁸ Саид 2021: 83.

³⁹ Радожицкий 1828: 74.

Оценочные суждения многих региональных авторов 1820–1840 гг. о кавказских горах выстраивали образ «примитивного другого», занятого грабежами и набегами. Примером может служить опубликованное в 1828 г. описание нападения на Грузию Омар-Хана Аварского и его разгрома русским отрядом в битве на реке Иоре. «Русские в сей битве запечатлели кровью братский союз с грузинами и доказали своим одноверцам готовность жертвовать жизнью для защиты их пределов»⁴⁰, делает вывод автор, подчеркивая тезис о благе, которое принесло Грузии установление над ней внешнего имперского управления.

Таким образом, характер первых публикаций, обращенных к тематике Российско-Кавказских отношений показывает явное превалирование в них описаний событий военно-политической истории, акцент в которой делался на рассказ о появлении России на Кавказе. Этот нарратив легитимировал нахождение на Кавказе российской администрации, что в первые десятилетия XIX в. было для нее гораздо более важным, чем изучение этнографии народов региона. Эти сюжеты продолжали развиваться и в начале 1830-х гг. Так, статья П. Санковского, выполненная в жанре частных писем воображаемому другу в России «о крае отдаленном и занимательном, куда завлекла меня судьба»⁴¹, содержала обстоятельный рассказ не об этом крае, а о присоединении Грузии⁴². Данные культурно-этнографического характера о жизни Тифлиса и Закавказья выглядели незначительными вкраплениями в общее повествование, замкнутое на сюжете «дарения» Грузинских земель императору Александру I и последовавших после этого политических перемен. Обращаясь к материалу публикаций 1820–30-х гг., нельзя не согласиться, что заметки в них, как и во всех европейских колониальных газетах усиливали имевшиеся у читателя представления о себе и «других», об имперском государстве и формируемом им общественном порядке⁴³.

Вместе с тем российская администрация региона занималась не только утверждением старых имперских штампов в умах жителей региона, но и организацией его разностороннего изучения. Эта сторона деятельности командующих Кавказским корпусом наложила отпечаток на характер материалов, публиковавшихся в местных периодических изданиях, которые все больше внимания уделяли этнографии. И.Ф. Паскевич и сменивший его в 1831 г. Г.В. Розен посылали военных разведчиков в малоизученные горные районы, не подконтрольные имперской администрации. Часть собранного материала, который военные не считали имевшим военно-стратегического значения, разрешалось публиковать на страницах периодических изданий⁴⁴.

⁴⁰ Нападение 1828: 5.

⁴¹ Санковский 1831: 193.

⁴² Санковский 1831: 201.

⁴³ Print Media 2015.

⁴⁴ См. например, Об обозрении Генерального штаба Штабс-капитана Турнау перехода из Абхазии за снеговой хребет Кавказских гор до мыса Адлера или Геленджи-

В 1829 г. офицер Кавказского корпуса Г.В. Новицкий, совершивший разведку дорог в Закубанье, опубликовал статью «Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом адехе»⁴⁵. Следуя логике составления военно-статистических описаний, он привел обзор земли адыгов, описав их границы и природные условия, а также представив характеристику политико-социального устройства, этнографии и обычаев жителей. Офицер оценил и военный потенциал адыгских племен: «каждый из них есть смелый наездник, привыкший к брани и пренебрегающий опасностью»⁴⁶. Разведчик тщательно описал тактику адыгов, однако его этнографические сведения о черкесах носили вспомогательный характер и были составлены в русле устоявшегося имперского нарратива. Так, Новицкий даже само название «черкес» производит из сочетания тюркских слов, означающих «головорез»⁴⁷.

При этом Новицкий отмечал, что в жизни адыгов помимо военной, есть еще и мирная составляющая. Каждый житель «должен для прокормления себя и семейства, обрабатывать землю, сеять хлеб, сжать оный, косить сено, исправлять дом свой и смотреть за садом. Сверх сего должен сам же искать средства к сбыту излишеств своих произведений»⁴⁸, – пишет автор. Приводимый Новицким перечень занятий адыгов свидетельствовал, что жители Закубанья знали практически все известные в России виды ремесел, включая шелководство и добычу металла⁴⁹, однако, «отсталость» местных жителей у Новицкого не вызвала сомнений. При описании исследователь следовал устоявшейся схеме составления колониальных описаний европейскими авторами своего времени⁵⁰. Исходя из европейской системы координат, он пытался искать у горцев аналоги европейского промышленного уклада, организации народного образования, системы научных знаний и социальных отношений. Не находя примеров, он делал вывод об органически присущей жителям «отсталости» и «неразвитости»⁵¹. Таким образом, не будучи знакомым с произведениями европейский колониальных авторов, Новицкий во многом интуитивно повторял их подход к описаниям туземных этнических культур⁵², делая, типичные для европейских ориенталистских нарративов выводы. В целом, статья Новицкого, как и материалы других военных разведчиков в регионе объясняла читателю необходимость цивилизаторской деятельности среди

ка и обратно через Кавказский хребет до устья р. Саше в 1834 и 1835 гг. и от р. Саше до Геленджика в 1836 году // РГВИА 1836.

⁴⁵ Новицкий 1829.

⁴⁶ Новицкий 1829: 4.

⁴⁷ Новицкий 1829: 3.

⁴⁸ Новицкий 1829: 4.

⁴⁹ Новицкий 1829: 3.

⁵⁰ Pratt 1992: 41–49.

⁵¹ Новицкий 1829: 3.

⁵² См., например: Vartow 1806.

местного населения. В этом плане статьи региональных изданий мало чем отличались от нарратива центральных.

Вместе с тем, военно-политические и экономические потребности региона диктовали особое направление развития периодической печати на Кавказе. После смерти редактора Тифлиских ведомостей, П.С. Санковского, в марте 1833 г. издание этой газеты прекратилось. Информационный разрыв был преодолен только в 1837 г. с созданием новой периодической газеты Закавказский вестник, издававшийся по модели губернских ведомостей центральных регионов⁵³.

В обзорах историко-культурного плана Закавказский вестник продолжал традиции предыдущего издания. Он публиковал исторические обзоры о появлении российской военно-гражданской администрации в Грузии, противопоставляя ее действия политике тех владетелей, которые признавали своими сюзеренами противников России. Этой цели была посвящена статья «Исторический взгляд на состояние Грузии под властью царей-магометан». Рассказывая о смене династий грузинских царей, начиная с IV в., автор акцентировал внимание на исторической ошибке, допущенной теми правителями, которые «изменили вере» и допустили в свои земли чужую религию⁵⁴.

Одновременно с подобными публикациями, издание начало активно печатать статьи, посвященные экономическому и культурному освоению региона. Так, в 1848 г. в газете была помещена обширная статья Л.Я. Люлье «О торговле с горскими племенами Кавказа на Северо-восточном берегу Черного моря». Ее автор получил известность благодаря изданию им в 1846 г. русско-черкесского словаря, введение которого было отчасти посвящено вопросам этногенеза и классификации народов адыгской этноязыковой группы⁵⁵. В силу узкой лингвистической направленности труда отраженный в нем материал не мог представлять интереса для широкой аудитории, и в своих газетных заметках Люлье сконцентрировал внимание на сведениях об адыгах историко-культурного и политического характера. Исследователь разбирал историю контактов адыгских племен с внешним миром, описывал ведущие центры на побережье, а также говорил о приоритете мирных методов воздействия на народы региона. Мир на Черноморском побережье, по словам Люлье, мог наступить только тогда, когда «торговые обороты промышленников наших сплетутся с предприятиями Черкесов и тогда каждый береговой житель и Горец будут искать у нас покровительства вместо того, чтобы по-прежнему против нас вооружаться»⁵⁶.

Однако при том, что сам автор был осведомлен как о строении языка, так и об отдельных моментах политической истории адыгских

⁵³ Лучинский 2019: 307–309.

⁵⁴ Исторический взгляд 1848: 11.

⁵⁵ Люлье 1846: III–XI.

⁵⁶ Люлье 1848: 61.

племен⁵⁷, в риторике его газетной статьи можно заметить целый набор ориенталистских клише своего времени. Люлье считает жителей побережья застрявшими на примитивном уровне развития. Он подчеркивает, например, что торговля России с горцами может осуществляться только в меновой форме. «В младенчестве народов, – пишет он, – торговля основана на взаимном размене произведений в натуре. В таком основании она всегда существовала между человеком просвещенным и дикарем: в таком точно виде она представляется нам теперь между горными племенами Кавказа»⁵⁸. Противопоставление между «нами-европейцами» и «ними – дикарями» проходит через всю работу автора.

Сохранение у адыгов древних пороков, таких как работорговля, автор приписывал стагнации, в котором пребывало их общество со времен контактов с Античным миром. «Горцы по бедности своей, не имели ничего для мена с пришельцами ... и потому почитали себя счастливыми, что подобным товаром могли приобретать от Греков их богатства. Неизбежным последствием этого было водворение обычая набегов на соседние племена с тем, чтобы захваченных врасплох жителей продавать в неволю, обычай, которого между племенами Кавказскими не мог до сих пор искоренить длинный ряд веков прошедших»⁵⁹. Тезис о стагнации и неизменности адыгского общества в произведении Люлье являлся отражением известного ориенталистского штампа о неспособности обществ Востока к самостоятельному развитию.

Автор также озвучивал и типичный ориенталистский тезис о расцвете Восточных сообществ в древности, которому противопоставлял плачевное современное состояние племен. Он проводил мысль, что только в Греко-Римско-Византийские времена племена, обитавшие на побережье Черного моря, «достигли некоторой степени гражданского благосостояния», которое в настоящее время ими утрачено. Причину упадка он видел в переходе региона под контроль турок-мусульман, которые, по словам Люлье, «уничтожили самый зародыш его [благосостояния], насильственным введением нового порядка ... вполне согласного с моральными и религиозными убеждениями мусульман»⁶⁰. Ислам, связанный с проникновением турок на Кавказ, автор также, как и многие его предшественники, считал причиной бед местных народов.

Люлье делает типичный вывод, что только установив Российское правление над черкесами можно обеспечить им возможность прогресса. «Приучение племен Кавказских к потребностям, свойственным народам просвещенным, внушение им правил нравственности и лучших понятий о человечестве, есть подвиг славный, которого нельзя свершить без преодоления множества преград, поставляемых варвар-

⁵⁷ Люлье 1846: III–XI.

⁵⁸ Люлье 1848: 53.

⁵⁹ Люлье 1848: 54.

⁶⁰ Люлье 1848: 54.

ством и невежеством»⁶¹, – пишет исследователь, призывая направить черкесов «с помощью покровительствующего и просвещенного Начальства... на предназначенный путь»⁶². Вместе с анализом перспектив развития торговли, Люлье делал отдельные замечания относительно характера адыгов, их социального устройства, приводил яркие примеры обычаев и поведенческих моделей. Его рассказы о жизни горцев выходили за рамки трансляции устоявшихся негативных стереотипов, наполняя статью элементами историко-этнографических описаний.

Общий нарратив статей, публикуемых в Закавказском вестнике в конце 1830 – начале 1840 г. показывает начало сдвига от транслирования типичных ориенталистских штампов к популяризации знаний о реальных культурах тех народов, с которыми имперская администрация все теснее вступала в контакт. Сохранение в этих условиях старой пропорции в соотношении между официальной и неофициальной частью газеты, а также сама идея отнесения наиболее интересных данных о народах региона к чему-то «неофициальному», не соответствовала информационной стратегии нового Кавказского наместника – М. С. Воронцова, особое внимание уделявшего культурному развитию края. В связи с этим, в 1846 г. по инициативе наместника, в Тифлисе начала выходить новая газета «Кавказ», ставшая вплоть до революции 1917 г. ведущим региональным изданием широкого профиля. Анализ этой газеты должно быть посвящено отдельное исследование.

Начало интеллектуального освоения региона в 1820–1840 гг., совпавшее по времени с появлением первых региональных изданий, имело определенную специфику. Построение нарратива в центральной и региональной прессе транслировало присущие ориентализму тезисы о «дикости» и «отсталости» жителей Кавказа, плачевном состоянии этнических обществ, стагнации народов, попавших под влияние исламского мира и их неспособность без внешнего российского управления преодолеть застой, выйти на путь прогресса. Последний связывался с развитием европейского просвещения, а также социальных и политических институтов, принесенных Россией в регион. В целом, подобный взгляд не отличался от общеевропейских подходов к оправданию своих действий на Востоке через трансляцию ориенталистского клише.

Однако в изучении Востока объективно содержалось позитивное зерно. Ориентализм, по словам Саида, «это не пустая европейская фантазия о Востоке», он «не состоит из лжи и мифов, которые бы развеялись если бы была рассказана правда», так как его дискурс базируется на тех эмпирических данных, которые европейские наблюдатели вынесли из контактов с неевропейскими народами⁶³. Совокупными стараниями ученых, исследователей и путешественников возник образ мно-

⁶¹ Люлье 1848: 58.

⁶² Люлье 1848: 58.

⁶³ Саид 2021: 25–26.

госоставного и сложно объяснимого Востока, пригодного «для изучения в академии, для экспонирования в музее, для воспроизведения в колониальной администрации, для теоретической иллюстрации к тезисам из области антропологии, биологии, лингвистики, изучения народов и истории человечества»⁶⁴. В результате из консервативного нарратива в XIX в. выросло целое поле для конкретных этнографических, культурологических и исторических исследований⁶⁵.

Подмеченную тенденцию отражает и содержание историко-этнографических материалов о Кавказе, помещаемых в периодические издания, особенно регионального уровня. Они составляли содержание отдельных блоков статей, или даже их основную часть и через этнографические описания, печатные издания популяризировали знания о местных культурах. Кроме того, описания этнических культур Кавказа, помещенные рядом с колонками, освещающими политические, военные и культурные новости региона, России и всего Мира, порождали у читателя чувство вовлеченности его региона в общеимперские и даже глобально мировые процессы, что неизбежно способствовало интеграции территорий в единый государственный организм. Вся же пресса через печатание новостей и заметок о совместно живущих народах содействовала формированию общего интеллектуального пространства в регионе, а для современных исследователей интерес представляют не консервативные политико-идеологические разглагольствования людей своего времени, а необычайно точно подмеченные детали жизни, быта, истории и культуры других народов.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- А.М. Отрывок письма из отряда, действующего в Северном Дагестане // Северная пчела. 1832. №1. С. 3–4. [A.M. Otryvok pis'ma iz otrjada, dejstvujushhego v Severnom Dagestane (The excerpts from a letter from the military group acted in the North Dagestani) // Severnaja pchela. 1832. №1. S. 3-4].
- Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК)/ Под ред. А.П. Берже. Тифлис, Типогр. Главного управления Наместника Кавказского, 1878. Т. VII. 1011 с. [Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej (The Acts collected by the Caucasus Archeographical commission)/ Pod red. A.P. Berzhe. Tiflis, Tipogr. Glavnogo upravlenija Namestnika Kavkazskogo, 1878. T. VII. 1011 s.].
- Бестужев-Марлинский А.А. Кавказские очерки/Библиотека для чтения. СПб., 1834. Т. VI. С. 17–54. [Bestuzhev-Marlinskii A.A. Kavkazskie очерki (The Caucasus Sketches) // Biblioteka dlya chteniya. SPb., 1834. T. VI. S. 17-54].
- Белуосова Е. В. Периодические издания середины XIX в. как источник сведений о Северном Кавказе для братьев Н. Н. и Л. Н. Толстых // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 2. С. 49–67. [Belousova E. V. Periodicheskie izdaniya serediny XIX v. kak istochnik svedenij o Severnom Kavkaze dlja brat'ev N. N. i L. N. Tolstyh (The Mass Media of XIX c. as a source of the Caucasus knowledge for the brothers N.N. and L.N. Tolstoy) // Tekst. Kniga. Knigoizdanie. 2016. № 2. S. 49–67].
- Бобровников В.О. Ориентализм не догма, а руководство к действию? // Ориентализм VS Ориенталистика: Сб. статей/Сост. В.О. Бобровников, С. Дж. Мири. М.: Садра. 2016. С. 53–77 [Bobrovnikov V.O. Orientalizm ne dogma, a rukovodstvo k deistviyu? (Is the

⁶⁴ Саид 2021: 28.

⁶⁵ Саид 2021: 40.

- Orientalism Not a Dogma but a Guidance?// Orientalizm VS Orientalistika: Sb. statei/Sost. V.O. Bobrovnikov, S. Dzsh. Miri. M.: Sadra. 2016. S. 53–77].
- Бурнашев С.Д. Описание областей Адрибизанских в Персии и их политическое состояние. Курск: Типогр. Приказа общественного призрения, 1793. 27 с. [Burnashev. Opisanie oblastej Adrebizhanskih v Persii i ih politicheskoe sostojanie (The description of the Persian Adrebizhan provinces in their political essence). Kursk: Tipogr. Prikaza obshhestvennogo prizrenija, 1793. 27 s.]
- Взгляд на Кавказскую линию (Писано в 1813 г.) // Северный архив. Журнал истории, статистики и путешествий, издаваемый Ф. Булгариным. СПб., 1822. Ч.1. С. 163–183 [Vzgljad na Kavkazskuju liniju (Pisano v 1813 g.) (The glance on the Caucasus Line (Written in 1813)) // Severnyj arhiv. Zhurnal istorii, statistiki i puteshestvij, izdavaemyj F. Bulgarinym. SPb., 1822. Ch.1. S. 163–183].
- Гербер И.Г. Известия о находящихся с Западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Куром народах, землях и о их состоянии в 1728 году // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. VI. С. 3–232 [Gerber I.G. Izvestija o nahodjashihhsja s Zapadnoj storony Kaspijskogo morja mezhdju Astrahan'ju i rekoju Kurom narodah, zemljah i o ih sostojanii v 1728 godu (The news about people and lands located in the West part of the Caspian Sea littoral in their 1728 situation) // Sochinenija i perevody k pol'ze i uveseneniju sluzhashhie. – SPb., 1760. VI. S. 3–232].
- Измаил Алиев, князь Мангатовских ногайцев (отрывок из письма из Прочноокопской крепости) // Московский телеграф, М. 1829. Ч.27. С. 431–448. [Izmail Aliev, knjaz' Mangatovskih nogajcev (otryvok iz pis'ma iz Prochnookopskoj kreposti) (Izmail Aliev, the Prince of the Mangatovsky Nogays (An excerpt from the letter from the fort of Prochny Okop) // Moskovskij telegraf, M. 1829. Ch.27. S. 431–448].
- Известия о действиях войск отдельного Кавказского корпуса // Северная Пчела. 1829. № 3. С.1 – 2 [Izvestija o dejstvijah vojsk otdel'nogo Kavkazskogo korpusa (The news about the Caucasus Corps activity) // Severnaja Pchela. 1829. № 3. S.1–2].
- Исторический взгляд на состояние Грузии под властью царей-магометан // Закавказский вестник. 1848. №№3, 5, 7, 20. [Istoricheskij vzgljad na sostojanie Gruzii pod vlast'ju carej-magometan (The Historical outlook of Georgia ruled by the Muslim tsars) // Zakavkazskij vestnik. 1848. №№3, 5, 7, 20].
- Краткая записка о горских народах // Северный архив. СПб., 1826. Ч.22. С. 21–32. [Kratkaja zapiska o gorskih narodah (A short note on the Mountaineers peoples) // Severnyj arhiv. SPb, 1826. Ch.22. S. 21–32].
- Литвинов П.М. Краткое обозрение Имеретии, Мингрелии и Лечгума // Санкт-Петербургский журнал. СПб., 1806. №1. С. 110–133. [Litvinov P.M. Kratkoe obozrenie Imeretii, Mingrelii i Letchguma (Brief observes of Imeretia, Mingrelia and Letchgum) // Sankt-Peterburgskij zhurnal. SPb., 1806. №1. S. 110–133].
- Лучинский Ю.В. Становление газеты Кавказ в середине XIX века: специфика публицистического дискурса // Медиа в современном мире. 58-е петербургские чтения: Сборник материалов Международного научного форума / Под ред. В.В. Васильева. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2019. Т.1. С. 307–309. [Luchinskij Ju.V. Stanovlenie gazety Kavkaz v seredine XIX veka: specifika publicisticheskogo diskursa (The foundation of the newspaper “The Caucasus”: The specific of its discourse) // Media v sovremennom mire. 58-e peterburgskie chtenija: Sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma / Pod red. V.V. Vasil'eva. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019. T.1. S. 307–309].
- Люлье Л.Я. О торговле с горскими племенами Кавказа на Северо-Восточном берегу Черного моря // Закавказский вестник. 1848. № 13–16. [Ljul'e L.Ya. O torgovle s gorskimi plemenami Kavkaza na Severo-Vostochnom beregu Chernogo morja (On the trade relations with the Highlanders tribes inhabit the North-East Black Sea littoral) // Zakavkazskij vestnik. 1848. № 13–16].
- Люлье Л.Я. Словарь русско-черкесский или адыгский, с краткой грамматикой сего последнего языка, одобренный С-Петербургской Академией наук. Одесса, 1846 [Ljul'e L.Ya. Slovar' russko-cherkesskii ili adygsckii, s kratkoi grammatikoi sego poslednego yazyka, odobrennyi S-Peterburgskoi Akademiei nauk (The Russian-Cherchessian or Adyga Vocabulary with the Grammar Review of the Language, Approved by the S.-Petersburg Academy for Science). Odessa, 1846].

- Нападение на Грузию Омар-Хана Аварского и сражение при Иоре, 7 ноября 1800 года// Тифлиссие ведомости. 1828. № 1-2. [Napadenie na Gruziju Omar-Hana Avarского i srazhenie pri Iore, 7 nojabrja 1800 goda (The invasion of Omar-Chan of Avaria into Georgia and the battle on Yora river in November) // Tiflisskie vedomosti. 1828. № 1–2].
- Н.Н. Религия закубанских черкесов // Телескоп. Журнал современного просвещения, издаваемый Н. Надеждиным. М., 1832. Ч. 8. С. 126–131. [N.N. Religija zakubanskikh cherkesov (The religion of Transkubanian Chircassians) // Teleskop. Zhurnal sovremenogo prosveshhenija, izdavaemyj N. Nadezhdinym. M., 1832. Ch. 8. S. 126–131].
- Новицкий Г.В. Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе// Тифлиссие ведомости. 1829. №22–25. [Novickij G.V. Geograficheskostatisticheskoe obozrenie zemli, naselennoj narodom Adehe (A geographical and statistical observation of the land inhabited by Adyga people) // Tiflisskie vedomosti. 1829. №22–25].
- О карантинах в Турции// Закавказский вестник. 1848. №9–12. [O karantinah v Turcii (On the quarantines in Turkey) // Zakavkazskij vestnik. 1848. №9–12].
- От редакции Закавказского вестника // Закавказский вестник. 1848. № 47. С. 195 [Ot redakcii Zakavkazskogo vestnika (From the Transcaucasus vestnik editorial group) // Zakavkazskij vestnik. 1848. № 47. S. 195].
- Письмо к приятелю в Россию// Тифлиссие ведомости. 1831, № 21–22–23 [Pis'mo k prijatelju v Rossiju (A letter to my friends in Russia) // Tiflisskie vedomosti. 1831, № 21–22–23].
- Радожицкий И. Кыз-бурун. Черкесская повесть // Отечественные записки, издаваемые Павлом Свиньиным. СПб, 1827. Ч. 32. С. 285–310. [Radozhickij I. Kyz-burun. Cherkesskaja povest' (A Chercessian novel) // Otechestvennye zapiski, izdavaemye Pavлом Svin'iny'm. Spb, 1827. Ch. 32. S. 285–310].
- Радожицкий И. Письма из Кавказского корпуса // Северная пчела. 1829. № 101. С. 3–4. [Radozhickij I. Pis'ma iz Kavkazskogo korpusa (Letters from the Caucasus Army) // Severnaja pchela. 1829. № 101. S. 3–4].
- Радожицкий. Ответ на поправки господина В. Сухорукова моих писем из Кавказского корпуса // Северная Пчела. 1829. № 153. С. 3–4. [Radozhickij. Otvet na popravki gospodina V. Suhorukova moih pisem iz Kavkazskogo korpusa (The answer to the remarks of V. Suhorukov) // Severnaja Pchela. 1829. № 153. S. 3–4].
- Радожицкий. Письмо из Арзрума // Северная Пчела. 1829. № 135. С. 3–5. [Radozhickij. Pis'mo iz Arzruma (A Letter from Arsmum) // Severnaja Pchela. 1829. № 135. S. 3–5].
- Радожицкий. Походы против Закубанских хищников артиллерии полковника Коцарева в 1824 году// Тифлиссие ведомости. 1828. №17. С. 74. [Radozhickij. Pohody protiv Zakubanskikh hishhnikov artillerii polkovnika Kocareva v 1824 godu (Companies against the Transkuban predators of the Colonel Kotsarev in 1824) // Tiflisskie vedomosti. 1828. №17. S. 74].
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.846. Оп.16. Д.6302. [Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv (Russian state military-historical archive (RSMHA)). F.846. Op.16. D.6302].
- Саид Э. Ориентализм. М.: «Гараж», 2021. 560 с. [Said Je. Orientalizm (Orientalism). M.: Garazh, 2021. 560 s.].
- Санковский П. Письма из Тифлиса в Санкт-Петербург // Тифлиссие ведомости. 1831. №24–25–26. [Sankovskij P. Pis'ma iz Tiflisa v Sankt-Peterburg (Letters from Tiflis to Saint Petersburg) // Tiflisskie vedomosti. 1831. №24–25–26].
- Схиммельпэннинк ван дер Ойе Д. Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции. М.: РОСПЭН, 2019. 287 с. [Schimmelpenninck van der Oye D. Russkij orientalizm. Aziya v rossiiskom soznanii ot epokhi Petra Velikogo do Beloi emigratsii (Russian Orientalism. Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration). M.: ROSPEN, 2019. 287 s.].
- Тахушева И.С. Российские периодические издания XIX в. в историографическом пространстве Северного Кавказа (по материалам журнала Современник) // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 1. С. 99–106 [Tahusheva I.S. Rossijskie periodicheskie izdanija XIX v. v istoriograficheskom prostranstve Severnogo Kavkaza (po materialam zhurnala Sovremennik) (Russian Mass media of XIX c. in the historiographical space of the North Caucasus (based on the "Sovremennik" journal)) // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija. 2020. № 1. S. 99–106].
- Урушадзе А.Т. Свои или чужие? Грузия и грузины глазами российских офицеров и чиновников (первая половина XIX в.) // Уральский исторический вестник. №3. 2015. С.

- 116–122. [Urushadze, A. T. Svoi ili chuzhie? Gruzija i gruziny glazami rossiiskikh ofitserov i chinovnikov (Pervaya polovina XIX v.) (Friend or foe? Georgia and the Georgians in the eyes of Russian officers (first half of XIX c.)). Ural'skii Istoricheskii Vestnik. 2015. № 3. S. 116–122].
- Эйхвальд Э. Страбоновы известия о Кавказе и Южной России // Библиотека для чтения. 1838. Т. 30. С.103–150. [Eikhval'd E. Strabonovy izvestiya о Kavkaze i Yuzhnoi Rossii (The Strabbo's Data about the Caucasus and South Russia) // Biblioteka dlya chteniya. 1838. Т. 30. S. 103–150].
- Asseraf A. Mass Media and the Colonial Informant: Messaoud Djebari and the French Empire, 1880–1901 // Past & Present. 2022. Vol. 254. P. 161–192.
- Barrow J. Travels into the Interior of Southern Africa. L.: Strand publ., 1806. 373 p.
- Bhattacharya D. Caricature in Print Media: A Historical Study of Political Cartoons in Colonial India (1872–1947) // KARATOYA: North Bengal University Journal of History. 2019. Vol. 12. P. 63.
- Deary T. The Barmy British Empire. Scholastic Ltd. 2002. P. 11.
- Jersild A. Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917. London; Itaca, 2002. P.44–45.
- Leow R.L. May Fourth Refractions: Transnational and Translocal Readings of a Southeast Asian Chinese Newspaper. 2015: <https://www.crashh.cam.ac.uk/events/25659/#abstracts>.
- Nash G. From Empire to Orient: Travellers to the Middle East, 1830–1926. L.; N.Y.: Tauris Publ., 2016. 252 p.
- Paxman J. Empire. What Rulling the World Did to the British. L.: Penguin, 2011. 352 p.
- Potter S.J. Globalization and the Mass Media in the Nineteenth and Twentieth-Century British Empire // Journal of British Studies. 2007. Vol. 46, No. 3, P. 621–646.
- Pratt M. L. Imperial eyes: travel writing and transculturation. L.; N.Y.: Routledge, 1992. 268 p.
- Print Media in the Colonial World. 2015. URL: <https://www.crashh.cam.ac.uk/events/25659/#abstracts>.

Ткаченко Дмитрий Сергеевич, доктор исторических наук, доцент, профессор, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», tkdmsg@rambler.ru

The Intellectual Acquisition of the Caucasus in the Paradigm of the Orientalist Narrative in Russian Mass Media of 1820–1840.

The paper focuses on the study of Orientalist discourse in narrative, which determined the logic and meaning of compiling military-political and ethno-cultural descriptions of the Caucasus and its inhabitants. The sources of the analysis were the publications in central and regional periodicals of the first half of the 19th c. They provided readers with not only knowledge about their region, but also conveyed clear political and cultural guidelines, legitimized and strengthened the existing relationships both within regional communities and with the central imperial administration. The authors were united by the use of a number of postulates, terms and methodological approaches developed in European colonial practice of the 18th–19th c. in descriptions of Oriental cultures.

Key words: *Orientalism, colonial discourse, North Caucasus, colonial mass-media.*

Tkachenko Dmitry Sergeevitch, PhD (doctoral degree), associated professor, North Caucasus Federal University, tkdmsg@rambler.ru.

А.В. БОДРОВ

ОБРАЗ РОССИЙСКОГО ПАНСЛАВИЗМА НА СТРАНИЦАХ «LA NOUVELLE REVUE» (1879–1900 гг.)¹

Статья выявляет основные черты образа российского панславизма последней трети XIX в. на страницах французского журнала «La Nouvelle Revue». Это издание последовательно пропагандировало русско-французское сближение во Франции. Одним из препятствий на пути к нему стояло укоренившееся во Франции отождествление российской политики на Балканах с агрессивным «панславизмом». Автор приходит к выводу, что «La Nouvelle Revue» последовательно продвигал позитивное восприятие «панславизма» как славянской солидарности, называя взаимные симпатии и тяготение друг к другу России и балканских народов объективной данностью. Основательница и бессменный руководитель журнала Ж. Адан кардинально меняла традиционный дискурс, называя освобождение балканских народов из-под иностранного владычества «фатальной миссией» России. В ее восприятии российская политика на Балканах и российские славянофилы как вдохновители этой политики были далеки от агрессивного аннексионизма. Все прежние клише о «русской угрозе» переносились французским изданием на Германию.

Ключевые слова: панславизм, русско-французские отношения, восприятие, Третья республика, славифилы, «La Nouvelle Revue», Жюльетта Адан.

Путь России и Франции к союзу 1893/1894 гг. был отмечен рядом трудностей, связанных не только с объективным расхождением приоритетов, но и необходимостью изменения взаимного восприятия. Среди препятствий, которые предстояло преодолеть, были давние разногласия в «восточном вопросе». Как емко формулировал в июле 1891 г. влиятельнейший французский дипломат Поль Камбон, «наша традиционная политика в Константинополе базируется на согласии с Англией и противодействии посягательствам России»². «Посягательства» же эти во второй половине XIX в. прочно ассоциировалась во Франции с весьма зловещим российским панславизмом³.

Цель исследования является определение основных черт образа российского панславизма на страницах французского журнала «La Nouvelle Revue». Этот журнал значим как рупор одного из полюсов французского общественного мнения и одно из самых «прорусских» изданий, открыто выступавших за изучение России, знакомство с ее культурой и заключение полноценного франко-русского союза. В качестве хронологических рамок взят период с октября 1879 по июнь 1900 гг.: с момента основания «La Nouvelle Revue» до смены владельца и политической трансформации издания. Журнал выходил каждые две недели, что дало в сумме 492 выпуска (в первом томе было шесть выпусков, в дальнейшем – по четыре), объединенных в 123 тт., включая

¹ Статья подготовлена в рамках реализации гранта РНФ № 23-28-00090 «Образ российского панславизма в Западной Европе в последней трети XIX века».

² Cambon 1940. Т. 1: 344.

³ Corbet 1967: 158; Бернар 1995: 40.

пять томов т.н. «новой серии». В силу того, что термин «панславизм» и его производные встречаются на страницах журнала довольно редко и преимущественно при цитировании других изданий, предпочтение было отдано качественному, а не количественному контент-анализу.

Феномен французского «славофильства» («славянофильства») давно привлекает внимание историков⁴. Значение контактов между различными группами влияния во Франции и окружением М.Н. Каткова в деле пропаганды русско-французского сближения отмечается как отечественными, так и зарубежными исследователями⁵. Одним из важных элементов общей идейной платформы между российскими и французскими идеологами союза выделяется т.н. «культурный панславизм», делавший акцент на укреплении общности славянских народов мирным путем⁶. Ключевой фигурой во Франции в рамках этой кампании, по оценке французской исследовательницы А. Огениус-Селиверстофф, являлась писательница и светская львица Ж. Адан⁷. Существует несколько небольших статей посвященных ее публицистической деятельности в качестве хозяйки журнала «La Nouvelle Revue»⁸. Однако трактовка российского панславизма на страницах этого печатного органа до сих пор не была предметом специального исследования. Оно призвано расширить базу для сравнения образа российского панславизма в рассматриваемую эпоху за рубежом, в частности, с образом панславизма в Германии⁹. Анализ образа российского панславизма позволяет вдобавок существенно уточнить и «славофильские» взгляды Адан, описывающиеся в научной литературе лишь самыми общими словами.

В этой связи стоит отметить, что терминологически существует немалая путаница: одних и тех же французских интеллектуалов разные исследователи называют и «русофилами», и «славянофилами», и «славофилами», и даже «панславистами», что не удивительно, учитывая многозначность термина «панславизм»¹⁰. Как мы увидим, сами современники были склонны смешивать эти понятия. Ж. Адан, на наш взгляд, оправданно называть именно «славофилкой», поскольку ее симпатии к славянам выходили за рамки симпатий к одной России и вовсе не были тождественны полному согласию с философией славянофильства, даже если отталкиваться только от базовых постулатов этого идейного течения, предложенных О.С. Даниловой¹¹.

⁴ См., напр.: Бернар 1998, Данилова 2002, Corbet 1967, Hogenhuis-Seliverstoff 2000.

⁵ Беспалова, Ившин 2023, Галкина 2023, Манфред 1975, Hillis 2017.

⁶ Беспалова, Ившин 2023: 385–386.

⁷ Hogenhuis-Seliverstoff 2000: 77. См. подр.: Hogenhuis-Seliverstoff 2002, Aprile 1991. В современных отечественных публикациях встречается транслитерация ее фамилии как «Адам». Однако нормам произношения французского языка соответствует «Адан». Этот вариант устоялся в советской и российской исторической науке.

⁸ D'Agostini 2012, El Gammal 1999, Hilgar 1997.

⁹ Власов 2023.

¹⁰ Павленко 2016.

¹¹ Данилова 2002: 228–330.

Особенности «La Nouvelle Revue» как литературно-политического журнала в последней трети XIX в. во многом определялись тем, что он был любимым детищем Жюльетты Адан (1836–1936). Хозяйка влиятельного салона, обладавшая обширными связями в парижских политических и литературных кругах, она видела своей задачей укрепление позиций республиканцев. Являясь горячей сторонницей лидера «умеренных» Л. Гамбетты, Адан отличалась от своего кумира радикальной германофобией и стремлением к скорейшему реваншу за поражение 1870 г. Расходилась она с Гамбеттой и по части восприятия России, удостоившись от него за свои прусские симпатии шутливого прозвища «казак»¹². Симпатии Адан были рациональны. «Неистовая и страстная антинемка, логически я была славянофилкой <...> Бисмарку хотелось бы, чтобы мы ненавидели Россию; поэтому-то я ее и люблю», – со всей откровенностью признавалась она¹³. Окончательно Адан встала на позиции почти безоговорочной поддержки России после посещения в 1882 г. Петербурга и Москвы и встречи с М.Н. Катковым¹⁴.

Учреждение в октябре 1879 г. «La Nouvelle Revue» стало для Ж. Адан средством приблизить реализацию своего внешнеполитического идеала: заключение союза с Россией и войну-реванш против Германии. «Нужно, чтобы Франция ненавидела своих врагов и знала своих друзей», – так впоследствии она формулировала цели своей публицистики¹⁵. Ради знакомства французской публики с потенциальным союзником Адан открыла двери своей редакции для русских литераторов и публицистов: С.С. Татищева, В.Г. Сорокиной («Vera Vend»), Л. Пашковой, не считая целого ряда анонимных авторов, в числе которых был и великий князь Константин Николаевич¹⁶. Порой за «русскими» псевдонимами, скрывались и французы, подобно восторженному поклоннику идей К.Н. Леонтьева¹⁷ Альфреду Портье д'Арку («Чернофф»), собравшему впоследствии девять своих статей для «La Nouvelle Revue» в небольшую книгу¹⁸. Самой же известной среди русских авторов журнала была (под псевдонимом О.К.¹⁹) Ольга Алексеевна Новикова (Киреева) – убежденная славянофилка, корреспондент «Московских ведомостей» в Великобритании и рупор представителей «патриотического консерватизма» – И.С. Аксакова, М.Н. Каткова, К.П. Победоносцева.

Последующие двадцать лет Ж. Адан оставалась владельцем, редактором и постоянным автором «La Nouvelle Revue». Руководство журналом поглощало столько времени и сил, что вынудило писательницу забросить личный дневник. Именно поэтому семь томов весьма от-

¹² Adam 1910: 421.

¹³ Цит. по: Манфред 1975: 35.

¹⁴ Hogenhuis-Seliverstoff 2000: 78

¹⁵ Adam 1910: 380.

¹⁶ Hilgar 1997: 12.

¹⁷ La Nouvelle Revue 1889. Т. 58: 763–764; Леонтьев 1993: прим. 795.

¹⁸ Doverine (Tchernoff) 1890.

¹⁹ Масанов 1957. Т. 2: 279.

кровенных «Воспоминаний» Адан, отражающих ее политические и литературные интересы, доводят изложение лишь до 1881 г. Фактической заменой дневнику стали регулярные журнальные статьи Адан «на злобу дня». Наряду с неопубликованной обширной перепиской это ключевой источник, позволяющий реконструировать активную общественную деятельность и эволюцию взглядов писательницы в 1880-1890-х гг. «*La Nouvelle Revue*», поглотивший столько лет моей жизни, сам служит рассказом о ней», – подтверждала она на склоне лет²⁰.

По своему формату «*La Nouvelle Revue*» был классическим «толстым» журналом, более демократичной альтернативой консервативному и академическому «*Revue des Deux Mondes*». В политическом плане журнал стремился быть «лидером мнений» и был адресован все той же образованной и респектабельной публике, сторонникам либеральной республики. Журнал стал своеобразным продолжением парижского салона Адан: его редакция разместилась этажом ниже все в том же особняке на бульваре Пуассоньер. Уже первый номер издания вышел впечатляющим для того времени тиражом: восемь тысяч экземпляров, и в дальнейшем число его подписчиков только росло²¹. Этим журнал не в последнюю очередь был обязан тем, что не чурался полемики и даже сенсационных разоблачений, привлекавших внимание европейской прессы и имевших широкий резонанс за пределами страны²². Если верить упоминавшейся выше О.А. Новиковой, к 1882 г. «*La Nouvelle Revue*» стал «самым читаемым» в России французским журналом²³.

Амбиции Адан предопределили то, что «*La Nouvelle Revue*» в сравнении со своими «собратьями» отводил необычно много места актуальной внешнеполитической проблематике. Именно Адан взяла на себя ведение регулярного (каждые две недели) и подробного обзора международных дел под рубрикой «Письма о внешней политике». Как отмечает А. Д'Агостини, это стало «подлинной инновацией в редакционной практике», поскольку французские журналы того времени текущие вопросы внутренней и внешней политики традиционно рассматривали в рамках одного и того же раздела²⁴. Поначалу «Письма» выходили в журнале анонимно, но с ноября 1885 г. их авторство было писательницей раскрыто. После продажи журнала в 1899 г. Ж. Адан продолжала вести в нем рубрику о событиях за рубежом. Последнее из ее «Писем о внешней политике» датировано 25 июня 1900 г., что и предопределило верхнюю границу хронологических рамок данной статьи. Вслед за этим обзоры иностранной политики исчезли со страниц «*La Nouvelle Revue*» в качестве постоянной рубрики, а сам журнал утратил свою прежнюю яркую индивидуальность.

²⁰ Adam 1910: 457-458.

²¹ Hilgar 1997: 12.

²² Hillis 2017: 54-55, 64-65.

²³ La Nouvelle Revue 1882. Т. 17: 942.

²⁴ D'Agostini 2012.

Можно выделить ряд характерных черт, выделявших политический комментарий «La Nouvelle Revue» и превращавших его в выразителя одного из полюсов французского общественного мнения в последней трети XIX в. Первой особенностью было то, что взгляды основательницы журнала и ее литературное призвание делали этот комментарий к происходящему, по единодушному признанию исследователей, подчеркнуто пристрастным²⁵. По удачному выражению А. Д'Агостини, Адан была свойственна «манихейская»²⁶ интерпретация международных отношений как борьбы добра со злом, практически лишенная оттенков и полутонов. Подобное упрощение картины саму писательницу несколько не смущало. Складывается впечатление, что как романистка она стремилась не столько отражать реальность, сколько формировать ее при помощи недостижимых идеалов.

В полной мере этот подход нашел свое отражение и в «славофильских» симпатиях Адан. Обстановка на Балканах («Востоке» по французской терминологии) стала постоянной темой «Писем об иностранной политике», уделявших неусыпное внимание политическим процессам в балканских государствах и борьбе за влияние на них европейских держав. «Ничто не может быть безнаказанно нарушено в этом регионе, где малейшее сотрясение отзывается бесконечными толчками»,²⁷ — справедливо полагала французская писательница. Впрочем, ее анализ преимущественно сводился к борьбе «национальных» (иногда прорусских) и прогерманских сил и попыткам калькуляции их промежуточных успехов. В журнале регулярно появлялись целые серии статей о Болгарии, Румынии, Сербии, Греции, выдержанных в самом благожелательном духе. В равной мере журнал следил и за борьбой за свои права славянского населения Австро-Венгрии.

На позиции Адан определенно повлияли идеи французского слависта Сиприена Робера, противопоставившего в 1846 г. в программной статье в «Revue des Deux Mondes» российскому «царскому» панславизму панславизм как сближение всех славянских народов на конфедеративных началах. Уже здесь прозвучал тезис о том, что у Франции не было объективных причин бороться с этим движением. Напротив, Робер уверял своих читателей, что «правильно понятый» панславизм не просто может быть выбит из рук России как «орудие войны», но, напротив, «может стать бастионом на пути ее притязаний». Подобным бастионом могла стать «федерация славянских государств, созданных под гарантии Европы и призванных окрепнуть под ее опекой до тех пор, пока они не окажутся, наконец, способны самостоятельно обороняться против автократии»²⁸. Робер, надо сказать, в своих призывах был не одинок, но после Крымской войны, как отмечает французский

²⁵ El Gammal 1999: 495.

²⁶ D'Agostini 2012.

²⁷ La Nouvelle Revue 1881. Т. 11: 203.

²⁸ Revue des Deux Mondes 1846. Т. 16: 481–483.

историк А. Бернар, само слово «панславизм» во Франции стало «в высшей степени подозрительным»²⁹.

«La Nouvelle Revue» в полной мере сочувствовал «панславизму» как славянской солидарности, переосмыслив идею Робера в новых условиях довлевшей над Францией «германской угрозы». В своей публицистике Адан солидаризировалась с высказанной в начале 1870-х гг. мыслью известного французского слависта Луи Леже³⁰ о том, что славяне находились «в постоянной борьбе с германцами за свое существование» и потому «призваны стать когда-нибудь нашими самыми преданными союзниками»³¹. В начале 1880-х гг. Леже со страниц «La Nouvelle Revue» предсказывал, что Сербия, Румыния и Болгария обречены сформировать «конфедеративную группу», призванную веско повлиять на судьбы Востока³². Ж. Адан также открыто объявляла себя «другом малых балканских народов» и верила в возможность их объединения на конфедеративных началах³³.

Судьба Османской империи мало занимала Ж. Адан, и она была абсолютно уверена в конечной утрате турками контроля над своими европейскими владениями: «Турции предоставят в отдаленном будущем умереть, но как можно более нежно»³⁴. Уже в 1885 г. она предрекала решающую роль в этом самих балканских государств: «малые народы, призванные разделить Турцию, еще не сплотились, но они соизмеряют и оценивают свои силы»³⁵. Впрочем, Адан вполне осознавала и многочисленные противоречия между балканскими странами, стоявшие на пути реализации этого проекта. Не скрывал «La Nouvelle Revue» в 1880-х и того, что Франция не была готова к возможному глобальному конфликту из-за «восточного вопроса», и «подмораживание» ситуации на Балканах отвечало ее интересам.

Примечательно, что Адан верила в силу традиционных славянских симпатий к России даже тогда, когда русские авторы «La Nouvelle Revue» жаловались на «неблагодарность» балканских народов. В середине 1880-х гг. Адан казалось, что размолвки в славянской семье мимолетны: «славянские народы Востока [т.е. Балкан – А.Б.] и Россия движутся навстречу друг другу подобно приливу и отливу, поднимающих волны одного и того же моря, ‘русского моря’»³⁶. Адан признавала утрату Россией к концу 1880-х гг. влияния в Сербии, Болгарии и Румынии, но не считала произошедшее фатальным. Если правители вышеназванных стран и ориентировались на австро-германский блок, то это

²⁹ Бернар 1998: 40.

³⁰ См. подробнее: Данилова 2007

³¹ Leger 1873: vii.

³² La Nouvelle Revue 1883. Т. 21: 534.

³³ La Nouvelle Revue 1884. Т. 29: 276.

³⁴ La Nouvelle Revue 1888. Т. 50: 205–207.

³⁵ La Nouvelle Revue 1885. Т. 36: 898.

³⁶ La Nouvelle Revue 1886. Т. 40: 864, 865.

еще не говорило за народы. Киевские празднества в 1888 г. в честь девятисотлетия крещения Руси в глазах Адан стали подтверждением славянской солидарности: «большие и малые славянские нации питают к России сыновнюю привязанность как к своей святой матери, считают немцев и Германию своими врагами, и с этим ничего нельзя сделать. В этом проявляется их борьба за существование, поскольку из двух рас более сильная однажды должна подчинить более слабую»³⁷.

В силу вышесказанного еще одной особенностью позиции «La Nouvelle Revue» стало вполне позитивное отношение к активной роли России на Балканах. Лишь в самые первые годы существования журнала с его страниц звучали иные мнения. Например, мнение Камилля Фарси, осудившего в своей книге о русско-турецкой войне манипулирование славянскими народами царским правительством³⁸. Фарси симпатизировал Румынии и рисовал ее в своих статьях для «La Nouvelle Revue» непреодолимым препятствием на пути слияния северных и южных славян и в силу этого «бдительным стражем Запада на берегах Черного моря», чьи взоры всегда были обращены к Франции³⁹. Другим редким примером традиционного французского подхода к «восточному вопросу» была статья венгерского революционера и сподвижника Дж. Гарибальди генерала Иштвана (Этьена) Тюра, обвинявшего по итогам Берлинского конгресса Петербург в стремлении выдавить турок из Европы не ради «освобождения христиан, а чтобы удовлетворить свою жажду завоеваний»⁴⁰. В духе концепции С. Робера он призывал французское правительство взять образцом доктрину Монро и следовать принципу «Восток для народов Востока»: «мы совершили большую ошибку, позволив России принять на себя нашу роль покровителя и расчистив путь непрекращающимся интригам панславизма»⁴¹.

Что касается Ж. Адан, то уже в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг. она одной из немногих во Франции, по оценке журналиста и издателя Эмиля де Жирардена, открыто желала победы русскому оружию⁴². Но она и не симпатизировала прямому контролю России над балканскими народами. Уже в 1880 г. она констатировала, что «петербургский кабинет приобрел больше доверия к себе христианских народов Турции своей сдержанностью, чем обнажив шпагу»,⁴³ и в дальнейшем возвращалась к этому тезису не раз. В «бескорыстии» и отказе от любых посягательств на независимость балканских государств она видела лучшую политику для России. В мае 1883 г. Адан выражала убеждение, что Австрия и Россия ничего не приобретут, оспаривая гегемо-

³⁷ La Nouvelle Revue 1888. Т. 53: 894.

³⁸ Farcy 1879: 12.

³⁹ La Nouvelle Revue 1881. Т. 9: 793–794.

⁴⁰ La Nouvelle Revue 1879. Т. 1: 58.

⁴¹ Ibid: 64.

⁴² Adam 1910: 419.

⁴³ La Nouvelle Revue 1880. Т. 7: 203.

нию на Балканах: «Став грабителями малых народов, они обречены на вечную борьбу. Мы можем лишь посочувствовать той империи, что первой утвердит свое господство вплоть до Средиземноморья. Она дорого заплатит за видимые преимущества этого эфемерного успеха и первенства, оспариваемого могущественными соседями»⁴⁴.

Но в целом Адан была склонна оспаривать обвинения в адрес России в стремлении поставить славянский мир под прямой контроль. В этом смысле российский «имперский панславизм» чаще представлял в «La Nouvelle Revue» как навязчивый «призрак» австрийских и германских политиков и журналистов, не имевший связи с реальностью⁴⁵. В поиске причин «вулканических процессов» на Балканах, расшатывавших постановления Берлинского конгресса, полагал журнал, «не нужно глубоко копать вплоть до России и панславистских комитетов»: «зло имеет всецело местную природу»⁴⁶. «Если малые народы Балкан и должны еще жить в настоящий момент под опекой великих держав, – заключала Адан в 1886 г., – в интересах Франции, чтобы эта опека была русской: русские говорят на нашем языке, любят нашу страну, имеют те же антипатии и тех же врагов. Как следствие, если на Востоке будет доминировать русское влияние, то там установится немного и французского влияния»⁴⁷. Адан видела в объединении балканских стран под русской и французской «опекой» прочный заслон на пути «германизма» и наилучшее решение пресловутого «восточного вопроса».

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. произвела сильное впечатление на Ж. Адан и во многих отношениях сформировала ее представления о русской политике на Балканах. Для нее было очевидно, что российское руководство не стремилось к войне с Турцией, но не смогло противиться силе общественного мнения: «именно русский народ хотел войны 1877 г., несмотря на сопротивление Александра II». Этот исторический опыт убедил Адан, что «религиозные чувства в России достаточно сильны, чтобы взять верх над любыми дипломатическими раскладами и увлечь за собой царя, если эти чувства задевают»⁴⁸. Отсюда же представление французской писательницы о силе «национальной партии» в России как выразительницы искренних симпатий в пользу братьев-славян массы простого народа. Освобождение славян из-под турецкого и германо-австрийского гнета с этого момента Адан считала «фатальной миссией» России и ее подлинно национальной идеей⁴⁹.

В целом, Адан признавала потребность России в мирной передышке после разорительной войны с Турцией 1877–1878 гг. и приветствовала осторожность российской дипломатии. Она была неизменно

⁴⁴ La Nouvelle Revue 1883. Т. 22: 488.

⁴⁵ La Nouvelle Revue 1880. Т. 7: 202.

⁴⁶ La Nouvelle Revue 1885. Т. 33: 876.

⁴⁷ La Nouvelle Revue 1886. Т. 42: 867.

⁴⁸ La Nouvelle Revue 1893. Т. 82: 637.

⁴⁹ La Nouvelle Revue 1886. Т. 43: 408.

солидарна с тезисом об особых интересах России в Болгарии, «купленных» жизнями ее солдат в ходе недавней войны. Адан охотно верила в то, что главной насущной целью Петербурга являются «подлинные и действенные гарантии» закрытия Черноморских проливов на случай войны с Великобританией, получив которые, он способен стать «лучшим другом, самым преданным союзником и надежнейшей опорой Турции»⁵⁰. «Россия хочет открытых путей на Востоке, она не хочет аннексий»,⁵¹ – повторяла обозревательница в августе 1888 г.

В стремлении увязать французские и российские интересы и сделать чаяния потенциального союзника более понятными соотечественникам, Адан проводила параллели между «эльзас-лотарингским вопросом» и положением Боснии. С осени 1893 г. ее журнал начал говорить о Боснии-Герцеговине как о «сербской Эльзас-Лотарингии», условия оккупации которой постоянно нарушались Веней. Россия не могла самоустраниться в «боснийском вопросе», не рискуя «однажды увидеть возрождение в Болгарии австрийских интриг и на сей раз ради непосредственной цели аннексии»⁵². Но не все сводилось к холодному расчету и прагматическим интересам. В представлении Адан в Европе существовали только две нации, «способные объявить войну в силу своих чувств, в силу чистого рыцарского духа, без своекорыстного подстрекательства, без расчета на выгоду: Франция и Россия»⁵³.

В начале 1896 г. Адан объявляла, что Россия мирным путем добилась своей цели: «весь Балканский полуостров ныне в руках России», «островком» в котором осталась лишь Румыния под властью Гогенцоллернов⁵⁴. В начале XX в. она оставалась верна идее нерушимого «славянского братства», готовности болгар вернуться под крыло России как «могущественной, неизменно почитаемой и любимой покровительницы», которая не ищет в Европе «ни авантюры, ни территориальных приращений». Согласно Адан, Россия добивалась на Балканах лишь «той доли влияния, на которую у нее есть право, и которую, позволительно прибавить, она должна взять. Ее политика умиротворения и сдержанности на Балканах единственная может уберечь Восток от авантюры и опасных сумасбродств какого-нибудь Милана Сербского – орудия всех тех, кто заинтересован на Востоке ловить рыбу в мутной воде»⁵⁵.

Оборотной стороной позитивного, в целом, восприятия российской политики было представление журнала об агрессивности соперников России: Германии, Австро-Венгрии и Великобритании. На протяжении всех 1880-х гг. Адан и ее сотрудники неизменно верили в планы канцлера Бисмарка по обретению Германией «мирового господ-

⁵⁰ La Nouvelle Revue 1886. Т. 43: 864.

⁵¹ La Nouvelle Revue 1888. Т. 53: 889.

⁵² La Nouvelle Revue 1893. Т. 85: 636.

⁵³ La Nouvelle Revue 1895. Т. 97: 385.

⁵⁴ La Nouvelle Revue 1896. Т. 99: 174.

⁵⁵ La Nouvelle Revue 1900. Т. 3 (NS): 621–622.

ства» (sic)⁵⁶. Составной частью этого плана, согласно «La Nouvelle Revue», должен был стать раздел Балкан странами Тройственного союза с вознаграждением России Константинополем и Черноморскими проливами или же ее полным вытеснением с полуострова⁵⁷. Именно от бисмарковской Германии, таким образом, исходила главная угроза порабощения всей Европы, тогда как Россия в царствование Александра III и Франция подавались как главные препятствия на пути реализации этих зловещих планов. Иными словами, все прежние клише «русской угрозы» для Европы теперь органично переносились на Германию.

В конце 1889 г. журнал устами своего редактора уже категорично заявлял о «неустранимых противоречиях» между Россией и Германией: «интересы, чувства, потребности двух народов во всем противоположны»⁵⁸. Мотив англо-германских происков против России и Франции остался устойчивым до конца века. В январе 1898 г. Адан полагала, что превращение Германии в «стража Босфора от России» отвечало бы видам Великобритании, поскольку снимало бы с нее это бремя, утратившее, как уверяла обозревательница, для англичан первостепенное значение после их утверждения в Египте⁵⁹. К концу века именно усиление позиций Германии в Османской империи стало главной заботой Адан, а предпочтительной целью российской и французской дипломатии – «объединение усилий <...> ради устранения Германии с Востока»⁶⁰.

В силу указанных особенностей интерпретации феномена «панславизма» журнал Ж. Адан выделило в рамках французской публицистики также исключительно позитивное отношение к славянофильскому движению в России. Журнал придерживался расхожего представления о борьбе двух групп влияния при императоре: западниках и славянофилах. Первые в трактовке «La Nouvelle Revue» прочно связывались с прогерманскими силами, вторые – с поборниками национальных интересов России. Адан с готовностью следовала дихотомии, противопоставлявшей чиновничий Петербург «моральной столице» Москве: «именно там панславизм имеет не просто адептов, но фанатиков»⁶¹. Адан охотно именовала себя «славофилкой», но подчеркивала: «не следует смешивать славизм и панславизм, так как славофилы не обязательно панслависты». Если какая-то маленькая группа трудится в пользу дела братьев-славян, «то в гораздо меньшей степени ради большой империи, воссоздавшей бы единство славянской расы»⁶². Следует повторить, что хозяйка «La Nouvelle Revue» этот путь считала не только пагубным, но и неосуществимым. Однако если она и была готова допустить существо-

⁵⁶ La Nouvelle Revue 1887. Т. 47: 571.

⁵⁷ La Nouvelle Revue 1885. Т. 34: 426; 1884. Т. 26: 206.

⁵⁸ La Nouvelle Revue 1889. Т. 62: 157–159.

⁵⁹ La Nouvelle Revue 1898. Т. 110: 542.

⁶⁰ La Nouvelle Revue 1898. Т. 111: 143.

⁶¹ La Nouvelle Revue 1881. Т. 11: 920.

⁶² La Nouvelle Revue 1888. Т. 53: 893.

вание подобных «имперских» панславистов в России, то на страницах «La Nouvelle Revue» они так и остались безымянным меньшинством. Вслед за русскими «друзьями» редакции журнала Адан предпочитала говорить о «московской» или «национальной партии», ассоциировавшаяся у нее с И.С. Аксаковым и М.Н. Катковым.

Не все идеи «московской партии» находили безоговорочную поддержку Адан. Достаточно сказать, что и М.Н. Каткова, как она ясно сознавала, нельзя было назвать явным франкофилом. Но это не мешало Адан время от времени адресовать своим «друзьям» подлинные панегирики. Об И.С. Аксакове она отзывалась так: «этот благородный ум, это большое сердце, прямая и великодушная натура, этот несравненный писатель»⁶³. В свою очередь, Катков для нее был «большим политическим провидцем», «вдохновителем императорской политики», «назначающим министров», человеком, пользовавшимся «преобладающим влиянием» на императора Александра III⁶⁴. Смерть Каткова, по оценке Адан, не только лишила Россию «крупного писателя, блестящего мыслителя, великого государственного деятеля», но и стала «невосполнимой потерей» и «личным несчастьем всех французских патриотов»⁶⁵. Мнения Аксакова и Каткова пользовались у Адан столь большим авторитетом, что с середины 1880-х гг., она все чаще отказывалась от собственного комментария русской политики в своих регулярных «Письмах» в пользу перепечатки целыми страницами отрывков из «Московских ведомостей» и газеты «Русь», а также российских правительственных изданий.

В ряды «национальной партии» Адан также зачисляла министра внутренних дел и бывшего посла в Константинополе генерала Н.П. Игнатьева, олицетворявшего «панславистскую идею во власти, которую мы всегда поддерживали»⁶⁶. Уже то, что граф Игнатьев стал «пугалом пангерманизма», делало ему в глазах Адан большую честь⁶⁷. В ряды врагов «германизма» она также зачисляла «лучшего друга Каткова» министра внутренних дел графа Д.А. Толстого, «самого образованного, самого московского, самого надежного патриота», а также «его преемника с теми же идеями и традициями» И.Н. Дурново⁶⁸. Наконец, именно «La Nouvelle Revue» как никакое другое французское издание популяризировало фигуру генерала М.Д. Скобелева, называя его «легендарным в армии и в народе» живым олицетворением «антагонизма славизма и германизма», стремившимся «к сокрушению последнего как к своему долгу»⁶⁹. Легендарным ореолом окружались и другие герои войны: например, генералы И.Ф. Гурко и М.И. Драгомиров⁷⁰.

⁶³ La Nouvelle Revue 1886. Т. 38: 872–873.

⁶⁴ La Nouvelle Revue 1885. Т. 36: 425.

⁶⁵ La Nouvelle Revue 1887. Т. 47: 801–803.

⁶⁶ La Nouvelle Revue 1881. Т. 12: 664.

⁶⁷ La Nouvelle Revue 1881. Т. 12: 199.

⁶⁸ La Nouvelle Revue 1889. Т. 58: 384.

⁶⁹ La Nouvelle Revue 1882. Т. 14: 918.

⁷⁰ La Nouvelle Revue 1889. Т. 60: 417.

Стоит заметить, что Адан внесла свой вклад в формирование образа «загадочной русской души», отзываясь о русских как о «незнакомом, привлекательном и загадочном народе»⁷¹. Русские для нее отождествлялись с *фатумом*, а не *рацио*: «в русском характере <...> столь велика доля мистицизма, что пытаться предсказать действия этой нации часто дело рискованное»⁷²; «там, где Англия ищет лишь выгоду, Россия видит миссию, которую нужно исполнить»⁷³. Сила лидеров «национальной партии» – И.С. Аксакова и М.Н. Каткова, как раз и заключалась по Адан в способности исполнить роль мистических выразителей «гласа» народа, пробудить и направить эту иррациональную силу: «в России все классы охвачены национальным пылом, патриотическим самопожертвованием, и достаточно одного призыва, чтобы их объединить». Адан полагала, что со смертью Скобелева, Аксакова и Каткова «национальная партия» не утратила своей силы: им на смену пришли «не столь мощные индивидуальности», но само число этих последователей возросло: «они обновляют звенья цепи, которая так и не была разорвана»⁷⁴. Одна из причин уверенности Адан в силе и устойчивости позиций «национальной партии» коренилась в убеждении, что к той идейно близок и сам император Александр III.

Если Александр II подозревался Адан в симпатиях к Германии, то его наследник стал ее надеждой. Она была убеждена, что Александр III «в силу своего происхождения, образования, впечатлений, привычек мыслит так же, как и его народ, а этот народ во всей Европе дальше всех от союза с Германией»⁷⁵. Даже возрождение «Союза трех императоров» в июне 1881 г. не смогло поколебать этой установки: «Император – русский, целиком и полностью русский, его доверенные друзья являются известными противниками германского влияния и вернут его, если он сбился с пути, на старую верную тропинку»⁷⁶. Она верила, что Александр III разделял установки И.С. Аксакова «на разрыв с рабским подражанием западной цивилизации» и был «не далек от герметичной политики, которая возвела бы барьер между Европой и его государством»⁷⁷. Верность императора «делу славизма», например, обнаруживало его личное участие в пожертвованиях на деятельность по обращению в православие славян-католиков, протестантов и мусульман⁷⁸.

Русско-французское сближение, наметившееся в начале 1890-х гг., окончательно убедило Адан, что Александр III неизменно был «нашим преданным союзником», чего нельзя было сказать о российской дипломатии, которая в силу своей инертности «не единожды ограничила или

⁷¹ La Nouvelle Revue 1885. Т. 36: 427.

⁷² La Nouvelle Revue 1885. Т. 33: 652.

⁷³ Ibid: 869.

⁷⁴ La Nouvelle Revue 1888. Т. 50: 907.

⁷⁵ La Nouvelle Revue 1881. Т. 12: 423–424.

⁷⁶ Ibid: 665.

⁷⁷ La Nouvelle Revue 1884. Т. 30: 428–429.

⁷⁸ Ibid: 874.

ослабила изъявления царской воли»⁷⁹. Российский министр иностранных дел Н.К. Гирс в интерпретации журнала к началу 1890-х гг. из «посредственного ученика» А.М. Горчакова окончательно превратился в «немца». Александр III же под пером одного из анонимных публицистов «La Nouvelle Revue» превратился в «царя-освободителя», направившего Россию к «освобождению от немцев, которые ее недостойным образом эксплуатировали»⁸⁰. Этот мотив не утратил своего значения и по мере развития русско-французского союза в царствование Николая II, воспетого Адан как «друга мира» и «апостола справедливости»⁸¹.

Соперничая с лидерами «московской партии» по части неприятия «германизма», Ж. Адан все же не во всем сходилась с ними во взглядах. Она одобряла внешнеполитический курс Александра III, отмеченный «сдержанностью и выжиданием», но полагала, что необходимость реформ назрела⁸². Адан верила в сочетаемость «западного прогресса» в России в результате реформ с путем, «предначертанным ее собственным гением». Республиканизм француженки побуждал ее верить в возможность и необходимость зарождения в России среднего класса и развития представительства, что только и способно было «придать в будущем учреждениям России равновесие и прочность»⁸³. Примечательно, что все без исключения русские авторы со страниц «La Nouvelle Revue» любые формы «конституционного строя» для России безусловно отвергали. Адан также последовательно критиковала посягательства в России на свободу печати, способные оставить страну «без авторитетных и независимых мнений»,⁸⁴ а ее сотрудники призывали российского императора в ответ на «происки революционеров» не переходить к «игу ультраконсервативной и полицейской политики»⁸⁵. Впрочем, со второй половины 1880-х гг. французский журнал все чаще просто обходил молчанием «контрреформы» царствования Александра III.

Важно отметить, что Адан видела в реформах, развитии земства и частной собственности в России не только залог стабильности и «барьер для социальной революции», но также и предпосылку к ее отказу от завоеваний. Писательница рассматривала экспансию империи как необходимое условие для сохранения единства ее разнородных частей, и полагала, что новым являлся только термин «панславизм». Более того, «инстинкт завоевания и поглощения», по ее оценке, был укоренен в сознании «старого русского» и отличал его от западного сознания⁸⁶. Поэтому применительно к Адан справедлив вывод, сделанный ранее⁸⁷ в

⁷⁹ La Nouvelle Revue 1892. Т. 77: 185.

⁸⁰ La Nouvelle Revue 1893. Т. 84: 706.

⁸¹ La Nouvelle Revue 1900. Т. 3 (NS): 621–622.

⁸² La Nouvelle Revue 1884. Т. 26: 431.

⁸³ La Nouvelle Revue 1882. Т. 14: 920.

⁸⁴ La Nouvelle Revue 1883. Т. 21: 469–470.

⁸⁵ La Nouvelle Revue 1884. Т. 26: 200.

⁸⁶ La Nouvelle Revue 1882. Т. 14: 916–917.

⁸⁷ Танышина 2022: 187–188.

отношении другого известного французского «славофила» рассматриваемой эпохи – Анатоля Леруа-Больё: при всей симпатии к России Адан все равно конструировала образ страны на основе идей, высказанных тем поколением французских «русистов», которое предмету своего изучения отнюдь не сочувствовало. Адан, как и ряд других публицистов «La Nouvelle Revue», охотно признавала за Россией «цивилизаторскую миссию» и приветствовала, в частности, ее продвижение в Средней Азии. В конце XIX в. Адан призывала поддержать укрепление российских позиций и на Дальнем Востоке хотя бы потому, что это происходило бы за счет Великобритании и Германии⁸⁸. Но в целом она сожалела о безудержной колониальной экспансии европейских держав, обострявшей их противоречия и подстегивавшей гонку вооружений.

Двойственным было и отношение Адан к русификации «окраин» империи. Если русификацию балтийских провинций она приветствовала как ответ на германский экспансионизм, то любые дискриминационные меры против поляков открыто осуждала: «Разве не является возвышенной целью России создать вокруг себя пояс государств, которые кончили бы тем, что стали жить собственной жизнью?»⁸⁹ Не скрывала она и всю сложность реализации панславистского идеала без примирения между русскими и поляками. В ее представлении такому примирению мог способствовать харизматичный герой, подобный генералу Скобелеву: «Если бы генерал Скобелев был жив, если бы он обладал властью, которой заслуживал своей прозорливостью и своим патриотизмом, Польша была бы в числе самых преданных провинций, поскольку он понимал угрозу славянского дуализма, братской ненависти, осложнявшую неизбежную дуэль с германским миром»⁹⁰.

Наконец, Адан питала столь же стойкие симпатии к венграм и развивала тезис о том, что мирному сосуществованию мадьяр и славян ничто не препятствует. Напротив, исчезновение Венгрии с карты Европы она считала опасным для самих славян Цислейтании: оно оставило бы их без поддержки против унитарной Австрии, без гарантий против России и без помощи против Германии – «пожирательницы славян»⁹¹. Она отказывалась согласиться с Л. Кошутом, называвшим утопией всякий проект сближения между венграми и русскими, и вновь и вновь предсказывала, что два народа примирятся⁹².

Таким образом, ключом к пониманию образа российского панславизма на страницах французского журнала «La Nouvelle Revue» являются антигерманские установки его хозяйки и идейной вдохновительницы Ж. Адан. Исходя из представлений об историческом противоборстве славянских и германских народов и продвигая курс на союз с Рос-

⁸⁸ La Nouvelle Revue 1892. Т. 75: 174.

⁸⁹ La Nouvelle Revue 1882. Т. 15: 461.

⁹⁰ La Nouvelle Revue 1883. Т. 23: 900–901.

⁹¹ La Nouvelle Revue 1884. Т. 29: 280.

⁹² La Nouvelle Revue 1893. Т. 84: 205.

сией ради будущего отвоевания Францией Эльзас-Лотарингии, писательница была настроена воспринимать идеи российских славянофилов вполне позитивно. Во-первых, всякое укрепление позиций «московской партии» в России в противовес прогерманским силам в ее понимании приближало заключение русско-французского союза. Во-вторых, развитие солидарности балканских народов вокруг России отождествлялось ею с ослаблением Тройственного союза и с восстановлением пошатнувшихся позиций в регионе Франции.

При этом, журнал (и здесь правомерно говорить не только об Адан) симпатизировал «панславизму» лишь как славянской солидарности, венцом которой могло стать формирование на Балканах конфедерации Сербии и Болгарии с возможным участием Румынии и Греции. Взаимное тяготение и симпатии в рамках «большой славянской семьи» виделись Адан объективной данностью – тем, что было способно преодолеть любые раздоры и политические расчеты. Оценить смелость «славофильской» пропаганды «*La Nouvelle Revue*», равно как и ограниченность ее успеха можно по тому, что реакция во Франции на очередной всплеск насилия в отношении христиан в Османской империи в 1895 г. оказалась вновь отмечена симпатиями к туркам⁹³.

Журнал видел кровным интересом России окружить себя поясом дружественных государств, свободных от подозрений в посягательстве Петербурга на их недавно завоеванную независимость. Его авторы, включая Ж. Адан, были не свободны от устоявшихся представлений о «врожденном» экспансионизме Российской империи и его прямой взаимосвязи с «автократией» Романовых, но были готовы признать за Россией некоторую «цивилизаторскую миссию». Они не сводили политику России на Балканах к прагматичным интересам, чуть ли не выше ставя по опыту русско-турецкой войны 1877–1878 гг. значение национальных порывов и религиозных чувств. Адан также не отказывалась от традиционных во Франции симпатий к полякам, видя в русско-польских противоречиях препятствие на пути реализации панславистского идеала.

Стоит отметить, что «*La Nouvelle Revue*» давал своим читателям представление обо всей пестроте славянофильского лагеря. Примером может служить полемика на страницах журнала в начале 1882 г. трех анонимных (одним из них была О.А. Новикова) авторов из числа «русских друзей» редакции, в равной мере притязавших на право считаться представителями славянофильского движения, но, как быстро выяснялось, расхоdivшихся в интерпретации его внешнеполитических целей⁹⁴. Журнал отказывался отождествлять славянофильское движение с политикой аннексий или подчинением внешней политики балканских стран Петербургу. Признавая наличие в рамках этого движения сторонников создания крупного славянского государства вокруг России,

⁹³ Cambon 1940. Т. 1: 398.

⁹⁴ *La Nouvelle Revue* 1882. Т. 14: 713–731; Т. 16: 241–275; Т. 17: 939–957.

журнал рисовал их меньшинством, не влиявшим на реальный внешне-политический курс страны. В этих трактовках российского панславизма «La Nouvelle Revue» под началом Ж. Адан оставался на протяжении двух десятилетий примечательно последователен и устойчив.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бернар А. Несколько особенностей панславизма во Франции // Славяноведение. 1998. № 5. С. 38–43. [Bernar A. Neskol'ko osobennostej panslavizma vo Francii // Slavyanovedenie. 1998. № 5. S. 38–43].
- Беспалова К.А., Ившин В.С. Между дипломатией и интригами: неформальные аспекты франко-русских отношений в 1870–1880-х годах // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 4. С. 381–401. [Bespalova K.A., Ivshin V.S. Mezhdru diplomatiej i intrigami: neformal'nye aspekty franko-russkikh otoshenij v 1870–1880-h godah // Nauchnyj dialog. 2023. T. 12. № 4. S. 381–401].
- Власов Н.А. Образ российского панславизма у германской военно-политической элиты 1870–1880-х гг. // Диалог со временем. 2023. Вып. 84. С. 297–307. [Vlasov N.A. Obraz rossijskogo panslavizma u germanskoj voenno-politicheskoj elity 1870–1880-h gg. // Dialog so vremenem. 2023. Vyp. 84. S. 297–307].
- Галкина Ю.М. Франко-русский союз в зеркале историографии: к вопросу о механизмах сближения // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2023. Т. 7. № 2. С. 611–649. [Galkina Yu.M. Franko-russkij soyz v zerkale istoriografii: k voprosu o mekhanizmah sbližheniya // Historia provinciae – zhurnal regional'noj istorii. 2023. T. 7. № 2. S. 611–649].
- Данилова О.С. Луи Леже – основоположник научного славяноведения во Франции // Славяноведение. 2007. № 1. С. 81–89. [Danilova O.S. Louis Léger – osnovopolozhnik nauchnogo slavyanovedeniya vo Francii // Slavyanovedenie. 2007. № 1. S. 81–89].
- Данилова О.С. Французские «славянофилы» конца XIX – начала XX века // Славянский альманах 2001. Москва: Индрик, 2002. С. 217–233. [Danilova O.S. Francuzskie «slavyanofily» konca XIX – nachala XX veka // Slavyanskij almanah 2001. Moskva: Indrik, 2002. S. 217–233].
- Леонтьев К.Н. Избранные письма (1854–1891). СПб: Пушкинский фонд, 1993. [Leont'ev K.N. Izbrannye pis'ma (1854–1891). SPb: Pushkinskij fond, 1993].
- Манфред А.З. Образование русско-французского союза. Москва: Наука, 1975. [Manfred A.Z. Obrazovanie russko-francuzskogo soyuza. Moskva: Nauka, 1975].
- Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. Т. 2. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1957. [Masanov I.F. Slovar' psevdonimov russkikh pisatelej, uchenyh i obshchestvennyh deyatelej: V 4 t. T. 2. M.: Izd-vo Vsesoyuz. kn. palaty, 1957].
- Павленко О.В. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 3–15. [Pavlenko O. V. Panslavizm i ego modeli // Novaya i novejšhaya istoriya. 2016. № 5. S. 3–15].
- Таньшина Н.П. «Империя царей и русские» Анатоля Леруа Больё: новый взгляд на Россию? // Французский ежегодник 2022: Француз за пределами Франции. М., 2022. С. 166–190. [Tan'shina N. P. «Imperiya carej i russkie» Anatole Leroy-Beaulieu: novyj vzglyad na Rossiju? // Francuzskij ezhegodnik 2022: Francuzy za predelami Francii. M., 2022. S. 166–190].
- Adam J. Mes souvenirs. T. VII. Après l'abandon de la Revanche (1877–1880). Paris: Alphonse Lemerre, 1910.
- Aprile S. La République au salon: vie et mort d'une forme de sociabilité politique (1865–1885) // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1991. № 3. P. 473–487
- Cambon P. Correspondance, 1870–1924. T. I. Paris: B. Grasset, 1940.
- Corbet Ch. À l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). Paris: Librairie Marcel Didier, 1967.
- D'Agostini A. L'agency de Juliette Adam (1836–1936) // Rives méditerranéennes. 2012. № 41. P. 101–115. URL: <http://journals.openedition.org/rives/4141> (10.11.2023)
- Doverine A. (Tchernoff). L'esprit national russe sous Alexandre III. Paris: G. Charpentier et Co, 1890.
- Farcy C. La guerre sur le Danube 1877–1878. Paris: A. Quantin, 1879.
- El Gammal J. Patriotisme et nationalisme dans les années 1880. Juliette Adam et la Nouvelle Revue // Militaires en République, 1870-1962: Les officiers, le pouvoir et la vie publique en France. Paris: Éditions de la Sorbonne, 1999. P. 495–502.
- Hilgar M-F. Juliette Adam et la “Nouvelle Revue” // Rocky Mountain Review of Language and Literature. 1997. Vol. 51. No. 2. P. 11–18.

- Hillis F. The “Franco-Russian Marseillaise”: International Exchange and the Making of Antiliberal Politics in Fin de Siècle France // *The Journal of Modern History*. 2017. Vol. 89. No. 1. P. 39–78.
- Hogenhuis-Seliverstoff A. Russophilie et germanophobie en France et en Russie entre 1878 et 1918 // *Deutschland – Frankreich – Rußland / La France et l'Allemagne face à la Russie: Begegnungen und Konfrontationen* / Ed. by Ilja Mieck and Pierre Guillen. Berlin, Boston: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2000. S. 71–86.
- Hogenhuis-Seliverstoff A. Juliette Adam (1836–1936). *L’Instrigatrice*. Paris: L’Harmattan, 2002.
- Leger L. *Le monde slave: voyages et littérature*. Paris: Didier et Cie, 1873.
- La Nouvelle Revue*. 1897–1899. T. 1–127; 1900. T. 1–5 (Nouvelle série).
- Robert C. Les deux panslavismes. Situation actuelle des peuples slaves vis-à-vis de la Russie // *Revue des Deux Mondes*. 1846. Vol. 16. No. 3. P. 452–483.

Бодров Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, e-mail: a.bodrov@spbu.ru

The Image of Russian Pan-Slavism in “La Nouvelle Revue” Magazine (1879–1900)

The article reveals the main features of the image of Russian Pan-Slavism created in the last third of the 19th century on the pages of the French magazine “La Nouvelle Revue”. This magazine consistently promoted Russian-French rapprochement. One of the obstacles to it was the deep-rooted French identification of Russian policy in the Balkans with aggressive Pan-Slavism. The author concludes that the magazine consistently promoted a positive perception of Pan-Slavism as Slavic solidarity, interpreting mutual sympathies and attraction of the Russian and Balkan peoples to each other as an objective reality. The founder and permanent head of the magazine J. Adam radically changed the traditional discourse, calling the liberation of the Balkan peoples from foreign rule a “fatal mission” of Russia. In her perception, Russian policy in the Balkans and Russian Slavophiles as the inspirers of this policy were far from aggressive annexationism. All the previous clichés about the “Russian threat” were attributed now by the French magazine to Germany.

Keywords: *Pan-Slavism, Franco-Russian relations, perception, The French Third Republic, Slavophiles, «La Nouvelle Revue», Juliette Adam.*

Bodrov Andrei Vladimirovich, PhD in History, Associate Professor, St. Petersburg State University, e-mail: a.bodrov@spbu.ru

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ XIX– НАЧАЛА XX ВЕКА В ОЦЕНКЕ Н.И. КАРЕЕВА. ЧАСТЬ I

Польская проблема занимает важное место в творчестве известного русского либерального историка Н.И. Кареева. В статье рассматриваются взгляды Кареева на польскую проблему в России XIX – начала XX в.: исходные позиции историка по данной проблеме, её составляющие, эволюция взглядов. Кареев рассматривал польскую проблему в России в связи с демократизацией жизни в стране.

Ключевые слова: польский вопрос, Н.И. Кареев, историческая полонистика в России

В современных условиях не потеряли свою научную актуальность взгляды видного российского либерального историка Николая Ивановича Кареева на польский вопрос в России XIX – начала XX века: исходные позиции историка в данной проблеме, её составляющие элементы, эволюция взглядов, которые рассматриваются на фоне общих позиций российской историографии по польскому вопросу как либеральной, так и консервативной направленности.

Польский вопрос (широко понимаемый как историческая, культурологическая и политологическая составляющая) играл весомую роль в политической и общественной жизни России. Н.Н. Страхов свои известные «заметки по поводу польского вопроса», опубликованные в разгар польского восстания 1863 г., озаглавил: «Роковой вопрос»¹. По мнению Л.Е. Горизонтова, в течение длительного времени польский вопрос являлся главной из имперских забот России². Подобное определение он получил и в польской исторической мысли: польский вопрос стал именоваться «фатальным»³.

Польский вопрос в России начала XIX в. впервые был поставлен в качестве предмета исследования ещё Н.М. Карамзиным⁴, продолжен он был в исследованиях М.П. Погодина. Этот вопрос во второй половине XIX в. официально считался внутренним, потеряв статус международного, но оставался весьма актуальным в общественной и исторической мысли. Его исследование продолжали как российские историки славянофильской, консервативной направленности (Ю.Ф. Самарин, М.О. Коялович, Д. И. Иловайский, А.С. Аксаков и др.⁵), так и либеральной, западной ориентации (Б.Н. Чичерин, С.М. Соловьёв и др.)⁶.

При этом актуальность данной проблемы в России к концу XIX – началу XX вв. ещё более усилилась⁷. Атмосферу сложности и напря-

¹ Страхов 1863: 153.

² Горизонтов 1999:215.

³ Głębocki 2000.

⁴ Кручковский 2016; Карамзин 1862.

⁵ Кручковский 2016.

⁶ Соловьёв 1863; Чичерин 1901.

⁷ Дьяков 1981: 148.

жённости в России относительно польского вопроса, истории русско-польских отношений хорошо отражают два близких положения представителей различных направлений российской историографии – Ф.И. Филевича⁸ и В.О. Ключевского⁹. Так, последний отмечал, что «поляки занимали особое место в истории России в связи с тем, что продолжали оставаться наряду с татарами в сознании русских извечными врагами их государственности»¹⁰. Наиболее ярко это особое место поляков в истории России подчёркивалось в российской консервативной историографии славянофильского толка. Там оно приобрело в оценке одного из виднейших его представителей И.П. Филевича даже мистическую окраску. Он утверждал, что «давняя вражда между Польшей и Россией отразилась даже в психике русского народа, и не было делом случая, что русские люди представляли дьявола в виде ляха»¹¹.

К тому же польская проблематика в российской историографии вплоть до 80-х годов XIX в. (за исключением Б.Н. Чичерина) рассматривалась исключительно с позиций консервативно-славянофильских, хотя историей Польши занимался ряд известных либеральных историков: С.М. Соловьёв, В.И. Герье, Н.И. Костомаров. Либеральная российская полонистика во многом начинается только с 80-х годов XIX в. и связана с именем Н.И. Кареева. Продолжили эту тенденцию в исследовании польского вопроса А.Л. Погодин, В.А. Францев¹².

Взгляды и оценки Н.И. Кареева на определённые периоды истории Польши прямо или косвенно (часто в рамках других исследований) являлись объектом исследования ряда историков¹³, в том числе и польских¹⁴. Значительно меньше внимания уделялось его оценкам польского вопроса¹⁵, рассматривая только его отдельные аспекты.

В польской историографии исследования отдельных аспектов оценочных позиций по польскому вопросу в творческом наследии Н.И. Кареева (период Варшавского университета, вопрос его роли и реполонизации в 1905 г., польско-российские общественные и научные связи, личные связи ученого с поляками, как в период Российской империи, так и после обретения Польшей независимости и т.д.) рассматривалось преимущественно Ю. Бардахом¹⁶ и Е. Матерницким¹⁷.

⁸ Филевич 1894.

⁹ Ключевский 1989. Т.3.

¹⁰ Ibid: 30.

¹¹ Филевич 1894: 2.

¹² Кручковский 1994; 2016; 2017;

¹³ Дьяков 1981; Мягков 1988; Золотарев 1988; Кручковский 1992; 1993; 1994; 2015; 2016; 2016а; 2017; 2018; 2018а; 2020; 2022; 2023; 2023а; Кручковский, Нечухрин 1995; Нечухрин 1996; 2003; Лаптева 1998; 2005; Аржакова 2009; 2014; 2017.

¹⁴ Serejski 1970; Bardach 1980; Maternicki 1990.

¹⁵ Serejski 1970; Bardach 1979; Bardach 1980; Maternicki 1990; Дьяков 1981; Мягков 1988; Золотарев 1990; Кручковский 1992; 1993; 1994; 2011; Кручковский, Нечухрин 1995; Kruczkowski 1997; 1999; Кручковский 2011; 2018; Аржакова 2009; 2010; 2014; 2017.

¹⁶ Bardach 1979; 1980.

В русскоязычной историографии в последние десятилетия тематика польского вопроса в интерпретации Н.И. Кареева значительно расширилась (В.А. Дьяков, Л.М. Лаптева, В.П. Золотарев, Л.М. Аржакова, В.В. Кутявин, Т.Т. Кручковский и др.). Так, Л.М. Аржакова, как и автор данной статьи, рассматривают отдельные аспекты польского вопроса в России в интерпретации Н.И. Кареева в сравнительном плане в аспекте российской и польской историографии (роль Варшавского университета в польско-российских отношениях, общественные и научные связи ученого с поляками, польский вопрос и научное наследие ученого и т.д.). В целом в отношении заявленной тематики отсутствует комплексное историографическое исследование, показывающее основные положения ученого по польскому вопросу, их изменения и эволюцию.

В творчестве Н.И. Кареева, характеризующемся необычной широтой и плодотворностью, стремлением к созданию фундаментальных обобщающих трудов¹⁸, видное место занимают работы, посвященные польской проблематике¹⁹. Уникальным для российской историографии является его фундаментальный 7-томный труд «История Западной Европы в новое время» в котором определенное внимание историком уделялась истории Польши, а затем и польскому вопросу²⁰.

Этот интерес к Польше для Н.И. Кареева далеко не случаен и был вызван как остротой польского вопроса в России, его либерально-демократическими взглядами, так и обстоятельствами жизни ученого, ряд лет проработавшего в Варшавском императорском университете. Главные вехи жизни и творчества Кареева достаточно известны, благодаря ряду публикаций²¹. Весьма достоверными и подтверждающиеся другими источниками являются воспоминания Н.И. Кареева²².

Общественно-политические и личностные обстоятельства варшавского периода жизни и деятельности Кареева подробно рассматривались как в ряде исследований²³, так и в его воспоминаниях²⁴. Сам Кареев писал, что считал себя всегда человеком прогрессивных устремлений²⁵. Он считал, что идеалом политической организации общества являлось «народно-правовое государство». Кареев разделял в духе позитивистского исторического оптимизма веру возможности науки преобразовать и улучшить существующие условия жизни. Исходя из тезиса, что русская позитивистская историография одна из передовых в Европе, историк выдвинул положение, что, «русская наука способна отличаться

¹⁷ Maternicki 1990.

¹⁸ Кареев 1883; 1892–1917; 1903; 1903а; 1913 и др.

¹⁹ Кареев 1905; 1892–1917; 1903; 1903а и др.

²⁰ Кареев 1892–1917.

²¹ Дьяков 1981; Золотарев 1990: 5–40; 1992: 128–155; Лаптева 1998; 2005; Bardach 1980.

²² Лаптева 2005: 472.

²³ Bardach 1980; Золотарев 1992; Лаптева 2005; Аржакова 2009; 2010; Кручковский 2016; 2020.

²⁴ Кареев 1990.

²⁵ Кареев 1990:301.

наибольшей трезвостью, широтою взглядов»²⁶, в т.ч. и столь актуальном и сложном для тогдашней России, польском вопросе. «Такое положение, – считал он, – позволяет русским ученым не только выполнять роль проводника идей и идеалов одной из передовых наций, но и быть беспристрастным в решении собственных и чужих проблем»²⁷.

На основании историософской концепции ученого, его общественно-политической позиции, научной и преподавательской деятельности можно утверждать, что Н.И. Кареев был приверженцем либерально-демократических ценностей и российским патриотом²⁸. «Но подлинная любовь к родине, – справедливо утверждал он, – настоящий патриотизм вовсе не означает приукрашивания своей истории, напротив именно стремлением раскрыть перед народом всю историческую о нем правду он лучше всего служит родине»²⁹.

Н.И. Кареев обратился к польской истории, а также польскому вопросу в начале 80-х годов XIX в., когда он был профессором российского императорского университета в Варшаве. Так Кареев, принимая решение о профессуре в Варшаве, приводил и идейные причины своего решения: «А трудное положение русского человека во враждебной окраине? А разве, думал я, не заманчива была бы задача явиться там, среди родственного славянского народа, не казенным обрусителем, но человеком, который бы явился представителем гуманной, либеральной, прогрессивной части русского общества, раз историческая судьба соединила Польшу с Россией? Займусь и я там историей Польши, во многих отношениях интересной»³⁰. В результате Кареев стал автором ряда трудов в российской историографии по истории Польши, в том числе по истории падения Речи Посполитой. Его труды по истории Польши стали предметом рецензий современных ему виднейших польских историков (Т. Корзон, В. Смоленски)³¹. Следует отметить, что данные труды получили в основном положительные отзывы в польской академической среде, а сам автор был известен в Польше как либерал и полонифил³².

В начале 80-х годов XIX в. Н.И. Кареев выступал с идеями, подобно В.В. Спасовичу, о том, что представители польской и российской либерально-демократической общественности способны найти путь к примирению русских и поляков. Эта идея, как показывает творчество и общественная деятельность ученого в польском вопросе, стала у него доминирующей на протяжении 80-90-х гг. XIX в. вплоть до революции 1905 г. Кареев инструментом к такому примирению и сближению этих славянских народов считал российский университет в Варшаве. Эта его

²⁶ Кареев 1885: 4.

²⁷ Ibid: 9.

²⁸ Кручковский 2017: 192.

²⁹ Кареев 1913: 249–250.

³⁰ Кареев 1990:158.

³¹ Смотрите подробнее: Кручковский 2018.

³² Bardach 1980: 107.

идея во многом исходила из представлений историка об особой роли русской позитивистской науки. По его мнению, именно она «способна отличаться наибольшей трезвостью, широтой взглядов»³³. Данное положение в польской историографии было определено как наивное³⁴.

У сторонников консервативно-националистического направления в российской историографии был совершенно иной, чем у Н.И. Кареева, взгляд на роль российского Варшавского императорского университета в польском вопросе. О роли, которая предполагалась Варшавскому университету в политике русификации поляков, неоднократно отмечалось в научной литературе³⁵. Работая на протяжении 1881–1892 гг. в Варшавском университете, А.С. Будилович снискал репутацию яркого «полонофоба»³⁶, а возглавляемый им историко-филологический факультет стал самым русифицированным³⁷. Деятельность А.С. Будиловича в Варшаве носила великодержавный характер³⁸.

Ввиду царившей враждебной атмосферы русские ученые ехали в Варшаву неохотно, хотя для них существовали определенные привилегии. Отмечалось, что надолго русские в Варшаве не задерживались, «стремясь перебраться в центры научной и культурной жизни на основной территории России, – ведь Польша все же была провинцией, да еще с враждебно настроенным населением»³⁹. К русским ученым, оставившим у поляков доброе мнение о себе, принадлежал и Н.И. Кареев, но и он неоднократно отмечал в своих воспоминаниях, как он долго стремился вырваться из Варшавы⁴⁰. Однако Е.Ф. Карский и А.С. Будилович задержались надолго, они сделали административные карьеры и остались в исторической памяти как русификаторы польского народа⁴¹. Это мнение поддерживается и в польской науке⁴². Л.П. Лаптева не согласна с этим мнением, утверждая, что оно страдает односторонностью⁴³.

Серия статей Кареева по польскому вопросу 1881–1884 гг. – «Польские письма», напечатанные в «Русской мысли» (их было издано восемь), и («Варшавские письма»), напечатанные в «Русские ведомости» (их было издано семь), была написана в варшавский период его деятельности. В 1905 г., эти статьи и новые исследования Кареева по польскому вопросу были изданы в сборнике «Polonica»⁴⁴. Ученый, от-

³³ Кареев 1885: 4.

³⁴ Bardach 1980: 128.

³⁵ Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego. 1816-1915. 2016; Bardach 1980: 104–154; Maternicki 1990: 536-579; Лаптева 1998: 44-54; Кручковский, Нечухрин 1995: 116–123; Кареев 1990.

³⁶ Кареев 1990: 414.

³⁷ Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego 1807–1915. 1981: 426.

³⁸ Кручковский 2022: 19.

³⁹ Кареев 1990: 478.

⁴⁰ Кареев 1990: 156–172.

⁴¹ Кручковский 2022: 19; 2015.

⁴² Bardach 1980: 106.

⁴³ Лаптева 2005: 478.

⁴⁴ Кареев 1905.

мечая в начале 1880-х гг. в этих публикациях, что польский вопрос был весьма актуальным в России, утверждал, что «голос в этой тематике в основном берут противники поляков, вспоминая негативные моменты прошлого: зло 1612, 1812, 1830, 1863 годов»⁴⁵. Причину такого подхода он, прежде всего, видел «во взаимном незнании друг друга – русских и поляков», и это положение «к 1905 году мало в чем изменилось»⁴⁶. Ученый осуждал мнение консервативной части российской элиты и консервативно-патриотической исторической мысли (начиная с А.С. Аксакова и заканчивая Д.И. Иловайским) о необходимости решить польский вопрос путём русификации польского национального меньшинства и обращения его в православие. «Они, – утверждал он, – в желании поляков остаться собою видят результат польской интриги»⁴⁷.

Н.И. Кареев заявлял, что он стремился избегать крайностей, свойственных националистической точке зрения, старался примирить враждующие стороны: «Я всегда был врагом всякой национальной исключительности и розни, – писал он, – всякого квасного патриотизма, шовинизма и т. п., всегда мечтал, в духе завета Мицкевича, о времени, «когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся», всегда в особенности думал о необходимости русско-польского примирения. Моё политическое поведение в Варшаве определялось этим настроением, а между тем я видел, что в Варшаве русские люди только и делают, что всячески теснят поляков и своей некультурностью позорят русское имя, к чести которого я не мог быть равнодушным на чужбине»⁴⁸.

Ученый решительно противопоставлял националистической тенденции научную работу историка, утверждая, что «историческая истина, как и всякая другая научная истина, может быть только одной для людей всех национальностей». «Главное, – писал Кареев, – старался быть беспристрастным»⁴⁹. О том, что Карееву удалось максимально объективно на тогдашнем уровне знаний подойти к рассмотрению истории Польши свидетельствуют и отзывы его коллег и оценки польской историографии⁵⁰. Утверждалось, что историк в своих взглядах «старался встать над тенденцией дружественной и недружественной Польши во имя исторической правды»⁵¹. В научной литературе отмечалось, что Н.И. Кареев не порывал своих связей с поляками также и в последующие годы, выступая за либеральный подход к польскому вопросу⁵².

Н.И. Кареев пользовался большим авторитетом среди польской интеллигенции и считался сторонником русско-польского сближения и известным полонофилом. Свидетельством его высокой оценки в Поль-

⁴⁵ Кареев 1905: 2.

⁴⁶ Кареев 1905а: 723.

⁴⁷ Кареев 1905: 261.

⁴⁸ Кареев 1990: 171.

⁴⁹ Кареев 1905: 211.

⁵⁰ Serejski 1970; Bardach 1979: 45–62; 1980; Maternicki 1990: 536–579.

⁵¹ Serejski 1970: 383.

⁵² Нечухрин 2003; Bardach 1980; Maternicki 1990; Лартева 2005;

ше является и то, что он был избран членом-корреспондентом Краковской Академии искусств и вступил в польское товарищество «Друзья наук»⁵³. «Благожелательное отношение к полякам и беспристрастное отношение к истории Польши, – писал Кареев, – вызывало нападки со стороны польских консерваторов и русских «патриотов»»⁵⁴. П.А. Гейсман прямо обвинял ученого в снисходительном отношении к польской историографии, в которой, считал он, преобладал патриотический дух. «Нельзя и представить лучшего адвоката Польши, – писал Гейсман, – перед судом истории, как г. Кареев», обвиняя его в том, что «он в погоне за беспристрастием не видел русских национальных интересов»⁵⁵. Ещё в 1880-е гг., отмечал Кареев, «когда появились в зарубежной польской прессе статьи о моём сочувственном отношении к полякам, они заставили меня быть сдержанным, так как я хотел быстрее уехать из Варшавы работать в Москву»⁵⁶. Об этом свидетельствуют и его воспоминания⁵⁷.

Такая гражданская позиция историка, отмечается в российской историографии, препятствовала его научной карьере. В 1884 г. состоялась защита докторской диссертации Кареева «Основные вопросы философии истории» и ему была присуждена степень доктора всеобщей истории. Эта уникальная работа получила многочисленные отзывы в научных изданиях. Однако только в 1890 г. он стал ординарным профессором Петербургского университета⁵⁸. Л.П. Лаптева замечает по этому поводу: «По своей учености, многообразию и обширности трудов, по вкладу, внесенному им в гуманитарные науки, Н.И. Кареев мог украсить своим членством любую европейскую академию <...> но членом Российской Академии наук он не был»⁵⁹. Н.И. Кареев занимался общественно-политической деятельностью и в России. Ученый был в числе профессоров, подписавших письмо с критикой университетского устава 1894 г. В 1899 г. он был уволен из Петербургского университета. Это было связано с тем, что он с пониманием относился к студенческим волнениям⁶⁰. Эта его позиция была не столько причиной, сколько удобным предлогом избавиться от слишком либерального профессора⁶¹. В этот период он активно работал как в научной сфере, так и на общественном поприще, в том числе в деле сближения русских и поляков⁶². В научной литературе предмета и во воспоминаниях ученого отмечаются его визиты в Польшу и публичное чтение лекций, в которых он излагал свои идеи путей примирения польского и русского народов.

⁵³ Bardach 1979.

⁵⁴ Кареев 1905: 212.

⁵⁵ Гейсман, Ильенко 1897: IV–VI.

⁵⁶ Кареев 1905: 210.

⁵⁷ Кареев 1990: 156–172.

⁵⁸ Лаптева 2005: 481.

⁵⁹ Ibid: 484.

⁶⁰ Лаптева 2005: 482.

⁶¹ Золотарев 1988: 21.

⁶² Кареев 1990: 225–229.

Общественно-политическая ситуация в России начала XX в. в отношении польского вопроса оставалась сложной. В либеральной историографии (Н.И. Кареев, В.О. Ключевский, А.А. Корнилов, А.Л. Погодин и др.) начинается попытка представить условия возможного решения польского вопроса путем примирения народов⁶³. Однако господствовала полонофобия⁶⁴. Из академической среды России продолжали доноситься переполненные эмоциями антипольские высказывания⁶⁵. П.А. Кулаковский относил поляков к «прирожденным иудам, смешавшимся с евреями настолько, что уместнее именовать Галицию «Новой Галилеей». Кулаковский писал: «Поляки не нация, а лишь орудие борьбы с русской нацией. Мы не должны мириться ни с какими «автономиями» для Польши, ни с какими уступками»⁶⁶. А.Л. Погодин по этому поводу отмечал: «Польский вопрос не пользуется симпатиями в русском обществе и, что всего большее, в лучшем, прогрессивном обществе»⁶⁷.

Перед революцией 1905 г. в России началось широкое общественное движение, в котором принял активное участие и Н.И. Кареев⁶⁸. Он стал председателем Петербургского отделения кадетской партии, депутатом I Государственной думы. Общая обстановка в России и актуализация польского вопроса повлияла и на изменение позиций учёного по поводу путей его решения. В этот момент Кареев признал, что его идеи 1880–1890-х гг. о роли русского Варшавского университета как инструмента в деле сближения русских и поляков оказались иллюзией, и он стал одним из тех русских профессоров, которые выступили в 1905 г. за реполонизацию Варшавского университета⁶⁹. Действовал он как представитель Академического союза русских профессоров и депутат Государственной думы первого созыва⁷⁰. После 1905 г. его мнение относительно польского вопроса начинает меняться в сторону признания прав поляков: «Наше отношение к национальным правам поляков должно быть независимы от того, каких они придерживаются социально-политических убеждений, или какое положение занимают относительно наших проблем. Нужно не искать себе политических союзников, а стремиться удовлетворить их естественные права»⁷¹. «Поляки должны знать, – продолжал историк, – что есть русские, которые признают их национальные права, без всякой политики, политических направлений, хотя и

⁶³ Кареев 1905; Погодин 1909 и др.

⁶⁴ Кутявин 2004: 143.

⁶⁵ Ibid: 144.

⁶⁶ Кулаковский 1906: 12.

⁶⁷ Погодин 1907; VI.

⁶⁸ Лаптева 2005: 491.

⁶⁹ Bardach 1980. Позиция правительства, которую поддерживал и ректор Варшавского университета Е.Ф. Карский, заключалась в сохранении русского характера университета, а в случае невозможности этого, перенесения его вглубь России, в Ростов-на-Дону или Самару. См.: Кручковский, 2020а.

⁷⁰ Bardach 1979: 45–62.

⁷¹ Кареев 1915: 64.

нам нужно дружественное государство на Западе, но оно должно быть и в силу принципа справедливости»⁷². Подведением итогов взглядов историка по польскому вопросу кануна Первой мировой войны было издание исторического очерка по польскому вопросу⁷³, а также представления роли польского вопроса в системе международных отношений⁷⁴.

Уже после окончания мировой войны Кареев представил новый взгляд на результаты польского вопроса, рассматривая в общем, проблематику территориальных изменений в Европе⁷⁵. Начало Первой мировой войны в перспективе решения польского вопроса, казалось, оправдывало надежды русских либералов, сторонников русско-польского сближения на демократической основе. Казалось, впервые в России создавались условия для преодоления в общественном сознании негативного стереотипа Польши и поляков⁷⁶. В условиях изменения официальной точки зрения Н.И. Кареев поддержал открыто программу автономии польских земель⁷⁷. Приведенные им исторические аргументы использовались для обоснования и пропаганды политической программы в воззвании великого князя Николая Николаевича, где повторяется идея автономии польских земель⁷⁸. Это положение еще до начала войны подерживалось другим либеральным историком – А.Л. Погодиным⁷⁹, который занял наиболее полонофильскую позицию⁸⁰.

Кареев считал, что сложились благоприятные перспективы решения польского вопроса на демократической основе: «Несмотря на всё то, что разъединяло в прошлом Россию и Польшу в настоящем как раз обладали те силы, которые уже давно начинали работу в смысле сближения двух народов на почве общих политических, экономических и культурных интересов: среди этих сил свою роль сыграло возвращение полякам надежды на лучшее будущее. С обеих сторон многое в старом должно быть забыто, но многое же в этом старом должно быть и уроком относительно прежних ошибок, повторять которые было бы непостижительно в тот момент, когда польский вопрос получил столь широкую постановку»⁸¹. «Однако при такой традиции полонофобии, как в России, – отмечается в литературе предмета, – и таком “культурном слое” трудных польско-русских отношений подобные ожидания едва ли можно признать оправданными»⁸². К тому же «золотая пора» русского полонофильства, во многом инспирируемого «сверху», оказалась очень корот-

⁷² Ibid: 67.

⁷³ Кареев 1915.

⁷⁴ Кареев 1915а.

⁷⁵ Кареев 1922.

⁷⁶ Кутявин 2004: 146.

⁷⁷ Кареев 1915: 85.

⁷⁸ Кареев 1915а: 47.

⁷⁹ Погодин 1907; 1909.

⁸⁰ Кутявин 2004: 138–149.

⁸¹ Кареев 1915: 85.

⁸² Кутявин 2004: 143.

кой – уже осенью 1915 г. польские земли находились вне юрисдикции России, и это, естественно, резко снизило интерес к ним со стороны правительства и российского общественного мнения. Лишившись столь мощной политической поддержки и общественного внимания, российская полонистика быстро угасала – с осени 1915 года до конца войны количество публикаций, посвященных Польше, многократно уменьшилось⁸³. У Н.И. Кареева совершенно исчезает проблематика польского вопроса. Она возвращается после мировой войны при общем анализе политических и территориальных изменений послевоенной Европы⁸⁴.

Рассматривая политико-территориальные итоги войны, Кареев отмечал, что разложение Австрии не было неожиданностью, в то время как разложение России стало полной неожиданностью, и на ее западных окраинах образовались национальные государства. «Можно было предположить, – считал он, – скорее другой вариант: Россия включит в свой состав Галицию и Польшу, как часть будущей автономии»⁸⁵. Уже после образования независимой Польши, Кареев отмечал, что трудно было раньше предположить такой ход развития событий⁸⁶. Вероятно, так ученый оправдывал слишком осторожную свою довоенную позицию в отношении возможности возрождения польской государственности. При всем своем либерализме Кареев, известный в России полонофил, не верил в возможность Польши стать независимым государством, и такой ход событий для него стал полной неожиданностью.

Таким образом, взгляды Н.И. Кареева на польский вопрос и пути его решения носили либерально-демократический характер и прошли определенные эволюционные изменения: от призыва примирения русских и поляков в новой демократической России до признания полной автономии. Нельзя не заметить явного желанья Н.И. Кареева, как и других русских историков-либералов начала XX века (В.О. Ключевский, А.Л. Погодин и др.), понять национальные стремления польского народа. В общем в российской исторической полонистике меняется даже тональность рассуждений о Польше и польском вопросе – почти исчезают упреки, сарказм, которыми были переполнены исторические исследования в 60–90-х гг. XIX века.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аржакова, Л.М. Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке. СПб., 2010. 343 с. [Arzhakova L.M. Rossijskaya istoricheskaya polonistika i pol'skij vopros v XIX veke (Russian historical Polish studies and the Polish question in the 19th century). SPb., 2010. 343 s.].
- Аржакова, Л.М. Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века. СПб., 2014. 543 с. [Arzhakova L.M. Pol'skij vopros i ego prelomlenie v rossijskoj istoricheskoi polonistike XIX veka (The Polish Question and its Refraction in Russian Historical Polonistics of the XIX Century). SPb, 2014. 543 s.].

⁸³ Ibid: 140 .

⁸⁴ Кареев 1922.

⁸⁵ Кареев 1922: 140.

⁸⁶ Кареев 1922: 3–17.

- Аржакова Л.М. Русский историк А.Л. Погодин об истории Польши и польском вопросе. СПб., 2010. 343 с. [Arzhakova L.M. Ruskij istorik A.L. Pogodin ob istorii Pol'shi i pol'skom voprose (Russian historical Polish studies and the Polish question in the 19th century). SPb., 2010. 343 p.]
- Аржакова Л.М. Опыт польско-русского диалога: Николай Кареев и Михаил Бобжинский // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. 2009. № 3. С. 9–17. [Arzhakova L.M. Opyt pol'sko-rossijskogo dialoga: Nikolaj Kareev i Mihail Bobzhinskij (Experience of Polish-Russian dialogue: Nikolai Kareev and Michal Bobzhinsky) // Problemy social'noj istorii i kul'tury srednih vekov i rannego novogo vremeni. 2009. № 3. P. 9–17].
- Гейсман, П.А., Ильенко, А.К. Начало конца Польши. Введение в историю борьбы за объединение России при императрице Екатерине Великой. СПб, 1897. 254 с. [Gejsman P.A., Il'enko, A.K. Nachalo konca Pol'shii. Vvedenie v istoriyu bor'by za ob"edinenie Rossii pri imperatrice Ekaterine Velikoj (The beginning of the end of Poland. Introduction to the history of the struggle for the unification of Russia under Empress Catherine the Great). SPb, 1897. 254 p.]
- Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М. 1999. 272 с. [Gorizontov L.E. Paradoksy imperskoj politiki: polyaki v Rossii i russkie v Pol'she (Gorizontov L.E. Paradoxes of imperial policy: Poles in Russia and Russians in Poland.). М. 1999. 272 p.]
- Дьяков В.А. Польская тематика в русской историографии конца XIX – нач. XX века (Н.И. Кареев, А.А. Корнилов, А.Л. Погодин, В.А. Францев) // История и историки. М., 1981. С. 147–161. [D'yakov V.A. Pol'skaya tematika v russkoj istoriografii konca XIX – nach. XX veka (N.I. Kareev, A.A. Kornilov, A.L. Pogodin, V.A. Francev) (Polish themes in Russian historiography of the late XIX - early XX century (N.I. Kareev, A.A. Kornilov, A.L. Pogodin, V.A. Frantsev))// Istoriya i istoriki. М., 1981. P. 147–161.]
- Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева. Содержание и эволюция. Л. 1988. 160 с. [Zolotarev V. P. Istoricheskaya koncepciya N.I. Kareeva. Soderzhanie i evolyuciya (Historical concept of N.I. Kareev. Content and evolution). L. 1988. 160 p.]
- Карамзин Н.М. Мнение русского гражданина // Неизданные сочинения и переписка Н. М. Карамзина. СПб., 162. [Karamzin N.M. Mnenie russkogo grazhdanina (Opinion of a Russian citizen) // Neizdannye sochineniya i perepiska N. M. Karamzina Spb., 162].
- Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. М., 1883. Т. 1–2. [Kareev N.I. Osnovnye voprosy filosofii istorii (Basic questions of the philosophy of history). М., 1883. Т. 1–2].
- Кареев, Н.И. Лекции о духе русской науки. Варшава, 1885. 20 с. [Kareev N.I. Lekcii o duhe russkoj nauki (Kareev N.I. Lectures on the spirit of Russian science). Varshava, 1885. 20 p.]
- Кареев Н.И. Главные обобщения всемирной истории. СПб., 1903. 348 с. [Kareev N.I. Glavnnye obobshcheniya vseмирной istorii (Kareev N.I. The main generalizations of world history). SPb., 1903. 348 p.]
- Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох. СПб., 1903а. 382 с. [Kareev N.I. Obshchij hod vseмирной istorii. Oчерки glavnejshih istoricheskikh epoch (The general course of world history). SPb., 1903а. 382 p.]
- Кареев Н. И. Polonica. Сборник статей по польским делам (1881–1905 гг.). СПб.: Тип. Стасюлевича, 1905. 264 с. [Kareev N. I. Polonica. Sbornik statej po pol'skim delam (1881–1905 gg.) (Polonica. Collection of articles on Polish affairs (1881–1905)). SPb.: Tip. Stasyulevicha, 1905. 264 p.]
- Кареев Н.И. К вопросу о русско-польских отношениях // Право. СПб., 1905а. С.718–723. [Kareev N.I. K voprosu o russko-pol'skikh otnosheniyah (On the issue of Russian-Polish relations) // Pravo. SPb., 1905а. P.718–723.]
- Кареев Н.И. Историка (Теории исторического знания). СПб., 1913. 320 с. [Kareev N.I. Istoriika (Teorii istoricheskogo znaniya) (Historian (Theories of historical knowledge)). SPb., 1913. 320 p.]
- Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время : в 7 т. СПб. – Пг., 1892–1917. [Kareev N.I. Istoriya Zapadnoj Evropy v novoe vremya : v 7 t. (History of Western Europe in modern times: in 7 volumes.) SPb. – Pg., 1892–1917.]
- Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. 384 с. [Kareev N.I. Prozhitoe i perezhitoe (Lived and experienced). L., 1990. 384 p.]

- Кареев Н.И. Польский вопрос в историческом освящении // Проблемы мировой войны. Пг., 1915. С. 69–71. [Kareev N.I. Pol'skij vopros v istoricheskom osvyashchenii // Problemy mirovoj vojny (The Polish question in historical consecration). Pg., 1915. P. 69–71].
- Кареев Н.И. Прошлое двух союзов великих европейских держав // Вопросы мировой войны/ под ред. М.И. Туган-Барановского. Пг., с. 22– 47. [Kareev N.I. Proshloe dvuh soyuzov velikih evropejskih derzhav (The past of two alliances of great European powers) / pod red. M. I. Tugan-Baranovskogo. Pg., P. 22– 47.].
- Кареев Н.И. Европа до и после войны в территориальном отношении. Пг. 1922. 81 с. [Kareev N. I. Evropa do i posle vojny v territorial'nom otnoshenii (Europe before and after the war in territorial terms). Pg. 1922. 81 p.].
- Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. М., 1987–1991. [Klyuchevskij V.O. Sochineniya : v 9 t. (Works: in 9 volumes). M., 1987–1991.].
- Кручковский Т.Т. Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX века / дисс.... к. и. н. Москва, 1992. 282 с. [Kruchkovskij T.T. Pol'skaya problematika v russkoj istoriografii vtoroj poloviny XIX veka (Polish Problems in Russian Historiography of the Second Half of the 19th Century) / diss... k. i. n. Moskva, 1992. 282 p.].
- Кручковский Т.Т. Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX в. / Наш радавод. Гродно, 1994. Кн. 6. Ч. II. С. 218–417. [Kruchkovskij T.T. Pol'skaya problematika v russkoj istoriografii vtoroj poloviny XIX v. (Polish Problems in Russian Historiography of the Second Half of the 19th Century) / Nash radavod. Grodno, 1994. Kn. 6. CH. II. P. 218–417.].
- Кручковский Т.Т., Нечухрин А.Н. Польская проблематика в творчестве Н.И. Кареева // Гістарыяграфічная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь [сб. ст.]. Мн., 1995. Ч. II. С. 116–123. [Kruchkovskij T.T., Nechuhryn A.N. Pol'skaya problematika v tvorchestve N.I. Kareeva (Polish issues in the works of N.I. Kareeva) // Gistoryyagrafichnaya navuka i gistorychnaya adukacyya ў Respublycy Belarus' [sb. st.]. Mn., 1995. CH. II. P. 116–123].
- Кручковский Т.Т. Некоторые дискуссионные историографические проблемы исторического прошлого и современности польского национального меньшинства в Беларуси / История Польши в историографической традиции XIX - начала XXI вв. Гродно, 2011. С. 249–278. [Kruchkovskij T.T. Nekotorye diskussionnye istoriograficheskie problemy istoricheskogo proshlogo i sovremennosti pol'skogo nacional'nogo men'shinstva v Belarusi (Some controversial historiographical problems of the historical past and present of the Polish national minority in Belarus) / Istoriya Pol'shi v istoriograficheskoy tradicii XIX – nachala XXI vv. Grodno, 2011. P. 249–278.].
- Кручковский Т.Т. История Польши в историософской концепции Н. И. Кареева // Вестник БарГУ. Серия 2. 2015. Вып. 3. С. 30–44. [Kruchkovskij T.T. Istoriya Pol'shi v istoriosofskoj koncepcii N. I. Kareeva (The history of Poland in the historical concept of N.I. Kareeva) // Vestnik BarGU. Seriya 2. 2015. Vyp. 3. P. 30–44.].
- Кручковский Т.Т. История Польши в основных концепциях русской историографии XIX – начала XX века : моногр. Гродно, 2016. 383 с. [Kruchkovskij T.T. Istoriya Pol'shi v osnovnyh koncepciyah russkoj istoriografii XIX – nachala XX veka: monogr. (History of Poland in the basic concepts of Russian historiography of the 19th – early 20th centuries: monograph)/ Grodno, 2016. 383 p.].
- Кручковский Т.Т. Фундаментальные идеи и специфические черты русской исторической полонистики XIX – начала XX веков: историографический обзор // ИАВБ. Минск. 2016а. № 2 (25). С. 29–36. [Kruchkovskij T.T. Fundamental'nye idei i specificheskie cherty russkoj istoricheskoy polonistiki XIX – nachala XX vekov: istoriograficheskij obzor (Fundamental ideas and specific features of Russian historical polonistics in the 19th – early 20th centuries: a historiographic review) // IAVB. Minsk. 2016a. № 2 (25). P. 29–36.].
- Кручковский Т.Т. История Польши в концепциях российской историографии XIX - начала XX века. Дисс. на соиск.... д. и. н. Минск, 2017. 338 с. [Kruchkovskij T.T. Istoriya Pol'shi v koncepciyah rossijskoj istoriografii XIX – nachala XX veka (The history of Poland in the concepts of Russian historiography of the 19th – early 20th centuries). Diss. na soisk... d. i. n. Minsk, 2017. 338 p.].
- Кручковский Т.Т. Взгляды Н.И. Кареева на проблематику разделов Речи Посполитой в оценке польской историографии // KLIŃ POLSKA. Studia i Materiały z Dziejów Historiografii Polskiej. Warszawa, 2018. t. 10. S. 117–145. [Kruchkovskij T.T. Vzglyady

- N.I. Kareeva na problematiku rozdelenia Rechi Pospolitoj v ocenke pol'skoj istoriografii (Views of N.I. Kareev on the problems of the divisions of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the assessment of Polish historiography) // KLIO POLSKA. Studia i Materiały z Dziejów Historiografii Polskiej. Warszawa, 2018. t. 10. S. 117–145.]
- Кручковский, Т.Т. Польский вопрос накануне Первой мировой войны и его решение в оценке Н.И. Кареева // Zeszyty Naukowe Ostrłęckiego Towarzystwa Naukowego, 2018a. № XXXII. S. 351–371. [Kruczkowski T.T. Pol'skij vopros nakanune Pervoj mirovoj vojny i ego reshenie v ocenke N.I. Kareeva (The Polish question on the eve of the First World War and its solution in the assessment of N.I. Kareeva) // Zeszyty Naukowe Ostrłęckiego Towarzystwa Naukowego, 2018a. № XXXII. P. 351–371.]
- Кручковский Т.Т. Воспоминания Н.И. Кареева о Варшавском университете как феномен исторической памяти о российско-польских отношениях // Социальные, культурные и коммуникативные практики в динамике общественного развития. Гродно, 2020. С. 76–81. [Kruczkowski T.T. Vospominaniya N.I. Kareeva o Varshavskom universitecie kak fenomen istoricheskoy pam'yati o rossijsko-pol'skih otnosheniyah (Memoirs of N.I. Kareeva about the University of Warsaw as a phenomenon of historical memory of Russian-Polish relations) // Social'nye, kul'turnye i kommunikativnye praktiki v dinamike obshchestvennogo razvitiya. Grodno, 2020. P. 76–81.]
- Кручковский, Т.Т. Польский вопрос в России в интерпретации Е.Ф. Карского в период его ректорства в Варшавском университете // Славянский мир и национальная речевая культура в современной коммуникации. Гродно, 2020a. Ч. 1. С. 228–238. [Kruczkowski T.T. Pol'skij vopros v Rossii v interpretacii E.F. Karskogo v period ego rektorstva v Varshavskom universitecie (The Polish question in Russia in the interpretation of E.F. Karski during his rectorship at the University of Warsaw) // Slavyanskij mir i nacional'naya rechevaya kul'tura v sovremennoj kommunikacii. Grodno, 2020a. CH. 1. P. 228–238.]
- Кручковский, Т.Т. Польский вопрос в России в оценке А.С. Будиловича // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2022. Т. 17. № 3–4. С. 9–24. [Kruczkowski T.T. Pol'skij vopros v Rossii v ocenke A.S. Budilovicha (The Polish question in Russia in the assessment of A.S. Budilovich) // Slavyanskij mir v tret'em tysyacheletii. 2022. T. 17. № 3–4. P. 9–24.]
- Кручковский, Т.Т. Фундаментальные идеи российской исторической полонистики и их преломление в творчестве В.О. Ключевского // Диалог со временем. М., 2023. Выпуск 82. Ч.1. С. 78–93. [Kruczkowski T.T. Fundamental'nye idei rossijskoj istoricheskoy polonistiki i ih prelomlenie v tvorchestve V.O. Klyuchevskogo (Fundamental ideas of russian historical polonistics and their refraction in the work of V.O. Kluchevsky) // Dialog so vremenem. M., 2023. Vypusk 82. CH.1. P. 78–93.]
- Кручковский, Т.Т. Фундаментальные идеи российской исторической полонистики и их преломление в творчестве В.О. Ключевского // Диалог со временем. М., 2023a. Выпуск 83. Ч.2. С. 82–99. [Kruczkowski T.T. Fundamental'nye idei rossijskoj istoricheskoy polonistiki i ih prelomlenie v tvorchestve V.O. Klyuchevskogo (Fundamental ideas of russian historical polonistics and their refraction in the work of V.O. Kluchevsky) // Dialog so vremenem. M., 2023. Vypusk 83. CH.2. P. 82–99.]
- Кулаковский, П.А. Поляки и вопрос об автономии Польши. СПб., 1906. [Kulakovskij P.A. Polyaki i vopros ob avtonomii Pol'shi and the question of Polish autonomy) . SPb., 1906.]
- Кутявин В.В. Первая мировая война и повороты российской исторической полонистики // Война и общество (к 90-летию начала Первой мировой войны) / отв. ред. А.Б. Окунь. Самара, 2004. С. 138–149. [Kutyavin V.V. Pervaya mirovaya vojna i povoroty rossijskoj istoricheskoy polonistiki (The First World War and the twists and turns of Russian historical polonistics) // Vojna i obshchestvo (k 90-letiyu nachala Pervoj mirovoj vojny) / отв. red. A.B. Okun'. Samara, 2004. P. 138–149.]
- Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. 848 с. [Lapteva L.P. Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX veke (The history of Slavic studies in Russia in the 19th century). M., 2005. 848 p.]
- Лаптева Л.П. Николай Иванович Кареев (1850–1931) // Историки России XVIII–XX вв. М., 1998. Вып. 5. С. 44–54. [Nikolaj Ivanovich Kareev (1850–1931) // Istoriki Rossii XVIII–XX vv. M., 1998. Vyp. 5. P. 44–54.]
- Мягков Г.П. «Русская историческая школа». Методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988 г. 200 с. [Myagkov G.P. «Russkaya istoricheskaya shkola».

- Metodologicheskie i idejno-politicheskie pozicii ("Russian historical school." Methodological and ideological and political positions). Kazan', 1988 g. 200 p.]
- Нечухрин А.Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-ые гг. XIX – 1917 г.). Гродно, 2003. 348 с. [Nechuhrin A.N. Teoretiko-metodologicheskie osnovy rossijskoj pozitivistskoj istoriografii (80-ye gg. XIX — 1917 g.). (Theoretical and methodological foundations of Russian positivist historiography (80s XIX – 1917).) Grodno, 2003. 348 p.]
- Погодин, А.Л. Очерк истории Польши. М., 1909. 132 с. [Ocherk istorii Pol'shi (Pogodin, A.L. Essay on the history of Poland). М., 1909. 132 p.]
- Погодин, А.Л. Главные течения польской политической мысли (1864–1907). СПб., 1907. 662 с. [Pogodin A.L. Glavnye techeniya pol'skoj politicheskoj mysli (1864–1907) (Main currents of Polish political thought (1864–1907)). Spb., 1907. 662 p.]
- Русский [Страхов Н. Н.]. Роковой вопрос (Заметка по поводу польского вопроса) // Время. 1863. № 4. С. 152–163. [Russkij [Strahov N. N.]. Rokovoj vopros (Zametka po povodu pol'skogo voprosa) (Fatal question (Note on the Polish question)) // Vremya. 1863. № 4. P. 152–163.]
- Соловьев, С.М. История падения Польши. М., 1863. 369 с. [Solov'ev S.M. Istoriya padeniya Pol'shi (History of the fall of Poland). М., 1863. 369 p.]
- Филевич И.П. Польша и польский вопрос. М., 1894. [Filevich I.P. Pol'sha i pol'skij vopros (Poland and the Polish question). М., 1894.]
- Чичерин, Б. Польский и еврейский вопрос. Ответ на открытые письма Н.К. Ренненкампа. Берлин, 1901. 74 с. [Chicherin B. Pol'skij i evrejskij vopros. Otvet na otkrytye pis'ma N.K. Rennenkampa (Polish and Jewish Question. Response to open letters from N.K. Rennenkampf). Berlin, 1901. 74 p.]
- Bardach J. Problematyka polska w liberalnej historiografii rosyjskiej schyłku XIX – początku XX wieku: N. I. Kariejew // Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX i XX wieku. Warszawa, 1980. S. 14–154.
- Bardach J. Udział uczonych rosyjskich w walce o repolonizację Uniwersytetu Warszawskiego w latach 1905–1906 // Studia i materiały do dziejów Wielkopolski i Pomorza. T.13. 1979. Z.1. S. 45–56.
- Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego. 1816–1915. Warszawa, 2016. 850 s.
- Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego 1807–1915, pod redakcją Stefana Kiniewicza. Warszawa. 1981.
- Głębocki, H. Fatalna sprawa. Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866). Kraków, 2000. 581 s.
- Kruczkowski, T. Powstanie krakowskie w historiografii rosyjskiej drugiej połowy XIX i początku XX wieku // Rok 1846 w Galicji. Ludzie, wydarzenia, tradycje: zbiór studiów / pod red. M. Sliwy. Kraków, 1997. S. 155–160.
- Kruczkowski, T. Rewolucja 1848 roku na ziemiach polskich w ocenie historiografii rosyjskiej XIX i początku XX wieku // Mazowieckie studia humanistyczne. Łowicz, 1999, rocznik V. № 2. S. 13–27.
- Maternicki J. Nikolaj Iwanowicz Karejew a polska edukacja historyczna / Historiografia i kultura historyczna studia i szkice. Warszawa, 1990. Z. XI. s. 536–579.
- Serejski M. Europa a rozbiory Polski. Warszawa. 1970. 518 s.
- Кручковский Тадеуш Тадеушевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и славянской истории, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы; Республика Беларусь; tkruczkowski@yahoo.com*

The Polish Question in Russia in the XIX–Early XX Centuries in the Assessment of N. I. Kareev

The Polish problem occupies an important place in the works of the famous Russian liberal historian N.I. Kareeva. The article discusses the views of N.I. Kareev on the Polish problem in Russia in the 19th – early 20th centuries: the historian's initial positions on this problem, its components, the evolution of views. N.I. Kareev considered the Polish problem in Russia in connection with the democratization of life in the country, believing that they are interconnected.

Key words: Polish question, N.I. Kareev, Russian historical Polish studies.

Tadeusz Kruczkowski, Dr.Sc. (History), Professor of the Department of General and Slavic History, Yanka Kupala State University of Grodno; tkruczkowski@yahoo.com

СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX В.
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА В.И. ВЕРНАДСКОГО)¹

Одним из доминирующих в общественно-политическом дискурсе в Российской империи в XIX – начале XX в. был славянский вопрос. Его частным проявлением был вопрос украинский. Обострение дискуссий по славянскому вопросу, как правило, было связано с внешнеполитической динамикой. Интерес же к украинскому вопросу возрастал в связи с принятием российским государством мер цензурного характера, варьировавшихся от «закручивания гаек» к определенным послаблениям. Украинский вопрос в российской общественно-политической мысли дебатировался в основном в следующем направлении: представляет ли украинский (малорусский) народ самостоятельный этнос или является локальным вариантом этноса великорусского. В зависимости от ответа на этот вопрос выстраивалось планирование идеальной структуры российского государства. Императорская Петербургская академия наук принимала активное участие в обсуждении славянского вопроса и в принятии соответствующих мер, выступая экспертным органом. Дискуссии велись не только на институциональном, но и на частном уровне. В исследовательской литературе научная среда по данному вопросу делится на два лагеря, один из которых (либерально-националистический) представляет П.Б. Струве, а другой – его многочисленные оппоненты (например, Ф.Е. Корш). Как показывают документы из Архива РАН, история обсуждения украинского вопроса в период до Первой мировой войны была богаче, а количество участников, представлявших академическую среду – больше. Документы, вводимые в научный оборот, демонстрируют позицию академика В.И. Вернадского. Различия во взглядах с коллегами не препятствовали уважительному обмену мнениями, в ходе которого выработывались проекты тех или иных возможных решений украинского и – шире – славянского – вопросов.

Ключевые слова: славянский вопрос, украинский вопрос, Императорская академия наук, славистика, П.Б. Струве, В.И. Вернадский.

Российская академия наук в различные периоды своей истории занимала активную позицию по актуальным проблемам общественного развития, не просто «высказывая беспокойство», но предлагая те или иные форматы решения злободневных вопросов. Одним из таких вопросов, назревших во второй половине XIX – начале XX вв., был вопрос славянский. Его частным проявлением явился вопрос украинский. Считается, украинский вопрос до 1917 г. занимал подчиненное положение во внутривластной повестке дня². С другой стороны, упоминание украинского национального движения было включено еще А.В. Флоровским в статью «Украина» – нейтральную по идеологической направленности – для Русской исторической энциклопедии – масштабного, но не завершенного в 1940-е гг. предприятия, инициированного издательством Brill (Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 81. Л. 358–359).

¹ Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2024-537)

² Михутина 2003.

Вокруг этого вопроса велась жаркая полемика, отражавшаяся, прежде всего, на страницах прессы, а также в законодательстве, регулировавшем издательскую и образовательную деятельность. Не оставалась в стороне и научная среда. В частности, как показывают архивные документы, и давно известные, и лишь в настоящий момент вводимые в научный оборот, активное участие в обсуждении славянского вопроса принимали члены Императорской академии наук, научные интересы которых концентрировались вокруг истории славянских народов, языков и литератур³. Возможно, сам вывод о маргинальности славянского вопроса для внутрirosсийского дискурса был сделан ввиду того, что далеко не все доступные источники известны. Во всяком случае, участие научной общественности в обсуждении судеб славянства в целом, украинского вопроса в частности, было активным и заинтересованным.

Истоки украинского вопроса уходят в XVII столетие: решение Переяславской рады 1654 г. строилось на дихотомии: автономия Гетманства воспринималась как акт милости московского царя⁴. Одним из проявлений его были противоречия в сфере образовательной политики, возможностей и трактовки государственной необходимости развития национальной украинской культуры, в том числе в издательской сфере. Периоды нарастания цензурных ограничений в отношении изданий на украинском (малорусском) языке, ведения образовательной деятельности сменялись периодами относительного смягчения режима. С конца 1850-х гг. стали появляться периодические издания, в которых издавались произведения украинской литературы, например «Основа», центральные издания также уделяли публикациям на украинском языке определенное внимание. Постепенно расширялась и палитра вопросов, находившихся в центре внимания участников дискуссии. Отношения славянских народов – (велико)русского, украинского (малорусского) и белорусского представлялись в различных форматах: от самостоятельного происхождения и независимого развития до различных форм иерархического соотношения.

Восстание в Польше в 1863 г. определило новый поворот в государственной политике по «украинскому вопросу». С 1876 г. принимаются решения, ограничивающие возможности ведения издательской, образовательной и просветительской деятельности на украинском языке и с позиции украинофильства. В 1881 г. были введены послабления для издательской и театральной деятельности. В 1880-х – 1890-х гг. принимались дополнительные ограничительные меры, усиливавшие цензурные ограничения в украинском вопросе⁵. В этот период нарастают две разнонаправленные тенденции: рост великодержавности сочетался с ростом национальных движений на окраинах⁶.

³ См., например: Бондарь 2023: 141–167.

⁴ Михутина 2003: 8–9.

⁵ См. подробнее: Стебницкий 1905: 29–45.

⁶ Шнирельман 2002: 3.

Обострение славянского вопроса в конце XIX – начале XX в. было связано как с динамикой внешнеполитических событий, так и изменениями во внутренней политике Российской и Австро-Венгерской империй. Так, Балканская война 1877–1878 гг. и решения Берлинского конгресса 1878 г. привели к образованию национальных славянских (Черногория, Сербия) и не только славянских (Румыния) государств на землях, ранее принадлежавших Османской империи. Формирование политической карты региона и общеевропейского баланса сил продолжалось и позднее под влиянием Болгарского (1885–1888) и Боснийского (1908–1909) кризисов. Свое воздействие на развитие славянского вопроса оказали и события Русской революции 1905–1907 гг., обострившей национальные противоречия в России, вылившиеся, в частности, в дискуссию по вопросам о статусе украинского народа в Российской империи, украинской культуры и языка по отношению к культуре и языку великорусскому (русскому), т.е. это был в значительной степени вопрос эволюции исторической памяти и культурной идентичности⁷. Ни один из международных трактатов конца XIX – начала XX в., ни Первая, ни Вторая мировая война, ни формирование СССР с включением Украины в его состав и расширением ее территории в межвоенный период не решили окончательно противоречия, составившие славянский вопрос в целом и украинский в частности. В том или ином виде многие противоречия были заморожены на десятилетия. Их обострение на Балканах в 1990-е гг. и на Украине в последние десятилетия являются в том числе следствием отсутствия решения противоречий в предшествующие эпохи в ситуации этнокультурной «чересполосицы» в рамках федеративных государств. В этой связи интерес вызывают материалы по истории обсуждения славянского вопроса в Императорской академии наук, а также между ее членами при частном обмене мнениями в переписке⁸.

Петербургская Императорская академия наук (ИАН) принимала участие не только в развитии науки об истории славянских народов, их литератур и языков, но и в выработке мер, имевших общественное значение. Показательна активность академии по этим вопросам в период с февраля 1904 по март 1905 г. Так, 14 февраля 1904 года на заседании Отделения русского языка и словесности (ОРЯС) была образована Комиссия под председательством Императора по вопросу о русском правописании в составе Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, Ф.Е. Корша, А.И. Соболевского, А.А. Голенищева-Кутузова и А.Ф. Кони. Комиссия неоднократно собиралась и готовила экспертные заключения по вопросу об упрощении русского правописания. 28 февраля 1904 года на собрании ОРЯС было принято решение издавать «Энциклопедию славяноведения, т.е. систематическое изложение исследований по языку, литературе, этнографии и истории всех славянских народов»⁹. Руководство

⁷ По данному вопросу см.: Воробьева, Мордвинцев 2019.

⁸ См. недавно опубликованный документ: Бухарин 2023: 111–118.

⁹ Летопись Российской Академии наук 2007: 78–79.

проектом было поручено крупнейшему европейскому слависту, действительному члену ИАН, профессору Венского университета И.В. Ягичу.

Академия наук обращала внимание властей на то, что политика государства в области просвещения не развивает, а тормозит прогресс науки и просвещения в стране. Так, 17 академиков подписали статью «Заметка о нуждах просвещения в России», под которой поставили подписи всего 342 автора¹⁰. Впрочем, подобные публикации (упомянутая статья, в частности) вызывали лишь гневное раздражение «в верхах»¹¹.

Впрочем, подобная реакция была вполне объяснима, так как ИАН выполняла в том числе роль цензурного органа. 5 февраля 1905 г. ИАН решила отказаться от выполнения роли цензора. Для составления доклада о свободе печати была образована комиссия, в которую были включены филолог-иранист К.Г. Залеман, ботаник А.С. Фаминцын, лингвист Ф.Ф. Фортунатов и филолог-русист А.А. Шахматов (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1-1905. Д. 52. Л. 28 об.)¹². Через две недели Общее собрание ИАН одобрило доклад «Об отмене стеснений малорусского печатного слова» (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 219. Л. 50–63 об.), подготовленный комиссией под председательством лингвиста Ф.Е. Корша, в составе А.С. Фаминцына, зоолога В.В. Заленского, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, историка А.С. Лаппо-Данилевского и постоянного секретаря ИАН востоковеда (литературоведа, искусствоведа, археолога) С.Ф. Ольденбурга. 25 февраля 1905 г. последовала отмена ограничительных мер на издание Священного писания в переводе на малорусский язык, о чем и было доложено на заседании ОРЯС 5 марта¹³.

И в дальнейшем ИАН активно участвовала в обсуждении наиболее важных вопросов общественной повестки дня: 24 марта 1905 г. на заседании экстраординарного Общего собрания состоялось обсуждение доклада Комиссии по вопросу о свободе печати, составленного А.С. Лаппо-Данилевским и А.А. Шахматовым, 11 мая обсуждался проект отзыва ИАН на постановление Комитета министров по вопросу о цензурных обязанностях академии наук¹⁴.

И в дальнейшем члены Академии наук и коллективно, и в частном порядке принимали участие в обсуждении важнейших вопросов общественного развития, в том числе – украинского вопроса.

Украинский вопрос вставал на повестку дня в деятельности III Государственной думы: в 1908 и 1910 гг. на обсуждение выносились проекты реформирования начальной школы, внедрения в образова-

¹⁰ Заметка о нуждах просвещения в России 1905: 1.

¹¹ См. циркулярное письмо президента АН Великого князя Константина Константиновича (СПбФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 26. Л. 113–114). ИАН не осталась в долгу и 14 марта 1905 г. выступила с опровержением тезисов циркуляра (см.: Летопись Российской академии наук 2007: 95).

¹² См.: Доклад Комиссии по вопросу о свободе печати в России 2018: 802–856.

¹³ Летопись Российской Академии наук 2007: 96; Басаргина, Кирикова 2018: 725.

¹⁴ Летопись Российской Академии наук 2007: 99.

тельный процесс украинского языка. Столь же острыми были дебаты вокруг законопроекта о Холмщине в 1912 г.¹⁵

В свете выборов в Государственную думу 1912 г. резко обострились поиски общих интересов между политическими партиями и общественными движениями, в том числе националистического толка, дебаты по вопросу о триединстве русской нации. Оппозиционные партии и общественные движения украинофильской направленности обнаруживали друг в друге политических союзников¹⁶.

Сторонники того или иного решения украинского вопроса не представляли собой этнического единства. Считается, что «отношение к украинскому вопросу в большей степени определялось не этнической, а политической принадлежностью: деятели правомонархического толка относились к украинству крайне негативно, в то время как либеральные и левые политики и публицисты в целом одобряли украинские идеи»¹⁷.

Одним из наиболее ярких участников полемики был Петр Бернгардович Струве (1870–1944) – историк, экономист, политический деятель (депутат Государственной думы II созыва от Петербурга), выпускавший в свет журнал «Русская мысль».

«Важным фактором было то, что географически Струве был и оставался петербуржцем и ряд лет – политическим эмигрантом, Булгаков – москвичом и киевлянином, Бердяев – киевлянином и ссыльным, затем – дачником и москвичом, Франк – москвичом и петербуржцем, Новгородцев — москвичом. Это предопределило дистанционный характер лидерства Струве, на практике выражавшегося более всего в создании публичных идейных проектов: удачно – журналов и сборников, неудачно — газет и партий», – утверждает М. Колеров¹⁸. В значительной степени именно должность главного редактора влиятельного печатного органа определяла влияние Струве на общественную мысль.

В первом выпуске «Русской мысли» за 1912 г. Струве опубликовал программную статью «Общерусская культура и украинский партикуляризм. Ответ Украинцу». Эта статья была ответом на «письмо Украинца»¹⁹ «К вопросу о самостоятельной украинской культуре», которое было опубликовано в майском выпуске «Русской мысли» в 1911 г. Струве исходил из того, что малорусская культура является частью общерусской культуры, и ее выделение, автономизация, поддержка самостоятельного развития вне культуры великорусской приведет к распаду российского государства. Позиция Струве как одного из лиде-

¹⁵ Михутина 2003: 113–114.

¹⁶ Михутина 2003: 123.

¹⁷ Трофимов 2022.

¹⁸ Колеров 2018: 15–16.

¹⁹ Носителей псевдонима «Украинец» известно восемь; см.: Масанов 1958: 184. Наиболее подходящей кандидатурой на отождествление выглядит правовед, философ профессор Демидовского юридического лицея (1911–1916) и Киевского университета (с 1917 г.) Б.А. Кистяковский (1868–1920).

ров кадетов противоречила и партийным программным установкам партии – принципу культурного самоопределения наций, и общему настроению либеральной общественности. Однако нельзя сказать, что в научной среде Струве оказался в положении одного против всех.

Струве рассматривал Россию как национальное русское государство, причем под его русской составляющей он подразумевал триединую основу великороссов (собственно русских), малороссов (украинцев) и белорусов. Причем в этом триедином организме украинская и белорусская составляющая рассматривались Струве как локальные второстепенные варианты великорусской культуры²⁰.

Впрочем, обратная точка зрения также присутствовала в академическом дискурсе. В этой связи можно вспомнить колкое замечание из письма М. Фасмера Е.Ф. Карскому от 27 августа 1925 г.: «Не хотелось бы приглашать украинца, который бы взял да включил в украинскую литературу почти всю древнерусскую» (СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 149. Л. 6 об.).

Ответ не заставил себя ждать²¹, он был опубликован на страницах журнала «Украинская жизнь»²² – одного из целого ряда журналов («Хлебороб», «Рада», «Украинский вестник», «Заря»), посвященных, в основном, украинской истории, культуре в широком смысле слова, обсуждению украинского вопроса, т. е. положению украинского народа в Российской империи, его отношению к иным славянским народам. «Украинская жизнь» выходила в 1912–1917 гг., продолжив линию «Украинского вестника», открытого и закрытого в 1906 г. Кроме собственно регулярных номеров журнал выпускал и издания книжного формата по актуальным направлениям украинского вопроса²³.

Среди оппонентов Струве были не только представители националистических течений, такие как «Старый украинец», хотя на анализе именно этого направления полемики, как правило, делается основной акцент²⁴. Как показывают и уже известные публикации, и некоторые архивные документы, до сей поры не введенные в научный оборот, Струве приходилось полемизировать и с коллегами по научному цеху, в том числе и либеральной направленности, например, с профессором права петербургского Политехнического института Н.А. Гредескулом²⁵,

²⁰ Компактное изложение взглядов П.Б. Струве на национальный вопрос с выделением очевидных противоречий см.: Шнирельман 2002: 7–8.

²¹ Старый украинец 1912: 40–52.

Носитель этого псевдонима остается инкогнито. В монументальном четырехтомном «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова засвидетельствовано несколько носителей псевдонимов «Старый» и «Украинец» (см. также выше), однако комбинация «Старый украинец» отсутствует; см.: Масанов 1956–1960. Не встречается он и в «Псевдонимах русского зарубежья» (Псевдонимы русского зарубежья 2015).

²² О журнале см. в частности: Трофимов, Мошкин 2020: 854–862.

²³ Например: Украинский вопрос 1914; Галичина, Буковина, Угорская русь 1915.

²⁴ Шнирельман 2002: 8–9; Трофимов 2022.

²⁵ Проф. Н.А. Гредескул о выступлении П.Б. Струве по украинскому вопросу 1914: 48–53.

академиками Ф.Е. Коршем²⁶ и В.И. Вернадским. Интересно, с другой стороны, что о наличии некоторых союзников в этой полемике, таких как академик И.В. Ягич, Струве, видимо, не догадывался.

Точка зрения Корша по украинскому вопросу известна и проанализирована²⁷, хотя далеко не все документы привлечены к анализу²⁸. Корш участвовал в публичной дискуссии, собирал газетные вырезки со статьями, обращенными против его точки зрения (Архив РАН. Ф. 558. Оп. 3. Д. 142), вел учет и собственным газетным публикациям (Архив РАН. Ф. 558. Оп. 1. Д. 337). Публикации Корша в «Украинской жизни» предшествовало письмо с просьбой об участии в деятельности журнала, направленное Украинским научным товариществом в Киеве с проспектом журнала (Архив РАН. Ф. 558. Оп. 3. Д. 102).

Позиция же В.И. Вернадского по украинскому вопросу в целом известна лишь на основе более поздних документов²⁹. О его участии в полемике с П.Б. Струве в соответствующих исследованиях не говорится. Тем интереснее было обнаружить в фонде В.И. Вернадского в Архиве РАН письмо П.Б. Струве к В.И. Вернадскому (АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1587. Л. 30–30 об.), которое как расширяет представления о составе участников полемики по украинскому вопросу, так и делает саму палитру мнений более разнообразной:

П.Б. Струве – В.И. Вернадскому:

[не ранее января 1912 г.]

Дорогой Владимир Иванович!

[...]

Я очень охотно напечатаю Ваше возражение на мою статью. Я очень рад, если вокруг нее возникнет полемика, не из общих политических фраз, а выясняющая, к чему действительно стремится «украинское» движение и к чему оно приведет. До сих пор все, что я прочел в «Украинской жизни», всецело подтверждает объективную констатирующую часть моей статьи. Из этих положений могут быть сделаны различные прямо противоположные выводы, и важно довести спор в этом смысле до полной ясности.

Ваш П. Струве.

В 1912 г. в десятом выпуске «Русской мысли», действительно, была опубликована одна из наиболее известных статей В.И. Вернадского – «Из истории идей»³⁰, однако в ней речь шла лишь об идеях, родившихся в недрах естественных и точных наук. Вероятно, черновик статьи Вернадского по украинскому вопросу еще ожидает своей публикации. Из его известных статей по украинскому вопросу наиболее ранняя – «Украинский вопрос и русское общество» – относится к 1916 г. (ГАРФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 34. Л. 1–11)³¹.

²⁶ Корш 1912: 32–43.

²⁷ Трофимов 2022.

²⁸ См., например, незавершенный фрагмент статьи Ф.Е. Корша об украинском языке и народе (Архив РАН. Ф. 558. Оп. 1. Д. 188).

²⁹ Лавров 2012: 71–81.

³⁰ Вернадский 1912: 123–138.

³¹ Опубликована: Вибрані наукові праці академіка В.І. Вернадського 2011: 218–226.

Из этого письма следует также, что своей публикации ждет письмо Вернадского к Струве, в котором Вернадский информирует коллегу о своих возражениях.

Об интересе Вернадского к развитию украинского вопроса в период до Первой мировой войны свидетельствует и наличие в его архивном фонде, в частности, в «Хронологии»³², газетных вырезок со статьями по развитию высшего образования на Украине. Вырезки сделаны не очень аккуратно, и не все из них поддаются однозначной идентификации. Одна из вырезок содержит статью М. Славинского «Украинский университет» (АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 39. Л. 178). М.А. Славинский (1868–1945) – общественный и политический деятель, литератор, переводчик, редактор ряда петербургских, одесских изданий, дипломат³³. Судя по обрывкам названия газеты (сохранился фрагмент «<С(?)ская молва>»), речь идет о газете «Русская молва», которая издавалась в Петербурге менее года – с 9 декабря 1912 по 20 августа 1913 г. Издателем газеты был Д.Д. Протопопов (1865–1934), депутат Государственной думы I созыва, член «Союза освобождения» и Конституционно-демократической партии. Газета занимала умеренную общественно-политическую позицию. Прекращение выхода в свет «Русской молвы» в августе 1913 г. позволяет определить *terminus ante quem* данной вырезки и предположить, что сделана она была не только в связи с интересом Вернадского к проблемам высшего образования в России (помимо данной вырезки в этом же архивном деле хранится еще несколько, объединенных в группу «1913. Хроника высших учебных заведений»), но и к полемике по украинскому вопросу: подавляющее большинство вырезок относятся к судьбам высшего образования на Украине.

Статья Славинского интересна по следующим соображениям: речь в ней идет об попытках образования Украинского университета во Львове, которые длились на момент написания статьи более 10 лет. Автор называет себя «русским» («Нас, русских, может только радовать факт основания украинского университета и то, что он будет основан во Львове»), говорит о «победе украинской ветви русского народа», сожалеет, что она будет одержана не в русском государстве, а вне него. И далее Славинский говорит о том, что украинцы представляют собой часть русского общества, не тождественную великорусской. «Без русских украинцев их австрийские братья еще долго были бы без своей высшей школы и вынуждены были бы учиться в польских или немецких университетах». Заключает статью Славинский тем, что выражает восторг от вклада украинцев в «махровое национальное цветение русского племени», говорит о необозримых перспективах шествия русского дела в России – эти перспективы надо лишь «видеть и использовать

³² «Хронология» включает материалы для авторских воспоминаний «Пережитое и передуманное», воспоминания разных лиц, материалы по деятельности В.И. Вернадского по генеалогии Вернадских.

³³ См. о нем: Чмырь 1996: 557–558; Иваницкая 2011: 322–334.

для мощи русского государства» и заявляет, что Украинский университет во Львове – приобретение не только украинское, не только русское, но и славянское, «новое орудие в борьбе за существование славянства, новое культурное торжество славян в Европе».

Трудно сказать, была ли отложена эта вырезка В.И. Вернадским ненамеренно среди прочих тематически схожих газетных заметок или отражала мнение самого Вернадского. Можно, однако, сказать, что по ряду аспектов точка зрения Вернадского, известная из более поздних документов, совпадала с позицией М.А. Славинского.

Так, высказываясь по вопросу о создании Украинской академии наук, Вернадский писал: «Государство должно воспользоваться этими готовыми научными центрами, дать им разгореться, а не загаснуть. То, что они связаны с украинским национальным возрождением, должно считаться благоприятным условием с государственной точки зрения. Оно послужит только к единению и сближению, к росту и выгоде и русской, и украинской культуры. Из них на почве единой работы, идущей одновременно для культуры украинской и для воссоздания великой единой России, только крепче свяжется с Россией украинская национальная жизнь. Я знаю, что эти мысли во многом идут в противоречии с теми построениями и лозунгами, которые часто слышишь кругом – но я верю, что будущее принадлежит не им, – будущее не в русско-украинской распре, а в русско-украинском единении»³⁴.

В записке «Украинский вопрос и русское общество», составленной на имя генерала А.И. Деникина, Вернадский указывал: «Опасность для России не в украинском движении как таковом, а в предвзятой трактовке его в качестве вредного и притом наносного явления в государственном и национальном организме»³⁵. В этом аспекте мнение Вернадского полностью совпадает с точкой зрения М.А. Славинского, высказанной на страницах «Русской молвы». Это обстоятельство дает основание полагать, что заметка Славинского была отложена Вернадским не просто так. Как считал Вернадский, «широкое развитие украинской культуры вполне совместимо с государственным единством России»³⁶. Ученый полагал, что отсрочка в решении украинского вопроса, т. е. в обеспечении максимальной свободы в развитии национальной украинской культуры, способна разрушить единое государство: «так как украинское движение органично и питается корнями народной жизни, то оно никогда не угаснет, а, следовательно, положительное разрешение украинского вопроса для государства, не отказывающегося от основных начал правового строя, неизбежно, и всякие отсрочки и проволочки в этом разрешении только усугубляет внутренний разлад в государстве, обществе и народе»³⁷.

³⁴ Вернадский 1919; см. также: Вернадский 1995: 257–260.

³⁵ Вернадский 2011: 224.

³⁶ См.: Вернадский 2011.

³⁷ См.: Вернадский 2011.

И в дальнейшем Вернадский продолжал следить за развитием украинского вопроса. Так, в конце 1923 г. он писал в письме дочери:

«Я смотрю очень тревожно на украино-русские отношения – думаю, что русские совершенно не понимают происшедшего и изменения и *возрождения* [...] Я считаю законными стремления украинцев-самостийников – но думаю, что Украина вполне самостоятельная, учитывая все, не может существовать; ее вхождение в Польшу (хотя бы федерации) приведет к ее поглощению Польшей, ее принадлежность к большому государству – России – ее прямой интерес. Однако в ее пределах она должна иметь *maximum* самостоятельности. Мое различие с украинцами заключается в том, что их якобинско-централистический идеал мне столь же чужд, как и централистический идеал русских. Историю последних веков не вычеркнешь, и Новороссия – да и Слободская Украина и исторически, и этнически не связаны тесно с Киевом. Может быть, выход – штаты. Все зависит от будущего хода истории «Союза советских республик»»³⁸.

Определенный интерес для характеристики мировоззрения В.И. Вернадского представляют ранее не публиковавшиеся «Письма к русской и украинской молодежи», составленные 26 июня 1924 г., план и наброски которых также хранятся в Архиве Российской академии наук (АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 220. Л. 1–4). И в этих набросках, адресованных (что показательно!) русской и украинской, а не советской, молодежи, Вернадский говорит, что «будущее, одно общее, надо строить им вместе» (АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 220. Л. 1).

В качестве первого пункта, на котором следует сделать акцент, вероятно, при дальнейшем подробном изложении своих мыслей, Вернадский выделяет «необходимость единения и взаимного понимания русской молодежи – русской и украинской». Здесь Вернадский объединяет своих адресатов в рамках одного этноса. Следующий пункт – основа объединения – «свободная искренняя мысль». «Довольно крови и страданий», – призывает Вернадский (АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 220. Л. 1 об.).

Архивные документы, отражающие позицию крупнейших ученых Европы – П.Б. Струве, В.И. Вернадского, Ф.Е. Корша, И.В. Ягича по славянскому и, в частности, по украинскому вопросу, существенно дополняют историю общественно-политической мысли России 1910-х гг. Академическая среда, в которой активно обсуждался славянский вопрос в различных его проявлениях – политической, этнической, культурной – не оставалась в стороне от сложных вопросов, не замыкалась в «башне из слоновой кости», однако выработать единое мнение по украинскому вопросу и выступить «единым фронтом» даже внутри одного академического цеха едва ли было возможно.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Басаргина Е.Ю., Кирикова О.А. Противостояние Академии наук и власти в 1905 г. // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII – начале XX в. СПб.: Ренومه, 2018. С. 707–728 [Basargina E.Yu., Kirikova O.A. Protivostoyanie Akademii nauk i vlasti v 1905 g. (Confrontation be-

³⁸ «За СССР выявляется лик пострадавшей России» 2004: 69

- tween the Academy of Sciences and the authorities in 1905) // Aktual'noe proshloe: vzaimodejstvie i balans interesov Akademii nauk i Rossijskogo gosudarstva v XVIII – nachale XX v. (Current past: interaction and balance of interests of the Academy of Sciences and the Russian state in the 18th – early 20th centuries.) SPb.: Renome, 2018. S. 707–728].
- Бондарь Л.Д. «В дни тяжелых испытаний, переживаемых сербским народом, русское общество не может молчать»: общественная деятельность академика П.А. Лаврова в отражении документов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2023. XI. С. 141–167 [Bondar' L.D. «V dni tyazhelyh ispytaniy, perezhivaemyh serbskim narodom, russkoe obshchestvo ne mozhet molchat'»: obshchestvennaya deyatelnost' akademika P.A. Lavrova v otrazhenii dokumentov Sankt-Peterburgskogo filiala Arkhiva RAN ("In the days of severe trials experienced by the Serbian people, Russian society cannot remain silent": public activity of academician P. A. Lavrov in the reflection of documents of the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences)] // Scripta antiqua. Voprosy drevnej istorii, filologii, iskusstva i material'noj kul'tury (Scripta antiqua. Ancient History, Philology, Arts and Material Culture). 2023. XI. P. 141–167].
- Бухарин М.Д. В. Ягич и украинский вопрос: Письмо Ф. Е. Коршу // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2023. № 1 (33). С. 111–118 [Bukharin M.D. V. Yagich i ukrainskij vopros: Pis'mo F. E. Korshu (V. Yagich and the Ukrainian Question: The Letter to F.E. Korsh)] // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2023. № 1 (33). С. 111–118].
- Вернадский В.И. Одна из задач дня // Объединение. 1919. 8 (21) сентября [Vernadskij V.I. Odna iz zadach dnya (One of the Tasks of Today)] // Ob'edinenie (Unification) 1919. 8 (21) September].
- Вернадский В.И. Из истории идей // Русская мысль. 1912. Том 33. Кн. 10. С. 123–138 [Vernadskij V.I. Iz istorii idey (From the History of Ideas)] // Russkaya mysl' (Russian Thought). 1912. Vol 33. Part. 10. P. 123–138].
- Вернадский В.И. Публицистические статьи / отв. ред. В.П. Волков. Москва: Наука, 1995. 320 с [Vernadskij V.I. Publicisticheskie stat'i [Popular Articles] / Ed. V.P. Volkov. Moscow: Nauka Publ., 1995. 320 p.].
- Вибрані наукові праці академіка В. І. Вернадського. Т. 1: Володимир Іванович Вернадський і Україна, Кн. 1: Науково-організаційна діяльність (1918–1921) / ред. О.С. Онищенко. Київ: Національна бібліотека України імені В.І. Вернадського, 2011. 697 с. [Vibrani naukovі praci akademika V. I. Vernads'kogo. T. 1: Volodimir Ivanovich Vernadsk'ij i Ukraїna, Kn. 1: Naukovo-organizacijna diyal'nist' (1918–1921) [Selected Scientific Papers of Academician V.I. Vernadskij. Vol. I. Vladimir Ivanovich Vernadskij and Ukraine. Part 1. Scientific and Administrative Activity (1918–1921) / Ed. O.S. Onishenko. Kiev: Nacional'na biblioteka Ukraїni imeni V.I. Vernads'kogo Publ., 2011). 697 p.].
- Вернадский В.И. Украинский вопрос и русское общество // Вибрані наукові праці академіка В. І. Вернадського. Т. 1: Володимир Іванович Вернадський і Україна, Кн. 2: Вибрані праці / ред. О.С. Онищенко. Київ: Національна бібліотека України імені В.І. Вернадського, 2011. С. 218–226 [Vernadskij V.I. Ukrainkij vopros i russkoe obshchestvo (Ukrainian question and Russian society)] // Vibrani naukovі praci akademika V. I. Vernads'kogo. T. 1: Volodimir Ivanovich Vernadsk'ij i Ukraїna, Kn. 2: Vibrani praci (Selected Scientific Papers of Academician V.I. Vernadskij. Vol. 1. Vladimir Ivanovich Vernadskij and Ukraine. Part 2. Selected Works) / Ed. O.S. Onishchenko. Kiev: Nacional'na biblioteka Ukraїni imeni V.I. Vernads'kogo, 2011. P. 218–226].
- Воробьева О.В., Мордвинцев А.А. Дискуссии об исторической памяти и угрозы для культурной идентичности // ЭНОЖ История. 2019. 10(5). 79 (<https://history.jes.su/s207987840006120-1-1/>; дата обращения 21.05. 2024) [Vorobyeva O.V., Mordvintsev A.A. Diskussii ob istoricheskoy pamyati i ugrozy dlya kul'turnoj identichnosti [Discussions about historical memory and threats to cultural identity] // ENOZH Istoria. 2019. 10(5). 79 (<https://history.jes.su/s207987840006120-1-1/>; date of reference 21.05. 2024)].
- Галичина, Буковина, Угорская Русь / Сост. сотрудниками журнала «Украинская жизнь». Москва: Задруга, 1915. 231 с. [Galichina, Bukovina, Ugorskaya Rus' (Galicia, Bukovina, Ugorsk Rus)] / Ed. by the fellows of the Magazine «Ukrainskaya zhizn'». Moskva: Zadruha, 1915). 231 p.].
- Доклад Комиссии по вопросу о свободе печати в России / Публикация О.А. Кириковой // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII – начале XX в. Очерки истории: в 2 книгах / сост. и отв. ред. д. и.

- н. И. В. Тункина; Кн. II. 2-е изд., испр. Санкт-Петербург: Реноме, 2018. С. 802–856 [Doklad Komissii po voprosu o svobode pečati v Rossii (Report of the Commission on Freedom of the Press in Russia) / Publ. by O.A. Kirikova // Aktual'noe proshloe: vzaimodejstvie i balans interesov Akademii nauk i Rossijskogo gosudarstva v XVIII – nachale XX v. Ocherki istorii: v 2 knigah (Actual Past: Interaction and Balance of Interests of the Academy of Sciences and the Russian State in the 18th – early 20th centuries. Essays on History: in 2 books) / Ed. by I.V. Tunkina. Book II / 2nd ed. St.-Petersburg: Renomé Publ, 2018. P. 802–856].
- «За СССР выявляется лик истрадавшей России»: Письма В. И. Вернадского детям / публ. М.Ю. Сорокиной // Природа. 2004. № 1. С. 64–80 [«За СССР vyuvlyayetsya lik isstradavshejsya Rossii»: Pis'ma V. I. Vernadskogo detyam (“Behind the USSR, the face of suffering Russia is revealed”): Letters from V.I. Vernadsky to the children) // Priroda = Nature. 2004. № 1. P. 64–80]].
- Заметка о нуждах просвещения в России // Наша жизнь. 1905. 20 января. С. 1 [Zametka o nuzhdakh prosveshcheniya v Rossii (A Note on Needs of Education in Russia) // Nasha Zhizn' (Our Life). 1905. 20 January. P. 1].
- Иваницкая С.Г. Максим Антонович Славинский в восприятии современников и памяти потомков // Историк и его время: Сборник статей к 70-летию профессора В.В. Шелохаева. Москва: РОССПЭН, 2011. С. 322–334 (Ivanickaya S.G. Maksim Antonovich Slavinsky in the Perception of Contemporaries and in the Memory of Descendants) // Istorik i ego vremya: Sbornik statej k 70-letiyu professora V.V. Shelokhaeva = Historian and his Time: Collection of Articles for the 70th anniversary of Professor V.V. Shelokhaev. Moscow: ROSSPEN, 2011. P. 322–334)].
- Колеров М.А. Изнутри. Письма Бердяева, Булгакова, Новгородцева и Франка к Струве. Переписка Франка и Струве (1898–1905 / 1921–1925). Москва: Издание книжного магазина «Зиолковский», 2018. 256 с. [Kolerov M.A. Iznutri. Pis'ma Berdyayeva, Bulgakova, Novgorodceva i Franka k Struve. Perepiska Franka i Struve (1898–1905 / 1921–1925) (From Inside. Letters from Berdyayev, Bulgakov, Novgorodtsev and Frank to Struva. Correspondence of Frank and Struve (1898–1905/ 1921–1925))]. Moscow: Izdanie knizhnogo magazina «Ziolkovskij», 2018. 256 s.].
- Корш Ф.Е. К спору об украинской культуре // Украинская жизнь. 1912. № 2. С. 32–43 [Korsh F.E. K sporu ob ukraïnskoj kul'ture (To the Dispute about Ukrainian Culture) // Ukraïnskaya zhizn' (Ukrainina Life). 1912. № 2. P. 32–43].
- Лавренов С.Я. Украинский вопрос накануне Первой мировой войны // Постсоветский материк. 2014. № 4. С. 17–28 [Lavrenov S.Y. Ukraïnskij vopros nakanune Pervoj mirovoj vojny (Ukrainian Question on the Eve of World War I) // Postsovetskij materik (Post-Soviet mainland). 2014. № 4. P. 17–28].
- Лавров В.В. Академик Вернадский на Дону. К 150-летию со дня рождения В.И. Вернадского // Донской вестник. 2012. Вып. 21. С. 71–81 [Lavrov V.V. Akademik Vernadskij na Donu. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya V.I. Vernadskogo (Academician Vernadsky on Don. To the 150th Anniversary of V.I. Vernadsky) // Donskoj vremennik (The Don Chronicle). 2012. Iss. 21. P. 71–81].
- Летопись Российской Академии наук. Том IV. 1901–1934 / Отв. ред. Э.И. Колчинский, Г.И. Смагина. Санкт-Петербург: Наука, 2007. 1080 с. [Letopis' Rossijskoj Akademii nauk (Chronicle of the Russian Academy of Sciences). Vol. IV. 1901–1934 / Ed. E.I. Kolchinskij, G.I. Smagina. Sankt-Peterburg: Nauka Publ., 2007. 1080 s.]
- Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Тома I–IV. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1956, 1957, 1958, 1960 [Masanov I.F. Slovar' psevdonimov russkikh pisatelej, uchenykh i obshchestvennykh deyatel'ej. Toma I–IV (Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures. Volumes I–IV). M.: Izdatel'stvo Vsesoyuznoj knizhnoj palaty (Publishing House of All-Union Book-Chamber), 1956, 1957, 1958, 1960].
- Михутина И.В. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). Москва: Институт славяноведения РАН, 2003. 288 с. [Mikhutina I.V. Ukraïnskij vopros v Rossii (konets XIX – nachalo XX veka) [The Ukrainian Question in Russia (late XIX – early XX centuries)]. Moscow: Institute of Slavic studies of RAS, 2003. 288 s.]

- Об отмене стеснений малорусского печатного слова. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1905. 96 с. [Ob otmene stesnenij malorusskogo pechatnogo slova (On Abolition of the Constraints of the Little Russian Printed Word). St.-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1905. 96 p.]
- Псевдонимы русского зарубежья / Сост. М. Шруба. О. Коростелев. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 656 с. [Pseudonimy russkogo zarubezh'ya (Pseudonyms of the Russian Abroad) / Sost. M. Shrubu. O. Korostelev / Comp. M. Shrubu. O. Korostelev. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer], 2015. 656 p.]
- Проф. Н.А. Гредескул о выступлении П.Б. Струве по украинскому вопросу // Украинская жизнь. 1914. № 8–10. С. 48–53 [Prof. N.A. Gredeskul o vystuplenii P.B. Struve po ukrainskomu voprosu (Prof. N.A. Gredeskul on the Speech of P.B. Struve on the Ukrainian Question) // Ukrainskaya zhizn' (Ukrainian Life). 1914. № 8–10. P. 48–53].
- Старый Украинец. Украинский книжный язык и общерусская культура // Украинская жизнь. 1912. № 1. С. 40–52 [Staryj Ukrainez. Ukrainskij knizhnyj yazyk i obshcherusskaya kul'tura (Ukrainian Book Language and All-Russian Culture) // Ukrainskaya zhizn' (Ukrainian Life). 1912. № 1. P. 40–52].
- Стебницкий П.Я. Очерк развития действующего цензурного режима в отношении малорусской письменности // Об отмене стеснений малорусского печатного слова. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1905. С. 29–45 [Stebnickij P.Ya. Ocherk razvitiya dejstvuyushchego cenzurnogo rezhima v otnoшение malorusskoj pis'mennosti (Essay on the Development of the Current Censorship Regime in Relation to the Little Russian Writing) // Ob otmene stesnenij malorusskogo pechatnogo slova (On the Abolition of the Constraints of the Little Russian Printed Word). Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoj Akademii Nauk, 1905. S. 29–45].
- Струве П.Б. Общерусская культура и украинский партикуляризм. Ответ Украинцу // Русская мысль. 1912. № 1. С. 65–86 [Struve P.B. Obshcherusskaya kul'tura i ukrainskij partikulyarizm. Otvet Ukraincu (All-Russian Culture and Ukrainian Particularism. Response to Ukrainian) // Russkaya mysl' (Russian Thought). 1912. № 1. S. 65–86].
- Трофимов Р.В. Журнал «Украинская жизнь» vs П. Б. Струве: дискуссия вокруг украинского вопроса // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2022. № 1 (61) (https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4357/; дата обращения 04.05.2024) [Trofimov R.V. Zhurnal «Ukrainskaya zhizn'» vs P. B. Struve: diskussiya vokrug ukrainskogo voprosa (Magazine “Ukrainian Life” vs P.B. Struve: Discussion around the Ukrainian Issue) // Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University). 2022. № 1 (61) (https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4357/; last seen 04.05.2024)].
- Трофимов Р.В., Мошкин А.Н. Московский журнал «Украинская жизнь» (1912–1917 гг.) в современной российской и украинской историографии // Via in tempore. История. Политология. 2020. 47(4). С. 854–862 [Trofimov R.V., Moshkin A.N. Moskovskij zhurnal «Ukrainskaya zhizn'» (1912–1917 gg.) v sovremennoj rossijskoj i ukrainskoj istoriografii (The Moscow Journal “Ukrainian Life” (1912–1917) in Modern Russian and Ukrainian Historiography) // Via in tempore. Istoriya. Politologiya (Via in tempore. History. Political Science). 2020. 47(4). P. 854–862].
- Украинский вопрос / Издание журнала «Украинская жизнь». Санкт-Петербург: Типография товарищества п.ф. «Электро-Типография Н.Я. Стойковой», 1914. 132 с. [Ukrainskij vopros (Ukrainian Question) / Izdanie zhurnala «Ukrainskaya zhizn'». Sankt-Peterburg: Tipografiya tovarishchestva p.f. «Elektro-Tipografiya N.Ya. Stojkovoij», 1914. 132 p.]
- Чмырь, Светлана Георгиевна. Славинский Максим Антонович // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. Москва: РОССПЭН, 1996. С. 557–558 [Chmyr' S.G., Slavinskij M.A. // Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – pervaya tret' XX veka: Enciklopediya (Political parties of Russia. The end of the XIX – the first third of the XX century: Encyclopedia). Moskva: ROSSPEN, 1996. P. 557–558].
- Шнирельман В.А. Русские, нерусские и евразийский федерализм: евразийцы и их оппоненты в 1920-е годы // Славяноведение. 2002. № 4. С. 3–21 [Shnirel'man V.A. Russkie, nerusskie i evrazijskij federalizm: evrazijscy i ikh opponenty v 1920-e gody (Russian, non-Russian and Eurasian federalism: Eurasians and their opponents in the 1920s) // Slavyanovedenie (Slavic Studies) 2002. № 4. P. 3–21].

Бухарин Михаил Дмитриевич, Доктор исторических наук, главный научный сотрудник, ИВИ РАН, michabucha@gmail.com

The Slavic Question in the Academic Discourse of the Early 20th century (Based on Archival Materials of V.I. Vernadsky)

One of the key-points of the socio-political discourse in the Russian Empire in the XIX – early XX centuries was Slavic question. Ukrainian question was its particular manifestation. The aggravation of discussions on the Slavic issues, as a rule, followed the dynamics of foreign policy. Interest in the Ukrainian issue increased due to the adoption of censorship measures by the Russian state, which varied from tightening to softening of the censorship regime. The Ukrainian question in Russian socio-political thought was debated mainly in the discussion, if the Ukrainian (“Little Russian”) ethnos represent an independent ethnic group or is a local version of the “Great Russians”. Depending on the answer to this question, the ideal structure of the Russian state was going to be worked out. The Imperial St.-Petersburg Academy of Sciences took an active part in the discussion of the Slavic question in general (and that of Ukrainian in particular) and in the adoption of appropriate measures, acting as an expert body. Discussions were conducted not only at the institutional level, but also at the private one. In research literature, the scholarly world on this issue is divided into two camps, one of which (liberal-nationalist) was represented mainly by P.B. Struve, and the other – by his numerous opponents (for example, by F.E. Korsh). As documents from the Archive of the Russian Academy of Sciences show, the history of discussion on the Ukrainian issue before the First World War was broader, more scholars, also representing the Academy of sciences were involved. Documents introduced into scientific circulation demonstrate the position of member of the Academy V.I. Vernadsky. Differences in opinions did not prevent a respectful exchange of views, the most difficult problems of the development of the Russian state in light of Slavic question were stressed out, the drafts of certain possible solutions were debated.

Key words: *Slavic question, Ukrainian question, St.-Petersburg Imperial Academy of Sciences, Slavic studies, P.B. Struve, V.I. Vernadsky*

Bukharin Mikhail Dmitrievich, D. Sc. in History, Chief Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, michabucha@gmail.com

The article was prepared within the framework of a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Agreement No. 075-15-2024-537)

**РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ-ЭМИГРАНТЫ И КАРЛОВ
УНИВЕРСИТЕТ: ПУТИ И МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ
(1920–1930-Е ГГ.)¹**

Статья посвящена анализу путей и моделей взаимодействия русских ученых-эмигрантов с Карловым университетом в 1920–1930-е гг. На основе архивных документов и на конкретных примерах были установлены обстоятельства приглашения эмигрантов на преподавательские должности, обрисованы условия их научно-педагогической работы. Было выявлено, что проблемы трудоустройства зачастую были связаны не с боязнью конкуренции со стороны местных ученых, но были вызваны ограниченностью штатного расписания и бюджета, отсутствием у русских эмигрантов чехословацкого гражданства. Кроме того, в Карловом университете отсутствовала потребность в большом количестве иностранных специалистов, тем более в тех областях, где могли успешно работать местные кадры. Сделан вывод, что чехословацкая образовательная среда впитывала русских ученых гораздо хуже болгарской или югославской. Было продемонстрировано существование различных моделей интеграции русских ученых в Карлов университет. Важную роль в приглашении на работу и трудовом закреплении зачастую играли влиятельные гаранты и патроны из числа местных профессоров. Наибольшие шансы на профессиональную интеграцию получали те ученые, кто сумел приспособить свои научно-педагогические практики к потребностям и запросам местной среды.

Ключевые слова: *российско-чешские научные связи, российская эмиграция, Чехословакия, история университетов.*

Развитие российско-чешских научных связей имеет давнюю историю, напрямую связанную с динамикой российского интеллектуального присутствия в Центральной и Восточной Европе. На протяжении XIX–XX вв. характер и содержание этого взаимодействия менялись в зависимости от политического контекста. Революционные события 1917 г., последовавшие за ними Гражданская война и массовая эмиграция привели к возникновению уникального феномена – Зарубежной России. Одним из важнейших центров эмиграции стала Чехословакия. Благодаря программе «Русской акции» Прага превратилась в интеллектуальную столицу Зарубежной России. Несмотря на обилие исследовательских работ, история российского ученого сообщества в Чехословакии содержит немало непрочитанных страниц. Ряд устоявшихся в науке выводов требует уточнений или даже переосмыслений. Так, если о русской высшей школе за рубежом пишут активно, то специальных исследований о взаимодействии эмигрантов с чехословацкими учебными заведениями – немного². Хотя «Русская акция» делала ставку на развитие русского образования за рубежом, эмиграция не могла полностью изолироваться от чехословацкой высшей школы, которая, к слову, в межвоенный период переживала значительные трансформации.

¹ Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2024-537).

² Михальченко, Ткаченко 2017: 177–180.

В центре интеллектуальной жизни Чехословакии находился Карлов университет. На него была возложена особая миссия по подготовке национальной интеллигенции и участию в государственном строительстве. Карлов университет позиционировался и как интеллектуальный центр всего славянского мира³. Вопрос о взаимодействии российских ученых-эмигрантов с Карловым университетом требует особого внимания, тем более что в отечественной историографии закрепились устойчивые стереотипы. Кажется, некоторые исследователи руководствовались простым доводом: раз тот или иной русский ученый, особенно увенчанный академическими лаврами, жил в Чехословакии, то он непременно преподавал, причем зачастую именно в Карловом университете. Так М.Г. Вандалковская полагала, что в основу «Курса русской истории» Евгения Францевича Шмурло (1853–1934) легли его лекции, читанные студентам Карлова университета⁴. Однако ученый никогда там не преподавал. В профессора университета посмертно записали историка Ивана Ивановича Лаппо (1869–1944)⁵, экономиста Ивана Васильевича Емельянова (1880–1945)⁶ и даже философа Николая Александровича Бердяева (1874–1948)⁷. Потому так важно проследить обстоятельства приглашения русских ученых на работу в Карлов университет, проанализировать обстоятельства и условия их работы в межвоенный период.

Из архивных материалов известно, что первые опыты приглашений русских ученых относятся к 1919 г., то есть к периоду до завершения Гражданской войны, массового приезда эмигрантов в Чехословакию и начала «Русской акции». Примером служит славист Владимир Андреевич Францев (1867–1942), обладавший большим авторитетом и тесно связанный с чешской интеллектуальной средой. 27 ноября 1919 г. профессорский совет философского факультета единогласно проголосовал за его приглашение на должность профессора славянской филологии⁸. В отзыве о работах, подготовленном для избрания, говорилось: «Францев доказывает своими трудами, что он является не только одним из самых крупных специалистов и знатоков чешской и русской литературы, но и вдохновенным приверженцем славянской взаимности, которая находит понимание в культурных устремлениях чешского народа... Свою привязанность к чешскому народу Францев проявлял и после войны в России, когда всемерно поддерживал чешских военнопленных и страстно работал на чешские интересы»⁹.

³ Navránek 1998: 19.

⁴ Вандалковская 2008: 10.

⁵ Петухов 2008: 145–146.

⁶ Соболев 2014: 8.

⁷ Вандалковская 2017: 29–41.

⁸ Archiv Kanceláře Prezidenta republiky. D 13718/38; Ústav dějin Univerzity Karlovy a Archiv Univerzity Karlovy (далее – ÚD UK a AUK). Fond Filozofické fakulty Univerzity Karlovy 1882–1966 (1970) (далее – Fond FF UK). Kart. 19. Inv. č. 214.

⁹ Ibid. Уважительное отношение к В.А. Францеву нашло отражение во множестве источников. Филолог Матия Мурко (Matija Murko; 1861–1952) вспоминал: «Из рус-

Несмотря на неоспоримую научную репутацию Францева, его приглашение в Карлов университет обросло слухами в эмигрантской среде. Приведем отрывок из мемуаров правоведа Евгения Васильевича Спекторского (1875–1951): «Тем временем в Праге появился приехавший из Швеции Е.А. Ляцкий. Хотя он в России никогда не был профессором и к академическим кругам имел отношение только как зять Пыпина, тем не менее, он по приезде получил в Карловом университете ту кафедру русской литературы, которая предназначалась для Францева <...> Когда и Францев появился в Праге, то ему предложили было ехать на кафедру в Брно. Только после его решительного отказа и для него нашлась кафедра в Карловом университете»¹⁰. Правда здесь в том, что литературовед Евгений Александрович Ляцкий (1868–1942) действительно не был до революции профессором, а потому его назначение в Карлов университет вызвало недоумение в эмигрантских кругах. Остальные же детали нуждаются в прояснении. Ляцкий прибыл в Прагу раньше Францева. Первый – в октябре, а второй – в ноябре 1921 г.¹¹ Однако решение о приглашении Францева было принято в ноябре 1919 г., и речь изначально шла не о кафедре русской литературы, а именно о кафедре славянской филологии. Францев приступил к работе 20 декабря 1921 г. и оставался профессором вплоть до выхода на пенсию в 1937 г. Ляцкий же стал экстраординарным профессором 1 сентября 1922 г., а ординарным – 16 марта 1927 г.¹² Таким образом, Ляцкий никак не мог перехватить инициативу у именитого русского слависта.

Впрочем, некоторая доля истины в рассказе Спекторского была. Из письма Францева чешскому коллеге Иржи Поливке (Jiří Polívka; 1858–1933), написанному в марте 1919 г., узнаём, что незадолго до мировой войны обсуждался вопрос об учреждении в Карловом университете кафедры русского языка и литературы¹³. При посредничестве профессора Франтишка Пастрнека (František Pastnek; 1853–1940) Францев предлагал свою кандидатуру на ее замещение, на-мереваясь перебраться в Прагу после того, как в 1911 г. выслужит пенсию в Варшавском университете. Проект не был реализован. В разгар Гражданской войны в России, находившийся в Ростове-на-Дону Францев вспомнил о бывлой идее. Летом 1918 г. он написал Ватрославу Ягичу (Vatroslav Jagić; 1838–1923), спрашивая о возможности получить работу в Праге¹⁴, но,

ских добровольно приехал в Прагу профессор В.А. Францев, которого приняли из-за его великих заслуг в области чешско-русских научных связей и ради его трудов по истории славянской филологии, завершившихся отличным пражским изданием переписки Шафарика с русскими учеными» (Murko 1949: 171).

¹⁰ Спекторский 2020: 364.

¹¹ Гашкова, Копршивова, Белошеская и др. 2021: 280, 483.

¹² Там же: 280.

¹³ Literární archiv Památníku národního písemnictví (далее – LAPNP). Osobní fond 1335: Jiří Polívka. Korespondence vlastní. Francev V.A.

¹⁴ Об этом обращении косвенно известно из упомянутого письма В.А. Францева к И. Поливки. Текст его пока обнаружить не удалось.

вероятно, конкретного ответа не получил. Потому уже в марте 1919 г. Францев обратился к И. Поливке: «Охотно выставлю свою кандидатуру, если получу на это ваше и других специалистов согласие и “благословение”»¹⁵. Францев сумел добиться официальной научной командировки в Европу, из которой, вероятно, не планировал возвращаться¹⁶.

Приведем пример сложностей, возникавших при попытке получения профессуры русским ученым. Л.П. Лаптева отмечала, что в 1920 г. крупный историк, профессор Ярослав Бидло (Jaroslav Bidlo; 1868–1937) протестовал против приглашения гуситолога Николая Владимировича Ястребова (1869–1923) профессором славистики Карлова университета. В качестве веского аргумента приводился тот факт, что русского ученого нельзя считать славистом с точки зрения чешских научных ориентиров. Он занимался изучением чешского прошлого, т.е. отечественной (для чехов) историей. Такой довод казался Лаптевой искусственным и надуманным, поскольку Бидло не мог не знать о Ястребове как о слависте широчайшего исследовательского диапазона. Тот был автором трудов не только по чешской, но и по польской, болгарской, сербской истории. Исходя из этого, Лаптева сделала вывод, что критическая позиция Бидло в отношении Ястребова объяснялась боязнью чешского профессора иметь конкурента¹⁷. С приведенным мнением трудно согласиться, ибо вряд ли такой влиятельный историк, каким был Бидло, мог опасаться конкуренции со стороны русского эмигранта. Вероятно, реальной причиной было критическое отношение чешского историка к славянофильским концепциям коллеги. Просмотренные автором статьи вслед за Лаптевой материалы личного дела Ястребова в Архиве Карлова университета отнюдь не свидетельствуют о яростной кампании Бидло против русского ученого. Более того, Ястребов имел покровителя в чехословацкой научной среде в лице историка Камила Крофты (Kamil Krofta; 1876–1945), который высоко ценил труды русского коллеги, особенно исследование о Петре Хельчицком¹⁸. Крофта был не просто признанным ученым, но и крупным дипломатом. В марте 1920 г. он стал послом при Святом Престоле, в январе 1922 г. – послом в Вене, а с 1925 по 1927 гг. – в Берлине. В 1927 г. Крофта был назначен заместителем министра иностранных дел и занимал этот пост до июня 1936 г. Хотя указанные посты Крофта занял уже после истории с профессорством Н.В. Ястребова, он и в 1919–1920 гг. играл заметную роль в политической жизни, пользовался большим авторитетом, что, несомненно, позволяло влиять на судьбу российского коллеги. Л.П. Лаптева указывала на возможность существования переписки К. Крофты и Н.В. Ястребова и сетовала, что писем пока обнаружить не удалось¹⁹. Двусторонняя переписка, и правда,

¹⁵ LAPNP. Osobní fond 1335: Jiří Polívka. Korespondence vlastní. Francev V.A.

¹⁶ Груздинская 2024.

¹⁷ Лаптева 2008: 154.

¹⁸ Лаптева 2006: 219, 230–231.

¹⁹ Там же: 239.

не сохранилась, как и личный архив Ястребова. Впрочем, его письма к профессору Крофте удалось обнаружить в личном фонде этого историка в Масариковом институте и Архиве Академии наук Чешской Республики. Сохранившиеся письма охватывают период с 1902 по 1909 г. и демонстрируют тесные интеллектуальные контакты двух ученых²⁰.

Чтобы понять глубину истории с профессурой Ястребова, важно обратить внимание на пролог. Его содержание частично обрисовала Л.П. Лаптева, но, на наш взгляд, истолковала превратно. Она установила, что чехословацкое правительство само пригласило Ястребова занять пост профессора по кафедре истории Восточной и Юго-Восточной Европы. Но только не в Праге, а в Брно, в недавно созданном Масариковом университете²¹. Лаптева полагала, что это приглашение было формальным, ибо на все запросы Ястребова о предоставлении жилья чехословацкая сторона отвечала отказом, и вообще он был предоставлен сам себе. Л.П. Лаптева признавала, что Ястребов не хотел ехать в Брно и участвовать в создании нового университета. Он отвечал, что лишится там возможности эффективной работы, поскольку все нужные ему библиотеки и архивы находятся в Праге, и, главное, он хочет «остаться русским человеком и ученым», хочет «развивать русско-чешскую культурную и политическую взаимность с помощью русской университетской кафедры, русского печатного слова»²². В Брно же маленькая русская колония. Лаптева описывала эту историю с нескрываемым сочувствием. Власть республики «не торопились проявлять “национальную благодарность” за помощь чехам в их предшествующей борьбе: для них Ястребов был обыкновенным беженцем, эмигрантом из России, каких в Чехословакии тех лет обреталось достаточно много»²³. При всем сочувствии к Ястребову, нельзя забывать, что далеко не всегда эмигрант может определять правила игры в новой стране. Как бы ни были благородны душевные порывы уважаемого профессора, у чехословацких властей были свои потребности, и они имели право формулировать свой социальный заказ. В данном случае заказ был связан с созданием и развитием нового университета, о чем прямо говорилось в сохранившихся кадровых документах. В справке о Ястребове, составленной Я. Бидло, Вацлавом Новотным (Václav Novotný; 1869–1932) и Йозефом Пекаржем (Josef Pekař; 1870–1937), сообщалось, что 27 февраля 1919 г. было одобрено предложение министерства образования и народного просвещения пригласить русского ученого на кафедру славянской истории в Масари-

²⁰Более поздние письма Ястребова не сохранились. Ранние письма свидетельствуют об интересе русского ученого к оценке его творчества в чешской среде. 11/24 октября 1902 г. он обращался к Крофте: «Будьте добры сообщить, что у Вас говорят и пишут (хорошо бы и вырезки из печатного) о моих писаниях» (Masarykův ústav a Archiv Akademie věd České republiky (далее – MÚ a AAV ČR). Fond 347: Kamil Krofta. Kart. 2. Inv. č. 116).

²¹Лаптева 2008: 153.

²²Там же: 154.

²³Там же.

ковом университете. Констатировалось отсутствие там нужного специалиста, в то время как в Карловом университете уже было два профессора – Я. Бидло и Йозеф Шуста (Josef Šusta; 1874–1945)²⁴.

Пример Н.В. Ястребова демонстрирует распространенную для русской эмиграции проблему – невозможность принять и признать новые обстоятельства и упорное желание диктовать свои условия. К счастью для Ястребова, его пожелания услышали. Он был избран профессором Карлова университета, ему дали квартиру в Праге и утвердили солидное жалование. Чтобы назначить Ястребова профессором, исторический семинар философского факультета под руководством профессора В. Новотного был разделен на две части. В летнем семестре 1921 г. Ястребов читал историю болгарского народа, в зимнем семестре 1922/1923 гг. – лекции по истории России для чехословацких студентов, и лекции по истории Чехии для русских. Помимо того, он вел семинарские занятия по проблематике Законника Стефана Душана. Его учебная нагрузка должна была составлять 5 часов в неделю, но по состоянию здоровья была снижена до 3 часов. В начале 1923 г. Ястребов подал заявление на отпуск, желая поехать поправить здоровье на Адриатическое море, но 20 мая внезапно скончался на 54 году жизни²⁵.

Пример Н.В. Ястребова показывает, что высшие школы Чехословакии преследовали практические цели, рассматривая кандидатуры русских ученых на замещение профессорских вакансий. При этом важнейшее значение имела известность русского эмигранта в чехословацких кругах и наличие своего рода гарантов. Таковыми были крупные ученые, как правило, имевшие давние связи с Россией и русской наукой.

Фигура Богумила Немеца (Bohumil Němec; 1873–1966) занимает важное место в истории российско-чешских научных связей. Крупный ботаник, специалист в области физиологии растений и экспериментальной цитологии, он на протяжении долгой жизни находился в тесных контактах с российскими биологами. В 1912 г. он посетил Одессу, Киев, Москву²⁶. Б. Немец был крупным политическим деятелем, членом Национально-демократической партии, членом Сената и даже кандидатом в президенты республики в 1935 г. Он приложил значительные усилия для оказания помощи русским биологам-эмигрантам, старался привлечь некоторых из них в свою исследовательскую группу, обеспечить доступ в лаборатории, как, например, в случае Василия Сергеевича Ильина (1888–1957), Владимира Васильевича Лепешкина (1876–1956) и Петра Филипповича Миловидова (1896–1974).

Русские эмигранты часто обращались к Б. Немецу за поддержкой в трудных жизненных ситуациях. Так, В.С. Ильин 9 сентября 1933 г. с

²⁴ ÚD UK a AUK. Fond FF UK. Kart. 28. Inv. č. 341.

²⁵ Лаптева 2008: 155. Н. Ястребовой, как вдове профессора Карлова университета, 23 июня 1923 г. была назначена ежегодная пенсия в размере 19.104 чехословацкие кроны (ÚD UK a AUK. Fond FF UK. Kart. 28. Inv. č. 341).

²⁶ Němec 2021: 262–268.

отчаянием писал, что министерство иностранных дел сократило его стипендию с 650 до 500 чехословацких крон. Он просил Немеца переговорить с заместителем министра Крофтой о сохранении прежних выплат²⁷. Немец находился в добрых отношениях с зоологом Михаилом Михайловичем Новиковым (1876–1965). В своих мемуарах он высоко отзывался об исследованиях русского коллеги: «Новиков в это время занимался вопросом об аналогиях в морфологии животных и опубликовал об этом специальную, очень интересную книгу»²⁸. Благодаря патронажу русский профессор смог организовать работу своего Зоологического семинара. Немец помогал работе Русского народного университета, возглавляемого Новиковым, и вошел в состав Куратория – органа управления университетом. Немец вошел в состав Попечительского совета Русской зоологической станции в Вильфранш-сюр-Мер.

Еще одним покровителем русской эмиграции в университете был профессор-правовед Карел Кадлец (Karel Kadlec; 1865–1928). Как и Б. Немец, он посещал Россию еще до революции. Например, был почетным гостем на открытии Саратовского университета в 1909 г.²⁹ Он лично или по переписке познакомился с И.И. Лаппо, В.А. Францевым, Александром Александровичем Кизеветтером (1866–1933), Антонием Васильевичем Флоровским (1884–1968)³⁰. Все они оказались после революции 1917 г. в Праге. В весеннем семестре 1927 г. К. Кадлец содействовал приглашению Е.В. Спекторского для прочтения курса лекций по истории политических учений на юридическом факультете³¹. Он же приглашал русских ученых-эмигрантов печататься в издаваемом им журнале «Sborník věd právních a státních». Если Б. Немец покровительствовал Русскому народному университету, то К. Кадлец – Русскому юридическому факультету, созданному под патронажем Карлова университета. С осени 1924 г. он читал там курс истории славянского права для студентов 3-го курса и руководил подготовкой магистрантов в области славянского права³². Г.В. Вернадский вспоминал, что Кадлец помогал русским ученым с доступом к научной литературе. Он же писал, что профессор нередко приглашал его в поездки, например, в замок Карлштейн. Вернадский именовал Кадлеца «выдающимся ученым и замечательным благородной души человеком – одним из крупных чешских ученых, не изменивших под австрийским влиянием»³³.

Важным патроном для русской научной эмиграции был профессор Любор Нидерле (Lubor Niederle; 1865–1944), ведущий специалист в области славянской археологии, бывавший до революции в России и

²⁷ MÚ a AAV ČR. Fond 374: Bohumil Němec. Kart. 15. Inv. č. 450.

²⁸ Němec 2021: 168–169.

²⁹ MÚ a AAV ČR. Fond 321: Karel Kadlec. Kart. 7. Inv. č. 509.

³⁰ *Ibid.* Kart. 2. Inv. č. 86, 90; Kart. 3. Inv. č. 168, 193.

³¹ Спекторский 2020: 430.

³² Отчет 1927: 42.

³³ Вернадский 2017: 362.

знавший многих российских коллег. В 1924 г. в Праге был издан русский перевод книги Л. Нидерле «Быт и культура древних славян», предисловие к которому написал академик Никодим Павлович Кондаков (1844–1925)³⁴. Упоминание выдающегося историка искусства в связи с Нидерле закономерно. Последний сыграл важную роль в приглашении в Прагу Кондакова, кандидатуру которого на профессорскую вакансию, причем с правом преподавания на русском языке, 7 июля 1921 г. единогласно поддержал профессорский совет философского факультета Карлова университета. Помимо Нидерле и Бидло, среди сторонников этого решения был искусствовед Карел Хитил (Karel Chytil; 1857–1934). В обосновании избрания Кондакова профессором на 1921/1922 уч. год отмечалось, что ученый произвел революцию в византиноведении, доказав, что византийское искусство не было мертворожденным и сугубо подражательным, стремительно угасшим после краткого подъема. Кондаков одним из первых изучал историю балканского искусства, а его исследования снискали ему мировую известность и признание. В записке констатировалось, что приглашение ученого для чтения лекций в Прагу вызовет интерес не только у студентов, но и у коллег-ученых³⁵.

Н.П. Кондаков смог приехать только в конце марта 1922 г. Ему было назначено ежемесячное жалование в размере 3.300 крон, выделено 30.000 крон для издания труда по истории русской иконописи³⁶. Он должен был получать гонорары за индивидуальные занятия с дочерью президента Алисой Масариковой. Во многом благодаря заманчивым условиям, Кондаков решился покинуть Болгарию, хотя там его научные исследования находили гораздо больший отклик, чем в Чехословакии.

Право преподавать по-русски было дано Н.П. Кондакову не только в силу глубокого уважения к нему. В Карловом университете лекции читались на разных языках, а студенты могли свободно выбирать интересующие их предметы. Это давало возможность преподавателям-эмигрантам проводить занятия по-русски. Однако, как показывает практика, чешские студенты редко посещали их. Кондаков, читавший курс лекций «О роли восточноевропейских славянских и кочевых народностей в истории общеевропейской культуры», в ноябре 1923 г. был вынужден давать дополнительные лекции по-французски специально для чешских студентов, не понимавших русского языка³⁷.

Преподавание Н.П. Кондакова в Карловом университете оказалось недолгим. 17 февраля 1925 г. он скончался, но его короткая преподавательская деятельность не прошла даром. Группа его учеников и последователей сформировала после смерти учителя Семинарий, которому суждено было стать одним из знаменитейших эмигрантских детищ и обрести поистине международное значение. После смерти Кондакова

³⁴ Нидерле 1924.

³⁵ ÚD UK a AUK. Fond FF UK. Kart. 32 Inv. č. 387.

³⁶ Dokumenty 1998: 50.

³⁷ Кызласова 2000: 57, 59.

руководство философского факультета, желая продолжать научное направление покойного академика, пригласило к преподаванию Николая Львовича Окунева (1885–1949). Авторами этой идеи, согласно документам, выступили я профессора Хитил, Нидерле, Мурко, которые 25 апреля 1925 г. обратились с ней к профессорскому совету факультета³⁸. Поддержку их инициативе оказали историк искусства Войтех Бирнбаум (Vojtěch Birnbaum; 1877–1934) и археолог Хинек Високи (Hynek Vysoký; 1860–1935). Совет единогласно одобрил решение 18 июня 1925 г. и обратился за поддержкой в министерство образования и народного просвещения. В характеристике об Н.Л. Окуневе говорилось как о крупном ученом, имевшим большой исследовательский опыт и высокую международную репутацию. Совет предполагал, что он сможет читать лекции по истории византийского и восточнославянского искусства по 2–3 часа в неделю в должности экстраординарного профессора³⁹. 17 декабря 1925 г. назначение было утверждено министерством, а 5 января 1926 г. Окунев приступил к работе. Ю. Янчаркова показала, что его научно-преподавательская деятельность имела большой успех. В 1929 г. заведующий кафедрой истории искусств Бирнбаум обратился в министерство с просьбой о создании семинара византийского и восточнославянского искусства. Он констатировал, что Прага превратилась в международный центр славяно-византийских исследований, и что это направление нужно развивать. 18 октября того же года предложение было удовлетворено, а Окунев назначен главой нового семинара⁴⁰.

Работа в университете не только приносила заработок, обеспечивала статус в чехословацком, а часто и в международном, научном сообществе, но также давала возможность проведения научных исследований. Это выражалось в доступе к лабораториям, музейным коллекциям и библиотекам. Огромную важность имели и исследовательские командировки. Окунев, благодаря поддержке университета, имел возможность проводить исследования в Югославии, изучая памятники сербского религиозного искусства. Так в мае 1926 г., уже в самом начале работы ученого на философском факультете, профессорский совет поддержал его желание изучить сербские и болгарские памятники. Причем в обращении в министерство образования и народного просвещения республики указывалось, что это вопрос международного престижа: «Для Карлова университета было бы честью, если бы один из его профессоров занялся систематическим исследованием и научной обработкой этих почти неизвестных памятников»⁴¹. Из личного дела Окунева узнаём, что 27 марта 1928 г. профессорский совет поддержал его заявление о командировке в Югославию и Италию⁴². Министерство одобрило проект ко-

³⁸ ÚD UK a AUK. Fond FF UK. Kart. 46. Inv. č. 546.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Янчаркова 2012: 52–53.

⁴¹ ÚD UK a AUK. Fond FF UK. Kart. 46. Inv. č. 546.

⁴² Ibid.

мандировки, выделив на нее 3.000 крон (правда в официальном письме упоминается только Югославия)⁴³.

Схожий пример дает биография психиатра и невролога Федора Николаевича Досужкова (1899–1982), ассистента медицинского факультета. Летом 1928 г. он был командирован на два месяца в Эстонию, в Тарту на стажировку в клинику нервных болезней профессора Людвиг Пусеппа (Ludvig Puusepp; 1875–1942). На эту поездку министерство образования и народного просвещения выделило специальную стипендию в размере 3.500 чехословацких крон⁴⁴. Летом 1929 г. Ф.Н. Досужков был направлен в Париж в Госпиталь Святой Анны на стажировку к известным психиатрам Анри Клоду (Henri Claude; 1869–1945) и Эдуарду Тулузу (Édouard Toulouse; 1865–1947). Летом 1931 г. он снова поехал для исследовательской работы в Париж, в клинику профессора-оториноларинголога Фернана Лёметра (Fernand Jules Maurice Lemaître; 1880–1958). Тогда же он посетил Страсбург, где стажировался у профессора-невролога Жана Барре (Jean Alexandre Barré; 1880–1967)⁴⁵. Стажировки позволили Досужкову войти в европейское научное сообщество, обзавестись широким кругом знакомств. В межвоенный период он стал постоянным участником крупных научных конференций по неврологии, представляя на них Карлов университет. Упомянем его участие в 1931 г. в I Международном неврологическом конгрессе в Берне с докладом «Об аппарате предверия и мышечном напряжении»⁴⁶. Этот конгресс имел огромное значение для институционализации неврологии как самостоятельной научной дисциплины.

Еще один показательный пример связан с именем геолога Дмитрия Николаевича Андрусова (1897–1976). Благодаря поддержке университета, он смог проводить исследования в Словакии, выезжать для научных консультаций и работы с коллекциями в другие страны. Изучение тектоники Западных Карпат побудило его предпринять командировки за границу для сравнительно-геологических исследований (в 1927 г. – в Румынию, в 1930 г. – во Французские и Швейцарские Альпы, в 1932 г. – в Румынию и др.)⁴⁷. В 1933 г. обработка палеонтологического материала потребовала от Андрусова совершить несколько поездок в Париж, Гренобль, Лозанну, Мюнхен и Вену. Делясь впечатлениями о поездках со своим чешским наставником профессором Радимом Кеттнером (Radim Kettner; 1891–1968), он рассказывал в письмах об изучении коллекции аммонитов в Гренобле, о встрече в Лозанне со знаменитым геоморфологом Морисом Люжоном (Maurice Lugeon; 1870–1953), о знакомстве в Мюнхене с коллекцией окаменелостей немецкого геолога Людвига Нохенеггера (Ludwig Hohenegger; 1807–1864), о посещениях парижско-

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid. Fond Lékařské fakulty Univerzity Karlovy (1883–1953). Kart. 11. Inv. č. 232.

⁴⁵ Dokumenty 1998: 63.

⁴⁶ Ibid: 63–64.

⁴⁷ Archiv Slovenskej akadémie vied. Fond Dimitrij Andrusov. Škat. 11. Inv. č. 97.

го Музея естественной истории и лекций в Сорбонне⁴⁸. Обратим внимание, что и Андрусов, и Досужков были представителями молодой генерации русских ученых, чье научное становление происходило уже за рубежом. С одной стороны, в 1920-х гг. они не обладали таким значимым символическим капиталом, как Францев или Кондаков. В то же время им оказалось проще войти в новую интеллектуальную среду и успешно закрепиться в ней. Впоследствии и Андрусов, и Досужков станут знаковыми фигурами для чехословацкой науки.

Русские эмигранты в своих мемуарах не раз жаловались на боязнь конкуренции со стороны чехословацких коллег и разницу менталитетов, которые мешали не просто взаимопониманию, но построению карьеры. По словам М.М. Новикова, среди представителей местной научной элиты проявилась «боязнь конкуренции со стороны блестящей плеяды русских ученых, собравшихся в Праге»⁴⁹. Философ Н.О. Лосский вспоминал, что «при замещении кафедры всегда было бы отдано предпочтение весьма малоодаренному чеху даже и перед самым талантливым, приобретшим уже известность русским, за исключением тех случаев, когда по какой-либо специальности чехов совсем не было»⁵⁰. Он связывал это с «крайним национализмом чехов», и с тем, что политические круги Чехословакии критически воспринимали дореволюционную Россию, а ее культуру считали «грубо реакционной»⁵¹. Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов факторы взаимного непонимания, разности политических взглядов и одновременно боязни профессионального соперничества, ибо во все времена наука являлась не только полем сотрудничества, но и конкуренции. Однако трудности с получением работы и дальнейшего карьерного роста в Карловом университете порой имели весьма прозаические причины. Одна из них – наличие или отсутствие чехословацкого гражданства. Анализ биографий русских ученых показывает, что его обретение было способно быстро перевести построение ученой карьеры на новый уровень. Так 3 октября 1929 г. Земское управление в Праге предоставило Д.Н. Андрусову и его жене гражданство Чехословацкой республики. Это позволило Андрусову устроиться на работу ассистентом в Геолого-палеонтологическом институте Карлова университета. Ранее он был лишен возможности получения постоянной должности как эмигрант с Нансеновским паспортом⁵².

⁴⁸ MÚ a AAV ČR. Fond 327: Radim Kettner. Kart. 4. Inv. č. 69.

⁴⁹ Новиков 1952: 334.

⁵⁰ Лосский 1968: 229. Судя по архивным документам, не известно ни одного случая, когда русский эмигрант конкурировал бы с чехом в борьбе за замещение кафедры в Карловом университете.

⁵¹ Лосский 1968: 229.

⁵² Andrusovová-Vlčeková 1997: 79. Материалы личного дела Андрусова свидетельствуют, что 24 июня 1929 г. профессорский совет естественнонаучного факультета Карлова университета утвердил его назначение ассистентом с 1 октября (ÚD UK a AUK. Fond Přírodovědecké fakulty Univerzity Karlovy 1921–1953 (1960) (далее – Fond PF UK). Kart. 4. Inv. č. 27). В дальнейшем это назначение регулярно продлевалось.

Существовала еще одна трудность – ограниченность штатных единиц. Введение или упразднение преподавательских должностей осуществлялось под строгим контролем не ректората, а министерства образования и народного просвещения со всеми вытекающими отсюда последствиями, главным из которых было свойственное всем министерствам во все времена желание экономии средств. В особенности это касалось назначения профессоров. Число потенциальных вакансий в Карловом университете, таким образом, оказывалось ограниченным.

Уже приводился пример Ястребова, который не хотел ехать на работу в Брно и желал назначения непременно в Прагу. Известны и иные примеры. Я. Бидло летом 1928 года поставил вопрос об устройстве А.А. Кизеветтера профессором в Брно или Братиславу. Русский историк был тронут этим предложением и поблагодарил в письме от 11 июня 1928 г. своего коллегу, правда сообщив, что предложение стало для него полной неожиданностью, и что он должен его обдумать⁵³. Однако внезапно открылась возможность назначить Кизеветтера профессором Карлова университета, которой он не преминул воспользоваться. Ровно через год, 6 июня 1929 г. русский историк в письме снова благодарил Бидло, в этот раз уже за готовность помочь в продлении контракта: «Работать в Карловом университете считаю за большую для себя честь и с глубокой благодарностью принимаю Ваше предложение»⁵⁴. В итоге в октябре 1929 г. трудовой договор Кизеветтера, опять же не без вмешательства Бидло, был продлен сразу на три года⁵⁵. Зачастую получить работу можно было лишь при освобождении преподавательской должности – в случае выхода на пенсию, увольнения или, как бы цинично не звучало, смерти. Так произошло с историком А.В. Флоровским, который после смерти А.А. Кизеветтера в марте 1933 г. и освобождения профессуры по русской истории, получил приглашение читать курс лекций вместо него. Министерство образования и народного просвещения 3 октября 1933 г. на основании решения профессорского совета от 23 марта 1933 г. допустило его к чтению лекций с начала летнего семестра 1933 г. и до конца 1935/1936 уч. года: по 3 часа в неделю с оплатой 800 крон за неделю занятий⁵⁶. Думается, это стало возможным не только в силу высокого научного авторитета, но и потому, что русский историк смог пробить серьезный бюрократический барьер. В апреле 1932 г. министерство образования и народного просвещения дало согласие на присвоение ему степени доктора философии Карлова университета при условии, что он представит свою магистерскую работу, либо некоторые прежние исследования в доказательство профессиональной квалификации и выдержит экзамен по философии. Флоровский принял это предложение и предста-

⁵³ MÚ a AAV ČR. Fond 258: Jaroslav Bidlo. Kart. 5. Inv. č. 321.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 228. Л. 12; ÚD UK a AUK. Fond FF UK. Kart. 18. Inv. č. 206.

вил в качестве квалификационной работы свою одесскую книгу «Состав Законодательной комиссии 1767–1774 гг.»⁵⁷. Вероятно, за приглашением Флоровского стояли два влиятельных чешских историка – Я. Бидло и Й. Шуста. Во всяком случае, именно они ходатайствовали о регулярных продлениях контрактов русского ученого⁵⁸.

Хотя работа в Карловом университете считалась престижной, внештатное положение было нестабильным в материальном отношении, на что сам историк жаловался 20 апреля 1937 г. в письме к В.А. Францеву и сетовал, что министерство образования и народного просвещения не видит возможности назначить его ординарным профессором, но предлагает вместо этого должность ординарного лектора, переводя на нее оклад, ранее планировавшийся для украинского историка Д.И. Дорошенко. В этом случае заработная плата Флоровского вырастала бы на 100–150 чехословацких крон по сравнению с прежними 400 кронами, но учебная нагрузка увеличивалась бы вдвое. В то же самое время историк получал пособие от Красного Креста в размере 850 крон, т.е. почти в два раза выше, чем жалование в университете. С горечью он писал своему коллеге: «Лучше быть пенсионером у Красного Креста и получать на бедность, чем унижать свое достоинство и терять независимость»⁵⁹. С просьбой о заступничестве он обратился к Бидло: «Я не берусь быть собственным судьей, но все же по моей академической квалификации, по профессорскому стажу и по научной работе и трудоспособности, я имею основание претендовать на большее, нежели лектора, и рассчитывать на приближение меня хотя бы к проф[ессору] Н.Л. Окуневу, который не имеет ни русской, ни чешской ученой степени и в России мог быть и был только доцентом»⁶⁰. Но ни Францев, ни Бидло помочь коллеге не могли. Этот пример наглядно демонстрирует зыбкость положения ученого-эмигранта в чужой стране. Не помогло Флоровскому и получение докторской степени по русской истории, поскольку еще 3 января 1936 г. на публичном заседании Русской академической группы он защитил диссертацию «Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.)»⁶¹. Несмотря на то и дело возникавшие трудности, авторитет А.В. Флоровского в чехословацких научных кругах был высок.

Заметим, что и Кизеветтер, и Флоровский были не ординарными, а договорными, т.е. сверхштатными профессорами. Практически все русские ученые без чехословацкого гражданства могли рассчитывать именно на такие должности.

17 октября 1931 г. на естественнонаучном факультете Карлова университета была создана специальная комиссия профессорского со-

⁵⁷ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 228. Л. 5, 7.

⁵⁸ ÚD UK a AUK. Fond FF UK. Kart. 18. Inv. č. 206.

⁵⁹ Досталь 1994. С. 106.

⁶⁰ MÚ a AAV ČR. Fond 258: Jaroslav Bidlo. Kart. 3. Inv. č. 162.

⁶¹ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 165. Л. 1–2.

вета, чтобы решить вопрос о дальнейшей работе М.М. Новикова, читавшего лекции как приглашенный профессор. В решении русский ученый характеризовался как специалист мирового уровня, «снискавший большие заслуги в области славянской взаимности, выступая как ревностный пропагандист создания единой славянской научной организации»⁶². Отмечались его большие научно-организационные заслуги в Чехословакии, в частности – создание Русского народного университета, руководство Зоологическим семинаром, работу в качестве приглашенного профессора Карлова университета. Предлагалось помочь ему, дав возможность стать договорным профессором сравнительной морфологии и гистологии⁶³. Прощение было в итоге удовлетворено, но окончательно вопрос не сняло, а лишь отложило.

В феврале 1932 г. Б. Немец инициировал обращение биологов и физиков Карлова университета в министерство образования и народного просвещения о судьбе русских эмигрантов. В письме от 29 февраля констатировалось, что помощь им долгое время оказывалась на основе уверенности в изменении политических реалий в России. Теперь же общая ситуация изменилась настолько, что нет сомнений в прочности советского режима. Это лишило эмигрантов надежд вернуться домой, их работа в Чехословакии перестала носить временный характер. Поэтапное сокращение помощи в рамках «Русской акции» поставило под угрозу работу русских ученых, для которых Чехословакия стала новой родиной. Авторы письма указывали, что по предварительной договоренности с заместителем министра было принято решение принять на постоянную работу зоолога М.М. Новикова и ботаника В.С. Ильина. Оба в совершенстве владели чешским языком и были прекрасно интегрированы в местную среду⁶⁴. В письме от 2 марта к ним добавилось имя физика Александра Александровича Эйхенвальда (1863–1944), который в 1920-х гг. некоторое время работал в Праге, а затем уехал в Италию. Авторы письма предлагали привлечь его к работе в университете⁶⁵, что, впрочем, не удалось.

Профессорскому совету приходилось всякий раз спрашивать министерство о выделении преподавательских единиц и соответствующего жалования для русских ученых. Так в декабре 1934 г. естественнонаучный факультет сумел добиться продления работы Новикова как договорного профессора, а одновременно и математика Евгения Леонидовича Буницкого (1874–1952). Ильин же смог получить лишь должность договорного лектора методики изучения физиологии растений⁶⁶. То есть статус ученого всегда оставался неопределенным. Для примера – в мае 1935 г. контракт Буницкого был продлен не как договорного

⁶² ÚD UK a AUK. Fond PF UK. Kart. 13. Inv. č. 101.

⁶³ Ibid.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ Ibid.

профессора, а как договорного лектора в области интегрирования дифференциальных уравнений с учетом теоретической физики⁶⁷. Таким образом, для большинства русских ученых на всем протяжении межвоенного периода работа в Карловом университете была сопряжена со множеством трудностей.

Программа «Русской акции» изначально не была ориентирована на интеграцию ученых-эмигрантов в местное, а тем более – в международное, научное сообщество. По мере же затухания государственной программы помощи и таяния надежд на возвращение домой, вопрос о включенности в чехословацкое научно-образовательное пространство вставал перед русскими учеными все более остро. Претензии русских на боязнь конкуренции со стороны местных ученых не всегда можно считать справедливыми. У чехословацкой высшей школы просто отсутствовала потребность в большом количестве иностранных специалистов, тем более в тех областях, где могли успешно работать местные научно-педагогические кадры, тесно связанные с местным культурным контекстом и практическими потребностями государства. В конечном счете чехословацкая образовательная среда впитывала русских ученых гораздо хуже болгарской или югославской. Это было связано с ее возможностями самостоятельно решать кадровые проблемы, без широкого привлечения иностранцев. В межвоенный период существовали различные пути и модели интеграции русских ученых-эмигрантов в Карлов университет. Как было показано на конкретных примерах, важную роль в приглашении на работу и трудовом закреплении играли влиятельные гаранты и патроны из числа местных профессоров. Наибольшие шансы на профессиональную интеграцию получали те, кто сумел приспособить свои научно-педагогические практики к потребностям и запросам местной среды.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Вандалковская М.Г. Российские историки-эмигранты в межвоенной Чехословакии // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии. М.: ИнСлав РАН, 2008. С. 7–25 [Vandalkovskaya M.G. Russkie istoriki-emigranty v mezhvoyennoy Chekhoslovakii (Russian Emigrés Historians in Interwar Czechoslovakia) // Russkie uchenye-gumanitarii v mezhvoyennoy Chekhoslovakii. M.: InSlav RAN, 2008. P. 7–25].
- Вандалковская М.Г. Адаптация русских ученых-эмигрантов в научной и культурной жизни Европы в 20–30-е гг. XX в. // Гуманитарные исследования Центральной России. 2017. № 1 (2). С. 29–41 [Vandalkovskaya M.G. Adaptatsiya russkikh uchenykh-emigrantov v nauchnoy i kul'turnoy zhizni Evropy v 1920–1930-e gody (Adaptation of Russian Emigrés Scholars in the Scientific and Cultural Life of Europe in the 1920s–30s) // Gumanitarnye issledovaniya Tsentral'noy Rossii. 2017. № 1 (2). P. 29–41].
- Вернадский Г.В. Прага / Подг. к публ., вступ. ст. и комм. А.В. Антощенко и С.В. Пономарева // Диалог со временем. 2017. Вып. 60. С. 355–364 [Vernadsky G.V. Praga / Ed. by A.V. Antoshchenko i S.V. Ponomareva // Dialog so vremenem. 2017. Vol. 60. P. 355–364].
- Гашкова Д., Копршивова А., Белошевская Л., Янчаркова Ю., Гаген С. Представители эмиграции с территории бывшей Российской Империи в Чехословакии (1918–1945). Прага: Academia, 2021. 606 с. [Hašková D., Kopršivová A., Běloševská L., Jančárko-

⁶⁷ Ibid. Kart. 5. Inv. č. 36; Kart. 13. Inv. č. 101.

- vá Yu., Gagen S. Predstaviteli emigratsii s territorii byvshey Rossiyskoy imperii v Chekhoslovakii (1918–1945) (Representatives of the Emigration from the Territory of the Former Russian Empire in Czechoslovakia (1918–1945)). Praga: Academia, 2021. 606 p.]
- Груздинская В.С. Заграничные командировки советских ученых: практики регулирования и организации (1920–1930-е гг.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. Вып. 10 (144) [Gruzdinskaya V.S. Zagranichnyye komandovaniya sovetskikh uchennykh: praktika regulirovaniya i organizatsii (1920–1930-e gg.) (Foreign business trips of Soviet scientists: practices of regulation and organization (1920–1930s)) // Elektronny naučno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya". 2024. Vol. 15. № 10 (144).]
- Досталь М.Ю. Из переписки В.А. Францева (Письмо В.А. Францева В.С. Иконникову, письма А.В. Флоровского В.А. Францеву) // Славяноведение. 1994. № 4. С. 102–107 [Dostal M.Yu. Iz perepiski V.A. Frantseva (Pis'mo V.A. Frantseva V.S. Ikonnikovu, pis'ma A.V. Florovskogo V.A. Frantsevu) (From the Correspondence of V.A. Frantsev (Letter from V.A. Frantsev to V.S. Ikonnikov, letters from A.V. Florovsky to V.A. Frantsev)) // Slavyanovedeniye. 1994. № 4. P. 102–107].
- Кызласова И.Л. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930-е годы. По материалам архивов. М.: Изд-во Моск. Акад. горн. наук, 2000. 437 с. [Kyzlasova I. L. Istoriya russkoy nauki ob iskusstve Vizantii i Drevney Rusi. 1920–1930-ye gg. Po arkhivnym materialam (History of Russian Science on the Art of Byzantium and Ancient Rus'. 1920–1930s. Based on Archival Materials). M.: Izd-vo Moskovskoy akademii gornykh nauk, 2000. 437 p.]
- Лаптева Л.П. Русский историк-славист Николай Владимирович Ястребов и его деятельность в эмиграции // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии. М.: ИнСлав РАН, 2008. С. 148–158 [Lapteva L.P. Russky istorik-slavist Nikolay Vladimirovich Yastrebov i yego deyatel'nost' v emigratsii [Nikolai Vladimirovich Yastrebov, a Russian Slavic Historian, and his activities in Exile // Russkiye gumanitarii v mezhvovnoy Chekhoslovakii. M.: InSlav RAN, 2008. P. 148–158].
- Лаптева Л.П. Николай Владимирович Ястребов (1869–1923) как исследователь истории Чехии // История и историк: историографический вестник. 2005. М.: Наука, 2006. С. 212–251 [Lapteva L.P. Nikolay Vladimirovich Yastrebov (1869–1923) kak issledovatel' cheshskoy istorii (Nikolai Vladimirovich Yastrebov (1869–1923) as a researcher of Czech history) // Istoriya i istorik: istoriograficheskyy vestnik. 2005. M.: Nauka, 2006. P. 212–251].
- Лосский Н.О. Воспоминания: жизненный и философский путь. Мюнхен: Fink, 1968. 334 с. [Losky N.O. Vospominaniya: zhiznennyi i filosofskiy put' (Memories: life and philosophical path). München: Fink, 1968. 334 p.]
- Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Русские профессора в Карловом университете в 1920–1930-е годы // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова). Т. 1. Чебоксары: ИД «Среда», 2017. С. 177–180 [Mikhail'chenko S.I., Tkachenko Ye.V. Russkaya professura Karlova universiteta v 1920–1930-e gody (Russian professors at Charles University in the 1920s and 1930s) // Paradigmy universitetskoy istorii i perspektivy universitetskikh issledovaniy (k 50-letiyu Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.N. Ul'yanova). T. 1. Cheboksary: ID "Sreda", 2017. P. 177–180].
- Нидерле Л. Быт и культура древних славян / Предисл. Н.П. Кондакова. Прага: Пламя, 1924. 285 с. [Niederle L. Povsednevnyaya zhizn' i kul'tura drevnykh slavyan (Everyday life and culture of the ancient Slavs) / Pref. by N.P. Kondakov. Praga: Plama, 1924. 285 p.]
- Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. 404 с. [Novikov M.M. Iz Moskvy v N'yu-York: Moya zhizn' v nauke i politike [From Moscow to New York: My life in science and politics]. New York: Izd-vo im. Chekhova, 1952. 404 p.]
- Отчет о состоянии и деятельности Русского Юридического факультета в Праге за 1926–1927 учебный год. Прага: б.и., 1927. 23 с. [Otchet o sostoyanii i deyatel'nosti Russkogo yuridicheskogo fakul'teta v Prage za 1926–1927 uchebnyy god (Report on the state and activities of the Russian Law Faculty in Prague for the 1926–1927 academic year). Praga: b.i., 1927. 23 p.]
- Петухов С. Русские профессора Пражского Карлова университета // Дом в изгнании: очерки о русской эмиграции в Чехословакии 1918–1945. Прага: RT+RS Servis, 2008. С. 141–152 [Petukhov S. Russkiye professora Karlova universiteta v Prage (Russian pro-

- fessors of the Charles University in Prague) // Dom v izgnanii: ocherki russkoy emigratsii v Chekhoslovakii 1918–1945 gg. Praga: RT+RS Servis, 2008. P. 141–152].
- Соболев А.В. Кооперативные организации как экономические модели в теоретической разработке И.В. Емельянова // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2014. № 5. С. 7–13 [Sobolev A.V. Kooperativnyye organizatsii kak ekonomicheskie modeli v teoreticheskikh razrabotkakh I.V. Yemel'yanov (Co-operative organizations as economic models in the theoretical research of I.V. Yemel'yanov) // Fundamental'nyye i prikladnyye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki. 2014. № 5. P. 7–13].
- Спекторский Е.В. Воспоминания / Вступ. ст. С.И. Михальченко, Е.В. Ткаченко; подгот. текста, коммент. С.И. Михальченко; коммент. П.А. Трибунского. Рязань: П.А. Трибунский, 2020. 654 с. [Spektorskiy Ye.V. Vospominaniya [Memories] / Ed. by S.I. Mikhal'chenko, Ye.V. Tkachenko, P.A. Tribunsky. Ryazan: P.A. Tribunsky, 2020. 654 p.].
- Янчаркова Ю. Историк искусства Николай Львович Окунев (1885–1949): Жизненный путь и научное наследие. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2012. 320 p. [Jančárková Yu. Iskusstvoved Nikolay L'vovich Okunev (1885–1949): Zhizn' i nauchnoye nasledie [Art historian Nikolai Lvovich Okunev (1885–1949): Life and scientific legacy]. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2012. 320 p.].
- Andrusovová-Vlčeková G. Išiel som touto cestou... Dimitrij Andrusov – životopisná črta. Bratislava: Združenie Mineralia Slovakia, 1997. 152 s.
- Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice / Sest. Z. Sládek, L. Běloševská. Praha: Slovanský ústav AV ČR, 1998. 343 s.
- Havránek J. Univerzita Karlova, rozmach a perzekuce 1918–1945 // Dějiny Univerzity Karlovy. Sv. IV: 1918–1990 / Red. svazku J. Havránek a Z. Poustka. Praha: Karolinum, 1998. S. 19–59.
- Murko M. Paměti. Praha: Fr. Borový, 1949. 252 s.
- Němec B. Vzpomínky. Praha: NLN s.r.o, 2021. 545 s.

Ковалев Михаил Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, kovalevmv@yandex.ru

Russian émigré scientists and Charles University: the ways and models of integration in the 1920-1930-th

In this article the ways and models of interaction between Russian émigré scientists and Charles University in the 1920s and 1930s were analysed. On the basis of archival documents, the circumstances of inviting of émigré scientists to university positions were established, and the conditions of their scientific and pedagogical work were outlined. It was found that employment problems were often not related to the fear of competition from local scientists, but were caused by the limited staffing and budget, and the lack of Czechoslovak citizenship among Russian emigrants. In addition, at Charles University there was no need for a large number of foreign specialists, especially in those areas where local scientists could work successfully. The example of the Charles university shows that the Czechoslovak educational environment absorbed Russian scientists much worse than the Bulgarian or Yugoslav ones. There were various models of integration of Russian scientists at Charles University. However, influential guarantors and patrons from among local professors often played an important role in inviting them to work and securing their employment. The greatest chances for professional integration were received by those scientists who were able to adapt their scientific and pedagogical practices to the needs and demands of the local environment.

Keywords: *Russian-Czech scientific relations, Russian emigration, Czechoslovakia, History of universities.*

Kovalev Mikhail Vladimirovich, PhD (History), Associate Professor, Senior Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, kovalevmv@yandex.ru

ПРОФЕССОРА ПРОТИВ АКАДЕМИКОВ. КОНФЛИКТ 1940-Х ГГ. В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ НАУКИ¹

Статья посвящена конфликтной ситуации, разворачивавшейся в 1943–1944 гг. и связанной с выборами заведующего кафедрой теоретической физики физического факультета Московского государственного университета. Сторонами конфликта выступили профессор МГУ и группа академиков АН СССР. Противостояние двух групп физиков породило большое количество текстов в виде обращений сторон в органы власти и ответов на эти обращения. В исследовании вводятся в научный оборот и подробно анализируются хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории письма шести представителей МГУ, адресованные партийному руководству, а также две записки, представляющие собой реакцию органов власти на конфликт. Ценность анализируемых текстов и самого конфликта определяется тем, что они высветили не только кадровые и персональные, но и более глубокие проблемы научной жизни. К ним относятся: проблема поиска оптимальной модели организации науки в СССР, проблема соотношения национальной и мировой науки, проблема монополии и конкуренции в науке, проблема возникновения и функционирования научных школ и направлений, проблема автономии высшей школы в советской время, проблема научной этики, межличностных отношений в академической среде. Помимо этого, в статье поднимается вопрос влияния конфликта на дальнейшую трансформацию научно-образовательной модели СССР. Актуальность исследования связана с тем, что перечисленные проблемы, хотя и привязаны к конкретно историческому материалу, носят вневременной характер, поэтому весьма злободневны и для XXI века.

Ключевые слова: *Академия наук СССР, университеты, МГУ, наука, А.Ф. Иоффе, Н.И. Кобозев, А.С. Преодоителей, А.Н. Фрумкин.*

Две исторически сложившиеся формы организации науки – академическая и университетская – пережили разные страницы своей совместной истории. Их сосуществование далеко не всегда было безоблачным, а порой выливалось в затяжные конфликты. Для историка изучение конфликтов является весьма “благодарным делом”, поскольку столкновения всегда подсвечивают существовавшие разрывы, системные проблемы, тонкие места, приоткрывают завесу картины благополучия, рисуемую в отчетах или юбилейных изданиях, что позволяет лучше разобраться в существе сложных исторических процессов.

Настоящее исследование выстроено вокруг коллизии 1943–44 гг., связанной с выборами заведующего кафедрой теоретической физики физического факультета Московского университета (МГУ). Нарратив в форме писем и докладных записок, который был порожден противостоянием двух групп советских физиков, высветил не только кадровые и персональные, но и более глубокие проблемы научной жизни. К ним относятся: проблема поиска оптимальной модели организации науки в СССР, проблема соотношения национальной и мировой науки, пробле-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00048, <https://rscf.ru/project/23-18-00048/>.

ма монополии и конкуренции в науке, проблема возникновения и функционирования научных школ и направлений, проблема автономии высшей школы в советской время, проблема научной этики, межличностных отношений в академической среде.

С одной стороны, эпизод, послуживший содержательным основанием для настоящего исследования, существовал в конкретном историческом контексте 1940-х гг., когда тяготы военного времени, сопровождавшиеся эвакуацией и последующей реэвакуацией вузов и научных учреждений, сокращением финансирования, ухудшением материальных условий для профессиональной деятельности, накладывались на два дополнительных фактора: (1) прошедшую довоенную волну Большого террора, сформировавшую практику научного доносительства, и (2) запуск атомного проекта, суливший ученым новые уникальные возможности для реализации научных амбиций. С другой стороны, перечисленные проблемы научной жизни, хотя и привязаны к конкретно историческому материалу конца Великой Отечественной войны, во многом носят вневременной характер, поэтому весьма злободневны и для XXI в.

В методологическом отношении исследование выполнено в русле модельного подхода к истории науки и высшей школы. При анализе конкретного кейса из истории советской науки особое внимание уделяется языку источника; помимо этого, исследование осуществлено с привлечением составления коллективного портрета фигурантов кейса.

Историографию вопроса можно разделить на три блока: (1) исследования по “политической” академической истории; (2) исследования по институциональной истории науки и университетов; и (3) работы, непосредственно затрагивающие конфликт 1943–1944 гг. Первые два блока весьма обширны и представлены, с одной стороны, трудами, раскрывающими проблемы взаимоотношений власти и науки, включая идеологические кампании, чистки, репрессии в отношении ученых², а с другой, исследованиями по развитию академических учреждений и высших учебных заведений как институций, с акцентом на формы организации науки³. Обращаясь к третьему блоку работ, отметим, что наиболее системно противостояние физиков МГУ и АН СССР в 1940-х гг. представлено в работе А.В. Андреева⁴. Автор широко привлекает опубликованный и неопубликованный архивный материал, однако те письма и докладные записки, которые послужили отправной точкой для настоящей статьи, А.В. Андреевым не были введены в научный оборот. Другой исследователь, В.Д. Есаков, упоминает эти документы, но воздерживается от их подробного анализа⁵. Идеологическая подоплека противостояния советских физиков охарактеризована в монографии А.С. Сониной⁶.

² Longgring 1972; Krajewski 1995; Kremmentsov 1996.

³ Vucinich 1984; Лахтин 1990; Кузьминов, Юдкевич 2021; Наука... 2023.

⁴ Андреев 2000.

⁵ Есаков 2003.

⁶ Сонин 1994.

Проблема “двух физик” поднимается и в публикации Г.Е. Горелика⁷, правда, с точки зрения жанра, она скорее носит публицистический характер, а содержательно охватывает более поздние витки конфликта, пришедшиеся на рубеж 1940–1950-х гг. Отдельные аспекты рассматриваемой проблемы затрагивает историк физики А.А. Якута⁸. Поскольку фигуранты анализируемых процессов были видными учеными, сформировался круг биографической литературы. Авторы ряда биографических исследований также касаются интересующего нас сюжета⁹. Подчеркнём, что ранее в историографии, применительно к анализируемой коллизии, внимание уделялось позиции академиков, а не профессоров. Подробное изложение профессорского взгляда на проблему представляется важным для восполнения историографического пробела.

Заметим, что до сих пор, спустя 80 лет с периода разгара конфликта, в историографии ощущаются отголоски ведомственности в авторских оценках противостояния университетских и академических ученых, тогда как, на наш взгляд, эвристический потенциал материалов, связанных с рассматриваемой коллизией, выходит за рамки истории отдельных научно-образовательных учреждений и их подразделений и позволяет выйти на более широкую тематику организации науки, на чём и делается акцент в настоящем исследовании.

Обстоятельства конфликта

Высшие учебные заведения и научные организации системы Академии наук СССР были разделены ведомственными барьерами, при этом Академия наук в 1940-е – 1950-е гг. заняла элитарное положение в советском научном мире, заметно потеснив вузы, включая ведущие университеты, что становилось почвой для столкновений, природа которых проистекала из борьбы за ресурсы, влияние, возможности, условия для развития. Крайнюю обиду и раздражение университетских профессоров вызвало выступление академика П.Л. Капицы на заседании Президиума Академии наук 18 мая 1943 г., в котором он «декларировал существование двух “сортов” ученых: “1-й сорт” – в Академии Наук, “2-й сорт” – в Университете и, вообще, в вузах»¹⁰.

В 1944 г. между физиками МГУ и АН СССР произошел конфликт, вылившийся в публичную плоскость. Событийная сторона конфликта протекала вокруг процесса определения заведующего кафедрой теоретической физики физического факультета МГУ. На выборах осенью 1943 г. маститый ученый, член-корреспондент АН СССР И.Е. Тамм уступил недавно защитившему докторскую диссертацию (1942) профессору А.А. Власову пятью голосами против двадцати четырех. Это спровоцировало скандал, обросший документальными свидетельствами в форме индивидуальных и коллективных писем, заявлений, заключе-

⁷ Горелик 1993.

⁸ Якута 2020; Якута 2021.

⁹ Базаров, Николаев 1999; Перов 2003.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 19.

ний и докладных записок, направленных сторонами конфликта в руководящие советские и партийные органы. Нарратив, порожденный противостоянием двух групп советских физиков, высветил не только кадровые и персональные, но и более глубокие проблемы.

Позиция академической группы с изложением недостатков в положении науки и образования на физическом факультете МГУ представлена «письмом 14 академиков» (точно не датировано) и «письмом 4 академиков» (11 июля 1944 г.), о них уже неоднократно упоминалось в историографии. Поэтому сосредоточимся на анализе профессорской позиции и отклике на неё со стороны властей.

Профессорская группа и её позиция

В Российском государственном архиве социально-политической истории¹¹ хранятся письма за авторством профессоров А.С. Предводителя (декан физического факультета), Н.И. Кобозева, Н.Д. Зелинского, А.К. Тимирязева, Н.С. Акулова и секретаря партийного комитета МГУ, доцента В.Ф. Ноздрёва. В материалах дела встречается упоминание о письме заведующего кафедрой физической химии А.В. Фроста, но само оно отсутствует. Все письма адресованы секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову. Направление серии писем, несмотря на их персональных характер, явно было организованной кампанией, авторы посланий ссылаются друг на друга, отмечают, что им известно о других письмах, недавно направленных их адресату на эту тему.

Прежде чем проводить анализ содержания посланий коротко охарактеризуем вышеперечисленных лиц из группы сотрудников МГУ¹².

А.С. Предводителев (1891–1973) был выходцем из крестьянской семьи Рязанской губернии. Выпускник физико-математического факультета Московского университета (1916). С 1930-х гг. – профессор МГУ. Член-корреспондент АН СССР (1939). В рассматриваемый период – заведующий кафедрой молекулярной физики, декан физического факультета, директор Научно-исследовательского института физики МГУ. Научная специализация – молекулярная физика, гидродинамика, физика тепла, процессы горения.

Н.И. Кобозев (1903–1974) родился в семье московского юриста. Выпускник физико-математического факультета Московского университета (1924). В 1920–1930-е гг. – ассистент, затем доцент МГУ. В рассматриваемый период – профессор химического факультета МГУ. Научная специализация – физическая химия, теория катализа, химические реакции в электрических разрядах.

Н.Д. Зелинский (1861–1953) родился в дворянской семье в Херсонской губернии. Выпускник физико-математического факультета Новороссийского университета (1884). В 1880-е гг. стажировался в европей-

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275.

¹² В дальнейшем эту группу будем именовать «профессорской», хотя В.Ф. Ноздрёв станет профессором позднее, в 1950-е гг.

ских научных лабораториях. В дальнейшем – приват-доцент Новороссийского университета, с 1890-х гг. – профессор Московского университета. Академик АН СССР (1929). В рассматриваемый период – заведующий кафедрой химии нефти МГУ. Научная специализация – органическая химия, органический катализ, электропроводность, химия аминокислот, химия углеводов.

А.К. Тимирязев (1880–1955) – сын знаменитого ученого-биолога, профессора Московского университета, К.А. Тимирязева. Выпускник физико-математического факультета Московского университета (1904). На преподавательской и административной работе в Московском университете. В рассматриваемый период – заведующий кафедрой истории физики МГУ. Научная специализация – разреженные газы, история физики, философские проблемы естествознания.

Н.С. Акулов (1900–1976) был выходцем из купеческой семьи, проживавшей в Орловской губернии. Выпускник физико-математического факультета Московского университета (1926). На преподавательской и научной работе в МГУ. В рассматриваемый период – заведующий кафедрой магнетизма МГУ. Научная специализация – ферромагнетизм, физика горения, теория пластичности, биофизика.

В.Ф. Ноздрёв (1913–1995) – выходец из крестьянской семьи Черниговской губернии, выпускник физического факультета Московского университета (1937). На преподавательской и административной работе в МГУ. В рассматриваемый период – секретарь партийного комитета МГУ, доцент кафедры молекулярной физики. Научная специализация – молекулярная физика, молекулярная акустика.

По приведенным кратким биографическим справкам видно, что все шестеро, за исключением Н.Д. Зелинского, являлись выпускниками Московского университета, именно здесь сделавшими научную и/или административную карьеру. В поколенческом отношении Н.Д. Зелинский, А.К. Тимирязев и А.С. Предводителей могут быть отнесены к одной категории как лица, получившие образование ещё в имперский период. Трое других принадлежали к более молодому поколению ученых, формировавшихся после революции. С точки зрения научной специализации, физики МГУ представляли разные направления.

Вернемся к посланиям, обобщив и систематизировав основные положения и претензии, изложенные в 6-ти письмах. Эти претензии можно разделить на персональные и общие, которые приводились как аргументация в поддержку излагаемой позиции. Главная претензия, выдвинутая профессорами в адрес академиков А.Ф. Иоффе, П.Л. Капицы, Л.И. Мандельштама, Н.Н. Семенова, А.Н. Фрумкина и др., заключалась в кастовости и монополизации физики как отрасли знания: «В науке образовались монополистические группы, использующие свои возможности и влияние, свое правительственное и общественное доверие [...] в узко-

групповых целях»¹³. Академическая группа, по словам А.С. Предводителя, «потеряла способность отделять личные интересы от интересов государства»¹⁴. Профессор Н.И. Кобозев прибежал к апелляции к прошлому: «История науки полна примеров окостенения научной мысли из-за ее прирастания к академическим креслам, ее отрыва от жизни [...]. Недаром двери Академии нередко закрывались перед крупнейшими учеными»¹⁵. Монополизация, по утверждению профессоров, приводила к неравномерности финансирования научных институций. Делалось утверждение, что академическая группа распоряжается не менее чем 90% государственных средств, выделяемых на физико-химические работы¹⁶. А.К. Тимирязев писал, что академики злоупотребляют авторитетом звания члена Академии наук, пытаются в каждой области знаний «установить род “символа веры”, или “канона”, которые не подлежат уже никакой критике»¹⁷. «Стремление почитать на лаврах, укрыться от научной критики» отмечал и Н.И. Кобозев¹⁸.

Наконец, каждый из авторов в своих посланиях указывал на несправедливость в присуждении Сталинских премий за работы по физике, которые достаются только академикам, и на практику забаллотирования кандидатов от МГУ на выборах в АН СССР.

Как следует из приведённых цитат, профессорская группа, уличая оппонентов, прибегала к приёмам, типичным для социалистического дискурса с его идеалами коллективизма и общего блага. Элитарность академиков противопоставлялась нормам коллективизма; их стремление к признанию, славе, карьерным успехам подавалось как противоречащее интересам социалистического отечества. Профессорская группа настаивала на незаслуженной переоценке научного веса академиков. Н.И. Кобозев заявлял, что академик А.Н. Фрумкин является «“ученым-миниатюристом”, не любящим, не чувствующим, ни разу в своей научной деятельности не коснувшимся ни одной крупной научной или технической проблемы». Отмечалась «научная несамостоятельность» А.Н. Фрумкина, «доведенная до граници, абсолютно недопустимых для ученого даже самого среднего ранга»¹⁹. А.К. Тимирязев указывал на отсутствие оригинальности идей член-корреспондента Тамма²⁰.

Следующие важнейшие элементы профессорских обвинений можно объединить в политико-идеологический блок.

Рассуждая о природе конфликта, В.Ф. Ноздрёв подчеркивал: «Некоторые считают, что это чисто ведомственные недоразумения [...]. На-

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 25.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 12.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 21.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 27.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 61.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 24.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 29.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 61.

против, происходящие события являются примером огромной идеологической борьбы»²¹. Аргументом в поддержку позиции профессоров служили недавние события 1937 года. Репрессивная кампания заметно затронула Академию, и это использовалось профессорской группой в качестве подтверждения тезиса о том, что в АН СССР не всё в порядке. Н.С. Акулов писал про «широко разветвленную авантюристическую организацию», которая «орудовала» в Академии, что частично «было вскрыто нашими органами государственной безопасности, которые изъяли целый ряд такого рода элементов»²². «К сожалению, – сетовал Акулов, – в этом отношении не сделано всё». Акулов высказывал подозрения в адрес А.Ф. Йоффе, деятельность которого «протекала [...] в непосредственной связи с заграничными организациями и была направлена [...] не на усиление авторитета и обороноспособности нашей страны»²³. Делались намеки на то, что Йоффе в начале 1930-х гг. мог участвовать в передаче Германии научных секретов с целью личного обогащения²⁴.

Выдвижение политических обвинений было печальным симптом эпохи. Судя по риторике, к которой прибегали профессора, они были целиком погружены в репрессивный дискурс конца 1930-х гг., и до глубокой рефлексии по поводу происходивших процессов было еще далеко. Логичным развитием политических обвинений стала серия тезисов о соотношении буржуазной (западной) и советской (национальной) науки; адептами первого направления представлялись академики, а поборниками второго – университетские физики. В ход вновь шли прозрачные исторические параллели. Н.И. Кобозев вспоминал про борьбу М.В. Ломоносова с «немецким засилием в Академии» XVIII в., про «наглые требования пиетета и искательства перед европейскими авторитетами и недопущение мысли о том, чтобы “русский мужик и варвар” мог “обскакать” прославленного Бойля». Утверждалось, что это воспринимается как «тяжелая обида, нанесенная русскому народу, как трагедия русской мысли, не могущая более повториться»²⁵. Однако, по убеждению профессоров, ситуация была близка к повторению.

Рассуждая об академике Н.Н. Семенове как руководителе института химической физики АН СССР, Н.Д. Зелинский подчеркивал, что само понятие «химическая физика» заимствовано²⁶. Описывая деятельность А.Н. Фрумкина, Н.И. Кобозев утверждал, что он занят развитием «чужих (исключительно импортных) идей, теорий, методов»²⁷. Поздრѐв дал такую собирательную характеристику академической группе: «Крупные ученые [...], получившие образование в капиталистических странах или

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 71.

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 66.

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 66 об.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 67 об.–68.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 22.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 55.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 29.

работавшие там, и по сей день находящиеся под сильным влиянием западных идеалистических школ»²⁸. Им противопоставлялась «талантливая молодежь, воспитанная в советских условиях»²⁹.

Заметим, что, если отталкиваться от биографий тех академиков, которые наиболее часто фигурировали в письмах профессоров, то указания на получение образования и/или работу за границей как элементы коллективного портрета академической группы, можно признать справедливыми лишь отчасти. Так, Н.Н. Семенов окончил Петроградский университет. П.Л. Капица – Петербургский политехнический институт. А.Ф. Иоффе – Санкт-Петербургский практический технологический институт, а позднее – Мюнхенский университет. Л.И. Мандельштам учился в Новороссийском университете, но вследствие исключения за участие в студенческих волнениях продолжил обучение в Страсбурге. А.Н. Фрумкин же, наоборот, начал обучение в Страсбурге и Берне, но окончил Новороссийский университет. Что касается научной карьеры, то у перечисленных академиков, за исключением Н.Н. Семенова, действительно, был более или менее продолжительный опыт работы в европейских лабораториях в начале научного пути, что было типично для дореволюционной России (в случае с П.Л. Капицей такой опыт пришёлся уже на 1920-е гг.). А.К. Тимирязев заключал, что разворачивавшийся конфликт: «это борьба между основными кадрами физиков [...], в большинстве своем продолжающих славные традиции знаменитых русских физиков-материалистов [...] и группой академиков [...], открыто проводящих идеализм»³⁰. Вспоминая об организации учебного процесса на физическом факультете в 1930-е гг., когда у руля были ставленники академиков, А.С. Предводителев отмечал: «У студентов воспитывалось мнение, что русской физики не было, что она создается нашими современниками на основе Западно-Европейской науки. [...] Создавалось впечатление, что русские являются неполноценными для создания и развития физических идей»³¹. В.Ф. Ноздрёв указывал на болезненное реагирование академиков на всё «научно-новое, самобытно русское, выходящее из стен Университета»³². Говоря же о самом университете, профессора указывали на стремление молодых физиков-теоретиков МГУ «выйти на свою дорогу, независимую от заграничных течений»³³.

Наиболее развернуто про национальную науку высказывался Н.И. Кобозев: «В науке [...] терпится, чтобы огромные государственные средства, вместо того, чтобы оплодотворять нашу [...] мысль, шли на выращивание у нас никчемных филиалов различных иностранных школ, на создание из нашей науки европейско-американской провин-

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 71.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 71.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 59.

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 9.

³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 70.

³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 13.

ции. Такую копированную науку, которая насаждается А.Н. Фрумкиным, может иметь Япония, а не Великий Советский Союз»³⁴. Далее Н.И. Кобозев давал такую отповедь: «Для каждого ученого-патриота его научный престиж есть лишь частица престижа своей советской науки, и он не может считать достаточным, если в его лице нашу науку снисходительно “похлопывают по плечу”, как прилежного ученика. Советский ученый видит свой престиж в том, чтобы с нашей наукой считались, как с крупной идеологической и практической силой, также как весь мир считается с могуществом нашей Государственности и сокрушительной мощью наших армий»³⁵. В этих словах Н.И. Кобозева обращает на себя внимание апелляция к советскому патриотизму, что демонстрирует формирование риторики, которую принято относить к несколько более поздним временам периода проведения кампании по борьбе с космополитизмом.

Следующим шагом в этих обвинительных рассуждениях был выход на еврейский вопрос. Впрочем, подчеркнём, что этот мотив отчетливо звучал только в обращении В.Ф. Ноздрёва, который писал: «Разгоревшаяся борьба осложняется тем обстоятельством, что здесь привносятся еще и национальные моменты [...]. В институте физики, математики, а также химии [...] подавляющее большинство ведущих ученых составляют евреи [...], в то время как в университете по этим отделениям подавляющий процент русских. Стремление ученых-евреев прорваться к университетской молодежи [...] вызывает огромное сопротивление со стороны ученых Университета, и борьба начинает принимать в настоящее время очень острые формы»³⁶. Эти пассажи Ноздрёва также звучат предвестниками кампании по борьбе с космополитизмом.

Остановимся на той части рассуждений профессором, которая носила не персональный, а общетеоретический характер, но тоже была призвана усилить отстаиваемую ими точку зрения.

Представляют интерес слова А.С. Предводителя, относящиеся к модели организации науки в стране. Он отмечал, что, поскольку правительство не может самостоятельно разобраться во всех нюансах научных течений, оно вынуждено опираться на авторитет ученых. Поэтому для принятия взвешанных решений государству выгодно иметь несколько научных центров: «Академии и Университеты, независимо развивающиеся при здоровой, свободной, взаимной критике могут разбить монополию в науке и вывести ее на путь широкого развития»³⁷.

Обратим внимание на слова А.С. Предводителя о поколениях в науке: «Любой стареющий ученый [должен] уступать дорогу молодому зреющему таланту. Огромный предрассудок, что только умудренный опытом профессор может создать новые школы. [...] Всякое новое

³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 31.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 32–33.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 73.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 18.

направление в науке рождалось от молодого таланта»³⁸. Эти слова очевидно должны были обосновать перевес чаши весов в коллизии Тамма-Власова в пользу последнего; впрочем, первый был моложе второго на 13 лет, то есть нельзя сказать, что Власов и Тамм принадлежали к совершенно разным поколениям ученых, но если в качестве переменной вводить фактор революции, то разница в профессиональном становлении первого и второго окажется более существенной. В целом, с поколенческой точки зрения, академическая группа была ненамного старше профессорской. Самым возрастным из критикуемых академиков были 65-летний Л.И. Мандельштам (1879 г.р.) и 64-летний А.Ф. Иоффе (1880 г.р.), другим упоминаемым академиком в 1944 г. было около 50 лет. О разбросе возрастов профессорской группы речь шла выше.

Путь решения проблем науки университетская группа видела в том, чтобы оказать государственную поддержку тем научным силам, которые имелись в высшей школе. А.К. Тимирязев предлагал «укрепить положение университетов как независимых от академии наук центров научной мысли», особенно Московского и Ленинградского университетов³⁹. Н.И. Кобозев шёл дальше и писал о необходимости «выделить вузы, которые должны рассматриваться как ведущие научные учреждения в областях, в которых [они] в лице своей профессуры, создали руководящие научные школы»⁴⁰. О месте, которое нужно отвести Академии наук, А.С. Предводителев высказывался так: «пусть она будет штабом науки, но не мешает работать другим»⁴¹. Развитие этой мысли находим у Н.И. Кобозева: «Не высокомерное третирование вузовской науки и не рассматривание вузов как каких-то “подмандатных территорий” для различных академических групп, а [...] солидарные усилия всех советских ученых – вот путь, который приведет нас к созданию большой, яркой и самобытной науки»⁴². Этот же автор систематизировал меры, которые, по его мнению, нужно осуществить для укрепления вузовской науки. Это: усиление университетской научной печати, изменение составов редколлегий журналов за счет добавления профессуры; увеличение госбюджетных ассигнований на университетскую науку; расширение научно-педагогического штата МГУ с уменьшением педагогической нагрузки преподавателей в пользу их научной работы; усиление активности университетских научных обществ; систематическое проведение университетских научных конференций, пополнение научно-материальной базы⁴³. Аналогичные предложения содержатся в письмах А.К. Тимирязева⁴⁴ и В.Ф. Ноздрёва⁴⁵.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 16.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 64 об.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 53.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 17.

⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 54.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 52.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 64 об. –65.

Подводя итог разбору профессорских посланий, отметим, что в стилистическом отношении письма неоднородны. Тексты писем Н.Д. Зелинского, Н.С. Акулова достаточно сдержаны. А письма А.С. Предводителя, Н.И. Кобозева, А.К. Тимирязева, В.Ф. Ноздрёва напротив – весьма эмоциональны, их авторы не стесняются в выражениях в адрес своих оппонентов: «научный фанатизм касты», «обречен на моральную смерть и смешан с грязью» (о Н.П. Кастерине, физике из МГУ, чьи работы подверглись критике со стороны академической группы), «карликовый стиль» (о научном масштабе академика Фрумкина), «мне не понятно, почему перед ними [академиками] нужно ходить с лакейской миной на лице и выполнять всё, что пожелает их избалованное самолюбие» и т.д.

Реакция руководства

О реакции начальства на профессорские послания можно судить по двум документам: заключению по вопросам, затронутым в письмах, за подписью председателя ВКВШ С.В. Кафтанова на имя А.С. Щербакова и Г.М. Маленкова (27 апреля 1944 г.) и документу на их же имя, озаглавленному «О письмах профессоров МГУ», за подписями С.В. Кафтанова, народного комиссара химической промышленности М.Г. Первухина, руководителя отдела науки Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) С.Г. Суворова и академика-секретаря АН СССР Н.Г. Бруевича (8 сентября 1944 г.).

Первый из двух документов носит компромиссный характер. О претензиях профессуры С.В. Кафтанов пишет, что «часть из них являются правильными и заслуживают рассмотрения и принятия необходимых мер, а часть утверждений авторов являются неправильными и носят субъективный характер»⁴⁶. Во-первых, С.В. Кафтанов заключал, что возражения сотрудников МГУ против того, чтобы Тамм стал заведующим кафедрой теоретической физики, обоснованны, так как он ранее работал на этой позиции и «не сумел обеспечить [...] условий для роста молодым ученым, плохо организовал педагогический процесс и не проявил себя на работе в университете с положительной стороны»⁴⁷. Председатель ВКВШ признал справедливым то, что МГУ должен быть одним из научных центров СССР, а также то, что положение университета в условиях военного времени (эвакуация, сопровождавшаяся утратой части имущества, лишение 10800 кв. метров площадей, занятых другими ведомствами) стало тяжелым. Тезис про недостаточность финансирования науки МГУ был подтвержден сведениями, согласно которым, если в 1938 г. университет получил на эти цели 1169 тыс. рублей, то в 1943 г. – лишь 95 тыс.⁴⁸. Признавая сложности с изданием научной литературы, С.В. Кафтанов объяснял его дефицитом бумаги и отсутствием в МГУ типографской базы. С началом войны издание трудов МГУ, как

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 77–78.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 80.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 82.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 81.

и почти всех научных изданий, было приостановлено; в 1942 г. возобновлено издание журналов АН СССР, редакторами которых являлись академики-директора институтов. С.В. Кафтанов предложил вывести ряд журналов из прямого подчинения АН СССР и сделать их межведомственными⁴⁹. Наконец, председателем ВКВШ признавалось и то, что педагогическая нагрузка университетских сотрудников не позволяет полноценно заниматься наукой, поэтому нужно восстановить при МГУ деятельность НИИ с отдельным штатом и бюджетом⁵⁰.

С другой стороны, к необоснованным С.В. Кафтанов относил тезисы о предвзятости при выборах членов АН СССР и при определении лауреатов Сталинской премии. С.В. Кафтанов заметил, что на последних выборах 1943 г. были избраны в действительные члены профессора-химики А.Н. Несмеянов, В.М. Родионов, в член-корреспонденты – Б.А. Казанский, А.А. Баландин. Всего в МГУ по состоянию на 1944 г. работало 29 действительных членов АН СССР и 47 членов-корреспондентов. А среди лауреатов Сталинской премии – 17 работников МГУ. С.В. Кафтанов давал высокую оценку научным заслугам академиков⁵¹. При этом компромиссность текста председателя ВКВШ подчеркивается тем, что в нем отдавалось должное и научным заслугам ученых МГУ и в частности Н.Д. Зелинского, Н.И. Кобозева⁵².

Любопытно, что, реагируя на обвинения профессорской группы в адрес академиков, власти отбивали атаку тем же оружием, к которому прибегали обвинители. Так, один из эпизодов в письме Н.И. Кобозева касался проблемы подавления критики, что иллюстрировалось отказом в публикации статьи Н.С. Акулова, содержащей критику работ Н.Н. Семенова. В этой статье Н.С. Акулов уличает Н.Н. Семенова в несамостоятельности идей, заимствованных у западных ученых, М. Боденштейна (Германия), Й. Христиансена (Дания) и Х. Крамерса (Голландия). «В истории русской науки – сообщается в Заключении за подписью С.В. Кафтanova – к сожалению, это не первый случай, когда приоритет русских ученых оспаривается в пользу иностранцев», и далее следуют отсылки к кейсам «Попов-Маркони» и «Менделеев-Мейер»⁵³.

Между первым и вторым документами, июне 1944 г. в «Правде» вышел материал за подписью С.В. Кафтanova «Высшая школа и развитие науки», в котором есть и отголоски текущего конфликта («Некоторые работники Академии наук СССР склонны рассматривать ученых вузов как “ученых второго сорта”. Имеются факты [...] замкнутости отдельных школ ученых, стремящихся занять монопольное положение в данной отрасли науки»⁵⁴). Это приводит к мысли о том, что председа-

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 84.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 81.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 82.

⁵² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 83.

⁵³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 84.

⁵⁴ Правда. 1944. 18 июня.

тель ВКВШ занимал, скорее, проуниверситетскую позицию, хотя и старался удержать баланс между ведомствами.

Второй документ («О письмах профессоров МГУ»), написанный через четыре с половиной месяца, был куда менее компромиссным и сводился к осуждению позиции московских профессоров. В нем отвергался базовый тезис о расколе советских физиков на две группы⁵⁵.

Наиболее болезненно должны были звучать соображения С.В. Кафтанова, М.Г. Первухина, С.Г. Суворова, Н.Г. Бруевича о мотивах профессорской группы: «Работы каждого из них [...] подвергались в разное время научной критике со стороны работников Академии Наук». «Второе обстоятельство [...] состоит в том, что во время последних выборов [...] Предводителей, Акулов, Фрост, Тимирязев не получили поддержки в Академии Наук и не были избраны». В качестве третьего обстоятельства называлась «боязнь авторов потерять руководящее положение на физическом и химическом факультетах Московского университета [...] в связи с тем, что ряд крупных ученых Академии наук выражает стремление заняться педагогической деятельностью в Университете»⁵⁶. Иными словами, здесь мы тоже наблюдаем прием удара тем же оружием: «Борясь против монополии ученых Академии Наук, авторы писем сами хотят получить безраздельную монополию на воспитание кадров советских студентов, на руководство советский наукой»⁵⁷. Таким образом, позиция профессоров МГУ не нашла достаточной поддержки во властных кругах.

Судьбы фигурантов и влияние на модель

В середине 1940-х гг. вес академической группы был заметно больше, очевидно, из-за её глубокого погружения в атомный проект. В результате в 1944 г. А.А. Власов не был утвержден заведующим кафедрой, им ненадолго стал академик В.А. Фок. А.С. Предводителей в 1946 г. будет вынужден покинуть должность декана. Победа в конфликте 1944 г. осталась за академиками. Однако это вовсе не было финалом истории. Назначенный заведовать кафедрой академик Фок не удержится на новом месте, и вскоре на эту позицию вернется Власов.

Спустя несколько лет, в период кампании по борьбе с космополитизмом позиции академической группы заметно ослабнут. В 1949 г. А.Н. Фрумкин, обвинённый в недооценке роли русских учёных, был отстранён от руководства Институтом физической химии. На следующий год с поста директора Физико-технического института АН СССР был снят А.Ф. Иоффе. Но уже к середине 1950-х расклад сил снова изменится. Постановление ЦК КПСС «О мерах по улучшению подготовки кадров физиков в Московском государственном университете» (1954) привело к отстранению от работы в МГУ Н.С. Акулова и В.Ф. Ноздрёва и к установке на привлечение в университет видных академиков.

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 97.

⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 105.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 275. Л. 106.

Однако и это не закрыло вопрос. Спустя без малого два десятилетия после начала описываемых событий он сохранял актуальность. Заместитель министра высшего и среднего специального образования М.А. Анучин на совещании по обсуждению научно-исследовательской работы вузов (1963) замечал: «В настоящее время бытует [...] мнение, которое наносит большой ущерб вузовской науке, что большую науку [...] может выполнить только Академия наук, что вузам остается второстепенная научно-исследовательская работа»⁵⁸. Очевидно, что соперничество вузов и академического сектора никуда не исчезло.

В середине 1950-х гг. звучала идея о прикреплении вузов к лабораторным базам АН СССР для их совместного использования. Однако предложение было отклонено, «так как эти учреждения заняты выполнением своего плана работ и не имеют [...] возможности вести общенаучную тематику вузовских кафедр»⁵⁹. Заметим, что сама мотивировка давала понять превосходство того, чем заняты академические институты над «общенаучной тематикой» вузов.

Вместе с тем реализация в СССР крупномасштабных научно-технических инициатив, таких как атомный проект, способствовала сближению академической науки и высшей школы. Это происходило в силу того, что столь значимый проект требовал обширного кадрового ресурса. В 1950-е гг. кадры для атомной отрасли стали готовить порядка 20 вузов, включая МГУ, ЛГУ, МВТУ, МХТИ, Харьковский государственный университет и др.⁶⁰

Со временем выработались типовые формы взаимодействия и сотрудничества академической и вузовской науки. К ним следует отнести практику совместного проведения научных исследований, коллективное использование технической базой, организацию семинаров и конференций, совместные лаборатории вузов и НИИ АН СССР, а также размещение структурных подразделений высших учебных заведений на инфраструктуре академических институтов⁶¹.

Что касается непосредственно науки в вузах, то в 1950-е – 1960-е гг. государство пойдет по пути создания в наиболее сильных из них проблемных и отраслевых лабораторий и научно-исследовательских институтов, которых по состоянию на 1971 г. в стране насчитывалось 48⁶². В 1978 г. были определены 70 вузов, в структуре которых организовывались научно-исследовательские части во главе с проректором по науке⁶³. Учитывая, что общее количество вузов в это время превышало 850, можно судить о доле высших учебных заведений, в которых были широко поставлены научные исследования.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 1536. Л. 16–17.

⁵⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 13. Л. 40.

⁶⁰ Визгин 2019: 137.

⁶¹ Наука... 2023: 360.

⁶² Кузьминов, Семенов, Фрумин 2013: 21.

⁶³ Постановление.... 1978.

В известном смысле, можно говорить о том, что вышеупомянутая идея Н.И. Козозева о выделении вузов, «которые должны рассматриваться как ведущие научные учреждения», нашла свое воплощение во второй половине XX в. и не утратила актуальности в веке XXI.

Как в любой живой, сложной и неоднородной системе, противоречия, столкновения, конфликты в научной сфере – естественное явление. Их природа может быть весьма разнообразна, а последствия могут иметь, как негативный (несправедливые решения в отношении ученых, разрыв профессиональных связей, приостановка или прекращение важных исследований и пр.), так и вполне позитивный (преодоление застарелых проблем вследствие их открытого обсуждения, научные прорывы как результат конкуренции разных подходов и т.д.) характер.

Выше проанализированные тексты, с одной стороны, красноречиво передают общественную атмосферу в СССР 1940-х гг. и могут служить отличной иллюстрацией специфики умонастроений в советской интеллектуальной среде того периода. А с другой, сохраняют актуальность, с точки зрения поиска оптимальной модели организации науки и в наши дни. Примечательно то, что, несмотря на фактическое поражение в конфликте профессорской группы, многие их предложения по реорганизации университетов будут впоследствии воплощены.

Конфликт, ставший предметом настоящего исследования, очевидно, имел одновременно идеологическую (на этом настаивали профессора), персональную (к этому во многом сводилась позиция руководства советской наукой) и ведомственную подоплеку. Однако, на наш взгляд, при всей ценности персональных и институциональных историй, обращение к коллизии 1943–1944 гг. представляет ценность, в первую очередь, с точки зрения отражения в ней сложившейся в 1930-е гг. модели организации науки и её влияния на трансформацию этой модели (включая университетскую модель) в дальнейшем – в направлении курса на дифференциацию системы высшего образования и усиления научной составляющей в деятельности ведущих университетов и отраслевых институтов.

АРХИВЫ / ARCHIVES

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9606. Оп. 1. Д. 1536.
Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 35. Д. 13.
Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 275.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Андреев А.В. Физики не шутят: Страницы социальной истории НИИ физики при МГУ (1922–1954). М.: Прогресс-Традиция, 2000. 318 с. [Andreev A.V. Fiziki ne shutyat: Stranicy social'noj istorii NII fiziki pri MGU (1922–1954). M.: Progress-Tradicija, 2000. 318 s.]
Базаров И.П., Николаев П.Н. Анатолий Александрович Власов (Серия: Выдающиеся учёные физического факультета МГУ). М.: Физический факультет МГУ, 1999. 84 с. [Bazarov I.P., Nikolaev P.N. Anatolij Aleksandrovič Vlasov (Seriya: Vydayushchiesya uchyonye fizicheskogo fakul'teta MGU). M.: Fizicheskij fakul'tet MGU, 1999. 84 s.]

- Визгин В.П. Уроки истории советского атомного проекта // Управление наукой: теория и практика. 2019. Т. 2 № 2. С. 146–163. [Vizgin V.P. Uroki istorii sovetskogo atomnogo proekta // Upravlenie naukoj: teoriya i praktika. 2019. T. 2 № 2. S. 146–163].
- Горелик Г. Физика университетская и академическая, или Наука в сильном социальном поле // Знание – Сила. 1993. № 6. С. 54–63. [Gorelik G. Fizika universitetskaya i akademicheskaya, ili Nauka v sil'nom social'nom pole // Znanie – Sila. 1993. № 6. S. 54–63].
- Есаков В.Д. Эпизоды из истории атомного проекта // Природа. М.: РАН, 2003. Вып. 10. С. 55–56. [Esakov V.D. Epizody iz istorii atomnogo proekta // Priroda. M.: RAN, 2003. Вып. 10. S. 55–56].
- Кузьминов Я.И., Семенов Д.С., Фрумин И.Д. Структура вузовской сети: от советского к российскому «master-плану» // Вопросы образования. 2013. № 4. С. 8–69. [Kuz'minov Ya.I., Semenov D.S., Frumin I.D. Struktura vuzovskoj seti: ot sovetskogo k rossijskomu «master-planu» // Voprosy obrazovaniya. 2013. № 4. S. 8–69].
- Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Университеты в России: как это работает. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 616 с. [Kuz'minov Ya.I., Yudkevich M.M. Universitetu v Rossii: kak eto rabotaet. M.: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2021. 616 s.].
- Лахтин Г.А. Организация советской науки. История и современность. М.: Наука, 1990. 224 с. [Lahtin G.A. Organizaciya sovetskoy nauki. Istoriya i sovremennost'. M.: Nauka, 1990. 224 s.].
- Наука большой страны: советский опыт управления / Под ред. Е.А. Долговой. М.: ИЦ РГГУ, 2023. 625 с. [Nauka bol'shoj strany: sovetskij opyt upravleniya / Pod red. E.A. Dolgovoj. M.: IC RGGU, 2023. 625 s.].
- Перов Н.С. Николай Сергеевич Акулов (Серия: Выдающиеся учёные физического факультета МГУ). М.: Физический факультет МГУ, 2003. 116 с. [Perov N.S. Nikolaj Sergeevich Akulov (Seriya: Vydayushchiesya uchyonye fizicheskogo fakul'teta MGU). M.: Fizicheskij fakul'tet MGU, 2003. 116 s.].
- Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 апреля 1978 г. «О повышении эффективности научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: <https://docs.cntd.ru/document/765708935> [Postanovlenie CK KPSS i Soveta Ministrov SSSR ot 6 aprelya 1978 g. «O povyshenii effektivnosti nauchno-issledovatel'skoj raboty v vysshih uchebnyh zavedeniyah» // Elektronnyj fond pravovyh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov URL: <https://docs.cntd.ru/document/765708935>].
- Сонин А.С. «Физический идеализм»: история одной идеологической кампании. М.: Физматлит, 1994. 224 с. [Sonin A.S. «Fizicheskij idealizm»: istoriya odnoj ideologicheskoy kampanii. M.: Fizmatlit, 1994. 224 s.].
- Якута А.А. История обсуждения в Московском университете учебника С.Э. Хайкина “Механика” (1944–1946 гг.) // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. Т. 1, № 5 (71). С. 181–197. [Yakuta A.A. Istoriya obsuzhdeniya v Moskovskom universitete učebnika S.E. Hajkina “Mekhanika” (1944–1946 gg.) // Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika. 2020. T. 1, № 5 (71). S. 181–197].
- Якута А.А. Неопубликованные рецензии А.К. Тимирязева на учебники В.А. Михельсона и С.Э. Хайкина (1940-е гг.) // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2021. № 3. С. 79–93. [Yakuta A.A. Neopublikovannye recenzii A.K. Timiryazeva na učebniki V.A. Mihel'sona i S.E. Hajkina (1940-e gg.) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20: Pedagogicheskoe obrazovanie. 2021. № 3. S. 79–93].
- Krajewski W. Stalinism and Soviet science // Boston studies in the philosophy of science. 1995. Vol. 164. P. 43–52.
- Krementsov, N. Stalinist Science. Princeton. 1996. 392 p.
- Longgrring A.J. Soviet Science and the Closed Society // The World Today. 1972. Vol. 28. № 5 (May). P. 216–228.
- Vucinich A. Empire of Knowledge: The Academy of Sciences of the USSR 1917–1970. Univ of California Press, 1984. 496 p.

Грибовский Михаил Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Член Общества интеллектуальной истории с 2023 г., mgrib@mail2000.ru,

Professors Versus Academics. Conflict in the 1940s in the Context of the History of Soviet Science

The article is devoted to the conflict situation that unfolded in 1943–1944 and related to the election of the head of the Department of Theoretical Physics, Faculty of Physics, Moscow State University. The parties to the conflict were professors from Moscow State University and a group of academicians of the Academy of Sciences of the USSR. The confrontation between two groups of physicists generated a large number of texts in the form of appeals from the parties to the authorities and responses to these appeals. The study introduces into scientific circulation and analyzes in detail letters from six representatives of MSU, stored in the Russian State Archive of Socio-Political History, addressed to the party leadership, as well as two notes representing the government's response to the conflict. The value of the analyzed texts and the conflict itself is determined by the fact that they highlighted not only personnel and personal, but also deeper problems of scientific life. These include: the problem of finding an optimal model for the organization of science in the USSR, the problem of the relationship between national and world science, the problem of monopoly and competition in science, the problem of the emergence and functioning of scientific schools and directions, the problem of autonomy of higher education in Soviet times, the problem of scientific ethics, interpersonal relations in an academic environment. In addition, the question of the influence of the conflict on the further transformation of the scientific and educational model of the USSR is raised. The relevance of the study is due to the fact that the listed problems, although tied to specifically historical material, are timeless in nature, and therefore very topical for the 21st century.

Keywords: *Academy of Sciences of the USSR, universities, Moscow State University, science, A.F. Ioffe, N.I. Kobozev, A.S. Predvoditelev, A.N. Frumkin*

Mikhail Gribovskiy, *Doctor of science (History), Associate professor, National Research Tomsk State University, mgrib@mail2000.ru*

А.А. ЩЕЛЧКОВ

ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ РОДОЛЬФО МОНДОЛЬФО

В истории левых сил существуют многочисленные лакуны, вытесненные из коллективной памяти доминировавшими политическими течениями, которые подавляли и вытесняли диссидентские и миноритарные по своему влиянию идейно-политические движения. Таким преданным забвению, «утраченным» звеном в эволюции левой, марксистской мысли является гуманистический социализм, ярким представителем которого был выдающийся итало-аргентинский философ, публицист Родольфо Мондольфо, чьи труды имели большое влияние на формирование «новых левых», на формирование концепций демократического социализма в Латинской Америке и Европе. В основе его идей лежало развитие философии праксиса в противостоянии с детерминизмом и волонтаризмом ортодоксального марксизма. Его видение социализма ставило в центр внимания проблему преодоления отчуждения человека, товарного фетишизма капиталистической системы, проблемы моральной революции, свободы и демократии. Его труды в 60–70-е гг. находились в центре политических дискуссий среди «новых левых», в частности вокруг идейного наследия А. Грамши. Данная статья претендует на анализ его взглядов и дискуссий в левом интеллектуальном секторе в 1960–1970-е гг. в Латинской Америке.

Ключевые слова: Родольфо Мондольфо, итальянская социалистическая партия, философия праксиса, гуманистический марксизм, отчуждение, демократический социализм, Аргентины.

История социалистической мысли, насчитывающая уже более двух веков, наполнена яростными дискуссиями, страстными политическими действиями, которые занимали значительное место в жизни человечества. Споры о принципах и ценностях, о практических действиях питали общественные движения огромного исторического масштаба. Однако в рамках этих идейных поисков и дискуссий множилось число течений и концепций, канувших в прошлое, преданных забвению, в то время как прямо или косвенно они оказывали сильное влияние на последующий мир идей. Гуманистический социализм не стал мощным социальным течением, оказался маргинальным по сравнению с более массовыми, ориентированными на революционные и неревolutionные движения, тесно связанные с текущей политикой. В 1960–1970-е гг. он занимал значительное место в теоретических дискуссиях марксистов, которые были вызваны в значительной степени ростом популярности гуманизма, экзистенциализма, и убеждением, по словам Л. Альтюссера, в том, что поле философии и теории – это душа и оружие революции¹. Одним из видных представителей этого сектора социалистической мысли был итало-аргентинский философ, публицист Родольфо Мондольфо (1877–1976).

Р. Мондольфо прожил большую жизнь, став свидетелем противоречивого шествия идей Маркса во всем мире. Его жизнь делится на два больших этапа. Один на его родине, в Италии, где он достиг славы

¹ Terán 2006: 37.

крупного философа, и второй, аргентинский, который наступил не по его воле и в возрасте, когда редко начинают все заново. Он прибыл в Аргентину из Италии в 30-е годы в поисках убежища от преследований фашистского режима. Мондольфо тогда уже был признанным философом, видным интеллектуалом Итальянской социалистической партии. Он был учеником теоретика итальянского социализма Антонио Лабриолы, видным представителем гуманистического и реформистского социализма. Перри Андерсон так писал об этой плодотворной школе, в которой Мондольфо занимал видное место: «В Италии существовала марксистская школа, восходившая своими истоками ко временам Энгельса. Идеи Лабриолы были унаследованы и развиты Мондольфо, бывшим гегельянцем, который, в свою очередь, оказал непосредственное влияние на поколение Грамши»². Н. Боббио называл Мондольфо связующим звеном в итальянском марксизме между Лабриолой и Грамши: «Мондольфо размышляет в рамках концепции марксизма, которая характеризует традицию итальянского марксизма, от Лабриолы до Грамши (через раннего Кроче), и которую, начиная с Кроче, называют "реалистической концепцией истории" или "реалистическим историзмом"»³.

В центре профессионального интереса Мондольфо была античная философия, работы по которой сделали его всемирно известным специалистом и авторитетом. Другой круг интересов – марксизм и социализм. Он обращается к работам Маркса, поднимая темы, которые окажутся в центре внимания «западного марксизма» спустя десятилетия. В 1909 г. в одной из своих концептуальных работ «Фейербах и Маркс» он поднимает вопросы свободы и гуманизма. В 1912 г. вышла в свет его работа «Исторический материализм Фридриха Энгельса», переведенная на французский язык в 1917 г. Он постоянный автор в социалистических журналах, таких как «Critica Sociale» Турати, в 1919 г. издает сборник своих работ по марксистской тематике «По стопам Маркса», где важное место занимает его анализ большевистского эксперимента в России.

С приходом фашистов к власти социалист Мондольфо оказался в оппозиции режиму. В 1925 г. он был одним из подписантов «Манифеста антифашистских интеллигентов», написанного Б. Кроче. Как и следовало ожидать, с 1926 г. он уже не мог нигде публиковать работы по марксизму, а был вынужден ограничить свои исследования античной философией. При этом он продолжал сотрудничество с Джентиле в его «Итальянской энциклопедии»⁴. Его выбор Аргентины для эмиграции был сделан при непосредственном участии идеолога режима гонителя Дж. Джентиле, который не смог отстоять Мондольфо перед Муссолини после принятия расовых законов. Именно Джентиле договорился с университетом Буэнос-Айреса о курсе лекции Мондольфо, а разрешение на въезд, что было непросто для еврея, он получил при поддержке депутата

² Андерсон 2016: 67.

³ Bobbio 1968: XVIII.

⁴ Ciccione 2023: 331.

социалиста Альфредо Паласиоса⁵. В результате философ оказался в Аргентине, где жил до конца своих дней. Он быстро адаптировался в этой стране, и, хотя ему было уже 62 года, вскоре стал прекрасно говорить по-испански и читать лекции в университете. При этом надо указать, что в Аргентине в те годы существовал билингвизм, помимо испанского многие интеллектуалы, происходившие из итальянских эмигрантских семей, прекрасно изъяснялись по-итальянски. В 1940 г. выходит в свет его труд «Исторический материализм», знаменовавший его возвращение к марксистской тематике, вынужденно оставленной на многие годы в период его жизни в фашистской Италии.

Мондольфо был связан с аргентинскими социалистами, но оказался вне бурных дискуссий местных левых и интеллектуалов, ограничившись узким кругом друзей и единомышленников. Именитый итальянский социолог Ренато Тревес, также эмигрировавший в Аргентину, так оценил его вклад в интеллектуальную жизнь континента: «Мондольфо оставил глубокий след не только в культуре, но и в гражданской жизни Аргентины и других стран Латинской Америки»⁶.

Латиноамериканские левые нашли в идеях Мондольфо альтернативу советской ортодоксии марксизма и сталинизму. Мишель Лёви в своем анализе современной мысли XX в. в Латинской Америке, опираясь на концепт «трагического» в идеях модерности Л. Голдманна, подчеркивал, что в это столетие возникли формы «романтического антикапитализма», опиравшегося на противостояние культуры и цивилизации, понимаемых: первое – как комплекс этических, эстетических, политических ценностей, духовного мира, и второе – как систему, обеспечивающую социальные трансформации и материальный прогресс⁷. Речь шла о «романтическом» взгляде на социализм в его гуманистической перспективе, обретая неожиданных союзников в среде неортодоксального марксизма, антисталинизмом в лице троцкизма, либеральной социал-демократической традиции. В Латинской Америке эти или подобные им настроения в 50-е годы были сменены с ощущения «трагического» гуманизма на «оптимистические» в 60-е годы, обогатившись через встречу с критическим марксизмом и «новыми левыми»⁸.

Вклад идей Мондольфо в развитие левых сил в Латинской Америке, в становлении идейно-политического течения как «новых левых» значителен. Один из его яростных оппонентов со стороны ортодоксальных марксистов-сталинистов Хосе Ратсер признавал Мондольфо «вдохновителем большей части теоретических тезисов группы Pasado y Presente»⁹, крупнейшей интеллектуальной школой «новых левых» в Аргентине, давшей выдающихся мыслителей и публицистов.

⁵ Última entrevista 2016/2017: 180.

⁶ Tatián 2014: 28.

⁷ Lowy 2014: 97.

⁸ Tarcus 1996: 35.

⁹ Ratzer 1984: 25.

После Второй мировой войны Мондольфо вновь обратился к своим штудиям марксизма, в которых центральное место занимала свобода в едином корпусе идей о социалистическом идеале, подчеркивая особый гуманистический смысл всей марксовской мысли. Он противопоставлял исторический материализм и философию праксиса, по-новому методологически взглянув на марксизм с точки зрения исторической диалектики и гуманистической онтологии. В конце жизни в письме исследовательнице его идей Марселе Погачниг он отмечал: «Я не игнорирую объективную реальность (материи и природы), но только утверждаю, что для того, чтобы превратиться в источник исторических процессов, она должна пройти через человеческий праксис, который и изменяет эту реальность и свою собственную субъективность (инверсия праксиса). Я отвергаю односторонние подходы. Это все равно, что как отмечать в греческой мысли существование тенденций к пониманию как бесконечного, так и субъекта человека, я не пытаюсь отрицать существование (точнее сказать преобладания) в нем фаталистических и объективистских тенденций. Я лишь всегда хотел противостоять абсолютным подходам и одностороннему схематизму, которые применяют к отношению духа прошлого, древнего и современного, отвергая сложность и многогранность духа, как индивидуального, так и коллективного в каждом народе и в любую эпоху»¹⁰. Мондольфо подчеркивал, что для него «фундаментальное значение имеет противопоставление подлинного марксизма, вдохновленного глубоким историческим сознанием и высокой приверженностью свободе, и его извращения или фальсификации ленинизмом или тоталитарным коммунизмом наших дней, не понимающих ограничений, которые исторические условия накладывают на любую революционную практику социальных преобразований и презирающего человеческую личность и требования свободы»¹¹.

Мондольфо был продолжателем идей Лабриолы, которые характеризовал как утверждение философии праксиса, «ядра исторического материализма и отказа от теории исторических факторов». Мондольфо выделял во вкладе своего учителя противостояние экономическому детерминизму, убеждение, что ни прогресс, ни регресс общества не являются неизбежными, а зависят от деятельности человека, мысли и практики¹². Он считал, что Лабриола полностью не преодолел исторический детерминизм материализма, двигаясь в направлении философии праксиса¹³. Праксис у Маркса был синонимом практики как результата деятельности человека, которая в свою очередь обуславливает познание мира и его изменение, объективную сторону субъективности. Мондольфо же следует за Джентиле и Лабриолой, интерпретирующими этот термин из Фейербаха и его критики Марксом в гегельянском духе

¹⁰ Pogatschnig 2009: 151-152.

¹¹ Mondolfo 1975: 7.

¹² Mondolfo 2016/2017: 176.

¹³ Mondolfo: 1968b: 282.

как «чувственную», духовную практику, а не как объективно-материальную. Трактовка праксиса Мондольфо совпадает с А. Грамши, Д. Лукачем, К. Коршем, В. Беньямином¹⁴. Праксис касается не столько материального в узком смысле слова, сколько социального и обретает революционный смысл, так как выражается в классовой борьбе¹⁵.

В социальной и философской теории Мондольфо опирается на термин Маркса «инверсия праксиса» («праксис, который сам себя ниспровергает – *umwälzende Praxis*»), который опирается на размышления об отношении субъекта и объекта познания. Речь идет о праксисе, как о человеческой деятельности, понимаемой в самом общем смысле, и как о сознательной деятельности, которая сама становится объектом. Это отношение субъекта-объекта, в котором оба элемента, социальные индивиды и социальная среда, развиваются параллельно во взаимодействии и в бесконечном диалектическом процессе. Каждый из этих элементов воздействует на другого в процессе праксиса (практики), но таким же образом он меняется от воздействия другого элемента, им же самим измененного в инвертированном праксисе. Мондольфо писал: «Каждая данная социальная форма – это лишь момент в диалектическом процессе праксиса, который, вступая в противоречие с самим собой, порождает развитие. И люди, хотя в определенном аспекте являются продуктами социальной среды, также в силу инверсии праксиса – его продуктами, которые порождают ее (среды) вариации. Объяснение мира, которое означает развитие его в оппозиции с самим собой, порождает задачу его изменения. Таким образом, интерпретация буржуазного общества, понимание его противоречий ведут к революционной тенденции в развитии человечества»¹⁶. Человечество находится в бесконечном обновлении, в этом суть праксиса.

В центре его философии и общественных взглядов – человек и история как единое целое. Человек же как социальное существо представляет собой общественные связи и свое участие в них. Человек может достичь высоты своего развития только внутри общества и в связи с ним и его изменениями. Построение общественной теории на этой основе и есть гуманизм. История же показывает, что она не ограничена ни индивидуальным (совершенство духа), ни общественным гуманизмом (в нем человек часть общего), а обращена в своем развитии к свободе и справедливости во имя достоинства человека. При этом акцент делается на обществе как целостном организме, в котором человек действует, постоянно изменяя ее и самого себя, в ходе истории и через нее создает, творит самого себя¹⁷. Для Мондольфо «исторический материализм – это гуманизм, но это реальный, действительный гуманизм, который рассматривает человечество в его реальной истории, которая, без сомнения,

¹⁴ Candiotti 2016/2017: 153-154.

¹⁵ Mondolfo 2006: 84.

¹⁶ Mondolfo 2006: 25.

¹⁷ Rodolfo Mondolfo. *Maestro insigne* 1992: 17-23.

сама есть результат деятельности человека, но не произвольная, ни чем неограниченная, а обусловленная существующей действительностью и усилиями человека по её преодолению и трансформации»¹⁸.

Мондольфо рассматривал марксизм в русле исторической эволюции мысли, отправной пункт которой был в древнегреческой философии. Этот историко-критический подход приводит его к некоторым предпосылкам интерпретации наследия Маркса: во-первых, социализм не сводится к чистому материализму, но является философией праксиса, а во-вторых, отказ от экономического детерминизма ведет к существованию доктрины марксизма – историческому гуманизму, а это, в-третьих, позволяет показать, что сознание революционных классов не сводится лишь к материальным интересам и потребностям пролетариата, а предполагает всеобщие этические принципы. И вывод Мондольфо критичен к ортодоксальному марксизму: элитистское понимание народной этики масс ведет к деформации теории, что привело левых к деспотической идее и практике политического авангарда, партии авангарда¹⁹.

Для Мондольфо революционный праксис – это процесс исторической трансформации, в которой социальный вопрос из теоретического становится политическим как в сознании, так и конкретной деятельности человека, на этом пути разворачивается научно-технический прогресс, направленный на преодоление неравенства и несправедливого устройства общества²⁰. Человек (класс, массы), преобразуя мир своей материальной и духовной практикой, меняется и сам. В одной из своих поздних работ, реагируя на рост интереса левых марксистов к теме человека, гуманизма, свободы, обсуждая на-шумевшую работу Раи Дунаевской²¹ «Марксизм и свобода», Мондольфо с удовлетворением писал, что марксисты, социалисты наконец-то нашли тему, которая их объединяет и стала вдруг всеобщей. Эта тема – человек как центральная фигура во всем учении Маркса, т.е. гуманистическая сущность марксизма²².

Русская революция и полемика вокруг наследия А. Грамши

Мондольфо всегда противостоял в рамках марксизма большевистской революции и советскому опыту, исходя из историцистских позиций и идеи праксиса, будучи сторонником реформистского пути освобождения рабочего класса. Его позиция в отношении большевизма была подвергнута критике А. Грамши в газете «Ordine Nuovo». Грамши в свое время слушал его лекции, а теперь оказался в ином лагере социализма.

¹⁸ Mondolfo 1964: 24.

¹⁹ Oviedo 2006: 170.

²⁰ Mondolfo 2006: 13-14.

²¹ Р. Дунаевская (1910–1987) – американская революционерка, уроженка России, ребенком с семьей переехала в США. Была секретарем Троцкого в Мексике. После 1939 г. и советско-германского пакта порвала с Троцким из-за расхождений в отношении СССР. Она отвергла концепцию Троцкого об СССР как «переродившемся рабочем государстве», считая его государственным капитализмом. К её самой значительной работе «Марксизм и свобода» (1958) предисловие написал Г. Маркузе.

²² Mondolfo 1968b: 374.

Он упрекал своего бывшего профессора в обывательщине и педантизме, в неспособности увидеть потенциал русской революции и Ленина. Он писал: «Мондольфо вершит суд над намерениями, приписывая русским коммунистам такие намерения, которых у них либо не было и в помине, либо они были лишены всякой исторической значимости»²³. Грамши оправдывал террор и гражданскую войну, которые Мондольфо не был готов признать даже ради самых высоких целей, к тому же считал ошибочным волонтаристское отношение к революции и социализму.

В статье «Ленинизм и марксизм» в издаваемом Ф. Турати журнале «Critica sociale» (февраль 1919 г.) Мондольфо остро критиковал революционный волонтаризм большевиков: «Сущность марксизма, объединяющая и развивающая все части учения, противопоставляет его всем формам утопизма, коренится в его критико-практическом характере, и этот характер состоит в том, что является прежде всего реалистической концепцией истории и из этого живого исторического сознания создает теорию пролетарского движения»²⁴. У ленинизма же весь марксизм сводится к «теории пролетарского движения» (партии нового типа) и его целям (создание нового общества) вне контекста и условий исторического праксиса. Ленин возглавил движение, не созревшее для задач, которые он перед ним ставил. Он оказался, по словам Модольфо, перед нерешаемой дилеммой: то, что он может сделать, противоречит всему, что он говорил и к чему стремился, что составляет его принципы, а то, что он должен был сделать, является нереализуемым, невозможным в условиях России²⁵. Социализм еще не созрел, и в этих условиях вырождается в государственный капитализм и политическую тиранию.

Мондольфо писал, что большевики действовали во имя социализма, жертвуя человеком. «Социализм предполагает свободу и самоуправление трудящихся, что несовместимо с убежденностью большевиков, что «сознательное меньшинство» должно управлять массой, указывая ей цель и методы революции... В результате большевизм создал жесткую систему диктатуры не только в области экономики и политики, но также в духовной жизни и культуре, преследуя всякое инакомыслие, далеко уйдя от провозглашенного Марксом гуманистического идеала общества, где свободное развитие каждого есть залог свободного развития всех»²⁶.

Мондольфо не был одиноким пророком гуманизма в социализме и марксизме. Он внимательно следил за европейской марксистской мыслью, его привлекали работы Франкфуртской школы, Р. Дунаевской. Речь шла о месте свободы в марксистской мысли. Его радовало появление этого направления левой мысли, в которой он видел важное орудие в противостоянии с советским тоталитаризмом. Он писал: «Очевидно, что Маркса волнует не экономика, а мораль и человек: Фромм ясно

²³ Грамши 1980: 51.

²⁴ Mondolfo 1968b: 147.

²⁵ Mondolfo 1968b: 151.

²⁶ Mondolfo 1968a: 42-45.

показывает, что режим, сохраняющий отчуждение труда и человека, такой как советский режим, отвергается Марксом не меньше, чем капитализм. Марксова концепция социализма выводится из концепции человека; цель марксистского социализма – человек и его переход из царства необходимости в царство свободы. Свобода – это свобода человека, – цитирует Маркса Р. Дунаевская. Социализм Маркса представляет собой полное осуществление свободы человека, его деятельности, его развития: это и есть истинное разрешение антагонизма между природой и человеком, между человеком и человеком, истинное разрешение спора между существованием и сущностью, между объективацией и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и человеческим родом, в этом решение загадки истории»²⁷.

Отвечая на аргументы большевиков о насилии как «повивальной бабке истории», начала нового общества, Мондольфо писал, что это верно, когда освобождает от препятствий новый рождающийся социальный организм, а большевистское насилие убивает роженицу во имя нежизненного плода. Он категорически отказывался признавать идею авангарда, меньшинства, которое действует от имени и во имя большинства, так как это является отрицанием универсального характера пролетарского сознания и его призвания. Для него это было причиной отказать русской революции в признании ее социалистического характера²⁸.

Мондольфо отрицал саму идею партии нового типа, предлагавшуюся ленинизмом, но и не впадал в абсолютизацию стихийности, противопоставляя им демократическую самоорганизацию масс. Он признавал наличие революционно-демократической воли в большевизме в момент революции, но осуждал его за авторитарную модель партии авангарда, которая неминуемо увела процесс в сторону от подлинного пути освобождения, логически завершив свой путь построением не социализма, тоталитарного бюрократического корпоративизма, государственного капитализма²⁹. Здесь Мондольфо смыкался с Р. Дунаевской: для обоих советская модель (государственный капитализм в однопартийном бюрократическом режиме) была противоположностью либертарным идеям молодого Маркса³⁰. В своем противостоянии сталинскому бюрократическому строю парадоксально Мондольфо сблизило с троцкизмом³¹. Его идеи были близки и развивались, но в иной парадигме революционного слома капитализма аргентинскими троцкистскими интеллектуалами Сильвио Фрондиси, Мелсиадесом Пеньей³².

Мондольфо расходился с ленинизмом в отношении роли партии, также как он отвергал грамшианскую интерпретацию «современного»

²⁷ Mondolfo 1968b: 371-372.

²⁸ Pogatschnig 2009: 124-125.

²⁹ Fernández 1984: 15-16.

³⁰ Дунаевская 2011: 256-310.

³¹ Velázquez Delgado 2021: 182.

³² Tarcus 1996: 333-343.

Князя (Государя) Макиавелли в применении к партии рабочего класса как авангарда, стоящего выше сознания пролетариата и способного вести его к необходимым целям. Он обратился к критике идей Грамши в 1955 г., когда его «Тюремные тетради» переводились на многие языки, а высказанные им концепции превратились в особое направление в коммунизме, прежде всего, в европейском. В Латинской Америке явление Грамши дало толчок к разделению внутри коммунистического движения, к возникновению так называемых «новых левых» в 60-е годы XX в., самым ярким интеллектуальным проявлением которых была группа «Pasado y Presente», исключённая из компартии³³.

Мондольфо, полемизируя с Грамши, указывал на противоречия в его концепции, сочетавшей философию праксиса и волюнтаризм большевизма. Он ставил под сомнение распространенное мнение коммунистов, что Грамши из соображений тюремной цензуры заменил термин исторический материализм на философию праксиса. Он был убежден, что Грамши делал это сознательно, противопоставляя свое философское и политическое видение истории детерминизму ортодоксов, что выразилось в его критике антимарксистских позиций Кроче, не понявшего сути философии Маркса³⁴. Согласно Мондольфо, в идеях Грамши, изложенных в «Тюремных тетрадях», сочетаются две противоположные доктрины. Одна – марксистская, касающаяся его идеи «исторического блока», союза народных масс и интеллектуалов в русле культурной революции. Другая – ленинистская, где партия, авангард, «современный Князь» полностью подменяет собой массы, навязывает им свою волю, игнорирует её сознание и устремления³⁵. Это противоречие – в том, что невозможно добиться целей «исторического блока» путем насилия и авторитаризма «партии авангарда»: «Когда элита применяет принуждение, это означает, что между ней и классом, который она претендует представлять, произошел раскол, и сам класс спонтанно стремится в направлении, отличном или противоположном тому, которое навязывает элита, и тогда она отчуждается от класса и диктаторскими методами навязывает себя в качестве руководителя. Вынужденный подчиняться, поработенный класс ощущает принуждение как внешнее насилие, а не как самодисциплину, а диктатура, которая чувствует колебания своей власти и боится потерять власть, вынуждена усилить принуждение и применять все новые и новые методы насилия и подавления»³⁶.

Мондольфо не согласен с тем, что необходима воля партии-авангарда, органических интеллигентов по грамшианской терминологии, чтобы направить действия не достигшего уровня классового самосозна-

³³ Следует указать, что лидер этой группы Х. Арико еще в рядах компартии жестко критиковал Мондольфо, но позднее признавал его решительный вклад в становление всего течения критического марксизма в Латинской Америке.

³⁴ Mondolfo 1968b: 284.

³⁵ Mondolfo 1968b: P. 290.

³⁶ Mondolfo 1968b: 302.

ния пролетариата на революцию и свержение капитализма. Такм партия навязывает свою волю пролетариату из-за его «незрелости», но затем устанавливает вместо социализма государственный капитализм, учреждая политический и социальный режим, который масса пролетариата не только не понимает, но и не хочет принимать, что делает неизбежной жесткую антипролетарскую диктатуру. Рассуждениям коммунистов о необходимости повышения сознательности и просвещения пролетариата Мондольфо противопоставлял тезис: «Просвещение во имя свободы нельзя навязывать властью и деспотизмом, а только посредством самой свободы»³⁷. Для Мондольфо созидание социализма и выбор пути к нему не может быть иным как при активной деятельности масс.

Завершает же Мондольфо свою многостраничную критику Грамши вполне примирительно: «Положения Грамши, против которых мы восстаем во имя Маркса, соответствуют большевистской теории и практике, но в то же время мы должны честно признать, что существует и глубоко марксистский Грамши, который восстает вместе с нами против ленинского и сталинского Грамши и предлагает нам аргументы и средства для опровержения, эффективность которого достигается именно тем, что оно является его собственным самоопровержением»³⁸. Мондольфо высоко ценил Грамши и предвидел роль его трудов в становлении неомарксизма, «новых левых», демократического социализма, еврокоммунизма.

Гуманистический марксизм

Мондольфо противопоставлял свою идею праксиса материалистическому детерминизму и экономизму вульгарного марксизма, к которому деградировал советский марксизм. Он отрицал неизбежность исторического прогресса, или процесса в направлении коммунистического будущего, вне зависимости от конкретного праксиса (материальной и духовной деятельности) человека³⁹. Мондольфо подчеркивал, что экономический детерминизм превращает человека в пассивный инструмент истории, забывая того факта, что истинным ее творцом является человек, его воля и деятельность. Приписывание экономическому фактору функции причины проистекает из рассмотрения экономики только в терминах причинности, но не в терминах перспективы, конечной цели. И наоборот, признание экономики как цели возвращает человеку его статус творца истории. Мондольфо критиковал марксистов, увидевших в «Капитале» Маркса именно этот принцип детерминизма. Отделенная от человека экономика становится абстрактной, «неживой», а соединенная с человеком, напротив, она превращается в живую силу истории. Он писал: «Видеть в "Капитале" доктрину автоматического и фатального процесса, происходящего вне и над людьми, значит

³⁷ Mondolfo 1975: 235.

³⁸ Mondolfo 1968b: 304.

³⁹ Tatián 2014: 36.

приписывать ему видение в экономике того *Selbstentfremdung* (самоотчуждения), которое он вместе с Фейербахом разоблачал в религии»⁴⁰.

Историю человечества, по Мондольфо, следует рассматривать как «антропологию свободы», хотя она находится в постоянном изменении и фатально не гарантирует прогресс. Прогресс зависит от человеческой практики, которая может привести и к упадку, и к деградации. Со своих ранних работ Мондольфо обращал особое внимание на место свободы в идеях Маркса, подчеркивал первостепенность этико-юридической проблематики перед экономической⁴¹. Задолго до течения новых левых, задолго до Лукача, Маркузе, Блоха, Мондольфо высказывал мысль о противостоянии «молодого» Маркса и зрелого, как противостояния гуманистического философа и экономиста или исторической диалектики и позитивистского материализма. Для Мондольфо исторический материализм Маркса являлся гуманистическим, так как это философия о человеке, в силах которого «не только творить историю, но и свою свободу»⁴². Он называл марксизм «реальным гуманизмом», рассматриваемым сквозь призму истории, то есть классовой борьбы масс.

Гуманизм, составляющий суть марксизма, по мысли Мондольфо, лежал в основании материалистического понимания истории, философии праксиса. Маркс опирался на идеи Фейербаха, а посему следовало обратиться к этому мыслителю, чтобы понять путь, по которому тот преодолевал фейербахово понимание гуманизма. Мондольфо отделяет свое понимание гуманизма (оно же марксово понимание) как основы концепции социализма от формулы Фейербаха:

«Необходимость у Фейербаха абстрактна, а у Маркса конкретна... Диалектическая практика истории для Маркса – это классовая борьба, в ней критико-практическая деятельность выполняет революционную функцию, а детерминизм превращается в волюнтаристский телос. Гуманизм же Фейербаха включал в себя только развитие цивилизации через диалектическую функцию необходимости в абстрактном обществе, которое движимо любовью, а критический коммунизм Маркса предполагает конкретный способ развития истории через диалектическую функцию классовой борьбы, ... в нем и состоит концепция революционного праксиса»⁴³.

Центральным вопросом была проблема отчуждения при капитализме, которое Маркс называл причиной не только эксплуатации, но и дегуманизации цивилизации, подавления свободы. Отчуждение должно было быть преодолено, через гуманистическое решение противоречий капитализма перед лицом механизации и обезличивания труда⁴⁴. Пролетариат в своей революционной практике должен восстановить целостность человека, разрушенной в ходе истории, которая есть выражение жизни и постоянной борьбы за самовоспроизводство человека

⁴⁰ Mondolfo 2006: 103.

⁴¹ Garmendia 2005: 206.

⁴² Oviedo 2006: 175.

⁴³ Mondolfo 1975: 70.

⁴⁴ Rodolfo Mondolfo. *Maestro insigne* 1992: 35.

как вида⁴⁵. Особая роль пролетариата состоит в том, что именно он подвергается самому страшному обхождению, поставлен в условия полного расчеловечивания, антигуманизма. Следовательно, предстоит революция, которая будет не столько пролетарской, сколько общечеловеческой (пролетариат принимает на себя общечеловеческие задачи), ведущей к торжеству гуманизма. Мондольфо писал: «Только благодаря этой концепции отчуждения как основы угнетения рабочего класса можно понять, что для Маркса существенным элементом восстания рабочего против своего положения является не столько размер заработной платы, сколько отрицание человеческой природы и достоинства рабочего, его потребности в свободе и в духовном развитии»⁴⁶. Проблема отчуждения выдвигалась Мондольфо в первостепенный вопрос как теоретического осмысления левыми, так и практической реализации в будущем социальном строе.

Связь проблемы отчуждения и разделения труда при капитализме в работах Дунаевской вызвала критику Мондольфо. Она поставила сложный вопрос, связав разделение труда и отчуждение при капитализме, что предполагало поиск решения вне механистического (технического) или юридического поля, в частности, по отношению к проблеме отмены частной собственности на средства производства. Мондольфо писал:

«Р. Дунаевская наиболее ярко и впечатляюще представила на примере выступлений североамериканских рабочих непереносимость низведения человека до инструмента и раба машины, порожденного внедрением автоматизации... Но сама необходимость прогресса не позволяет в любом случае думать об отказе от механизации и автоматизации. Маркс возлагал вину за отчуждение на разделение труда и его связь с частной собственностью. Но отмена частной собственности может устранить только тот элемент отчуждения, который сводит человека и его труд к товару и унижительному служению прибыли капиталиста. Это не может устранить другой элемент, который сводит человека к автомату, слуге машины и орудию механизированного производства. С другой стороны, не следует вместе с Руссо мечтать об отказе от разделения труда, чтобы вернуть целостность человеку как производителю»⁴⁷.

Мондольфо считал проблему разделения труда, столь остро поставленную в работе Р. Дунаевской, неразрешимой не только в рамках капиталистического, но и социалистического общества, если по рецептам Руссо человечество не вздумает отказаться от прогресса и вернуться в примитивное состояние. Практический же путь решения – это, как писал Мондольфо, уже предложенное самим Марксом решение: сокращение рабочего времени, увеличение свободного времени рабочего для его всестороннего развития, для возвращения человеку творческого начала личности при свободной ассоциации с другими людьми. В этом путь гуманистического социализма.

⁴⁵ Oviedo 2002: 69.

⁴⁶ Mondolfo 1968b: 390.

⁴⁷ Mondolfo 1968b: 393.

Освобождение рабочего класса, социализм, реформа

Политически Мондольфо заявлял о близости к синдикалистскому социализму, синтезу английского лейборизма и революционного синдикализма, ибо он предполагал постепенное перераспределение богатства в пользу трудящихся через инструменты демократии, когда социализм есть не начало, но цель движения. Пролетариат как продукт капитализма не может порвать с этим способом производства, свершив «антиисторическую революцию», то есть действовать вне исторических условий, разрывая ход истории. Деятельность пролетариата меняет историю, но и меняет сам пролетариат, в этом состоит «инверсия праксиса». Историческое сознание масс является результатом длительного процесса, что представляет собой условие революционных изменений. Следовательно, ошибочно будет считать объективные условия капитализма мотивом для начала революционных преобразований, к которым пролетариат не пришел сам⁴⁸.

Мондольфо отмечал, что, согласно теории Маркса, смена общественной формации произойдет не ранее, чем будет исчерпано развитие производительных сил, которые являются ее порождением. Он писал: «Теоретики социализма утверждают: пролетариат является порождением промышленного капитализма и обязан ему, в том числе и своим классовым сознанием. Он бунтующий сын, стремящийся похоронить отца, он и нетерпимый демон, над которым уже не властны магические силы. Однако в этой борьбе пролетариат, ощущая себя сыном капитализма, против которого он восстает, не может рассматривать его как чужого себе и желать разорвать с ним все связи, напротив, он заинтересован в том, чтобы стимулировать его и толкать по пути своего развития, которое для него также является его собственным развитием»⁴⁹. Мондольфо сетует, что революционер склонен считать себя обязанным ускорить распад существующего общества, подтолкнуть пролетариат к его свержению и устранить препятствия, мешающие созданию нового строя. Эта антиисторическая позиция заложена в некоторых высказываниях Маркса. «Революционер противостоит любой реформистской попытке начать сейчас создание элементов желаемого нового порядка, поскольку убежден в невозможности какого-либо позитивного созидания до того, как будет осуществлена разрушительная часть революции»⁵⁰. Такую политическую позицию Мондольфо считал антиисторичной, а значит, и обреченным на неудачу в долгой перспективе. Он был убежден в необходимости революционного реформизма (создания антикапиталистических форм через постепенные изменения в самой формации, направленные на преодоление капитализма, а не на его совершенствование и разрешение самых острых противоречий), который был синонимом демократического социализма.

⁴⁸ Rodolfo Mondolfo. *Maestro insigne* 1992: 37.

⁴⁹ Mondolfo 1968b: 137.

⁵⁰ Walton 2014.

Между тем, Н. Боббио писал, что Мондольфо не «идеолог итальянского реформизма», а является стержневой фигурой итальянского марксизма от Лабриолы до Грамши, знаменуя своими работами «возвращение к подлинному Марксу». Гуманистический историзм (как синоним марксизма) стал отличительной чертой итальянского марксизма. Боббио заключал: «В традиции итальянского марксизма соединяются и дополняют друг друга две интерпретации марксизма – как историзма и как гуманизма (для обоих общим врагом является натурализм). Поэтому можно говорить о синтетической формуле гуманистического историзма. Марксизм становится в этой перспективе наиболее последовательной формой гуманистического историзма... Это – характерная черта итальянского марксизма, что уже известно и признано. Итальянский марксизм развивается в противостоянии с теми, кто отказывает марксизму в историзме и гуманизме»⁵¹.

Мондольфо подчеркивал фундаментальное значение историзма для социализма как движения общественной мысли. Он писал: «Марксистский гуманизм, который является реалистическим, связан с критико-практической концепцией истории, которая связывает каждую историческую программу и действие со зрелостью объективных и субъективных условий, и поэтому может видеть открытие социалистического горизонта только там, где вступает в дело развитой и сознательный пролетариат»⁵². Мондольфо был верен своей идее, что, какими бы гуманистическими социалистическими принципами не руководствовались политики, они должны опираться на анализ исторических (социально-экономических и духовных) условий, делающих возможной трансформацию общества, которое должно быть к этому готово.

Марксизм, понимаемый Мондольфо как критический социализм, является революционным движением, у которого есть цель и средства ее достижения, они связаны с теорией и праксисом, находящиеся в тесном единстве, и являющиеся одновременно двойными критериями верности их положений⁵³. Мондольфо писал: «Происходит непрерывное вмешательство человека в процесс изменений социальной, исторической среды; в этом действии есть непрерывный процесс просвещения, в результате которого воспитатель сам становится воспитуемым, а затем действует на других, реализуя результаты своего образования. Маркс пишет: совпадение изменений окружающей среды и человеческой деятельности может быть рационально осмыслено и понято только как революционный праксис и самопреобразование»⁵⁴.

Мондольфо подчеркивал моральное превосходство социализма, опирающегося на идею свободы, так как социально-экономическое равенство не гарантирует достижение социализма. Социализм для челове-

⁵¹ Bobbio 1968: XLVII-XLVIII.

⁵² Mondolfo 1968b: 379.

⁵³ Mondolfo, 1968a: 64.

⁵⁴ Mondolfo 1964: 14.

ка, а не наоборот, а значит, это, в первую очередь, этический проект. Мондольфо признавал классовый характер морали, ставя выше любой иной мораль пролетариата как класса, так как тот отрицает классовые различия и ставит перед собой их ликвидацию, таким образом заключая в себе универсального человека, его достоинство и значимость. Он писал: «Все действия пролетариата, о которых говорят Маркс и Энгельс, направлены на завоевание человеческого идеала свободы и развития личности», ибо пролетариат стремится ликвидировать отношение к человеку как к «товару»⁵⁵.

Свобода и демократия – ключевые пункты политической и культурной программы Мондольфо. Как и Руссо, он задавался вопросом: способен ли человек изменить жизнь, общество, отказавшись от эгоизма, от войны всех против всех, и давал оптимистический ответ: люди, общество, массы выработают новые принципы организации общества, основываясь на принципах новой культуры, просвещения, народной демократии, т.е. социализма⁵⁶. Какова же судьба государства в будущем? Он писал: «Цель государства не превратить людей из рациональных существ в автоматы или своего рода скот, а наоборот, развить их рациональность, сделав ее действенной, что станет гарантией согласия и соблюдения закона. Целью государства должна быть свобода»⁵⁷.

Демократия, по Мондольфо, не является чисто политическим требованием или политическим процессом. Это не только механизм управления волей большинства, но и особая форма общественной жизни, формирующая поведение солидарности и ответственности людей друг перед другом, и задача состоит в том, чтобы не позволить в рамках демократии формироваться политическому классу, который будет претендовать на позиции господствующего. Ее цель ликвидация разделения на управляемых и управляющих.

Мондольфо не предлагает банальной реформистской политики при сохранении существующего социального порядка, также не был склонен призывать к революционным политическим выступлениям. Тем не менее, его реформизм революционен, так как предполагает разрушение общества отчуждения человека в производстве и социальной структуре. Критикуя Лассалья с его ставкой на государство и реформы сверху, Мондольфо отмечал: «Общество, фатально разделенное по своим интересам, не может действовать совместно. Класс капиталистов, намертво приверженный своим интересам, не может отказаться от них. Консенсус классов, от которых зависит решение социального вопроса, является утопией»⁵⁸. Социализм же предполагал: «Трудящийся, как класс, стремится отвоевать утраченную самостоятельность и контроль над собой как личностью, выступает за общественную собственность и

⁵⁵ Cit. Pogatschnig 2009: 138-139.

⁵⁶ Velázquez Delgado 2021: 95.

⁵⁷ Rodolfo Mondolfo. Maestro insigne 1992: 41.

⁵⁸ Mondolfo, 1968a: 99.

управление во имя общественных потребностей, то есть для свободного и полного развития всех членов общества... В отвоевание личности и в свободном развитии трудящегося как человека состоит этический смысл социализма»⁵⁹. Революционное действие, по Мондольфо, это принятие «моральной перспективы» будущего, а не только принятие пролетариатом субъективной объективации через преодоление реального отчуждения, которое лежит в основе буржуазного строя. Речь идет о моральной революции, в ходе которой произойдет изменение всех общественных субъектов, а не только пролетариата.

Социализм не может быть осуществлен без сознательной и активной кооперации всех трудящихся, действующих осознавая духовную основу своих действий. В этом смысле Мондольфо предполагает перманентную революцию, которую он называет платоновской пайдеей современного мира, возвышения подлинно человеческого и утверждения гуманизма, способного изменять социальную реальность. Социализм может быть достигнут только демократически через борьбу идей и обеспечить человеку свободное удовлетворение его земных потребностей, получение которых будет лишено отчуждения и фетишизма. Свобода, гуманизм и демократия – основы гуманистического социализма. И в современных условиях в центре гуманистического социализма стоит проблема достоинства. Мондольфо считал, что каким бы ни стал путь к социализму, важнейшим фактором формирования классового сознания должен стать гуманизм как инструмент преобразований, без которого единство субъективных волей в этой борьбе не приведет к освобождению и преодолению капитализма⁶⁰. Классовое сознание пролетариата через инверсию праксиса создает основу перехода к социализму как солидарному обществу свободной ассоциации людей, к свободе и демократии именно благодаря особому месту этого класса в буржуазном обществе отчуждения, олицетворяя идею преодоления отчуждения и ведущего к исчезновению разделения общества-человечества на классы.

Мондольфо порой вписывают в число ревизионистов, а защитники, напротив, подчеркивают его стремление развивать подлинного Маркса. Этот тип дискуссии понятен для интеллектуальной и общественной атмосферы XX в., когда в рядах левых шла борьба за Маркса и марксизм. Сегодня эти интенции представляются бессмысленными, в то время как личный интеллектуальный вклад Мондольфо в развитие идей социализма, его гуманистической природы приобретает особую ценность и значение для сегодняшних левых сил и их социально-экономического и гуманистического проекта. В гуманистической «версии» марксизм переставал быть тотализирующей системой взглядов, закрытой, а главное всеобщей доктриной, он становился частью корпуса социалистических идей, дававших важные инструменты для познания истории и общества.

⁵⁹ Ibid.: 40.

⁶⁰ Velázquez Delgado 2021: 239.

Гуманизм у Мондольфо был инструментом, который позволял сделать реальностью интеграцию личного, персонального и коллективного в жизни человека. Этот принцип стал критерием и для марксизма, который ему представлялся самым адекватным выражением гуманизма как идеальной формулы того, каким должно быть общество. Подход Мондольфо к марксизму отличается явным этическим уклоном, антропоцентризмом.

Особенность Мондольфо заключалась в том, что он не претендовал на общественное признание своих идей, ничего не делал для их популяризации. Он предпочел оставаться в своем «замке из слоновой кости», не предлагая никаких практических действий, ни политической программы, что ограничило его влияние узкой, но влиятельной группой интеллектуалов, «новых левых».

Идеи гуманистического социализма были в центре интеллектуальных дискуссий о революции, классовом содержании социализма и о путях национального освобождения, также о социализме как таковом в период серьезного кризиса традиционных левых в Латинской Америке, наступившем под влиянием Кубинской революции и общемировых тенденций развития, предшествовавших появлению «новых левых». Гуманистический социализм стал одной из составляющих основ появления разнообразных политических и интеллектуальных течений новых левых на континенте, заложив основы новой этики и концепций политического авангарда в латиноамериканской революции, и роль в этом наследия Родольфо Мондольфо велика.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Андерсон П. Размышления о западном марксизме. М.: Common place, 2016. [Anderson P. Razmyshleniya o zapadnom marksizme].
- Грамши А. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1980. [Gramsci A. Izbrannye proizvedeniya].
- Дунаевская Р. Марксизм и свобода. М.: Праксис, 2011. [Dunaevskaya R. Marksizm i svoboda].
- Candioti M. Mondolfo y la inversión de la praxis // Políticas de la Memoria, № 17, 2016/2017.
- Ciccarone G. Emigración intelectual judía de Italia a Argentina. Rodolfo Mondolfo y su vida entre dos mundos // Anuario IEHS. Suplemento 2023.
- Fernández F. Los modelos de interpretación acerca de las relaciones de producción en la URSS // Praxis, Buenos Aires, No.2, 1984.
- Garmendia G. Rodolfo Mondolfo. Historicismo e historia de la filosofía // La Biblioteca. No.2-3. Buenos Aires. 2005.
- Lowy M. El marxismo olvidado (R. Luxemburg, G. Lukács). Madrid: ed. Dynamis, 2014.
- Mondolfo R. El humanismo de Marx. México: FCE, 1964.
- Mondolfo R. Feuerbach y Marx. La dialéctica y el concepto marxista de la historia. Buenos Aires: Claridad, 2006.
- Mondolfo R. Marx y marxismo. Estudios histórico-críticos. México: FCE, 1975.
- Mondolfo R. Recordando a Antonio Labriola // Políticas de la Memoria, № 17, 2016/2017.
- Mondolfo R. Historia de ideas. Buenos Aires: ed. Escuela, 1968a.
- Mondolfo R. Umanismo di Marx. Studi filosofici 1908-1966. Torino: ed. Giulio Einaudi, 1968b.
- Oviedo G. Rodolfo Mondolfo: la recepción académica de Marx en la filosofía argentina del siglo XX // II Jornadas de Historia de las Izquierdas. Buenos Aires: Cedinci, 2002.
- Oviedo G. Rodolfo Mondolfo. Humanista de izquierda // Cuyo. Anuario de Filosofía Argentina y Americana, № 23, 2006.

- Pogatschnig M. El otro Mondolfo. Un marxista humanista. Buenos Aires: Biblos, 2009.
- Ratzer J. La consecuencia antimarxista de Rodolfo Mondolfo. Buenos Aires: ed. Cinco, 1984.
- Rodolfo Mondolfo. Maestro insigne de filosofía y humanidad. Buenos Aires: Asociación Dante Alighieri, 1992. P
- Tarcus H. El marxismo olvidado en la Argentina: Silvio Frondizi y Milciades Peña. Buenos Aires: El cielo por asalto, 1996.
- Tatían D. Huella de Mondolfo // La Biblioteca. No.14. Buenos Aires. 2014..
- Terán O. De utopías, catástrofes y esperanzas. Un camino intelectual. Buenos Aires: Siglo XXI, 2006.
- Última entrevista con el filósofo Rodolfo Mondolfo. Fugitivo del fascismo // Políticas de la Memoria, № 17, 2016/2017.
- Velázquez Delgado J. Herencias del humanismo. Filosofía de la praxis y humanismo crítico en Rodolfo Mondolfo. México: ed. Torres, 2021.
- Walton R.J. Rodolfo Mondolfo, filósofo de la cultura y de la historia // El Sudamericano, 7 de marzo, 2014. (<https://elsudamericano.wordpress.com/2014/03/07/rodolfo-mondolfo-filosofo-de-la-cultura-y-de-la-historia/>)

Щелчков Андрей Аркадьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; sch2000@mail.ru

Rodolfo Mondolfo's Humanistic Socialism

In the history of left-wing forces, there are numerous lacunae that were ousted from the collective memory by the dominant political currents, which suppressed and displaced dissident and minority ideological and political movements. Such a forgotten and "lost" link in the evolution of left-wing, Marxist thought is humanistic socialism, a striking representative of which was the outstanding Italian-Argentine philosopher and publicist Rodolfo Mondolfo, whose works had a great influence on the formation of the "New Left" and on the formation of concepts of democratic socialism not only in Latin America, but also in Europe. His ideas were based on the development of the philosophy of praxis in opposition to the determinism and voluntarism of orthodox Marxism. His vision of socialism focused on the problem of overcoming the alienation of the human, the commodity fetishism of the capitalist system, on the problems of moral revolution, freedom and democracy. In the 1960s and 1970s, his writings were at the center of political discussions among the New Left, in particular around the ideological legacy of A. Gramsci. This article purports to analyze his views and discussions in the left-wing intellectual sector in the 1960s and 1970s in Latin America.

Keywords: *Rodolfo Mondolfo, Italian Socialist Party, philosophy of praxis, humanistic Marxism, alienation, democratic socialism, Argentina*

Andrey Schelchkov, Dr. Sc., Chief Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; sch2000@mail.ru

М.В. КИРЧАНОВ

**«ЭДЕМСКИЙ» ЦИКЛ ГАРРИ ГАРРИСОНА
В КОНТЕКСТАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
ИСТОРИИ АМЕРИКАНСКИХ ПРАВЫХ 1980-Х ГГ.**

Автор анализирует роль научно-фантастической литературы в развитии американских правых политических течений во второй половине 1980-х гг., когда правый политический дискурс оказался в состоянии идеологического и культурного кризиса. Автор полагает, что в контекстах роста популярности левых и либеральных тенденций в американском политическом и интеллектуальном пространствах, векторы актуализации правых консервативных идей сместились в литературу, в т.ч. научную фантастику. Автор полагает, что романы «Эдемского» цикла Гарри Гаррисона актуализируют вовлеченность американских писателей в развитие и трансформацию правового дискурса. Анализируется, как Гаррисон в формально литературном альтернативно-историческом проекте продвигал крайне правые политические идеи. Предполагается, что романы цикла стали попытками актуализировать коллективные фобии правых интеллектуалов перед коллективизмом, феминизмом и экологизмом. Рассматривается как Гаррисон внес вклад в развитие образов Другого, легитимируя международное противостояние двух идеологически противоположных политических систем. Предполагается, что Гаррисон стал одним из первых американских интеллектуалов, кто попытался легитимировать анализируемые антифеминистские и антиэкологические фобии в политическом сознании США.

Ключевые слова: Гарри Гаррисон, «Эдемский» цикл, американские правые, антиколлективизм, антифеминизм, антиэкологизм, образы Другого.

В XX в. «политическому» нередко было свойственно мигрировать из сферы политики в культуру. Литература стала политическим пространством, где интеллектуалы выражали свои точки зрения, которые пересекались с общекультурными тенденциями развития и коррелировались с идеологической конъюнктурой. Различные литературные жанры оказались подвержены политизации в разной степени. Научная фантастика заняла совершенно особое место, так как формально жанр обеспечивал авторов большим пространством для выражения собственных идей. История фантастической литературы XX века обеспечивает современных историков корпусом текстов, которые отражают политические и идеологические трансформации общества.

В центре настоящей статьи будут проблемы функционирования правового дискурса в американской научной фантастике на примере т.н. «Эдемского» цикла Гарри Гаррисона¹. Целью статьи является анализ развития правой политической идеологии в результате ее культурной и интеллектуальной миграции в пространства литературы, так как во второй половине 1980-х гг. в общественно-политической жизни США стали в большей степени заметны не только правые, но и умеренно левые тенденции. Симпатии части американских интеллектуалов на этом этапе варьировались между версиями либеральной и левой идеи, что содей-

¹ Stover 1990.

ствовало маргинализации правых, несмотря на пребывания у власти Республиканской администрации. Исходя из этого, задачами статьи являются анализ трансформации правых ценностей в американской научно-фантастической литературе в контекстах критики идеологии коллективизма, феминизма и экологизма, которые в США начиная с 1970-х гг., поддерживались либеральными и левыми кругами.

В 1980-е гг. правые участники политического процесса (консервативное течение Республиканской партии, внесистемные политические партии, фундаменталистские группы) оказываются не столь успешны и эффективны в противостоянии с либеральными и левыми оппонентами, и часть критики берут на себя правоориентированные американские интеллектуалы, которые ранее пребывали вне политического поля, ограничивая свою активность пространством массовой культуры. Одним из них стал американский писатель-фантаст Гарри Гаррисон, романы которого «Запад Эдема» («West of Eden», 1984²), «Зима в Эдеме» («Winter in Eden», 1986³) и «Возвращение в Эдем» («Return to Eden», 1989⁴) актуализировали в ассимилированной массовой культуре предпочтения правого спектра американского политического поля.

Романы Гарри Гаррисона не только сформировали оригинальный цикл, но и актуализировали культурные страхи правых относительно коллективизма, экологизма и феминизма, которые в отличие от политических фобий в современной российской историографии и литературоведении практически не изучены – историография склонна анализировать американских правых через (де)конструкцию их текстов и активностей, а литературоведение воспринимает политический компонент как второстепенный и менее важный чем вопросы текстологии, стилистики и проч. В российской историографии сложилась традиция преимущественного изучения левых тенденций в американской литературе в то время, как проблемы, связанные с правыми предпочтениями писателей США, пребывали вне сферы внимания исследователей. Эти проблемы получили на современном этапе крайне незначительное отражение как в американской, так и в российской историографии⁵.

Современными исследователями признается существование связи между научной фантастикой и политикой⁶, но тексты Гаррисона не становились объектом изучения в контекстах их политики и идеологии. Автор полагает, что выделение «правой фантастики» вполне правомерно, так как в 1977 г. критик Л. Флеминг предполагала, что научная фантастика развивается как совокупность субкультур⁷, имеющих не только тематические обоснования, но и формы политической и идеологической

² Harrison 1984.

³ Harrison 1986.

⁴ Harrison 1989.

⁵ Allen, Vaughn 2016.

⁶ Roberts 2013.

⁷ Fleming 1977.

легитимации. В американской историографии литература воспринимается как пространство формирования идентичности⁸, включая воображение сообщества⁹ и изобретение традиций¹⁰.

В историографии создан ряд исследований¹¹, сфокусированных на роли литературных текстов в актуализации тех или иных политических идеологических предпочтений как их авторов, так и тех сообществ, к которым они принадлежали. Не является исключением и научная фантастика, которая на протяжении своей истории актуализировала как правые, так и левые политические симпатии авторов. Если левые авторы имели репутацию интеллектуалов, то к правым критики относились более чем скептически¹². Научно-фантастические тексты не могли радикальным образом воздействовать на процессы воображения нации, внося только коррективы в политическую идентичность, актуализируя идеологические измерения американского проекта.

Анализируя место научной фантастики в политической конъюнктуре, во внимание следует принимать и то, что идеологические предпочтения писателей разнообразны. Если следовать за определением литературы как «практики с четко очерченными социальными контурами, которая, кроме того, выполняет функцию идеологического утверждения, в некоторых случаях более очевидную, чем в других»¹³, то научная фантастика – жанр, в большей степени подверженный идеологизации и политизации, чем другие. В академической литературе, если речь идет о политических предпочтениях писателей-фантастов, нередко проблема редуцируется до Р. Хайнлайна как либертарианца, А. Азимова и А. Кларка как левых¹⁴ и Урсулы Ле Гуин как наследницы анархизма¹⁵ либо вообще низводится до внешней конъюнктуры или идеологической компоненты фантастического кинематографа¹⁶. Что касается правых авторов, которые критически воспринимали либеральные и левые тренды, их тексты в современной историографии изучены в меньшей степени¹⁷.

Правые идеи в «Эдемском» цикле Г. Гаррисона

Мир, представленный в воображении Гаррисона в романах «Эдемского» цикла, основан на допущении, что вымирание динозавров 65 млн лет назад не состоялось, и Земля оказалась разделенной между двумя разумными видами – иилане (Yilanè) и людьми (тану), контролирующими территории Африки и Америки. Принимая во внимание, что тексты Гаррисона, без сомнения, принадлежат к научно-фантастическому жан-

⁸ Corse 1997.

⁹ Anderson 1983.

¹⁰ Hobsbawm, Ranger 1983.

¹¹ Adriaens 1981.

¹² Homans 2012.

¹³ Peis 2005.

¹⁴ Somin 2014.

¹⁵ Macleod 2003.

¹⁶ Tharoor 2017.

¹⁷ Svensson 2016.

ру, их содержание не стоит редуцировать до развлекательных целей, так как «эти книги более ценны, чем просто упражнения на тему гипотетической эволюции»¹⁸. Гаррисон описывает общества людей и иилане как радикально отличные друг от друга. Иилане в романах, формирующих «Эдемский» цикл, актуализируют политические, социальные, гендерные и культурные качества и проявления Инаковости. Общество иилане основано на политическом доминировании фарги (самок), а роль неравноправных самцов низведена до вынашивания потомства.

Воображая модели общественно-исторического развития, Гаррисон полемизировал с левыми, деконструируя идеи Иглтона о важности изучения «отношений между базисом и надстройкой в искусстве, отношений между искусством как производством и искусством как идеологией»¹⁹. Несмотря на явные социальные (почти классовые) отличия между обществами иилане и тану Гаррисон, в отличие от других американских фантастов, замеченных в актуализации социального в своих текстах²⁰, фактически игнорирует этот аспект в романах «Эдемского» цикла, смещая акценты с социального на критику феминизма и экологизма. Гаррисон, описывая социальные особенности иилане в большей степени продолжал традиции антиутопии, хотя его герои-иилане далеки от классического дистопического дискурса, основанного на моральности / аморальности поддержки агрессивной политической системы и лояльности ей²¹.

Политическое и экономическое устройство социума иилане, воображенного Гаррисоном, актуализировавшего, по мнению критиков в своих текстах преимущественно консервативный нарратив²², радикально отличается от исторически известных форм социальной и политической организации сообществ. Вероятно, уместна параллель с одним из ранних романов С. Лема «Эдем» («Eden», 1958²³), в котором человечество также сталкивается с принципиально чуждой моделью цивилизационного развития. В пользу возможности такой компаративной перспективы указывает и то, что герои Лема по мере контактов с двутелами, которые представляют иную модель культурной и социальной эволюции, становятся более развитыми в технической сфере, хотя общая политическая и идеологическая направленность текстов Г. Гаррисона и С. Лема все же в большей степени расходится, нежели совпадает.

Идеологический код текстов «Эдемского» цикла может быть прочитан как постмодернистская рефлексия писателя-фантаста относительно политической конфронтации двух систем, что он проецировал на воображенный им мир через определенные нарративы, которые формировали риторический код, хотя последний в большей степени наррати-

¹⁸ Wolfe 1991.

¹⁹ Eagleton 1976: 84.

²⁰ Nette, McIntyre 2021.

²¹ Francavilla 1983.

²² Priest 2012.

²³ Lem 1959.

вен. Тексты, формирующие «Эдемский» цикл, представляются перспективными, если анализировать их через призму того, что Чарльз Элкинс определял как «социологическая перспектива изучения научной фантастики», которая, по его мнению, позволяла анализировать взаимосвязи фантастических произведений с «социальным порядком, с формами изменяющихся социальных отношений человека... Под социальным порядком я подразумеваю структурирование социальных отношений через иерархию коммуникации, то есть коммуникацию ролей, которая разделяет людей на классы, ранги и статусные группы как вышестоящие, низшие и равные. Иерархическую коммуникацию лучше всего рассматривать как убеждение... Социальный порядок – это социальная драма, в которой акторы борются за поддержание, уничтожение или изменение принципов, на которых зиждется иерархия... непрерывный или изменчивый, он является результатом разрешения драматического конфликта, связанного с принятием, сомнением или отклонением принципов, которые, как считается, гарантируют порядок»²⁴.

Эти политические и идеологически маркированные проблемы широко представлены в «Эдемском» цикле, предлагавшем несколько примеров воображаемой социальной организации обществ, базирующейся на иерархии и радикальной ревизии авторитарных моделей последней, основанных на феминизме и экологизме. Первым полюсом социальной организации является авторитарная экологическая матрилинейная модель. Ее альтернативой – формально примитивные человеческие сообщества, объединённые в кочевые группы (саммады). Анализируя социальное устройство воображенных Гаррисоном групп можно предположить, что «Эдемский» цикл следует отнести к антропологической фантастике²⁵, хотя социальные реалии общества тану прописаны в меньшей степени, чем аналогичные институты иилане.

Антропологические измерения текстов Г. Гаррисона 1980-х гг. становятся более заметными, если мы попытаемся проанализировать социальную, культурную и политическую эволюцию тану в контекстах теории «трагедии общин»²⁶, так как именно изменения среды и пространства в совокупности с внешними, фактическими – экзистенциальными, вызовами приводят к началу конфликта между иилане и тану, хотя само противостояние в большей степени воспринимается как пространная рефлексия американского писателя о противостоянии двух систем, современником чего он был до начала 1990-х гг. Описанные Гаррисоном социальные институты и воспроизводимые ими культурные идентичности (мир «Эдема» не знает такую универсалию современного политического воображения как «нация») демонстрирует неспособность двух обществ, иилане и тану, как колонизаторов и колонизируемых, воспринимать культуры друг друга, как содержательно и качественно дру-

²⁴ Elkins 1977.

²⁵ Stover 1973.

²⁶ Frischmann 2019.

гие, актуализируя желание доминировать и способности к культурному сопротивлению. Как полагает Ф. Джэймисон, «идеологии других всегда более “очевидны”, чем наша собственная, поэтому нетрудно понять идеологическую функцию»²⁷ подобного противостояния двух или более обществ в фантастической литературе. Если в текстах Гаррисона человеческие общества исторически трансформировались в результате механическо-технологического освоения пространства – радикального изменения географии путем внедрения земледелия и урбанизации, то сообщества иилане развивались на базе биотехнологической модели. В этом отношении актуализируется антропологическое измерение американской научной фантастики как части постмодернистского метатекста. Постмодернизм является «художественным движением, которое проявляется в различных областях художественных и культурных событий»²⁸, что позволяет интегрировать в постмодернистский дискурс и некоторые тексты научной фантастики.

В западной историографии постмодернизма получили распространение попытки широкой интерпретации этого явления. В частности, Ф. Джэймисон сделал ряд допущений, которые могут быть распространены на фантастический дискурс в целом. Согласно американскому критику, классические тексты американской научной фантастики конструируются путем одновременного применения нескольких форм наррации, включая классический приключенческий роман с необходимыми экскурсами в антропологию и культуру сообществ, стилизации текста, политический текст, «чистую» научную фантастику, элементы антиутопии и элементы любовного романа²⁹. Наличие этих элементов стало частью постмодернистского фантастического канона³⁰, хотя их набор, роли и функции могли меняться, что вело к неизбежной ревизии канона и его эрозии в направлении большей и углубляющей интертекстуальности и мутации фантастического текста в американском постмодернизме в метатекст как конструкт, основанный на воспроизводстве общих мест, ставших изобретенными традициями канона.

Все эти признаки могут быть найдены в прозе Г. Гаррисона, будучи представленными классическим приключенческим нарративом (основа сюжета романов цикла), параллельно существующими культурными группами и социальными сообществами (иилане, тану, парамутаны, саску), стилизацией текста под приключенческий роман, антиутопию (в части описания социальных отношений иилане) и политический триллер (идея межвидового конфликта как политического и идеологического противостояния). В «Эдемском» цикле можно найти элементы и «любовного» романа, хотя эта перспектива ограничена упоминанием зоофилии и демографического взрыва среди тану, хотя Ф. Джэймисон

²⁷ Jameson 1982.

²⁸ Musschoot 1994. P. 207.

²⁹ Jameson 2005. P. 267.

³⁰ Zhang Longxi, 2016.

указывал на склонность некоторых фантастов актуализировать мотивы «межрасовой любви как драмы отношений между различными культурами и видами»³¹. В «Эдемском» цикле часть социальной и культурной критики направлена на биотехнологическую модель развития: в основе конфликта в романах лежит борьба двух видов за ресурсы и территории, которая началась в силу двух факторов – демографического роста тану и кризиса общества иилане, основанного на отказе от освоения пространства в пользу экологической модели развития.

В этом контексте заметна постмодернистская интеллектуальная генеалогия и культурная археология «Эдемского» цикла Гаррисона, так как экологически ориентированная модель общества иилане может представлять собой метацитату или пародию на тексты научной фантастики 1970-х гг.³², известной экологическим уклоном. Если романы «Эдемского» цикла можно воспринимать как одну из попыток критического подхода к экологической повестке, то некоторые более поздние тексты американской научно-фантастической литературы могли быть стимулированы именно антиэкологическим посланием Гаррисона, что, например, проявляется в романе Б. Элтона «This Other Eden»³³, формирующем иной образ условного рая, выстроенного в экологической системе координат. Антиэкологизм Гаррисона, в целом, вписывался в повестку дня американских правых 1980-х, так как «администрация Рейгана предприняла фронтальную атаку на природоохранные агентства и нормативные акты»³⁴. Тем не менее, некоторые авторы, которые работали в жанре научной фантастики, а их тексты принадлежали к массовой литературе не только могли иметь собственные политические предпочтения, но их симпатии «были явно авторитарными и расистскими, чего они не стеснялись. Эти взгляды по-своему сформировали весь жанр, включая авторов и идеи, о которых старались не говорить»³⁵ историки научной фантастики, локализирующие ее в левой или либеральной системе координат.

Что касается Гаррисона, то в «Эдемском» цикле заметна как критика, так и элементы будущих дискуссий между американскими фундаменталистами и либералами, чьи политические предпочтения могли варьироваться от экологизма до радикального феминизма. Романы цикла были не столько фантастическими, сколько политическими и идеологическими текстами, которые актуализировали «конкретную социальную функцию литературы, включающую мистификацию существующих или альтернативных иерархических структур, их демистификацию и возможность перехода от одной роли к другой»³⁶, что собственно и стремился показать Гаррисон, актуализируя не только конфликт

³¹ Jameson F. *Archaeologies of the Future*. P. 267.

³² Callenbach 1975; Callenbach 1981.

³³ Elton 1993.

³⁴ Sellers 2017.

³⁵ Forbes 2015.

³⁶ Elkins 1977.

двух систем, одна из которых прозрачно актуализировала элементы современного для автора авторитаризма, но и возможность победы одной из сторон в этом фактически идеологическом конфликте. В этом контексте общая логика текстов Гаррисон соотносится той характеристикой писателей-фантастов, которая была озвучена Сьюзи МакКи Чарнас в 1999 г., когда она предположила, что писатель – это реакционер, который в своих текстах может предлагать «инстинктивный ответ на то, что считает упрощением сложных вопросов»³⁷.

Нельзя исключать, что политическая логика «Эдемского» цикла в определенной степени стала реакцией на новые тенденции в политической жизни США, где правые интеллектуалы в 1980-е гг. постепенно начинали уступать позиции их левым, либеральным и феминистическим оппонентам. «Эдемский» цикл актуализирует конфликт между урбанизационной моделью развития и аграрными или номадными социальными альтернативами. Третья часть («Возвращение в Эдем») делает неизбежной глобальную войну на истребление между двумя видами. Неудивительно, что в первом романе цикла «Запад Эдема» тану сжигают город иилане Алпеасак, что означает не столько победу варварства над цивилизацией, сколько поражение авторитарной модели организации общества, основанного на матриархате и биотехнологиях, в чем заметно критическое отношение некоторых американских интеллектуалов 1980-х гг. к набравшим силу экологизму и феминизму.

Идеи Г. Гаррисона близки предпочтениям тех американских фантастов, которые, по мнению Д. Ауэрбаха, в своих текстах «колебались между снисходительностью и раздражением»³⁸ относительно феминизма. Идеи, основанные на отрицании феминизма, нашли отклик среди американских правых, которые к началу 1990-х гг.³⁹ пересмотрели традиционалистскую повестку дня, уделив в ней больше внимания критике новых угроз и вызовов, включая феминизм. Успехи тану в их борьбе против иилане в романах Гаррисона мы можем интерпретировать в категориях противостояния модерности и антимодерности.

По мнению американского историка Т. Мойлана, «критический утопический текст» («Эдемский» цикл к утопическим можно отнести крайне условно) «может быть ценным элементом оппозиции господствующей системе; текст важен не для практических планов реального альтернативного общества, а скорее потому, что он предоставляет предконцептуальные образы, которые генерируются из оппозиции тому, что есть. Нерешенные проблемы, противоречия и пропуски в тексте становятся важной частью оппозиционной идеологии»⁴⁰, что мы видим в романах, формирующих цикл политически и идеологически мотивированных текстов, состоящих из политических аллюзий, которые только уга-

³⁷ Gordon 1999.

³⁸ Auerbach 2017.

³⁹ Gould 1990.

⁴⁰ Moylan 1982.

дываются, но о которых ни автор, ни его герои никогда не говорят открыто. В жанре научной фантастики, по мнению А. Робертса, «две диаметрально противоположные идеологии борются друг с другом, левые писатели принимают инаковость, а правые смотрят на авторитеты»⁴¹.

Цикл стал попыткой отрицания инаковости – как политической, так и гендерной, что выразилось в критике не только авторитаризма, но и феминистских и экологических трендов, в большей степени характерных для либерального дискурса. Политические и идеологические послания романов скрыты и латентны, нежели выражены явно, что было бы логичнее ожидать от научно-фантастического текста как части дискурса массовой культуры, которая в меньшей степени сосредоточена на неявной генерации смыслов, чем формально оппозиционная ей «высокая» культура. «Эдемский» цикл появился в те года, когда американская политическая модель, в которой правые и традиционалистские тренды, связанные с фундаментализмом и национализмом, имели свои пространства, постепенно начала подвергаться эрозии, что вынудило интеллектуалов не только задавать вопросы, но и искать новые культурные пространства, в которых эти вопросы можно сформулировать.

Вероятно, прав С. Делэни, полагавший, что «сентенциальный, кодический или семиотический взгляд [интеллектуалов] опасен тем, что вопросы, которые, по крайней мере, изначально кажутся враждебными системе, не только задаются, но и полученные ответы кажутся враждебными»⁴². В этой ситуации неопределенности векторов идеологического развития американского политического пространства в 1980-е гг. вопросы и ответы Гаррисона казались в значительной степени провокационными в силу того, что они были чрезмерно традиционны, а острие критики было направлено против тех трендов, которые в 1990-е гг. начнут определять тенденции развития США.

Развивая и углубляя критику экологизма и феминизма, Гаррисон ставит под сомнение универсальность матриархальной модели социальной организации иилане, основанной на фактическом паразитировании над менее развитыми видами, так как вводит в качестве героев альтернативных иилане, известных как сорогетсо, в обществе которых доминирует патриархат и присваивающая экономика. Антифеминистские настроения среди американских политиков и интеллектуалов, как показано в историографии⁴³, пережили значительные трансформации в американском культурном пространстве на протяжении 1980-х гг., что было связано с избранием президентом Р. Рейгана. Антифеминистские идеи содействовали популяризации правой политической идеи в США, формируя более привлекательный образ фундаменталистов и консерваторов, постепенно превращая «правое мышление в приемлемое для обще-

⁴¹ Roberts 2013.

⁴² Delany 1987.

⁴³ Coste 2010.

ства в целом, что позволяло некоторым группам становиться более правыми, формально не выглядя правыми»⁴⁴.

Антифеминистский тренд в текстах Гаррисона был актуализирован практически одновременно с феминистским уклоном в канадской фантастической прозе, примером чего, например, стали тексты М. Этвуд⁴⁵. К началу 1990-х гг. позиции американского феминизма в определенной степени были ослаблены, что позволило С. Фалуди писать о «негативной реакции против женщин»⁴⁶, подхваченной американскими правыми во второй половине 2010-х гг. Э. Марцони, комментируя особенности правого течения в американской фантастике, указывает на фактор «относительной нехватки выдающихся интеллектуалов для Трампа несмотря на то, что привлекательность авторитаризма для великих умов не была историческим отклонением, так как реакционная тенденции непосредственно связаны с современной мыслью»⁴⁷.

Если рост американских правых во второй половине 2010-х не сопровождался соответствующими культурными и интеллектуальными тенденциями, это вовсе не означает того, что они не имели активным предшественников, среди которых мог быть и Гаррисон, тремя десятилетиями ранее. Вместе с тем представляется проблематичным проследить культурное влияние Гаррисона, но, тем не менее, следует признать, что начиная со второй половины 1980-х гг. американский постмодернизм, в том числе и научная фантастика, в значительной степени актуализировал именно феминистские политические мотивы⁴⁸, которые в большинстве текстов были представлены с идеологических позиций, явно отличных от тех, что доминировали в романах цикла.

Принимая во внимание и вероятные параллели между прозой Гаррисона и упомянутыми текстам С. Лема и М. Этвуд, мы, вероятно, можем предположить и то, что романы «Эдемского» цикла актуализируют содержательно и структурно интертекстуальный элемент постмодернизма как⁴⁹. Романы Гаррисона не следует рассматривать как изолированные от литературного американского и европейского контекстов, так как его проза содержит многочисленные отсылки к другим произведениям, что позволяет, например, проводить параллели между конфликтами идентичностей и разных моделей развития, с одной стороны, и предписываемыми гендерными ролями, с другой.

Иилане фактически представляют собой топос культурной чуждости, другости и инаковости, так как в отличие от человека их система урбанизации и миграции основана на использовании других живых существ: города иилане представляют собой гигантские растения, а транс-

⁴⁴ Schutzbach 2019.

⁴⁵ Atwood 1985.

⁴⁶ Faludi 1991.

⁴⁷ Marzoni 2020.

⁴⁸ Tepper 1988.

⁴⁹ Zengin 2016.

порт (урукето) – геномодифицированные виды, лишённые разума. Гаррисон стал одним из первых американских критиков растущего политически мотивированного экологизма: экологически «дружелюбное» в отношении природы, воображенное им общество иилане, фактически паразитирует на других видах, а сама социальная модель его функционирования авторитарна. Примечательна и индивидуальная траектория Керика, человека, захваченного иилане в первой части трилогии. Анализируя фигуру Керика в «Эдемском» цикле, можно предположить, что американский писатель активно использовал такой прием постмодернизма как стилизация, что связано с интертекстуальностью его прозы в целом.

Проявления стилизации в постмодернизме разнообразны, но в текстах Г. Гаррисона она в одинаковой степени сочетает элементы пародии, имитации и симуляции. Проза «Эдемского» цикла может быть деконструирована как пародия приключенческого романа или имитация под его стилизации, принадлежащие к массовой культуре. Керик становится объектом принудительной интеграции в содержательно иные социальные институты общества иилане, которое по уровню развития находится выше человеческого, но эта попытка оказывается неудачной: Керик оказывается в состоянии сбегать, что ведет к военному конфликту между двумя видами. Этот сюжет на момент появления «Эдемского» цикла не принадлежал ни к числу новых, ни к числу оригинальных – поэтому, «Эдемский» цикл Гаррисона, вероятно, можно интерпретировать как одну из позднейших и не очень успешных попыток реанимации социального дарвинизма⁵⁰ в рамках политической культуры, которая уже достаточно четко актуализировала тенденции к имплементации принципов толерантности и мультикультурализма.

В этом контексте можно констатировать если не элементы постмодернизма, то, как минимум, его влияние. Комментируя ситуацию, американская писательница О. Батлер подчеркивает, что авторы подобных текстов ограничены в возможном развитии сюжета. Поэтому «другие могут сопротивляться, и мы должны жестоко их победить, либо они подчиняются и становятся хорошими слугами»⁵¹. Аналогичная логика характерна была и для Гаррисона с той разницей, что в романах «Эдемского» цикла она была интегрирована в иные контексты, в которых политическая и идеологическая компонента были выражены столь же явно, как и собственно фантастическая. Гаррисон проецировал на явно фантастические сюжеты своей прозы политические и идеологические реалии 1980-х гг., проявившиеся в противостоянии двух систем.

Если А. Азимов поднимал вопрос, почему некоторые американские фантасты были сторонниками правых и антикоммунистических воззрений⁵², то Г. Гаррисон перенес морально-политическую дилемму «Лучше быть мертвым, чем красным» на межвидовые отношения. Ана-

⁵⁰ Radick 2019.

⁵¹ Potts 1996.

⁵² Ingersoll 1987.

лизируя этот аспект романов цикла, следует принимать и во внимание и то, что, интегрируя политические и идеологические сюжеты в дискурс массовой культуры, автор содействовал их ассимиляции, делая их, как следствие, более понятными. Американский писатель Р. Федерман в своем интервью со С. Лемом в 1981 г. указывал на то, что в научно-фантастической прозе заметен стереотип, в рамках которого авторы фактически описывают «отказ от специфики малых групп в пользу больших групп»⁵³, что соотносилось с политической логикой 1980-х гг.

Г. Гаррисон во второй половине 1980-х гг. подверг эту универсалию значительной и радикальной ревизии, создав мир, в котором большие авторитарные системы не в состоянии ни интегрировать, ни ассимилировать малые сообщества. Тексты Гаррисона актуализируют четкое идеологическое послание: по мнению американского автора, агрессия авторитарной системы, конечно же, возможна, но ассимиляция в ее рамках содержательно и культурно иных политических институтов и традиций маловероятна. С. Делэни, комментируя идеологические измерения научной фантастики, формулировал вопрос «является ли научная фантастика более терпимой к тому, что обычно называют маргинальным». Отвечая на им же сформулированный вопрос, американский писатель и критик указывал на то, что «было бы неплохо так думать, поскольку сама научная фантастика традиционно считалась своего рода маргинальным видом письма в силу того, что признает проблемы жизни на грани и приветствует их с пониманием и состраданием, но это понимание несколько наивно»⁵⁴.

Тексты «Эдемского» цикла могут быть рассмотрены как постмодернистские в силу того, что «идеальный постмодернистский роман», по мнению Дж. Барта, «каким-то образом возвысится над ссорой между реализмом и ирреализмом, формализмом и контентизмом, чистой литературой, художественной литературой и хламом»⁵⁵ с той только разницей, что фантастическая проза американского писателя середины 1980-х гг. лавирует еще и между различными идеологическими полюсами политической повестки дня – от коллективизма до свободы, от экологизма до феминизма. Трансплантируя эти допущения на тексты, которые формируют цикл Г. Гаррисона, мы приходим к выводу, что научная фантастика может продвигать маргинальность, превращая ее в мэйн-стрим, содействуя отказу от ее стигматизации. Анализируя тексты, формирующие «Эдемский» цикл, вероятно, уместно проецировать на нарративы, предложенные Г. Гаррисоном, концепт *la mort de l'auteur*, сформулированный Р. Бартом в 1967 г.⁵⁶

Если читать романы цикла, отталкиваясь от личности их автора, то эта исследовательская стратегия окажется бесполезной и малопродук-

⁵³ Federman 1983.

⁵⁴ Delany 1987.

⁵⁵ Barth 1984.

⁵⁶ Barthes 1967.

тивной в силу того, что Г. Гаррисон принадлежал к числу тех американских писателей, которые обслуживали запросы общества потребления. В этом отношении, романы цикла, хотя и являются авторскими произведениями, по сути анонимны, так как массовая литература США 1980-х гг. производила подобные тексты в огромном количестве. Современный исследователь как интерпретатор текстов Гаррисона, вероятно, волен отказаться от «интерпретирующей тирании»⁵⁷. Г. Гаррисон подобно другим его современникам, «умирает» как автор, социально и культурно мутируя в скриптора – создателя определенного типа наррации, в одинаковой степени нацеленной как на удовлетворение запросов общества потребления в форме серийно создаваемых текстов, так и на актуализацию такого его качества как идентичность.

Именно с попыткой актуализации идентичности, вероятно, следует связывать то, что в текстах Гаррисона не последняя роль принадлежит политическим нарративам явно идеологического свойства. В этом отношении его тексты в большей степени консервативные в смысле их реакционности, стали литературной формой политической реакции американских правых на рост тех тенденций, которым не было места в их политическом воображении в предшествующие годы – даже в качестве универсальных Других. «Эдемский» цикл может быть проанализирован, точнее – его основные идеи могут быть подвергнуты деконструкции, в контекстах историографической метафоры⁵⁸ – важной составляющей постмодернистской стилистики. Тексты содействуют кризису моделей историографической культуры, которые во второй половине XX в. сложились в западной исторической науке. Некоторые постмодернистские тексты актуализируют «кризис веры в возможность исторической культуры»⁵⁹ в силу того, что прошлое в таком типе наррации может воображаться через универсальный для постмодернизма прием пародии, что фактически означает разрушение прошлого в его нарративизированных версиях, призванных легитимировать нацию как государство, но ни для первого, ни для второго в воображаемом мире «Эдемского» цикла нет места. Фактически героями прозы Г. Гаррисона являются люди и динозавры, но исторически эти два вида не были современниками. Гаррисон, используя принципы постмодернистского письма, смешивает временные эпохи, имитируют и симулирует различные жанры от приключенческого до политического, фактически превращая историю из нарратива в конструкт, а главного героя (Керика) из нарратора в конструктора, что фактически проблематизирует само понятие «время» в социально-исторической перспективе: прошлое в «Эдемском» цикле искажено и, поэтому, не вписывается в линейную логику исторического процесса, так как Гаррисон наполнил свой формально фантастический текст о «прошлом» фактически политическими и идеологическими аллюзиями.

⁵⁷ Auerbach 1974.

⁵⁸ Hutcheon 1989.

⁵⁹ Hutcheon 1989.

Судьбы Керика и Исель, захваченных иилане людей, символизируют историческую судьбу тех обществ, которые во второй половине XX в. были инкорпорированы в авторитарную модель развития. Гаррисон актуализирует два сценария развития событий: гибель в результате насилия (Исель) или сопротивление и освобождение (Керик) от авторитарного контроля, что фактически делает неизбежным конфликт. Общество разумных динозавров описано как недемократическое, власть в котором сосредоточена в руках узкого круга иилане – избранных самок, которые могут становиться эйстаа, т.е. занимать управленческие должности. На момент появления романов цикла общество иилане актуализировало системные признаки авторитаризма, а статус и положение иилане как ограниченной группы, контролирующей власть, сравним с реалиями режимов, современником которых в 1980-е гг. являлся Гаррисон, проецировавший на социальные иерархические институты и отношения иилане особенности расизма. Формируя образ иилане как социальных и культурных других, Г. Гаррисон акцентировал внимание и на том, что политическое доминирование в таком типе социальных отношений связано с биологическими особенностями представителей группы.

Фантастическая литература стала реакцией на умеренный рост коллективистских настроений, в чем некоторые авторы увидели покушение на ценности свободы и принципа американского фундаментализма. Гарри Гаррисон в этом контексте воспроизводил в своих текстах стереотипы и клише, которые фактически стали классическими – поэтому, негативные персонажи, которые символизируют несвободу, преисполнены духом коллективизма, а положительные герои, наоборот, стереотипно соответствуют ценностям и идеалам индивидуализма. Именно поэтому, общество разумных динозавров в романах «эдемского» цикла несет в себе типичные черты авторитаризма в то время, как противостоящие ему люди олицетворяют идеи свободы. Фантастическая проза Г. Гаррисона стала реакцией на рост феминизма.

Несмотря на то, что некоторые герои Г. Гаррисона схематичны и весьма условны, тем не менее заметна четкая иерархия между положительными и отрицательными персонажами. Примечательно, что большинство первых составляют люди, а вторых – разумные динозавры женского пола. Подобная гендерная иерархия в прозе Г. Гаррисона возникает частично и под влиянием реального распределения расовых ролей в США второй половины XX в., хотя в романах «эдемского» цикла расовые отличия людей второстепенны в сравнении с радикальными видовыми отличиями между людьми и разумными динозаврами. Поэтому, идеологическое послание романа можно интерпретировать в категориях своеобразного позитивного расизма, отягощенного, правда, гендерными и экологическими стереотипами.

Вероятно, в этой интеллектуальной ситуации проза Г. Гаррисона стала одной из первых попыток американских правых поставить под сомнение идеи экологов и саму экологическую повестку дня, которая начиная с середины 1980-х активно продвигалась американскими либералами и левыми интеллектуалами.

Одна из центральных идей в прозе Гаррисона – представление о принципиальной расколотости мира, его фрагментарности на условные Запад и Восток. Территория, известная как Америка, в альтернативной и воображаемой географии мира Гаррисона становится пространством реализации идеи свободы, а Африка в большей степени наделялась им атрибутами восточного социума. В этом отношении американская фантастическая литература вносила свой вклад в обоснование идеи двуполарности и ее фактическую легитимацию.

Вместе с тем сама тема идеологического противостояния двух миров в прозе Г. Гаррисона, хотя и представлена, но на первый план, по мнению писателя как правого интеллектуала, выходили внутренние системные вызовы и угрозы американской модели развития, представленные коллективизмом, экологизмом и феминизмом. Именно поэтому романы «эдемского» цикла стали интересной попыткой актуализации образов как Самости, так и Другости / Инаковости, отягощенной политическими и идеологическими противоречиями, которые лежали в плоскости неприятия американскими правыми интеллектуалами новой для 1980-х гг. повестки дня, центральными вопросами которой становились разнообразие, феминизм и экологизм. В этой ситуации альтернативная версия политического развития, основанная на идеологически обоснованном доминировании женщин в обществе, построенном не на присваивающей и меняющей окружающую среду модели развития, но на существовании разумных динозавров со средой стала универсальным и коллективным топосом Инаковости в то время как культурная и социальная организация человеческих сообществ, которые базировались на патриархате и активном изменении пространства в экономических целях, воспринималась правыми интеллектуалами как попытка литературной фиксации некоего идеального общества.

Гарри Гаррисон не был единственным американским автором, чьи тексты стали реакцией с правого спектра политического пространства США на новые тенденции в развитии американского общества. «Эдемский» цикл стал частью правого течения в американской научной фантастике, которая во второй половине XX в. актуализировала различные проявления правого политического спектра, включая консервативные, неоконсервативные и фундаменталистские тенденции, которые нуждаются в дальнейшем изучении в рамках междисциплинарной перспективы в контекстах как истории американской литературы, так и истории и археологии идей американской правой политической традиции.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Adriaens M. Ideology and Literary Production // Semiotics and Dialectics. Ideology and the Text / ed. P. Zima. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1981. P. 196–200.
- Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L.: Verso, 1983. 256 p.
- Atwood M. The Handmaid's Tale. Toronto: McClelland and Stewart, 1985. 311 p.
- Auerbach D. The Sci-Fi Roots of the Far Right—From 'Lucifer's Hammer' to Newt's Moon Base to Donald's Wall // The Daily Beast. 2017. September 17.
URL.: <https://www.thedailybeast.com/from-lucifers-hammer-to-newts-moon-base-to-donalds-wallthe-sci-fi-roots-of-the-far-right>
- Auerbach E. Mimesis: The Representation of Reality in Western Literature / transl. W. Trask. Princeton: Princeton University Press, 1974.
- Barth J. The Literature of Replenishment // The Friday Book: Essays and Other Non-Fiction. L.: The John Hopkins University Press, 1984.
URL.: <https://literaturacomparadaufrij.files.wordpress.com/2019/03/textos-curso-colombia-06-barth-the-literature-of-replenishment.pdf>
- Barthes R. The Death of the Author // Aspen. 1967. No 5–6.
URL.: <https://www.ubu.com/aspden/aspden5and6/threeEssays.html#barthes>
- Callenbach E. Ecotopia: The Notebooks and Reports of William Weston. NY.: Banyan Tree Books, 1975. 181 p.
- Callenbach E. Ecotopia Emerging. NY.: Banyan Tree Books, 1981. 326 p.
- Corse S.M. Nationalism and literature. The politics of culture in Canada and the United States. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 225 p.
- Coste Fr. Conservative Women and Feminism in the United States: Between Hatred and Appropriation // Caliban. French Journal of English Studies. 2010. Vol. 27 (Femmes, conflits et pouvoir). P. 167–176.
- Dangerous Visions and New Worlds: Radical Science Fiction, 1950–1985 / eds. A. Nette, I. McIntyre. Oakland, Ca.: PM Press, 2021. 224 p.
- Delany S.R. The Semiology of Silence // Science Fiction Studies. 1987. Vol. XIV. No 42. Part 2.
URL.: <https://www.depauw.edu/sfs/interviews/delany42interview.htm>
- Eagleton T. Marxism and Literary Criticism. Berkeley: University of California Press, 1976.
- Elkins Ch. An Approach to the Social Functions of American SF // Science Fiction Studies. 1977. Vol. IV. No 13. Part 3.
URL.: <https://www.depauw.edu/sfs/backissues/13/elkins13.htm>
- Elton B. This Other Eden. NY.: Simon & Schuster, 1993. 375 p.
- Faludi S. Backlash: The Undeclared War Against American Women. NY.: Three Rivers Press, 1991.
- Federman R. An Interview with Stanislaw Lem // Science Fiction Studies. 1983. Vol. X. No 29. Part 1. URL.: <https://www.depauw.edu/sfs/interviews/federman29.htm>
- Forbes D. The Secret Authoritarian History of Science Fiction // Vice Magazine. 2015. June 19.
URL.: <https://www.vice.com/en/article/9ak7y5/the-secret-authoritarian-history-of-science-fiction>
- Francavilla J. Disching It Out: An Interview with Thomas Disch // Science Fiction Studies. 1983. Vol. X. No 29. Part 1.
URL.: <https://www.depauw.edu/sfs/interviews/disch29interview.htm>
- Frischmann B.M., Marciano A., Ramello G. Retrospectives: Tragedy of the Commons after 50 Years // Journal of Economic Perspectives. 2019. Vol. 33. No 4. P. 211–228.
- Gordon J. Closed Systems Kill: An Interview with Suzy McKee Charnas // Science Fiction Studies. 1999. Vol. XXVI. No 79. Part 3.
URL.: <https://www.depauw.edu/sfs/interviews/charnasinterview.htm>
- Gould B. Fear of Feminism: The Right-Wing and Family Values // Social Justice. 1990. Vol. 17. No. 3 (Feminism and the Social Control of Gender). P. 136–145.
- Harrison H. Return to Eden. NY.: Bantam Books, 1989. 496 p.
- Harrison H. West of Eden. NY.: Bantam Books, 1984. 483 p.
- Harrison H. Winter in Eden. NY.: Bantam Books, 1986. 416 p.
- Homans Ch. Freaks and Geeks // The New Republic. February 8.
URL.: <https://newrepublic.com/article/100527/freaks-and-geeks-gingrich>

- Hutcheon L. Historiographic Metafiction Parody and the Intertextuality of History // Intertextuality and Contemporary American Fiction / ed. P. O'Donnell, R. Con Davis. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1989. P. 3–32.
- Ingersoll E.G. A Conversation with Isaac Asimov // Science Fiction Studies. 1987. Vol. XIV. No 41. Part 1. URL.: <https://www.depauw.edu/sfs/interviews/asimov41interview.htm>
- Jameson F. Archaeologies of the Future. The Desire Called Utopia and other Science Fictions. NY: Verso, 2005. P. 267.
- Jameson F. Progress Versus Utopia; or, Can We Imagine the Future? // Science Fiction Studies. 1982. Vol. IX. No 27. Part 2. URL.: <https://www.depauw.edu/sfs/backissues/27/jameson.html>
- Lem S. Eden. Warszawa: Iskry, 1959. 268 s.
- Macleod K. Politics and science fiction // The Cambridge Companion to Science Fiction / eds. E. James, F. Mendlesohn. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 230–240.
- Marzoni A. Hate reads: the Western canon has no shortage of fascists, but can the far-right make 'literature' worthy of the name? // Aeon. 2020. October 19. URL.: <https://aeon.co/essays/is-there-such-a-thing-as-far-right-literature>
- Moylan T. The Locus of Hope: Utopia Versus Ideology // Science Fiction Studies. 1982. Vol. IX. No 27. Part 2. URL.: <https://www.depauw.edu/sfs/backissues/27/moylan.html>
- Poli Sci Fi. An Introduction to Political Science through Science Fiction / eds. M.A. Allen, J.S. Vaughn. L. – NY.: Routledge, 2016. 246 p.
- Potts S.W. "We Keep Playing the Same Record": A Conversation with Octavia E. Butler // Science Fiction Studies. 1996. Vol. XXIII. No 70. Part 3. URL.: <https://www.depauw.edu/sfs/interviews/potts70interview.htm>
- Priest Ch. Harry Harrison obituary. Popular author of science fiction with a serious purpose and a subversive wit // Guardian. 2012. August 15. URL.: <https://www.theguardian.com/books/2012/aug/15/harry-harrison>
- Radick G. Darwinism and Social Darwinism // The Cambridge History of Modern European Thought / eds. W. Breckman, P. Gordon. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2019. P. 279 – 300.
- Roberts A. War of the worlds: who owns the political soul of science fiction? // The Guardian. 2013. April 8. URL.: <https://www.theguardian.com/books/2013/apr/08/adam-roberts-political-soul-sf>
- Schutzbach Fr. Anti-feminism is making right-wing stances socially acceptable // Heinrich Boll Stiftung. 2019. May 3. URL.: <https://www.gwi-boell.de/en/2019/05/03/anti-feminism-making-right-wing-stances-socially-acceptable>
- Sellers Ch. How Republicans came to embrace anti-environmentalism. The deep roots of conservative opposition to the environmental state, explained // Vox. 2017. June 7. URL.: <https://www.vox.com/2017/4/22/15377964/republicans-environmentalism>
- Somin I. The politics of science fiction // Washington Post. 2014. April 29. URL.: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2014/04/29/the-politics-of-science-fiction/>
- Stover L. Harry Harrison. Boston: Twayne, 1990. 141 p.
- Stover L.E. Anthropology and Science Fiction // Current Anthropology. 1973. Vol. 14. No. 4. P. 471–474.
- Svensson S. Science Fiction Seen From the Right. NY.: Manticore Press, 2016. 378 p.
- Tepper S.S. The Gate to Women's Country. NY.: Doubleday, 1988. 278 p.
- Tharoor I. The inescapable politics of 'Star Wars' // Washington Post. 2017. December 15. URL.: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/12/15/the-inescapable-politics-of-star-wars/>
- The Invention of Tradition / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 330 p.
- Wolfe G.K. Promoting Harry Harrison // Science Fiction Studies. 1991. Vol. XVIII. No 53. Part 1. URL.: <https://www.depauw.edu/sfs/birs/bir53.htm>
- Zengin M. An introduction to intertextuality as a literary theory: definitions, axioms and the originators // Pamukkale Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2016. Vol. XXV. No. 1. S. 299–326.
- Zhang Longxi. Canon and World Literature // Journal of World Literature. 2016. No 1. P. 119–127.

Кирчанов Максим Валерьевич, д. и. н., доцент, кафедра истории зарубежных стран и востоковедения, Исторический факультет, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», maksym_kurchanoff@hotmail.com

Harry Harrison's "Eden" Cycle in the Contexts of the Intellectual History of the American Right in the 1980s

The author analyses the role of science fiction literature as one of the dimensions of intellectual history in the development of American right-wing political movements in the second half of the 1980s. It is assumed that the right-wing political discourse during this period fell in ideological and cultural crisis. The crisis stimulated processes of changing the spatial localisation of right-wing sentiments from the political sphere towards cultural activities. The author believes that in the context of the rising popularity of left-wing and liberal trends in the USA political and intellectual spaces, the vectors of visualisation of right-wing conservative ideas shifted to literature, including science fiction. Prose of the American writer Harry Harrison of the 1980s. is analysed as an episode in the intellectual history and history of ideas of the USA right-wing political thought. The author believes that Harrison's novels of "Eden" cycle actualise the inclusion and involvement of the USA writers in transformation of right-wing discourse. The author analyses how Harrison, with his formally literary alternative history project, promoted political ideas of American far right, which allows for an expanded interpretation of his texts not only as an episode in the history of the USA literature, but also as an important segment of the cultural and intellectual history of the right politics. It is assumed that the novels of the cycle were attempts to actualise the collective phobias of right-wing intellectuals towards collectivism, as well as feminism and environmentalism also. The author analyses how Harrison in his novels developed images of the Other, legitimising the international confrontation between two ideological political systems. It is assumed that Harrison became one of the first American intellectuals who tried to legitimise anti-feminist and anti-ecological phobias in the political consciousness of the USA.

Keywords: *Harry Harrison, history of ideas, intellectual history, "Eden" cycle, American right, anti-collectivism, anti-feminism, anti-ecologism, images of the Other*

Maksym W. Kyrchanoff, *Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Historical Faculty, Voronezh State University, maksym_kyrchanoff@hotmail.com*

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ В ПОИСКАХ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ ИСТОРИКА¹

В статье рассматриваются особенности военно-исторических исследований в современной России на примере диссертаций на соискание степени доктора исторических наук, защищённых в 2014–2020 гг. Военно-исторические исследования по числу защищённых диссертаций представляют собой одну из самых больших тематических групп, охватывающую более десятой части от всех защищённых работ по истории в указанный период. Преимущественно диссертации посвящены российской истории XX в. с фокусом на истории развития различных типов вооружённых сил, и, в меньшей степени, истории Мировых войн. Автор указывает на своеобразие военной истории, выражающееся как в статистических отличиях от положения в исторической науке в целом, так и в особенностях специализации ученых и формулировки тематики их исследований. Особо отмечается практическая ориентированность военно-исторических работ – зачастую авторы выделяют в работе целый раздел, чтобы напрямую обратиться к органам государственной власти с экспертным заключением по той или иной области развития вооружённых сил России. Подобный переход от диссертации-исследования к диссертации-проекту нетипичен для исторической науки в целом и представляет собой новацию, а, возможно, некий ценностный сдвиг, уравнивающий стремление к истине с идеалом служения России.

Ключевые слова: *военная история, современная отечественная историография, диссертационная культура, социальная роль историка.*

В длинном ряду субдисциплин исторической науки военная история всегда играла особую роль – в конце концов, именно с попытки объяснить, почему эллины и варвары воевали друг с другом, родилась историография. До сих пор войны и мирные договоры во многом служат опорами, поддерживающими цепь хронологии – водоразделами между эпохами. И хотя историки давно не занимаются исключительно войнами и деяниями «великих людей», военная история всё ещё заслуженно пользуется почётом, играя конституирующую роль в таком важном явлении как формирование исторической памяти и коллективной идентичности. Наконец, в изучении войн прошлого особенно остро проявлялась дидактическая роль истории, ведь именно от результата войны чаще всего зависят исторические судьбы того или иного государства или даже народа. На то, что эта дидактическая функция до сих пор актуальна в рамках данного направления исследований, указывает и само определение термина: «Военная история – дисциплина классической исторической науки, изучающая такие практики существования человеческого общества, как ведение войн, строительство и развитие вооружённых сил. Военная история, кроме изучения конкретных войн и военных событий, анализирует их цели и причины, итоги и значение, исследует историю строительства вооружённых сил и комплектования армий, их

¹ Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2024-537).

оснащение, принципы выделения видов и родов войск, полководческое искусство и историю военной мысли, форму и тактику военных действий»², – последняя часть данного определения спокойно могла бы быть применена к термину «военное дело», и вопрос о том, чем в большей степени является военная история, историей для военных или военным делом для историков, едва ли можно разрешить однозначно.

О том, какое место заняла военная история в современной российской науке и культуре, можно говорить долго – вспомнится и деятельность Российского военно-исторического общества, и преимущественно военная тематика исторических фильмов, и направленность реконструкторского движения, в первую очередь, именно на воссоздание образов воинов разных эпох. Даже главный государственный праздник³ – День Победы – связан с победой в Великой Отечественной войне.

С учётом сказанного небезынтересно выделить особенности военно-исторических исследований в отечественной науке. Данная статья представляет собой часть этой масштабной исследовательской задачи – взгляд на особенности изучения военной истории в России на конкретной выборке источников – диссертаций на соискание степени доктора исторических наук, защищённых в России в 2014–2020 гг.

Всего за указанный период ВАК РФ присудил историкам 305 докторских степеней. Из них к военной истории относятся 44 диссертации – около 15% от всех защищённых диссертаций⁴. Данный тематический блок является вторым по числу работ, опережая даже совокупность диссертаций по всеобщей истории, и в количественном отношении уступает только краеведению. Авторы работ по военной истории – преимущественно мужчины, всего шесть работ написаны женщинами⁵. Подобный разброс также нетипичен, поскольку в среднем женщины составляют почти сорок процентов от всех докторов исторических наук, защитившихся в указанный период. Интересен тематический выбор соискательниц – женщины не склонны выбирать для исследования проблемы, связанные непосредственно с ходом боевых действий или развитием вооружённых сил. Одна диссертация посвящена продовольственному вопросу в период Первой Мировой войны, одна – роли записок русских офицеров в изучении Кавказа, по одной – народному хозяйству и социальной политике в годы ВОВ и одна работа – явлению военного плена⁶.

Военные историки, как правило, склонны использовать общественно-политическую стратегию обоснования актуальности собственного исследования. Как пишет А.Б. Астахов: «Роль войны в формиро-

² Чубарьян 2014: 49.

³ Путин 2024.

⁴ Данные наши (прим. М.Я.)

⁵ Долидович 2020; Зотова 2016; Колосовская 2017; Красноженова 2014; Полякова 2015; Суржикова 2015.

⁶ Единственное исключение из правила — диссертация Т.П. Малютиной «История боевых действий советских войск против вооружённых сил королевской Румынии на советско-германском фронте: 1941–1944 гг.».

вании самого субъекта последующих грандиозных социальных и политических изменений в России является одной из важнейших проблем исследования»⁷. В то же время обращение к аргументу общественной пользы может различаться внутренне. Некоторые исследователи ставят в центр общие трудности российского государства: «Серьезного внимания заслуживают продовольственные стратегии государства в периоды тяжелых испытаний (войн, интервенций, революций и т.п.), от которых во многом зависят перспективы сохранения суверенитета и безопасности. Без опоры на такой опыт система государственного управления перестает быть адекватной целям и задачам национального развития. Для России, которая на протяжении своей истории неоднократно сталкивалась с проблемами дефицита продовольствия и массовым голодом, этот вопрос имеет особое значение»⁸.

Другие историки предпочитают сужать поле актуализации до конкретной проблемы, вроде продолжающегося перевооружения вооруженных сил – «Во-вторых, реализующийся в настоящее время план реформы Вооруженных Сил Российской Федерации ставит главной целью обеспечение безопасности страны, приведение армии и ее офицерского корпуса в соответствие со степенью подлинной военной опасности, новыми политическими и социальными реалиями. Разработка государственной политики в сфере военного образования предусматривает обобщение и осмысление имеющегося исторического опыта обеспечения высокого уровня технической, тактической и командной подготовки артиллерийских и инженерных кадров, способных поддерживать в боеспособном состоянии и умело эксплуатировать соответствующее вооружение и технику, для его распространения на современные процессы перевооружения и модернизации Вооруженных Сил РФ»⁹.

К общественно-политическому аргументу обращаются, обосновывая актуальность, и работающие в рамках других направлений исследователи. Отличие и оригинальность работ военных историков в том, что для них подобные формулировки выходят за рамки историографических штампов и в самом деле характеризуют практические цели написания работы. На это указывает массовое появление в диссертациях по военной истории разделов, напрямую посвящённых рекомендациям к властям РФ по развитию той или иной отрасли военного производства или вооруженных сил. Попытка историков настойчиво предложить собственные знания власти, выступить экспертами, среди военных историков выражена в наибольшей степени – даже историки образования, зачастую тоже призывающие обратиться к историческому опыту, как правило, ограничиваются лишь призывом к прочтению работы (в разделах «актуальность» и «практическая значимость»), не переходя в область непосредственно проектирования.

⁷ Асташов 2018: 6.

⁸ Оськин 2018: 670.

⁹ Долидович 2020.

Структура диссертационного исследования давно стала традицией, в некоторых диссертационных советах даже закреплённой на уровне обязательных требований, сложившийся порядок в целом не слишком гибок, и серьёзное вмешательство в него не может не отражать в себе изменения, происходящие в дисциплине в целом.

Дидактизм истории как «учительницы жизни» впервые был поставлен под сомнение после Мировых войн – но очевидно, по крайней мере, в определенной части профессиональной корпорации, подобное положение, равно как и нередкая направленность исторических сочинений на коллег-ученых, вызывает к жизни интенсивный поиск форм, в которых историография могла бы выступать наставницей не столько личности, сколько институтов.

Существует множество работ, рассматривающих эволюцию общественной роли историка, и множество ярких характеристик – чего стоит один только «наполовину нотариус, наполовину пророк»¹⁰ Пьера Нора! – но даже на фоне афористичных характеристик историков прошлого, роль советника по развитию вооруженных сил определенно представляет собой новацию, потенциал и перспективы которой до конца не ясны сейчас. На стремление военных историков к пересмотру сложившейся социальной роли указывает и тематический выбор. В формулировке темы конкретно-исторический аспект, то есть указание на определённое историческое событие, не является всеобщим и как минимум соседствует с военно-техническим, т.е. историк может специализироваться не на конкретной войне, а, например, на роде войск или даже более специализированном явлении, так, существуют диссертации всецело посвящённые истории военной гидрометеорологии или радиоразведке. И далеко не все диссертации, даже посвящённые конкретной войне, фокусируются на боевых действиях – распространено обращение к экономической или социальной политике, проблемам военной пропаганды. Ход боевых действий находится в фокусе только пять диссертаций, из которых три посвящены Второй Мировой войне, одна – Первой мировой и ещё одна – Гражданской войне. Такая военно-техническая специализация, собственно, и выступает основой для претензии на экспертность в области не только конкретных событий прошлого, но и особенностей работы определенной отрасли военного производства или даже военного дела как такового. Историк обращается в эксперта по танкостроению, артиллерийскому производству, работе военно-учебных заведений, особенностям функционирования системы военного плена, чей опыт научной работы и знания о конкретных последствиях управленческих решений прошлого дополняет, а не перечеркивает служение государству.

На потенциал историка как эксперта играет и хронологическая приближённость большинства военно-исторических работ к современности – 3/4 диссертаций относятся к XX в. – преимущественно Миро-

¹⁰ Нора 1999: 87.

вым войнам и промежутку между ними. Географически почти все работы посвящены военной истории России, и это тоже, безусловно, не является случайностью. Разберём вышесказанное на примере диссертаций по истории военно-морского флота. Диссертация В.Д. Овчинникова "Личность адмирала Ф.Ф. Ушакова и влияние его деятельности на строительство и применение отечественного флота", при кажущейся хронологической удаленности от современности, отнюдь не ограничивается сугубо архивными задачами – данное исследование представляет собой попытку понять, как именно система военно-морского образования Царской России смогла воспитать военного гения. В частности, разбираются система обучения, личности исторических персонажей, повлиявших на молодого Ушакова и прочитанные им книги по тактике военно-морского сражения. Также предпринята попытка с точки зрения новейших представлений о военно-морской тактике XIX в. разобрать, что именно значимого сделал адмирал Ушаков для флота – в частности, его меры по приданию флоту четкой организации не только в походе, но и на берегу, установление сохранившегося до наших дней требования, чтобы половину экипажа каждого корабля составляли старослужащие матросы, правила набора матросов сверх комплекта, разработку уникальной методики военно-морской подготовки корабельных экипажей, введение обязательных патрульных действий флота, введение военно-морских госпиталей. Отдельно отмечается, что на 2/3 финансирование всех этих мер проводилось из собственных средств адмирала или по согласованному займу у наиболее обеспеченных офицеров по инициативе Ушакова. Оценивается и тактическая новинка Ф.Ф. Ушакова – вывод части кораблей из линии для их сосредоточения на направлении главного удара и тактика охвата «головы» колонны. Наконец, несмотря на хронологическую удаленность, завершают работу "уроки истории" и рекомендации государственной власти¹¹.

В диссертациях по военной истории часто хронологические рамки задаются рассматриваемой технической проблемой, а не рамками конкретных политических событий. Так, диссертация В.М. Прямыцына «Деятельность отечественных государственных органов по развитию военной гидрометеорологии (1876–1945 гг.)» охватывает и историю Российской Империи и историю СССР. Автор доказывает, что интенсивный поиск инноваций в гидрометеорологической отрасли всегда инициировался в рамках подготовки к войнам (с 1912 г. – при царском режиме, с 1935 г. – при советском) и особенно активизировался в ходе войн, прослежен ход технической и организационной эволюции отрасли с первого штормового предупреждения флоту (1876 г.) до победы над Японией. Отдельный интерес представляет перечень рекомендаций ВС РФ по развитию отрасли с учетом исторического опыта¹² – яркое проявление «прикладного» характера диссертаций по военной истории.

¹¹ Овчинников 2018: 312-313.

¹² Прямыцын 2020: 460–491.

Сходным образом С.В. Федулов в работе «Исторический опыт военно–технического сотрудничества Российской империи и СССР с зарубежными странами в интересах Военно–морского флота (1890–1950-е гг.)», анализируя систему построения импортных заказов ВМФ Российской Империи и СССР, завершает диссертацию рекомендациями МО РФ по построению импортных заказов в мирное и военное время¹³. В.Г. Кикнадзе в работе «Развитие сил и средств радиоразведки отечественного Военно–Морского Флота в первой половине XX века: исторический опыт и уроки» также не ограничивается простым историческим экскурсом, а заканчивает работу рекомендациями по эффективному ведению радиоразведки современным российским ВМФ¹⁴.

Даже в диссертации П.В. Петрова «Краснознаменный Балтийский флот накануне Великой Отечественной Войны: 1935 – весна 1941 гг.», где отсутствуют прямые рекомендации МО РФ, основное внимание уделяется вопросам боевой подготовки флота и довоенного оперативного планирования. Анализируются как существенные успехи СССР в области создания береговой инфраструктуры и постройки новых судов, так и сложности в насыщении флота техническими новинками. Рассматриваются также сложности подготовки личного состава – классовый подход к набору в военные ВУЗы привел к резкому снижению интеллектуального уровня офицеров, военные училища в основном ликвидировали базовую неграмотность – значительная часть командиров испытывала сложности с решением арифметических задач и грамотным составлением приказов, не знала военной истории и основ географии, не разбиралась в тактике. Безграмотность командиров привела к ситуации полной безынициативности и постоянного ожидания приказов со стороны вышестоящего начальства – склонность к распорядительной, а не тактической деятельности. Даже на учениях, попав в сложную ситуацию, командиры терялись, бездействовали и запрашивали указания. Боевая подготовка при внешней интенсивности велась формально. Недопустимо высок был уровень аварийности, даже в спокойную погоду. П.В. Петров рассматривает также систему оперативного планирования – громоздкую и носящую формальный характер. Результатом работы такой системы становились заведомо невыполнимые планы, в которые командование флота не имело право вносить существенные изменения, поскольку основной задачей такого документа было создание удобной для высшего руководства армии и флота отчетности. В частности, все планы ориентировались исключительно на благоприятную оперативнотактическую обстановку. Все эти факторы приводят к неудачному для Балтийского флота началу войны¹⁵.

Таким образом, в диссертациях, посвященных военно–морскому флоту ярко, даже если невысказанно, выражена «практическая» направ-

¹³ Федулов 2019: 344–382.

¹⁴ Кикнадзе 2014: 356–386.

¹⁵ Петров 2014: 622–639.

ленность – часто затрагивающая технические или организационно-тактические аспекты – это во многом диссертации для военных.

Сходная тенденция прослеживается в работах, посвященных авиации – В.И. Подтрепного («Развитие отечественного самолетостроения в условиях "холодной войны" (1946–1959 гг.): на материалах серийных заводов Европейской части СССР») и О.Н. Астраханцева («История становления и развития системы подготовки военных авиационных кадров в Сибири (1910–1991 гг.)»). В.И. Подтрепный последовательно доказывает, что авиационная промышленность СССР фактически постоянно работала в режиме военного времени – даже в мирное время «гонка вооружений» и постоянное совершенствование самолетов, и рост времени сборки технически совершенных моделей приводили к постоянной необходимости работать сверхурочно. Грамотно была организована подготовка и переподготовка кадров, направленная на постоянное освоение новых достижений науки и техники, что позволило справиться с кадровыми трудностями 1950-х гг. В то же время наличествовал ряд проблем, связанных с борьбой группировок внутри Министерства авиационной промышленности за серийные заводы, которая вели к зачастую непоследовательным решениям. Однако В.И. Подтрепный сделал вывод о том, что отрасль выполняла свои задачи и прямо рекомендует государству обратиться к советскому опыту¹⁶.

О.Н. Астраханцев на примере сибирского военно-образовательного комплекса указывает на трудности с подготовкой советских летчиков в 1930-е гг.: недостаток учебных самолетов и квалифицированных кадров, преподавательский состав авиашкол состоял из вчерашних выпускников авиашкол, часто имеющих серьезные трудности с общим образованием, методическое обеспечение никак не было связано с реальностью и состояло из «идеальных» программ, в то время как фактически советские летчики к моменту попадания на фронт имели «налёт» в десятки раз меньше выпускников авиашкол Англии и Германии. Положительно оценивается воспитательная работа – при всех сложностях с подготовкой, в ходе Великой Отечественной войны выпускники авиашкол героически сражались за Родину. В 1950-е гг. индустрия делает качественный и количественный рывок, в 1960-е в рамках ДСНВ, сменившийся бездумными сокращениями¹⁷.

Можно возразить, что дидактическая тенденция во всех вышеприведенных работах скорее следует из технической проблематики, а не определяет ее. В конце концов, невозможно быть историком авиации, даже приблизительно не представляя, как работает самолёт. Однако, ровно то же инструментальное отношение к прошлому присутствует, например, в диссертациях по военной пропаганде.

Работа Л.А. Шайпака посвящена пропаганде в российской армии кадетов, эсеров, меньшевиков и большевиков в 1904–1917 гг. Отмеча-

¹⁶ Подтрепный 2014: 357–363.

¹⁷ Астраханцев 2019: 541–558.

ется общий успех пропаганды меньшевиков, встречающий поддержку у представителей всех сословий. В то же время отмечается и систематическая разрушительная работа большевиков, всё более успешная в силу отсутствия какого-либо ей ответа от властных органов – социалистические партии левого толка не рассматривали большевиков как серьезного противника и исходили из постулатов об идеологической близости всех «демократических сил». Такая недооценка противника привела сначала к дезорганизации управления, а после и к захвату политической власти большевиками. Именно на большевиков Л.А. Шайпак возлагает ответственность за дезорганизацию промышленного производства в стране, а позднее и за полный развал армии. Также последующий успех большевиков связывается с экстремизацией большей части населения страны, возлагающей надежды на немедленный и тотальный передел собственности. Также, Л.А. Шайпак отмечает неспособность либералов в 1917 г. к управлению страной, что связывает с большим числом «случайных людей» в партиях кадетов и октябристов, превращающих партии в подобие дискуссионных клубов. Отдельно отмечается то, что вся пропаганда эсеров и меньшевиков в армии была направлена на втягивание солдатской массы в политическую борьбу партий. Л.А. Шайпак также выделяет «уроки» событий тех лет, адресованные лидерам современных российских партий¹⁸, и по факту представляющие собой агитационные призывы к следованию «общечеловеческим ценностям», политике дела, а не слов, плюрализму, дистанцированию.

Ф.Л. Сеницын исследовал идеологическое противоборство на оккупированной Германией в ходе Великой Отечественной войны территории. В частности, им выделяется логика развития советской пропаганды – от идеи взаимопомощи различных этносов и единого советского народа к подчеркиванию особой роли русского народа, антигерманизму и религиозной пропаганде. Напротив, германская пропаганда изначально была построена на манипулятивных посылах с особым подчеркиванием этнического и религиозного факторов. Под видом обещаний «освобождения» нерусских народов от коммунистов и предоставления свободы вероисповедания скрывалась насаждаемая русофобия. Эта пропаганда не соответствовала реальным планам Третьего Рейха. Отдельно рассмотрен вопрос участия эмигрантских организаций в апробации и трансляции пропаганды. Пропаганда обеих сторон отличалась гибкостью, адаптировалась под каждый конкретный регион. Отдельно отмечается снижение эффективности германской пропаганды – высокая в начале войны, она быстро снизилась, потому что немцы не сделали ничего для выполнения своих обещаний по созданию национальных автономий, а также из-за вопиющего расхождения между декларируемым и реальным отношением к местному населению и религиозным святыням. Эффективность пропаганды русофобии носила ограниченный характер, и в основном затронула уже существовавших национал-сепаратистов.

¹⁸ Шайпак 2016: 380–401.

Особенно эффективна нацистская пропаганда была на территориях Западной Украины и в Прибалтике. Как и в случае с некоторыми упомянутыми выше авторами, Ф.Л. Сеницын выделяет в конце своего труда «исторические уроки» – в частности, подчеркивает важность использования национального и религиозного факторов в пропаганде при сохранении тезиса о единстве и взаимопомощи народов¹⁹.

Заметно, насколько меняется характер заключительного послания в зависимости от особенностей темы работы – адресатом может выступать как государство, так и "лидеры политических партий", в некоторых случаях прямого обращения может и не быть, а сам раздел именуется, например, "уроками истории", но целесообразность самого послания, частично превращающего диссертацию из исследования в проект, остается за скобками. Хотя подобное проектирование и зародилось в недрах военной истории, его влияние постепенно проникает и в другие субдисциплины истории, прежде всего связанные с образованием и мемориальной культурой. Так, Е.А. Полякова в диссертации о церковных музеях также выступила с программой их реформирования²⁰.

Военная история – во многих отношениях «другая» по отношению к исторической науке в целом, другая даже в статистическом отношении (как мы показали на примере гендерного состава авторов). Собственные принципы выделения специализации и формулировки темы, где внутренние границы могут определяться, к примеру, зарождением радиоразведки, и никак не привязываться к политической хронологии, собственные особенности методики исследования (с сильной практикоориентированностью – важно не просто понять происходящее, но и его место в развитии вооруженных сил), особенности даже предмета исследования (историк танкостроения с большей легкостью может прокладывать мосты в своих исследованиях, например, между танками Российской Империи, СССР и РФ – ведь важны в первую очередь технические решения и сугубо формальное устройство институций) – все эти факторы привели к появлению в рамках субдисциплины новой практики исследовательской работы, значимой достаточно, чтобы проявиться на формальном уровне в квалификационных исследованиях.

Данная практика сближает исследовательскую деятельность и служение государству, в диссертации проникая в виде «уроков истории», «рекомендаций государственной власти» и прочих типов посланий, направленных подчеркнута не столько коллегам–учёным, сколько за пределы научной корпорации. Пока сложно сказать, является подобная перемена особенностью эволюции внутренней «кухни» исключительно военных историков (что вероятно) или неким пока что малозаметным сдвигом в восприятии общественной роли историка, проявившемся в военной истории в большей степени, чем в прочих субдисциплинах. Однако, всё чаще стремление отойти от диссертации–

¹⁹ Сеницын 2017: 371–391.

²⁰ Полякова 2015.

исследования к диссертации-проекту встречается за пределами исключительно военной истории. В наибольшей степени новации подвержены работы по истории мемориальной культуры, в наименьшей – по всеобщей истории (среди 33 диссертаций, защищённых в указанный период, только в одной присутствовало нечто подобное).

Однако, внутренняя потребность даже 5–10% историков в подобном «послании» и, в более широком смысле, в проектировании как закономерного следствия изучения, может выступать свидетельством постепенного смещения ценностей учёного, в которые наряду со стремлением к истине проникают идеалы служения Отечеству.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Абдарашитов Э.Е. Пленные россияне в информационной политике России в 1914–1917 гг.: внутриполитические и внешнеполитические аспекты: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Ставрополь, 2015. 587 с. [Abdarashitov E.E. Plennye rossiyane v informatsionnoi politike Rossii v 1914–1917 gg. (Russian captives as a part Russian agenda in 1914–1917): vnutripoliticheskie i vnesnepoliticheskie aspekty: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk: 07.00.02. Stavropol', 2015. 587 s.]
- Аристов С.В. Система нацистских концентрационных лагерей на оккупированной территории Советского Союза (1941–1944 гг.): диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Курск, 2018. 393 с. [Aristov S.V. Sistema natsistskikh konsentratsionnykh lagerei na okkupirovannoi territorii Sovetskogo Soyuz (1941–1944 gg.) (The system of Nazi concentration camps in the occupied territory of the Soviet Union (1941–1944)): dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk: 07.00.02. Kursk, 2018. 393 s.]
- Астраханцев О.Н. История становления и развития системы подготовки военных авиационных кадров в Сибири: 1910–1991 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Иркутск, 2019. 638 с. [Astrakhansev O.N. Istoriya stanovleniya i razvitiya sistema podgotovki voennykh aviatsionnykh kadrov v Sibiri: 1910–1991 gg. (The history of the formation and development of the military aviation personnel training system in Siberia: 1910–1991.): dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk: 07.00.02. Irkutsk, 2019. 638 s.]
- Асташов А.Б. Фронтальная повседневность российских солдат, август 1914–февраль 1917 гг.: специальность 07.00.02 "Отечественная история": диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2018. 363 с. [Astashov A.B. Frontovaya povsednevnost' rossiiskikh soldat, avgust 1914–fevral' 1917 gg. (The daily life of Russian soldiers at the front, August 1914–February 1917.): spetsial'nost' 07.00.02 "Otechestvennaya istoriya": dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk. M., 2018. 363 s.]
- Багаутдинов Р.О. Участие башкир в гражданской войне в 1917–1922 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Уфа, 2019. – 530 с. [Bagautdinov R.O. Uchastie bashkir v grazhdanskoi voine v 1917–1922 gg. (Bashkir participation in the Civil War in 1917–1922.): dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk: 07.00.02. Ufa, 2019. – 530 s.]
- Безугольный А.Ю. Опыт строительства Вооруженных Сил СССР: национальный аспект (1922–1945 гг.): диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2019. 597 с. [Bezugol'nyi A.YU. Opyt stroitel'stva Vooruzhennykh Sil SSSR: natsional'nyi aspekt (1922–1945 gg.) (The experience of building the Armed Forces of the USSR: the national aspect (1922–1945)): dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk: 07.00.02. M., 2019. 597 s.]
- Бенда В.Н. Развитие артиллерии и инженерного дела и подготовка артиллерийских и инженерных кадров в постпетровский период XVIII в. (на материалах Санкт–Петербурга и Москвы): диссертация ... доктора Исторических наук: 07.00.10. 2019. 570 с. [Benda V.N. Razvitiie artillerii i inzhenernogo dela i podgotovka artilleriiskikh i inzhenernykh kadrov v postpetrovskii period XVIII v. (na materialakh SankT–Peterburga i Moskvyy) (The development of artillery and engineering and the training of artillery and engineering personnel in the post-Soviet period of the XVIII century. (based on materials from St. Petersburg and Moscow)): dissertatsiya ... doktora Istoricheskikh nauk: 07.00.10. 2019. 570 s.]
- Бобков В.А. История артиллерийского производства России в середине XVII – конце XIX вв.: диссертация на соискание доктора исторических наук: 07.00.02. Орел, 2018. 489 с. [Bobkov V.A. Istoriya artilleriiskogo proizvodstva Rossii v seredine XVII – kontse XIX vv.

- (The history of Russian artillery production in the middle of the XVII – late XIX centuries.): dissertatsiya na soiskanie doktora istoricheskikh nauk: 07.00.02. Orel, 2018. 489 s.].
- Буранок С.О. Тихоокеанская война в оценке американского общества: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. Брянск, 2015. 484 с. [Burank S.O. Tikhookeanskaya voyna v otsenke amerikanskogo obshchestva(The Pacific War in the assessment of American society): dissertatsiya na soiskanie stepeni doktora istoricheskikh nauk: 07.00.03. Bryansk, 2015. 484 s.].
- Вишняков Я.В. Влияние военного фактора на государственное развитие Сербии начала XX века: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2014. 463 с. [Vishnyakov YA.V. Vliyaniye voennogo faktora na gosudarstvennoye razvitiye Serbii nachala XX veka(The influence of the military factor on the state development of Serbia at the beginning of the 20th century): 07.00.03. M., 2014. 463 s.].
- Гребенкин А.Н. Военно-культурные традиции подготовки русского офицерского корпуса: 2-я половина XVII – начало XX в.: диссертация на соискание доктора исторических наук: 07.00.02. Орел, 2017. 578 с. [Grebinkin A.N. Voенно-kul'turnye traditsii podgotovki russkogo ofiterskogo korpusa: 2-ya polovina XVII – nachalo XX v.. Military and cultural traditions of the training of the Russian officer corps: the 2nd half of the XVII – early XX century): 07.00.02. Orel, 2017. 578 s.].
- Губайдуллин А.М. Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв.: по материалам археологических исследований: диссертация... доктора исторических наук: 07.00.06. Казань, 2017. 558 с. [Gubaidullin A.M. Fortifikatsiya v Srednem Povolzh'e v X – pervoi polovine XVI vv.: po materialam arheologicheskikh issledovaniy (Fortification in the Middle Volga region in the X – first half of the XVI centuries: based on the materials of archaeological research): 07.00.06. Kazan', 2017. 558 s.].
- Гуров В.А. Отечественные вооруженные силы и их роль в разрешении вооруженных конфликтов в 1988–2008 гг.: диссертация... доктора исторических наук: 07.00.02. Оренбург, 2014. 613 с. [Gurov V.A. Otechestvennyye vooruzhennyye sily i ikh rol' v razreshenii vooruzhennykh konfliktov v 1988–2008 gg. (The Russian Armed forces and their role in the resolution of armed conflicts in 1988–2008.): 07.00.02. Orenburg, 2014. 613 s.].
- Гусев А.В. Местная противовоздушная оборона областей Центрального района России в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны: 1932–1945 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Кострома, 2014. 442 с. [Gusev A.V. Mestnaya protivovozdushnaya oborona oblastei Tsentral'nogo raiona Rossii v predvoennyi period i v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: 1932–1945 gg. (Local air defense of the regions of the Central Region of Russia in the pre-war period and during the Great Patriotic War: 1932–1945.): 07.00.02. Kostroma, 2014. 442 s.].
- Дмитриев А.В. Русская регулярная армия в Сибири: 1725–1796 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Новосибирск, 2018. 439 с. [Dmitriev A.V. Russkaya regul'yarnaya armiya v Sibiri: 1725–1796 gg. (Russian Regular Army in Siberia: 1725–1796): 07.00.02. Novosibirsk, 2018. 439 s.].
- Долидович О.М. Продовольственный вопрос в Восточной Сибири в период Первой мировой войны (июль 1914 г. – октябрь 1917 г.): специальность 07.00.02 "Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Красноярск, 2020. 551 с. [Dolidovich O.M. Prodovol'stvennyi vopros v Vostochnoi Sibiri v period Pervoi mirovoi voiny (iyul' 1914 g. – oktyabr' 1917 g.) spetsial'nost' 07.00.02 "Otechestvennaya istoriya»: dissertatsiya na soiskanie stepeni doktora istoricheskikh nauk. Krasnoyarsk, 2020. 551 s.].
- Дятлов В.В. История артиллерии в военных конфликтах с участием РККА (1929–1940 гг.): диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Иркутск, 2014. 473 с. [Dyatlov V.V. Istoriya artillerii v voennykh konfliktakh s uchastiem RKKa (1929–1940 gg.) (History of artillery in military conflicts involving the Red Army (1929–1940)): 07.00.02. Irkutsk, 2014. 473 s.].
- Зверев В.О. Система мер противодействия угрозам военной безопасности Российской империи: 1904–1914 годы: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Омск, 2017. 483 с. [Zverev V.O. Sistema mer protivodeistviya ugrozam voennoi bezopasnosti Rossiiskoi imperii: 1904–1914 gody (System of measures to counter threats to the military security of the Russian Empire: 1904–1914): 07.00.02. Omsk, 2017. 483 s.].
- Зотова А.В. Вклад Ленинграда в достижение Победы в Великой Отечественной войне: народное хозяйство города в условиях военного времени: июнь 1941 г. – май 1945 г.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Санкт-Петербург, 2016. 477 с.

- [Zotova A.V. Vklad Leningrada v dostizhenie Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine: narodnoe khoziaistvo goroda v usloviyakh voennogo vremeni: iyun' 1941 g. – mai 1945 g. (Contribution Leningrad in achieving Victory in the Great Patriotic War: the national economy of the city in wartime conditions: June 1941 – May 1945: 07.00.02. Sankt–Peterburg, 2016. 477 s.).
- Калинин А.А. Греческий конфликт в контексте становления биполярной системы: 1944–1953 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.03. Киров, 2018. 874 с. [Kalinin A.A. Grecheskii konflikt v kontekste stanovleniya bipolyarnoi sistemy: 1944–1953 gg. (The Greek conflict in the context of the formation of the bipolar system: 1944–1953): 07.00.03. Kirov, 2018. 874 s.].
- Кикнадзе В.Г. Развитие сил и средств радиоразведки отечественного Военно–Морского Флота в первой половине XX века: исторический опыт и уроки: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2014. 432 с. [Kiknadze V.G. Razvitiye sil i sredstv radiatorazvedki otechestvennogo Voенно–Morskogo Flota v pervoi polovine XX veka: istoricheskii opyt i uroki (Development of forces and means of radio intelligence of the Russian Navy in the first half of the twentieth century: historical experience and lessons): 07.00.02. М., 2014. 432 s.].
- Козлов Д.Ю. Нарушение морских коммуникаций: проблемы и пути их решения по опыту действий Российского флота в Первой мировой войне (1914–1917 гг.): диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2015. 524 с. [Kozlov D.YU. Narusheniye morskikh kommunikatsii: problemy i puti ikh resheniya po opyту deistvii Rossiiskogo flota v Pervoi mirovoi voine (1914–1917 gg.) (Violation of maritime communications: problems and solutions based on the experience of the Russian Navy in World War I (1914–1917)): 07.00.02. М., 2015. 524 s.].
- Колосовская Т.А. Российские военные в интеллектуальном освоении Северного Кавказа XVIII – начала XX в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Ставрополь, 2017. 523 с. [Kolosovskaya T.A. Rossiiskie voennye v intellektual'nom osvoenii Severnogo Kavkaza XVIII – nachala XX v. (Russian military in the intellectual development of the North Caucasus XVIII – early XX century): 07.00.02. Stavropol', 2017. 523 s.].
- Красноженова Е.Е. Исторический опыт реализации социальной политики Советского государства в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Нижнего Поволжья): диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Астрахань, 2014. 495 с. [Krasnozhenova E.E. Istoricheskii opyt realizatsii sotsial'noi politiki Sovetskogo gosudarstva v period Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. (na materialakh Nizhnego Povolzh'ya) (Historical experience of the implementation of the social policy of the Soviet state during the Great Patriotic War of 1941–1945. (based on the materials of the Lower Volga region)): 07.00.02. Astrakhan', 2014. 495 s.].
- Кузьминых А.Л. Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт: 1939–1956 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Архангельск, 2014. 579 с. [Kuz'minykh A.L. Sistema voennogo plena i internirovaniya v SSSR: genезis, funktsionirovaniye, lagernyi opyt: 1939–1956 gg. (The system of military captivity and internment in the USSR: genesis, functioning, camp experience: 1939–1956.): 07.00.02. Arkhangel'sk, 2014. 579 s.].
- Латыпов Т.Р. История боевых действий советских войск в период освобождения Чехословакии от немецко-фашистских захватчиков: сентябрь 1944 – май 1945 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Воронеж, 2019. 498 с. [Latypov T.R. Istoriya boevykh deistvii sovetskikh voisk v period osvobozhdeniya Chexkoslovakiy ot nemetsko-fashistskikh zakhvatnikov: sentyabr' 1944 – mai 1945 gg. (The history of the fighting of Soviet troops during the liberation of Czechoslovakia from the Nazi invaders: September 1944 - May 1945.): 07.00.02. Voronezh, 2019. 498 s.].
- Ляпин Д.А. Социально-политическая борьба на юге России в середине XVII в.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Елец, 2015. 461 с. [Lyapin D.A. Sotsial'no-politicheskaya bor'ba na yuge Rossii v seredine XVII v. (Socio-political struggle in southern Russia in the middle of the XVII century.): 07.00.02. Elets, 2015. 461 s.].
- Малютина Т.П. История боевых действий советских войск против вооруженных сил королевской Румынии на советско-германском фронте: 1941–1944 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Воронеж, 2019. 523 с. [Malyutina T.P. Istoriya boevykh deistvii sovetskikh voisk protiv voozuzhennykh sil korolevskoi Rumynii na sovetsko-germanskom fronte: 1941–1944 gg. (The history of the fighting of Soviet troops

- against the armed forces of Royal Romania on the Soviet-German front: 1941–1944.): 07.00.02. Voronezh, 2019. 523 s.].
- Мехамадиев Е.А. Военная организация поздней Римской империи во второй половине III – первой половине IV вв.: региональные экспедиционные армии в контексте гражданских войн и римско-персидского противостояния: диссертация на соискание степени доктора Исторических наук: 07.00.03. СПб, 2020. 1114 с. [Mekhamadiev E.A. Voennaya organizatsiya pozdnei Rimskoi imperii vo vtoroi polovine III – pervoi polovine IV vv.: regional'nye ehkspeditsionnye armii v kontekste grazhdanskikh voyn i rimskopersidskogo protivostoyaniya (Military organization of the late The Roman Empire in the second half of the III – first half of the IV centuries: regional expeditionary armies in the context of civil wars and the Roman-Persian confrontation): 07.00.03. SPb, 2020. 1114 s.].
- Михайлик А.Г. История боевых действий Красной армии на территории Венгрии: сентябрь 1944 – апрель 1945 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Воронеж, 2016. 542 с. [Mikhailik A.G. Istoriya boevykh deistvii Krasnoi armii na territorii Vengrii: sentyabr' 1944 – aprel' 1945 gg. (The history of the Red Army's military operations in Hungary: September 1944 – April 1945): 07.00.02. Voronezh, 2016. 542 s.].
- Негин А.Е. Римский декорированный доспех эпохи принципата: диссертация на соискание степени доктора Исторических наук: 07.00.03. Нижний Новгород, 2018. – 960 с. [Negin A.E. Rimskii dekorirovannyi dospekh ehpokhi printsipata (Roman decorated armor of the Principate era): 07.00.03. Nizhniy Novgorod, 2018. – 960 s.].
- Нора П. Франция-Память. СПб, Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – 333 с. [Nora P. Frantsiya-Pamyat' (France-Memory). SPb, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1999. 333 s.].
- Овчинников В.Д. Личность адмирала Ф.Ф. Ушакова и влияние его деятельности на строительство и применение отечественного флота: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2018. 527 с. [Ovchinnikov V.D. Lichnost' admirala F.F. Ushakova i vliyaniye ego deyatelnosti na stroitel'stvo i primeneniye otechestvennogo flota (The personality of Admiral F.F. Ushakov and the impact of his activities on the construction and use of the domestic fleet): 07.00.02. M., 2018. 527 s.].
- Оськин М.В. Продовольственный вопрос в России и снабжение армии в период Первой мировой войны (июль 1914 – октябрь 1917). специальность 07.00.02 "Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2018. 670 с. [Os'kin M.V. Prodoovol'stvennyi vopros v Rossii i snabzheniye armii v period Pervoi mirovoi voyny (iyul' 1914 – oktyabr' 1917) (The food issue in Russia and the supply of the army during the First World War (July 1914 – October 1917)). spetsial'nost' 07.00.02 "Otechestvennaya istoriya»: M., 2018. 670 s.].
- Петров П.В. Краснознаменный Балтийский флот накануне Великой Отечественной Войны: 1935 – весна 1941 гг.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. СПб., 2014. 683 с. [Petrov P.V. Krasnoznamennyi Baltiiskii flot nakanune Velikoi Otechestvennoi Voyny: 1935 – vesna 1941 gg. (The Red Banner Baltic Fleet on the eve of the Great Patriotic War: 1935 – spring 1941): 07.00.02. SPb., 2014. 683 s.].
- Подтrepный Е.И. Развитие отечественного самолетостроения в условиях «Холодной войны» (1946–1959 гг.) (на материалах серийных заводов Европейской части СССР): диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. Иваново, 2014. 391 с. [Podtrepnii E.I. Razvitiye otechestvennogo samoletostroeniya v usloviyakh «Kholodnoi voynY» (1946–1959 gg.) (na materialakh seriinykh zavodov Evropeiskoi chasti SSSR) (Development of domestic aircraft construction in the conditions of the Cold War (1946–1959) (based on materials from serial factories in the European part of the USSR)): 07.00.02. Ivanovo, 2014. 391 s.].
- Полякова Е.А. История светских и церковных педагогических музеев Западной Сибири как образовательной формы культуры: вторая половина XIX – начало XXI века: диссертация ... доктора исторических наук: 24.00.03. Томск, 2015. 613 с. [Polyakova E.A. Istoriya svetskikh i tserkovnykh pedagogicheskikh muzeev Zapadnoi Sibiri kak obrazovatel'noi formy kul'tury: vtoraya polovina XIX – nachalo XXI veka (History of secular and church pedagogical museums of Western Siberia as an educational form of culture: the second half of the XIX – early XXI century): 24.00.03. Tomsk, 2015. 613 s.].
- Путин В.В. Речь 9 мая 2024 г. на Параде Победы в Москве. [Putin V.V. Rech' 9 maya 2024 g. na Parade Pobedy v Moskve. (Speech on May 9, 2024 at the Victory Parade in Moscow)].

- Портных В.Л. Крестовые походы на Ближний Восток, 1095–1291 гг.: идейное содержание пропаганды: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.03. Новосибирск, 2016. – 434 с. [Portnykh V.L. Krestovyye pokhody na Blizhniy Vostok, 1095–1291 gg.: ideinoe sodержanie propagandy (Crusades to the Middle East, 1095–1291: ideological content of propaganda): 07.00.03. Novosibirsk, 2016. 434 s.]
- Прямыцын В.Н. Деятельность отечественных государственных органов по развитию военной гидрометеорологии (1876–1945 гг.): диссертация на соискание степени доктора Исторических наук: 07.00.02. 2020. 532 с. [Pryamitsyn V.N. Deyatel'nost' otechestvennykh gosudarstvennykh organov po razvitiyu voennoi gidrometeorologii (1876–1945 gg.) (Activities of domestic state bodies for the development of military hydrometeorology (1876–1945)): 07.00.02. 2020. 532 s.]
- Синицын Ф.Л. Советско-германское идеологическое противоборство на оккупированной территории СССР: национальный и религиозный аспекты": диссертация на соискание степени доктора Исторических наук: 07.00.02. 2017. – 548 с. [Sinityn F.L. Sovetsko-germanskoe ideologicheskoe protivoborstvo na okkupoivannoi territorii SSSR: natsional'nyi i religioznyy aspekty" (Soviet-German ideological confrontation in the occupied territory of the USSR: national and religious aspects): 07.00.02. 2017. 548 s.]
- Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2015. 550 с. [Surzhikova N.V. Voennyi plen v rossiiskoi provintsii (Military captivity in the Russian province): 07.00.02. Ekaterinburg, 2015. 550 s.]
- Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. [Teoriya i metodologiya istoricheskoi nauki. Terminologicheskii slovar' (Theory and methodology of historical science. Terminology Dictionary). Otv. red. A.O. Chubar'yan. M., 2014.]
- Учаев А.Н. Вооруженные силы Канады во Второй мировой войне: управление, оснащение, участие в боевых действиях: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.03. М., 2018. 547 с. [Uchaev A.N. Vooruzhennyye sily Kanady vo Vtoroi mirovoi voine: upravlenie, osnashchenie, uchastie v boevykh deistviyakh (The Canadian Armed Forces in World War II: management, equipment, participation in hostilities): 07.00.03. M., 2018. 547 s.]
- Филоненко Н.В. История боевых действий советских войск против вооруженных сил хорватской Венгрии на территории СССР: 1941–1944 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. Воронеж, 2017. 488 с. [Filonenko N.V. Istoriya boevykh deistvii sovetskikh voisk protiv vooruzhennykh sil khortistskoi Vengrii na territorii SSSR: 1941–1944 gg. (History of the fighting of Soviet troops against the armed forces of Hortist Hungary on the territory of the USSR: 1941–1944): 07.00.02. Voronezh, 2017. – 488 s.]
- Федулов С.В. Исторический опыт военно-технического сотрудничества Российской империи и СССР с зарубежными странами в интересах Военно-морского флота (1890–1950-е гг.): диссертация на соискание степени доктора Исторических наук: 07.00.02. 2019. 508 с. [Fedulov S.V. Istoricheskii opyt voenno-tekhnicheskogo sotrudnichestva Rossiiskoi imperii i SSSR s zarubezhnymi stranami v interesakh Voenno-morskogo flota (1890–1950-e gg.) (Historical experience of military-technical cooperation of the Russian Empire and the USSR with foreign countries in the interests of the Navy (1890s– 1950s)): 07.00.02. 2019. 508 s.]
- Чувардин Г.С. Офицерский корпус российской императорской гвардии в системе военной и военно-политической элиты Российской империи 1881–1914 гг.: диссертация на соискание степени доктора исторических наук: 07.00.02. М., 2017. 656 с. [Chuvad'in G.S. Ofiterskii korpus rossiiskoi imperatorskoi gvardii v sisteme voennoi i voenno-politicheskoi ehliny Rossiiskoi imperii 1881–1914 gg. (The officer corps of the Russian Imperial Guard in the system of the military and military-political elite of the Russian Empire 1881–1914.): 07.00.02. M., 2017. 656 s.]
- Шайпак Л.А. Борьба политических партий России за армию в начале XX века (на материалах Среднего Поволжья): диссертация на соискание степени доктора Исторических наук: 07.00.02. Чебоксары, 2016. 532 с. [Shaipak L.A. Bor'ba politicheskikh partii Rossii za armiyu v nachale XX veka (na materialakh Srednego Povolzh'ya) (The struggle of Russian political parties for the army at the beginning of the XX century (based on the materials of the Middle Volga region)): 07.00.02. Cheboksary, 2016. 532 s.]

Military History: Searching for a New Social Role for Historians

The article examines the features of military history in contemporary Russia on the example of dissertations for the degree of Doctor of Historical Sciences, proved in 2014-2020. Military historical research on the number of defended dissertations is one of the largest thematic groups, covering more than a tenth of all defended works. The dissertations are mainly devoted to the Russian history of the 20th century, with a focus on the history of the development of various types of armed forces, and, to a lesser extent, the history of World Wars. The author points out the uniqueness of military history, expressed both in statistical differences from the situation in historical studies as a whole, and in the specifics of the specialization of historians and the formulation of the research topic. The practical orientation of military historical works is particularly noted - often the authors allocate an entire section in the work in order to directly address the state authorities with an expert opinion on a particular area of development of the Russian armed forces. Such a transition from a dissertation-research to a dissertation-project is atypical for historical studies as a whole, and represents an innovation, and perhaps some kind of value shift, equating the pursuit of truth with the ideal of serving Russia.

Keywords: *Military history, military historical research in Russia, dissertation culture, contemporary Russian historiography, the social role of the historians.*

Matvey Iakovlev, junior research fellow, Institute of World History of RAS.
mattyakovlev@gmail.com

А.К. ШАБУНИНА

ОБЪЕКТ И МЕТОД В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ИЗУЧЕНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК ПРОШЛОГО

В статье рассматривается специфика и эпистемологическая значимость объекта и метода изучения при конструировании интердисциплинарных и трансдисциплинарных исследовательских моделей. Автор анализирует трансформацию дисциплинарных границ в современных междисциплинарных исследованиях социокультурных практик прошлого. Доказано, что специфика объекта изучения, связанная с обращением к культурному компоненту при изучении социального, позволяет более широко и органично использовать методы различных дисциплин. Современная междисциплинарность минимизирует дисциплинарные рамки в вопросе метода, тогда как предмет исследования получает дополнительную эпистемологическую значимость.

Ключевые слова: *эпистемология, интердисциплинарность, трансдисциплинарность, социокультурные практики, дисциплинарные границы, исследовательская модель.*

Эпистемологический поиск систематической интеграции знаний – циклический процесс, повторяющийся в разные эпохи. Идея единства знания проявляется у натурфилософов, в средневековой сумме, принципе универсального разума эпохи Просвещения, гегелевской философии трансцендентализма, в проблемном поиске теорий согласия и объединения в физике. Для европейской интеллектуальной традиции XIX–XX вв. было свойственно разделять получаемое научное знание на специализированные области в рамках более широкой структуры дисциплинарных областей. Однако позже эта система попала под растущую волну критики. Концепция критической междисциплинарности (Л. Альтюссер) и аргументированная идея предметных полей (М. Фуко) дали новую трактовку холизма в науке и вписали его в рамки теории структурализма. Фактически впервые была актуализирована проблема границ между дисциплинами, в частности, Альтюссер изучал амбивалентное влияние границ на науку, которое, с одной стороны, способствовало распространению научного знания, с другой – ограничивало, так как доминирование одной из наук в процессе междисциплинарного синтеза сдерживало эвристический потенциал отдельных исследований. Признается существование пограничных дисциплинарных зон – лиминального пространства между дисциплинами. Альтюссер позиционировал работу в данных областях «средством чудодейственного исцеления»¹ для гуманитарных дисциплин, находящихся в кризисе. Используемые метафоры о «личных границах» дисциплин были связаны с общей психологизацией терминологического аппарата, что было крайне востребовано у исследователей 1980–2000-х гг. Сам процесс научного интегрирования структуралисты зачастую описывали по аналогии с межличностным общением и считали, что «близкие отношения типичны для современных научных явле-

¹ Althusser 1990: 78.

ний, все чаще “соседские” дисциплины начинают реализовываться в тех “зонах”, которые когда-то считались окончательными “границами”. Из этих новых отношений рождаются новые дисциплины: физическая химия, биофизика, биохимия и др., которые часто являются косвенным результатом развития новых ветвей внутри классических дисциплин².

Аналогичные процессы шли и в гуманитарном знании. Ярчайший пример – эволюция исторического знания, где в тот же период, пройдя через череду кризисов и поворотов, сформировалась «новая историческая наука» с ее многочисленными кросс-дисциплинарными связями и широким спектром актуальных научных направлений³. Большинству из них была свойственна интердисциплинарность, заложенная на этапе институционализации направления или целой дисциплины. Каждый из методологических поворотов вносил в арсенал историка методы науки, чье имя носил «поворот». Накопление практического опыта в областях «нового исторического знания» поставило для историков задачи: первое, предоставить синтезированные теоретические механизмы реализации интердисциплинарности в исторических дисциплинах; второе, продолжить междисциплинарное сотрудничество до уровня внедрения трансдисциплинарных моделей при изучении прошлого.

Общепринятая типология междисциплинарных исследований была утверждена в 1970 г. на научной конференции «Организации экономического сотрудничества и развития» («Organization for Economic Cooperation and Development (OECD)»). Система классифицировала взаимодействия дисциплин на четыре категории: мульти- (multi-), плюри- (pluri-), интер (inter-) - и транс- (trans-) дисциплинарности⁴. Несмотря на ряд трактовок, основным критерием в иерархии междисциплинарных исследований остается степень интеграции дисциплин.

Утверждение принципа когерентности в гносеологии вызывает пересмотр базовых дисциплинарных терминов. Востребованным становится такое понимание гуманитарного знания: «термин гуманитарные науки включает, но не ограничивается только изучением и интерпретацией следующих предметов: языка, как современного, так и классического; лингвистики; литературы; истории, юриспруденции; археологии; сравнительного религиоведения; историю, критику и теорию искусств; те аспекты социальных наук, которые имеют гуманистическое содержание и используют гуманитарные методы»⁵. В этом определении необходимо подчеркнуть два аспекта: первый, оно фиксирует расширение предметных областей гуманитаристики, второй, маркером гуманитарного знания становится свойственное ему содержание и реализуемые методы.

Интердисциплинарность, как более раннее направление, основана на практической реализации идеи приобщения к историческому иссле-

² Althusser 1990: 78.

³ Репина 2009.

⁴ Apostel 1972.

⁵ Klein 2017: 144.

дованию теоретических концепций и методов иных дисциплин. Вместе с тем, как проявление парадигмы кросс-дисциплинарности, интердисциплинарность является способом «постановки научно-исследовательских задач на стыке истории и других научных дисциплин и использование их теоретического потенциала»⁶ для целостного изображения истории и преодоления ограниченности исторического метода в изучении прошлого. Трансдисциплинарность означает интеграцию теории и методов для комплексного решения поставленных целей исследования; позиционируется в современном знании высшей ступенью междисциплинарной интеграции, основой метанауки. Подход позволяет максимально преодолеть гетерогенность отдельных дисциплинарных областей и осмыслить полученные данные «на концептуальном уровне, выходящем за пределы и габитуальные рамки отдельных дисциплин»⁷.

Если принять во внимание две онтологические константы дисциплины – ее предмет и метод, то становится необходимым рассмотреть трансформацию их эпистемологической роли в условиях расширения и усложнения междисциплинарного сотрудничества. Под современными направлениями междисциплинарных исследований в первую очередь понимаются работы, согласованные с двумя актуальными теоретическими модусами: интердисциплинарности и трансдисциплинарности. Оба являются востребованными направлениями научного знания, в т.ч. ориентированного на фиксированный и технологизированный результат проводимых гуманитарных исследований. Для отечественной практики первого десятилетия XXI в. было свойственно синонимичное использование данных терминов, что в корне не верно и не отражает эпистемологическую специфику указанных направлений. Для современного этапа развития гуманитарного знания, как в российском, так и мировом пространстве, принято разграничивать и даже противопоставлять эти два типа полидисциплинарных исследовательских практик, подчеркивая эвристический потенциал каждого из подходов. В ракурсе изучения социокультурных практик прошлого такая диспозиция оформляет пространство варибельности при выстраивании иерархии «дисциплинарных» маркеров для решения исследовательской задачи. То есть, меняя междисциплинарный модус, как перспективный план построения исследовательской модели, ученый или группа ученых может определять два основных параметра: первое, насколько жесткими остаются картезианские границы исследования и, следовательно, насколько возможно расширение исследовательского инструментария; второе, предмет исследования будет интерпретироваться либо как сумма когерентных онтологических специфических черт, либо будет рассматриваться сквозь призму трактовок теоретического исследовательского направления.

Специфичная сложность первого параметра на этапе подведения итогов и обобщения выводов связана с потребностью (или ее отсутстви-

⁶ Лубский 2014: 137

⁷ Киященко, Моисеев 2009: 17.

ем) вписать полученные различными методами данные в свойственное отдельной дисциплине «шаблонной» форме. В связи с этим интердисциплинарность срабатывает более органично. Она может, за счет широкого применения методов, вписать в традиционные алгоритмы и схемы объяснений данные, которые были получены полидисциплинарным инструментарием. Построение исследовательской модели означает технологизацию процесса научного исторического познания. Здесь речь не идет об упрощении, исследовательская модель как технология прагматична и ориентируется на фиксированный результат исследования. Логика междисциплинарного построения следует за идеями инструментализма и прагматического конструктивизма.

Н. Гудман и К. Эджин предлагают основу для характеристики современного междисциплинарного подхода как целенаправленного, плюралистичного и временного⁸. Эпистемологическая концепция направлена на пересмотр постмодерной критики. Занимая прагматическую позицию, данная «эпистемология ставит во главу угла цель исследования – создать содержательный научный труд»⁹, рассмотреть специфику предмета через методико-инструментальную призму междисциплинарности и задачи исследования. Сильной стороной здесь выступает многомерность и многоаспектность изучения предмета, а слабая определяется сложностью выведения общих теоретических оснований интер- и трансдисциплинарных моделей, которые конструируются отдельно для каждого исследования. Историк вынужден учитывать параметры корректности, полноты и верификации инструментария при применении методов внеисторических дисциплин к разным типам источников.

Теоретическая основа современной междисциплинарности предлагает: первое, через набор методов и привлекаемых специалистов к исследованию наиболее широкую точку зрения на исследовательскую проблему; второе, пространство эпистемологической формы, которая выражается в создании концептуальных рамок для анализа конкретных проблем, интеграции предложений между дисциплинами, синтеза преемственности между исследовательскими моделями и аналитическими обобщениями разных дисциплин.

Методология современных интер- и трансдисциплинарных исследований выступает как пространство, в котором раскрываются горизонтальные связи. Принципиальное различие таксономии здесь связано с их центром. При интердисциплинарном подходе, если изучаются социальные практики, в центр методологического ландшафта будет поставлена новая социальная история, в инструментарий которой будут интегрироваться методы иных дисциплин. При трансдисциплинарности в центр будет помещен объект, а исследование будет строиться вокруг специфики предмета изучения, где весь набор научных методов может быть приобщен если того требует исследовательская задача, которая

⁸ Goodman, Elein 1988.

⁹ Mansilla 2017: 267.

будет нацелена на анализ и интерпретацию казуальности изучаемого. В свою очередь, на современном этапе развития истории предметом познания все чаще становятся сложные фрагменты реальности прошлого, представляющие собой своеобразные процесс-системы, одними из которых являются социокультурные практики.

Горизонтальные связи выстраиваются на основе расширения методологического инструментария, где возможности отдельного метода и заложенные в него методологические принципы будут приобщены к сконструированной исследовательской модели под специфику изучаемой социокультурной практики. Здесь может возникать конфликт интерпретаций и кодировок, однако расширение инструментальных возможностей и спектра методов наделяют интер- и трансдисциплинарность стратегией пересмотра содержания традиционного и уже известного для историков корпуса исторических источников.

Полидисциплинарные стратегии в истории способны не только решать задачи, возникающие при анализе развития предмета и связанного с ним контекста, но и под широко сформулированный «исторический метод» могут быть подобраны такие задачи, которые позволяют решить исследовательскую задачу историка с применением, в том числе, естественнонаучного инструментария. В.И. Аршинов и В.Г. Буданов подчеркивают, что «это принципиально иной холистический способ структурирования реальности, где господствует полиморфизм языков, аналогия, закон композиции, синхронизм, а не казуальное начало. Здесь ход от метода, а не от задачи»¹⁰. Таким образом, можно сказать, что методы исследования в современных междисциплинарных исследованиях выступают векторами для развития дисциплинарного сотрудничества и синергии полученных данных. В то же время, трансформация исследовательского метода теснейшим образом связана с предметом исследования – фактически подчинена ему в исследовательской практике.

В трансдисциплинарных исследованиях, при доступности для исследователей всей панорамы научных методов, трансформируется роль предмета изучения. В классической гносеологической парадигме, которая здесь сохранит свои черты в ситуации интердисциплинарности, предмет выступает в подчиненной форме к объекту изучения. Речь не идет об отказе от объективации в исследовательских практиках, однако она страдает за счет исключения из нее акцента на отдельные обобщенные научные области, которые были порождены традиционным восприятием «ареалов» дисциплинарных притязаний отдельных отраслей знания. В ситуации трансдисциплинарности эпистемологическая роль и специфика предмета изучения выдвигается на первый план. Классически определенный здесь «предмет» сближается с традиционно сформулированным «объектом». В свою очередь предмет соответствующего трансдисциплинарного исследования всегда должен быть достаточно обоснован и внутренне непротиворечив для последующего подбора ме-

¹⁰ Аршинов, Буданов 1999: 235.

тодов и выхода за границы материнской дисциплины. Именно специфика предмета изучения и цели, которые ставятся исследователями, становятся ведущими основаниями для построения трансдисциплинарных исследовательских моделей.

Трансдисциплинарность разрывает с традициями классической познавательной теории. Она нивелирует классическую интерпретацию принципа межсистемно-дисциплинарного взгляда, который подразумевал привлечение в частное исследование данные и методы смежных дисциплин с целью решения поставленной задачи в границах одной, строго обозначенной области знания. Визуально это можно изобразить как дерево, чьи ветви развиваются в сторону отдельных научных областей. С другой стороны, идея трансдисциплинарности сегодня может быть рассмотрена как переосмысленная модель ризомы (rhizome) в науке, о которой писали постструктуралисты Ж. Делез и Ф. Гваттари. Ризома предстала, в аллегоричной интерпретации авторов, как образ «подземного отростка, абсолютно отличного от корней и корешков... ризома, сохраняя целостность, остается полиморфной и гетерогенной»¹¹. В этой метафоре скрывается не только призыв к нелинейности и ацентричности конструируемой научной модели, но и закладывалось предположение о необходимости открытости исследовательских систем, формировании на их базе эпистемологических трансструктур.

Следование ризоматической логике на современном этапе развития науки предлагает использовать и конструировать в частных исследовательских моделях изучения прошлого сложный и разветвленный методологический инструментарий. Он позволяет включить множество полидисциплинарных элементов в методическое поле исследования. Ранее было доказано, что такой «принцип построения стал универсальным в вопросе описания научного знания, но за счет постоянной изменчивости, гибкости и отсутствия внутренней иерархии не позволял в полной мере внедрить ризоматический подход в практику частного исторического исследования. В этом ракурсе трансдисциплинарность сохраняет от ризомы концепт транспостроения, но ограничивается рамками и задачами отдельного исследования, предмет которого может сам по себе быть создан на стыке наук, что приобретает особую значимость в таких областях исторического знания как: интеллектуальная история, новая социальная история, гендерная история, история ментальности, история трансферов и т.д.»¹².

Необходимо подчеркнуть, что интер- и трансдисциплинарные исследования не отвергают прежние контрнастроенные друг к другу исследовательские традиции. Современная междисциплинарность – это компромисс, направленный на ослабление кризиса в гуманитарном знании, посредством решения множества частных исследовательских задач с привлечением большего спектра научных методов.

¹¹ Deleuze, Guattari 1976:11.

¹² Шабунина 2022: 74.

Постнеклассическая научность, представителями которой выступают анализируемые направления, не отрицают ни классическую, ни неклассическую парадигму знания. Также не отвергается классическая трактовка и возможная область применения метода познания. В современной трактовке он способен трансформироваться в соответствии со спецификой предмета изучения. И, поскольку, «любой научный метод разрабатывается на основе определенной теории, которая тем самым выступает его необходимой предпосылкой»¹³, эвристический потенциал каждого привлеченного к междисциплинарному исследованию метода обуславливает содержательность, глубину, фундаментальностью той теории, которая была ранее сжата в метод классическими дисциплинами. В свою очередь «метод раскрывается в систему, т.е. используется для дальнейшего углубления и развертывания знания, его материализации в практике»¹⁴.

От идей постнеклассической науки современные междисциплинарные исследования наследуют прежде всего стремление к системности и принципу глобального эволюционизма, который является стержневым для исследований начала XXI века. Эта доктрина наиболее значима для трансдисциплинарных исследований, поскольку позволяет: первое, описать полидисциплинарный результат исследования с единых методологических позиций; второе, обогатить прежде узкоисторическую проблематику компонентами социального, биологического, природного и материального. С другой стороны, «эволюционно-синергетическая парадигма современной науки составляет ядро пост неклассической научности»¹⁵ что в изучении социокультурных практик дает основание к разработке общей теории систем, включая в нее анализ динамики различных параметров социальных систем, а также поведенческих императивов и ценностей, выступающие остовами культурного.

На современном этапе интердисциплинарные, по своей сути, направления изучения социальных практик прошлого способны объединяться вокруг специфики источниковой базы исследования и складываться в новую трансструктуру. Такова работа Л. Хантер, где на основе этических сочинений и трудов риториков 1495–1660 гг. с использованием междисциплинарного подхода одновременно решался и рассматривался следующий круг проблем: первое, анализ концепций личности, связанные с развитием гуманизма в Англии; второе, стратегии включения и исключения в структурирование национального государства раннего Нового времени социальных институтов; третье, влияние новых концепций риторики на поведение; четвертое, расширение издательской индустрии; пятое, появление капитализма и современной медицины. Исследование автора, выполненное в направлении новой социальной истории, претендует на использование широкого трансдисциплинарно-

¹³ Черникова 2018: 12.

¹⁴ Черникова 2018: 12.

¹⁵ Черникова 2007: 17.

го инструментария за счет включения в исследование операционно-методических компонентов из истории печати, гендерной истории, истории науки и медицины, литературного анализа, исследования перформанса и историю риторики¹⁶. Примечательно, что комплекс исследовательских задач отталкивался не столько от специфики объекта изучения, сколько от идеи раскрытия эвристического потенциала трансдисциплинарной исследовательской модели, примененной к и традиционной для данной тематики источниковой базе. Видится дискуссионным следование за анализом возможностей применения метода, а не предмета, при изучении социальных практик. Однако можно говорить о тенденции, что интердисциплинарные области исторического знания создают большие условия для внедрения трансдисциплинарного инструментария, быстрее выходя за границы исторических дисциплин.

Усиление горизонтальных связей в исторических исследованиях за счет метода расширяет возможности социокультурной истории. Фактически над привычной историку практикой как единицей анализа может быть развернут полидисциплинарный купол методов. Он ограничивается фундированностью источниковой базы и возможности корректного применения к ней метода «внешней» науки. В купе такая ситуация позволяет продвинуться на пути мета дисциплин, объединяющие в себе близкие дисциплинарные области. Это коррелирует с мнением историка О.С. Поршневой, которая связывала подобные конвергентные процессы с «превращением истории, с ее новейшими методологическими ориентациями, в междисциплинарную научную сферу, интегрирующую усилия и результаты исследований разных наук о человеке, с историческим поворотом в развитии самих социальных и гуманитарных дисциплин. Расширение предметного поля исторических исследований, включающего вопросы, традиционно решаемые смежными науками, особое внимание к человеческой индивидуальности и проблемам сознания создают предпосылки и условия для реализации задач междисциплинарного синтеза в изучении человека»¹⁷.

Множественные направления изучения социального прошлых эпох прошли через ряд научных поворотов, которые были связаны с доминирующим влиянием какой-либо «внешней» науки – лингвистический, культурологический, социологический, антропологические повороты и др. Такая ситуация сформировала своеобразную толерантность социокультурных исследований к восприятию чужеродной дисциплинарности. Корни здесь уходят в методологию конца XX века, когда историческая наука прошла культурный поворот. Фактически, и в рамках традиционно существующего социокультурного подхода ставилась цель раскрыть культурный алгоритм социальных взаимодействий. И в этой ситуации произошел трансфер фокуса внимания исследователей с «заповедных территорий» академических дисциплин на актуали-

¹⁶ Lynette 2022.

¹⁷ Поршнева 2005: 218.

зацию проблем, формулируемых, по существу, как трансдисциплинарные. Такие задачи проблемного поля в принципе не могут сохраняться в традиционно конструируемых дисциплинарных границах¹⁸. Все большее проникновение термина «культура» как наддисциплинарной категории в гуманитаристике подготовило почву для внедрения последствий культурного поворота в частные исторические исследования; вызвало интерес к выделению как отдельных дефиниций изучения социокультурных практик прошлого.

Терминологически «культура» трактуется всеобъемлющим и многомерным явлением, смещает исследовательский поиск историка в лиминальные дисциплинарные пространства. В социокультурной практике изучаемый компонент культурного создает основу для трансдисциплинарной структуры в анализе социальных процессов. Он связывает воедино изучение различных аспектов социального поведения в рамках культурного хронотопа. Таковым, к примеру, является анализ социальной этики, психологических детерминант, мировоззрения, идентичности исторического человека и др. В таком контексте рассмотрение исторических процессов тесно переплетается с задачей изучения своеобразия эволюции культурного опыта и психологических черт отдельной личности или социальной группы, связь и влияние на нее культурно-социального пространства. При этом историк может и должен, называя свое исследование междисциплинарным, использовать методы и учитывать категории обобщенного междисциплинарного аппарата.

Использование полидисциплинарного метода при изучении практик означает не только освоение междисциплинарных предметных областей, но и «вводом в исследование собственного инновационного словаря»¹⁹. А.В. Еремин приходит к выводу, что «важной задачей становится выявление культурных детерминант изучаемых аспектов. Историк, работая в культурологической парадигме, определяет культурные детерминанты через категоризацию тех императивов, которые он выявляет в процессе исследования. Данная категоризация возможна с помощью тезауруса, заимствованного из других гуманитарных наук. Более того, исследователь категоризирует выявленные императивы культурного опыта и их влияние на изучаемое явление с помощью новых концептов и понятий, которые являются результатом научного синтеза»²⁰. Отмечу, что современные междисциплинарные исследования предполагают, что взятые из разных дисциплин трактовки определений, методов и связанных с ним операций будут согласованы исследователем и будут отличаться внутренней непротиворечивостью.

В свою очередь, помещение в центр исследования социокультурных практик, как детище новой социальной истории, позволяет более органично помещать методы всех отраслей знания в сконструирован-

¹⁸ Репина 2009: 12.

¹⁹ Дорис 2017: 21.

²⁰ Еремин 2017: 253.

ную для изучения практики исследовательскую модель. Прекрасным примером здесь может быть работа Л.А. Кларксон и Е.М. Крауфорд²¹, в которой авторы, изучая социальные проблемы голода и социокультурные практики потребления, дополнили лингвистическое исследование нарративов Нового времени биохимическим анализом состава и качества еды бедняков, что привнесло новый взгляд на проблему бедности и рабочих домов в Ирландии.

Трансдисциплинарным, по сути, является исследование Н. Соялп. Автор помещает в центр изучения практику конфликта, опираясь на события в Анатолии 1912–1924 гг. изучается динамика влияния коллективной травмы на общество на психологическом, физическом, экономическом, культурном, политическом и институциональном уровнях²². В ходе работы были приобщены к историческому исследованию методы и выведен внутренне согласованный категориальный аппарат из терминов разных дисциплин, что позволило создать многомерную картину социокультурного ландшафта первой четверти XX в.

Теоретически сконструированные исследовательские единицы то типу практик моделируют социокультурную реальность прошлого. Однако, включая в себя компонент и социального, и культурного, выступают уже сами по себе междисциплинарным инструментом, за счет чего позволяют внедрять более глубокий интегративный междисциплинарный подход, соединяющий в себе методологические аспекты истории, социологии и культурологии. Опираясь на анализ теоретического потенциала отдельного метода, это позволяет говорить о том, что социокультурные исследования интердисциплинарны по отношению к классическим историческим дисциплинам. Тогда как исследования по новой социальной истории в ее современном качестве наиболее открыты к методологическому плюрализму, что выступает субстратом для органичного включения в социокультурные исследования полидисциплинарного инструментария, в том числе трансдисциплинарного.

Изучение культурного как многообразного явления, позволяет сгладить дисциплинарные границы за счет специфики самого предмета, как основного звена в построении междисциплинарных исследовательских моделей. Фактически, изучение социального через культурное и его теоретическое осмысление легли в основу современной теории междисциплинарности. М. Фуко в работе «Порядок вещей» рассматривал междисциплинарный синтез сквозь оптику глобального понятия «культура». Он подчеркивал, что «фундаментальные коды культуры – управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обменами, ее методами, ее ценностями, иерархией ее практик – устанавливают для каждого человека с самого начала эмпирические границы... научные теории или интерпретации философов объясняют, почему обычно существует порядок»²³.

²¹ Clarkson, Crawford 2001.

²² Soyalp 2021.

²³ Foucault 2002: 22.

Исследователь, существуя в определенной культуре, и, обращаясь к социокультурным практикам прошлого, встречается с некодированным пространством эпистемологической неопределенности.

Историк «коммуницирует» с практикой как многомерным предметом исследования – она оформлена и подлежит кодификации. Однако именно многомерность и многофакторность изучаемого явления в культурном измерении допускает широчайшую свободу в выборе привлекаемых методов. Это, по мнению Фуко, позволяет искать новые «фундаментальные основы»²⁴ науки. С другой стороны, это создает платформу для трансформации исторического интердисциплинарного исследования в трансдисциплинарное. Подобные платформы могут быть созданы на основе общих мета-терминов и сходства гносеологических парадигм разных дисциплин. Для социокультурной практики, как инструмента конструирования прошлого, такой платформой выступает «культурное». «Культура» в своем теоретическом категориальном понимании становится мостом, сокращающим путь через дисциплинарные рамки в лиминальные научные области. В целом, можно сказать, что «культурологический анализ размечает себе междисциплинарное поле, предмет которого – по выражению Ролана Барта – не принадлежит никому»²⁵, такая трактовка позволяет исключить монопольное «владение» культурологией изучаемой проблематики.

Культурное за счет ее всеобъемлющего характера дает простор методу. Можно резюмировать, аналитическое изучение социальных процессов прошлого в культурном контексте минимизирует дисциплинарные рамки в вопросе метода, тогда как предмет исследования становится краеугольным камнем. Можно говорить о закономерности: чем более высокий интегративный уровень демонстрирует исследование, тем больше оно будет ориентироваться на казуальную специфику изучаемого и тем менее зависеть от метода материнской дисциплины. Теоретические внедисциплинарные пространства открывают возможность плодотворного сотрудничества и исследовательских групп, которые собираются из специалистов разных дисциплин. Исследователи Д. Римонди и М. Веронезе подчеркивают, что заложенные структуралистами тезисы «представляют собой существенную теоретическую основу для любой рефлексии, идущей в направлении сотрудничества дисциплин или преодоления их исторического разделения. В то же время развитие подобных идей ведет к углубленному анализу вопроса о включении гуманитарных наук в макроакадемические области, где примененная трансдисциплинарность в конкретной области приведет к усилению результатов всех гуманитарных исследований»²⁶.

Таким образом в интердисциплинарных исследованиях прошлого широко подобранная инструментальная палитра методов будет согла-

²⁴ Foucault 2002: 23.

²⁵ Дорис 2017: 18.

²⁶ Rimondi, Veronese 2018: 261.

совываться с одним направлением, в рамках которого выполнялось исследование. Отличительными чертами головного направления будут: первое, оно ограничивается дисциплинарными рамками, условиями и спецификой реализации; второе, требует внутреннего терминологического согласования при учетывании примата ведущего эпистемологического подхода. Таким направлением в данном случае выступает социокультурная история, а основной единицей анализа – социокультурная практика. В теоретически обобщенный результат изучения практик входят в соподчиненной форме данные, полученные из методического инструментария привлеченных дисциплин. Это означает что исследование остается в методологических и строгих дисциплинарных рамках исторических дисциплин. Междисциплинарность выражается через расширение методического инструментария, не трансформируя классические «объект-предметные» связи.

Трансдисциплинарность, выступая за максимальное снижение дисциплинарных границ, выводит на первый план задачи и казуальную специфику отдельного исследования, помещает в фокус исследования особенности реализации изучаемой практики. Здесь снижается значимость подхода и строгого соблюдения алгоритма дисциплинарного исследования. Практика становится предметом изучения. Это порождает методологическую ситуацию, когда построение исследовательской модели идет не вслед методологическому выбору исследователя, а базируется на отдельной задаче, обращенной к специфике предмета изучения, и ограничивается возможностями источниковой базы.

Изучение социокультурных практик в современных междисциплинарных модусах создает наиболее органичные условия для внедрения интердисциплинарных и трансдисциплинарных исследовательских моделей. Для указанных направлений характерно усиление эпистемологического значения объекта исследования. В свою очередь ослабление дисциплинарных рамок отдельных дисциплин позволяет подбирать научные методы в связи со спецификой предмета исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аршинов В.К, Буданов В.Г. Синергетика наблюдения как познавательный процесс // Философия, наука, цивилизация / Под ред. В.В. Казютинского. М.: УРСС, 1999. С. 231–255. [Arshinov V.K, Budanov V.G. Sinergetika nablyudeniya kak poznatelnyj process // *Filosofiya, nauka, civilizaciya / Pod red. V.V. Kazyutinskogo*. М.: URSS, 1999. S. 231–255].
- Дорис Б.М. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: НЛО, 2017. 504 с. [Doris B.M. *Kulturnye povoroty. Novye orientiry v naukah o kul'ture*. М.: NLO, 2017].
- Еремин А.В. Универсум и контекст в междисциплинарном культурно-историческом исследовании // Ярославский педагогический вестник. 2017. №5. С. 252–256. [Eremin A.V. *Universum i kontekst v mezhdisciplinarnom kul'turno-istoricheskom issledovanii* // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 2017. №5. S. 252–256.].
- Киященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности. М.: ИФРАН, 2009. 204 с. [Kiyashchenko L.P., Moiseev V.I. *Filosofiya transdisciplinarnosti*. М.: IFRAN, 2009. 204 s.].
- Лубский А.В. Интердисциплинарный подход в историческом познании // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 137–138. [Lubskij A.V. *Interdisciplinarnyj podhod v istoricheskom poznanii* // *Teoriya i metodologiya istoricheskoj nauki. Terminologicheskij slovar / Otv. red. A.O. Chubaryan*. М.: Akvilon, 2014. S. 137–138].

- Поршнева О.С. Возможности междисциплинарного подхода в реализации задач интеллектуальной истории // Диалог со временем. № 15. 2005. С. 210–222. [Porshneva O.S. Vozmozhnosti mezhdisciplinarnogo podhoda v realizacii zadach intellektualnoj istorii // Dialog so vremenem. № 15. 2005. S. 210–222.].
- Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: ЛКИ, 2009. 320 с. [Repina L.P. «Novaya istoricheskaya nauka» i socialnaya istoriya. M.: LKI, 2009. 320 s.].
- Черникова И.В. Междисциплинарные и трансдисциплинарные методологии и технологии современной науки. Томск: ИДом Томского государственного университета, 2018. 86 с. [Chernikova I.V. Mezhdisciplinarnye i transdisciplinarnye metodologii i tehnologii sovremennoj nauki. Tomsk: ID Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018. 86 s.].
- Черникова И. В. Постнеклассическая наука и философия процесса. Томск: Изд-во науч.-технической лит., 2007. 250 с. [Chernikova I. V. Postneklassicheskaya nauka i filosofiya processa. Tomsk: Izd-vo nauch.-tehnicheskoy lit., 2007. 250 s.].
- Шабунина А.К. Современная демаркация в трансдисциплинарных исторических исследованиях // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 3. С. 66–80. [Shabunina A.K. Sovremennaya demarkaciya v transdisciplinarnyh istoricheskikh issledovaniyah // Novoe proshloe / The New Past. 2022. № 3. S. 66–80.].
- Althusser L. Philosophy and the spontaneous philosophy of the scientists & other essays. L.; N.Y.: Verso, 1990. 310 p.
- Apostel L. Interdisciplinarity: Problems of teaching and research in universities. P.: Organization for Economic Cooperation and Development, 1972. 321 p.
- Clarkson L.A., Crawford E.M. Feast and Famine: A History of Food in Ireland 1500–1920. Oxford: Oxford University Press, 2001. 336 p.
- Foucault M. The Order of Things. An Archaeology of Human Sciences. L.; N.Y.: Routledge, 2002. 339 p.
- Goodman N., Elgin C. Reconceptions in philosophy and other arts and sciences philosophy and phenomenological research. N.Y.: Hackett, 1988. 174 p.
- Hunter L. Humanism, capitalism and rhetoric in early modern England. The separation of the citizen from the self. Kalamazoo: Medieval Institute Publications, 2022. 230 p.
- Klein J.T., Frodeman R. Interdisciplining Humanities: A Historical Overview// The Oxford Handbook of Interdisciplinarity, 2nd ed. / Ed. by Frodeman R., Klein J.T., Pacheco R.C.S. Oxford: University Press., 2017. Pp. 144–156.
- Mansilla V.B. Interdisciplinary learning: a cognitive-epistemological foundation // The Oxford Handbook of Interdisciplinarity, 2nd ed. 2017. Pp. 261–275.
- Rimondi G., Veronese M. Defining the dialogue between sciences: A view on transdisciplinary perspective in the human sciences in: Informing Science. 2018. № 21. Pp. 255–268.
- Soyalp N. Historical traumas among armenian, kurdish, and turkish people of Anatolia: a trans-disciplinary perspective toward reconciliation. Liverpool: University Press, 2021. 320 p.
- Шабунина Анастасия Константиновна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; shabunina@bk.ru

Object and Method in the Interdisciplinary Study of Sociocultural Practices of the Past

The article discusses specificity and epistemological significance of the object and method of study in the construction of interdisciplinary and transdisciplinary research models. The author analyzes the transformation of disciplinary boundaries in modern interdisciplinary research when studying sociocultural practices of the past. It has been proven that the specificity of the object of study, associated with the appeal to the cultural component when studying the social, allows for a more widespread and organic use of methods from various disciplines. Modern interdisciplinarity minimizes disciplinary boundaries in the matter of method, while the subject of research receives additional epistemological significance.

Keywords: epistemology, interdisciplinarity, transdisciplinarity, sociocultural history, sociocultural practices, disciplinary boundaries, research model.

Anastasia Shabunina, Ph.D. in History, senior research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; shabunina@bk.ru

КАК МЫСЛЯТ ЦЕРКОВНЫЕ ИНСТИТУТЫ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Объектом исследования выступают западнохристианские церковные институты, а *предметом* – способы их функционирования в качестве «думающих / мыслящих коллективов» (das Denkkollektiv). *Цель* – верификация на материале истории христианской церкви гипотезы британского антрополога Мэри Дуглас о наличии у социальных институтов специфического «коллективного способа мышления». Для ее достижения были выполнены следующие задачи: (а) выяснен контекст обращения М. Дуглас к сфере сакрального и религиозного; (б) уточнена преемственность понятийного аппарата М. Дуглас как наследницы функционализма дюркгейминовской школы; (в) актуализирован институциональный аспект в дефиниции религии Эмилем Дюркгеймом; (г) с опорой на ритуалистику и социологию религии эксплицирована роль создателей и носителей ритуалов как элиты церковных «мыслящих коллективов». Соавторы приходят к выводу, что: (1) в религии, наряду с ритуальным и мифологическим, необходимо учитывать третий аспект – институциональный; (2) церкви представляют собой «мыслящие моральные общности» клира и паствы; (3) ученое сословие «мудрецов» продуцирует и поддерживает официальную публичную память и, пользуясь сакрализованными мифами, закрепляет ее в актах идентитарной мемориализации и коммеморации; (4) ключевую функцию поведенческого маркера при этом играет литургический ритуал.

Ключевые слова: история христианской церкви, обряд, религиозный ритуал, ритуалистика, христианская литургия, идентитарные механизмы, мыслящие коллективы, Флоренция, Англия.

Озвученная в заглавии статьи постановка вопроса отсылает к творческому наследию британского социального антрополога Мэри Дуглас¹. Как известно, она считала себя последовательницей структурализма и функционализма французского социолога Эмиля Дюркгейма, чем и объясняются частые апелляции к его авторитету на страницах интересующего нас произведения. Религиозным «мыслящим институтам (коллективам)» (das Denkkollektiv – в терминах польско-израильского эпистемолога и микробиолога Людвика Флека², которыми она оперирует) английский классик социальной антропологии отводит в своей книге достойное, но отнюдь не ключевое место. Вообще, для ее дискурса в упомянутом тексте характерны лаконичность и лапидарность проговаривания фундаментальных для гуманитаристики XX века тем.

Религия. В первый раз она вспоминает религию на страницах указанной монографии³, пытаясь примирить сциентистские теории двух вышеупомянутых позитивистов – Э. Дюркгейма и Л. Флека, но нигде дефиницию религии⁴ или тотемизма из «Элементарных форм религиоз-

¹ Дуглас 2020.

² См. подр. на рус. яз.: Флек 1999.

³ Дуглас 2020: 66–77.

⁴ Дюркгейм 2018: 119–120, ср.: Эванс-Приггард 2004: 62. Разночтения в переводе не

ной жизни» не цитирует. Затем тема религии всплывает в контексте разговора о стабильности социальных институтов⁵, еще позже – в связи с обсуждением социальных функций культа предков, архаичных способах классификации явлений природы, и, наконец, секуляризма в веберовском его понимании⁶. Важно подчеркнуть, что – вслед за Л. Флеком – М. Дуглас разводит понятия «мыслящий коллектив» (*das Denkkollektiv*), «...состоящий из истинно убежденных людей» и «мыслительное сообщество», «в которое входят индивиды, ...не ограниченные *стилем мышления*⁷», и соглашается с его утверждением, что «...стиль мышления стабильных формаций – например, гильдий, профсоюзов и церквей – более дисциплинирован и единообразен»⁸ в силу авторитета творческой элиты, которая его вырабатывает и поддерживает. Английский антрополог задается вопросом: насколько допустимо сближать «мыслящие коллективы» Л. Флека и «моральные общности» Э. Дюркгейма, и сама же отвечает на него скорее положительно⁹.

Для нас эта смычка принципиальна, так как и Флек, и Дюркгейм в качестве референтов своих понятий предполагают религиозные институты, в т.ч. христианские церкви. Данное французским социологом определение религии имеет непреходящее значение для комплексных историко-религиоведческих штудий, вне зависимости от того, ведутся ли они в русле структурного функционализма или нет. Научам о религии требуется краткое, логически непротиворечивое, формально строгое, семантически однозначное генетическое определение собственного предмета исследования, так как, на наш взгляд, «наука без понятий», раскритикованная еще в 30-х гг. XX в. американским социологом Гербертом Блумером¹⁰, не представляется возможной. Формулировка Дюркгейма, как мы полагаем, является наиболее удачной из целого спектра альтернатив¹¹ по нескольким причинам. Во-первых, она содержит однозначно маркирующую религиозное сущностную категорию сакрального / священного, столь ценимую феноменологами религии, в отличие от понятия сверхъестественного. Во-вторых, она веско и емко заявляет, что у «живой» религии всегда имеются два аспекта, а именно: (мифическая) идеология, ортодоксия, с одной стороны, и (ритуальная) психо / практика, ортопраксия, – с другой. В контексте конфессиональных идентитарных процессов исследование первой предполагает изучение догматического вероучения той или иной группы верующих или

существенны, но их при желании можно отследить по различным англоязычным изданиям книг Э. Дюркгейма и его комментаторов, см., напр.: Durkheim 1995: 44; Durkheim 2001: 46; Evans-Pritchard 1965: 57.

⁵ Дуглас 2020: 82–83.

⁶ Дуглас 2020: 120, 132, 183.

⁷ Der Denkstil по Л. Флеку.

⁸ Дуглас 2020: 69. См. подр.: Fleck 2021: 111–190.

⁹ Дуглас 2020: 68, 73–77.

¹⁰ См. на рус. яз.: Блумер 2017: 241–263.

¹¹ См. об этом подр.: Давыдов 2013: 8–87.

религиозного движения, а второй – целого набора тем, включая вопрос о роли, функциях и эффектах их культовой деятельности.

Религия – всегда (по убеждению как самого Э. Дюркгейма, так и его учеников – Марселя Мосса, Анри Юбера, Роберта Герца) явление социальное, поэтому верующие неизбежно объединяются в «эклесию» – т.е. любую по численности и способам знаковой демаркации (эмблематизации) группу единомышленников-единоверцев. Если нет живых носителей – религия «мертва», если нет священной мифической идеологии – мы имеем дело с парарелигиозным феноменом, например, с магией или с ритуализованными формами общественных отношений в спорте, армии, судопроизводстве и проч. Если нет ритуала, но имеется набор священных догм, то это, скорее всего, внекультовая трансляция вероучения в форме какой-либо умозрительной «теологии», «теософии», «иерософии» и т.п.¹²

Институт. Однако, по нашему убеждению, в определении религии Э. Дюркгеймом следует эксплицировать третий, институциональный, аспект, оказывающийся – в свете институционального анализа и поиска (этно)религиозных идентитарных механизмов, – не менее важным, чем оба предыдущих (ортодоксии и ортопраксии), ибо: «...религия – это целостная система <...верований и практик, объединяющих> в одно моральное общество, называемое Церковью <подчеркнуто нами. – И.Д., И.Ф.>, всех тех, кто <им> привержен»¹³. Итак, существуют «моральные общности» и «мыслящие сообщества». Мы полагаем, что именно «мыслящее моральное общество» является третьим фундаментальным признаком религии, так как именно оно, согласно взглядам, М. Дуглас, так глубоко проникает в индивидуальное Я человека, что даже способно определять идентичность,¹⁴ в том числе – религиозную.

Насущность институционального изучения коллектива и тех связей, которые поддерживают его на плаву, – в т.ч. для понимания религии как социального явления в дюркгеймиинианской перспективе – еще в 1988 г. подчеркивал американский политолог и специалист по истории Италии XX в. Дэвид Израэль Керцер: «...поклонение богу – это символическое средство, с помощью которого люди поклоняются своему обществу, своей взаимной зависимости. <...> ...священное в конечном итоге относится не к сверхъестественному существу, а к эмоционально заряженной взаимозависимости людей, их общественным устоям»¹⁵. Он также отметил фундаментальную связь между коллективом и его орто-

¹² См. подр.: Давыдов 2013: 58–61.

¹³ См. подр.: Дюркгейм 2018: 119–120.

¹⁴ Дуглас 2020: 228. В этом вопросе она ссылается на точку зрения Майкла Сэндела, но до конца с ней не солидаризируется: «Для них сообщество описывает не только то, что они *имеют* как сограждане, но и то, чем они *являются*, не отношения, которые они выбирают (как в добровольном объединении), но обнаруживаемую ими привязанность, не просто атрибут, но неотъемлемую часть их идентичности» (Sandel 1982: 150).

¹⁵ Kertzer 1988: 9.

праксий: «...важно не то, что ритуалы имеют дело со сверхъестественными существами, а то, что они обеспечивают мощный способ выражения социальной зависимости людей»¹⁶.

Примерно в то же время лауреат Нобелевской премии экономист Дуглас Норт верно заметил, что на протяжении истории институты, представляющие собой разработанные людьми ограничения, структурирующие политические, экономические и социальные взаимодействия, порождались человеком для создания порядка и снижения неопределенности при обмене. Они «развиваются постепенно, соединяя прошлое с настоящим и будущим»¹⁷, их эволюция органична. Иными словами, принимая вид как неформальных ограничений (таких как, например, санкции, табу, обычаи, традиции, кодексы поведения и т.д.), так и формальных правил (конституций, иных законов, прав собственности и т.п.) и/или высоко формализованных объединений разных масштабов (религии, армии, семьи), именно институты выполняют функцию «внешней» идентификации¹⁸.

В свою очередь, Мэри Дуглас подчеркивала, что «только институты способны определять подобие» и «придавать сходство» или тождество¹⁹. Они классифицируют идеи и их носителей, наделяя их моральным и политическим содержанием. Иными словами, именно институты определяют, что является «правильным» вероучением (ортодоксией) и «правильным» литургическим поведением (ортопраксией). Их интериоризация является условием принадлежности к соответствующим церковным «моральным общинам». Таким образом, органический рост-развитие церковных институтов, их многообразный конфессиональный и социальный опыт находят свое яркое выражение в ортопраксии, т.е. литургическом ритуале, который является первичным по отношению к ортодоксии (о чем речь пойдет ниже).

Данная перспектива основана не только на этнографических и антропологических наблюдениях за первобытными обществами, но и на длительном историческом опыте, содержащем многочисленные верифицирующие ее примеры. Приведем два, по нашему мнению, достаточно убедительных – из истории урбанистической Италии и ruralной Англии. Так, с конца XII – начала XIII в.²⁰ и вплоть до середины XX в. во Флоренции все новорожденные получали крещение лишь в баптистерии св. Иоанна Крестителя (*Battistero di San Giovanni*)²¹. Исследователи отмечают, что хотя основной эффект этого таинства (особенно для младенцев) был связан с представлениями о безрадостной

¹⁶ Kertzer 1988: 9.

¹⁷ North 1991: 97.

¹⁸ Паламарчук, Фадеев 2022: 10.18254/S207987840022818-8.

¹⁹ Дуглас 2020: 127–139.

²⁰ Возможно, что практика сложилась значительно раньше, однако недостаток свидетельств не позволяет утверждать этого однозначно.

²¹ Bloch: 78; Muir 2005: 25.

судьбе некрещеной души в эсхатологической перспективе и необходимости избавления от первородного греха спасения ради, в средневековой Флоренции, как и в других частях Италии и Западной Европы, этот обряд нес также светские, политические функции.

Будучи первым в жизни христианина «обрядом перехода», крещение гарантировало каждому «новорожденному» человеку и его духовным восприимчикам признание не только в Римско-католической церкви, но и в городской коммуне именно в качестве таковых – новокрещеного и крестных родителей. Ритуальным способом закреплялись первые социальные связи ребенка и, что самое важное, – не бытовое внутрисемейное, а его официальное публичное имя (со всеми коннотациями, присущими культу святых покровителей), что некогда понималось самими флорентийцами как обряд вступления в гражданство в торговой республике (позже синьории, а затем герцогстве и т.д.), в любом случае, месте, где чувство гражданского достоинства, самосознания и лояльности было особенно сильным²².

Социально значимыми были и обряды, совершаемые во время т.н. малых «молебных дней» – трех суток, предшествующих празднику Вознесения, традиционно отмечаемому в четверг после пятого воскресенья по Пасхе, и известных как *Rogation days* в Англии и *Kreuzwoche* («крестная неделя») в Германии. Помимо соблюдения поста, в эти дни совершались специальные процессии, которые служили своеобразной формой коллективной, общинной молитвы, главной целью которой была «попытка пробудить дух взаимного сотрудничества, необходимый для коллективного выживания»²³.

В Англии, как отмечает британский историк Имон Даффи, эти дни были традиционным временем для разрешения приходских неурядиц: «Позднесредневековые процессии во время молебнов с ручными колокольчиками, хоругвями и приходским <процессионным – *И.Ф.*> крестом были призваны изгнать из общины дух злобы, который вносил раздор между соседями и вызывал болезни у людей и животных. Они также несли благоприятную погоду, благословение <земле> и плодородие на поля»²⁴. Помимо прочего, эти торжества, во время которых исполняли специальную литанию, обходя границы прихода (*beating the bounds*), представляли собой ритуал демаркации, «очерчивающий границы» общины и определяющий ее идентичность по отношению с соседними приходами, символизирующий ее собственное единство в вере и порождающий сильное чувство солидарности односельчан²⁵.

Ритуал. Любой обряд представляет собой первичное «делание», т.к. оперирует соматическими способностями человеческого тела, жестами, и коренится в поведенческих стереотипах, т.е. атомарных «праг-

²² Bloch: 78; Muir 2005: 22–25.

²³ Muir 2005: 73–74; Фадеев 2024: 10.18254/S207987840031194-2

²⁴ Duffy 2003: 61; Duffy 2005: 136.

²⁵ Duffy 2005: 136.

мемах» моторно-топологических схем действия. Энциклопедия «Theorizing Rituals» перечисляет не менее 24 признаков ритуала, шесть из которых являются принципиальными для нашего рассуждения: коллективизм, социальная интеграция, сакрализация, семиотичность, структурированность и формализм²⁶. Такой ритуал, на наш взгляд, целесообразнее всего описывать через *ритуальный комплекс* пяти аспектов, входящих в его состав, а именно:

- субъект культовой деятельности – т.е. индивид или группа единовременцев;
- объект верования – различные гипостазированные (как обличенные, т.е. наделенные личностными характеристиками, так и гипотетичные по своей природе) сущности;
- предметная составляющая – это средства культовой практики. При этом именно сакральный хронотоп задает моторно-топологические схемы действия актантов;
- способы осуществления символических действий – определены содержанием «кратофании», «иерофании», «теофании». Это могут быть танцы, вкушение специально приготовленной пищи (или, наоборот, пост), поклоны, возжигание огня, воскурение фимиама, возлияние различных жидкостей – молока, воды, крови, вина, сомы и т.д.
- результат культовой практики – «оживление» мифов, реинтеграция религиозной группы, снятие психического стресса, релаксация, приобретение индивидуального опыта общения с объектом культа²⁷.

Эти аспекты корреспондируют с четырьмя «аристотелевскими» причинами совершения богослужений (как коллективных таинств), выявленными отечественным семиотиком и религиоведом В.Ю. Лебедевым, – действующей, формальной, материальной, целевой²⁸; причем все они оцениваются участниками ритуала и его «супервизорами» (старейшинами, епископами) в категориях не/допустимости, не/дозволенности, т.е. как орто- или гетеродоксальные.

Таким образом, ритуал представляет собой один из базовых инструментов как внешнего процесса идентификации (идущего «сверху–вниз»), в т.ч. институциональной принадлежности, так и внутреннего (т.е. идущего «снизу–вверх») процесса самоидентификации, в т.ч. разграничения по линии «я/мы – они». Самоидентификация и институциональная идентификация извне могут как совпадать, так и не совпадать, однако находятся, по мысли А.Н. Крылова и В.Ю. Лебедева, в диалектическом взаимодействии²⁹. Ритуал играет существенную роль в процессе самоидентификации, конструировании индивидуальных и кол-

²⁶ Theorizing Rituals 2006: 11.

См. также нашу точку зрения в: Давыдов 2013: 92, 103–127; Давыдов, Фадеев 2018: 10.18254/S0002246-9-1; Давыдов 2021: 108–109.

²⁷ См. подр.: Давыдов 2021: 15–34.

²⁸ Лебедев 2007: 59.

²⁹ Крылов 2014: 36–43; Лебедев 2008: 91.

лективных идентичностей³⁰. Он константен, что позволяет ему в определенных ситуациях выступать механизмом преемственности поведения и сохранения тождественности социумом. И этот механизм, как нам представляется, обеспечивается двумя факторами.

Во-первых, как и любая стабильная социальная практика, ритуал представляет собой набор поведенческих шаблонов (прагмем) и обладает свойством стереотипизации форм поведения, то есть фиксированным в социальной практике характером; он стереотипичен по своей природе³¹. Его стереотипность, знаковость и групповая принадлежность составляют его идентификационную полезность³².

Во-вторых, ритуал, лежащий в основании фундаментальных явлений культуры и человеческого существования, онтологичен и онтологически не редуцируем: его редукция же представляет один из основных механизмов секуляризации³³. Процесс, сходный с секуляризацией, происходил в период Реформации, когда сторонники как евангелического, так и реформатских движений стремились «расчистить» богословско-литургическое «пространство знания» путем сведения к нулю «нежелательного» семиозиса³⁴. Так, например, сформировавшаяся в течение поздней античности и средневековья система католического ритуала оказалась в центре полемики между целым рядом «моральных общин» (по Э. Дюркгейму).

Групповая принадлежность именно ритуала, а не любого обряда, имеет особую социальную значимость наравне с ортодоксией, так как вопрос сохранения «традиции», частью которых являются и ритуалы, непосредственно взаимосвязан с вопросом об идентичности. Страх потери этой традиции предопределен боязнью утраты «константности, своеобразной законченности, достигнутой целостности своего общества и своего «я»»³⁵, т.е. страхом неопределенности как в вопросах внешней коммуникации, так и «внутреннего» самопонимания. Таким образом, коллективный ритуал стал инструментом формирования и поддержания общинной солидарности³⁶.

Память. Несомненной заслугой Мэри Дуглас является состыковка трех плоскостей одного дискурсивного поля (памяти, идентичности и сакрализации), подводящая итог ее дюркгейминовским наблюдениям: «...любой институт начинает контролировать память своих членов... Он обеспечивает их мышление категориями, определяет условия для самопознания и фиксирует идентичности. <...> Он должен закрепить социальную систему взглядов путем сакрализации принципов

³⁰ См., напр.: Давыдов, Фадеев 2023: 29–43; Фадеев, Паламарчук 2024: 174–195.

³¹ Лебедев 2008: 153–154; Беглов, Токарева, Фадеев 2020: 265.

³² Крылов 2014: 67.

³³ Лебедев 2008: 6, 154.

³⁴ Лебедев 2008: 155.

³⁵ Крылов 2014: 71.

³⁶ Muir 2005: 4; Kertzer: 61–62.

справедливости»³⁷. То есть, ортодоксия порождается мифом «мыслящей моральной общины», коллективной памятью ее творческой элиты (жрецами, старейшинами, священством, идеологами-морализаторами, теологами-реформаторами). Поэтому стоит оговориться, что здесь речь идет не о просто коллективной, но об официальной публичной памяти³⁸, действующей императивно «сверху–вниз» и центробежно от ядра «мудрецов» – к периферии «простецов». Такой тип памяти обязательно отражает стиль мышления администраторов и орантов конкретного «мыслящего коллектива», а если к тому времени в среде интеллигентов уже обособляется профессия историка или историографа, то эти «хранители памяти» сами начинают продуцировать мифологический нарратив, содействуя сплоченности экклесии не столько дескриптивными, сколько прескриптивными актами мемориализации и коммеморации.

Поскольку британский антрополог, как ученица Э. Дюркгейма, высоко ценила эвристический потенциал функционализма³⁹, не исчерпанный и поныне, в завершение нашего экскурса уместно привести сравнительную таблицу социальных функций мифа и ритуала⁴⁰.

Функциональный анализ мифа	Функциональный анализ обряда/ритуала
	Инициационная
	Шаблонирования форм поведения
Оправдательная	
	Интегрирующая
	Космизации (упорядочивающая)
	Прогностическая
Объяснительная	Объяснительная
Компенсаторная (иллюзорно-компенсаторная)	Компенсаторная
	Коммуникативная
	Регулятивная
	Хаотизации
Функция культурного поиска	Сигнификационная и Аккультурации
Законодательная и Социально-политическая	Легитимирующая (Религиозно-правовая)
	Психотерапевтическая
	Воинская
	Производственно-экономическая
	Обмена ценностями (Аксиологическая)

³⁷ Дуглас 2020: 207.

³⁸ Дуглас 2020: 157.

³⁹ Дуглас 2020: 110.

⁴⁰ Чему было посвящено наше специальное исследование: Давыдов 2021. Из-за ограниченности объема журнальной статьи мы позволим себе не повторять аргументацию ее научной валидности. См. подр.: Давыдов 2018: 109.

	Социализации индивида (Социализации)
	Глоттогенетическая
	Творческая
Реактуализационная	Регениерирующая
	Функция «борьбы с профанным временем»
	Дифференциации
	Адаптации
	Аутокоммуникативная
	Символизации
	Стратификации
	Деонтизации
	Хронометрии
	Сублимации
	Интериоризации
	Психологической интеграции
Дескриптивная (историческая, мемориальная)	Мемориализационная
Логоменальная	Фатическая
Гносеологическая	Онто-диагностическая
Этиологическая	
Сакрализационная	
	Медиаторная

Существенным результатом наложения матрицы этих социальных функций на историческую ткань кристаллизации ортодоксальной христианской теологии будет обнаружение прямых совпадений: объяснительная, законодательная, социально-политическая, реактуализационная, мемориальная, логоменальная, этиологическая и сакрализационная функции оказываются безусловно присущи тем самым мифам, которые продуцируют «мыслящие институты» и закрепляют их в актах официальной публичной памяти. А поскольку эти 8 из 12 функций мифа в 5 случаях имеют строгие корреляты с функциями ритуала (выделено полужирным шрифтом), можно с уверенностью утверждать, что эти мифы подкрепляются еще и поведенческими стереотипами ортопраксии. Таким образом выстраивается органически эволюционирующий в недрах «мыслящих моральных общин» ортодоксо-ортопраксический пятиаспектный (см. выше) комплекс верований и практик.

Резюмируя, можно сказать, что церкви мыслят сакрализированными мифами, излагая их ученому клиру (ядру мыслящего коллектива) на языке догматических формул, а пастве (периферии широкого мыслящего сообщества) – на понятном мирянину языке кинопоследований. Факт принятия (как согласия и как усвоения) этих вероучительных установок единоверцами в качестве их собственного «стиля мышления» (*der Denkstil*), готовность им следовать в жизни и транслировать будущим поколениям свидетельствует о реально действующем в данной церкви или конфессии идентитарном механизме. Как показывает структурно-

функциональный анализ, ритуал является фундаментом религии, а ритуализационная функция – конституирующей для всего спектра социальных функций религии⁴¹, поэтому ключевая роль ритуала для обеспечения жизнеспособности и самовоспроизводимости (аутопойезиса) церковных институций неоспорима.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Bloch, Amy R. The Two Fonts of the Florence Baptistery and the Evolution of the Baptismal Rite in Florence, ca. 1200–1500 // *The Visual Culture of Baptism in the Middle Ages: Essays on Medieval Fonts, Settings and Beliefs*. Ed. by Harriet M. Sonne de Torrens and Miguel A. Torrens. Ashgate, 2013. P. 77–105.
- Blumer, Herbert. *Symbolic Interactionism: Perspective and Method*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1969. x+208 p.
- Douglas, Mary. *How Institutions Think*. Syracuse: Syracuse University Press, 1986. xi+146 p.
- Duffy, Eamon. *The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England 1400–1580*. New Haven & London: Yale University Press, 2005. xxxvii+654 p.
- Duffy, Eamon. *The Voices of Morebath: Reformation and Rebellion in an English Village*. New Haven & London: Yale University Press, 2003. xv+232 p.
- Durkheim, Émile. *The Elementary Forms of Religious Life* / Transl. by Karen E. Fields. New York; London; Toronto: The Free Press, 1995. lxxiii+464 p.
- Durkheim, Émile. *The Elementary Forms of Religious Life* / Transl. by Carol Cosman. Oxford: Oxford University Press, 2001. xliii+358 p.
- Evans-Pritchard, Edward. *Theories of Primitive Religion*. Oxford: Oxford University Press; At the Clarendon Press, 1965. 132 p.
- Fleck, Ludwik. Entstehung und Entwicklung einer wissenschaftlichen Tatsache. Einfuehrung in die Lehre vom Denkstil und Denkkollektiv. Mit einer Einleitung herausgegeben von Lothar Schaefer und Thomas Schnelle. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2021 [1980], xlix+190 S.
- Kertzer, David I. *Ritual, Politics, and Power*. New Haven & London: Yale University Press, 1988. 235 p.
- Muir, Edward. *Ritual in Early Modern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. x+320 p.
- North, Douglass. *Institutions* // *Journal of Economic Perspectives*. 1991. Vol. 5. № 1. P. 97–112.
- Sandel, Michael J. *Liberalism and the Limits of Justice*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. ix+190 p.
- Theorizing Rituals: Issues, Topics, Approaches, Concepts* / ed. by Jens Kreinath, Jan Snoek, and Michael Stausberg. Leiden; Boston: Brill, 2006. xxvi+777 p.
- Беглов А.Л., Токарева Е.С., Фадеев И.А. Литургические практики католиков Советской России в 1920–1930-е гг.: нормы и аномалии // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2020. № 38(4). С. 265–293 [Beglov A.L., Tokareva E.S., Fadeyev I.A. Liturgical practices of Catholics in Soviet Russia in the 1920s and 1930s: Canonical Norms and Anomalies] // *Gosudarstvo, Religii, Tserkov' v Rossii i za Rubezhom*. 2020. № 38(4). P. 265–293].
- Блумер Г. Символический интеракционизм: перспектива и метод / пер. с англ. А.М. Корбута. М.: Элементарные формы, 2017. 346 с. [Blumer G. Symbolic Interactionism: Perspective and Method] / пер. с англ. А.М. Корбута. М.: Элементарные формы, 2017. 346 p.].
- Давыдов И. П., Фадеев И. А. Конфессиональная (само)идентификация в Церкви Англии конца елизаветинской эпохи: взгляды Ричарда Хукера на церковный ритуал // *Диалог со временем*. 2023. Т. 82, № 1. С. 29–43 [Davidov I. P., Fadeyev I. A. Konfessional'naiia (samo)identifikatsiia v Tserkvi Anglii kontsa elizavetinskoi epokhi: vzgliady Richarda Khukera na tserkovnyi ritual (Confessional (Self-)Identification of the Late Elizabethan Church of England: Richard Hooker's Views on Church Ritual) // *Dialog so Vremenem*. 2023. T. 82, № 1. P. 29–43].
- Давыдов И.П. Функциональный анализ религиозного мифоритуала (на материале христианской гимнографии, иконописи и зодчества) / Дисс. ... докт. филос. наук. М.:

⁴¹ См. подр., напр.: Давыдов 2018; Давыдов 2021.

- МГУ, 2018. 352 с. [Davidov I.P. Funktsional'nyi analiz religioznogo miforituala (na materiale khristianskoi gimnografii, ikonopisi i zodchestva) (Functional analysis of religious mythoritual: A case-study of Christian hymnography, iconography, and architecture) / Diss. ... dokt. filos. nauk. M.: MGU, 2018. 352 p.]
- Давыдов И.П. Храм и ритуал: социальные функции священного. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. 453 с. [Davidov I.P. Khram i ritual: sotsial'nye funktsii svyashchennogo (Temple and Ritual: Social Functions of the Sacred). Spb.: Izd-vo RKhGA, 2021. 453 p.]
- Давыдов И.П. Эпистема мифоритуала. М.: МАКС Пресс, 2013. 180 с. [Davidov I.P. Epistema miforituala (Episteme of Mythoritual). M.: MAKS Press, 2013. 180 s.]
- Давыдов И.П., Фадеев И.А. Мифоритуал как способ (само)идентификации // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 6 (70). URL: <https://history.jes.su/s207987840002246-9-1/>. [Davidov I.P., Fadeyev I.A. Miforitual kak sposob (samo)identifikatsii (Mythoritual as a Means of (Self-)Identification) // Istoriya. 2018. T. 9, Issue 6 (70). URL: <https://history.jes.su/s207987840002246-9-1/>.]
- Дуглас, Мэри. Как мыслят институты / пер. с англ. А.М. Корбута. М.: Элементарные формы, 2020. 250 с. [Duglas, Meri. Kak mysliat instituty (How Institutions Think) / per. s angl. A.M. Korbuta. M.: Elementarnye formy, 2020. 250 p.]
- Дюркгейм, Эмиль. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с франц. В.В. Земсковой под ред. Д.Ю. Куракина. М.: Элементарные формы, 2018. 808 с. [Diurkgeim, Emil'. Elementarnye formy religioznoi zhizni: totemicheskaia sistema v Avstralii (The Elementary Forms of Religious Life) / per. s frants. V.V. Zemskovoi pod red. D.Yu. Kurakina. M.: Elementarnye formy, 2018. 808 p.]
- Крылов А.Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. / Изд. 3-е, доп. и перераб. М.: ИКАР, 2014. 356 с. [Krylov A.N. Religioznaia identichnost'. Individual'noe i kolektivnoe samosoznanie v postindustrial'nom prostranstve (Religious Identity: Individual and Collective Identity in Postindustrial Space) / Izd. 3-e, dop. i pererab. M.: IKAR, 2014. 356 p.]
- Лебедев В.Ю. Литургический ритуал в культуре: семантика и прагматика. Изд. 2-е. Тверь: ГЕРС, 2007. 244 с. [Lebedev V.Yu. Liturgicheskii ritual v kulture: semantika i pragmatika (Liturgical Ritual in Culture: Semantics and Pragmatics). Izd. 2-e. Tver': GERS, 2007. 244 p.]
- Лебедев В.Ю. Религиозный ритуал западного христианства: культура, традиция, семиотика (XVI–XX вв.). Тверь: Издательство ГЕРС, 2008. 328 с. [Lebedev V.Yu. Religiozny ritual zapadnogo khristianstva: kul'tura, traditsiia, semiotika (XVI–XX vv.) (Religious Ritual of Western Christianity: Culture, Tradition, Semiotics, 16th–20th centuries). Tver': Izdatel'stvo GERS, 2008. 328 s.]
- Паламарчук А.А., Фадеев И.А. Институт десятины в раннестюартовской Церкви Англии как инструмент конфессиональной (само-)идентификации // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Выпуск 12 (122). Часть II. URL: <https://history.jes.su/s2079878400022818-8-1/>. [Palamarchuk A.A., Fadeyev I.A. Institut desiatiiny v rannestiuartovskoi Tserkvi Anglii kak instrument konfessional'noi (samo-)identifikatsii (The Institution of Tithing in the Early Stuart Church of England as an Instrument of Confessional (Self-)Identification) // Istoriya. 2022. T. 13, Issue 12 (122). Chast' II. URL: <https://history.jes.su/s2079878400022818-8-1/>.]
- Фадеев И.А., Паламарчук А.А. Литургия как институт конфессиональной идентификации: Уильям Лод и проблема «иностранных церквей» в Англии // Новая и новейшая история. 2024. Т. 68, №2. С. 174–195. [Fadeyev I.A., Palamarchuk A.A. Liturgiia kak institut konfessional'noi identifikatsii: Uil'iam Lod i problema «inostrannykh tserkvei» v Anglii (Liturgy as an Instrument of Confessional Identification: William Laud and the Challenge of “Foreign Churches” in England) // Novaya i Novejshaya Istoriya. 2024. T. 68, №2. P. 174–195].
- Фадеев И.А. Церковь Англии XVI–XVII вв.: литургия, идентификация, лояльность // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. Выпуск 5 (139). URL: <https://history.jes.su/s207987840031194-2-1/>. [Fadeyev I.A. Tserkov' Anglii XVI–XVII vv.: liturgiia, identifikatsiia, loial'nost' (The Church of England in the 16th and 17th Centuries: Liturgy, Identity, Loyalty) // Istoriya. 2024. T. 15, Issue 5 (139). URL: <https://history.jes.su/s207987840031194-2-1/>.]

Флек, Людвик. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. / Сост., пер. с нем. и др. В.Н. Поруса. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. 220 с. [Flek, Ludvik. Vozniknovenie i razvitie nauchnogo fakta: Vvedenie v teoriiu stilia myshleniia i myslitel'nogo kollektiva (Genesis and Development of a Scientific Fact) / Sost., per. s nem. i dr. V.N. Porusa. M.: Ideia-Press; Dom intellektual'noi knigi, 1999. 220 p.]

Эванс-Пritchard Э. Теории примитивной религии / пер. с англ. А.А. Казанкова, А.А. Белика. М.: ОГИ, 2004. 142 с. [Evans-Pritchard E. Teorii primitivnoi religii (Theories of Primitive Religion) / per. s angl. A.A. Kazankova, A.A. Belika. M.: OGI, 2004. 142 p.]

Давыдов Иван Павлович, д. филос. н., профессор, философский факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова, ioasaph@yandex.ru

Фадеев Иван Андреевич, к.и.н., старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, fadeyev.ivan@yahoo.co.uk

How Church Institutions Think: Mechanisms of Ethno-Confessional Identity Formation

The object of the study is Western Christian church institutions, and the subject is the ways in which they function as ‘thought collectives’ (das Denkkollektiv). The aim is to verify Mary Douglas’s hypothesis that there is a specific “collective way of thinking” in social institutions by drawing on examples from church history. To this end, the following objectives were accomplished: (a) to clarify the context of Mary Douglas’s reference to the sphere of the sacred and religious; (b) to clarify the continuity of her conceptual apparatus as a representative of the Durkheimian school of functionalism; (c) to actualise the institutional aspect of Émile Durkheim’s definition of religion; (d) to explicate the role of the originators and bearers of rituals as the elite of church “thought collectives” by drawing on ritual studies and sociology of religion. The co-authors conclude that: (1) in religion, along with the ritual and mythological, a third aspect, namely the institutional one, must be taken into account; (2) churches are ‘moral thought collectives’ of both clergy and laity; (3) the scholarly class of ‘wise men’ produces and maintains official public memory and, drawing on sacralised myths, consolidates it in acts of identitarian memorialisation and commemoration; (4) liturgical ritual plays a key function as a behavioural marker.

Keywords: *Church history, ritual, religious ritual, ritual studies, Christian liturgy, identity formation mechanisms, thought collectives, Florence, England.*

Ivan Davidov, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), ioasaph@yandex.ru

Ivan Fadeyev, Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), fadeyev.ivan@yahoo.co.uk

КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ КАК ПОЛЕ «БИТВЫ ПОКОЛЕНИЙ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х ГОДОВ*

Крестьянская семья позднего нэпа рассматривается в статье как объект деятельности коммунистической молодёжи по преобразованию быта и против религии с позиций «поколенческой истории». Основное внимание уделено реакции на инновации поколения «детей революции» (их детство пришлось на послереволюционные годы) представителей крестьянского поколения «революционного перелома» (родившихся на рубеже веков). По мнению авторов, деятельность комсомола хотя и не разрушила патриархальную семью в российской деревне полностью, активно способствовала как её эволюции, так и усилению конфликта поколений. Выявлены связанные с деятельностью комсомола причины его обострения, перерастания в межпоколенческий разлом. Авторы рассматривают его как одну из недостаточно изученных сторон раскола деревни на антагонистические лагеря, используемого властью в целях ускорения социалистической модернизации.

Ключевые слова: крестьяне; семья; поколения; отцы; молодёжь; религия; нэп.

Мы ставим цель выявить значение деятельности комсомола второй половины 1920-х гг. в изменениях образа жизни крестьянской семьи. В то же время решается задача рассмотрения деятельности комсомола с позиций выявления её значения для эволюции отношений между поколениями в российской деревне. Особенно важны для нас детали противостояния представителей поколений «революционного перелома» (родившихся на рубеже XIX–XX вв.) и «детей революции» – тех, чье детство и юность пришлось на 1920-е гг.

Крестьянская семья стала объектом пристального внимания историков в последние несколько лет¹. С.П. Вольф справедливо называет крестьянскую семью отражающим изменения в обществе зеркалом². Нельзя не отметить и внимание исследователей к роли молодёжи в эволюции крестьянской семьи³, влиянию преобразований в духовной жизни общества на изменение положения женщин, форм детского воспитания и т.п.⁴ Подрыв родительского авторитета С. И. Бондаренко называет разрушением одной из фундаментальных основ крестьянского мира⁵.

Предмет исследования определяет методологическую специфику работы. Позитивистский подход в поколенческом исследовании опирается на количественные характеристики, понимая поколения как измеримые отрезки человеческой жизни и ориентируясь на такие факторы

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

¹ Багдасарян 2015; Бочан 2014; Васеха 2020; Вербичкая 2006.

² Вольф 2020: 268.

³ Багдасарян 2016; Бернштам 1988.

⁴ Васеха 2015; Малютин 2022; Поршнева 2018.

⁵ Бондаренко 2011.

как продолжительность жизни, свойства организма, физиологические ограничения и т.п. Исследование в большей степени касается проблем истории ментальностей, поэтому оно опирается на качественную теорию поколений К. Мангейма. Социолог полагал, что поколение формируется, когда люди испытывают воздействие «социальных и интеллектуальных симптомов процесса динамической дестабилизации»⁶. Несомненно, что массовое переживание переломных моментов истории формирует в людях одного поколения (например, поколения «революционного перелома») определенные мировоззренческие и поведенческие паттерны. При этом не только в генерационной структуре общества, объединяющего несколько поколений, но и внутри одного поколения сохраняется полифония мышлений и ценностей. То есть поколение – это не только демографическое понятие, описываемое преимущественно в количественных параметрах, оно также насыщено мощным социальным, политическим, интеллектуальным содержанием. Такой поколенческий подход позволяет взглянуть на проблему с позиций исторической антропологии и интеллектуальной истории, изучить исторический период социальных трансформаций, в процессе которых возникают «новые психофизические единицы»⁷. Поколения мы воспринимаем, прежде всего, как общности современников, сформировавшиеся в определенных исторических условиях и под влиянием значимых исторических событий. Поколенческий подход позволяет рассмотреть обозначенную проблему в новом исследовательском ракурсе, ориентированном на вопросы трансформации мировоззрения и повседневности крестьян в 1920-е гг.

Конфликт поколений признаётся имманентно присущим всем переломным периодам истории. Применительно к 1920-м гг. крайнюю деформацию молодёжных поведенческих стереотипов как реакцию на резкое изменение не только общественного строя, но и устоев внутрисемейных взаимоотношений точно подметил Ф.Н. Козлов. Исследователь писал: «В выбитом из привычной колеи обществе и без того под влиянием нескольких лет Первой мировой и гражданской войн сформировалась атмосфера перманентного противостояния, конфликта всех со всеми»⁸. Наибольшей жестокостью, по мнению Ф.Н. Козлова, подчас отличались внутрисемейные конфликты.

В 1920-е гг. на селе все более заметной политической силой становился комсомол. Причём в отличие от первых лет советской власти, когда в самом комсомоле были и представители поколения «революционного перелома», во второй половине 1920-х гг. определяющей стиль юношеских организаций стала деятельность нового поколения – «детей революции». Для некоторых из поколения «революционного перелома»

⁶ Мангейм 1998: 28.

⁷ Там же: 21.

⁸ Козлов 2014: 72.

«дети революции» в буквальном смысле были детьми, для некоторых – младшими братьями и сестрами. Поколенческий дискурс был важен для новой большевистской власти. Г.Е. Зиновьев резонно подчеркивал: «Разница в поколении, особенно в крестьянстве, имеет громадную роль»⁹. Наиболее антагонистичными он считал поколения тех, кто рос при царизме и после революции. Л.Б. Каменев говорил об уникальной способности молодого поколения «создать новую психологию»¹⁰. Один из лучших знатоков нэповской деревни А.М. Большаков считал, что именно комсомольцы могут сыграть в её жизни большую роль, так как обычно рассредоточены по всей волости и работают вместе с крестьянами разных поколений¹¹. Некоторые коммунистические идеологи даже в приверженцах революционных преобразований из числа представителей старших поколений видели «чрезмерную испорченность» старым режимом. Л.Д. Троцкий призывал к созданию человека, который не захочет «ползать на брюхе перед темными законами наследственности, слепого полового отбора» и сумеет «овладеть чувствами, понять инстинкты, сделать их прозрачными, протянуть провода воли в подспудное и подпольное и тем самым поднять человека на новую биологическую ступень, создать более высокий общественно-биологический тип, если угодно – сверхчеловека»¹². Психолог и педагог А.Д. Залкинд объяснял молодёжи, что, согласно пролетарской морали, следует «почитать только того отца, который стоит на революционно-пролетарской точке зрения». Других же отцов, по его мнению, должны перевоспитывать сами дети. Более того, так как «интересы революционного класса важнее блага отца», после безуспешной борьбы с родителями дети вправе покинуть их. А.Д. Залкинд провозглашал: «Самодовлеющего “отцовства” для класса нет, нет и самодовлеющего “почитания” отцов»¹³. Впрочем, эта радикальная теоретическая установка, характерная для середины 1920-х, была отвергнута советской властью на рубеже 1920–1930-х гг.

Семейное счастье в комсомоле стали называть проявлением мещанства. Антирелигиозную пропаганду в первую очередь связывали с раскрепощением крестьянского семейного быта¹⁴. Положительный эффект утверждающегося в комсомоле отрицательного отношения к семье видели «в борьбе против ограничительных свойств семьи, против бегства в семейную тихую гавань от бурных тягот общественной борьбы»¹⁵. Советские идеологи прямо призывали в перспективе разрушить классическую семью, а в настоящем хотя бы расшатать основы патриархального семейного быта.

⁹ Зиновьев 1925: 11–12.

¹⁰ Каменев 1929: 116.

¹¹ Большаков 1927: 331.

¹² Троцкий 1927: 448.

¹³ Залкинд 1927: 75.

¹⁴ Антирелигиозная пропаганда... 1925: 20.

¹⁵ Норов 1926: 14.

Демонстрируя оригинальность в форме противодействия отцовским (в т.ч. и религиозным) обычаям, комсомольцы открыто надеялись на одобрение властей. Ведь постоянно слышали и призывы к «ослаблению семейного влияния». Н.К. Крупская, например, называла ослабление влияния той сословно-деспотической модели семьи, которая сложилась в дореволюционной России, условием «выварки всего молодого поколения в котле коммунистической общественности»¹⁶. Оправдывая неподчинение молодёжи родителям, Л.Д. Троцкий призывал к сплочению против родительского деспотизма¹⁷. Многие радикальные идеологи и педагоги даже страшное по своей сути явление массовой детской беспризорности принимали за исторически неизбежную форму распада семьи. Та же Н.К. Крупская мечтала о постоянном расширении сети детских домов¹⁸. М.Н. Лядов рассуждал: «Ребенок рождается здоровым физически и морально. Только воспитанием мы прививаем ему наши наследственные болезни, наши наследственные черты характера»¹⁹. По его мнению, чтобы сохранить здоровье малыша, надо как можно скорее забрать его у матери и передать на общественное воспитание. VI съезд РЛКСМ напрямую нацеливал сельский комсомол на освобождение молодёжи (в первую очередь – девушек) от влияния семьи²⁰.

Синтия Хупер резонно отмечала совмещение коммунистических усилий по модернизации повседневности с подозрительностью к семейной жизни, как потенциальному очагу неблагонадежности в силу её неполной подконтрольности государству²¹.

Показательны задачи, которые ставила советская пропагандистская литература перед матерями: 1) отречься от старого представления, будто ребёнок только ее; 2) не портить жизнь детям и не внушать мысль о Боге; 3) отрешиться от предрассудка, что дочь должна получать отличающееся от сына воспитание (будущей домашней хозяйки); 4) охранять здоровье детей. Главная мысль данных наставлений: «Мать должна способствовать развитию общественности и самостоятельности у дочери»²². Задача воспитания ребенка в «новой» семье не отрицалась совсем лишь на том основании, что коммунистические идеологи считали современные государство и общество все еще неспособными полностью взять на себя воспитательские обязанности. Воспитание ребёнка расценивалось в комсомоле как общественное поручение подготовить сына или дочь к полноценному участию в социалистическом строительстве.

У крестьян старших поколений попытки разрушения традиционной семьи вызывали явную неприязнь, прежде всего проявлявшуюся по отношению к комсомольцам, игравшим роль преобразователей вызыва-

¹⁶ Крупская 1930: 3.

¹⁷ Троцкий 1923: 87.

¹⁸ Протоколы совещаний наркомов... 1985: 62.

¹⁹ Лядов 1989: 313.

²⁰ Резолюции и постановления... 1924: 173.

²¹ Ноорег 2006.

²² Женщина и быт... 1926: 114.

юще грубо и примитивно. Их разрушительная практика сеяла в умах крестьян сомнения в оправданности и пропагандируемых ими созидательных преобразований. Даже партийная публицистика вынуждена была признать одной из главных проблем деревни конфликт «отцов» и «детей». «Крестьянский журнал» писал, что старики «недовольны теми из детей, которые сделались комсомольцами. Они считают их “пропащими”, “отпетыми”, “богохульниками”. Матери плачут о них, потому что они “отреклись от святой веры, стали безбожниками”»²³. Журнал «Смена» писал: «Некоторые из ребят просто не говорят в семье о том, что они комсомольцы, и ведут себя так, чтоб это не оказалось заметным. Много семей таких, где постоянно горит вражда и ссора на этой почве»²⁴.

В середине 1920-х гг. руководство комсомола настойчиво призвало ячейки учить крестьянских девушек лучшему ведению сельского и домашнего хозяйства. Власти пытались показать крестьянам, что комсомол поднимет культурное развитие девушек. Во многих комсомольских организациях внимание к крестьянкам оживало только при объявлении очередной специальной кампании. Создаваемые в сельских комсомольских ячейках кружки рукоделия на деле в первую очередь занимались политической пропагандой, разучиванием революционных песен. Несмотря на призывы учитывать интересы крестьянок, литература среди них распространялась в основном пропагандистская. Антирелигиозные книги редко были доступны их пониманию.

Многочисленные примеры поступков комсомольцев в нэповской деревне все больше давали повод говорить об их нетрадиционном отношении к старшим. Зачастую комсомольская активность на селе приводила к разрыву поколений. Если верить С. Абрамсону, старики Чувашии в середине 1920-х гг. перестали ходить на сельские сходы, считая, что «все равно по-комсомольски будет»²⁵. Типичной среди деревенских стариков стала оценка: «Комсомолия – страна упорная, что комары или оводья, лезут, терпенья нет, плюнешь и уйдешь со схода»²⁶. Комиссия по обследованию деревни на Юго-Востоке пришла к выводу, что зачастую на сельских сходах именно молодое поколение занимает доминирующее поколение, старшие все чаще уступают первенство сыновьям²⁷.

Симптоматично, что в антирелигиозной литературе изучаемого времени неоднократно отмечалось, что семья – оплот религиозности, родители, в силу своего возраста, намного более консервативны и традиционны, чем подрастающее поколение²⁸. Е. Ярославский призывал селькоров шире освещать в печати не только отношение религии к молодёжи, но и формы проявления в этой сфере борьбы стариков и моло-

²³ Ульянов 1925: 16.

²⁴ Малов 1928: 7.

²⁵ Абрамсон 1926: 16.

²⁶ Линеvский 1926: 159.

²⁷ Как живет и чем болеет деревня... 1924: 87.

²⁸ Антирелигиозная пропаганда в пионеротрядах и школах 1925; Антирелигиозная кампания среди пионеров 1926.

дэжи²⁹. В печати фиксировали наплыв типичных обращений комсомольцев к пожилым односельчанам: «Тебя, старика, все равно на новую дорогу не поставит, да и времени нет»³⁰. Многие комсомольцы считали бесполезным делом агитацию против религии среди родителей. Иногда комсомольцы прямо говорили: «Плевать на твою отцовскую волю». В адрес стариков раздавалась угроза: «Пора околевать, нечего учить»³¹.

Подчас родители сами действовали так, что конфликт с детьми превращался в полный разрыв отношений. В деревне Самарка Омского уезда крестьяне возмущались, что сын долго пропадает на вечерах. Когда он в очередной раз пришёл с вечера уже ночью, они избили его³². Когда в селе Налинском девушка ушла из церкви на комсомольское собрание, родители продержали её несколько дней в подвале³³. В деревне Лисавино Карачаровской волости Можайского уезда мать была в отчаянии, когда ее 18-летний сын Фёдор вступил в комсомол: для неё от стал богоотступником. Ни уговоры на семейном совете, ни обращение к авторитету дедов, ни попытки взять голодом, ни отказ сыну в одежде не помогли его переубедить. Тогда перед комсомольским собранием мать напоила сына самогоном и разорвала комсомольский билет, после чего он был исключен из комсомола за непосещение собраний и пьянство³⁴.

В крестьянской среде по-прежнему были распространены методы грубого физического воздействия на детей, в т.ч. за невыполнение / плохое выполнение религиозных обрядов. Межпоколенческий конфликт нередко усугублялся теми духовными лицами, которые не оставляли надежд на привлечение молодёжи в церковь. Лучшим посредником в отношениях церкви и молодёжи считались родители. В проповедях ячейки комсомольцев назывались гнилыми гнездами, комсомольцы – хулиганами. Родителям рекомендовалось не пускать детей на комсомольские мероприятия. В индивидуальных беседах священники иногда напрямую использовали угрозы: «Не заставишь своего отпрыска выйти из ячейки, я тебя и причащать не буду». Иногда использовались и «инновационные» приемы, когда родителей и детей призывали посещать церковь, объясняя, что это помогает делу коммунистического воспитания.

Подчас и созидательные действия комсомольцев вызывали противодействие «отцов». Так, призывы комсомольцев к обучению грамоте взрослых нередко встречались крестьянами в штыки. Их логика видна из таких рассуждений: «Неграмотные больше жили, меньше проживали», «Учите наших детей, а нам, старикам, что? – помирать скоро» и т. п.³⁵

Показательно, что и в пропагандируемых комсомолом новых играх отразился конфликт поколений. Так, старое перетягивание канатов

²⁹ Ярославский 1924.

³⁰ Яковлев 1928: 11.

³¹ Орлов 1926: 38.

³² Новая деревня 1926.

³³ Олещук 1929: 56.

³⁴ Мурин 1926: 13-14.

³⁵ Комсомол в избе-читальне 1925: 51.

превратилось в игру «Ворота Октября». В ней участники делились на две команды. В первой – изображавшие комсомольца, избу-читальню, кооперацию, школу, рабочего, агронома, машину. Во второй – играющие попа, Илью-пророка, кулака, соху, самогон, старуху. Игра началась со спора комсомольца и старухи. Затем с символическими песнями выходили все участники команд. Всё «новое» шло к комсомольцу, «старое» – к старухе. Если у «новых» возникали трудности в перетягивании веревки, перетянуть «старое» помогал изображавший рабочего, коммуниста или еще кого-то, символизирующего самое передовое³⁶.

Особенно большие надежды на антирелигиозное «пробуждение деревни», «коренную революцию в умах отцов» власть связывала с той молодёжью, которая вернулась из Красной армии или хотя бы длительно пожила в городе. Отмечая, что их действия вызывают «возмущение старого мира», Е. Федоров связывал конец этой борьбы с неминуемым поражением стариков и с постепенным расшатыванием быта, основанного на религии³⁷. Еще более конфликт поколений обострился к концу 1920-х гг., когда молодёжь подверглась пропагандистской атаке, связанной с началом форсированной индустриализации. В целях обеспечения кадрами строек и заводов пропаганда создала практически культ города, активная деревенская молодёжь все больше связывала своё будущее именно с переездом в город, практически однозначно, «скопом» отрицая крестьянский быт, семейные традиции.

Молодёжь все в большей степени пыталась отнять у родителей роль воспитателей. Советская печать охотно публиковала рассказы о том, как передовые дети успешно отвергают негативный опыт крестьян старших поколений³⁸. Отношения в старой семье связывались с беспрекословным («рабским») послушанием детей родителям, подавались как продолжение эксплуататорской линии, авторитарно-иерархической системы. Переворачивая сельскую иерархию, юноши и девушки не только отвергали родительские наставления, но все более сами стремились получать отцов и дедов. Даже пионерам поручалось «перевоспитать в коммунистическом духе и свою семью»³⁹. Н.И. Бухарин радовался тому, как пионерская организация «ведёт медленный подкоп под самую консервативную твердыню всех гнустостей старого режима»⁴⁰.

Совершеннолетние дети в новой правовой системе считались такими же полноправными членами двора, как и родители, имели одинаковую с родителями долю в имуществе и хозяйстве. В соответствии с советским законодательством только от желания повзрослевших детей зависело решение: оставаться в семье или завести собственную семью и выделиться из хозяйства. Глава семьи фактически уже не встречал под-

³⁶ Там же: 87.

³⁷ Антирелигиозная пропаганда... 1925: 24.

³⁸ Земальник 1925; Неверов 1926.

³⁹ Гессен 1926: 129.

⁴⁰ Там же: 127.

держки со стороны суда и закона. По инициативе членов двора волисполком мог назначить домохозяином другого члена двора. Про ослабление влияния церкви в этом вопросе пропагандистская литература рассказывала следующим образом: «Грозный домовладелец прежнего времени превратился теперь в такого же члена семьи, как все остальные... Не поможет теперь ему и сообщница угнетателей – церковь. Ее сказкам о каре божьей за непокорность и неповиновение главе семьи не поверит уже ни один сознательный человек»⁴¹. Селькоры периода нэпа отмечали, что «в большинстве случаев браки в деревне заключаются не по взаимному влечению брачующихся, а по соглашению родителей, основанному на материальных расчетах»⁴². Иногда, правда, родители, зная о предполагавшейся самоходке, относились к ней терпимо из-за экономических соображений: нехватки средств на приданое или на свадьбу. Но это все-таки можно считать лишь исключением из правила.

Противоречивость позиций идеологов поведения в интимной сфере, тем не менее, не отрицала единства в стремлении заменить индивидуализм в интимной жизни классовыми интересами. Когда девушка «вела себя скромно, то говорили, что она пропитана буржуазными предрассудками и что у неё индивидуалистическое настроение, если начинала свободно вести себя, то её приравнивали к проститутке»⁴³. Показательны объяснения комсомольскими активистами низкой активности девушек в сельском комсомоле. Селькор Ребрин из сибирского посёлка Первомайский писал: «Каково отцу с матерью, когда дети безбожники, да добро, если парень, а то дочь... Одна комсомолка мне рассказывала: “Прихожу я к подруге, зову её на девичью конференцию, родители не пускают”. Она мне и говорит: “Вот охота в комсомол записаться, да разве такие отпустят: достаточно, говорят, что по читальням да по спектаклям шляешься, дальше некуда, а в комсомоле и без тебя хорошо”»⁴⁴. Михаил Рахманин из Юромы Мезенского уезда рассказывал, что старуха предлагала ему взятку, лишь бы он выписал ее дочь из союза⁴⁵. Волоколамский уездный комитет комсомола констатировал: «Если девушка вступает в комсомол – дело зачастую доходит до того, что жизнь в семье становится для нее невыносимой. Часто угрозы, даже побои заставляют девушку или выходить из союза и в другом случае уходить из семьи, но последнее ей не всегда представляется возможным сделать»⁴⁶. Вступление в комсомол в сознании самих девушек зачастую приравнивалось к прочному приобретению «худой славы».

Многие комсомольские лидеры считали именно семью главной преградой между комсомолом и девушкой. Они пытались продемон-

⁴¹ Капелько 1927: 8.

⁴² Советская 1923: 8.

⁴³ Ярославский 1929: 6.

⁴⁴ Ребрин 1925: 17.

⁴⁵ Комсомол на Севере 1924: 47.

⁴⁶ О работе комсомола в деревне 1925: 8.

стрировать, что в комсомоле девушка может освободиться от внутрисемейной эксплуатации. Раздавались призывы в пропагандистских целях освободиться от практики использования девушек как чернорабочей силы в общественных начинаниях, показывать, что они парням – ровня.

Руководство комсомола объявляло о борьбе со всякого рода насмешками, призывало изжить сами слова «Не ваше дело» по отношению к девушкам. Раздавались призывы отказаться от взглядов на девушек только как на женщин. В пропагандистских материалах комсомола провозглашалось: «Можно любить, но любить лишь для того, чтоб в совместном союзе парень и девушка еще лучше боролись за диктатуру пролетариата»⁴⁷. Низовые организации критиковались за традиционно раздаваемые девушкам поручения мыть полы, убираться в общественных учреждениях. Ведь это фактически соответствовало крестьянским взглядам на девушек, как на обслуживающий персонал. Включение девушек в воспитательную и другую посильную общественную работу выдвигалось в качестве насущной задачи все чаще, но для многих сельских организаций эта задача так и осталась непосильной.

Женившимся комсомольцам поручалось втягивать жен в союз. Основной их задачей в браке называлось перевоспитание жён в новом духе, «выравнивание» политического развития в семье. Тамбовский губернский комитет ВЛКСМ установил для жён комсомольцев минимум времени для общественной работы: 8 часов в неделю⁴⁸. Комсомольцам, имеющим сестер, вменялось в обязанность втягивание и этих девушек в союз. Они должны были больше времени уделять беседам с сестрами о советской власти, комсомоле, а не о женихах и нарядах. Наверное, правомерны были рассуждения о том, что от религии и пустого времяпровождения девушек могут отвлечь только интересно организованные, но учитывающие и прежние традиции комсомольские мероприятия. Новые песни, частушки, балалайка, гармошка, граммофон – вот главные средства, которые комсомол пытался использовать для привлечения девушек на свою сторону. Более того, во многих комсомольских организациях осознали: ведя «индивидуальную обработку» родственниц и знакомых, парни с комсомольскими билетами не должны мудрствовать, говорить о высоких материях, действительно увлечь и привлечь в комсомол может лишь волнующее девушек непосредственно.

Хотя в целом в комсомоле процент девушек с 1 января 1924 г. по 1 января 1929 г. увеличился с 15,7 до 22,8%⁴⁹, рост шел преимущественно за счет городских организаций. Во многих местах крестьянские девушки, даже участвуя в комсомольской работе, непосредственно в союз не вступали. Большие группы крестьянских девушек ходили на собрания, выполняли комсомольские поручения, но дома свое членство в комсомоле скрывали. Еще чаще девушки ограничивались участием в

⁴⁷ Комсомол в деревне 1924: 64.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Справочник партийного работника 1930: 382.

культурно-просветительных кружках и мероприятиях комсомола. Зафиксировано и множество случаев, когда сельские девушки, только вступив в комсомол, из-за семейных скандалов из него выходили. Кроме того, даже комсомольские активистки часто покидали союз из-за того, что комсомол практически игнорировал их семейные заботы. Им давались поручения, которые замужняя комсомолка не могла выполнить вообще или в какой-то конкретный период, когда вынуждена была заниматься решением проблем семьи.

Как правило, сельские мужчины вообще не понимали попытки утверждения женского равноправия. Многие из них считали, что вовлечение женщин в коммунистические организации приведет к полному крушению семейного быта, непослушанию жен и дочерей. Крестьянин И.Т. Потапов из села Кувай Алатырского уезда в письме в «Крестьянскую газету» протестовал против разглагольствований о необходимости освобождения женщин от работы на кухне, называя это «подстрекательством»: «О равноправии скажу, что женщина должна быть равноправной, а о распределении труда – женщина должна быть на кухне, а не в канцелярии»⁵⁰. Дошло до того, что в некоторых деревнях по отношению к активисткам прижилось обидное прозвище «бездомовица»⁵¹. Например, в Царицынской губернии мужики резко выступили против рекомендации властей провести хотя бы одну женщину в сельсовет, утверждая: «Женщина не может ничего смыслить в хозяйственных делах»⁵².

Коммунистические идеологи понимали, что связь крестьянства с церковью держится «преимущественно на женской привычке»⁵³, что женщин «легче убедить, воздействуя на чувства»⁵⁴. Тем не менее, главный идеолог «безбожия» Е.М. Ярославский ставил перед вступающими в брак юношами задачу убедить невест «строить семью без попа»⁵⁵. На практике невенчаный брак в деревне считался блудом. Молодёжная печать не скрывала, что «в деревне без церковного брака трудно найти парням-комсомольцам себе невесту из беспартийных девушек»⁵⁶. Случаи, когда комсомолец, расписавшись с девушкой, через некоторое время ее бросал, еще более убеждали крестьян и особенно потенциальных невест, что без венчания замужество не будет прочным. Этнографы О.Э. Озоровская и Б.М. Соколов отмечали, что в северорусских деревнях браки, заключенные по старой традиции, оказывались значительно более крепкими, чем начинающееся с простой регистрации.

Вступающему в брак комсомольцу также непросто было принять окончательное решение. Боялся: обвенчается – исключат из комсомола, откажется – родители не дадут разрешения на брак. Среди молодых

⁵⁰ Голос народа 1998: 159.

⁵¹ Неверов 1926.

⁵² Крестьянские истории... 2001: 179.

⁵³ Троцкий 1923: 44.

⁵⁴ Крупская 1929: 15.

⁵⁵ Ярославский 1933: 253.

⁵⁶ [От редакции] 1925: 7.

крестьян массовыми были выходы из комсомола ради вступления в брак согласно местным традициям. Причём даже отличавшийся большевистской принципиальностью А.А. Сольц призывал терпимее относиться к религиозным обрядам на селе: «Бывают такие условия, что у крестьянина-коммуниста выхода нет вследствие отсталости крестьянства; ему нужна женщина, ему нужна хозяйка дома, а женщина и хозяйка дома считает, что только после венчания в церкви брак их будет крепким и поэтому она не соглашается иначе»⁵⁷. Доходило и до анекдотичных случаев, когда комсомольская ячейка, учитывая активность комсомольца, разрешала ему совершение брачных религиозных обрядов, исключив из комсомола на несколько часов⁵⁸.

И все же семейно-брачные отношения в деревне все заметнее изменялись. В прессе того времени мы находим немало свидетельств о случаях, когда сельские юноши и девушки просто не обращали внимания на запреты родителей, в том числе на браки⁵⁹. В октябре 1928 г. не сдержал эмоций М.И. Калинин: «То, что человек, предположим, на протяжении 10 лет раз 6–7 женится, разве это допустимо в новом обществе?»⁶⁰. Исследовательница крестьянского быта С.Д. Багдасарян справедливо замечает: «Если Калинин считал подобное поведение недопустимым, то многие молодые горожане и крестьяне, не исключая и комсомольцев, считали вполне нормальной необузданную свободу в заключении и расторжении брака, ибо она практически полностью укладывалась в рамки и новой юстиции, и новой морали»⁶¹. Большинство крестьян старших поколений по-прежнему отрицательно относились к такому поведению молодёжи. И.Е. Полищук из села Ошухино Сибирского края в письме в «Крестьянскую газету» даже заявил: «Очень хорошая советская власть на все отношения, но на одно плохо: в женитьбе молодых ребят. Большое распушение дано женщинам»⁶². Противоположное мнение складывалось у крестьян по поводу проведения обрядов. Так, проведение похорон с участием церкви нередко осуждалось отдельными партийными функционерами, а большинство крестьян, наоборот, возмущались недопущению священников на траурные церемонии. Стал расхожим вопрос-возмущение «Что же, как собаку заруют в землю?».

Деятельность комсомола отнюдь не разрушила патриархальную семью в российской деревне. Стоит согласиться: в изучаемый период происходила постепенная трансформация российской классической патриархальной семьи в советскую патриархальную⁶³. Прислушаемся и к М.В. Михайловой, которая утверждает, что власть участвовала в фор-

⁵⁷ Сольц 1927: 70.

⁵⁸ Мак, Склярский 1927: 23.

⁵⁹ Герман 1923: 17.

⁶⁰ Калинин 1975: 88–89.

⁶¹ Багдасарян 2015: 271.

⁶² Голос народа 1998: 158.

⁶³ Циткилов 2018: 229.

мировании уникального типа социокультурных представлений, обеспечивавших способность советской семьи выживать и творить в самых сложных условиях⁶⁴. Тем не менее, деятельность комсомола, направленная против традиционных семейных ценностей, явно обострила конфликт поколений, всё более превращавшийся в поколенческий разлом. Некоторые молодые активисты села действительно восприняли призывы к развитию «нового быта» как возможность разрушения традиционной крестьянской семьи. Семейной дезорганизации явно способствовало распространение внебрачных связей, свободных добрачных отношений, аборт, проституции, венерических заболеваний.

Утверждалось разное понимание ценностей, жизненных ориентиров родителями и детьми. Молодёжь (по крайней мере, наиболее активная её часть) связывала ценность с «новой идеей, выступающей в качестве индивидуального или социального ориентира», крестьяне старших поколений – с «типом “достойного” поведения, с конкретным жизненным стилем»⁶⁵. Если раньше отказ детей «своему отцу покориться и матери поклониться» воспринимался всеми поколениями крестьян как отклонение от нормы, то теперь это было присуще только старшим поколениям, среди которых представители поколения «революционного перелома» были «последними из могикан», которыми многое из навязываемого новой властью и ее молодёжным авангардом прижигалось с большим трудом или вообще отторгалось. Оказалось, что «бунтари» прошлых десятилетий, увидев отнюдь не только положительные результаты революционных потрясений, в это время нередко проявляли себя никак не меньшими консерваторами, чем «деды». В большинстве своем крестьяне поколения «революционного перелома» воспринимали веру как элемент наследия, которое остается после него для других поколений, выступая как общее достояние всех людей⁶⁶. Но представители более юных поколений все чаще оставались равнодушными по отношению к их духовному наследию.

В жизни советской деревни 1920-х гг. под воздействием разных факторов складывалась непростая диспозиция сил. К определяющим идейную и социокультурную стороны межпоколенческого конфликта можно отнести факторы генерационной структуры сельского общества, антирелигиозной социальной мобилизации молодежи, проводящейся под эгидой партии и реализуемой силами комсомола, традиционалистских ритуальных практик и идеологического воздействия их носителей – консервативного духовенства и старших поколений. При этом и разрушительная, и созидательная деятельность комсомольцев воспринимались старшим поколением неоднозначно и вместе с тем, коммунистически настроенная сельская молодежь, поддерживаемая партией и на словах, и на практике, постепенно обретала все более значимый статус в

⁶⁴ Михайлова 2003: 15.

⁶⁵ Гуревич 1994: 287.

⁶⁶ Чиркова 2014: 76.

деревне. Их настрой против патриархальной крестьянской семьи, как хранителя отживающих свой век «пережитков прошлого» (неприемлемость которых в «светлом будущем» провозглашалась всё более настойчиво) перерастал в антикрестьянские настроения в целом, что в конечном счете негативно сказывалось как на судьбе деревни, так и всего российского общества.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

- Абрамсон С. Комсомольская деревня // Комсомол в деревне. М.; Л., 1926. С. 7–21.
- Антирелигиозная пропаганда: (Материалы по организации и методике пропаганды безбожия). Тула, 1925. 59 с.
- Антирелигиозная пропаганда в пионеротрядах и школах. М.: Новая Москва, 1925. 238 с.
- Антирелигиозная кампания среди пионеров. М.-Л.: Госиздат, 1926. 96 с.
- Большаков А.М. Деревня: 1917-1927. М.: Работник просвещения, 1927. 471 с.
- Герман А. По – новому // Крестьянка. 1923. № 12.
- Гессен В.Ю. Комсомол и юные пионеры. Очерк истории комсомольского и пионерского движения в СССР. Л.: Государственное издательство, 1926. 162 с.
- Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М.: РОССПЭН, 1998. 328 с.
- Женщина и быт: материалы по работе среди женщин в клубе, красном уголке, общежитии, женкружке и пр. М.: Пролеткульт, 1926. 175 с.
- Залкинд А. Этика, быт и молодёжь // Комсомольский быт. М.-Л., 1927. С. 70–88.
- Земальник П. Грунины каникулы // Красная сибирячка. 1925. № 1. С. 20–22.
- Зиновьев Г.Е. Что такое Комсомол и чем он должен стать: очередные задачи Комсомола. 3-е изд. Л.: Прибой, 1925. 45 с.
- Как живет и чем болеет деревня: (По материалам Комис. по обследованию деревни на Юго-Востоке). Ростов н/Д; М.: Прибой, 1924. 95 с.
- Калинин М.И. О молодёжи: избранные речи и статьи. М.: Молодая гвардия, 1975. 334 с.
- Каменев Л.Б. Общие вопросы политики партии: Доклад на пленуме ЦК ВЛКСМ 18 сентября 1924 г. // Статьи и речи. Т. 11. М.-Л.: Государственное издательство, 1929. С. 87–119.
- Капелько А.С. Беседы о браке и семье. М.; Л.: Долой неграмотность, 1927. 76 с.
- Комсомол в деревне. Тамбов: издание Тамбовского Губкома Р.К.С.М., 1924. 75 с.
- Комсомол в избе-читальне. М.; Л.: Молодая гвардия, 1925. 109 с.
- Комсомол на Севере. Архангельск: Арх. губком Р.К.С.М., 1924. 57 с.
- Комсомольцам о VII съезде ВЛКСМ. М.; Л.: Молодая гвардия, 1926. 96 с.
- Крестьянские истории. Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах. М.: РОССПЭН, 2001. 230 с.
- Крупская Н.К. Антирелигиозная пропаганда. М.-Л.: Госиздат, 1929. 67 с.
- Крупская Н.К. О пионердвижении на данном этапе // За коммунистическое просвещение. 1930. № 158. С. 3.
- Линевский А. Чувашский комсомол // Комсомол в деревне. М.; Л., 1926. С. 158–169.
- Лядов М.Н. Вопросы быта // Партийная этика. Документы и материалы дискуссии 20-х годов. М.: Политиздат, 1989. С. 304–316.
- Мак Н., Склярский Д. Не подражай буржуа! // Смена. 1927. № 21. С. 21–23.
- Малов Ф. Комсомолец в семье // Смена. 1928. № 24. С. 6–7.
- Мурин В.А. Быт и нравы деревенской молодёжи. М.: Новая Москва, 1926. 159 с.
- [От редакции] Что заставляет комсомольцев соблюдать религиозные праздники // На смену. 1925. 24 июня. С. 7.
- Неверов А. В путь-дорогу // Крестьянка. 1926. № 7. С. 4–6.
- Новая деревня. 1926. 26 февраля.
- Норов Э. О семье прошлого, настоящего и будущего // Смена. 1926. № 23. С. 14.
- О работе комсомола в деревне. Волоколамск: Газ. «Красный пахарь», 1925. 40 с.
- Олещук Ф.Н. Школа и воспитание активных атеистов. Л.; М.: Московский рабочий, 1929. 128 с.
- Орлов В. Работа среди девушек-крестьянок. М.-Л.: Молодая гвардия, 1926. 63 с.
- Протоколы совещаний наркомов просвещения союзных и автономных республик. 1919–1924 г. М.: Наука, 1985. 234 с.
- Ребрин. От вечерок до комсомола // Смена. 1925. № 27. С. 17.

- Резолюции и постановления VI Всесоюзного съезда РЛКСМ. М.: Молодая гвардия, 1924. 183 с. Советская М. Долой приданое // Крестьянка. 1923. № 15.
- Сольц А.А. Коммунистическая этика // Комсомольский быт. М.-Л., 1927. С. 55–69.
- Справочник партийного работника. Вып. 7. Ч. 2. М.-Л.: Госиздат, 1930. 384 с. [Spravochnik partijnogo rabotnika. Vyp. 7. CH. 2. M.-L.: Gosizdat, 1930. 384 s.]
- Троцкий Л.Д. Вопросы быта. Эпоха «культурничества» и ее задачи. М.: Красная новь, 1923. 161 с.
- Троцкий Л.Д. Сочинения. Т. XXI: Проблемы культуры. Культура переходного периода. М.; Л.: Госиздат, 1927. 520 с.
- Ульянов Г. Отцы и дети деревни // Крестьянский журнал. 1925. № 6.
- Яковлев. К свету // Сунтал. 1928. № 1.
- Ярославский Е. Доклад на Всесоюзном совещании рабкоров и селькоров при «Правде» // Правда. 1924. 19 декабря.
- Ярославский Е. Переход к наступлению // Антирелигиозник. 1929. № 10. С. 6.
- Ярославский Е. Ленин, коммунизм, религия. М.: ОГИЗ, 1933. 612 с.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Багдасарян С.Д. Быт, труд и семья крестьян эпохи нэпа: историческая повседневность южно-российской деревни в 1920-е годы. Новочеркасск: Лик, 2015. 312 с. [Bagdasarjan S.D. Byt, trud i sem'ja krest'jan jepohi njepa: istoricheskaja povsednevnost' juzhno-rossijskoj derevni v 1920-e gody (Life, labor and family of peasants of the NEP era: the historical everyday life of the South Russian village in the 1920s.). Novocherkassk: Lik, 2015].
- Багдасарян С.Д. Трансформация института семьи в крестьянской среде на Юге России в 1920-е гг. // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2016. № 4. С. 95–100. [Bagdasarjan S.D. Transformacija instituta sem'i v krest'janskoj srede na Juge Rossii v 1920-e gg. (Transformation of the institution of the family in a peasant environment in the South of Russia in the 1920s)] // Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki. 2016. № 4. S. 95–100].
- Бернштам Т.А. Молодёжь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л.: Наука, 1988. 276 с. [Bernshtam T.A. Molodjozh' v obrjadovoj zhizni russkoj obshhiny XIX – nachala XX v. (Youth in the ritual life of the Russian community of the XIX – early XX centuries) L.: Nauka, 1988.].
- Бондаренко С.И. Отношение крестьян к антирелигиозной работе советского государства в 1920-е гг. (региональный аспект) // Религия в истории народов России и Центральной Азии. Барнаул, 2011. С. 150–152 [Bondarenko S.I. Otnoshenie krest'jan k antireligioznoj rabote sovetского gosudarstva v 1920-e gg. (regional'nyj aspekt) (The attitude of peasants to the anti-religious work of the Soviet state in the 1920s. (regional aspect))] // Religija v istorii narodov Rossii i Central'noj Azii. Barnaul, 2011. S. 150–152].
- Бочан С.А. Семейно-бытовые новации в сельском социуме 1920-х гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 4. С. 76–81. [Bochan S.A. Semejno-bytovye novacii v sel'skom sociume 1920-h gg. (Family and household innovations in rural society of the 1920s)] // Vestnik Leningradского gosudarstvenного universiteta im. A.S. Pushkina. 2014. T. 4. № 4. S. 76–81].
- Васеха М.В. Русская крестьянка в семье и общественной жизни 1920-х гг. (по материалам юга Западной Сибири). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 245 с. [Vaseha M.V. Russkaja krest'janka v sem'e i obshhestvennoj zhizni 1920-h gg. (po materialam juga Zapadnoj Sibiri) (Russian peasant woman in the family and public life of the 1920s.). Dis. ... kand. ist. nauk. M., 2015. 245 s.]
- Васеха М.В. Реформы в области семьи и брака 1920-х гг. и их восприятие сибирскими крестьянками // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность. Т. 2. Санкт-Петербург, 2020. С. 180–185 [Vaseha M.V. Reformy v oblasti sem'i i braka 1920-h gg. i ih vosprijatje sibirskimi krest'jankami (Reforms in the field of family and marriage of the 1920s and their perception by Siberian peasant women)] // Reformy v povsednevnoj zhizni naselenija Rossii: istorija i sovremennost'. T. 2. Sankt-Peterburg, 2020. S. 180–185].
- Вербицкая О.М. Крестьянская семья в годы нэпа // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2006. С. 417–426 [Verbickaja O.M. Krest'janskaja sem'ja v gody njepa (Peasant family during the NEP years)] // NjEP: jekonomicheskie, politicheskie i sociokul'turnye aspekty. M.: ROSSPjEn, 2006. S. 417–426].

- Вольф С.П. Семейные конфликты крестьян в России в первой трети XX века: между законом и реальностью // Право как искусство добра и справедливости. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2020. С. 267–270 [Volf S.P. Semeynye konflikty krest'jan v pervoj treti XX veka: mezhdz zakonom i real'nost'ju (Family conflicts of peasants in Russia in the first third of the 20th century: between law and reality) // Pravo kak iskusstvo dobra i spravedlivosti. Kursk: Jugo-Zap. gos. un-t, 2020. S. 267-270].
- Гуревич П.С. Философия культуры. М.: Аспект-Пресс, 1994. 315 с. [Gurevich P.S. Filosofija kul'tury (Philosophy of culture). M.: Aspekt-Press, 1994. 315 s.].
- Козлов Ф.Н. Молодёжные реакции на инновационный концепт советского безбожия: историко-психологический аспект // PolitBook. 2014. № 3. С. 68–79 [Kozlov F.N. Molodjozhnye reakcii na innovacionnyj koncept sovetskogo bezbozhija: istoriko-psihologicheskij aspekt (Youth reactions to the innovative concept of Soviet godlessness: historical and psychological aspect) // PolitBook. 2014. № 3. S. 68-79].
- Малютин А.В. Влияние религиозных норм и традиций на социальный облик советской семьи в эпоху нэпа // Формирование национально-духовной идентичности в современном социокультурном пространстве. Липецк, 2022. С. 263–266 [Maljutin A.V. Vlijanie religioznych norm i tradicij na social'nyj oblik sovetskoj sem'i v jepohu njeпа (The influence of religious norms and traditions on the social appearance of the Soviet family in the NEP era) // Formirovanie nacional'no-duhovnoj identichnosti v sovremennom sociokul'turnom prostranstve. Lipeck, 2022. S. 263-266].
- Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 7–47. [Mangejm K. Problema pokolenij (The Problem of Generations) // Novoe literaturnoe obozrenie. 1998. № 2 (30). S. 7–47].
- Михайлова М.В. Семья и быт в представлениях населения Европейской части России в 1920-е годы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 16 с. [Mihajlova M.V. Sem'ja i byt v predstavlenijah naselenija Evropejskoj chasti Rossii v 1920-e gody (Family and life in the ideas of the population of the European part of Russia in the 1920s.). Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2003. 16 s.].
- Поршнева О.С. Реализация большевистского проекта «новая женщина» в 1923–1928 гг.: Противоречия и проблемы // Личность, общество и власть в истории России. Новосибирск, 2018. С. 383–397 [Porshneva O.S. Realizacija bol'shevistskogo proekta «novaja zhenshhina» v 1923–1928 gg.: Protivorechija i problemy (Implementation of the Bolshevik project «new woman» in 1923–1928: contradictions and problems) // Lichnost', obshhestvo i vlast' v istorii Rossii. Novosibirsk, 2018. S. 383–397].
- Сафонов Д.А. Комсомолцы российской провинции первого призыва: мироощущение и политическая активность // История: факты и символы. 2022. № 4. С. 39–57 [Safonov D.A. Komsomol'cy rossijskoj provincii pervogo prizyva: mirooshushhenie i politicheskaja aktivnost' (Komsomoltsy of the Russian province of the first draft: attitude and political activity) // Istorija: fakty i simvol'y. 2022. № 4. S. 39–57]. Komsomoltsy of the Russian province of the first draft: attitude and political activity.
- Циткилов П. Влияние религиозных норм жизни и общинных традиций на социальный облик советской семьи в 1920-е годы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 203–230 [Citkilov P. Vlijanie religioznych norm zhizni i obshhinnnyh tradicij na social'nyj oblik sovetskoj sem'i v 1920-e gody (Influence of religious norms of life and communal traditions on the social appearance of the Soviet family in the 1920s) // Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom. 2018. № 4. S. 203–230].
- Чиркова Н.В. Сохранение наследия как культура сохранения: к проблеме глобализации исторической памяти // Национальное культурное наследие России: региональный аспект. Самара, 2014. С. 76–80 [Chirkova N.V. Sohranenie nasledija kak kul'tura sohranjenja: k probleme globalizacii istoricheskoi pamjati (Preservation of heritage as a culture of preservation: to the problem of globalization of historical memory) // Nacional'noe kul'turnoe nasledie Rossii: regional'nyj aspekt. Samara, 2014. S. 76–80].
- Hooper C. Terror of Intimacy: Family Politics in the 1930s Soviet Union // Everyday life in early Soviet Russia: Taking the Revolution inside. Bloomington, 2006. P. 61–91.

Вязинкин Алексей Юрьевич, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник, Тамбовский государственный технический университет, vyazinkin@yandex.ru

Слезин Анатолий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор.

Peasant Family as a Field of "Battle of Generations" in the Second Half of the 1920s

The paper considers the peasant family of the late NEP as an object of communist youth activity aimed at life transformation and directed against religion from the standpoint of "generational history". The main attention is paid to the reaction to the innovations of the "children of the revolution" generation (their childhood fell in the post-revolutionary years), as well as representatives of the peasant generation of the "revolutionary turning point" (born at the turn of the century). According to the author, the activities of the Komsomol, although they did not completely destroy the patriarchal family in the Russian village, actively contributed both to its evolution and to the intensification of the generational conflict. The article reveals the causes of aggravation and development into the intergenerational rupture, related to the activities of the Komsomol. The author considers it as one of the insufficiently studied aspects of the village split into antagonistic camps, used by the authorities in order to accelerate socialist modernization.

Key words: *peasants; family; generations; fathers; the youth; religion; NEP.*

Viazinkin Aleksei Yurievich, PhD in philosophy, associate professor, senior researcher, Tambov State Technical University, vyazinkin@yandex.ru

Slezin Anatoly Anatolievich, doctor of historical sciences, professor.

The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 22-18-00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

КОМИНТЕРН ПЕРЕД ЛИЦОМ ФАШИЗМА (1922–1924 ГГ.)

Статья посвящена формированию отношения коммунистического движения к фашизму в 1922–1924 гг. Официальное коммунистическое определение фашизма, которое вырабатывалось в этих конкретных обстоятельствах, сохраняло актуальность для Коминтерна в последующие десятилетия, когда ситуация в Европе менялась. В 1921–1923 гг. лидеры Коминтерна столкнулись с отливом мировой революционной волны и искали причины неудач своего проекта. Фашизм как новый и непредсказуемый фактор годился для этого как нельзя лучше. Лидеры Коминтерна увидели за приходом фашизма к власти его внешнеальтернативное значение. Они оценили его как форму буржуазной контрреволюции, что логично вытекало из коминтерновской классовой схемы, но противоречило явно наблюдаемой поддержке фашизма со стороны части средних слоев и даже рабочих. Противоречие широкой социальной базы и чисто капиталистической программы фашизма воспринималось коммунистами оптимистически, как причина его скорого распада. Как известно, эти надежды оказались иллюзорными. Но в 1923 г. речь К. Радека о Л. Шлагетере свидетельствовала о надеждах переманить часть праворадикальных масс в ходе предстоящего распада фашизма. Правда, тактические предложения остроумного и циничного Радека вызвали скорее возмущение и смущение, чем поддержку в Коминтерне и КПГ. В обстановке ультралевого поворота Коминтерна в 1924 г. и было сформулировано ортодоксальное коммунистическое определение фашизма, которое игнорировало возможность его самостоятельной от буржуазии политики, открывало возможности для расширительного толкования термина «фашизм» вплоть до обвинения в фашизме социал-демократии, делало ставку на скорый развал фашизма вместе с капитализмом. Задача борьбы с фашизмом выходила на первый план в сравнении с прежней задачей разжигания мировой революции.

Ключевые слова: *А. Бордига, Г. Брандлер, Г. Зиновьев, Коминтерн, Коммунистическая партия Германии (КПГ), Коммунистическая партия Италии, К. Радек, фашизм, Л. Шлагетер*

Проблема взаимоотношений коммунизма и фашизма является одной из ключевых для первой половины XX в. В центре дебатов находится период 1938–1941 гг., затеняя истоки этих отношений, когда в 1922–1923 гг., на завершающем этапе мировой революционной волны¹, закладывались тенденции развития Европы межвоенного периода. Появление фашизма стало вызовом для всех политических сил Европы: одним он пришелся по вкусу, другие считали его небольшим отклонением от нормы, во всяком случае явлением менее опасным, чем коммунистическое движение. Казалось бы, коммунисты должны были бы встать в наиболее резкую оппозицию к новому явлению, но и они допускали маневрирование и проявляли колебания, свойственные живой политике и творческому идейному поиску. Эти колебания и маневры до некоторой степени предвосхитили известные повороты советской внешней политики начала Второй мировой войны, что создает соблазн провести прямую генетическую связь между ними. Тема реакции

¹ См.: Шубин 2020.

коммунистического руководства на фашизм важна и для обсуждения других проблем – от причин успехов фашизма до расширительного толкования этого термина. Эта тематика стала еще более актуальной в связи с полемикой о присутствии фашизма в современном обществе. В любом случае для научного понимания этих вопросов необходимо вернуться к истокам – к первым реакциям Коминтерна на фашизм, предшествовавшим выработке коминтерновского определения фашизма, определившего рамки коммунистической политики на этом направлении во второй половине 20-х – начале 30-х гг.

Тема отношений коммунистов и фашистов в 1922–1923 гг. затрагивалась во множестве работ в различных контекстах, как региональных (поражение коммунистов в Италии в 1922 г., Болгарии и Германии в 1923 г.), так и общеевропейских (сектантская политика Коминтерна в борьбе с «социал-фашизмом» в 20-е гг. и отход от нее в 30-е гг.²). Но каждый из этих аспектов до некоторой степени детерминирует выводы автора еще до начала исследования. Поэтому имеет смысл вернуться к теме «с чистого листа» в контексте 1922–1924 гг., чтобы потом кратко проследить последствия решений, принятых в той конкретно-исторической обстановке. Тема деятельности Коминтерна в 1922–1924 гг. хорошо обеспечена опубликованными источниками, хотя некоторые уже основательно подзабыты и редко цитируются.

В 1921–1923 гг. лидеры Коминтерна столкнулись с отливом мировой революционной волны, хотя еще питали надежды на то, что можно развернуть исторический процесс и вернуться к дестабилизации 1918–1920 гг. События социально-политической борьбы в Евразии все еще были драматичны, но интенсивность и массовость восстаний спадала, возникали устойчивые «контрреволюционные» авторитарные режимы в Италии, Испании, Болгарии, да и плюралистичные системы от Франции до Польши постепенно стабилизировались. Столкнувшись с неоправданностью своих надежд, коммунистические лидеры должны были найти объяснение неудачам, и фашизм как новый и непредсказуемый фактор годился для этого как нельзя лучше. Приход к власти в Италии Б. Муссолини 30 октября 1922 г. стал крупным и относительно неожиданным событием, которое произошло накануне IV конгресса Коминтерна, проходившего 5 ноября – 5 декабря 1922 г.

Лидеры Коминтерна увидели за приходом фашизма к власти его внешнеальтернативное значение. Член исполкома Коминтерна К. Радек представлял успехи фашизма как часть некоего геополитического плана мирового империализма: «Наблюдая за шахматными ходами этого правого крыла контр-революции, мы приходим к следующим выводам: оно великолепно понимает, что в средней Европе имеются три возможных очага пролетарской революции: промышленная Германия, Чехословакия и Италия. В виду этого их план построен на образовании ба-

² Ватлин 2009; Ватлин 2023; Лопухов 1986; Люкс 2019; Макдермотт, Ангю 2000.

рьера между Германией, Чехо-Словакией и Италией. Попытки создать сильную контр-революционную крепость в Баварии идут рука об руку с попытками отдать Австрию во власть контр-революции... Венгрия Хорти будет тогда перенесена в среднюю Европу.

Победа фашистов в Италии является лишь одной из ступеней этой политики, которая отчасти ведется сознательно, а отчасти непосредственно вытекает из существующего положения»³. Но кто конкретно стоит за этим европейским фашистским заговором, Радек не придумал. Конспирологическая версия понадобилась ему, чтобы показать делегатам европейский размах угрозы фашизации, являющейся обратной стороной ослабления революционного натиска. Вроде бы фашизм здесь предстает вариантом «белой» контрреволюции, аналогом консервативного режима Хорти, пришедшего к власти после подавления Венгерской советской республики. Но Муссолини для Радека – не просто итальянский Хорти, а нечто большее.

Радек считает, что успех фашистов – это общее поражение левых сил, теория «социал-фашизма» еще не возникла: «В победе фашизма я усматриваю не только механическую победу фашистского оружия, но величайшее поражение, которое социализм и коммунизм потерпели с самого возникновения мирового революционного движения.

Я придаю этому поражению гораздо большее значение, чем поражению Советской Венгрии, так как победа фашизма является результатом временного духовного и политического банкротства итальянского социализма и всего итальянского рабочего движения»⁴.

Радек считает, что фашизм – это не просто обычная буржуазная контрреволюция: «Фашисты принесли новую веру, они заявили: «социализм не в состоянии был создать что-либо новое, мы же станем между рабочими и капиталистами, мы вынудим капиталистов удовлетворить потребности рабочих; но вы, рабочие, должны работать, вы должны помочь возрождению нации». Еще Роза Люксембург некогда сказала, что наилучшими защитниками буржуазии являются носители иллюзий. Но иллюзии способна питать только мелкая буржуазия, так как итальянский социализм оказался иллюзией, то фашисты имели полную возможность противопоставить ему мелкобуржуазную иллюзию»⁵. Таким образом, Радек видит за фашизмом не интригу крупной буржуазии, а нечто, стоящее между рабочими и буржуазией, подобное «мелкобуржуазной» социал-демократии. Нужно определить социальную основу этого нового явления. Но Радек не рискнул выявить самостоятельное социальное лицо фашизма, сведя все к обыденности капитализма: «Фашисты — это мелкое мещанство, которое захватывает власть, опираясь на буржуазию; оно будет вынуждено проводить не свою про-

³ IV Конгресс Коминтерна 1923: 145.

⁴ IV Конгресс Коминтерна 1923: 146.

⁵ IV Конгресс Коминтерна 1923: 149-150.

грамму, но программу капитализма. Вот почему эта, носящая столь дикие формы, контр-революция на самом деле — слабейшая из контр-революционных сил Европы»⁶. Правда, это противоречие широкой социальной базы и чисто капиталистической программы может создать для фашизма проблемы, которыми в принципе могут воспользоваться коммунисты: «Муссолини орудует черносотенными отрядами, и в момент, когда король утверждает его в качестве министра президента, Муссолини говорит: «демобилизуйтесь, теперь у нас остается только одно войско». Но люди эти колесят по всей Италии не из-за прекрасных глаз Муссолини. Это белые кондотьеры по профессии. Они предъявят свой счет, когда Муссолини захочет опереться на регулярное войско, послав домой эти сотни тысяч наемников»⁷. Радек надеется на распад фашизма: «Внутри фашизма имеется аграрный и промышленный фланги; в процессе борьбы северо-итальянской индустриальной буржуазии с южно-итальянскими аграриями дело дойдет до конфликтов, которые поведут к распаду фашизма... И как раз то, что составляет силу фашистов, есть и залог их гибели: своим широким наступательным фронтом, своим энтузиазмом в борьбе они обязаны тому, что сумели стать мелкобуржуазной партией. Но именно в силу этого фашизм окажется не в состоянии проводить политику итальянского капитала, не вызвав возмущения в собственном лагере»⁸. Радека носит: он видит причины будущего раскола фашизма в противоречиях то мещанства и капиталистов, то Муссолини и его «кондотьеров», то северной буржуазии и южных аграриев. Обоснования не важны. Принципиально, что фашистов ждет раскол, при котором высвободятся радикальные массы.

Для Зиновьева, оппонирующего Радеку, победа фашизма – повод пнуть социал-демократию, сближение с которой в рамках политики «единого фронта» вызывало у него раздражение: «Объединение 2 и 2½ Интернационалов подготавливает почву для новых Галифе-Носке, Муссолини, для новых палачей рабочего класса»⁹. Но Зиновьев пока несерьезно относится к угрозе фашизма – Муссолини долго не продержится: «В историческом масштабе это – комедия»¹⁰. Однако это урок для тех, кто еще не очистился от социал-демократизма: «вина наших товарищей в Италии состоит не в том, что они в 1920 году, в тот или иной момент не «произвели» революции, но их вина и в известном смысле их преступление заключается в том, что они оставили пособников буржуазии внутри партии и дали им возможность произвести классическую измену и передать рабочий класс в руки фашистов»¹¹. Таким образом, Зиновьев сначала не анализировал фашизм, а использовал его

⁶ IV Конгресс Коминтерна 1923: 151.

⁷ IV Конгресс Коминтерна 1923: 151-152.

⁸ IV Конгресс Коминтерна 1923: 152.

⁹ Зиновьев 1923: 12.

¹⁰ Зиновьев 1923: 51.

¹¹ Зиновьев 1923: 51.

как повод для продолжения полемики против сближения с социал-демократией, закладывая основы концепции «социал-фашизма».

С докладом о фашизме на конгрессе выступил А. Бордига, наблюдавший движение фашистов к власти в непосредственной близости. Как ортодоксальный марксист, он искал социальную сущность данного контрреволюционного явления в буржуазии: «Представители крупного промышленного, банкового и торгового капитала, как и крупные землевладельцы, явным образом заинтересованы в создании боевой организации, которая поддерживала бы их наступление против рабочих». Также фашистам содействовало буржуазное государство. «Но и третий фактор сыграл чрезвычайно важную роль в организации фашистских сил. Чтобы создать рядом с государством нелегальную реакционную организацию, надо пополнить ее и другими социальными элементами помимо тех, какие поставляются верхушками рабочего класса»¹². То есть буржуазия удачно манипулировала частью трудовых классов. Так эта картина виделась в двуцветной гамме борьбы труда и капитала – класс против класса, где буржуазии удастся обманывать часть рабочих и крестьян, использовать их недовольство в своих интересах. Фашизм еще удивит мир, притесняя в дальнейшем собственную буржуазию ради национального сплочения вокруг бюрократической вертикали.

Бордига пока не разобрался в идеологии фашизма: «у него нет идейного содержания»¹³. Итальянский коммунист, как и Радек, рассчитывал на внутренние противоречия в фашизме, его классовый и идеологический эклектизм. При этом Бордига признавал организационную силу фашизма, проводя довольно рискованное для коммуниста сравнение: «Партия фашистов является по отношению к буржуазии в целом приблизительно тем же, чем является в России коммунистическая партия по отношению к пролетариату, а именно, крепко организованным и дисциплинированным органом, направляющим и контролирующим всю государственную машину»¹⁴. Параллели между коммунистами и фашистами имели большое будущее. Эта фашистская государственная машина в итоге зажмет буржуазию и пролетариат Италии почти с той же силой, как и коммунистическая партийно-государственная бюрократия – советских рабочих и крестьян. Хотя итальянский тоталитаризм все же не достигнет такой полноты контроля государства над обществом, как система, существующая в СССР.

В итоге фашизм был расценен конгрессом как разновидность «белой гвардии», которая «путем социальной демагогии» смогла «создать себе почву в массах»¹⁵. Причину победы фашистов лидеры Коминтерна видели не в нем самом, а в том, что итальянские реформисты парализовали революционную активность. Оценки нового явления вырабатыва-

¹² Зиновьев 1923: 188.

¹³ Зиновьев 1923: 189.

¹⁴ Зиновьев 1923: 199.

¹⁵ Коммунистический интернационал в документах 1933: 297.

лись в контексте старых споров. «Реформисты являются истинными предвестниками фашизма, для которого они подготовили путь»¹⁶. В этом переключении ответственности на победу фашистов на социал-демократов начинался путь к теории «социал-фашизма».

Определившись в основном на IV конгрессе с пониманием нового явления, коммунисты принялись применять широкое, не конкретно итальянское понимание фашизма к ситуации в разных странах. Здесь уместно напомнить, что термин «фашизм» может употребляться в узком смысле (доктрина, режим и движение сторонников Муссолини) и в широком смысле, как родовое понятие – национальный тоталитаризм, к которому принадлежат и итальянские фашисты, и германские нацисты, и их подражатели. Суть фашизма – в идее гипертрофированного патриотизма, единства нации, противостоящего социальной борьбе внутри общества и внешним противникам. Национальное сплочение тоталитарными средствами – суть политики фашизма, внешняя силовая экспансия – ее цель¹⁷. Однако применимость понятия должна соответствовать оговоренным критериям, которые отличают как минимум идеологию итальянского фашизма от существовавшего прежде правого радикализма, иначе явление итальянского фашизма теряет новизну.

Правда, и режим Муссолини в первый год своего существования был далек от тех классических форм, которыми фашизм запомнился человечеству, что отчасти оправдывает стремление коммунистов видеть проявление фашизма в новых авторитарных режимах, хоть чем-то напоминающих итальянский фашизм. Руководство Коминтерна присвоило характеристику фашистского болгарскому правительству А. Цанкова, который пришел к власти в результате военного переворота 9 июня 1923 г.¹⁸. В 1923 г. результатом переворота в Болгарии стало установление обычного консервативного режима, который пока не выдвигал идеологию, аналогичную фашистской. Это стало одним из первых примеров расширительного толкования понятия «фашизм», что станет впоследствии обычным средством идеологической борьбы. Однако расширительное толкование отражало стремление коммунистов стать главной альтернативой распространяющемуся по миру фашизму.

Более сложное обсуждение проблемы фашизма возникло в Коминтерне в связи с Рурским кризисом в Германии, где развернулось сопротивление немецких патриотов французской оккупации. Проводились диверсионные акции (прежде всего на железных дорогах, по которым вывозился уголь). 26 мая пойманный французами во время совершения диверсии обер-лейтенант Л. Шлагетер, ветеран борьбы с боль-

¹⁶ Коммунистический интернационал в документах 1933: 357.

¹⁷ Шубин 2004.

¹⁸ Коминтерн против фашизма 1999: 111. Не только коммунисты, но и эсер и апологет Стамболийского В.И. Лебедев также называл правительство Цанкова фашистским (Лебедев 1935: 214), правда его впечатления о событиях были опубликованы в 1935 г., хотя, как утверждал автор, в редакции 1923 г.

шевизмом в Риге и спартакизмом в Руре, был расстрелян оккупантами. Это событие имело большой резонанс в Германии, но вызвало неожиданный отклик в Москве.

20 июня на расширенном пленуме ИККИ Радек произнес речь, по сути предлагавшую союз правым радикалам, товарищам казненного французами Шлагетера: «Если патриотические круги Германии не решаются сделать дело большинства народа своим делом и создать таким образом фронт против антантовского и германского капитала, тогда путь Шлагетера – путь в ничто... Если Германия хочет иметь возможность бороться, то должен быть установлен единый фронт всех трудящихся... Мы думаем, что громадное большинство национально мыслящих масс принадлежит к лагерю труда, а не капитала. Мы хотим и будем искать путь к этим массам, и найдем этот путь»¹⁹. Конечно, неверно утверждать, что Радек «восхищался правым экстремистом Шлагетером», как считает германский историк Л. Люкс²⁰. Никакого восхищения здесь нет, скорее сожаление по поводу напрасной гибели мужественного, но ошибающегося человека. Но и враждебности, которую уместно было бы ожидать от коммуниста в отношении правого радикала, Радек тоже не выказал. Эта речь получила распространение в Германии и была воспринята как предложение германским патриотам союза со стороны СССР и Коминтерна. Правда, протянутую руку согласился пожать только один заметный националист – редактор газеты «Страж Рейха» Э. фон Ревентлов. Его благожелательный отзыв на речь Радека был даже перепечатан в «Роте фане». Но политического продолжения это «принюхивание» не получило.

Тактические предложения остроумного и циничного Радека вызвали скорее возмущение и смущение, чем поддержку в Коминтерне и КПГ. Радикальные националисты были принципиальными врагами. С протестом против «шлагетеровского курса» от имени ФКП выступил Ж. Эмбер-Дро²¹. Вскоре высказывание о Шлагетере стало трактоваться как личная инициатива Радека, за которую СССР, Коминтерн и КПГ не несут ответственности. Однако это не значит, что при определённых обстоятельствах к идее Радека нельзя было вернуться.

Хотя в менее радикальной форме, но и другие идеологи Коминтерна обращались к теме патриотического курса германских коммунистов. На XII съезде РКП(б) Бухарин, выступая с отчетом российской делегации в ИККИ, заявил, что КПГ «выступает защитником немецкой нации против буржуазии, которая национальные интересы Германии предаёт»²².

¹⁹ Расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала 1923: 239–241.

²⁰ Люкс 2019: 111.

²¹ Deutschland, Russland, Komintern — Dokumente (1918-1943). Germany, Russia, and the Comintern. II: Documents (1918-1943) 2015: 301.

²² Двенадцатый съезд РКП(б). 1968: 292.

Такие лидеры Коминтерна, как Зиновьев²³ и большинство ЦК КПГ предпочитали конфронтацию с националистами и готовили на 29 июля «антифашистский день». Некоторые земельные правительства, опасаясь столкновений между коммунистами и националистами, запретили шествия. Радек от имени Президиума ИККИ потребовал от КПГ воздерживаться от конфронтации с властями. Эту линию поддержал Сталин и затем Политбюро – к неудовольствию Зиновьева²⁴.

2 июля Радек опубликовал статью «Фашизм, мы и германская социал-демократия», в которой писал: «Фашизм – это движение широких масс пролетаризирующейся мелкой буржуазии»²⁵. Такая характеристика принципиально отличалась от складывающегося в Коминтерне представления о фашизме как об орудии буржуазии, сугубо контрреволюционного «белого» движения. А раз это – мелкая буржуазия, то коммунистам есть что сказать этим активным массам, призвав их к союзу с рабочим классом. Рабочее правительство переложило бы бремя Версальского договора на плечи богатых и стало бы «готовиться к вооруженной борьбе против версальских надсмотрщиков». Коммунисты должны «убедить борющиеся против обнищания и против порабощения Германии мелкобуржуазные элементы фашизма в том, что коммунизм – это не враг, а звезда, указывающая путь к победе»²⁶. Распространяя на фашизм тактику единого фронта, Радек не предлагал договариваться с вождями фашизма – скорее перехватывать у них массы. Но такой перехват был возможен при благосклонном отношении коммунистов к рядовым фашистам. А это для германских коммунистов, дерущихся с фашистами на улицах, было совершенно неприемлемо.

12 июля ЦК КПГ принял воззвание, направленное против фашизма. В случае фашистского переворота партия готова была ответить на него «красным террором» (вероятно, имелся в виду терроризм) и приглашала к совместной борьбе социал-демократов. Лидер КПГ Г. Брандлер разъяснял Радеку, что партия готовится к вооруженному отпору фашистскому перевороту (что позволяло сдерживать своих леваков, пока такой переворот не начался). «Мобилизовать», так сказать «разогреть» партию можно будет во время демонстраций в «антифашистский день» 29 июля²⁷. Радек ответил Брандлеру, что нужно избежать столкновения с правыми радикалами: «мы попадем в ловушку. Мы плохо вооружены или вообще не вооружены. Фашисты в десять раз

²³ Л. Люкс напрасно считает, что «вожди Коминтерна не хотели видеть, как глубока в действительности была идеологическая пропасть между коммунистами и правыми экстремистами» (Люкс 2019: 112). Как раз вождь Коминтерна Зиновьев относился к инициативам Радека весьма критически. Руководство Коминтерна и Советской России тогда еще не было монолитным, и нельзя отождествлять инициативу Радека с курсом всего руководства Коминтерна, как это вслед за Р. Фишер делает Л. Люкс.

²⁴ Ватлин 2009: 108–109.

²⁵ Коминтерн против фашизма 1999: 107.

²⁶ Коминтерн против фашизма 1999: 108–109.

²⁷ Коминтерн против фашизма 1999: 285–286.

лучше вооружены и имеют хорошие отряды». Кроме этих тактических соображений Радек приводит и аргументы в пользу его «шлагетеровской» линии: мы «ведём агитацию, которая, вместо того, чтобы расколоть «фашистов», объединила их»²⁸. То есть, нужно расколоть «фашистов», вступив с их левым крылом в тактический союз. День 29 июля к удовольствию Радека прошел спокойно, решающие битвы откладывались, и у коммунистов было еще время подготовиться.

Зиновьев колебался, и эти колебания отражали переменчивые отношения между большевистскими лидерами и усиливали неопределенность в политике Коминтерна. В дискуссии между Зиновьевым Радеком вовлеклись другие члены Политбюро. 20 июля Зиновьев в письме к Радеку одобрил его статьи о Шлагетере²⁹. 27 июля Зиновьев и Бухарин направили в ИККИ телеграмму с критикой позиции Радека. Но его поддержал Сталин, что вызвало возмущение Зиновьева: «А Сталин пришел, увидел и разрешил! А мы с Бух[ариным] вроде «мертвых трупов» – нас и спрашивать нечего»³⁰, - писал Зиновьев Каменеву 30 июля. На следующий день Зиновьев писал Сталину: «Что до немец[ких] дел – то расхождение, кон[ечно], не из-за того, что мы не понимали опасностей немед[ленного] боя. Этой опасности не было – напрасно Вы верили болтунишке Радеку. Расхождение в том, что Рад[ек] наскочил на ЦК за прекрасное и верное воззвание 12 июля. Радек верит только в болтологию по адр[есу] фачистов. Брандлер, как серьезный человек дела, готовит рабочих к бою с фачистами». Нужно снабжать германских коммунистов оружием и направлять в Германию своих боевиков, так как «кризис в Герм[ании] нарастает очень быстро. Наступает новая глава Германской революции... Ближко время громадных событий в Герм[ании]»³¹. Рано распознав угрозу фашизма, Зиновьев в данном случае сильно переоценил организационные способности Брандлера, который не смог обеспечить серьезной подготовки партии к силовым действиям в условиях «громадных событий».

В этой дискуссии характерно расширительное толкование «фашизма», под которым понимается любой радикальный национализм, правый радикализм. Она велась на фоне подготовки прихода коммунистов к власти в союзе с левыми социалистами («германский Октябрь»). Но в октябре Радеку и Брандлеру пришлось «трубить отбой» из-за плохой подготовки коммунистов и неблагоприятных условий для выступления. За поражение должен был кто-то ответить.

Радек настаивал, что в Германии установилась фашистская диктатура генерала Х. фон Секта³². Версия о фашистской диктатуре нужна была для оправдания отступления, но ведь раньше коммунисты как раз

²⁸ Deutschland, Russland, Komintern - Dokumente (1918–1943) 2015: 281.

²⁹ Пятый всемирный Конгресс Коммунистического интернационала 1925: 1. 682.

³⁰ РКП(б) и внутрипартийная борьба в двадцатые годы 2004: 129.

³¹ РКП(б) и внутрипартийная борьба в двадцатые годы 2004: 132.

³² Цит. по: Ватлин 2023: 300.

обещали дать в Германии бой фашизму, а тут получилось все наоборот. 4 ноября собравшаяся нелегально в Берлине конференция КПГ подвела неутешительные итоги: «Ноябрьская республика отдана на произвол фашизму... Власть находится в руках военщины... Сейчас буржуазия открыто выступает под фашистским флагом: не демократия, а белая диктатура...»³³ Это было преувеличение – до падения Веймарской республики и установления фашистской диктатуры оставалось еще десятилетие. Коммунисты с горечью преувеличивали значение своего поражения и репрессивность режима, расширительно трактовали понятие «фашизм». Поскольку конференция проводилась Брандлером, резолюция конференции обошла вопрос об ответственности руководства КПГ за такой результат – она была возложена на социал-демократов. Но левая оппозиция во главе с Р. Фишер, А. Масловым и Э. Тельманом раскритиковала предыдущую политику и не признала, что в Германии победил фашизм. Нечего на фашизм пенять, коли Брандлер струсил.

После драматических событий 1923 г. настало время подведения итогов. III расширенный пленум ИККИ, прошедший в ноябре – начале декабря 1923 г., дал первое официальное коммунистическое развернутое определение фашизма: «Фашизм, характерное для наших дней упадочное явление, выражение прогрессирующего распада капиталистического хозяйства и распада буржуазного государства»³⁴. Именно в разрушении положения мелкой и средней буржуазии, крестьянства и интеллигенции идеологи Коминтерна видели корни фашизма. К этой маргинальной массе примыкают и активно настроенные «пролетарские элементы». Таким образом, к фашизму примыкают деклассированные элементы трудящихся. Поэтому отношение к фашизму пока хоть и негативное, но довольно снисходительное: «В эпоху революционного брожения и подъема в рядах пролетариата фашизм частично сочувствовал пролетарским революционным требованиям или, по крайней мере, с ними заигрывал». И хотя «буржуазия тотчас же взяла фашизм к себе на службу», не все так просто. Фашизм «в силу его происхождения и характера его носителей, включает в себе также и революционные тенденции, могущие заостриться против капитализма и его государства...» Но пока это, конечно, контрреволюционная сила, «сочетание грубого террористического насилия с мнимо-революционной фразеологией», а его политика служит «интересам промышленного капитала»³⁵. Почему именно промышленного, а не финансового, как стало принято считать в 30-е гг., не разъяснялось.

На V конгрессе Коминтерна 17 июня – 8 июля 1924 г. решили не открывать дискуссии о фашизме, ограничившись заслушиванием двух докладов – Бордиги и Г. Реммеле (псевдоним Фреймут).

³³ Коминтерн против фашизма 1999: 114.

³⁴ Коммунистический интернационал в документах 1933: 380.

³⁵ Коммунистический интернационал в документах 1933: 380–381.

Бордига в целом подтвердил основные мысли своего доклада на прошлом конгрессе, но теперь, когда Муссолини был у власти уже полтора года, внес новые нюансы. По мнению Бордига, фашизм служит интересам не какой-то отдельной буржуазии, например аграрной, а всему классу в целом. Но и вовлеченность средних слоев в фашистское движение очевидна, однако нужно понимать их подчиненность буржуазии: «Раньше всего, это движение в защиту интересов буржуазии, в защиту высших классов, а затем уже – и в тех же целях – это мобилизация средних классов, большой социальной силы, ими олицетворяемых». Первые меры Муссолини убедили Бордигу, что социальная программа фашизма – полный обман: «по минувении надобности, она была выброшена за борт, а вместо нее были приняты совершенно противоположные лозунги, а к тому моменту, когда фашизм овладевает властью, от этой программы обновления общества не осталось ровно ничего»³⁶. Как мы теперь знаем на основании всей истории итальянского фашизма, этот вывод оказался скоропалительным. Но за это нельзя строго судить Бордигу – первоначально экономическая политика Муссолини была вполне либеральной. А оценки, формировавшиеся в этой конкретной ситуации, во многом определили понимание фашизма коммунистами на десятилетия. Но особенности идеологии фашизма Бордига мог бы заменить, но не заметил: «Это не революционное движение, это движение, направленное к сохранению существующего и просто к защите старого буржуазного строя – поэтому оно не может дать новой программы». Новизна только в организационной машине, в партии современного типа. Эта современность заключается в твердой дисциплине и системе структур, которые Ленин назвал «приводными ремнями» к массам. Но таких аналогий Бордига, конечно, не проводит. В духе леворадикального поворота Коминтерна он ищет что-то общее между фашизмом и социал-демократией и находит это в призывах к сотрудничеству классов³⁷.

Реммеле, опираясь на германский опыт, предлагает свои акценты к пониманию фашизма: «Фашизм это – не что иное, как реакция против революционного движения, начавшегося после войны. Это одна из самых ярких форм контр-революции, как реакции против революционной волны, которая после мировой войны потрясла всю Европу»³⁸. Такой взгляд оптимистичен – если революционная волна схлынет, то и у фашизма исчезнут основания для существования. Реммеле упрекает Бордигу в слишком большом внимании к влиянию мелкой буржуазии на фашизм, но формулирует его понимание примерно также, как и Бордига: «Сущность фашизма – это боевая форма, созданная буржуазией для того, чтобы разбить в контрреволюционной борьбе революцию и обеспечить капиталистическому строю его существование. Фашизм – это оружие и орудие в руках буржуазии против революционного пролета-

³⁶ Пятый всемирный Конгресс Коммунистического интернационала 1925: 1, 684–685.

³⁷ Пятый всемирный Конгресс Коммунистического интернационала 1925: 1, 685–686

³⁸ Пятый всемирный Конгресс Коммунистического интернационала 1925: 1, 720.

риата. Конечно, мелкая буржуазия, мещанские средние слои являются этим орудием. Но главное не в том, а в том, для каких целей предназначено это орудие, а фашизм предназначен именно для поддержки и обеспечения классового господства буржуазии»³⁹.

Не называя имен, Реммеле критикует руководство Коминтерна за недостаточный эффект антифашистского дня (имеется в виду конечно же Радек). Уже прямо Радек критикуется за речь о Шлагетере, которая была «в известной степени моральным оправданием фашистского движения», предложение ему тактического союза, в то время как «между фашизмом и коммунизмом такая же пропасть, как между огнем и водой, и союз между ними – дело невозможное»⁴⁰. Это было, конечно же, преувеличение, Радек говорил о национализме, а не о фашизме, и речь шла о попытке переманить ошибающиеся массы, идущие за правыми радикалами. Реммеле реалистично выступил против расширительного толкования понятия «фашизм», против заявлений о том, что он уже победил в Германии: «Фашизм переоценили, и то, что собственно надо было бы назвать диктатурой государственной формы средней буржуазии, выдавали за фашизм». И социал-демократию не нужно выдавать за фашизм, это все-таки разные явления⁴¹. Тут Реммеле разошелся и с критикуемым им Радеком, и с Зиновьевым, который как раз был не против записать фашизм и социал-демократию в один лагерь.

Подводя итоги, Реммеле все же возвращается к большой роли мелкой буржуазии в фашизме: «по своей структуре фашизм – есть мелкобуржуазное движение». Кризис капитализма порождает ее разорение и отчаяние, которым буржуазия пользуется для борьбы с социальной революцией. Но в этом и залог распада фашизма, так как «нельзя на долгое время проложить мост между противоположными интересами крупной буржуазии и мещанства, аграриев и рабочих»⁴². Так что финал речи оптимистичен: «если бы фашизма не было, его надо было бы сочинить для того, чтобы показать пролетариату, что только вооруженная борьба может преодолеть вооруженную контр-революцию»⁴³.

К этому времени Радек, занимавший в Коминтерне умеренные, «правые» позиции, успел примкнуть к левой оппозиции во внутрипартийной дискуссии. Поскольку это выступление потерпело неудачу, теперь Радек критиковался за свою политику в Коминтерне 1921–1923 гг., а Зиновьев торжествовал. В этой обстановке ультралевого поворота Коминтерна в 1924 г. и было сформулировано ортодоксальное коммунистическое определение фашизма.

V конгресс постановил: «Фашизм является одной из классических форм контрреволюции в период развала капиталистического строя и

³⁹ Пятый всемирный Конгресс Коммунистического интернационала 1925: 1, 722.

⁴⁰ Пятый всемирный Конгресс Коммунистического интернационала 1925: 1, 729, 734.

⁴¹ Пятый всемирный Конгресс Коммунистического интернационала 1925: 1, 735, 738.

⁴² Пятый всемирный Конгресс Коммунистического интернационала 1925: 1, 739–740.

⁴³ Пятый всемирный Конгресс Коммунистического интернационала 1925: 1, 741.

пролетарской революции... Фашизм представляет из себя боевое оружие крупной буржуазии в борьбе с пролетариатом, который она не в силах сломить путем законных государственных мер; он – внезаконное средство борьбы, которым она пользуется для установления и укрепления своей диктатуры. Однако по социальному составу фашизм должен быть признан мелкобуржуазным движением... При все прогрессирующем распаде буржуазного общества все буржуазные партии, и особенно социал-демократия, принимают более или менее фашистский характер... Фашизм и социал-демократия составляют два острия одного и того же оружия диктатуры крупного капитала»⁴⁴. Это определение несет в себе влияние обстоятельств 1922–1923 гг.: и расширительного толкования понятия «фашизм», которое было направлено против социал-демократии после неудачи «радековской» политики единого фронта; и надежды на скорый развал фашизма вместе с капитализмом; и утверждение о подчиненности фашизма именно крупной буржуазии при мелкобуржуазности его социальной базы. Рабочие, о которых честно упоминали Бордига и Радек в связи с социальной базой фашизма, уже не упоминаются. Понимание фашизма как орудия крупной буржуазии несет на себе влияние и попытки увязать его с веймарскими властями, и оценки экономической политики Муссолини, которая на первых порах была вполне либеральной. С точки зрения коммунистов в буржуазном обществе все политические силы, кроме коммунистов, служат буржуазии, а самая сильная буржуазия – крупная.

Выработанное на фоне событий 1922–1923 гг. коминтерновское определение фашизма было удобно в идеологической борьбе. Оно объясняло неудачу Коминтерна и было открыто расширительным толкованием для того, чтобы клеймить фашизмом широкий спектр оппонентов от умеренных националистов до социал-демократов. Возражения Реммеле против расширительного толкования понятия «фашизм» были забыты, а находка Радека с «фашистом» Сектом стала вскоре образцом для подражания. Стоит кому-то применить силу против коммунистов и стачечников – он тут же характеризовался как фашист. Одна беда – такая размытая оптика была неудобна для реальной аналитики, и коммунистическое руководство дезориентировало себя в оценке реальных угроз, исходящих от фашизма. Раз буржуазия следует за выгодами, значит и фашизм будет вести себя также. В нем можно было найти даже поводы для оптимизма – он был крайним средством реакции, у него не было пути в будущее, значит хуже уже ничего не будет, поток истории смоеет его. Также фашизм «хорош» тем, что своим крайним национализмом провоцирует межимпериалистические противоречия.

Но затем выяснилось, что у фашизма, в частности нацизма, есть своя стратегия преобразования мира, это не временное, а долгосрочное явление, проект, альтернативный либерализму, социал-демократии и

⁴⁴ Пятый всемирный Конгресс Коммунистического интернационала 1925: 2, 121.

коммунизму. Мировая революционная волна уходила, а фашизм упрочивал позиции и становился популярен все в новых странах. Борьба с фашизмом становилась для коммунистов актуальной задачей, синицей в руках, в то время как мировая революция – скорее журавлем в небе, который прилетит позднее, не сейчас и даже может быть не в этом десятилетии. Борьба с фашизмом в работе коммунистов вытеснила задачу мировой революции как раз тогда, когда капитализм снова дестабилизировался – с началом Великой депрессии, мирового экономического кризиса 30-х гг., одновременно усилившего и фашизм как один из ответов на несовершенство капитализма⁴⁵.

Закономерность такого выбора между двумя задачами коммунистического движения заключалась в том, что и фашизм, и «социализм в одной стране» стали ответами на общие мировые тенденции, где мировая революционная волна снизу ушла в прошлое. Мир становился все более этатистским, и даже революционные движения теперь могли чего-то достичь только опираясь на сильную государственную поддержку. Но для части коммунистов общие черты, проявившиеся в фашистских системах и в СССР, означали перерождение второго. А для руководства СССР наличие такого сходства требовало резкого отмежевания и враждебности в отношении фашизма. Если коммунисты, все больше становившиеся национал-коммунистами – это главные борцы с фашизмом, то они уж точно – совсем не то, что фашизм. В трактовках Коминтерна даже социал-демократы ближе к фашизму, чем коммунисты.

Со временем националистическая эволюция коммунистического движения зашла так далеко, что в 1939–1940 гг. расширение СССР мотивировалось не классовыми, а национальными аргументами собирания земель украинцев, белорусов и литовцев. Распуск Коминтерна в 1943 г. стал логическим финалом этих тенденций, заложенных в 1923 г., но и началом нового этапа коммунистической экспансии в государственных формах, новой мировой революционной волны, вызванной крахом фашизма и его союзников во Второй мировой войне. Так что в долгосрочной перспективе расчет на дестабилизацию капитализма в ходе борьбы коммунистов с фашизмом оправдался. Правда, после этого и самим коммунистическим режимам понадобились десятилетия на преодоление национал-тоталитарных черт, а полное их преодоление означало и крушение самих коммунистических режимов.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г.: Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968. 903 с.

Коминтерн против фашизма. Документы. Сост. В.В. Дамье и др. М.: Наука, 1999. 505 с.
Коммунистический интернационал в документах. 1919–1932. М.: Партийное издательство, 1933. 1007 с.

Пятый всемирный Конгресс Коммунистического интернационала. 17 июня – 8 июля 1924 г. Стенографический отчет. М.-Л.: Государственное издательство, 1925. Ч. 1. 1017 с. Ч. 2. 319 с.

⁴⁵ Шубин 2017.

- Расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, 12–23 июня 1923 г.: Отчет. М.: Красная новь, Главполитпросвет, 1923. 320 с.
- РКП(б) и внутрипартийная борьба в двадцатые годы. Документы и материалы. 1923 г. М.: РОССПЭН, 2004. 462 с.
- IV Конгресс Коминтерна. Доклады тт. Ленина, Троцкого, Клары Цеткин и других. (Стенографический отчет). Харьков: Пролетарий, 1923. 204 с.
- Deutschland, Russland, Komintern — Dokumente (1918-1943). Germany, Russia, and the Comintern. II: Documents (1918-1943): After the Archival Revolution: Newly disclosed sources about the history of the German Communist Party (KPD) and Russo-German relations. Nach der Archivrevolution: Neuerschlossene Quellen zu der Geschichte der KPD und den deutsch-russischen Beziehungen. Edited by: Hermann Weber, Jakob Drabkin and Bernhard H. Bayerlein, Compiled by: Bernhard H. Bayerlein and Gleb Albert. De Gruyter Oldenbourg 2015. 317 p.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ватлин А.Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. Москва: РОССПЭН, 2009. 374 с. [Vatlin A.Yu. Komintern: idej, resheniya, sud'by (Comintern: ideas, solutions, destinies). Moskva: ROSSPEN, 2009. 374 s.].
- Ватлин А.Ю. Утопия на марше. История Коминтерна в лицах. Москва: АФК Система, РОССПЭН, 2023. 896 с. [Vatlin A.Yu. Utopiya na marshe. Istoriya Kominterna v licah (Utopia on the march. The History of the Comintern in persons.). Moskva: AFK Sistema, ROSSPEN, 2023. 896 s.].
- Зиновьев Г. Коммунистический Интернационал за работой. Тактические проблемы Коминтерна и работа его секций. Речи, произнесенные на IV конгрессе Коминтерна. Москва, Петроград: Государственное изд-во, 1923. 295 с. [Zinov'ev G. Kommunisticheskij Internatsional za rabotoj. Takticheskie problemy Kominterna i rabota ego sekcij. Rechi, proiznesennye na IV kongresse Kominterna (The Communist International at work. Tactical problems of the Comintern and the work of its sections. Speeches delivered at the IV Congress of the Comintern). Moskva, -Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923. 295 s.].
- Лебедев В.И. В стране роз и крови. Париж: Проблемы, 1935. 234 с. [Lebedev V.I. V strane roz i krovi (In the land of roses and blood). Parizh: Problemy, 1935. 234 s.].
- Лопухов Б.Р. Эволюция буржуазной власти в Италии. Москва: Наука, 1986/ 276 с. [Lopuhov B.R. Evolyuciya burzhuaznoj vlasti v Italii (The evolution of bourgeois power in Italy). Moskva: Nauka, 1986. 276 s.].
- Льюкс Л. Борьба с Западом и стремление к «новому величию» - Советская Россия и Германия между Рапальским договором и немецким «Октябрем» 1923 года. К дискуссиям в немецкой историографии. // Историческая экспертиза. 2019. № 2. С. 103–120. [Lyuks L. Bor'ba s Zapadom i stremlenie k «novomu velichiyu» - Sovetskaya Rossiya i Germaniya mezhdurapalskim dogovorom i nemeckim «Oktjabrem» 1923 goda. K diskussiyam v nemeckoj istoriografii (The struggle with the West and the pursuit of "new greatness" - Soviet Russia and Germany between the Treaty of Rapallo and the German "October" of 1923. To the discussions in German historiography.). // Istoricheskaya ekspertiza. 2019. № 2. S. 103-120].
- Макдермотт К., Агню Д. Коминтерн: история международного коммунизма от Ленина до Сталина. Москва: АИРО-XX, 2000. 223 с. [Makdermott K., Agnyu D. Komintern: istoriya mezhdunarodnogo kommunizma ot Lenina do Stalina. (Comintern: The History of International Communism from Lenin to Stalin.) Moskva: AIRO-HH, 2000. 223 s.].
- Шубин А.В. Мир на краю бездны. От глобальной депрессии к мировой войне. 1929–1941 гг. Москва: Вече, 2004. 572 с. [Shubin A.V. Mir na krayu bezdny. Ot global'noj depressii k mirovoj vojne. 1929-1941 gg. (The World on the edge of the abyss. From the global depression to the world War. 1929-1941.) Moskva: Veche, 2004. 572 s.].
- Шубин А.В. Мир на пути к войне. СССР и мировой кризис 1933–1940 гг. Москва: Алгоритм, 2017. 494 с. [Shubin A.V. Mir na puti k vojne. SSSR i mirovoj krizis 1933-1940 gg. (The World on the way to War. The USSR and the world crisis of 1933-1940.). Moskva: Algoritm, 2017. 494 s.].
- Шубин А.В. Мировая революционная волна (1918–1923 гг.). Прилив. Москва: Академический проект, 2020. 773 с. [Shubin A.V. Mirovaya revolyucionnaya volna (1918–1923 gg.). Priliv. (Shubin A.V. The World Revolutionary Wave (1918-1923). Tide. Moskva: Academic project, 2020.). M.: Akademicheskij proekt, 2020. 773 s.].

Шубин Александр Владленович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, *historian905@gmail.com*

The Comintern in the Face of Fascism (1922-1924)

The article is devoted to the formation of the attitude of the communist movement towards fascism in 1922-1924. Official communist definition of fascism was developed in the specific circumstances, but it remained relevant to the Comintern in the following decades, when the situation in Europe was changing. In 1921-1923, the leaders of the Comintern faced the ebb of the world revolutionary wave and searched for the reasons for the failures of their project. Fascism, as a new and unpredictable factor, could suited for this. The leaders of the Comintern saw extra-Italian significance of the rise of fascism to power. They assessed it as a form of bourgeois counter-revolution, which logically followed from the Comintern class scheme, but contradicted the clearly observed support for fascism from part of the middle strata and even the workers. The contradiction between the broad social base and the purely capitalist program of fascism was perceived optimistically by the Communists as the reason for its imminent collapse. As we know, these hopes turned out to be illusory. But in 1923, K. Radek's speech about L. Schlageter testified to the hopes of luring away part of the right-wing radical masses during the upcoming collapse of fascism. However, the tactical proposals of the witty and cynical Radek caused outrage and embarrassment rather than support in the Comintern and the CPG. In the context of the ultra-left turn of the Comintern in 1924, the orthodox communist definition of fascism was formulated, which ignored the possibility of its independent policy from the bourgeoisie, opened up opportunities for an expansive interpretation of the term "fascism" up to the accusation of fascism against social democracy, and relied on the imminent collapse of fascism along with capitalism. The task of fighting fascism came to the fore in comparison with the previous task of fomenting a world revolution.

Keywords: *Bordiga, G. Brandler, G. Zinoviev, Comintern, Communist Party of Germany (CPG), Communist Party of Italy, K. Radek, fascism, L. Schlageter.*

Alexander Vladlenovich Shubin, *Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, historian905@gmail.com*

ФОРМИРОВАНИЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ СЕТЕЙ АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЛИГИ (1927 Г.)¹

Статья раскрывает особенности первого года функционирования Антиимпериалистической лиги, образованной по итогам Всемирного антиимпериалистического конгресса в Брюсселе в 1927 г. На основе материалов организации, хранящихся в фондах Российского государственного архива социально-политической истории, автор выделяет три основных встречи деятелей лиги для решения организационных вопросов в 1927 г. (в Амстердаме, Кёльне и Брюсселе). В статье выделены важные вопросы, стоявшие на повестке каждого собрания, начиная от вопросов, касающихся структуры новой организации, до вопросов о том, какие объединения необходимо включать в состав Антиимпериалистической лиги. Автор также выявила ряд проблем, с которыми столкнулись лидеры организации в первый год ее деятельности и определила, что наиболее трудноразрешимыми стали проблемы, касающиеся финансового обеспечения работы штаб-квартиры Антиимпериалистической лиги в Берлине и функционирования лиги по организации национально-освободительных движений в колониальных странах. Другой выявленной проблемой стало создание секций лиги в таких империалистических странах, как Британия и Нидерланды. В статье сделан вывод о том, что к концу первого года работы деятелям Антиимпериалистической лиги удалось утвердить четкую структуру организации, создать отделы для обеспечения контроля над финансами лиги и включить в ряды организации объединения из наиболее крупных стран Европы, Азии, Африки и Америки, что позволило сформировать транснациональную сеть Антиимпериалистической лиги.

Ключевые слова: Антиимпериализм, антиколониализм, национально-освободительное движение, В. Мюнценберг, Коминтерн, Всемирный антиимпериалистический конгресс.

В 1927 г. в Брюсселе во дворце Эгмонт состоялось знаменательное событие в истории антиимпериалистического и антиколониального движений – Всемирный антиимпериалистический конгресс (10–14 февраля). Это мероприятие объединило 175 делегатов со всего мира, принадлежащих к 134 организациям, ассоциациям или политическим партиям из 37 стран, находящихся под колониальным управлением. В числе участников конгресса были такие известные политические деятели и интеллектуалы, как индийский политический и общественный деятель Дж. Неру, глава алжирской Североафриканской звезды² М. Хадж, будущий вице-президент Индонезии М. Хатта, британский политик Ф. Броквей, французские писатели А. Барбюс и Р. Роллан, всемирно известный ученый А. Эйнштейн, немецкий коммунист, деятель Коминтерна В. Мюнценберг, голландский социал-демократ, профсоюзный деятель Э. Фиммен и многие другие. Целью конгресса было привлечь

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-78-01128) «Антиимпериалистическая лига и особенности формирования транснациональных сетей против колониализма и империализма (1927–1937 гг.)».

² Массовая революционная националистическая организация представителей французских колоний, создана при помощи коммунистов в декабре 1924 г.

внимание новых организаций, а также видных персон к проблемам колониализма и империализма³. Организаторам удалось объединить разных общественных и политических деятелей для обсуждения таких проблем, как колониальная жестокость на французских территориях в Африке, подробности Кантоновского восстания 1927 г. в Китае, надежд индийских крестьян на национальную независимость и законов Джима Кроу о расовой сегрегации в Соединенных Штатах. Всемирный антиимпериалистический конгресс позволил глобально взглянуть на вопросы империализма и колониализма⁴, и организаторы конгресса стремились акцентировать колониальную проблему, к которой во второй половине 1920-х гг. был проявлен интерес со стороны европейской общественности, а также в среде радикального пацифизма и Коминтерна⁵.

Главным результатом конгресса в Брюсселе стало единогласное решение делегатов учредить Антиимпериалистическую лигу⁶ – организацию, направленную на поддержку колониальных народов Африки, Индии и Китая в их национально-освободительной борьбе. Этой организации предстояло выступить в качестве альтернативы Лиги Наций, скоординировать борьбу за мир и колониальное освобождение⁷.

Участниками мероприятия был определен круг лиц, который в дальнейшем будет осуществлять руководство новой всемирной организацией против колониализма и империализма. Президентом лиги был избран британский левый политик и социальный реформатор Дж. Лэнсбери, вице-президентом – глава одной из крупнейших мировых профсоюзных организаций Международной федерации транспортных работников Э. Фиммен. Генеральными секретарями организации стали основатель Международной рабочей помощи (Межрабпом) В. Мюнценберг и индийский революционер, деятель Коминтерна В. Чатопадайя. Штаб-квартирой организации стал Берлин. Создатели новой организации были оптимистично настроены и жаждали приступить к своей деятельности⁸.

В отечественной историографии на сегодняшний день существует крайне мало трудов, посвященных деятельности Антиимпериалистической лиги. Отметим наиболее полную работу сотрудника советской разведки Г. З. Соркина⁹, акцентированную на главных мероприятиях Антиимпериалистической лиги – Первом и Втором всемирных антиимпериалистических конгрессах (Брюссель, 1927 г. и Франкфурт-на-Майне, 1929 г.). Куда больший интерес лига представляла для зарубеж-

³ Petersson (1), 2016: 138.

⁴ Lindner, 2023: 153.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.542. Оп. 1. Д. 8. Л. 125–126.

⁶ РГАСПИ. Ф.542. Оп. 1. Д. 7. Л. 96.

⁷ Petersson (2), 2014.

⁸ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 7. Л. 125.

⁹ Соркин, 1965.

ных исследователей. Исследователи касались в целом национально-освободительных движений, частью которых так или иначе являлась Антиимпериалистическая лига¹⁰, рассматривали деятельность организации¹¹ и, конечно же, ученые изучали биографию одного из вдохновителей и основателей Антиимпериалистической лиги Вилли Мюнценберга¹² – человека, без которого не удалось бы создать этот всемирный альянс. Отметим также, что перу шведского историка Фредерика Петерсона принадлежит ряд работ, вносящий большой вклад в изучение Антиимпериалистической лиги и подробно раскрывающих создание, тонкости деятельности и упадок организации¹³.

Однако эти исследователи акцентировали внимание на создании лиги, на конгрессах в Брюсселе и во Франкфурте-на-Майне и, в основном, доводили деятельность организации до возникшего в 1933 г. кризиса в связи с приходом к власти Национал-социалистической немецкой рабочей партии в Германии. На наш взгляд, период от Всемирного конгресса в Брюсселе до конца 1927 г. представляет особый интерес, поскольку именно в этот период участникам организации предстояло решение ряда организационных вопросов, которые заложили фундамент и предопределили дальнейшее функционирование Антиимпериалистической лиги, которая будет вести свою деятельность до 1937 г.

Уже в феврале 1927 г. началась активная подготовка к деятельности нового антиимпериалистического объединения. Дело Антиимпериалистической лиги в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) хранит в себе массу источников о том, какой видели дальнейшую работу лидеры организации и какие первые шаги ими были предприняты¹⁴. Первоначально велась работа с делегатами конгресса, которым порекомендовали после возвращения в свои страны провести собрания и митинги с демонстрацией важности только что завершившегося конгресса в Брюсселе¹⁵. Также решались важные организационные вопросы, в частности обсуждаться вопрос о создании Секретариата лиги, в качестве членов которого были предложены Ли Ау от партии Гоминьдан, французский писатель А. Барбюс и агент Народного комиссариата внутренних дел СССР и Западноевропейского бюро Коминтерна, соратник В. Мюнценберга, Л. Гибарти¹⁶. Уже позже, летом 1927 г. был сформирован Исполнительный комитет лиги, в который вошли Дж. Лэнсбери, Э. Фиммен, Л. Гибарти, сенегальский и французский общественный и политический дея-

¹⁰ Stutje, 2016.

¹¹ Lindner, 2023; Louro, 2020.

¹² Gross, 1991; McMeekin, 2004; Nogarède, 2018.

¹³ Petersson, 2020; Petersson (1), 2016; Petersson, 2007; Petersson (2), 2014; Petersson, 2013: 192.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 7. Л. 125.

¹⁵ Там же. Л. 118.

¹⁶ Там же. Л. 159.

тель Ламин Сенгор, М. Хатта, В. Мюнценберг, аргентинский писатель Мануэль Угарте, социальный деятель, один из основателей Американского союза защиты гражданских свобод Роджер Болдуин и др.¹⁷

Создатель Антиимпериалистической лиги В. Мюнценберг видел первостепенной задачей необходимость расширения уже существующих в Европе и странах Азии и Африки объединений против империализма, а также зарождение новых союзов. Исходя из отчетов штаба лиги в Берлине попытки подобного рода деятельности проводились в Германии, Франции и Англии¹⁸, однако существовало опасение, что деятели Второго интернационала, которые бойкотировали конгресс в Брюсселе¹⁹, попытаются примкнуть к организации, чтобы развалить ее изнутри²⁰. Наличие такой опасности, безусловно, требовало большого внимания²¹. Важно отметить, что конгресс в Брюсселе и созданная Антиимпериалистическая лига не отождествляли себя напрямую с Коминтерном. Лига виделась беспартийной организацией, включавшей в себя представителей самых разнообразных политических партий²². Более того, в Москве изначально довольно скептически отнеслись к созыву конгресса в Брюсселе в феврале 1927 г.²³, однако отметим, что основные действующие лица (В. Мюнценберг и Л. Гибарти) были напрямую связаны с Коминтерном. Осознав масштаб конгресса в Брюсселе, деятели Коминтерна приняли решение, чтобы контроль и руководящую роль за объединениями против империализма и колониализма взяли на себя коммунистические партии²⁴.

Как было сказано ранее, штаб-квартира лиги располагалась в Берлине, и этот город был выбран не случайно. В Берлине находилось Западноевропейское бюро Коминтерна и была сильна Компартия Германии, благодаря чему Коминтерн имел возможность контролировать деятельность Антиимпериалистической лиги²⁵. Все это говорит о явной заинтересованности Коминтерна в организации и в разжигании антиимпериалистического движения. Кроме того, Веймарская Германия в 1920-х гг. представляла собой убежище для представителей разных движений за независимость колонизированных стран. В столице Германии проживало около 5000 политических беженцев из имперских и колониальных стран²⁶ и Берлин был популярным местом для студентов и покинувших территории бывшей Российской империи, Центральной Азии, Центральной и Восточной Европы, из бывшей Османской импе-

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 10. Л. 15.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 7. Л. 117.

¹⁹ Соркин, 1965: 54.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.

²¹ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 10. Л. 66.

²² Petersson, 2007.

²³ Беспалова, 2024: 107.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 7. Л. 117.

²⁵ Petersson (1), 2016: 135.

²⁶ Petersson, 2007.

рии, из Китая и Японии. Также в городе проживала обширная сеть «африканских агитаторов», в основном из Камеруна и Западной Африки²⁷. Именно в Берлине деятельность различных массовых организаций нашла политическую поддержку, пока А. Гитлер и национал-социалисты не захватили власть в январе 1933 г.

Материалы по деятельности лиги позволяют выделить несколько основных направлений для развития антиимпериалистического движения. *Китайский вопрос* – был наиболее актуальным в связи с событиями в Китае второй половины 1920-х гг. («Движение 30 мая», 1925 г. и Кантоновское восстание 1927 г.) и в центре внимания руководителей организации была активная поддержка китайской освободительной борьбы. В переписке Секретариата лиги с Коминтерном часто фигурирует именно обстановка в Китае. Планировалась конференция в г. Ханькоу, получившем статус «особого города» в связи с Наньчанским восстанием (1 августа 1927 г.), из-за которого виделось важным привлечение народов колониальных и полуколониальных стран к участию в этой конференции. Также внимания заслуживали *Индия, Индонезия, арабские страны, Иран и Латинская Америка* и обстановка в этих странах обсуждалась на каждой встрече Исполнительного комитета лиги. В этой связи было принято решение о проведении антиколониальных митингов и демонстраций во Франции и Англии²⁸ для появления там широких массовых кампаний против насилия в колониях²⁹. В список задач сотрудники лиги включали работу с прессой³⁰. Предполагалось размещение отдельных резолюций в ежедневной печати и печать более крупных статей в журналах. Также в лиге были заинтересованы в том, чтобы ускорить публикацию протоколов заседаний организации, которые впоследствии переводились на несколько языков (арабский, индийский и китайский)³¹.

Исполнительный комитет Антиимпериалистической лиги собирался на периодические встречи для обсуждения уже проделанной работы и планов на дальнейшую деятельность. За 1927 г. состоялось три встречи в Амстердаме (апрель), Кёльне (август) и в Брюсселе (декабрь).

Заседание в Амстердаме стало первой постбрюссельской встречей, где обсуждались вопросы организационной структуры лиги, ее финансовое положение, местонахождение и кадровое обеспечение Секретариата и распределение работ между Исполнительным комитетом, Секретариатом и национальными секциями³². Были приняты следующие важные организационные решения: Дж. Лэнсбери был утвержден в качестве первого председателя Исполнительного комитета, а Э. Фиммен – вторым председателем. Кроме того, был избран узкий круг

²⁷ Stutje, 2016: 182-183.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 10. Л. 8–10.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 8. Л. 195.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 10. Л. 9.

³¹ Там же. Л. 13.

³² Stutje, 2016: 160.

лиц (Дж. Лэнсбери, Э. Фирмен, Дж. Неру и В. Мюнценберг), который будет собираться для встреч в перерывах между заседаниями Исполнительного комитета при необходимости. Другому кругу лиц (Э. Фиммен, Дж. Неру, Р. Болдуин и В. Мюнценберг) было поручено разработать организационный устав. Благодаря этим решениям было создано организационное ядро Антиимпериалистической лиги³³, что, безусловно, было немаловажным для дальнейшего функционирования организации.

Одним из наиболее обсуждаемых вопросов на встрече в Амстердаме была проблема создания подразделения (секции) лиги в Лондоне. Председатель лиги Дж. Лэнсбери пытался объяснить, почему, по его мнению, создание секции лиги в этом городе практически невозможно. Он сообщал, что в английском рабочем движении существовал глубокий антагонизм между Коммунистической партией, Лейбористской партией и профсоюзами³⁴ и внутри Парламента существовало сильное предубеждение против любых связей с коммунистами³⁵. В связи с этим он предлагал индивидуальное членство в лиге³⁶, а не создание секции. Важно отметить, что в этой ситуации ярко проявлялась борьба между социалистами и коммунистами, препятствовавшая созданию широкой антиимпериалистической организации³⁷. Второй Интернационал оказывал беспрецедентное давление на Дж. Лэнсбери и его сподвижников в Лондоне³⁸, не давая присоединиться к лиге. Надо сказать, что аналогичную позицию заняли представители Амстердамского Интернационала профсоюзов³⁹, получившие указание воздержаться от членства в Антиимпериалистической лиге⁴⁰, что свидетельствует о том, что не только в Лондоне имелись проблемы с созданием секции лиги.

Важно отметить, что некоторые из принимавших участие во встрече в Амстердаме, в частности Э. Фиммен и Р. Болдуин, резко критиковали неудачу британцев⁴¹ и критиковали самого Дж. Лэнсбери за его желание не ставить под угрозу свою политическую карьеру. *«Произошло то, чего мы опасались в Брюсселе: английские некоммунистические группы сдались при первом серьезном поводе»*⁴². Именно невозможность создания секции в Британии – рекорсмене по колониальным владениям – стало первой проблемой, с которой столкнулись вдохновленные духом Брюссельского конгресса участники лиги.

Надо сказать, что в последствии Лэнсбери сумел основать лигу индивидуального членства в Британии. Решение принято в апреле 1927

³³ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 10. Л. 55–56.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 8. Л. 4–5.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 7. Л. 165.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 8. Л. 13.

³⁷ Соркин, 1965: 56.

³⁸ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 7. Л. 160.

³⁹ Международная федерация профсоюзов, образованная в 1919 г. в Амстердаме.

⁴⁰ Соркин, 1965: 55.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.

⁴² РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 10. Л. 54.

г. на заседании парламентариев в палате общин⁴³. Тем не менее члены Антиимпериалистической лиги понимали, что активного участия британцев ждать не придется⁴⁴. Однако, планировалось привлекать британцев к широкой международной агитации в различных странах⁴⁵, а также к деятельности против Второго интернационала, который продолжал считать лигу махинацией коммунистов⁴⁶. При этом, в лиге понимали, что, поскольку Дж. Лэнсбери является одним из кандидатов в лидеры Лейбористской партии на предстоящих выборах, он станет воздерживаться от участия в какой-либо порочащей его политике⁴⁷, а следовательно, активной поддержки от него ждать не приходится.

На следующем заседании Исполнительного комитета в Кёльне (20–21 августа 1927 г.) вновь обсуждались организационные вопросы. Один из главных – выборы нового председателя Антиимпериалистической лиги. Дж. Лэнсбери сложил свои полномочия в июле 1927 г.⁴⁸ и на его место избран Ф. Броквей. Встреча в Кёльне стала отчетом о полугодовой деятельности лиги и ее подразделений. Секретарь лиги Л. Гибарти сообщил присутствующим, что к объединению присоединились 32 организации и было создано 22 секретариата⁴⁹. Кроме того, была представлена отчетность по деятельности некоторых секций. В частности, сообщалось, что Французская секция лиги организовала в апреле и мае 1927 г. две демонстрации за освободительную борьбу в Северной Африке, Китае и против американского империализма. Однако важно отметить, что, несмотря на оптимистичное начало, во Франции антиимпериалистическое движение развивалось тяжело, поскольку Л. Сенгор, принявший участие в конгрессе в Брюсселе, умер в 25 ноября⁵⁰ 1927 г. от туберкулеза. В результате утраты этого контакта хрупкая сеть, сплетенная Антиимпериалистической лигой с Африканской общиной во Франции, стала рушиться⁵¹: уже к 1929 г. контакты с Францией станут минимальными, и антиимпериалистическая сеть во Франции практически исчезнет.⁵² В то же время немецкая секция являлась авангардом⁵³, что, и не удивительно – штаб-квартира лиги располагалась в Берлине. В связи озвученными проблемами в других секциях лиги подчеркивалось, что перед организацией поставлены действительно серьезные задачи и молодому объединению было трудно противостоять силе империализма⁵⁴.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 8. Л. 22.

⁴⁴ Там же. Л. 13.

⁴⁵ Там же. Л. 26.

⁴⁶ Там же. Л. 23.

⁴⁷ Там же. Л. 70.

⁴⁸ Там же. Л. 96.

⁴⁹ Там же. Л. 161.

⁵⁰ Petersson (1), 2014: 57–58.

⁵¹ Petersson (1), 2016: 141–142.

⁵² РГАСПИ Ф. 495. Оп. 154. Д. 364. Л. 52.

⁵³ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 12. Л. 17.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 8. Л. 158.

На повестке дня встречи в Кёльне был один из важных вопросов, поднимавшийся практически на всех встречах членов лиги – финансы организации. Важно отметить, что этот вопрос стал для участников проблемой с первых же дней основания Антиимпериалистической лиги. Спустя несколько дней после Всемирного антиимпериалистического в Брюсселе был составлен финансовый отчет о прошедшем мероприятии и направлен секретарю ИККИ О.А. Пятницкому вместе с предварительным бюджетом лиги. Организация конгресса составила 49 тыс. 522 долларов, включая траты на трансфер делегатов, работу офиса подготовки к мероприятию, телеграммы и почтовые расходы⁵⁵. Из этой суммы 1,5 тыс. было получено из Мексики⁵⁶ (мексиканское правительство проявило большой интерес к съезду и поддержало его материально⁵⁷). Кроме того, часть средств для финансирования своей деятельности Антиимпериалистическая лига прямо или косвенно получала от Коминтерна⁵⁸, но эти средства поступали медленно⁵⁹.

Сообщалось также, что еще 7 тыс. было собрано «самостоятельно»⁶⁰. Под этим определением имелись в виду средства, собранные В. Мюнценбергом. Дело в том, что Мюнценберг располагал неким капиталом, поскольку владел Межрабпомом – организацией, которая в 1920-е гг. объединила помощь десятков тысяч рабочих, принадлежащих к разным организациям, связанным с Коминтерном. Этот фонд также пополнялся Кремлем. К середине 1920-х гг. Межрабпом довольно быстро развивалась на международном уровне благодаря рекламным акциям, реализуемым Мюнценбергом⁶¹, и на выроченные средства он финансировал свои газеты⁶². В основе этих акций были открытки, иллюстрированные журналы, фильмы⁶³ или брошюры. Кроме того, Мюнценберг занимался созданием профсоюзных, женских и детских комитетов в США, аграрных комитетов в Болгарии и в сельских районах Германии и т.п. Благодаря этому Межрабпом объединяла большое количество прогрессивных интеллектуалов, коммунистов и некоммунистов, таких как К. Цеткин, английские писатели Б. Шоу, А. Барбюс, датский писатель М. Андерсен-Нексё, ученый А. Эйнштейн или немецкие художники К. Кольвиц и Г. Гросс и др. Все это позволило организации даже опередить в масштабах Международную федерацию транспортных союзов, чьей главой был Эдо Фиммен. Таким образом, к 1926 г. Межрабпом стала крупной организацией и насчитывала около 15 мил-

⁵⁵ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. Д. 7. Л. 146–147.

⁵⁶ Там же. Л. 118–119.

⁵⁷ Lindner, 2023: 160–161.

⁵⁸ Stutje, 2016: 188.

⁵⁹ Louro, 2020: 24.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 7. Л. 118–119.

⁶¹ Nogarède, 2018.

⁶² Bavaj, 2010: 83.

⁶³ В 1920-х – начале 1930-х годов Международная рабочая помощь владела несколькими кинокомпаниями.

лионов членов⁶⁴ и это позволило Мюнценбергу создать свой концерн с переплетенной сетью, охватывающей разные благотворительные акции (поддержка забастовок, раздача еды, организация различных комитетов против антиколониализма и империализма, обществ дружбы и солидарности). Поскольку Мюнценберг проживал в Берлине, то этот город был главным оперативным центром Межрабпома, и благодаря этому впоследствии Антиимпериалистическая лига официально или неофициально имела связи с огромным количеством ассоциаций⁶⁵.

Казалось бы, благодаря этой сети Мюнценберга, Антиимпериалистическая лига должна была обладать неким капиталом, но О.А. Пятницкому сообщалось, что для проведения конгресса в Брюсселе организаторы были вынуждены брать кредиты у различных организаций и частных лиц⁶⁶. Из-за этого образовался внушительный долг, а надежды на получение обещанных делегатами конгресса субсидий не оправдались⁶⁷. В связи с этим в лиге не имелось средств не только для осуществления каких-то конкретных действий в колониальных странах, но и для поддержания работы штаба в Берлине. Еще в марте 1927 г. сообщалось, что аппарат штаба состоял из одного сотрудника и стенографистки, которая работала там три раза в неделю. Расширить штат сотрудников офиса в лиге не могли себе позволить, поскольку все поступающие средства шли на погашения срочных долгов организации⁶⁸. Из-за финансовых трудностей существовал риск остановки работ⁶⁹, потому как средств не хватало даже на печать резолюций и рассылку телеграмм⁷⁰. Отмечалось, что апрель, май и июнь были особенно критическими для лиги, поскольку средства не поступали и снова приходилось их одалживать, соответственно потребности лиги намного превышали ее доходы⁷¹.

Нередко финансовые трудности становились своего рода камнем преткновения для членов лиги. Показательным стал небольшой спор, разразившийся как раз во время заседания в Кёльне. Финансовый отчет о деятельности организации, представленный Л. Гибарти на этом заседании выявил дефицит бюджета в несколько тысяч долларов⁷². Но при этом при обсуждении национально-освободительного движения в Индонезии, поступило предложение об отправке в этот регион делегации от Антиимпериалистической лиги (французский интеллектуал А. Лефевр, британский политик Марди Джонс, А. Барбюс)⁷³. Необходимой эту поездку видели из-за волнений в Батавии и в Суматре в 1926–1927

⁶⁴ Nogarède, 2018.

⁶⁵ Petersson, 2007.

⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 7. Л. 146–147.

⁶⁷ Там же. Л. 118–119.

⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 7. Л. 172–173.

⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 8. Л. 37а.

⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 7. Л. 172–173.

⁷¹ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 8. Л. 181–182.

⁷² РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 12. Л. 19.

⁷³ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 8. Л. 160.

гг.⁷⁴ Кроме того, эта поездка дала бы возможность установить прямые контакты с антиколониальными активистами в Голландской Ост-Индии⁷⁵. Предполагалось, что предстоящая поездка обойдется от 1500 до 2000 фунтов⁷⁶. М. Джонс сообщал о том, что он рассчитывал получить финансовую поддержку этой поездки от Антиимпериалистической лиги и еще часть от ассоциации углепромышленников⁷⁷. В этой связи Дж. Неру задал вопрос о том, почему средства, собираемые для выплаты долгов лиги и поддержание ее работы, распределяются таким образом?⁷⁸ Он заявил, что Индийский национальный конгресс ожидал, что выделенные им средства (а это всего лишь около 100 фунтов) будут использованы для нужд лиги. На это Л. Гибарти ответил, что в лиге имелись надежды на получение индонезийских субсидий, однако репрессии в Голландской Ост-Индии, препятствовали переводу средств⁷⁹. В качестве решения вопроса Э. Фиммен предположил, что возможно было получить некоторые средства в Голландии⁸⁰, но их все равно было бы недостаточно. В итоге отправка делегатов все-таки состоялась, но поскольку целью миссия была антиколониальная агитация, голландские власти отказали делегации во въезде⁸¹.

На встрече в Кёльне обсуждался еще один важный вопрос, связанный с подозрениями Второго интернационала о влиянии коммунистов на Антиимпериалистическую лигу. Ф. Броквей предложил направить во Второй интернационал делегацию от Антиимпериалистической лиги для решения вопроса о совместной работе по облегчению положения колониальных народов. Но В. Мюнценберг отклонил это предложение, заявив, что такие действия подорвут авторитет лиги⁸², чего, конечно же, допускать было нельзя. Однако в дальнейшем ситуация сложилась таким образом, что меры в отношении обвинений со стороны Второго интернационала нужно было предпринять.

Летом и осенью 1927 г. австрийский социалистический политик и революционер Фридрих Адлер провел расследование о связях Антиимпериалистической лиги и в октябре того же года представил результаты своего расследования. Он доказал, что организация поддерживала тесные отношения с международным коммунистическим движением⁸³. Такой вывод был сделан на основе сбора сведений лицами, тесно связанными с Ф. Адлером, а именно: британским лейбористом У. Гиллисом, общественным и политическим деятелем, русским эмигрантом Р. Абра-

⁷⁴ Petersson (1), 2016: 143.

⁷⁵ Stutje, 2016: 160–162.

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 12. Л. 19.

⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 8. Л. 168.

⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 12. Л. 10.

⁷⁹ Там же. Л. 19–20.

⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 12. Л. 19.

⁸¹ Stutje, 2016: 160–162.

⁸² РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 8. Л. 161.

⁸³ Petersson (2), 2016.

мовичем и жившим в Берлине норвежским социалистом Бьярне Браатой. Основной целью расследования была попытка раскрыть коммунистические связи лиги путем тщательного изучения ее официальных документов, публикаций, циркуляров, статей Мюнценберга в таких периодических изданиях, как “Imprekort”, “Kölnische Zeitung” и “Arbeiter Illustrierte Zeitung”. На основе собранной информации Ф. Адлер сделал вывод о том, что Антиимпериалистическая лига представляет собой не что иное, как подставную организацию на службе Коминтерна. Заявления Адлера, конечно же, не смогли оставить без внимания. Его оппонентом выступил Ф. Броквей, который стремился убедить Ф. Адлера признать ту роль, которую лига играла в решении колониального вопроса. Он заявил, что игнорировать этот вопрос было бы большой ошибкой и подчеркнул, что конгрессу в Брюсселе в феврале 1927 г. удалось сделать то, чего не удалось сделать Второму интернационалу, а именно серьезно приступить к делу объединения пролетарских движений цветных рас⁸⁴.

Тем не менее, убедить Ф. Адлера и его команду не удалось. По мнению австрийского политика и его сподвижников, проведенное расследование раскрыло подлинный характер организации, состоящей в тесных контактах с Коминтерном⁸⁵. Эти материалы намеревались использовать, чтобы разоблачить организацию и ее финансирование, и доказать, что Антиимпериалистическая лига всего лишь еще один концерн Мюнценберга. После обнародования расследования Адлера пресса не осталась в стороне, и лига была подвергнута критике как организация «танцующая под дудку Коминтерна»⁸⁶.

В этой связи у лидеров лиги появилась идея о проведении демонстрационного конгресса против Второго интернационала, чтобы склонить на свою сторону некоммунистов⁸⁷. Таким мероприятием стало заседание Генерального совета Антиимпериалистической лиги 9–12 декабря 1927 г. в Брюсселе⁸⁸. Именно на этой встрече обсуждался вопрос о создании широкомасштабного контрнаступления на Второй интернационал с целью дискредитации его колониальной политики⁸⁹. Однако, как отмечалось индийским революционером и деятелем Коминтерна М. Роем в отчете по итогам встречи в Брюсселе в декабре 1927 г., оппозиции со стороны социал-демократов практически не было, поскольку ни один из них не решался защищать Второй интернационал⁹⁰.

Лишь к концу 1927 г. (к встрече в декабре в Брюсселе) наконец определилась четкая структура лиги. Она выглядела следующим образом: Секретариат в Берлине функционировал как центр организации и

⁸⁴ Petersson, 2013: 192-193.

⁸⁵ Petersson, 2020: 132.

⁸⁶ Stutje, 2016: 200.

⁸⁷ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 8. Л. 195.

⁸⁸ Соркин, 1965: 58.

⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 10. Л. 27.

⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 8. Л. 199.

получал инструкции напрямую от Коминтерна, которые затем направлялись в национальные секции лиги. Также Секретариат направлял в Москву отчетные материалы секций. Все важные решения по кадровым или финансовым вопросам принимались в Москве, включая составление резолюций съездов, манифестов, брошюр или материалов для официальных публикаций лиги⁹¹. Немецкая секция в Берлине была самой важной, и она получала средства от дочерних некоммунистических организаций в колониях и полуколониях⁹². На наш взгляд, такая структура лиги раскрывала суть организации, которая была представлена как широкая платформа движений и идеологических течений, но ее повседневными делами управляли коммунисты. В этом и заключался источник большинства споров на собраниях лиги, где социал-демократы, пацифисты и националисты подчеркивали, что нужно создать политическую дистанцию между Антиимпериалистической лигой и Москвой. В последствии, чтобы преодолеть эти разногласия, будут созданы два секретариата лиги («коммунистический» в Берлине и в Париже – выступавший против сильного влияния Москвы)⁹³. Однако это разделение членов лиги на два лагеря в дальнейшем стало началом раскола внутри объединения, который проявился в начале 1930-х гг.

Заседание Генерального совета лиги в декабре 1927 г. интересно и тем, что на нем подводились итоги первого года функционирования организации. Э. Фиммен озвучил, что за отчетный период удалось создать секретариаты в странах Европы, Северной и Южной Америки, а также стран Азии и Африки (Аргентина, Буэнос-Айрес, Мексика, Чили, ЮАР, Персия, Египет, Япония, Китай. Индия, Австрия, Франция, Германия, Бельгия и тд.), а также сообщалось о более чем 30 организациях, вошедших в лигу (Африканский национальный конгресс, Всеамериканская антиимпериалистическая лига, Социалистическая партия Ирана, Индийский национальный конгресс, Всекитайская федерация профсоюзов, Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения (Нью-Йорк), Комитет защиты негритянской расы (Париж), Международный женский союз за мир и свободу и др.)⁹⁴. Иными словами, за первый год функционирования география Антиимпериалистической лиги стала поистине глобальной. Но этот масштаб был проблемой для организации, поскольку поддерживать постоянную связь между штаб-квартирой в Берлине и дочерними организациями было крайне трудно.

На собрании подчеркивалось, что на достигнутом уровне останавливаться не желали и главной целью Лиги было расширение сети за счет новых национальных объединений и профсоюзов. В этом ключе поднимался также вопрос о включении в состав организации национальных меньшинств империалистических стран, которые регулярно сообщали в

⁹¹ Petersson (2), 2016.

⁹² Lindner, 2023: 158-159.

⁹³ Stutje, 2016: 188.

⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 10. Л. 60.

Секретариат лиги о своем стремлении примкнуть к организации (например, представители каталонского (испанского), ирландского, польского и литовского меньшинств). Однако в лиге по этому вопросу высказывались негативно, не желая связываться с реакционно-националистической ориентацией. В частности, были идеи о том, что было бы верным приглашать не все меньшинства, а только избранные⁹⁵ и вопрос о членстве должен обсуждаться отдельно для каждой из таких групп⁹⁶. Для этого, безусловно, требовались контакты с доверенными представителями национальных объединений, которые обеспечивали бы связь с Секретариатом и контроль за деятельностью союзов⁹⁷. Что касается профсоюзов, то для работы с ними считали необходимым создать Парламентскую комиссию⁹⁸, которая будет методично работать над присоединением профсоюзов, разъяснять им значение антиимпериалистического движения и следить за тем, чтобы вопрос об антиимпериализме оставался на повестке дня всех профсоюзных съездов⁹⁹. Кроме того, стремясь повысить дееспособность Лиги посредством печати и пропаганды, было решено создать специальный Отдел печати при Секретариате¹⁰⁰. В сферу деятельности отдела входила переписка со странами Америки, Африки, Ближнего и Дальнего Востока и Европы, рассылка пропагандистских и информационных материалов, поддержание связи с Исполнительным комитетом и Генеральным советом лиги, публикация еженедельно или два раза в неделю материалов о состоянии освободительного движения в отдельных колониальных странах на немецком, французском и английском языках. Аппарат этого отдела должен был создать всеобъемлющую картотеку колониальных организаций и левого крыла европейских рабочих и мелкобуржуазных партий, вести бухгалтерский и кассовый учет, операции с налогами, медицинским страхованием и т.д., а также создать архив поступающей прессы, журнальных материалов и другой литературы¹⁰¹. Кроме того, был принят ряд решений по улучшению финансовой ситуации в лиге, в т.ч. в связи с появлением нового отдела и расширением географии лиги. Появилась должность финансового секретаря, которую занял Э. Фиммен, а также, была создана постоянно действующая комиссия финансового контроля Исполкома¹⁰² и вводилась должность казначея с целью ведения бухгалтерского учета, мониторинга и анализа отчетов Секретариата¹⁰³. Также было принято решение пополнять бюджет лиги за счет членских взносов с входящих в лигу организаций: взносы организаций до 1000 участ-

⁹⁵ Там же. Л. 31.

⁹⁶ Там же. Л. 36.

⁹⁷ Там же. Л. 32.

⁹⁸ Там же. Л. 39.

⁹⁹ Там же. Л. 40.

¹⁰⁰ Там же. Л. 34.

¹⁰¹ Там же. Л. 61–62.

¹⁰² Там же. Л. 34.

¹⁰³ Там же. Л. 41.

ников составляли 2 доллара ежемесячно, от 1000 до 5000 участников – 3 доллара, от 5000 до 10 000 – 4. Для организаций в колониальных и полуколониальных странах взнос составлял половину от размера этих сумм. Кроме того, для штаб-квартиры в Берлине также устанавливался размер месячного бюджета – 1000 долларов на расходы¹⁰⁴, что должно было позволять покрывать расходы на работу офиса. Эти меры способствовали финансовому контролю за поступающими средствами и их грамотному распределению для недопущения дефицита бюджета.

Вместе с тем отметим, что к концу 1927 г. стала особенно ярко ощущаться своего рода недосказанность, которая витала в воздухе со времен Всемирного антиимпериалистического конгресса. Это мероприятие и создание Антиимпериалистической лиги стало действительно важным шагом для развития национально-освободительного движения в колониях. Однако конгресс в Брюсселе в феврале 1927 г. не стал по замыслу организаторов диалогом между равными участниками, и в первый же год функционирования Антиимпериалистической лиги выявилась масса противоречий¹⁰⁵. Несмотря на те трудности, которые возникли в первый год, главная проблема заключалась в том, что для разных стран антиимпериализм означал разные понятия и единства мнений не было¹⁰⁶. По мнению зарубежных исследователей, африканцы, азиаты, европейцы и выходцы из Америки были едины в своем стремлении преодолеть империализм. Но среди них не существовало четкого определения того, что это такое и был ли империализм причиной расизма; каково было его отношение к капитализму и были ли в империализме культурные элементы, такие как язык?¹⁰⁷ Позже порой принципиально разная стратегия по освобождению колониальных стран часто приводила к столкновениям с организациями, потенциально способными вступить в лигу. Так, например, в парламенте Нидерландов между коммунистами и социал-демократами проявились споры о поддержке в Индонезии политических движений и приглашение от лиги присоединиться к единому фронту против империализма было истолковано господствующей социал-демократической партией как провокационный вызов. Действительно, некоторые члены Социал-демократической рабочей партии Нидерландов искренне присоединились к лиге, например, Э. Фиммен, нидерландский политик Пит Шмидт и писатель Джеф Ласт, но они действовали с позиции левого меньшинства своей партии¹⁰⁸. Тем не менее эйфория и успех конгресса в Брюсселе подталкивали его делегатов попытаться разжечь антиимпериалистическое и антиколониальное движения.

Как видим, по итогам первого года функционирования Антиимпериалистическая лига представляла собой довольно масштабное устрой-

¹⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 542. Оп. 1. Д. 10. Л. 56–57.

¹⁰⁵ Lindner, 2023: 153.

¹⁰⁶ Ibid: 162.

¹⁰⁷ Ibid: 165.

¹⁰⁸ Stutje, 2016: 200.

ство. К концу 1927 г. в организации определилась четкая структура, что было важно для определения функций и обязанностей каждого секретариата и секции. Более того, появилась ясность по одному из самых трудных и важных вопросов – финансирование деятельности лиги, что позволило создать некий капитал за счет взносов и субсидий, который впоследствии распределялся на нужды и функционирование организации. Благодаря активной работе офиса, ряду встреч и появлению контактов на основе сетей В. Мюнценберга, к концу 1927 г. лиге удалось создать филиалы во многих крупных европейских, азиатских и африканских странах и заручиться поддержкой огромного круга персон. Организаторы стремились к тому, чтобы Антиимпериалистическая лига функционировала как международное объединение. Они в значительной степени полагались на согласие способных и желающих людей выстраивать не просто контакты, а транснациональные сети, что позволило ей к 1930-м гг. стать поистине глобальной организацией, несмотря на порой разные идеологические взгляды. Но этот задел и это движение отягощалось каждодневными организационными и финансовыми трудностями. Эта была хрупкая конструкция, которая складывалась благодаря отдельным персонам вроде В. Мюнценберга, и это ограничивало способности организации действовать так, чтобы эффект был заметен.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 542. Оп. 1. Д. 3, 7, 8, 10, 12. Ф. 494. Оп. 154. Д. 364.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Беспалова К.А. На пути к созданию Антиимпериалистической лиги: Всемирный конгресс в Брюсселе (1927 г.) // Восток (Oriens). 2024. № 1. С. 103–113. [Bespalova K.A. Na puti k sozdaniyu Antiimperialisticheskoi ligi: Vsemirnyi kongress v Bryussele (1927 g.) (Towards the creation of the Anti-Imperialist League: World Congress in Brussels (1927)) // Vostok (Oriens). 2024. № 1. S. 103–113].
- Соркин Г.З. Антиимпериалистическая лига 1927–1935. Истор. очерк. М.: Наука, 1965. 124 с. [Sorkin G.Z. Antiimperialisticheskaya liga 1927–1935. Istor. ocherk (Anti-Imperialist League 1927–1935. Hist. essay). M.: Nauka, 1965. 124 s.].
- Bavaj, R. “Revolutionierung der Augen” : Politische Massenmobilisierung in der Weimarer Republik und der Münzenberg-Konzern. In U Daniel, I Marszolek , W Pyta & T Welskopp (eds), Politische Kultur und Medienwirklichkeiten in den 1920er Jahren . R. Munich, 2010. P. 81-100.
- Gross B. Willi Münzenberg. Eine politische Biographie. Leipzig, Forum Verlag, 1991. 551 s.
- Lindner T. K. A City Against Empire: Transnational Anti-Imperialism in Mexico City, 1920-30. Liverpool, Liverpool University Press, 2023. 224 p.
- Louro M., Stolte C., Streets-Salter H., Tannoury-Karam S. The League Against Imperialism: Lives and Afterlives. Leiden: Leiden University Press, 2020. 408 p.
- McMeekin S. The Red Millionaire: A Political Biography of Willy Münzenberg, Moscow’s Secret Propaganda Tsar in the West, 1917–1940. New Haven – London: Yale University Press, 2004. 416 p.
- Nogarède A. Les réseaux d’intellectuels de l’Entre-deux-guerres : l’exemple de Willi Münzenberg (1889-1940) // Enquêtes. 2018. № 3. <https://ed188.hypotheses.org/enquetes-3>
- Petersson F (1). Hub of the Anti-Imperialist Movement: The League against Imperialism and Berlin, 1927-1933 // Interventions: International Journal of Postcolonial Studies. 2014. Vol. 16. P. 49–71.
- Petersson, F. In Control of Solidarity? Willi Münzenberg, the Workers’ International Relief and League against Imperialism, 1921–1935 // Comintern Working Paper. 2007. № 8. https://www.academia.edu/437174/In_Control_of_Solidarity_Willi_M%C3%BCnzenberg_the_Workers_International_Relief_and_League_against_Imperialism_1921_1935.

- Petersson (1) F. La Ligue anti-impérialiste: un espace transnational restreint, 1927–1937 // Monde(s). 2016. No 10. P. 129-150
- Petersson F. The Labour and Socialist International and ‘the Colonial Problem’: Mobilisation by Necessity or Force, 1925–1928 // The Internationalisation of the Labour Question Ideological Antagonism, Workers’ Movements and the ILO since 1919. Palgrave Macmillan. 2020. P. 119-144.
- Petersson F (2). Subversive Articulations of Change? The League against Imperialism and the League of Nations // Subversive Networks: Agents of Change in International Organizations, 1920-1960. "Subaltern Diplomacy". Cluster Asia, Europe, Un-ty of Heidelberg, 2014: https://www.academia.edu/9721403/Subversive_Articulations_of_Change_The_League_against_Imperialism_and_the_League_of_Nations_Heidelberg_University%20Cluster_of_Excellence_December_2014_ (accessed: 25.02.2024).
- Petersson F (2). Willi Münzenberg, la Ligue contre l’Impérialisme et le Comintern: entretien avec Fredrik Petersson [Electronic Recourse] // Période. 24 novembre 2016. URL: <http://revueperiode.net/willi-munzenberg-la-ligue-contre-limperalisme-et-le-comintern-entretien-avec-fredrik-petersson/> (accessed:13.02.2024).
- Petersson F. “We Are Neither Visionaries nor Utopian Dreamers”. Willi M ünzenberg, the League against Imperialism, and the Comintern, 1925 – 1933. Division for Arts, Education and Theology, History Department, Åbo Akademi University, 2013. 574 p.
- Stutje K. Behind the Banner of Unity: Nationalism and Anticolonialism among Indonesian Students in Europe, 1917-1931. Amsterdam, 2016. [Electronic Recourse]. PhD thesis, University of Amsterdam, 294 p. URL: <http://hdl.handle.net/11245/1.534815>

Беспалова Ксения Андреевна, к.и.н., научный сотрудник, Научно-исследовательский институт русской культуры, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина; ksenia.bespalova@urfu.ru

Formation of Transnational Networks of the Anti-Imperialist League (1927)¹⁰⁹

The article reveals the features of the first year of functioning of the Anti-Imperialist League, formed following the results of the World Anti-Imperialist Congress in Brussels in 1927. Based on the materials of the organization stored in the funds of the Russian State Archive of Socio-Political History, the author identifies three main meetings of the league’s leaders to resolve organizational issues in 1927 (in Amsterdam, Cologne and Brussels). The article highlights important issues that were on the agenda of each meeting, ranging from issues relating to the structure of the new organization to questions about which associations should be included in the Anti-Imperialist League. The author also identified a few problems that the leaders of the organization faced in the first year of its activity and determined that the most intractable problems were those related to the financial support of the headquarters of the Anti-Imperialist League in Berlin and the functioning of the league for organizing national liberation movements in colonial countries. Another problem identified was the creation of league sections in imperialist countries such as Britain and the Netherlands. The article concludes that by the end of the first year of work, the leaders of the Anti-Imperialist League managed to approve a clear structure of the organization, create departments to ensure control over the finances of the league and include associations from the largest countries of Europe, Asia, Africa and America in the ranks of the organization, which allowed transnational connections of the Anti-Imperialist League.

Key words: *Anti-imperialism, anti-colonialism, national liberation movement, W. Munzenberg, Comintern, World Anti-Imperialist Congress*

Ksenia Bespalova, PhD in History, Researcher, Research Institute of Russian Culture, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin; ksenia.bespalova@urfu.ru

¹⁰⁹ The research is sponsored by a grant of the Russian Science Foundation, Grant 23-78-01128 “League Against Imperialism and Colonial Oppression and the Specifics of a Formation of the Transnational Contacts against Colonialism and Imperialism (1927–1937)”.

Д.В. ШМЕЛЕВ

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В СССР НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «LA CROIX» (1920–1930-Е ГОДЫ)

В статье анализируется проблема репрезентации образа СССР во французском католическом общественном мнении. В качестве примера выбрано освещение религиозной политики советской власти газетой «La Croix». Издание является одним из старейших и ведущих среди французской католической прессы. В период между двумя мировыми войнами оно, как правило, следовало в русле стратегии Ватикана, отстаивая традиционные моральные и этические ценности, выступая против коммунизма и тоталитаризма в любой форме, поддерживая политику папы в отношении Советской России. Редакционная позиция, журналистские материалы, подборка фактов призваны были показать читателям политические, социальные, экономические и культурные процессы, происходившие в Советской России. Пристальное и критическое внимание уделялось религиозной политике советской власти, которая освещалась в контексте вопросов преследования верующих и Церкви, воспитания и образования, падения нравов и морального упадка вследствие господства атеизма и материализма. Для этого использовались разного вида жанры – от простых информационных заметок до развернутых журналистских расследований. Несмотря на то, что журналисты газеты никогда не были в СССР, они формировали католическое общественное мнение по данным вопросам. Их статьи создавали определенный образ воображаемой советской действительности, который стал неотъемлемой частью общих представлений о Стране Советов на Западе.

Ключевые слова: Франция, католицизм, пресса, «La Croix», СССР, антирелигиозная политика.

Послевоенные годы стали во Франции временем расцвета массовой культуры и изменений в средствах массовой коммуникации, связанных с развитием связи, радио и кинематографа. Внедрение бесплатного начального образования и рост грамотности французов расширили читательскую и зрительскую аудиторию, а демократизация политической жизни поощряла «борьбу мнений». Пресса формировала общественное мнение, задавала тон в политических баталиях, возводила и свергала правительства, оказывала влияние на разные возрастные и социальные группы, фабрикуя соответствующую их запросам продукцию. Законы рынка вынуждали редакции изданий постоянно приспосабливаться к читательским интересам и вкусам, держать их в напряжении, придумывая новые жанры и рубрики.

Особое место в межвоенной Франции принадлежит католической прессе, которая формировала спектр мнений католиков по самым разным проблемам, оказывала серьезное влияние на политику правительства (в том числе в религиозном вопросе), служила важным источником католической ангажированности в провинции и столице. Одна из крупнейших католических газет – «La Croix» была основана ассумпционистами Эмманюэлем д'Альзоном (d'Alzon) и Франсуа Пикаром (Picard) в июне 1883 г., заняв нишу непримиримого католицизма, но без

явной политической и партийной привязки. Она являлась частью влиятельной издательской группы «Bayard Presse», через фонды которой шло ее финансирование. В 1917 г. редакцию газеты возглавил амбициозный и «современный» Жан Гиро (Guiraud), изменивший редакционную политику и сделавший газету более открытой читателям разных политических точек зрения. С ним и его преемником Л. Меркленом (Merklen) в межвоенный период связан новый подъем издания и ее активное участие во французской общественно-политической жизни¹.

В процессе изучения истории французской прессы (в том числе и католической) как правило встают проблемы характеристики содержания газеты, ее финансов, процедуры рекрутирования корреспондентов и редакционных коллегий, повседневных связей с различными уровнями власти и группами влияния. Не менее значимой является проблема социализации читательской аудитории, ее сопровождение на разных этапах жизни, формирование определенного мнения на долгий период, т.н. «верного круга» читателей газеты или журнала. Между тем, применительно к межвоенному периоду в силу отсутствия регулярных данных и социологических измерений довольно трудно подсчитать тиражи газет и процент их продаж в Париже или в провинции, как и степень воздействия на читательскую аудиторию или востребованность ею того или иного издания или жанра. Редакторские архивы часто плохо сохранились и не опубликованы, вопрос их репрезентативности и доступности остается открытым, тогда как личные архивы или переписка при удачном стечении обстоятельств показывают лишь малую часть реальной картины внутренней жизни издания. Все это создает определенные трудности при исследовании прессы указанного периода².

Газета «La Croix» не является исключением. Это обуславливает скудость информации о внутренней жизни редакции и доступа к архивам, ведет к определенным исследовательским границам в представлении ее истории. Тем не менее, на основании анализа ее содержания, состава редакции и круга журналистов, опубликованных свидетельств возможно воссоздание ее истории и причин ангажированности.

Во Франции имеется ряд обобщающих и важных работ по истории французской прессы, которые дают общее представление о тенденциях и этапах ее развития и в которых история «La Croix» вписана в общий контекст³. Собственно газете посвящена только одна монография И. Питетта и акты коллоквиума, организованного в рамках празднования ее столетия⁴. В этих работах прослежена общая история становления и эволюции газеты, основные дискуссии, связанные с отношением редакции к светскости и религиозному образованию, «делу

¹ Delporte, Blandin, Robinet 2016.

² Jeanneney 1988: 185-198.

³ Bellanger, Godechot, Guiral, Terrou 1972–1976; Barbier, Bertho-Lavenir 1996; Delporte, Blandin, Robinet 2016.

⁴ Pitette 2011; Rémond, Poulat 1988.

Дрейфуса», деятельности «Аксьон франсэз» и др. В нашей стране история газеты не изучалась.

Освещение советской действительности на страницах газеты «La Croix», занимавшее большое место, представляется важным предметом исследования, учитывая общий контекст публикаций, вызванных недавним столетним юбилеем русской революции, и не ослабевающим интересом к событиям тех лет в уже современной России и на постсоветском пространстве. Выбранная для данной статьи тема анализа журналистами газеты религиозной ситуации в СССР является лишь одним из многих сюжетов, касавшихся советской жизни и освещавшихся довольно подробно. В то же время, пропущенная сквозь призму текущей политической и религиозной ситуации в самой Франции, и будучи, несомненно, одной из центральных, она позволяет проследить как менялась позиция католиков, пройдя путь от отрицания революции и осознания «красной угрозы» как цивилизационного вызова христианскому Западу к готовности признать свершившийся факт создания нового общества и вместе работать над преодолением тоталитарной угрозы, исходившей от фашистских режимов. Можно сказать, что газета находилась в общем глобальном тренде репрезентации образа СССР во Франции. Эти страницы истории французского католицизма остаются по большей части малоизвестными для историков, что определяет актуальность и новизну данной тематики.

В «советской теме» редакцией газеты использовались как традиционные методы подачи материалов – например, репортажи, данные информационных агентств, свидетельства очевидцев и литературная публицистика, – так и методы пропаганды (набор штампов и клише), призванные сформировать и закрепить в сознании читателей определенный (по сути, критический или негативный) образ СССР. Журналисты часто пишут о «банкротстве» коммунизма и его неминуемом крахе. Подвергается критике религиозная, семейная и социальная политика советской власти. Но одновременно встречаются и серьезные размышления о природе советской системы. По сути, речь шла о планомерной кампании с многочисленными элементами воздействия и формированием устойчивого восприятия Страны Советов среди католиков.

На страницах газеты «La Croix» репрезентация Советской России приобретала разные формы. Она могла быть конкретной (касаясь оценок текущей политики), абстрактной (все, что происходит в СССР априори плохо), враждебной (недопустимость ущемления религии и веры). По мере появления на страницах «La Croix» советской религиозной тематики определился круг авторов, которые «специализировались» и писали по данной теме. Некоторые из них публиковались под псевдонимами – самый известный из них R.L.C. (Рене Ле Шоллэ⁵), но

⁵ Рене Ле Шоллэ (René Le Cholleux, 1856–1930) – псевдоним французского журналиста и литератора Рене-Альфонса Брисси (René-Alphonse Brissy), инициатора возрождения поэтического общества «Rosati» в 1892 году.

большинство из которых раскрыть не представляется возможным (например, J.M., J., E.D.). Другие писали под своими настоящими именами: например, Эмманюэль Шаптал⁶, Леон Дуадик⁷, Жан Гиро⁸, Леон Мерклен⁹ или Пьер Л'Эрмит¹⁰. Часть материалов публиковалась без подписи, от лица редакции или в виде кратких информационных сообщений, несущих по большей части лишь простую констатацию того или иного события или факта, а некоторые и вовсе были перепечаткой других газет или информационных агентств.

Отношение к революции в России у журналистов газеты прошло быстрый путь от симпатий, вызванных падением царизма, демократическими реформами и шансом для объединения Церквей, к осознанию угрозы, которую несет в себе большевистская диктатура, не только в плане продолжающейся войны, но и ментально, как сила, нацеленная на радикальную трансформацию общества. В глазах корреспондентов газеты, придерживавшихся в тот период определенной доли антисемитизма, большевизм выступал как новое воплощение «старого мирового франк-масонства» и «еврейства». Крещенный в России, он, однако, тщательно маскируется и существует в латентном состоянии везде, «готовый размножиться по мере того, как возникнут благоприятные обстоятельства», как «новая форма ненависти» против всякой власти и особенно Церкви. Но «в настоящее время большевизм и христианство – две большие силы, которые спорят между собой о мире». Подчеркивая антирелигиозную и антицерковную сущность большевизма, отмечая начавшееся преследование Церкви в России, газета называет происшедшее «страницей Апокалипсиса»¹¹.

⁶ Эмманюэль Шаптал (1861–1943) – прелат, титулярный епископ Исинды, вспомогательный епископ (évêque auxiliaire) Парижа с 1922 года, один из проводников политики благотворительности среди русской религиозной эмиграции и беженцев («Французский союз помощи русским»), приверженец социального католицизма.

⁷ Леон Дуадик (Léon Douadicq) – аббат, журналист «La Croix».

⁸ Жан Гиро (Jean Guiraud, 1866–1953) – историк и журналист, преподавал в университете Безансона историю античности и средних веков, главный редактор «La Croix» в 1917–1939 годах.

⁹ Леон Мерклен (Léon Merklen, 1875–1949) – главный редактор «La Croix» в 1928–1949 гг. В первые годы сотрудничества его довольно плохо приняли в редакции и держали на вторых ролях, о чем свидетельствует редкость появления его публикаций на страницах газеты. С течением времени ему удалось отстранить некоторых журналистов и изменить редакционную линию, которая стала более консервативной и традиционалистской. Был сторонником франко-германского сближения и более сдержанной линии в отношении политики правых партий в годы III Республики (например, Р. Пуанкаре и А. Бриана), поддержал Мюнхенское соглашение. В годы Оккупации сумел добиться при поддержке церковной иерархии продолжения издания газеты, но не избежал впоследствии обвинений в связях с режимом Виши.

¹⁰ Пьер Л'Эрмит (Pierre L'Ermit, 1863–1969) – псевдоним Эдмона Лутилиа (Edmond Loutil), приходского священника, писателя (напр., роман «Большая подруга», удостоенный премии Монтюна), журналиста и секретаря редакции «La Croix» (с 1891 г.).

¹¹ L'Hermitte 1920: 1.

В целом большевистская революция в России была представлена в «La Croix» как антирелигиозное и антицерковное дело, противоречащее духовным и нравственным традициям русского народа. Но критический анализ религиозной ситуации соседствует с поддержкой инициатив, предпринятых папой Бенедиктом XV в отношении России. Главный лейтмотив был следующим: если война сблизила Россию с Западом, то революция дает шанс сблизиться католицизму и православию, причем не обязательно дипломатическим путем, а через «контакт народа с народом»¹². По мере вырисовывания папской стратегии позиция газеты становится более требовательной: «Русской православной церкви нужно сделать только одно: осуществить свое возвращение в Римскую католическую церковь, от которой она отделена лишь тонкой нитью»¹³. В начале 1920-х гг. Ватикан, ссылаясь на провозглашенную большевиками свободу вероисповедания, на деле предпринял попытки добиться от советских властей заключения конкордата в обмен на международное признание и гарантию прав католиков в России¹⁴. В течение нескольких лет шли переговоры, информация о которых периодически публиковалась газетой. В это же время Ватикан оказал помощь в преодолении голода в России, одновременно санкционировав с подачи М. д'Эрбиньи тайную реорганизацию структур Католической церкви в России¹⁵. Такая ситуация нашла отражения на страницах газеты и в редакционных материалах.

Первоначально редакция «La Croix» разделяла иллюзию Святого Престола относительно открывшихся возможностей для католицизма в России в связи с утратой Православием господствующего положения, провозглашением свободы совести и введением антиклерикального законодательства. Один из влиятельных иерархов французского католицизма, Э. Шапгаль писал, что в религиозной ситуации в России сложился «благоприятный момент», несмотря на преследование церквей. Однако при этом он выразил осторожность и скептицизм относительно скорой реализации целей папы: «послание Святого Престола русской церкви или ее патриарху, заключенному в тюрьму, не будет передано». Он призвал к поддержке верующих в России, не признавать советское правительство и усилить роль Рима в религиозном беспорядке, воцарившемся на востоке Европы вследствие революции и войны¹⁶.

Такая же позиция редакции газеты прослеживается в серии ее публикаций начала 1920-х гг., посвященных религиозной проблематике. В июне 1922 года «La Croix» публикует свидетельство бывшего члена французской военной миссии в России и Сибири Франсуа Пари под названием «Христианство и большевизм», где в негативном ключе

¹² Battifol 1917: 5.

¹³ E.D. 1918: 6.

¹⁴ Chenaux 2009: 31–32.

¹⁵ Подробнее см.: Pettinaroli 2015.

¹⁶ Mgr Emmanuel Chaptal 1922: 3.

представлены итоги большевистских преобразований (в том числе в религиозной и моральной сфере), а сам большевизм трактуется как «конец нормальной жизни целого народа»¹⁷. В таком же негативном аспекте, приправленным антисемитизмом, Р. Ле Шоллэ комментирует доклад о Л. Жювена «Еврейская республика Советов», опубликованного в официальном церковном издании «*La Documentation catholique*» и содержащего много отсылок на специальное изучение ситуации в России, предпринятого американскими участниками благотворительных миссий во время борьбы с голодом. Акценты расставлены довольно четко, чтобы вызвать отрицательную реакцию читателя: повсюду в руководстве большевиков доминируют евреи, красная звезда есть звезда Давида, большевики выступают против православия, отделив школу от церкви, запретив религиозное образование, подчинив культовые и религиозные организации общему светскому праву, Россия оказалась «вне цивилизованного мира»¹⁸.

Однако другая статья, опубликованная под псевдонимом «Католик», от имени «друга из Восточной Европы», отмечает новые аспекты сложившейся ситуации. По словам ее автора, вследствие большевистской стратегии возникает возможность союза автократии и православия за счет создания «красной церкви» и отказа от желаемой на Западе универсализации церквей. Ватикан, по мнению автора статьи, мог бы действовать католическому обновлению в СССР и получить поддержку власти, до этого игнорировавшей «католическую истину»¹⁹. Поэтому газета внимательно следила за судьбой католиков в России, пытаясь найти доказательства своей правоты, попутно негативно реагируя на процесс над архиепископом Цепляком и Буткевичем, называя его «пародийным», «политическим митингом», призывая к международной реакции и формируя мнение католиков о невиновности обвиняемых²⁰.

По мере разочарования со стороны католической иерархии в возможности сотрудничества с новой властью риторика «*La Croix*» начинает ужесточаться. Религиозная политика Советов предстает как «средство почти полного уничтожения духовенства», делается акцент на ее «гонительный характер» в отношении католицизма и на проблему отправления веры двух миллионов католиков, оказавшихся под властью большевиков²¹. Учитывая агрессивный размах и глубину развернувшейся антирелигиозной пропаганды в СССР, журналист газеты Леон Дуадик писал, что она уже принесла свои плоды, хотя еще и не проник-

¹⁷ Paris 1922.

¹⁸ Le Cholleux 1922: 1.

¹⁹ Un catholique 1922: 4.

²⁰ Например: Mgr Cieplak... 1923: 4; Le Cholleux 1923: 1. Речь идет о процессе, проходившем 21-26 марта 1923 г., над Я. Цепляком, К. Буткевичем, Л. Федоровым и еще 12 священниками, обвиненных в контрреволюционной деятельности и шпионаже, вызвавшим международный резонанс.

²¹ Le Cholleux 1925: 1.

ла в самые глубины русского народа. По его словам, «начинается новая война, война научная, исход которой никто не может предвидеть»²².

Учитывая неопределенность религиозной ситуации в СССР, отношений между православием и католицизмом в Европе, редакция «La Stoix» пыталась балансировать. Примером может служить реакция газеты на полемику в русской эмигрантской прессе, развернувшуюся в связи с действиями Католической церкви по обращению русских эмигрантов в католицизм, реакция, осуждающая зарвавшихся политиков с обеих сторон и поддерживающая простых эмигрантов, оказавшихся в трудном положении. Один из авторов газеты писал: «Нищенское положение и скитания русских эмигрантов делают их вдвойне святыми и требуют очень большой деликатности в оказываемой им помощи. Истинная слава для нашей Церкви – не увеличить число своих верующих сомнительными обращениями, а делать благо всем, даже тем, кто оправданно предвзято настроен против нее. Не забываем также, что русские газеты выражают мнения не эмигрантов, а политиков... Сама по себе эмиграция остается безгласной, потому что она без денег. (...) Подлинная эмигрантская Россия, безмолвная и страдальческая, находится в тяжелом положении. Мы должны ее любить»²³.

Усиление антирелигиозной борьбы в СССР в середине 1920-х годов стимулировало поток «разоблачающих» материалов. Однако в этот период в них проявляется большая структурированность и глубина. Во-первых, на страницах газеты можно видеть анализ советского антирелигиозного законодательства. Во-вторых, последовательной критике подвергается деятельность «Союза безбожников» как главной структуры, ведущей воинствующую антирелигиозную борьбу. Три пункта антирелигиозной кампании в СССР в центре внимания журналистов «La Stoix»: отчетливо выраженная антирелигиозная позиция советской власти, «интеллектуальное и моральное разращение молодежи», сосредоточенность на борьбе против Католической церкви и Святого Престола. По мнению газеты, именно в апреле 1929 года были приняты ключевые декреты, начавшие «смертельную войну против религии», в том числе в плане пропаганды. Газета отмечает нападки на кардинала Дюбуа²⁴ в советской прессе, который был объявлен «прибежищем милитаристских сил», на папу, который «становится главой итальянского фашизма и европейского милитаризма», на деятельность папской коллегии «Руссикум», «представленной как логово белых офицеров». Однако дей-

²² Douadicq 1925: 4. Статья представляет собой реакцию на выход брошюры И.И. Скворцова-Степанова *Задачи и методы антирелигиозной пропаганды* (М., 1923), что свидетельствует о внимательном изучении религиозной политики большевиков.

²³ J. 1925: 4.

²⁴ Луи-Эрнест Дюбуа (1856–1929) – кардинал и архиепископ Парижа (с 1920 г.), играл важную роль в налаживании контактов Католической церкви и республиканских властей во Франции после принятия антиклерикального законодательства, участник конклава по выбору папы Пия XI (1922).

ственных рецептов борьбы с такой пропаганды явлено не было, и редакция ограничивалась, как правило, простыми обвинениями²⁵.

1930 год знаменует поворот в политике Ватикана в отношении Советской России. К этому моменту стала очевидной исчерпанность проекта объединения церквей, на что делал ставку Пий XI. Окончательный провал переговоров по заключению конкордата с советским правительством, а также жесткая антирелигиозная политика в СССР стали поводом к новому противостоянию. 2 февраля 1930 г. папа пишет письмо «*Ci sottoviamo*» кардиналу-викарию Рима Б. Помпили (опубликовано 9 февраля), где дает сигнал к контраступлению в защиту «божественных прав, жестоко ущемляемых в России». В этом послании папа объявил о совершении 19 марта в соборе Святого Петра молебна о спасении Русской церкви и призывал всех христиан мира присоединиться к этому молитвенному прошению²⁶.

С начала 1930-х годов в рамках папского «крестового похода молитв» против коммунизма «*La Croix*» усилила свою критику советской религиозной политики, делая упор на продолжение и ужесточение преследований, отмечая, что «церкви становятся кружками атеистов», указывая на изъятие золота и ценностей у верующих и храмов, отождествляя действия большевиков с политикой римского императора Юлиана Отступника, попытавшегося вернуть язычество и безрезультатно преследовавшего христианство²⁷. Газета полностью поддержала папскую кампанию и выступила с критикой ответных высказываний в прессе советских руководителей, отрицающих, по ее мнению, очевидное. Неприятие советской антирелигиозной политики демонстрировалось в контексте массового возмущения католиков против эксцессов антиклерикализма. С удовлетворением отмечались первые успехи «крестового похода», подчеркивался тот факт, что «слово папы» получило значительный отклик среди верующих и церквей²⁸.

С февраля 1930 года после опубликования послания папы рубрика о «религиозных преследованиях» в СССР становится на долгие месяцы постоянной в газете, а материалы по данной тематике неизменно присутствуют на первой или второй полосах, что подчеркивало важность темы. Журналисты «*La Croix*», поддерживая папскую пропаганду и ее инициативы, стремились преувеличить масштаб международных протестов, создавая иллюзию мощного фронта, описывая молитвенные церемонии французских кардиналов и архиепископов, манифестации верующих. В то же время они критиковали позицию Православной

²⁵ Sienne 1929: 3. Данная статья появилась как реакция на серию пресс-конференций, данных М. д'Эрбиньи, на которых был представлен анализ антирелигиозной политики советского правительства.

²⁶ Pettinaroli 2015.

²⁷ En Russie soviétique. 1930: 1.

²⁸ Le Pape stigmatise... 1930: 1; Les Soviets et le monde civilisé. 1930: 1; Les protestations... 1930: 1.

церкви или «обновленцев», которые были вынуждены пойти на сотрудничество с советской властью и делать антипапские заявления, тем самым поддерживая мероприятия и стратегию «безбожников». Частыми сюжетами в газете стали заметки по религиозным праздникам в Советской России, например по проведению «красной Пасхи» и запрете праздновать традиционную (православную или католическую) Пасху. Редакция «La Croix» констатировала: «Тон, взятый советской прессой в отношении папы и оскорбления, которые она делает в его адрес, достаточны для того, чтобы подчеркнуть, насколько Пий XI прав в своем протесте, повлекшем за собой движение осуждения»²⁹.

Повышая тональность полемики, редакция показывала непреклонность большевистского атеизма. Редактор газеты Л. Мерклен писал: «Вот уже двенадцать лет как Россия агонизирует под жестким господством большевистских тиранов, двенадцать лет как Советы объявили себя атеистами и умножили атаки против служителей церкви, верующих, религиозных верований, христианских или нехристианских конфессий, не важно сектанты они или нет, осуществляя все более насильственные, упорные, одиозные акты гонений, включая разращение молодежи в ее чистоте и вере...». По его словам, ошибкой было бы считать, что со временем большевики отступят. Год назад антирелигиозная кампания «началась ожесточеннее, чем когда-либо» как в прессе и пропаганде, так и в плане разрушения церквей, запрета культов, шантажа, арестов. Использование «дьявольских приемов» должно было отвратить людей от религии. Поэтому «для большевистского правительства речь идет о методичной борьбе против любой формы религиозных верований». Естественно, верующие защищаются, и как пишет советская пресса, на одного атеиста приходится сотня «врагов»³⁰.

Также газетой приводились параллели с французской историей. Например, Ж. Гиро писал о «гнусных сценах», которые были во Франции в период революции и «повторяются сегодня в России»: «осквернение и разрушение церквей, кощунственные маскарады со священными сосудами и литургическими украшениями, официальные выступления, провозглашающие отмену всех религий и громоздящие против них самые отвратительные богохульства». В СССР героями провозглашают тех, кто послужил образцом для власти, их именами называют улицы, они вписываются в школьные учебники вместо святых³¹.

²⁹ La persécution religieuse... 1930: 1; см. также: L'intenable vie en Russie. 1930: 1; Les persécutions religieuses... 1930: 2; Pour réparer... 1930: 1; Les Soviets contre la fête... 1930: 1, 2; L'insuccès de la campagne... 1930: 1 (в этом номере с удовлетворением отмечается, что несмотря на пропаганду и преследования «день Пасхи в этом году праздновался с особой торжественностью»), что «все церкви, которые не находились в руках правительства и “безбожников”, были переполнены верующими и окружены бесчисленной толпой, а те, кто не смогли туда проникнуть, оставались рядом со свечами в руках»).

³⁰ Merklen 1930: 1.

³¹ Guiraud 1931: 1.

Однако с завершением «крестового похода молитв» и снижением интереса к какой-либо договоренности с СССР со стороны Ватикана, теряет актуальность и непримиримая позиция редакции «La Croix», которая начинает признавать определенный успех антирелигиозной политики в СССР среди населения. По мнению J.M., самым главным стало создание работающей системы, начиная со школы и вплоть до армии и профессиональной деятельности. Она включала антирелигиозное воспитание в школе, запрет «закона Божиего», «учебники по антирелигиозной истории», иллюстративный материал. По его словам, ребенок заранее обречен вступить в какую-либо антирелигиозную организацию, например в «красные пионеры». Кроме того, «существуют специальные курсы антирелигиозного образования, цель которых обучить учителей технике атеистического воспитания»³². «La Croix» констатирует также наличие определенного статуса православного духовенства внутри советского общества. Формально в СССР действовали свобода культов и вероисповедания, и Православная церковь на этом основании получила легальный статус, повернувшись к конформизму с большевиками. Были вновь открыты несколько исторических церквей. Но деструктивные действия в отношении религии со стороны власти по инерции продолжались. Многие церкви были превращены в музеи или стали «местом активной антирелигиозной пропаганды». Оставляло желать лучшего материальное благосостояние духовенства: «положение духовенства остается нестабильным», «попы ведут нищенское существование», подобное безработным, «самой презираемой в Советской России», имеют слабые контакты с молодежью, «никакого церемониала, никакой помпы». Но даже в таком угнетенном состоянии по-прежнему проскальзывала надежда, что в русском народе сохранился мистицизм, которому большевизм придал новое дыхание, что вера не исчезла в России³³. Поэтому, несмотря на обличение антирелигиозной сущности советского режима газета «La Croix» все же не оставляла надежду на неудачу безбожного эксперимента. По словам аббата Робера Пикар де Ля Вакери, посетившего Ленинград в начале 1930-х гг., и чьи впечатления были опубликованы газетой, «русский народ остается глубоко религиозным», и несмотря на смену культов, настоящая («очень человеческая») религия остается в его глубинах³⁴.

Подтверждением этого мнения, стала реакция «La Croix» на принятие новой советской конституции в 1936 г. С одной стороны, газета обращала внимание на продолжение преследования верующих и их отстранение от избирательной кампании в декабре 1937 г., но с другой,

³² J.M. 1934: 4.

³³ De Saint-Chamant 1935: 3.

³⁴ Léningrad. Impressions... 1933. Робер Пикар де Ла Валери (1893–1969) – влиятельный иерарх Католической церкви; в изучаемый период служил в диоцезе Парижа, в 1951–1963 гг. – епископ Орлеана, покровитель Спортивной федерации Франции, участник работы II Ватиканского собора.

указывала, что продолжающиеся гонения свидетельствуют о бессилии большевиков победить религию и веру русских людей: «Беспокойство сторонников Сталина показывает, что религиозное чувство в России остается живым и двадцать лет безбожной пропаганды, преследований, террора не достигли своей цели». Религиозные настроения остаются глубокими, даже в партийной и комсомольской среде (церковный брак, крещение детей и т.п.)³⁵.

Однако, несмотря на сочувствие, проявляемое к духовной трагедии русского народа и православному духовенству, католиков из «La Stoix» заботит прежде всего влияние и место католицизма в мире, защита дела Римской церкви. В этом контексте русская революция вписывалась в длительный исторический контекст борьбы светского и религиозного начал, противостояния православия и католицизма, в котором всплеск антирелигиозной борьбы в СССР лишь эпизод. Ренессанс, реформация, Французская и русская революции – это исторические враги Римской церкви. «Без сомнения, – писал Л. Мерклен, – коммунистические руководители, как и неверующие буржуа XIX века, являются сторонниками материализма». Но материализм, отвергающий Бога и Откровение, является «наукой», враждебной вере, а его миссия «состоит в утверждении новой концепции и организации мира». Поэтому советский марксизм и материализм враждебен религиозной, моральной и гуманистической концепции человеческой жизни, поскольку привержен «универсальному механицизму». Долг любого человека бороться с этим «смертельным врагом», чтобы сберечь свой идеал и спасти христианскую цивилизацию³⁶. «Христианский порядок, о котором мы мечтаем, – отмечал Мерклен, – это новый порядок, провиденциальный порядок, предусмотренный и подготовленный Богом»³⁷, который придет на смену атеистическому материализму и заблуждениям людей. Мерклен, назвавший коммунизм «социальной угрозой», «ошибкой» и «моральным беспорядком», призвал противопоставить ему социальную доктрину Церкви («одно тело, одно сердце, одна душа») ³⁸.

Большинство текстов, представленных на страницах газеты «La Stoix», несли определенный идеологический заряд для ее читателей в Париже и провинции, призванный оградить их от «красной угрозы» и показать всю ее серьезность и опасность для веры. Освещение антирелигиозной политики советской власти вписывалось в общий контекст настроений среди католиков тех лет, пройдя путь от простого ее определения в духе «сатанинского дела» до более глубокого и основательного анализа. Во многом оно коррелировалось с этапами русской стратегии Ватикана по заключению конкордата, политическими циклами в

³⁵ En Russie soviétique. 1938: 6.

³⁶ Merklen 1937(a): 1-2.

³⁷ Merklen 1936: 1.

³⁸ Merklen 1937(b): 1-2.

самой Франции, дискуссиями в интеллектуальной и эмигрантской среде. Вместе с тем, на основании газетных публикаций можно утверждать о наличии у редакции «La Croix» собственной точки зрения по проблеме помимо трансляции официальной позиции церковных властей (например, в вопросе отношений с русской религиозной эмиграцией).

Описывая религиозную ситуацию в России, журналисты «La Croix» стремились не только показать негативные последствия государственного атеизма, секуляризма и преследования церкви, но и проникнуть в суть новой выстраиваемой системы, которая постепенно охватила все социо-профессиональные и возрастные категории. Поэтому, с одной стороны, антирелигиозная политика в России ассоциировалась у них с разрушением основ многовековой цивилизации, гонениями на религию и веру вообще, моральной и нравственной деградацией населения, разгулом террора и насилия, нищетой и социально-экономической катастрофой. Но, с другой стороны, журналисты понимали, что рождается новое общество, преодолевающее путем разрыва с прошлым последствия войны и революции, проводящее смелые социальные эксперименты, приверженное цельной коммунистической системе ценностей и идеологии. Будучи одной из центральных католических газет, «La Croix» в межвоенный период внесла свой вклад в формирование образа Советской России на Западе, в чем-то следуя устоявшимся клише и стереотипам, но в то же время пытаясь с позиций думающего католицизма осмыслить ход русской истории, разворачивающийся у нее на глазах.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Barbier F., Bertho-Lavenir C. Histoire des médias, de Diderot à l'Internet. P.: Armand Colin, 1996. 352 p.
- Battifol P. L'orthodoxie russe et nous // La Croix. 1917. 24 mars. P. 5.
- Bellanger Cl., Godechot J., Guiral P., Terrou F.(dir.) Histoire générale de la presse française. Vols. 1-3. P.: PUF, 1972–1976.
- Chenau Ph. L'Eglise catholique et le communisme en Europe (1917–1989). De Lénine à Jean-Paul II. P.: Cerf, 2009. 383 p.
- Delporte Ch., Blandin C., Robinet F. Histoire de la presse en France. XXe – XXIe siècles. P.: Armand Colin, 2016. 352 p.
- De Saint-Chamant J. Le spiritualisme en Russie // La Croix. 10 avril. 1935. P. 3.
- Douadicq L. Dans la Russie soviétique // La Croix. 1925. 1er septembre. P. 4.
- E.D. L'avenir de l'Eglise orthodoxe russe // La Croix. 1918. 28 mai. P. 6.
- En Russie soviétique // La Croix. 1930. 25 janvier. P. 1.
- En Russie soviétique // La Croix. 1938. 27 février. P. 6.
- Guiraud J. La Révolution des Soviets... et la nôtre // La Croix. 1931. 3 juin. P. 1.
- J. La presse russe de Paris et les catholiques // La Croix. 1925. 24 novembre. P. 4.
- J.M. Les "sans-Dieu" et la jeunesse en Russie // La Croix. 1934. 6 décembre. P. 4.
- Jeanneney J.-N. Les médias // Rémond R. (dir.) Pour une histoire politique. P.: Seuil, 1988. P. 185–198.
- L'Hermite P. Tout mais pas Russie!.. // La Croix. 1920. 30 mai. P. 1.
- La persécution religieuse en Russie // La Croix. 1930. 23 février. P. 1.
- Le Cholleux R. La question religieuse en Russie // La Croix. 1922. 21 septembre. P. 1.
- Le Cholleux R. L'énigme russe // La Croix. 1923. 19 avril. P. 1.
- Le Cholleux R. La religion catholique en Russie soviétique // La Croix. 1925. 23 mai. P. 1.
- Le Pape stigmatisé les scélératesses de la persécution en Russie // La Croix. 1930. 9 février. P. 1.
- Léninegrad. Impressions par l'abbé Picard de La Vacquerie // La Croix. 1933. 9 novembre. P. 1–2; 10 novembre. P. 1–2; 11 novembre. P. 1–2.

- Les persécutions religieuses en Russie // La Croix. 1930. 21 février. P. 2.
 Les protestations contre les persécutions religieuses en Russie // La Croix. 1930. 14 février. P. 1.
 Les Soviets et le monde civilisé // La Croix. 1930. 12 février. P. 1.
 Les Soviets contre la fête de Pâques // La Croix. 1930. 18 avril. P. 1, 2.
 L'intenable vie en Russie // La Croix. 1930. 18 février. P. 1.
 L'insuccès de la campagne soviétique contre la fête de Pâques // La Croix. 1930. 4 mai. P. 1.
 Merklen L. La guerre antireligieuse en Russie soviétique // La Croix. 1930. 12 juin. P. 1.
 Merklen L. Pourquoi la guerre, pourquoi le communisme, pourquoi la déchristianisation de régions entières ? // La Croix. 1936. 19 novembre. P. 1.
 Merklen L. La lutte contre la religion reste l'article principal du programme soviétique // La Croix. 1937(a). 18 février. P. 1–2.
 Merklen L. Comment triompher du communisme? // La Croix. 1937(b). 25 février. P. 1–2.
 Mgr Emmanuel Chaptal Le Saint-Siège et la religion en Russie // La Croix. 1922. 4 juin. P. 3.
 Mgr Cieplak devant le tribunal de Moscou // La Croix. 1923. 27 mars. P. 4.
 Paris F. Christianisme et bolchevisme // La Croix. 1922. 14 juin. P. 4; 16 juin. P. 3; 17 juin. P. 3.
 Pettinaroli L. La politique russe du Saint-Siège (1905–1939). Rome: Publications de l'École française de Rome, 2015. 937 p.
 Pitette Y. La Croix. Biographie d'un journal. P.: Perrin, 2011. 290 p.
 Pour réparer les sacrilèges de la persécution en Russie // La Croix. 1930. 21 mars. P. 1.
 Rémond R., Poulat, E. (dir.) Cent ans d'histoire de «La Croix» (1883–1983). P.: Le Centurion, 1988. 471 p.
 Siemen B. Le «front antireligieux» dans la Russie soviétique depuis le mois d'avril 1929 // La Croix. 1929. 5 décembre. P. 3.
 Un catholique La question religieuse en Russie et le catholicisme // La Croix. 1922. 12 octobre. P. 4.

Шмелев Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, профессор, Казанский федеральный университет; dmitryShmelev@mail.ru

The Religious Situation in the USSR on the Pages “La Croix” Newspapers (1920s-1930s)

The article analyzes the problem of representation of the image of the USSR in the French Catholic public opinion. As an example, the coverage of the religious policy of the Soviet government by the newspaper “La Croix” is chosen. The publication is one of the oldest and leading among the French Catholic press. In the period between the two world wars, it, as a rule, followed in line with the strategy of the Vatican, defending traditional moral and ethical values, opposing communism and totalitarianism in any form, supporting the pope's policy towards Soviet Russia. The editorial position, journalistic materials, and a selection of facts were intended to show readers the political, social, economic, and cultural processes that took place in Soviet Russia. Close and critical attention was paid to the religious policy of the Soviet government, which was highlighted in the context of the persecution of believers and the Church, upbringing and education, the decline of morals and moral decline due to the state of atheism and materialism. For this purpose, various genres were used – from simple informational notes to detailed journalistic investigations. Despite the fact that the newspaper's journalists had never been to the USSR, they formed Catholic public opinion on these issues. Their articles created a certain image of the perceived Soviet reality, which became an integral part of the general ideas about the Soviet Country in the West.

Key words: *France, Catholicism, the press, “La Croix”, USSR, antireligious politics.*

Shmelev Dmitry, Doctor of Science (History), professor, Kazan Federal University; dmitryShmelev@mail.ru

Д.Б. ВЕРШИННИНА, А.В. САДИЛОВА

СОЮЗ, СОТРУДНИЧЕСТВО, СООБЩЕСТВЕННОСТЬ МАРКЕРЫ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ

К юбилею Любови Александровны Фадеевой

В статье анализируются научные интересы известного англоведа, затем политолога и многолетнего руководителя пермской политологической школы Любови Александровны Фадеевой. Авторы прослеживают, как в научных изысканиях Л.А. Фадеевой проявляется влияние пермских профессоров-историков, прежде всего ее учителя Л.Е. Кертмана, последователем которого она является. Показано, как и почему произошел переход Л.А. Фадеевой от исторических к политическим исследованиям, какую роль она сыграла в становлении и развитии кафедры политических наук Пермского университета, как под ее влиянием кристаллизовались ключевые направления исследований пермских политологов, действовавших на острие политической науки в тесных контактах с политологами России и зарубежья. Обращая внимания на индивидуальные и коллективные проекты Л.А. Фадеевой, авторы показывают ее верность «союзу истории и политологии», научным традициям, заложенным преподавателями исторического факультета Пермского университета и ставшим также основой деятельности учеников Л.А. Фадеевой. Маркерами научной школы, созданной профессором Фадеевой, авторы считают союз, сотрудничество и общность.

Ключевые слова: *научная школа, история, политология, Пермский государственный университет, Л.А. Фадеева, интеллигенция, идентичность.*

Создание в Пермском государственном университете кафедры политических наук в 1998 г. стало результатом развития нового для исторического факультета направления “Политология”, а ее основу составили преподаватели университета, по образованию историки. Заведующим кафедрой стала Любовь Александровна Фадеева, доктор исторических наук, на тот момент известный англовед¹, которая сумела обеспечить “союз истории и политологии” в учебном процессе, научном творчестве и проектной деятельности.

Призвание историка

Л.А. Фадеева называет своим учителем блистательного ученого Льва Ефимовича Кертмана, заведующего кафедрой всеобщей истории около 40 лет. Л.А. Фадеева продолжает сохранять память об Учителе в своих научных публикациях². А в 2017 г., в честь 100-летия со дня рождения Льва Ефимовича, именно Любовь Александровна оказалась инициатором разнообразных юбилейных событий и, в частности, стала со-редактором сборника, посвященного памяти выдающегося исследователя «Лев Кертман: творческая палитра»³. Во многих своих публикациях Фадеева отмечает значительную роль Кертмана в своем становлении как историка: «Кафедра новой и новейшей истории Пермского государ-

¹ Фадеева 1998а; 1998б; 1999.

² Фадеева, Вершинина 2008; 2012.

³ Лев Кертман 2018.

ственного университета представлялась нам, студентам 1970-х годов, оазисом свободы, свободомыслия и свободолюбия. Масштаб личности Льва Ефимовича был очевиден даже самым непонятливым»⁴.

Закончив в 1981 г. исторический факультет Пермского университета, Любовь Александровна вскоре поступила в заочную аспирантуру, а в 1988 г. защитила кандидатскую диссертацию «Социально-психологические сдвиги в рабочем классе и эволюция лейбористской партии Великобритании (1945–1951)»⁵. Обращение к этой теме органично проистекало из исследовательской тематики кафедры, возглавляемой Львом Ефимовичем⁶. Как писал профессор Кертман, «кафедра всеобщей истории Пермского университета приступила к исследованию проблем английского рабочего движения в начале 1950-х годов, причем в сферу интересов ее коллектива входит период с конца XIX века до наших дней»⁷.

В исследованиях представителей пермской исторической школы, был виден интерес к истории идей – тому, что уже после смерти родоначальника школы англоведения Кертмана (а она произойдет в драматичный для Любви Александровны момент подготовки к защите) получит название “интеллектуальная история”. Защитив диссертацию через полгода после смерти Кертмана (фамилия научного руководителя в тексте диссертации заключена в траурную рамку), Любовь Александровна на всю дальнейшую творческую жизнь сохранит интерес к истории и современности циркулирования идей, а дни 1 сентября (день рождения Учителя) и 30 ноября (день его смерти) и сегодня являются датами, значимыми в ее жизни. Верность профессиональным “тропинкам”, проторенным Учителем, – это то, что, как кажется, позволяет Л.А. Фадеевой и в рамках политической науки сохранять умение видеть широкий исторический, контекст, а также оперировать историческими, психологическими, социологическими терминами и категориями при анализе актуальных политических (и особенно идентитарных) процессов. К примеру, в статье 2023 г., посвященной современной Украине, Л.А. Фадеева использует такое пришедшее из социальной психологии понятие, как “социальный хронотоп”⁸, а в работе «Политика памяти и идентичности в Европейском союзе: сопряженные понятия, рассогласованные практики» автор обращается к историческим нарративам в европейских странах, соединяя политологический подход к исследованиям идентичности и взгляд историка в рамках *memory studies*).

Повороту к политической науке предшествовал долгий путь в науке исторической. Знакомство с ведущим сотрудником Института мировой экономики и международных отношений РАН В.В. Песчан-

⁴ Фадеева Л. Фактор Кертмана // Новый компаньон. 2017. 8 сентября. Режим доступа: <https://www.newsco.ru/articles/nk-4232880.html>.

⁵ Фадеева 1988.

⁶ Фадеева 1986.

⁷ Кертман 1968: 82.

⁸ Фадеева 2023.

ским, которого рекомендовал Фадеевой еще Кертман, сыграло решающую роль в развороте ее исследовательских интересов: именно он предложил молодому историку “обратиться к истории британской интеллигенции, интеллектуалов, профессионального класса”⁹, и с осени 1988 г. Л.А. Фадеева начала работать над этой темой. В 1995 г. свет увидела ее монография “Очерки истории британской интеллигенции”¹⁰, а через год в УрГУ (ныне – УрФУ) Любовь Александровна защитила докторскую диссертацию «“Образованный класс” викторианской Англии как социально-профессиональный феномен».

Сравнительно-ориентированный профессиональный интерес

Обращение к проблематике истории британской интеллигенции неизбежно привело к сравнительному анализу с интеллигенцией российской: начиная с периода перестройки дискуссии о том, кто такие российские интеллигенты и какую роль они играют в истории страны, не утихают. Неслучайно во всех публикациях по проблематике интеллигенции и интеллектуалов Л.А. Фадеева обращается к размышлениям отечественных и зарубежных исследователей по поводу того, насколько интеллектуалы могут влиять на модернизацию принципов, идеалов, ценностей общества в целом¹¹. Она считает принципиально важным создание сравнительно-ориентированной истории интеллигенции и интеллектуалов, следуя призыву таких историков, как Кристоф Шарль, Витторио Страда, Эрик Эгеберг, проводить трудную скрупулезную работу по выявлению как сходства, так и различий.

В рамках многолетнего сотрудничества с Обществом интеллектуальной истории Пермский университет и Институт всеобщей истории РАН в 2007 г. провели в Перми конференцию «Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе», которая была посвящена 90-летию со дня рождения профессора Кертмана. По итогам конференции был издан сборник ее материалов, а затем коллективная монография¹². Многие эти наработки оказались полезны автору и в политологическом поле: она неоднократно отмечала, что сопряжение изучения интеллектуальных сообществ с анализом социальных и культурных систем должно сочетаться с характеристикой политического контекста, политических коллизий, процессов и ситуаций.

Складывание политологической традиции

Союз, сотрудничество, преемственность поколений и верность научной школе отличает складывание пермской политологической традиции. Л.А. Фадеева указывает: «Большинство пермских политологов являются учениками Кертмана и Рахшмира и, что особенно важно, ориентируются на научные достижения и ценностные установки своих учителей. К их числу относятся прежде всего ценность научного знания,

⁹ Фадеева 2017б.

¹⁰ Фадеева 1995.

¹¹ Фадеева 2008б; Фадеева 2012а; Публичные 2011.

¹² Политические 2007; Сообщества 2009.

научного поиска, профессионализм, стремление исследовать действительно значимые для науки проблемы, добросовестность в работе с источниками. Возможно, из этих исторических корней произрастает особое внимание пермских исследователей-политологов к источниковедческой базе и фундированности научных работ»¹³.

Л.Е. Кертман, П.Ю. Рахшмир, А.З. Нюркаева, М.П. Лаптева заложили научный фундамент политологической школы. Заведующему кафедрой приходилось действовать как дипломатичному коммуникатору, стратегу, кризис-менеджеру. Молодой кафедре требовались ресурсы для работы и большие задачи для реализации научных амбиций членов коллектива. Динамику развития кафедры Л.А. Фадеева нашла в выстраивании сети коммуникаций с ведущими учебными и научными центрами. Все строилось первоначально на личном авторитете и доверии, на желании учиться и перенимать лучшие практики, которые были в столичных вузах¹⁴. Так, ресурсным центром кафедры стал факультет политологии МГИМО во главе с А.Ю. Мельвилем. Это позволило соотнести критерии преподавания и исследований, набраться опыта, консультироваться с более опытными коллегами по выстраиванию модели политологического образования в ПГУ, развивать партнерские отношения с МГУ, СПбГУ, Европейским университетом в Санкт-Петербурге, МВШСЭН¹⁵. Кафедра плотно вошла в сеть Российской Ассоциации политической науки, а профессор Фадеева – в ее правление и научный совет, установив сотрудничество с такими авторитетными политологами, как А.И. Соловьев, О.В. Гаман-Голутвина, О.Ю. Малинова, Л.Н. Тимофеева, Л.В. Сморгунов и многими другими. Любовь Александровна считает, что ей «посчастливилось быть вовлеченной» еще в начале научной карьеры в АЕВИС (Ассоциацию европейских исследований), где были приобретены навыки научных дискуссий и определены исследовательские линии в европеистике¹⁶. И, конечно, самое важное в этом – знакомство с Ю.А. Борко, И.М. Бусыгиной, О.В. Буториной, А.А. Громыко.

Общение не сводилось к копированию подходов и метаниям в научной проблематике. Получалось взаимное обогащение, совместное продвижение российской политологии. Как отметил В.Я. Гельман к первому (10-летнему) юбилею кафедры, компоненты ее успеха – знания, ответственное отношение к делу и стремление добиваться большего¹⁷.

Зачем нужны проекты?

Логично, что первые проекты кафедры были по региональным политическим процессам, региональной политической культуре, участию в разработке и реализации таких программ, как «Целевая программа

¹³ Фадеева 2019.

¹⁴ Фадеева 2008а.

¹⁵ Фадеева 2019.

¹⁶ Фадеева 2017а.

¹⁷ Из архива кафедры политических наук ПГНИУ. Сентябрь 2008.

развития политической и правовой культуры населения Пермской области на 2002–2006 гг.», программа «Развитие политической культуры и гражданского образования населения Пермского Края на 2007–2011 гг.», Программа социально-экономического развития Пермского края.

Однако важно было ориентироваться на мировые стандарты политической науки, развивая собственное политологическое знание и аналитический инструментарий. Вот почему в 2003 г. был организован выездной семинар кафедры политических наук в Оксфордский университет, чему способствовали договоры между Оксфордским и Пермским университетами, Пермским краем и графством Оксфордшир¹⁸. Российские и зарубежные коллеги участвовали в мероприятиях кафедры – конференциях, семинарах, а также в ежегодной Ассамблее молодых политологов, которая с 2007 г. стала центром притяжения не только специалистов в политических науках, но и социологов с историками.

Сотрудничество и содружество – то, что отличало стиль молодой кафедры в разных сферах. Важно было наладить проектную деятельность и создать алгоритм подготовки проектов. За 20 лет было реализовано более 20 проектов, таких как «Консолидация локальной демократии и развитие региональной политической культуры: социальные и культурные аспекты», «Политические сообщества в гражданско-политической и научной перспективах», «Борьба за идентичность и новые институты коммуникации», «Европейская идентичность, культурное разнообразие и политические изменения» и многие другие.

Фактически на стыке проблематики сообществ и роли интеллигенции в политических процессах и культуры появилось на кафедре собственное видение феномена идентичности¹⁹. Ярко и с вызовом, что характерно для личности Л.А. Фадеевой, она в 2012 г. выпустила монографию под названием «Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность»²⁰. Книжка затрагивает не только политологические, но и экзистенциальные вопросы обществ прошлого и настоящего, переплетая возможные трактовки ответов на них в объемную категорию борьбы за идентичность. Вероятно, в этот момент произошла научная кристаллизация всего прошлого опыта и научной интуиции автора. Кроме того, это своеобразный ответ на обширный зарубежный опыт, который был приобретен на стажировках, в личном общении с коллегами из зарубежных университетов и фондов, при реализации проектов. В этой работе видны и личность автора, и вкус к исследованиям, и уважение к истории.

Поворот к исследованию идентичности

Тема политических сообществ и наработанный по исследованию интеллектуалов бэкграунд навели Л.А. Фадееву, а с ней и коллектив кафедры, на огромный и крайне перспективный исследовательский

¹⁸ Фадеева 2017б.

¹⁹ Фадеева 2006.

²⁰ Фадеева 2012б.

пласт, «новое золото» политической науки – феномен идентичности. Эта проблематика стала определяющей для научных работ, коллективных публикаций и проектной деятельности кафедры вплоть до настоящего момента²¹.

Безусловно, в этом развороте на проблематику идентичности оказало влияние сотрудничество с коллегами из ИМЭМО – И.С. Семененко, В.В. Лапкиным, В.И. Пантиним, а также из Кубанского государственного университета – Е.М. Морозовой, И.В. Мирошниченко, И.В. Самаркиной. И.С. Семененко определила изучение идентичности как «анализ социокультурных оснований политического процесса». И учеными-политологами был точно прочувствован момент необходимости начала глубокого погружения в связи с политизацией идентичностей, «борьбой за идентичность». Проблематика удачно и своевременно была подхвачена группой исследователей-единомышленников, что сопровождалось бурным обсуждением понятийного аппарата, концептуальных границ, возможностей анализа процессов идентификации. Масштабными результатами научных поисков и исследований идентичности стали энциклопедические издания по идентичности под редакцией члена-корреспондента РАН И.С. Семененко, в которых пермские политологи приняли активное участие²².

Стиль научного руководства

На посту капитана пермской политологической школы Л.А. Фадеевой хватило сил и ресурсов сформировать не одно исследовательское направление, а также поддержать молодых ученых в их приоритетных сферах политического анализа. Возможно, именно допускаемое разнообразие политических исследований позволило добиться того, что среди интересов кафедралов есть практически все топовые темы современной политической науки.

О таланте научного руководства Любови Александровны свидетельствует и красочный веер названий диссертационных исследований аспирантов, а их уже 21! Мусульманские общины в немусульманской среде, РПЦ как актор конструирования национально-государственной идентичности, региональные процессы и регионалистские партии Европы, сетевой ландшафт и политические коммуникации, технологии фреймирования политической идентичности, трансформация правых популистских партий Западной Европы – утверждение этих тем диссертационных исследований подтверждает научную интуицию и умение заглянуть в будущее со стороны руководителя. Аспиранты Л.А. Фадеевой отмечают сочетание свободы, которую она предоставляла им, с вниманием и контролем, формированием общего культурного кода, профессионального этоса и интеллектуальной культуры. По заслугам и министерская награда «Почетный наставник» (2023).

²¹ Борьба 2012; Фадеева, Назукина 2020.

²² Идентичность 2017; Идентичность 2023.

Союз истории и политологии

Любовь Александровна продолжает сохранять верность «союзу истории и политологии», о чем говорит ее многолетнее членство в Российском обществе интеллектуальной истории, рецензирование публикаций по интеллектуальной истории, истории идей, идентичности, оппонирование диссертаций по всеобщей истории, использование междисциплинарных подходов в сфере европеистики и исследований политики памяти. Ее увлекают размышления об истории и судьбе научных школ вообще, а в особенности исторической и политологической в Пермском университете. В этом смысле Любовь Александровна оказывается центром притяжения не только политологического сообщества, но и сообщества «всеобщников» и – шире – историков, интересующихся историей идей, сообществ и научных школ, к созданию и развитию которых профессор Фадеева имеет прямое отношение. Вынесенные в заглавие этой статьи понятия – союз, сотрудничество, общественность – можно отнести к маркерам созданной ей научной школы.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Борьба за идентичность и новые институты коммуникаций / под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. М.: РОССПЭН, 2012. 263 с. [Bor'ba za identichnost' i novye instituty kommunikatsiy (The struggle for identity and new institutions of communications) / Ed. by P.V. Panov, K.A. Sulimov, L.A. Fadeeva. M.: ROSSPEN, 2012. 263 p.]
- Идентичность. Личность. Общество. Политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред. член-корр. РАН И.С. Семенов. М.: Весь мир, 2023. 509 с. [Identichnost'. Lichnost'. Obshchestvo. Politika. Novye kontury issledovatel'skogo polya (Identity. Personality. Society. Politics. New contours of the research field) / Ed. by I.S. Semenenko. M.: Ves' mir, 2023. 509 p.]
- Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семенов / ИМЭМО РАН. М.: Весь Мир, 2017. 992 с. [Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie (Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic edition) / Ed. by I.S. Semenenko / IMEMO RAN. M.: Ves' Mir, 2017. 992 p.]
- Кертман Л. Е. Работы пермских историков по проблемам истории английского рабочего движения // Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917–1967. Вып. 2. Всеобщая история. Свердловск, 1968. С. 82. [Kertman L. E. Raboty permskikh istorikov po problemam istorii angliyskogo rabocheho dvizheniya (Works of Perm historians on the problems of the history of the English labour movement) // Istoricheskaya nauka na Urале za 50 let. 1917–1967. Vyp. 2. Vseobshchaya istoriya. Sverdlovsk, 1968].
- Лев Кертман: творческая палитра / отв. ред. Фадеева Л.А., Оболонкова М.А. Пермь: ИЦ «Титул», 2018. 220 с. [Lev Kertman: tvorcheskaya palitra (Lev Kertman: creative palette) / Ed. by L.A. Fadeeva, M.A. Obolonkova. Perm: ITs «Titul», 2018. 220 p.]
- Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительной перспективе. М.: ИВИ РАН, 2007. 316 с. [Politicheskie i intellektual'nye soobshchestva v sravnitel'noy perspective (Political and Intellectual Communities in Comparative Perspective). M.: IVI RAN, 2007. 316 p.]
- Сообщества как политический феномен / Под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. М.: РОССПЭН, 2009. 248 с. [Soobshchestva kak politicheskiy fenomen (Communities as a political phenomenon) / Ed. by P.V. Panov, K.A. Sulimov, L.A. Fadeeva. M.: ROSSPEN, 2009. 248 p.]
- Фадеева Л.А. Британский экзамен на профессионализм // Европейские исследования в России (1992–2017) / под общ. ред. О.В. Буториной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. С. 395–408. [Fadeeva L.A. Britanskiy ekzamen na professionalizm (British Proficiency Examination) // Evropeyskie issledovaniya v Rossii (1992–2017) / Ed. by O.V. Butorina. Tomsk: Izd vo Tom. un-ta, 2017. P. 395–408].

- Фадеева Л.А. Дискуссии об интеллектуалах в контексте политической истории Запада // Диалог со временем. 2012а. № 41. С. 108–138. [Fadeeva L.A. Diskussii ob intellektualakh v kontekste politicheskoy istorii Zapada (Discussions about intellectuals in the context of Western political history) // Dialog so vremenem. 2012. № 41. P. 108–138].
- Фадеева Л.А. Кафедра политических наук: история становления // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2008а. Вып.2 (4). С. 3–9. [Fadeeva L.A. Kafedra politicheskikh nauk: istoriya stanovleniya (Department of Political Science: History of Formation) // Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya. 2008. Vol. 2 (4). P. 3–9].
- Фадеева Л.А. Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. М.: Новый хронограф, 2012б. 320 с. [Fadeeva L.A. Kto my? Intelligentsiya v bor'be za identichnost' (Who are we? Intelligentsia in the struggle for identity). M.: Novyy khronograf, 2012. 320 p].
- Фадеева Л.А. Образ викторианской эпохи в коллективной памяти англичан // Диалог со временем. 1999. № 1. С. 152–169 [Fadeeva L.A. Obraz viktorianskoy epokhi v kollektivnoy pamyati anglichan (The image of the Victorian era in the collective memory of the English) // Dialog so vremenem. 1999. № 1. P. 152–169].
- Фадеева Л.А. От социального хронотопа к политическому мифу: украинский кейс // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 1. С.150–162. [Fadeeva L.A. Ot sotsial'nogo khronotopa k politicheskomu mifu: ukrainskiy keys (From social chronotope to political myth: the Ukrainian case) // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. 2023. Vol. 25, № 1. P. 150–162].
- Фадеева Л.А. Очерки истории британской интеллигенции. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1995. 194 с. [Fadeeva L.A. Ocherki istorii britanskoy intelligentsii (Essays on the history of the British intelligentsia). Perm: Izd-vo Permskogo un-ta, 1995. 194 p.].
- Фадеева Л.А. Пермская политологическая школа: истоки, становление, специфика // ПОЛИТЭКС. 2019. № 1. С. 122–138. [Fadeeva L.A. Permskaya politologicheskaya shkola: istoki, stanovlenie, spetsifika (Perm School of Political Science: origins, formation, specifics) // POLITEKS. 2019. № 1. P. 122–138].
- Фадеева Л.А. Пермское региональное отделение АЕВИС // Европейские исследования в России (1992–2017) / под общ.ред. О.В.Буториной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017а. С. 71–77. [Fadeeva L.A. Permskoe regional'noe otделение AEVIS (Perm regional branch of AEVIS) // Evropeyskie issledovaniya v Rossii (1992–2017) / Ed. by O.V.Butorina. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2017. P. 71–77].
- Фадеева Л.А. Проблемы социально-психологического анализа истории рабочего класса в трудах советских ученых // Проблемы рабочего движения развитых капиталистических стран в XIX–XX вв. (политика, социальная психология, культура). Пермь, 1986. С. 62–71. [Fadeeva L.A. Problemy sotsial'no-psikhologicheskogo analiza istorii rabocheho klassa v trudakh sovetских uchenykh (Problems of socio-psychological analysis of the history of the working class in the works of Soviet scientists) // Problemy rabocheho dvizheniya razvitykh kapitalisticheskikh stran v XIX–XX vv. (politika, sotsial'naya psikhologiya, kul'tura). Perm, 1986. P. 62–72].
- Фадеева Л.А. Противоречивое сообщество: интеллигенция, интеллектуалы, «образованный класс» // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». Вып. 2 (4). Пермь, 2008б. С.30–45 [Fadeeva L.A. Protivorechivoe soobshchestvo: intelligentsiya, intellektualy, «obrazovannyi klass» (Contradictory community: intelligentsia, intellectuals, the "educated class") // Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya. 2008. Vol. 2 (4). P. 30–45].
- Фадеева Л.А. “Профессиональный класс” в английской социальной истории XIX в. // Новая и новейшая история. 1998а. № 4. С. 43–65. [Fadeeva L.A. “Professional'nyy klass” v angliyskoy sotsial'noy istorii XIX v. (“Professional class” in English social history of the 19th century) // Novaya i noveyshaya istoriya. 1998. № 4. P. 43–65].
- Фадеева Л.А. Публичные интеллектуалы в борьбе за идентичность // Политическая регионалистика и исследования в регионах России. Политическая наука: Ежегодник 2010 РАПН. М.: РОССПЭН, 2011. С.176–193. [Fadeeva L.A. Publichnye intellektualy v bor'be za identichnost' (Public intellectuals in the struggle for identity) // Politicheskaya regionalistika i issledovaniya v regionakh Rossii. Politicheskaya nauka: Ezhegodnik 2010 RAPN. M.: ROSSPEN, 2011. P. 176–193].
- Фадеева Л.А. Сквозь призму политической культуры: нация, класс, регион. Пермь: Пушка, 2006. 298 с. [Fadeeva L.A. Skvoz' prizmu politicheskoy kul'tury: natsiya, klass, region (Through the prism of political culture: nation, class, region). Perm: Pushka, 2006. 298 p.].

- Фадеева Л.А. Социально-психологические сдвиги в рабочем классе и эволюция лейбористской партии Великобритании (1945–1951). Пермь: б.и., 1988. [Fadeeva L.A. Sotsial'no-psikhologicheskie sdvigi v rabochem klasse i evolyutsiya leyboristskoy partii Velikobritanii (1945–1951) (Social and psychological shifts in the working class and the evolution of the Labour Party of Great Britain (1945–1951). Perm: n.p., 1988].
- Фадеева Л.А. Социальные идеи и идеалы английского “образованного класса” в конце XIX – начале XX в. // Социальная история. Ежегодник. 1997. М.: РОССПЭН, 1998. С. 335–354. [Fadeeva L.A. Sotsial'nye idei i idealy angliyskogo “obrazovannogo klassa” v kontse XIX – nachale XX vv. (Social ideas and ideals of the English “educated class” in the late 19th – early 20th cc.) // Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik. 1997. M.: ROSSPEN, 1998. P. 335–354].
- Фадеева Л.А., Вершинина Д.Б. Кертмановский колорит англоведения // Вестник Пермского университета. История. 2012. № 2. С. 70–85. [Fadeeva L.A., Vershinina D.B. Kertmanovskiy kolorit anglovedeniya (Kertman's flavor of English studies) // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya. 2012. № 2. P. 70–85].
- Фадеева Л.А., Вершинина Д.Б. Пермский колорит англоведения // Историк и общество: отечественное англоведение 1917–1991 гг. / отв. ред. М.П.Айзенштат. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 254–275. [Fadeeva L.A., Vershinina D.B. Permskiy kolorit anglovedeniya (Permian flavor of English studies) // Istori i obshchestvo: otechestvennoe anglovedenie 1917–1991 gg. / Ed. by M.P.Ayzenshtat. M.: IVIRAN, 2008. P. 254–275].
- Фадеева Л.А., Назукина М.В. Институционализация политической науки в России: факторы, уровни, результаты (на примере идентитарных исследований) // Политическая наука. 2020. № 1. С. 201–220. [Fadeeva L.A., Nazukina M.V. Institutuzionalizatsiya politicheskoy nauki v Rossii: faktory, urovni, rezul'taty (na primere identitarnykh issledovaniy) (Institutionalization of political science in Russia: factors, levels, results (using the example of identitarian research)) // Politicheskaya nauka. 2020. № 1. P. 201–220].

Вершинина Дарья Борисовна, кандидат исторических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, daryapros@yandex.ru

Садилова Алена Викторовна, кандидат политических наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, a.sadilova@yandex.ru

Union, Cooperation, Community: Markers of Scientific School

The article characterizes the scientific interests of the well-known English scholar, then political scientist and long-term head of the Perm political science school Liubov Aleksandrovna Fadeeva. The authors demonstrate that Perm professors, especially Lev Kertman, influenced Fadeeva's scientific research. The article analyzes the researcher's transition from historical to political research and the role Fadeeva played in forming and developing the Department of Political Science at Perm University. It is shown that under her influence the key research areas of Perm political scientists crystallized, operating at the cutting edge of political science and in close contact with political scientists from Russia and abroad. Paying attention to the individual and collective projects of Liubov Fadeeva, the authors demonstrate the researcher's loyalty to the “union of history and political science”, as well as scientific traditions laid down by teachers of the History Faculty of Perm University and which became the basis for the scientific activities of a galaxy of Fadeeva's students. The authors state that union, cooperation and community are the markers of the scientific school created by Professor Fadeeva.

Keywords: *scientific school, history, political science, Perm State University, L.A. Fadeeva, intelligentsia, identity.*

Daria B. Vershinina, Candidate of Science in History, Associate Professor, Perm State National Research University, daryapros@yandex.ru

Alena V. Sadilova, Candidate of Political Science, Associate Professor, Perm State National Research University, a.sadilova@yandex.ru

М.М. ГОРЕЛОВ

СКЛАДЫВАНИЕ ОБРАЗА ИДЕАЛЬНОГО ГОСУДАРЯ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: АЛЬФРЕД ВЕЛИКИЙ

Историческая память обычно содержит сюжеты об известных личностях прошлого, олицетворяющих национальную идентичность. Формирование данных образов под влиянием историографии изменяет исходный прототип до различных масштабов, придавая ему актуальное для той или иной эпохи историческое и культурное наполнение. Альфред Великий – одна из таких фигур в истории Англии.

Ключевые слова: Альфред Великий, Уэссекс, историография, хронисты, империя, вики

В исторической памяти любого народа есть знаковые фигуры деятелей прошлого, персонализирующие коллективные представления о важных событиях, памятных местах и переживаниях, и тем самым формирующие стержень общенациональных представлений об историческом прошлом, моральных идеалах и ценностях социума, служащих стимулом для его развития в будущее. Поскольку сведения о прошлом всегда так или иначе преломляются через призму ментальности авторов источников, в которых они излагаются, а ментальность эта, в свою очередь, определяется как социокультурным контекстом, в котором существовал автор, так и особенностями его персональной биографии, то нередко случается, что фигуры исторических деятелей, являющиеся символами и опорами национального мифа, с течением времени теряют связь со своими реальными прототипами и начинают жить своей жизнью, легендарной. Историческая память англичан не является исключением и также полна персонажей подобного рода, некоторые из которых стали частью мирового фольклорного наследия (король Артур, Робин Гуд), а другие остались «для внутреннего потребления», но почитаемы ничуть не менее. Одним из них является Альфред Великий – король англосаксонской эпохи, правивший в 871–899 гг. и оставивший довольно яркий след в исторической памяти англичан. На его примере хорошо заметны те метаморфозы, которые происходят с историческим прототипом в недрах коллективной ментальности на протяжении веков.

Сама по себе биография Альфреда документирована достаточно. Этому королю Уэссекса (государства западных саксов) довелось править в трудный для Англии период, когда раздробленная на отдельные государства страна была объектом набегов скандинавов. Поскольку среди них преобладали выходцы из Дании, англосаксы обобщённо называли их «даннами», хотя на деле дружины викингов зачастую были полиэтничными и включали в себя также и норвежцев, и уроженцев других земель. Когда викинги перешли к захватам английской территории и основанию своих поселений и властных структур, Альфреду удалось в череде постоянных войн более-менее эффективно наладить оборону

страны, организовать вооружённые силы и флот, нанести данам ряд поражений и прийти к зыбкому дипломатическому балансу с ними, позволив им селиться на английских землях в обмен на гарантии лояльности. В дальнейшем наследники Альфреда завершили интеграцию этих территорий в единое с англосаксами государство, у истоков которого и стоял Альфред, последовательно распространявший свою власть с Уэссекса на другие регионы страны, выступая под знаменем их объединителя в борьбе с иноземными завоевателями. Помимо этого, Альфред сумел уделять немало времени и сил различным улучшениям в области организации управления на местах, законотворчества, а также развитию культуры – хотя бы в том скромном масштабе, который позволяли суровые условия почти ежегодных войн.

На первый взгляд, наиболее достоверную информацию о личности и правлении Альфреда должен содержать главный нарративный источник его эпохи – «Англосаксонская хроника», начатая не только при жизни самого Альфреда, в начале 890-х гг., но и по его указанию. Она стала основной государственной летописью вплоть до конца англосаксонского периода, впитав в себя обширные сведения из предыдущих и местных источников и отличаясь достаточно высокой информативностью. Однако, в повествовании о правлении Альфреда преобладают лишь описания почти ежегодных военных действий против данов, свидетельствующие о крайне напряжённой обстановке и постоянных заботах короля о военных делах, но никакой общей характеристики личности Альфреда хроника не даёт. О его смерти лаконичными строками написано лишь следующее: «Он был королём всего народа англов, кроме тех, кто был под властью данов», подразумевая раздел Англии между Альфредом и данами по договору 878 г.¹ Из этого напрашивается вывод о том, что современников короля интересовали прежде всего как раз именно его военные деяния, так как страна переживала тяжёлое время постоянных вражеских набегов и вторжений. Спустя столетие уже несколько более развёрнутую характеристику даёт хронист Этельверд, который перевёл «Англосаксонскую хронику» с древнеанглийского на латынь. Он писал: «В тот же год покинул этот мир благородный Альфред, король саксов, нерушимая опора людей Запада², человек, исполненный справедливостью, решительный в войне, искусный оратор, к тому же обладавший боговдохновенными знаниями»³.

Значительно больше сведений можно почерпнуть из жизнеописания Альфреда, оставленного нам современником, приближённым и биографом короля, епископом Ассером. В нём жанр предполагает уход от сжатого стиля анналов в сторону произведений в духе Светония и Эйнхарда. Хотя здесь тоже нередки описания битв и прочих событий политической истории, общий настрой произведения клонится в агиографи-

¹ Англосаксонская хроника: 81

² Имеются в виду земли запада Англии, которыми правил Альфред.

³ Этельверд: 50

ческую сторону. Так, например, хвалебная характеристика Альфреду даётся Ассером уже с раннего детского возраста:

«Он пользовался общею и великою любовью своего отца и матери, пред всеми своими братьями, и все другие его больше любили. Во время младенчества, Альфред был неотлучно при королевском дворе; придя в отроческий возраст, он превзошел своих братьев станом и красотой лица; речи его и нравы были несравненно приятнее. Его благородная природа, от колыбели, была проникнута любовью к мудрости, предпочтительно пред всеми прочими делами...»⁴.

Также Ассер отмечает такие личные качества Альфреда, как любовь к познанию, учёбе, религиозность:

«Однажды мать его показала ему и его братьям какую-то книгу с саксонскими поэмами, которую она держала в своих руках, и сказала им: «Кто из вас скорее других может выучить эту книгу, тому я и отдам ее». Услышав это, Альфред, с каким-то вдохновением, завлеченный красотой заглавной буквы той книги, отвечал своей матери, предупреждая тем братьев, старших возрастом, но не милοвидностью: «В самом ли деле ты дашь эту книгу одному из нас, именно тому, кто скорей всех заучит и прочтет пред тобою наизусть»? Мать радостно и с улыбкою подтвердила свое обещание: «Да, я отдам», говорила она. Тогда Альфред тотчас схватил книгу из рук матери, побежал к учителю прочесть ее, и затем возвратил книгу матери и прочел ее содержание наизусть.

К числу главных препятствий и неудач своей настоящей жизни, на которые Альфред жаловался весьма часто... он относил именно то обстоятельство, что в то время, когда он имел и надлежащий возраст, и досуг, и молодые способности, у него не было учителей; после же, придя в возраст, он не мог опять заниматься, и по различным болезням... и по внутренним и внешним заботам, сопряженным с верховною властью, и вследствие вторжения язычников с суши, и с моря, что заставило отчасти рассеяться его учителей и ученых. Но при всем том... до конца своей жизни, он сохранил ту ненасытную жажду к науке, как не оставлял ее прежде...»⁵.

Важным шагом к просвещению Ассер считал начало увлечения короля уже в зрелом возрасте чтением и переводами на древнеанглийский язык с латыни, в результате которого Альфред оставил солидное для своего времени наследие в виде переводов Орозия, Бозция, Григория Великого, Беда Достопочтенного⁶.

Подлинным панегириком Альфреду становится описание Ассером зрелых лет короля, в полной мере утвердившегося на престоле:

«...Он умел подчинить своей воле с умом употреблять на государственную пользу своих епископов, графов, благородных... в руках которых, после Бога и короля, была сосредоточена власть над всем государством, как то и следует; король беспрестанно и вместе кротко наставлял их, ласкал, убеждал, приказывал, наконец, после долгого терпения, строго наказывал непокорных и вообще всеми мерами преследовал пошлую глупость и упорство... Между тем, сам король, среди войн и беспрерывных забот земной жизни, при вторжениях язычников и ежедневных физических болезнях...

⁴ Ассер: 331–332

⁵ Ассер: 333

⁶ Ассер: 347–348

сам не переставал трудиться изо всех сил...; и с необыкновенною любознательностью любил заниматься исследованием необъясненных явлений... Альфред может быть сравнен с Соломоном, который, презрев славу и богатство мира сего, просил у Бога мудрости и получил то и другое, и мудрость, и земную славу... Альфред отыскивал повсюду, где мог, сподвижников, которые были бы в состоянии помочь его мудрости в осуществлении добрых намерений»⁷.

Особое внимание Ассер уделяет стремлению короля к развитию образования в Англии, выразившемуся в создании придворной учёной элиты из приглашаемых отовсюду образованных кадров, в т.ч. из-за рубежа, на манер каролингского возрождения (в их число попал и сам Ассер, уроженец Уэльса), а также учреждению школы для молодёжи, в основном из числа знати⁸. Более того, Ассер утверждает, что король даже принуждал к овладению грамотностью и учёностью членов государственного аппарата – судей, чиновников, управляющих графствами⁹.

Таким образом, именно Ассер стоял у истоков культа Альфреда Великого, заложив его фундамент и каноны, которые развивались на протяжении столетий. В то же время, в стилистическом и сюжетном плане к его произведению отчасти примыкают небольшие памятники – жития св. Кутберта и св. Неота (современника Альфреда). В первом из них фигурирует сюжет о том, как Альфред поделился хлебом с бедным странником, в обличии которого скрывался святой, и тот явился ему во сне с пророчеством о победе над данами и о будущей власти над всей Англией. Во втором – нравоучительная история о том, как Альфред вынужден был скрываться в хижине простого крестьянина, не уследил за поджарившими в печи хлебами, о просмотре за которыми попросила его хозяйка дома, и смиренно выслушивал её гневные нарекания¹⁰. Эти сюжеты стали популярными в устной народной традиции, а затем и в литературной, превратившись в устойчивые элементы мифа об Альфреде вплоть до нашего времени¹¹.

Англосаксонская традиция историописания была во многом прервана Нормандским завоеванием XI в. Это было связано даже не столько с упадком некоторых монастырских центров летописания после нескольких лет военных действий на территории Англии, сколько с тем, что у власти оказалась пришлая, иноземная и иноязычная элита, вытеснявшая прежние кадры новыми, своими, в том числе на церковных должностях. Древнеанглийский язык вытеснялся из сферы культуры, делопроизводства и летописания французским и латынью, оставшись уделом простонародья. Вместе с тем новая власть в лице Нормандской династии не отвергала англосаксонского наследия, а, напротив, взяла курс на преемственность с наиболее значимыми его элементами, в т.ч.

⁷ Ассер: 342–343, 349

⁸ Ассер: 341–342, 343–344

⁹ Ассер: 356

¹⁰ Keynes, Lapidge 1983: 21–22, 197–202, 211–212. Ли 2006: 320–324

¹¹ Ли 2006: 338

с культом тех или иных деятелей англосаксонской эпохи, святых, традиций, памятных мест. Этот курс должен был примирить вчерашних противников и постепенно интегрировать разные этнокультурные элементы в общегосударственное единство, поскольку владения англо-нормандских королей располагались по обе стороны Ла-Манша и были полиэтничными. В результате постепенно набрала силу новая школа летописания, англо-нормандская, сочетавшая в себе наработки англосаксонской и континентальной хронистики. Она с самого начала активно обращалась к англосаксонскому прошлому и его почитаемым персонам, в том числе к Альфреду. Так, одна из наиболее известных хроник начала XII в. – Вустерская, опиравшаяся на материалы «Англосаксонской хроники» и Ассера – весьма щедро на эпитеты в адрес Альфреда и именует его «прославленным», «победоносным, «заступником вдов, сирот и бедняков», «возлюбленным своим народом», «справедливым» и т.д.¹²

Выдающийся хронист Уильям Малмсберийский в своих «Деяниях королей Англии» даёт восторженную оценку деяниям Альфреда. В жизнеописании короля причудливым образом переплетаются факты, описания военных кампаний, религиозные предания и нравоучительные сюжеты с участием святых, что в совокупности даёт несколько мозаичную картину, изложенную присущим Уильяму цветистым и возвышенным слогом. В частности, хронист ввёл в оборот эпизоды о явлении Альфреду св. Кутберта перед решающим сражением с данами и о проникновении Альфреда в лагерь противника под видом странствующего певца¹³. Утверждение Уильяма о том, что именно Альфред учредил административное деление страны на сотни и десятки в целях военной и правовой безопасности населения¹⁴ представляется сомнительным – сотенное деление восходит ещё к древнегерманским корням и, таким образом, намного старше. Однако эта гипотеза была по инерции подхвачена другим хронистом XII в., Генрихом Хантингдонским, который пошёл дальше и писал, что Альфред стоял и у истоков деления страны на графства (шайры). Он же, подводя итоги правления Альфреда, высказывает мысль о том, что это был уже король всей Англии за исключением земель, захваченных данами¹⁵. В стихотворной эпитафии почившему королю Генрих излагает практически панегирик, отмечая крайние трудности эпохи, выпавшей на годы царствования Альфреда:

«Врожденное благородство даровало
тебе честь отваги,
Доблестный Альфред, а отвага дала труд,
труды же принесли вечную славу.
Ибо всегда твоя радость
Сопровождалась скорбью, надежда
всегда мешалась со страхом.

¹² Ли 2006: 319

¹³ Plummer 1902: 62. Ли 2006: 324–325

¹⁴ URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/50778/pg50778-images.html> [A.D. 893.]

¹⁵ Генрих Хантингдонский: 227

Если ныне ты был победителем,
то трепетал о завтрашних битвах,
Если ныне ты был побежден,
то готовился к завтрашним битвам...
Во всех областях мира не было никого,
Кто мог хотя бы вздохнуть
среди стольких напастей...»¹⁶.

Аналогичной позиции придерживался и другой известнейший англо-нормандский автор Ордерик Виталий, подчёркивавший, что Альфред был первым королём всей Англии: *“et primus omnium regum monarchiam totius Angliæ solus obtinuit. Probitate et liberalitate laudabilique prouidentia omnes Angliæ reges præcedentes et subsequentes ut reor excellit”*¹⁷. Хотя формально первым правителем всех английских регионов объявлял себя ещё дед Альфреда Эгберт¹⁸, однако именно Альфред в условиях нашествия датчан во второй половине IX в. сумел сплотить эти разнородные области под своей властью и заложить основы для дальнейшей интеграции занятых датчанами территорий в будущее более-менее единое государство, выстроенное уже его преемниками¹⁹.

В дальнейшем идею об Альфреде как первом правителе единой Англии переняли и излагали хронисты XIII в. Роджер Уэндовер²⁰ и Матвей Парижский. Последний впервые ввёл в оборот наименование «Великий» для Альфреда, но это не получило всеобщего распространения ни в письменной, ни в устной традициях исторической памяти англичан на протяжении всего Средневековья, а лишь заимствовалось отдельными авторами, компилировавшими сведения из трудов предшественников, как это было свойственно летописанию²¹. В частности, наименование «Великий» (*Alfredus magnus rex*) использовал хронист Ричард из Сайренсестера в своём труде *«Speculum historiale»* (1375–1399)²².

С возвеличиванием Альфреда связана другая любопытная страница средневекового историописания. Известный хронист XIV в. Ранульф Хигден, автор знаменитого «Полихроникона», выдвинул гипотезу об основании Альфредом университета в Оксфорде, по-видимому, стремясь удревнить исторические корни этого учебного заведения в целях прославления его статуса и репутации²³. Гипотезу разделяли некоторые

¹⁶ Генрих Хантингдонский: 228

¹⁷ Orderic Vitalis: 240–241, 340.

¹⁸ В VII–IX вв. Англия была раздроблена на ряд государств, постоянно боровшихся друг с другом за гегемонию. Правитель побеждавшего остальных соседей государства носил номинальный титул «бретвальда» («повелитель Британии»), однако реальной власти над всей Англией он фактически не имел, опираясь лишь на военную силу и личные связи. Поэтому власть бретвальд, одним из которых был и Эгберт, была достаточно эфемерной.

¹⁹ Подробнее см.: Горелов 2008.

²⁰ Roger of Wendover: 210

²¹ Keynes 1999: 231–232. Firth 2024: 18–23

²² Firth 2024: 23

²³ Ranulph Higden: 354, 362. Anlezark 2017: 92. Самсонова 2013: 259

более поздние средневековые авторы²⁴, хотя никакого реального исторического основания она под собой не имела и сыграла роль разве что в дискуссии о древности университетов Оксфорда и Кембриджа, развернувшейся несколько позже, в 1564 г.²⁵

В целом, можно сказать, что вплоть до начала Нового времени образ короля Альфреда в историописании был хотя и дидактичным по наполнению, но не носил характера культа. Вероятно, свою роль здесь сыграло и то, что он пребывал в тени более знаменитых соперников: с одной стороны, традиционным для Англии пост-нормандского времени был культ Эдуарда Исповедника, который олицетворял собой идеал христианского государя и социальный консенсус, должный примирять завоёванных англосаксов с завоевателями-нормандцами. Времена Эдуарда ассоциировались у масс с некоей идеализированной стариной, временем всеобщей справедливости. С другой стороны, в последней трети XV в. всё большую популярность набирает цикл старых кельтских сказаний о короле Артуре, пиком которой стал выход в свет известного произведения Т. Мэлори «Смерть Артура» (1485). Вероятно, это было связано в том числе с валлийским, кельтским происхождением нового короля Англии – Генриха Тюдора. В этих условиях образ Альфреда пребывал на втором плане, фигурируя в письменной традиции чаще как «добрый / хороший король», а не «великий». Начало этой традиции было положено Ж. Гаймаром²⁶, из текста которого она была унаследована некоторыми другими авторами, в частности, Ранульфом Хигденом и Томасом Рудборном²⁷. Хотя австралийский исследователь М. Фёрт насчитывает около 25 наименований Альфреда «Великим» в средневековых источниках, всё же, судя по всему, это не было общим местом²⁸.

Как бы то ни было, для средневекового читателя образ Альфреда представлял определённый моральный идеал, олицетворяя не только храброго и удачливого воителя, но и набожного, благочестивого государя, а также основателя общеанглийской государственности как таковой. Обращение к этой фигуре как бы предполагало наведение своего рода мостов к донормандской правящей династии и, таким образом, легитимацию непрерывности английской монархии в том виде, в каком это хотелось видеть правителям эпохи Высокого Средневековья²⁹. В 1441 г. Генрих VI даже обратился к папе с прошением о канонизации Альфреда, но эта инициатива не была поддержана римским престолом³⁰.

Совершенно иные оттенки осмыслению исторического наследия Альфреда и англосаксонского прошлого в целом придали интеллектуальные традиции Раннего Нового времени. С распространением книго-

²⁴ Там же. Ли 2006: 330

²⁵ Там же: 332

²⁶ Горелов 2007: 43

²⁷ Firth 2024: 16–17

²⁸ Ibid.: 32

²⁹ Ibid.: 31–32

³⁰ Ли 2006: 331

печатания общество становилось всё более грамотным, расширялась аудитория, способная воспринимать книжное слово. Возникли новые центры интеллектуального притяжения в лице сообществ ренессансного типа – мыслителей и учёных, пытавшихся охватить своими штудиями все возможные на тот момент сферы человеческого знания. В частности, эта тенденция выразилась в деятельности т.н. антикваров, или антиквариев. Это направление в гуманитарном знании сформировалось на волне ренессансной учёности, имея истоки в философии гуманизма. Антиквары существовали в Италии, затем, под итальянским влиянием, появились в других странах Европы. Поскольку ренессансные мыслители в значительной мере мыслили себя космополитично, как некое наднациональное учёное сообщество, то контакты между ними способствовали распространению и взаимному обогащению методологической и информационной сторон научных исследований, превращая зарождающуюся европейскую гуманитарную науку в единый организм, преодолевающий политические и религиозные границы. Антиквары мыслили прошлое как набор занятных артефактов, запечатлённых в материально-географической среде. Объединения подобных людей в коллектив приводили к плодотворным интеллектуальным контактам и создавали своего рода учёное пространство, основанное на совместной работе и обмене мнениями и информацией, а доступ к печати и книготорговле позволял реализовывать свои разработки в жизнь относительно легко, без существенных затруднений³¹.

Средневековые источники, опубликованные антикварами становились достоянием просвещённой публики. Издатели по-разному осмысливали наследие прошлого из публикуемых памятников. Антикварий Дж. Бейл в 1548 г. заново ввёл в оборот наименование «Альфред Великий», а У. Ламбар выдвинул идею о превосходстве законов Альфреда над прочими законами англосаксонской эпохи³². В 1574 г. вышло в свет «Жизнеописание Альфреда» Ассера в обработке М. Паркера, а в 1600 г. в известном труде У. Кэмдена «Британия» была изложена легенда об основании Альфредом Оксфордского университета, изобилующая такими подробностями деятельности этого учебного заведения во времена Альфреда, что это граничило с явным вымыслом. Судя по всему, этот вымысел использовался в споре о древности университетов Англии, развернувшемся незадолго до этого. Несмотря на полную антиисторичность, данная легенда с некоторыми модификациями продолжала своё существование и вплоть до 2-й пол. XIX в.³³ Дж. Фокс, в книгах «Акты и памятники» (или «Книга мучеников», 1563 г.) и «Церковная история» (1570 г.), следуя линии Паркера, развивал мысль ряда средневековых хронистов об Альфреде как первом правителе единой Англии³⁴.

³¹ Горелов 2019: 309–314

³² Каниболоцкая 2009: 79

³³ Ли 2006: 331–332, 335, 338–339

³⁴ Каниболоцкая 2009: 80

Публикация средневековых источников повлияла на возникновение в среде антикваров и последующее распространение в общественном мнении концепции «древней английской конституции» – справедливых англосаксонских законов и норм, установленных идеальными правителями типа Альфреда и тем самым как бы заложивших основы английского права и образцовой государственности. Кроме того, антиквары транслировали старую гипотезу из хроник об учреждении Альфредом административного деления страны на графства³⁵.

Пожалуй, вершиной ренессансного осмысления исторической фигуры Альфреда стала работа Джона Спелмана «Жизнь Альфреда Великого», написанная в начале 1640-х гг. и оставшаяся после смерти автора (1643) рукописью вплоть до печатного издания в 1678 г. Будучи сыном известного антикара, юристом и депутатом парламента, Спелман обладал солидным опытом работы с документальными источниками. Изучение права представлялось ученым того времени формой исторического познания, так как право, помимо прочего, есть фиксация разных сторон исторического бытия общества на разных этапах его существования. Штудирова комплекс сведений об эпохе Альфреда, Спелман подверг критике и доказал недостоверность гипотезы средневековых хронистов о том, что Альфред учредил деление страны на графства и сотенные округа, а также высказывал сомнения по поводу основания им Оксфордского университета. Вместе с тем, Спелман приписывал Альфреду введение в Англии суда присяжных, что также выглядело весьма сомнительным. Он же, между прочим, заново ввёл в широкий обиход наименование «Великий» для Альфреда³⁶.

Поскольку в XVI–XVII вв. английское общество и государство пережили ряд тяжёлых потрясений, связанных с Реформацией, религиозной рознью, Гражданской войной и её последствиями, интерес к Альфреду и другим правителям далёкого прошлого носил в значительной степени рационалистический характер. В таком подходе обнаруживались насущные нужды того времени – поиск стабильности и защищённости повседневной общественной жизни, испытывавшей постоянные сложные пертурбации из-за динамично меняющейся политической обстановки. В такой обстановке идеалом стабильности логично виделся континуитет политико-правовых традиций с прошлым, стержнем которого является гармония власти монарха с волеизъявлением народа через демократические институты (парламент, народные собрания).

В XVIII в., в правление Ганноверской династии, отношение к далёкому прошлому и его деятелям приобретает присущие эпохе Просвещения тона. С одной стороны, продолжается заложенная ещё антикварами традиция изучения прошлого как совокупности «занятых вещей», артефактов, на стыке коллекционирования, археологии, культурологии, фольклора и других отраслей знания. Писатели, поэты, драматурги дис-

³⁵ Там же: 81

³⁶ Ли 2006: 335–336, 372–373

кутировали об Альфреде и его эпохе, проецируя на неё реалии Высокого Средневековья – рыцарскую этику, геральдику и прочие атрибуты зрелого феодального общества, отсутствовавшие в англосаксонской Англии. Появляются многочисленные литературные произведения, пьесы об Альфреде. Он персонажем пьесы-маскарада Дж. Томсона и Д. Мале «Альфред», где впервые прозвучал гимн «Правь, Британия!»³⁷. Труд французского историка-эмигранта П. Рапена де Тоара «История Англии» (1724–1727) придал персоне Альфреда черты образцового государя, заботившегося обо всех сторонах жизни своих подданных и совершенного с моральной точки зрения. Этот идеал ассоциировали с наследником престола принцем Льюисом Фредериком (1707–1751), придавая ему, таким образом, верноподданническое наполнение³⁸.

С другой стороны, историческое прошлое стало материалом для формирования патриотического дискурса, выгодного государству. Сюжеты, связанные с биографиями исторических деятелей, становятся частью школьного образования, официальной пропаганды и искусства³⁹. Всё это получает дальнейшее развитие в первой половине XIX в., в эпоху романтизма, органично послужившего постепенно набиравшему в то время силу национализму имперского типа, особенно в условиях общеевропейских Наполеоновских войн, объективно требовавших консолидации нации вокруг правящего монарха⁴⁰.

По-настоящему масштабно и концептуально дискуссии об англосаксонском прошлом и его персонажах развернулись во второй половине XIX в. Это было столетие массовой публикации источников, роста всеобщей грамотности и образования; растущий европейский национализм, подогреваемый романтизмом в культуре и искусстве, требовал научных обоснований. В этой связи, ведущую роль в историческом дискурсе постепенно обретает вигская историческая школа, корни которой восходят ещё к XVII в. Авторы того времени рассматривали институционально-правовые изменения после Нормандского завоевания Англии, этого «коренного перелома в конституциональной преемственности».⁴¹ Потрясения 2-й пол. XVII в. привели к власти либеральную буржуазию и вывели на сцену вигскую концепцию, доминировавшую в английской историографии 200 лет. В основе вигской концепции в известной степени лежала политическая конъюнктура эпохи, традиционная неприязнь либералов к сильной королевской власти и симпатия к демократическим традициям народного представительства. Основной недостаток вигской концепции и состоит в этом модернистском подходе к прошлому, базировавшемся на самом менталитете вигов, с его корнями в идеях Просвещения XVII–XVIII вв. Вместе с тем, вигская школа достигла совер-

³⁷ Ли 2006: 338

³⁸ Thomas 2015: 86–90

³⁹ Ли 2006: 337–338, 373–374

⁴⁰ Подробнее см.: Miles 1902.

⁴¹ Douglas 1946: 29

шенства в разработке прежде всего событийной истории, несмотря на модернистские апелляции к понятиям «нация», «демократия», и т.д., свойственным эпохе Просвещения, а не Средневековью⁴².

Истоки вигской школы лежат ещё во временах «Славной революции» 1688–1689 гг., в которой интеллектуалы либерального толка видели прогрессивный акт ограничения королевской власти в пользу парламента как выразителя воли народа. Политические идеалы вигов сформулировал, в частности, О. Хьюм в работе «Историческое эссе об английской конституции» (1771): это гармония разных ветвей власти, верховенство закона и права, неприкосновенность прав личности и прочие идеи, вытекающие из концепции «естественного права» и «общественного договора». Всё это, по мнению вигов, воплощалось в древних демократических институтах англосаксов, было прервано Нормандским завоеванием на 200 лет⁴³, и следовало бы вернуться к тому древнему конституционализму ради всеобщего блага. В аналогичном духе развивали данные идеи и другие представители либералов, проецируя на прошлое свои политические взгляды. Реставрацию «древней конституции» виги позиционировали как цель в борьбе с монархизмом⁴⁴.

Если общие позиции вигской историографии не раз подвергались критике и пересмотру, то заслуги их в разработке событийной истории непреходящи, поскольку многотомные труды этих историков базировались на серьёзном анализе источников. В этом отношении, вершину расцвета либеральная историография достигла в 70–80-е гг. XIX века⁴⁵. Пожалуй, наиболее ярким её представителем был Э. Фримен, блестящий историк, автор множества научных трудов. Будучи пламенным проповедником концепции англосаксонского континуитета («древней конституции»), возводившей современные государственные институты Англии к архаическим формам древнегерманского народовластия, Фримен, в характерном для вигов ключе, рассматривал Альфреда Великого как олицетворение всех мыслимых старинных добродетелей государя и человека. Так, в главном труде своей жизни, шеститомной «Истории Нормандского завоевания Англии» (1870–1879), Фримен посвятил первый том обширному экскурсу в англосаксонскую эпоху, и там он слагает бесконечные дифирамбы Альфреду:

«Альфред... – самый совершенный персонаж в истории. Он – исключительный принц, ставший героем романа, которому, как герою романа, приписывались бесчисленные воображаемые подвиги и воображаемые учреждения, но по отношению, к характеру которого роман оказал не более чем должное внимание, и который предстает в истории точно в таком же свете, как и в сказании. Ни в одном другом известном человеке так тщательно не сочетались все добродетели как правителя, так и рядового человека... Святой без предрассудков, ученый в своем роде, воин, все войны которого ве-

⁴² Горелов 2007: 10–11.

⁴³ Douglas 1946: 11–13.

⁴⁴ Семёнов 2013: 172–174.

⁴⁵ Горелов 2007: 10–11.

лись ради защиты его страны, завоеватель, чьи лавры никогда не были запятнаны жестокостью, принц, которого никогда не унижали трудности, который никогда не становился дерзким в час триумфа... В Альфреде нет и следа литературного педантизма, показухи или ревности; он ничего не делает ради собственной славы; он пишет так же, как сражается и издает законы, заботясь только о благе своего народа. Он не проявляет никаких признаков оригинального гения; он просто редактор и переводчик, честно работающий над улучшением жизни подданных, которых он любил. Это действительно более чистая слава, и она больше гармонирует с другими особенностями характера Альфреда, чем высшие достижения поэта, историка или философа»⁴⁶.

Фримен сравнивал Альфреда с различными известными историческими деятелями – Людовиком Святым, Карлом Великим, Вильгельмом Оранским, Вашингтоном – и сравнение постоянно выигрывает Альфред, аккумулирующий все лучшие черты упомянутых персон. Помимо перечисленных добродетелей, Фримен отмечает роль Альфреда в укреплении правящей династии, многочисленное потомство в которой дало импульс к дальнейшему расцвету английской монархии⁴⁷. В другой своей работе, представляющей собой краткий курс истории донормандской Англии, Фримен называет Альфреда «лучшим и величайшим из всех наших королей»⁴⁸. Вместе с тем, он там же замечает, что многие, под влиянием очарования образом Альфреда, сложившимся в многовековой традиции его почитания, совершенно неоправданно приписывают ему введение в Англии суда присяжных, деления страны на графства и тому подобные новшества, которых он не совершал⁴⁹. Однако общая оценка личности Альфреда – по-прежнему восторженная:

«Безусловно, ни один король не отдавался своим обязанностям так тщательно, как Альфред. Кажется, что вся его жизнь была посвящена тому, чтобы делать все, что в его силах, на благо своего народа во всех отношениях. И просто удивительно, сколь во многих отношениях проявились его способности... Он был законодателем; по крайней мере, он собрал и систематизировал законы и следил за тем, чтобы они соблюдались самым тщательным образом. Он был ученым, написал и перевел множество книг на благо своего народа. Он поощрял торговлю и предприимчивость всех видов и посылал людей в отдаленные уголки мира, чтобы они привозили домой рассказы о том, что они видели. И он был очень хорошим человеком и набожным христианином во всех отношениях. Короче говоря, вряд ли кто-нибудь во всей истории знает другого столь совершенного персонажа... Удивительно, что такой человек так и не был причислен к лику святых»⁵⁰.

Там же, помимо прочего, Фримен излагает традиционные легенды об Альфреде, известные в народе ещё со времён Ассера, демонстрируя тем самым их живучесть и постоянство. В целом, хотя вигская историография вскоре стала понемногу сдавать свои позиции, уступая место на

⁴⁶ Freeman 1870: 48–49, 51–52

⁴⁷ Ibid.: 49–52.

⁴⁸ Freeman 1895: 113

⁴⁹ Ibidem

⁵⁰ Freeman 1895: 114.

гуманитарном попритче новым историческим школам, всё же можно заключить, что ей удалось передать будущим поколениям эстафету восторженного национализма, ищущего обоснований в истории далёкого прошлого и тем самым формирующего национально-имперский миф.

Ярким примером использования лучших наработок историографии XIX в. вкупе со скрупулезным источниковедческим анализом является труд Ч. Пламмера «Жизнь и времена Альфреда Великого», изначально представлявший собой курс лекций, прочитанных в Оксфорде, и изданный в 1902 г. Эта работа хорошо раскрывает характерные черты историографии рубежа столетий, постепенно уходящей от прежней эмоциональности (вызванной потребностью подгонки под бытовавшие идеологические концепции) и развивавшей критический анализ источников. Это не означало полного отказа от прежнего восторженного духа исторических публикаций, однако отводило ему подчинённое место по сравнению с аналитическим материалом.

Так, Пламмер не чужд религиозного пиетета в отношении Альфреда как набожного государя; но как источниковед, имевший опыт работы с огромным массивом материалов, таких как наследие Беда Достопочтенного и «Англосаксонская хроника», он смело развенчивает многие легендарные и полуполулегендарные сюжеты, связанные с биографией Альфреда, и характеризует их как народные суеверия и предрассудки, пристраивавшиеся из неграмотности населения или ошибок хронистов в процессе компиляции трудов предшественников⁵¹. Сюжеты эти – самые разные, начиная с учреждения Альфредом административного деления страны на графства и кончая кровным родством со св. Неотом, фигурировавшим в преданиях об Альфреде⁵². Лекции Пламмера полны блестящего источниковедческого анализа практически всех источников о жизни Альфреда, а также критики в адрес британских учёных, недостаточно тщательно, по его мнению, работающих с ними. Помимо прочего, он заостряет внимание на сомнительном характере приписывания Альфреду статуса «правителя всей Британии», констатируя, что в реальности он был правителем Уэссекса и части Мерсии⁵³, а некорректность упомянутого статуса связывал с особенностями географических представлений средневековых авторов⁵⁴.

Оценивая историческое значение фигуры Альфреда, Пламмер впадает порой в неоправданный пафос, проецируя современные ему викторианские идеалы имперского величия на реалии тысячелетней давности: «Судьба Англии и Западной Европы... зависела от сердца, ума и руки молодого человека двадцати трех лет. То, что, по воле Господа, он доказал, что способен справиться со своей высокой задачей, по праву принесло ему звание Великого». И далее, цитируя Л. Ранке: «Альфред –

⁵¹ Plummer 1902: 64–65.

⁵² Plummer 1902: 6–8, 54–56.

⁵³ Plummer 1902: 39.

⁵⁴ Plummer 1902: 36–37. 40–43.

одна из величайших фигур в мировой истории»⁵⁵. Говоря о «судьбе Западной Европы», Пламмер имел в виду, конечно, набеги викингов, речь о борьбе с которыми шла в его лекции. Победы Альфреда над данами он уподобляет возрождению Франции под знаменем Жанны Д'Арк⁵⁶.

Глубокий и фундаментальный анализ источников вполне органично уживался у Пламмера с религиозным и державным пафосом, порой переходившим в англоцентричность (вообще довольно характерную для британского гуманитарного дискурса). Пафос видится отнюдь не случайным, учитывая дату выхода в свет лекций Пламмера. В 1901 г. в Великобритании с помпой отмечали тысячелетний юбилей кончины Альфреда Великого. Празднование сопровождалось многочисленными торжественными парадами, публичными речами, песнопениями, чтением стихов. Ораторы именовали Альфреда «Добрый, «Правдолюбцем», «основоположником страны». 20 сентября 1901 года в Винчестере был открыт памятник Альфреду; в торжественной речи на церемонии открытия бывший премьер-министр Розбери назвал его «идеальным монархом», «родоначальником могущества этой страны», и далее риторически вопрошал: «Чем объясняется тот факт, что ещё тысячу лет тому назад жил великий человек, с которым мы ассоциируем возникновение нашего величия и нашей мощи? Не множащимся ли предчувствием Британской империи, не предзнаменованием ли грядущего империализма?»⁵⁷ Аналогичным образом Альфреда называли и воплощением лучших качеств англосаксонских народов в целом.

Таким образом, образ Альфреда снова трансформировался общественным дискурсом, исходившим от политической элиты, в нечто мало связанное с реальным историческим персонажем. Теперь это был характерный герой эпохи воинствующего имперского национализма, призванный воплощать собой и своими деяниями успешное претворение в жизнь актуальных державных задач, не менявшихся на протяжении веков. Так, в частности, Пламмер отмечал, что, несмотря на различия в конкретике, общие задачи эпохи правления Альфреда и современной Британской империи остаются, с известной степенью обобщения, вполне актуальными: это заботы об организации вооружённых сил, флота, науки и образования⁵⁸.

Вместе с тем юбилей смерти Альфреда дал импульс и к более пристальному, детальному изучению его эпохи как таковой, безотносительно идеологического флёра. Хорошим примером этого стала книга Б.А. Ли «Альфред Великий: глашатай правды, создатель Англии. 848–899 гг.», вышедшая в свет в 1915 г. С одной стороны, высокопарное название книги как бы отсылает читателя в сторону упомянутых юбилейных торжеств, с другой – в ней представлено скрупулезное научное исследо-

⁵⁵ Plummer 1902: 96.

⁵⁶ Plummer 1902: 107.

⁵⁷ Глебов 2015: 7–8.

⁵⁸ Plummer 1902: 199.

вание всех сторон деятельности Альфреда, лишённое излишней эмоциональности, хотя и не чуждое некоторого пиетета автора по отношению к герою своего повествования. По-видимому, Первая Мировая война уже начала становиться стремительным могильщиком восторженного имперского национализма образца второй половины XIX века, ведя европейское общество к небывалым потрясениям и социокультурным трансформациям. После неё наступили новые времена и в гуманитарном знании, где на смену идеологически и эмоционально окрашенным концепциям стали приходить прагматические подходы, проистекавшие из самой сути рационалистического прогресса этого знания. Так, например, в «Истории Англии» А.Л. Мортонa, впервые вышедшей в свет в 1938 г., фигурировала спокойная точка зрения на Альфреда и его правление; отмечая заслуги и практические деяния короля в области решения стоявших перед Англией проблем, автор констатирует их ситуативность, не имеющую ничего общего с тем надуманным континуитетом с далёким будущим, который виделся вигам или империалистам XX века. Так, например, он отмечает, что многие государственные институты Англии, бывшие сильными при Альфреде, пришли в полный упадок уже через три поколения после его кончины⁵⁹.

Таким образом, мы видим, что за тысячу лет вокруг реального исторического лица и его деятельности сложился разнообразный и яркий миф, в который каждая новая эпоха в развитии культуры вкладывала своё содержание, исходя из присущей ей ментальности и волнующих общество задач и ценностей. Для современников Альфреда его образ ещё мало отдалялся от реальности, и они констатировали те его деяния и качества, свидетелями которых были сами. Хронисты классического Средневековья (XII–XV вв.) всё дальше уходили от этого, расцветивая свои нарративы красочными риторическими оборотами и подробностями, но при этом сочиняя или интерпретируя ложные факты, порой черпаемые в народной молве или куртуазных романах. Антиквары и правоведы эпохи Ренессанса постепенно привносили в миф об Альфреде нередко становились заложниками текущей политической конъюнктуры в стране, переживавшей тяжёлые потрясения. «Галантный» XVIII век с его Просвещением и расцветом искусств превратил историю в какой-то степени в отражение литературы и театра, а миф об Альфреде – в изящный спектакль. XIX век привнёс национализм и имперскую идеологию, которые процветали вплоть до Первой Мировой войны, и поставил исторические мифы на службу этим двум основам. Только ко второй половине XX века возобладали более рациональные подходы к изучению далёкого прошлого, менее окрашенные идеологически, поэтому Альфред Великий из мифа стал, наконец, тем, кем он, судя по всему, и был в реальности – великим, но для своего места и времени, без привязок к политической и культурной конъюнктуре очередного поколения.

⁵⁹ Мортон 1950: 52

Вместе с тем, как верно замечала Б.А. Ли, «мифы прошлого творят историю будущего, ибо люди, творящие её, черпают вдохновение не в истине самой по себе, а в том, что они считают истиной»⁶⁰. (Ли 339) Эта фраза очень точно отражает роль и соотношение реальности и мифа в коллективной идентичности и исторической памяти народов.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Aethelweard. The Chronicle of Aethelweard. L., 1962.
- The Ecclesiastical History of Orderic Vitalis, ed. and tr. M. Chibnall. 6 vols, Oxford, 1969.
- Higden R. Polychronicon Ranulphi Higden Monachi Cestrensis: together with the English translations of John Trevisa and of an unknown writer of the fifteenth century. 9 vols. L., 1876. Vol. 6.
- Roger of Wendover's Flowers of history; formerly ascribed to Matthew Paris / Ed. by J.A. Giles. L., 1849. Vol. 1.
- William of Malmesbury's Chronicle of the Kings of England. J.A. Giles (ed.) L., 1898.
- Alfred the Great: Asser's «Life of king Alfred» and other contemporary sources / Ed. By S. Keynes, M. Lapidge. New York, 1983.
- Anlezark D. Alfred the Great. Kalamazoo, ARC Humanities Press, 2017. 103 p.
- Douglas D.C. The Norman Conquest and British Historians: Being the Thirteenth Lecture on the David Murray Foundation in the University of Glasgow Delivered on February 20th, 1946. 40 p.
- Firth M. What's in a Name? Tracing the Origins of Alfred's "the Great". // English Historical Review Vol. 139, No. 596. February 2024. P. 1-32.
- Freeman E. A. Old English history. L., Macmillan, 1895.
- Freeman E. A. The history of the Norman conquest of England, its causes and its results. Vol. I. Oxford, Clarendon Press, 1870.
- Keynes S. The cult of King Alfred the Great. // Anglo-Saxon England. Vol. 28. Cambridge University Press, 1999. P. 225–356.
- Miles L.W. King Alfred in Literature. J. Murphy, 1902. 130 p.
- Plummer C. The Life and Times of Alfred the Great. Oxford, Clarendon Press, 1902. 232 p.
- Pocock J.G.A. The Ancient Constitution and the Feudal Law: A Study of English Historical Thought in the Seventeenth Century. Cambridge University Press, 1987. 432 p.
- The Cult of King Alfred the Great. // Anglo-Saxon England. Vol. 28. December 1999. P. 225 – 356. Cambridge University Press 1999.
- Thomas A.E. The Life and Times of the English Princes of Wales. Troubador Publishing Ltd, 2015. 160 p.
- Англосаксонская хроника. (Пер. З.Ю. Метлицкой). СПб, «Евразия», 2010. 288 с. [Anglosaksonskaya hronika. (Per. Z.YU. Metlickoj). (Anglo-Saxon Chronicle). SPb, «Evraziya», 2010. 288 s.].
- Ассер. Жизнь Альфреда, короля англо-саксов. (Пер. М. М. Стасюлевича) // История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Том II. СПб. 1864. [Asser. Zhizn' Al'freda, korolya anglo-saksov. (Per. M. M. Stasyulevicha) (Asser. The life of Alfred, King of the Anglo-Saxons) // Istoriya srednih vekov v ee pisatelyah i issledovaniyah novejsih uchenyh. Tom II. SPb. 1864.].
- Генрих Хантингдонский. История англо-саксов. (Пер. и ред. С.Г. Мереминского). М., Университет Дмитрия Пожарского, 2015. [Genrih Hantingdonskij. Istoriya anglov. (Per. i red. S.G. Mereminskogo). (Henry of Huntingdon. The history of the Angles). M., Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2015].
- Глебов А. Альфред Великий и Англия его времени. СПб, «Евразия», 2015. 352 с. [Glebov A. Al'fred Velikij i Angliya ego vremeni. (Alfred the Great and the England of his time). SPb, «Evraziya», 2015. 352 s.].
- Горелов М.М. Датское и нормандское завоевания Англии в XI в. СПб, «Алетейя», 2007. [Gorelov M.M. Datskoe i normandskoe zavoevaniya Anglii v XI v. (The Danish and Norman conquests of England in the XI century). SPb, «Aletejya», 2007].
- Горелов М.М. Скандинавская колонизация и национальная идентичность англосаксов в IX–XI вв. // Диалог со временем. Вып. 25–2. М., 2008. С. 289–304 [Gorelov M.M. Skandinavskaya kolonizaciya i nacional'naya identichnost' anglosaksov v IX–XI vv. (Scandinavi-

⁶⁰ Ли 2006: 339

- an colonization and the national identity of the Anglo-Saxons in the IX–XI cc.) // *Dialog so vremenem*. Вып. 25–2. М., 2008. S. 289–304].
- Горелов М.М. От средневекового осмысления истории к ренессансному. Хроники Холлиншеда. // *Диалог со временем*. Вып. 67. М., 2019. С. 309–314. [Gorelov M.M. Ot srednevekovogo osmysleniya istorii k renessansnomu. Hroniki Holinsheda. (From the medieval understanding of history to the Renaissance. The Holinshed Chronicles). // *Dialog so vremenem*. Вып. 67. М., 2019. S. 309–314].
- Каниболоцкая Е.А. Альфред Великий в общественно-историческом дискурсе Англии второй половины XVI века. // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: История. Политология. Социология. 2009. №2. С. 79–83 [Kanibolockaya E.A. Al'fred Velikij v obshchestvenno-istoricheskom diskurse Anglii vtoroj poloviny XVI veka. (Alfred the Great in the socio-historical discourse of England in the second half of the XVI century). // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya. 2009. №2. S. 79–83].
- Каниболоцкая Е.А. Образ короля Альфреда Великого в английском общественно-историческом сознании периода Средних веков и Нового времени. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Воронеж, 2011. [Kanibolockaya E.A. Obraz korolya Al'freda Velikogo v anglijskom obshchestvenno-istoricheskom soznanii perioda Srednih vekov i Novogo vremeni. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchyonoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. (The image of King Alfred the Great in the English socio-historical consciousness of the Middle Ages and Modern Times). Voronezh, 2011].
- Ли Б.А. Альфред Великий: глашатай правды, создатель Англии. 848–899 гг. СПб.: Евразия, 2006. 384 с. [Li B.A. Al'fred Velikij: glashataj pravdy, sozdatel' Anglii. 848–899 gg. (Alfred the Great: the truth teller, the maker of England. 848–899). SPb, «Evraziya», 2006. 384 s.].
- Мортон А.Л. История Англии. М., 1950. [Morton A.L. Istoriya Anglii. (The History of England). М., 1950].
- Самсонова Е.А. Истоки формирования легендарного образа короля Альфреда Великого в англосаксонский период (конец IX – первая половина XI века). // *Средние века*. Вып. 74 (3–4). М., Наука, 2013. С. 253–264 [Samsonova E.A. Istoki formirovaniya legendarnogo obraza korolya Al'freda Velikogo v anglosaksonskij period (koniec IX – pervaya polovina XI veka). (The origins of the formation of the legendary image of King Alfred the Great in the Anglo-Saxon period (late IX – first half of the XI century). // *Srednie veka*. Вып. 74 (3–4). М., Nauka, 2013. S. 253–264].
- Семёнов С.Б. Концепция «древней конституции» в английской политической литературе второй половины XVIII века. // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2013. С. 172–177. [Semyonov S.B. Konceptiya «drevnej konstitucii» v anglijskoj politicheskoj literature vtoroj poloviny XVIII veka. (The concept of the "ancient constitution" in the English political literature of the second half of the XVIII century). // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. 2013. S. 172–177].

Горелов Максим Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ИВИ РАН; heldenhammer@yandex.ru

Shaping the Image of an ideal Sovereign in National Historiography Alfred the Great

Collective historical memory usually contains key stories about famous personalities of the past, embodying national identity. The formation of these images under the influence of historiography changes the original prototype to various scales, giving it historical and cultural content relevant to a particular era. Alfred the Great is one of such figures in the history of England.

Keywords: *Alfred the Great, Wessex, historiography, chroniclers, Whigs, Empire*

Maxim Gorelov, Ph.D. in History, senior research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; heldenhammer@yandex.ru

«СВЯЗАННЫЕ ЦАРИ» – ВО ИМЯ ПОЛЬСКОЙ КОНСТИТУЦИИ ИЛИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ?

В статье разбирается сюжет, впервые упомянутый в литературе М. С. Альперовичем. 13 (2) февраля 1787 г. в Киеве польский граф Игнаций Потоцкий (1750–1809) на званом обеде сказал бывшему полковнику испанской армии, венецуэльцу Франсиско де Миранде (1750–1816), что лучшим памятником Рима показалось ему изображение царей со связанными руками (*Reyes ligados por las manos*). Эта фраза дошла до Г. А. Потёмкина, короля Станислава Августа и его окружения и получила республиканскую трактовку, которая хорошо вписывается в историю жизни собеседников: Игнаций Потоцкий станет соавтором польской Конституции 3 мая 1791 г., в 1792 г. будет исполнять обязанности военного министра, во время восстания Тадеуша Костюшко 1794 г. будет министром иностранных дел; Франсиско де Миранда с 1783 г. готовил революцию в Испанской Америке и возглавит независимую Венесуэлу в 1812 г. В статье впервые определены «связанные цари» – статуи побеждённых варварских правителей (с 1720 г. в Palazzo dei Conservatori). С середины XVI до середины XIX вв. «связанные цари» выставлялись по обе стороны от женской статуи Цереры, переделанной в образ побеждающего, триумфального Рима (*Roma victrix, Roma triumphans*), – композиция символизировала победу Вечного города. Выдвинута гипотеза о «двойном» смысле слов Игнация Потоцкого: и политическая декларация радикального Просвещения, и скрытый панегирик Екатерине II.

Ключевые слова: *разделы Польши, польско-российские отношения, Просвещение, «просвещённый абсолютизм», путешествие Екатерины II в Крым, история Киева, Игнаций Потоцкий, Потоцкие, Франсиско де Миранда, Roma Cesi.*

Памяти Моисея Самуиловича Альперовича (1918–2015)

В январе-июле 1787 г. Екатерина II совершила своё знаменитое путешествие из Санкт-Петербурга в Крым, включавшее не только внутри-, но и внешнеполитическую повестку: помимо прочего, императрица встретила с приехавшим инкогнито императором Священной Римской империи Иосифом II Габсбургом (1780–1790) и с польским королём Станиславом Августом Понятовским (1764–1795). Много месяцев в Киеве и Каневе, ниже по Днепру, высшая польская знать, ожидая «свидания» Екатерины II со Станиславом Августом, виделась с русскими государственными деятелями, участвовала в интригах. Императрица прибыла в Киев 29 января (9 февраля), а встреча – на Днепре у Канева 25 апреля (6 мая)¹. Французский посол граф Луи-Филипп де Сегюр (1753–1830) записал слова франко-бельгийского аристократа, легендарного либертена и остролова, друга Казановы – но притом выдающегося военного, принца Шарля-Жозефа де Линя (1735–1814), чей сын был женат на польской княжне, о собравшихся вельможах Речи Посполитой: «[о]ни обманываются, их обманывают, они обманывают других (*ils se trompent, on les trompe, et ils en trompent d'autres*)². Очевидно, создались условия

¹ Брикнер 1872: 1–51; 1885: 5–23, 242–264, 444–509; Панченко 1983: 93–104; Бессарабова 2005; Ибнеева 2009; Griffiths 2008: 339–348; Liske 1874: S. 481–508.

² Ségur 1824–1830: III, 108.

для самых неожиданных встреч, внимательное рассмотрение которых может уточнить наши представления о политике и идеологии эпохи Просвещения. Об одном таком казусе пойдёт речь в этой статье.

13 (2) февраля 1787 г. в Киеве на ужине у Льва Александровича и Марины Осиповны Нарышкиных – сопровождавших императрицу известных хлебосолов, состоялась примечательная беседа. Польский граф, надворный маршалок (маршал) литовский³ (1783–1791) Игнаций (Игнатий Евстафьевич) Потоцкий (1750–1809) в разговоре о римских достопримечательностях сказал своему ровеснику, бывшему полковнику испанской армии, венесуэльцу Франсиско де Миранде (1750–1816), что лучшим памятником Вечного города показалось ему изображение царей со связанными руками (*Reyes ligados p^r. las manos*). Миранда понял, что собеседник, которого, как он записал, «считают самым способным из присутствующих здесь поляков», «естественно», подразумевал «собственное правительство» (*con alusion á su gobierno naturalmente*)⁴. Слова графа дошли до светлейшего князя Г. А. Потёмкина (1739–1791), и тот 22 (11) февраля заметил Миранде, что за такой анекдот о «двух связанных царях в Капитолии» графа «в другое время, и совсем недалёкое, отправили бы в кибитке (Kibitka) в Сибирь на весь остаток дней»⁵. 20 марта в Фастов к Станиславу Августу, чей поезд ещё только приближался к Каневу, прибыли сам Потёмкин, муж его племянницы Александры Васильевны Энгельгардт (1754–1838), великий коронный гетман польский⁶ Франциск Ксаверий Браницкий (1731–1819) и князь Карл Нассау-Зиген (1743–1808) – морской офицер на польской, а вскоре на прусской службе, один из посредников в устройстве Каневской встречи⁷. От них о событии узнал сам король, который изложил его несколько иначе. 21 марта он написал директору королевского кабинета графу Пиусу Кичинскому (1752–1828): в разговоре о Риме вспомнили «статуи двух царей Дакии, которые изображены со связанными руками» – и Игнаций Потоцкий заметил: «Хотел бы видеть царей в таком состоянии, связанными» (*J’aime à voir des rois dans cet état, liés*), на что Потёмкин ответил: «Сказал бы он такое во времена Елизаветы, отправила бы она его, связанного, в Сибирь» (*Si du temps d’Élisabeth il avait dit cela en Russie, elle l’aurait envoyé lié; lui, Potocki; en Sibérie*)⁸. Соде-

³ Заместитель маршалка великого литовского – главного должностного лица в Великом Княжестве Литовском; председатель маршалковского суда.

⁴ Archivo del General Miranda. 1929–1950: II, 257 (перевод: Миранда 2001: 88). Здесь и далее перевод наш – А. А. И.

⁵ Archivo del General Miranda 1929–1950: II, 266 (Миранда 2001: 97).

⁶ Т.е. командующий польской армией.

⁷ Naruszewicz 1788: 66.

⁸ Kalinka 1891 [1868]: 15. Необычен образ Елизаветы Петровны, остановившей смертную казнь в Российской империи, как грозного властителя; в отношениях с Польшей в елизаветинское время защита прав не католического населения (диссидентов) велась дипломатическими средствами. См.: Zielińska 2001: 9–59; Носов 2004: 14–37; Анисимов 2022: 74–87. Гражданское противостояние Барской Конфедерации (1768–

жание разговора Игнация Потоцкого и Миранды («исключительного человека, умного и блестящего [qui a beaucoup d'esprit], который понравился князю Потёмкину») о «статуях связанных царей в Капитолии» пересказал в письме жене князь Нассау-Зиген⁹.

Что же крылось за этой фразой, известной нам в нескольких непротиворечащих изложениях? Как её верно трактовать? Как сложились судьбы участников беседы? Игнаций Потоцкий – один из ярких представителей польского Просвещения, член знаменитой Эдукационной комиссии (первого в Европе государственного учреждения, которое выполняло обязанности министерства просвещения) со времени её основания в 1773 г., председатель подчинявшегося комиссии издательства школьных учебников – Товарищества элементарных книг (1775–1791), деятель Четырёхлетнего сейма (1788–1792), соавтор, вместе с Гуго Коллонтаем (1750–1812), знаменитой Конституции 3 мая 1791 г., основанной на разработанном им проекте государственных реформ – «Началах для исправления правительства». В сейме настал звёздный час Игнация Потоцкого, который возглавил «патриотическую» партию, направленную и против Станислава Августа, чей план реформ подразумевал усиление просвещённой королевской власти и союз с Россией, и против старой шляхты, мечтавшей сохранить «золотую вольность» дворянских привилегий, включая *liberum veto*, и тоже опиравшуюся на Россию, тогда как «патриоты» надеялись на помощь Пруссии. Игнаций Потоцкий более других выступал за усиление обновлённого (но всё же не весословного) сейма. В войну 1792 г., ставшую причиной второго раздела Польши, Игнаций Потоцкий исполнял обязанности военного министра, во время восстания Тадеуша Костюшко 1794 г. стал министром иностранных дел, а после поражения восстания содержался в Шлиссельбургской крепости, откуда был освобождён Павлом I. Перед смертью пытался убедить Наполеона включить австрийскую Галицию в состав Герцогства (Княжества) Варшавского¹⁰.

Франсиско де Миранда, великий странник, революционер и авантюрист, в 1783 г. бежал с испанской службы и посвятил жизнь борьбе за независимость Испанской Америки, пытаясь использовать для этой цели противоречия между великими державами. Попав в Россию и неожиданно оказавшись в средоточии российско-польской политической жизни, Миранда вёл тонкую игру, вроде как скрывая свою конечную цель, однако, видимо, косвенно на неё намекая. Даже польский король, описывая 27 марта графу Кичинскому знакомство с Мирандой,

1772) и Коливищины (1768), которое приведёт к первому разделу Польши, случится уже при Екатерине II. Очень вероятно, что упоминание Елизаветы – намёк на обстоятельства жизни самого Станислава Августа, в 1758 г. высланного из Петербурга по подозрению в соучастии в заговоре канцлера А.П. Бестужева-Рюмина, который якобы имел целью поставить на трон Павла Петровича при регентстве Екатерины Алексеевны (благодарю С.В. Польского за это указание).

⁹ Aragon 1893: 133–134.

¹⁰ Morawski 1911; Zielińska 1984: 1–17; Janeczek 1992; Janeczek 2005.

понял, что тот мечтал бы стать «Вашингтоном» для своей страны¹¹. Хотя в России Миранде предложили перейти на русскую службу, он остался верен избранному делу: впереди были попытки привлечь на свою сторону британское и французское правительства, неожиданная, но блестящая карьера во французской революционной армии, первая неудачная революционная экспедиция в Испанскую Америку (1806–1807) и, наконец, возвращение в родную Венесуэлу, где Миранда возглавил первую республику (1812), поражение в войне с роялистскими войсками, плен и тюрьма, где он и скончался (1812–1816), не увидев новый, победный подъём движения за независимость. Симона Боливера (1783–1830) революционеры наградили титулом Освободителя Испанской Америки, а Миранду, правда, уже посмертно стали называть Предтечей (Precursor) независимости¹².

Не только разделам Польши, но и Миранде посвящена огромная литература, но в этой беседе попытались разобраться только классик отечественной латиноамериканистики М.С. Альперович (1918–2015) и две современные исследовательницы. Альперович уделил казусу много места: «Этот ‘смутьян’ [Игнаций Потоцкий], не боявшийся высказывать вслух ‘крамольные’ в условиях самодержавного строя мысли, явно пришёлся по душе Миранде... эти ‘подстрекательские’ речи... были известны вельможе [Потёмкину]. В результате ненавидящий Игнаций Потоцкий стал в его глазах ещё более одиозной личностью. Вместе с тем подозрительного царедворца, видимо, насторожило то обстоятельство, что опекаемый им Миранда не только водит дружбу с фрондирующими против короля поляками, но и охотно (а возможно, даже сочувственно) внимает явно ‘бунтарским’ высказываниям. А, может быть, он и сам того же поля ягода?». Потёмкин тогда попросил российского посланника в Варшаве О.М. фон Штапельберга (1736–1800) объяснить Миранде, какие поляки «беспокойные и легкомысленные» (17 [6] февраля), и только неожиданное расположение Екатерины II (22 [11] февраля) сохранило венесуэльцу место при императорском дворе¹³. Студентки-филологи Симферопольского университета И.А. Гринь и А.О. Третьякова, комментируя свой перевод писем Нассау-Зигена, пишут: «Неясное место», – но предполагают, что речь может идти о рельефах колонны Траяна; «[ш]утка Потоцкого должна была польстить республиканцу Миранде, но, вероятно, обидела бы Потёмкина как представителя Екатерины II¹⁴.

¹¹ Kalinka 1891 [1868]: 16.

¹² Robertson 1929; Бооркес [1998]; Racine 2002; Hernández González 2006; Iserov [2019].

¹³ Альперович 1986: 79–80, 82.

¹⁴ Отрывок из биографии Шарля Нассау-Зигена (1786–1787 гг.) 2020: 388 сн. Заметим, что и в 1780-е, и в 1810-е гг. Миранда оставался сторонником британского государственного строя, в чём его только укрепил опыт Французской революции, так что настоящим республиканцем его назвать нельзя. Из трёх составленных им конституционных проектов для Испанской Америки (1797, 1801, 1808) первый подразумевал ограниченную монархию.

Правы ли И.А. Гринь и А.О. Третьякова? О каких именно римских «связанных царях», возможно, дакийских, говорил Игнаций Потоцкий? Определение памятника может пролить свет на точный смысл его слов.

Античных скульптурных изображений варваров, в т.ч. считавшихся в XVI–XVIII вв. даками, сохранилось в Риме весьма много, включая, к примеру, два образа из Палаццо Фарнезе, которые как раз в том же 1787 г. Фердинанд IV Неаполитанский передал реставратору, а в 1790 г. перевёз в Неаполь, где они сегодня хранятся в Национальном археологическом музее¹⁵. Однако есть только одна пара статуй варваров, чьи руки, впрочем, отбиты, но, как обычно считалось и считается сегодня, были, по крайней мере, у одного из изображений, изваяны связанными. И тогда, и сегодня их как раз можно увидеть в Капитолии, и в XVIII в. изображённых варваров часто считали даками. Речь идёт о двух огромных (324 и 315 см высотой) превосходных статуях бородатых мужей из тёмного мрамора (*bigio morato*), которые современные исследователи датируют временем Септимия Севера (193–211) и связывают с его парфянскими победами, увековеченными в Триумфальной арке (202–203) на Форуме. Под туники и тоги (одна – оторочена бахромой) у мужей надеты варварские штаны и башмаки¹⁶.

Эти статуи варваров (их вполне можно считать варварскими царями) со связанными руками были обнаружены в римских раскопках и в 1520-е гг. куплены кардиналом Паоло Эмилио Чези (1481–1537) и уже к середине 1530-х гг. стояли в саду его дворца, расположенного близ собора Святого Петра¹⁷. Его брат, тоже кардинал Федерико Чези (1500–1565), наследник дворца и античного собрания, отреставрировал статуи и купил, помимо многих других, ещё две, из которых составил единую композицию. Он поставил варварских мужей по обе стороны от величественного изображения женщины на троне (310 см высотой), которую сегодня считают Церерой, созданной в эпоху императора Адриана (117–138) по греческому образцу V в. до н.э. Отреставрированную голову увенчали шлемом, видимо, по образцу Минервы¹⁸. В её пьедестал слева и справа вмонтировали два барельефа с изображением оружия и доспехов (66,2/65,8 см * 86,8 см; 66/66,8 см * 89,5/88,9 см), видимо, траяновского времени, и спереди – горельеф сидящей в три четверти, склонив-

¹⁵ An Account of Some of the Statues, Bas-reliefs, Drawings and Pictures in Italy, &c.... 1722: 130; Keysler 1757–1758: II, 384; Martyn 1791: 229; Haskell, Penny 1998 [1981]: 169–170, 172.

¹⁶ A Catalogue of the Ancient Sculptures Preserved in the Municipal Collections of Rome. 1926: 15–16.

¹⁷ Этот и следующие абзацы в значительной степени основаны на: A Catalogue of the Ancient Sculptures Preserved in the Municipal Collections of Rome 1926: 15–18; Hülsen 1917: 5, 25–26 (№ 84–87); Meulen 1974: 22; Bentz 2013: 139–141, 145–146; Aikin 1980: 583–597, esp. 589–591, 596–597; Leibenwein 1981: 73–117; Pommier 2007: 3–24; Haskell, Penny 1998 [1981]: 171, 193–194; Tempesta 1991–1992: 309–340.

¹⁸ Про обрётённый шлем не пишет ни один из цитируемых выше искусствоведов.

шейся, плачущей женщины (120 см*75 см) – и в XVI в., и сегодня в ней видели образ пленённой Дакии (*Dacia capta*); возможно, он происходит из Арки Траяна в Беневенто на Аппиевой дороге (114–117), посвященной знаменитому императорскому триумфу 107 г., который обычно помнят по Колонне Траяна на римском Форуме. Так из Цереры получился образ побеждающего, триумфального Рима (*Roma victrix, Roma triumphans*)¹⁹ – беломраморной *Roma Cesi*.

Впервые новая композиция была запечатлена в гравюре Николая Беатризе (*Nicolas Beatrizet, Beatricetto*, ок. 1507 – ок. 1566), напечатанной Антуаном Лафрери (*Lafréry, Lafreri*, ок. 1512–1577) в 1549 г. Примечательна подпись под ней: центральная фигура изображает Рим, побеждающий Дакию (*Roma victrix de dacia provincia subacta triumphans*), а вот варварские цари, может, из-за тёмного цвета мрамора названы нумидийцами (*Rex barbarus numida captivus populi romani*) – вероятно, напоминая о победах как Гая Мария, пленившего Югурту (триумф 104 г. до н.э.), так и его врага Гнея Помпея, согласно Саллюстию, пленившего и казнившего Иарба (82 или 81 г. до н.э.) – а, может, ещё Сципиона Африканского, пленившего Сифакса (триумф 201 г. до н.э.)²⁰. Т.е. с самого начала было ясно, что композиция объединяет разновременные (и, добавим, разностилевые) статуи, но как раз тем самым её создатель подчеркнул единый ряд римских побед, причём как до, так и после установления империи – Рим победит всегда, кто бы в нём ни правил (странно, что такую трактовку не предложил ещё ни один исследователь).

Композиция, воплощавшая победу Вечного города, заняла главное, наиболее заметное место в саду. Федерико Чези, очевидно, создал её в противовес печальной памяти о разграблении Рима наёмниками императора в мае 1527 г. (*Sacco di Roma*), тем более что именно через сад Чези солдаты бежали, чтобы пробить одну из брешей в городской стене. Владения Чези стали одной из римских достопримечательностей, мимо которой не проходили путешественники, и созданная кардиналом композиция обрела славу, многократно описывалась и изображалась. Эти парные статуи, видимо, вдохновили образ XV сонета фантазмагоричных «Сновидений» (1558) великого поэта Пляды Жоашена дю Белле (1522–1560): у ног колоссальной («сестры Тифона», т.е. мифологического великана) богоподобной женщины в шлеме – сто побеждённых царей, чьи «руки позорно связаны за спиной»²¹.

¹⁹ Эпитет восходит к популярной книге Флавио Бьондо (1392–1463), в которой он воспевал доблесть языческого Рима (1459).

²⁰ См. экземпляр гравюры, например, в Британском музее № 1869,0410.2148 – https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1869-0410-2148. В наших собраниях, судя по Государственному каталогу Музейного фонда Российской Федерации, этой гравюры нет. В раннем описании композиции (*Aldrovandi, Mauro* 1556: 127–128) не указано происхождение «двух пленных царей». Хотя никто не предпринимал попытку дополнить реставрацией отбитые руки варварских царей, они всегда воспринимались как связанные или, как мы увидим, иногда как даже отрубленные.

²¹ *Cent Roys vaincuz gemissoient à ses piedz, // Les bras au doz honteusement liez.* (*Songe*, XV, 4–10). *Cooper* 1989: 160.

Олицетворением вечного могущества Рима стала эта композиция для одного малоизвестного духовного автора середины XVII в., цитировавшего знаменитое место «Энеиды»²², которое Данте приводит в доказательство Божественного происхождения римской императорской власти, что воплощает человеческое стремление к счастью и всеобщему благу. Бог избрал римлян, поскольку нет «натуры более мягкой в своём владычестве, более твёрдой в своём долготерпении и более хитроумной в своих завоеваниях», причём наделённой «величайшим и человечнейшим смирением»: «должность эта была поначалу захвачена римским народом не силой, но Божественным провидением, которое превыше всякого права» (Пир, IV, IV, 10–12; пер. А. Г. Габричевского):

his ego nec metas rerum nec tempora pono;
imperium sine fine dedi <...> (Aeneid. I. 278–279)²³

Рубенс, видимо, первым и едва ли не единственным изобразил *Roma Cesi* в профиль, впрочем, без пьедестала и варварских царей, для гравюры, иллюстрировавшей исследование его брата – антикария Филиппа Рубенса (1574–1611)²⁴. В роскошном сборнике гравюр античных и современных римских статуй (1704) известного римского издателя Доменико де Росси (1659–1730) и антикара Паоло Алессандро Маффеи (1647–1729) именно изображение композиции Чези украшает идущий вслед за титулом лист посвящения папе Римскому Клименту XI (1700–1721)²⁵.

В 1719 г. упомянутый Климент XI купил уже изрядно поредевшее собрание Чези и построил для её показа особый портик с тремя нишами в атриум *Palazzo dei Conservatori* на Капитолийском холме, открытый 4 октября 1720 г. Над центральной арочной нишей, где разместили *Roma Cesi* с царями, – подробная надпись, по смыслу повторяющая подписи к гравюре Беатризе–Лафрери, а в меньших левой и правой нишах – две египетские статуи. Там они находятся и сегодня, но уже в середине XIX в. царей передвинули в левую и правую ниши²⁶, оставив в одиночестве *Roma Cesi* над пленённой Дакией (египетским статуям пришлось найти другое место)²⁷. Поместив композицию Чези на столь значимое место, Климент XI стремился показать возрождение папского идейного могущества, единство в борьбе обновлённой в 1717 г. Священной Лиги (предыдущая была создана в 1684 г.) против Оттоманской Порты. Если в войнах 1683–1699 гг. Константинополь потерял Венгрию, включая

²² Borboni 1661: 121.

²³ В переводе С. А. Ошерова: «Я же могуществу их не кладу ни предела, ни срока, // Дам им вечную власть. <...>».

²⁴ Rubens 1608: 67 [Iconismus duplicis statuae tunicatae]; Jaffé 1977: 79.

²⁵ Maffei, Rossi 1704.

²⁶ Например: Righetti 1833: I, 157 (композиция ещё не разъединена, египетские статуи в левой и правой нишах портика); Baedeker 1869: 209 (современное расположение статуй в портике).

²⁷ Inv. МСo № 775 – *Roma victrix*; Inv. МСo № 776 – *Dacia capta*; Inv. МСo № 773, Inv. МСo № 779 – варварские цари, Inv. МСo № 1968, 1969 – барельефы с оружием и доспехами.

Трансильванию, не смог сохранить незадолго до того приобретённое Подолье, уступил России Азов с окрестностями, то во Второй Морейской войне 1714–1718 гг. Венеция терпела поражения, но была спасена Климентом XI: он договорился с Филиппом V Бурбоном (1701–1746), гарантировавшим, что Испания не нападёт на приобретённые по Утрехтскому миру 1713 г. австрийские владения в Италии (впрочем, ненадолго – в 1735 г. Габсбургам придётся признать возвращение Неаполитанского и Сицилийского королевств Бурбонам), и разрешил использовать на военные нужды церковные доходы за три года на землях Священной Римской империи; это позволило императору Священной Римской империи и австрийскому королю Карлу VI Габсбургу (1711–1740) вступить в войну в 1716 г. После нескольких побед, одержанных прославленным полководцем Евгением Савойским (1663–1736), в 1718 г. между Веней и Константинополем был заключён Пожаревацкий мир, согласно которому Австрия получила (пусть почти все земли тоже ненадолго, до 1739 г.) часть Валахии, Банат и значительную часть Сербии и Боснии с Белградом. Рим отвоёвывал христианские земли у исламских завоевателей – так мыслил события папа Римский. Да, и триумф оказался недолговечным, и папская власть не вернула себе светское могущество – но Климент XI об этом не узнал: *vita brevis, ars longa*.

Сегодняшний зритель, вероятно (тема ведь не исследована), в первую очередь, вспоминает из атрия Palazzo dei Conservatori выставленную сразу справа от портика Климента XI огромную голову императора Константина из базилики Максенция – ту самую, что поставил ещё создатель дворца Микеланджело; в бесчисленных курсах всеобщей истории искусства её приводят как свидетельство перемен в античном художественном мире, предвещающих раннехристианскую эстетику. Не каждый – как показал мой, конечно, непредставительный опрос знакомых антиковедов, византинистов и в целом искусствоведов – сразу и вспомнит три статуи и горельеф из собрания Чези!

В XVIII веке дело обстояло иначе. Порттик Климента XI с композицией Чези был знаменит, упоминаясь в известных и не очень путеводителях и описаниях Вечного города. Иоганн-Иоахим Винкельман (1717–1768) называл реставрацию *Dacia Capta* «красивейшей в мире»²⁸, Джованни Паоло Панини (1691–1765) поместил этот горельеф в своё знаменитое полотно «Галерея видов Древнего Рима» (1758, Лувр), а Помпео Батони (1708–1787) использовал его как фон, по крайней мере, трёх портретов английских аристократов (1766, 1775, 1777). Наконец, в середине 1770-х гг. Доменико Корви (1721–1806) изобразил всю композицию, причём создав, наконец, единый художественный образ – творчески изменив позы варварских царей и добавив им руки, для огромной шпалеры ок. 450*300 см, размещённой в новом Зале гобеленов в самом Palazzo dei Conservatori (Inv. PC329). Очевидно идейное на-значение

²⁸ Giacomini 2017: 261.

шпалеры, ведь именно в этом зале был поставлен трон папы Римского в его качестве правителя Вечного города.

Хотя в надписи над арочной нишей варварские цари названы нумидийцами, уже Бернар де Монфокон (1655–1741) обратил внимание, что это могли быть и парфяне (кстати, современная атрибуция), и даки²⁹. Винкельман думал, что руки у царей были изваяны отрубленными и считал их фракийцами, вслед античной традиции неверно отождествив с ними кельтов-скордисков из Верхней Паннонии, о которых Луций Анней Флор сказал, описывая события начала 70-х гг. до н.э.: «Эти свирепейшие из врагов могли быть усмирены не иначе как их же обычаями. И хотя жестоко применять против пленников огонь и железо, однако не было ничего страшнее для варваров, чем перенести наказание и остаться жить с отрубленными руками» (Epit. I, XXXIX, 7, пер. М.Ф. Дашковой)³⁰. Дакийская версия, впрочем, не уходила. Джованни Баттиста Пиранези (1720–1778), подобно Доменико де Росси, поместил композицию Чези, но без вмонтированной в пьедестал Dacia Capta, на фронтиспис увража о колонне Траяна с посвящением папе Клименту XIV (1769–1774), а на титульном листе изобразил упоминавшееся парное изображение даков из Палаццо Фарнезе. В подписях на лагаты и итальянском варвары из Palazzo dei Conservatori названы даками, причём Пиранези, так сказать, развивая Винкельмана, утверждал, что руки у них были изначально отрублены³¹.

Миранда видел композицию Чези в Palazzo dei Conservatori буквально за год до беседы с Игнацием Потоцким – 5 февраля 1786 г., и отметил её в своём дневнике – «известная статуя триумфального Рима и другие, царей-пленников»³². Готовясь к духовному званию, Игнаций Потоцкий учился в Риме в одной из колыбелей польского Просвещения – пиаристском Collegium Nazarenum, в 1765–1768 гг. и оставался в Италии до 1770 г., когда решил избрать светскую карьеру. Его авторству принадлежат трактат по архитектуре, оставшийся в рукописи и недавно напечатанный, и многочисленные архитектурные наброски в классицистическом духе³³. Родной брат Игнация Потоцкого Станислав-Костка (Станислав Евстафьевич) Потоцкий (1755–1821), «отец польского искусствознания», позднее издаст очерк искусства от Месопотамии и Древнего Египта до поздней античности – раннего средневековья под заголовком «Об искусстве древних, или польский Винкельман»³⁴.

Очень вероятно, что Игнаций Потоцкий хорошо знал, если не историю коллекции Чези и римских событий 1520–1540-х гг., то по край-

²⁹ Montfaucon 1719–1724: I Suppl. Tabl. LXXII, 185–187.

³⁰ Winckelmann 1767: I, lxxxvii. O Dacia Capta – Winckelmann 1767: I, xciv.

³¹ Piranesi 1774–1775. К сожалению, в наших собраниях гравюр из этого увража нет.

³² Archivo del General Miranda: II, 88. Миранда был в Риме с 25 января по 24 февраля 1786 г.

³³ Potocki 2015.

³⁴ Potocki 1815.

ней мере превратности отношений Святого Престола и Османской империи, тем более что Речь Посполитая была важным действующим лицом (достаточно вспомнить Подолье!) тех геополитических противоречий последней четверти XVII – первой четверти XVIII в., в которые вмешался Рим. Представить, что Игнаций Потоцкий забыл или перепутал, что значили «связанные цари», почти невозможно.

Тогда можно предложить такую гипотезу, не настаивая, конечно, на её истинности: к сожалению, нам не знакомы источники, возможно, сохранившиеся в фонде Потоцких в варшавском Архиве древних актов, которые бы сразу подсказали разгадку его фразы. Образованный царедворец, граф Игнаций Потоцкий, понимая, среди прочего, что обращённые к новому венесуэльскому знакомому слова донесутся не только до непосредственного собеседника, но станут достоянием русского и, вероятно, польского дворов, произнёс фразу, наделённую для слушателей двойным смыслом, так сказать, «старым» и «новым».

С одной стороны, в ней очевидна политическая декларация радикального Просвещения, где критика неограниченной, по крайней мере теоретически, наследственной власти раннего нового времени переросла в призыв к конституционному правлению и даже республике. А с другой, грамотный слушатель мог разгадать в словах графа скрытый панегирик Екатерине II. Разве Екатерина II не мыслила себя освободительницей христианского края от османского гнёта, а её путешествие 1787 года, участниками которого стали Миранда и Игнаций Потоцкий, – свидетельством триумфа, буквально совпадающего с тем, о котором мечтал Климент XI: древние христианские земли в Европе были отвоеваны от турок. Заранее переданные предложения Станислава Августа Екатерине II (*Souhaits du roi*), пусть и не принятые императрицей во время Каневской встречи, включали союз против Османской империи. Наконец, разве сама Екатерина II – «мать Отечества», как гласил её официальный титул с 1767 г., гордившаяся своим классическим, римским профилем³⁵ «Северная Минерва», как её неоднократно называли и изображали, не напоминает *Roma Victrix* из собрания Чези?³⁶

Зачем Игнаций Потоцкий, совсем в скором будущем – герой Четырёхлетнего сейма, решил пойти на столь изысканную лесть русской императрице? Чтобы попробовать объяснить причины его поступка, нужно постараться не смотреть на него из 1788 или тем более 1794 года. В зимние и весенние месяцы 1787 г. польская верхушка, собравшаяся в Киеве, делилась не на три партии, как в Четырёхлетнем сейме, а на две: сторонников короля Станислава Августа, который надеялся на поддержку своих реформ Санкт-Петербургом, и на его

³⁵ Проскурина 2006: 36.

³⁶ Очевидно, на этом предположении нужно остановиться, и не развивать, как сделали бы наверняка некоторые исследователи, мысль дальше, вспоминая образы Москвы – Третьего Рима, и сарматизма – представления о сарматском, «восточном» происхождении польской шляхты.

противников – как реформаторов, так и принципиальных ретроградов, которые тоже думали получить помощь от России. Не случайно, Игнаций Потоцкий расположился в Киеве в доме у Ксаверия Браницкого, думавшего повлиять на Екатерину II через своего тестя Потёмкина.

Граф де Сегюр вспоминал, что польская оппозиция постаралась использовать пребывание Екатерины II в Киеве, чтобы «навредить» королю Станиславу Августу: Игнаций Потоцкий и Ксаверий Браницкий будто бы уже убедили Потёмкина, что король противился его планам земельных приобретений в Польше (как раз в конце 1786 г. Потемкин, с его приобретённым польским индигенатом, т.е. правами натурализованного шляхтича, за баснословные 2 млн руб. серебром купил у Любомирских имение Смелу в нынешней Черкасской области, где жили многие десятки тысяч человек). Князь Нассау-Зиген и граф Штапельберг, «расстроив эту интригу, примирят» екатерининского властелина со Станиславом Августом³⁷. Вероятно, эта интрига определила отношение Потёмкина к польскому аристократу. 20 (9) марта Потёмкин сказал Станиславу Августу, что считал Игнация Потоцкого «худшим человеком на свете», а ещё через две недели польский король услышал новое определение – «негодяй» (*scélerat*). Когда Потёмкин ужинал у Браницкого, Потоцкому нужно было уходить из дома!³⁸

У Екатерины II был и частный повод не доверять братьям Потоцким: они с ранних лет хорошо знали великого князя Павла Петровича. Игнаций сблизился с ним ещё в 1776 г., когда впервые посетил Санкт-Петербург, и именно Станислав-Костка в конце 1782 г. представил наследнику русского престола приехавшего с ним из Рима в польское имение архитектора Винченцо Бренну (1757–1820), которому суждено будет стать главным зодчим павловского двора³⁹. Ещё 11 февраля (31 января) во время приёма Екатерина встретила Игнация Потоцкого подчеркнуто холодно⁴⁰.

Сделанный в беседе с Мирандой намёк то ли не дошёл до Екатерины II, то ли не был понят или воспринят всерьёз. Ставка на императрицу себя не оправдала, и нужно было искать другого союзника; такой был найден – Пруссия. Принц де Линь в своих сочинениях любил домысливать, в т.ч. приписывая себе влияние, которым не обладал. Тем не менее, его слова следует процитировать: «К катастрофам, невольной причиной которых я могу себя считать, должен добавить несчастье Польши. Из-за меня русская императрица плохо приняла Игнация Потоцкого в Киеве. Я обещал это [польскому] королю. Потому он навязал себя и свою страну королю прусскому (*il se jeta lui et son pays à la tête du roi de Prusse*). Вследствие сего конституция 3 мая и всё, что последовало»⁴¹.

³⁷ Ségur 1824–1830: III, 108.

³⁸ Kalinka 1891 [1868]: 11, 24.

³⁹ Кучумов 2004: 158–165.

⁴⁰ Morawski 1911: 64.

⁴¹ Mémoires du Prince de Ligne 1860: 116.

Разумеется, такое объяснение тектонического сдвига *ad hominem* звучит наивно. В бурные времена, когда укоренённый подчас в вековой традиции порядок стремительно меняется, прирождённые («идеально-типические», по Веберу) политики быстро чувствуют перемены. Одних ведут убеждения, которые не получалось претворить в жизнь в существовавших обстоятельствах, возможно, из-за косности мироустройства, тогда как перемены рождали надежду на осуществление планов уже совсем в иных условиях. Так складывается та парадоксальная токвилевская преемственность старого порядка и революции. Другие следуют острому, оппортунистическому чувству времени, требующему как раз расстаться с прежними взглядами. Современники не ожидали, что в 1775 г. немолодой Бенджамин Франклин (1706–1790), всю свою прежнюю жизнь горячий британский патриот, выступит за полную независимость американских колоний⁴². Кто бы в том же 1787 г. мог предвидеть, как через два года переменится жизнь епископа Отенского Шарля Мориса де Талейрана-Перигора (1754–1838)? Угадали бы в обрусевшем энтузиасте-шестидесятнике из Нальчика Ю. М. Шанибове (1936–2020) будущего председателя Конфедерации горских народов Кавказа, митингового вождя Мусу Шаниба?⁴³

Переломное событие, будь то война за независимость США 1775–1783 гг., Французская революция 1789–1799 гг., второй и третий разделы Польши 1792 и 1795 гг. и восстание Костюшко 1794 г., распад СССР в 1991 г., исключает возврат к прошлому и зачастую компромисс, чётко проводя линии фронта. Но даже в таких обстоятельствах политики часто пересекают эту линию, и не один раз. Игнаций Потоцкий не дожил до мира, но вот Станислав-Костка Потоцкий, горячо поддерживавший родного брата в Четырёхлетнем сейме, возглавивший в Герцогстве (Княжестве) Варшавском Эдукационную палату и кадетский корпус, очевидно, пользуясь амнистией Заключительного акта Венского Конгресса, стал в Царстве Польском министром исповеданий и народного просвещения, а затем президентом Сената. Его единственный сын Александр-Станислав (1778–1845) получил от Наполеона звание камергера, в 1815 г. перешёл на русскую военную службу и в восстании 1830–1831 гг. участия не принял. На чьей стороне оказались бы в этом восстании братья Игнаций и Станислав-Костка Потоцкие, мы никогда не узнаем.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Альперович М.С. Франсиско де Миранда в России. М.: Наука, 1986. 352 с. [Al'perovich M.S. Fransisko de Miranda v Rossii (Francisco de Miranda in Russia). Moscow: Nauka, 1986. 352 pp.]
- Анисимов М.Ю. Российская дипломатия в защите прав православных в Речи Посполитой при Елизавете Петровне (1741–1761 гг.) // Известия Самарского научного центра РАН. Исторические науки. Т. 4. № 3 (2022). С. 74–87 [Anisimov M.Yu. Rossiiskaya diplomatiya v zashchite prav pravoslavnykh v Rechi Pospolitoi pri Elizavete Petrovne (1741–1761 gg.) (Russian diplomacy in defense of the Orthodox Rights in the Polish-Lithuanian Com-

⁴² Wood 2004.

⁴³ Дерлугян 2012.

- monwealth under Empress Elizabeth, 1741–1761) // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Istoricheskie nauki*. Vol. 4. No. 3 (2022). P. 74–87].
- Бессарабова Н.В. Путешествия Екатерины II по России. М.: МГИ им. Е.П. Дашковой, 2005. 269 с. [Bessarabova N. V. Puteshestviya Ekateriny II po Rossii (Russian Travels of Catherine II). Moscow: Ekaterina Dashkova Moscow Institute of Humanities, 2005. 269 pp.].
- Бооркес К. Франсиско де Миранда: предтеча латиноамериканской независимости. М.: Посольство Боливарианской Республики Венесуэла в Российской Федерации, 6.г. [1998] [Bohórquez [Morán] C. Fransisko de Miranda: predtecha latinoamerikanskoj nezavisimosti (Francisco de Miranda: Precursor of Latin American Independence). Moscow: Embassy of the Bolivarian Republic of Venezuela in the Russian Federation, [1998].
- Брикнер А.Г. Путешествие Екатерины II в полуденный край России в 1787 году // Журнал министерства народного просвещения. Ч. CLXII (июль 1872). С. 1–51 [Brikner A.G. Puteshestvie Ekateriny II v poludennyi kraj Rossii v 1787 godu (Travel of Catherine II to Southern Russia in 1787) // *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Pt. CLXII (July 1872). P. 1–51.].
- Брикнер А.Г. Путешествие Екатерины II-й в Крым // Исторический вестник. 1885. Т. 21. С. 5–23, 242–264, 444–509 [Brikner A.G. Puteshestvie Ekateriny II-i v Krym (Travel of Catherine II to Crimea) // *Istoricheskii vestnik*. 1885. Vol. 21. P. 5–23, 242–264, 444–509.
- Дерлугян Г.М. Адепт Бурдые на Кавказе: Эскизы к биографии в миросистемной перспективе. М.: Территория будущего, 2012. 558 с. [Derluguian G.M. Adept Bur'de na Kavkaze: Eskizy k biografii v mirosistemnoj perspective (Bourdieu's Secret Admirer in the Caucasus: A World-System Biography). Moscow: Territoriya budushago, 2012. 558 p.]
- Ибнеева Г.В. Имперская политика Екатерины II в зеркале венченосных путешествий. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 467 с. [Ibneeva G.V. Imperskaya politika Ekateriny II v zerkale ventenosnykh puteshestvii (Imperial Policy of Catherine II in the Mirror of Monarchical Travels). Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2009. 467 pp.].
- Кучумов А.М. Письмо Винченцо Бренны к графу Станиславу Костке Потоцкому [1962] // Кучумов А.М. Статьи, воспоминания, письма. СПб.: Арт-Палас, 2004. С. 158–165 [Kuchumov A.M. Pis'mo Vinchenntso Brenny k grafu Stanislavu Kostke Pototskomu [1962] (A Letter of Vincenzo Brenna to Count Stanisław Kostka Potocki) // Kuchumov A.M. Stat'i, vospominaniya, pis'ma (Articles, Recollections, Letters). Saint Petersburg: Art-Palás, 2004. P. 158–165].
- Миранда Ф., де. Путешествие по Российской империи / Пер. с исп. М.С. Альперовича, В.А. Капанадзе, Е.Ф. Толстой; науч. ред., автор прим. М.С. Альперович. М.: Наука, 2001. 362 с. [Miranda F., de. Puteshestvie po Rossiiskoi imperii (Travels in the Russian Empire) / Transl. from Spanish by M.S. Al'perovich, V.A. Karanadze, E.F. Tolstaya; ed. and comm. by M.S. Al'perovich. Moscow: Nauka, 2001. 362 pp.].
- Носов Б.В. Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг. М.: Индрик, 2004. 727 с. [Nosov B.V. Ustanovlenie rossiiskogo gospodstva v Rechi Pospolitoi. 1756–1768 gg. (The Establishment of Russian Rule in the Polish-Lithuanian Commonwealth. 1756–1768). Moscow: Indrik, 2004. 727 pp.].
- Отрывок из биографии Шарля Нассау-Зигена (1786–1787 гг.) / Пер. И.А. Гринь, А.О. Третьяковой // Российская империя и Крым / Ред. Д. В. Конкин, Н. И. Храпунов. Симферополь: Издательский дом КФУ, 2020. С. 373–404 [Otryvok iz biografii Sharlya Nassau-Zigena (1786–1787 gg.) (A Fragment from the Biography of Charles de Nassau-Siegen) / Transl. by I. A. Grin', A. O. Tret'yakova // *Rossiiskaya imperiya i Krym (Russian Empire and Crimea)* / Eds. D. V. Konkin, N. I. Khrapunov. Simferopol': Izdatel'skiy dom KFU, 2020. P. 373–404].
- Панченко А. М. Потёмкинские деревни как культурный миф // XVIII век. Т. 14. Л.: Наука, 1983. С. 93–104 [Panchenko A. M. Potemkinskie derevni kak kul'turnyi mif (Potemkin Villages as the Cultural Myth) // XVIII vek. Vol. 14. Leningrad: Nauka, 1983. P. 93–104].
- Проскурина В. Ю. Мифы империи: литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛО, 2006. 322 с. [Proskurina V. Yu. Mify imperii: literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II (Myths of Empire: Literature and Power in the Age of Catherine II). Moscow: NLO, 2006. 322 pp.].
- An Account of Some of the Statues, Bas-reliefs, Drawings and Pictures in Italy, &c. With Remarks by Mr. Richardson, Sen. and Jun. L.: J. Knapton, 1722 (2nd ed.: L.: D. Browne, J. Whiston, B. White, L. Davis, 1754). 357 pp.

- Aikin R. C. *Romae de Dacia Triumphantis: Roma and Captives at the Capitoline Hill* // *The Art Bulletin*. Vol. 62. № 4 (Dec. 1980). P. 583–597.
- Aldrovandi U., Mauro L. *Le antichità de la città di Roma...* Venezia: Giordano Ziletti, 1556. 315 p.
- Aragon A.-L.-A.-Ch., marquis de. *Le prince Charles de Nassau-Siegen, d'après sa correspondance originale inédite, de 1784 à 1789*. P.: E. Plon, Nourrit & Co., 1893. 396 pp.
- Archivo del General Miranda. 23 tomos. Caracas: Sur-América – La Habana: Lex (tomos XVI–XXIII), 1929–1950.
- Baedeker K. *Italy. Handbook for Travellers*. 2nd Part. Central Italy and Rome. 2nd ed., rev. and augm. Coblenz: Karl Baedeker, 1869. 324 pp.
- Bentz K.M. *The Afterlife of the Cesi Garden: Family Identity, Politics, and Memory in Early Modern Rome* // *Journal of the Society of Architectural Historians*. 2013. V. 72. № 2. P. 134–165.
- Borboni G.A. *Delle statue. Roma: Giacomo Fei d'And. F., 1661*. 345 pp.
- A Catalogue of the Ancient Sculptures Preserved in the Municipal Collections of Rome. The Sculptures of the Palazzo dei Conservatori*. By Members of the British School at Rome / Ed. by H. Stuart Jones. Oxford: Clarendon Press, 1926. Xxiv + 480 pp.
- Cooper R. *Poetry in Ruins: The Literary Context of du Bellay's Cycles on Rome* // *Renaissance Studies*. Vol. 3. №2 (June 1989). P. 156–166.
- Giacomini F. *Winckelmann e il restauro delle sculture capitoline // Il tesoro di antichità: Winckelmann e il Museo Capitolino nella Roma del settecento / A cura di E. Dudero, C. Parisi Presicce*. Roma: Gangemi Editore, 2017. P. 259–264.
- Griffiths D.M. *Catherine II Discovers the Crimea* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. Bd. 56. Hefte 3 (2008). S. 339–348.
- Haskell F., Penny N. *Taste and the Antique: The Lure of Classical Sculpture, 1500–1900*. 5th Printing. New Haven (Ct.): Yale University Press, 1998 [1981]. Xvi + 376 pp.
- Hernández González M. *Francisco de Miranda y su ruptura con España*. Santa Cruz de Tenerife: Idea, 2006. 216 pp.
- Hülßen Ch. *Römische Antikengärten des XVI. Jahrhunderts*. Heidelberg, 1917. xiii + 135 S.
- Iserov A.A. *Francisco de Miranda*. 2019 // *Oxford Research Encyclopedia of Latin American History* <https://oxfordre.com/latinamericanhistory/display/10.1093/acrefore/9780199366439.001.0001/acrefore-9780199366439-e-745?rkey=yEesdk&result=1> (30.03.2024).
- Jaffé M. *Rubens and Italy*. Ithaca (N.Y.): Cornell University Press, 1977. 128 pp.
- Janeček Zd. *Ignacy Potocki, Marszałek Wielki Litewski (1750–1809)*. Katowice, 1992. 317 s.
- Janeček Zd. *Polityczna rola marszałka litewskiego Ignacego Potockiego w okresie Sejmu Wielkiego 1788–1792*. Katowice: Wydawnictwo Akademii Ekonomicznej im. Karola Adamieckiego, 2005. 305 s.
- Kalinka W. *Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta*. Cz. 1. Dokumenta do historii drugiego i trzeciego podziału. Wyd. 2. Kraków: Nakładem księgarni Spółki wydawniczej polskiej, 1891 [1868]. 324 s.
- Keysler J. G. *Travels Through Germany, Bohemia, Hungary, Switzerland, Italy, and Lorrain...* / Transl. from German. 4 vols. L.: A. Linde & F. Field, 1757–1758.
- Leibenwein W. *Der Portikus Clemens XI. und sein Statuenschmuck: Antikenrezeption und Kapitolisidee im frühen 18. Jahrhundert* // *Antikensammlungen im 18. Jahrhundert* / Hrsg. H. Beck et al. W. Berlin: Mann, 1981. S. 73–117.
- Liske X. *Beiträge zur Geschichte der Kaniower Zusammenkunft (1787) und ihrer Vorläufer* // *Russische Revue (Sankt-Petersburg)*. Bd IV (1874). S. 481–508.
- Maffei P. A., Rossi D., de. *Raccolta di statue antiche e moderne data in luce sotto i gloriosi auspici della... Papa Clemente XI*. Roma: Stamperia alla Pace, 1704. [6], XII, [2] p., 170 col., [15] p., CLXIII c. di tav.
- Martyn Th. *A Tour Through Italy. Containing Full Directions For Travelling in That Interesting Country; With Ample Catalogues of Every Thing That Is Curious In Architecture, Painting, Sculpture, &c....* A New Ed. L.: C. and G. Kearsley, 1791. xxxix + 435 pp.
- Mémoires du Prince de Ligne suivis de pensées...* Bruxelles: Fr. Van Meenen, 1860. 287 pp.
- Meulen M., van der. *Cardinal Cesi's Antique Sculpture Garden: Notes on a Painting by Hendrick van Cleef III* // *The Burlington Magazine*. Vol. 116 (№ 850). Jan. 1974. P. 14–24.
- Montfaucon B., de. *L'antiquité expliquée et représentée en figures*. 15 vols. P.: Florentin Delaulne, et al., 1719–1724. T. I. Suppl. (1724).
- Morawski K. M. *Ignacy Potocki*. Cz. 1. 1750–1788. Warszawa: Gebethner i Wolff; Kraków: G. Gebethner i spółka, 1911. xx + 145 s.

- Naruszewicz A. Dyaryusz Podróży Stanisława Augusta Króla na Ukrainie, w Roku 1787. Warszawa: P. Dufour, 1788. 320 s.
- Piranesi G. B. Trofeo o sia magnifica colonna... Fatte Da Traiano... [Roma], ca. 1774–1775 – <https://www.royalacademy.org.uk/art-artists/work-of-art/dedication-leaf-3> (22.03.2024).
- Pommier E. Roma Triumphans! // Roma Triumphans? L'attualità dell'antico nella Francia del settecento / Ed. L.Norci Cagiano. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 2007. P. 3–24.
- Potocki I. Remarks on Architecture: The Vitruvian Tradition in Enlightenment Poland / Ed. and Transl. by C. G. Guile. University Park (Pa.), 2015. 176 pp.
- Potocki S. K. O sztuce u dawnych, czyli Winkelman Polski. 3 tt. Warszawa: W Drukarni Xięży Piarów, 1815.
- Racine K. Francisco de Miranda: A Transatlantic Life in the Age of Revolution. Wilmington (Del.): Scholarly Resources, 2002. xix + 336 pp.
- Righetti P. Descrizione del Campidoglio. 2 vols. Roma: [C. Puccinelli], 1833–1836.
- Robertson W. S. The Life of Miranda, 2 vols. Chapel Hill: Un-ty of North Carolina Press, 1929.
- Rubens Ph. Electorum Libri II. Antwerp, 1608. Antwerp, 1608. P. 67 [Iconismus duplicis statu-ae tunicatae] – <https://kmska.be/nl/meesterwerk/iconismus-statu-ae-togatae> (30.03.2024).
- Séjour L.-Ph., comte de. Mémoires, ou Souvenirs et anecdotes // Œuvres complètes. 33 vols. P.: Alexis Eymery, 1824–1830.
- Tempesta A. I rilievi con armi Cesi: ipotesi di ricomposizione ed interpretazione // Bulletin della Commissione Archeologica Comunale di Roma. Vol. 94. № 2 (1991–1992). P. 309–340.
- Winckelmann J. J. Monumenti Antichi Inediti. 2 vols. Roma: A spese dell'autore, 1767.
- Wood G. S. The Americanization of Benjamin Franklin. N.Y.: Penguin Press, 2004. 320 pp.
- Zielińska Z. Potocki Ignacy // Polski Słownik Biograficzny. T. XXVIII (1984). S. 1–17.
- Zielińska Z. Studia z dziejów stosunków Polsko-Rosyjskich w XVIII wieku. Warszawa: Semper, 2001. 255 s.

Исэров Андрей Александрович, доцент, факультет гуманитарных наук, НИУ ВШЭ; старший научный сотрудник, ИВИ РАН; aisserov@hse.ru

“The Kings Bound”:

In the Name of the Polish Constitution or the Russian Empire?

The article deals with a story first mentioned in historiography by Moisei Alperovich. On February 13 (2), 1787, the Polish Count Ignacy Potocki (1750–1809) at a dinner party in Kiev told a former colonel of the Spanish army, the Venezuelan Francisco de Miranda (1750–1816) that the best monument of Rome seemed to him the image of kings with their hands bound (*Reyes ligados pr. las manos*). This phrase reached Grigory Potemkin, King Stanislaus Augustus and his entourage and received a republican interpretation which fits well with the life story of the interlocutors: Ignacy Potocki would become a co-author of the Polish Constitution of May 3, 1791, in 1792 would serve as an acting War Minister, and during the Tadeusz Kosciuszko Uprising of 1794 would become the Minister of Foreign Affairs; from 1783 Francisco de Miranda was preparing a revolution in Spanish America, and in 1812 he would lead independent Venezuela. The article for the first time attributes the “kings bound” as statues of defeated barbarian rulers (from 1720 in the Palazzo dei Conservatori). From the mid-sixteenth to the mid-nineteenth centuries these “kings bound” were exhibited on both sides of the female statue of Ceres remade as an image of victorious, triumphant Rome (*Roma victrix, Roma triumphans*) symbolizing the victory of the Eternal City. My hypothesis is that Ignacy Potocki implied a “double” meaning: both a political declaration of the radical Enlightenment and a hidden panegyric to Catherine II.

Keywords: *partitions of Poland, Polish-Russian relations, Enlightenment, "enlightened absolutism", Catherine II's invasion of Crimea, history of Kiev, Ignacy Potocki, Potocki, Francisco de Miranda, Roma Cesi*

Andrey A. Iserov, Associate Professor, Faculty of Humanities, HSE University; Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; aisserov@hse.ru

ХРУПКАЯ ДЕВЧОНКА И СКАЗОЧНЫЙ БОГАТЫРЬ ОБРАЗЫ УЧАСТНИЦ СОПРОТИВЛЕНИЯ В СОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ*

В статье рассматривается процесс создания и трансформации образов партизанок и подпольщиц во время Великой Отечественной войны и позднесоветский период. Память о Войне являлась важной символической составляющей консенсуса советского общества и власти. В его основе лежала героизация событий и участников войны и замалчивание травматических тем, связанных с жертвами, дискриминацией, проблемами адаптации и т.д. На основе анализа источников, в т.ч. архивных, автор приходит к выводу о том, что меняющееся отношение рядовых граждан к образам войны и женщин в Сопротивлении, в частности, отражало социокультурные трансформации рассматриваемого периода. На начальном этапе женские образы репрезентировали гендерную политику советского государства, в дальнейшем они переходили в сферу символической политики и коллективной памяти. По мере ослабления связи между официальной иконографией и повседневными практиками росло критическое восприятие официальных символов и формировалась потребность выхода за рамки устоявшегося канона. Эта тенденция стала особенно заметной на фоне роста недоверия к государственной идеологии, достигшего в СССР своего пика в конце 1980-х гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, движение Сопротивления, гендерная политика, политика памяти, мемориальный конфликт, СССР.

Для советского государства важной частью его мифа стала память о Великой Отечественной войне. В этом символическом поле особое место занимало антифашистское движение Сопротивления. Оно интерпретировалось как не просто массовое, а всенародное, поэтому заметное место в нем отводилось женщинам. Не случайно одним из основополагающих героических образов периода Великой Отечественной войны стала Зоя Космодемьянская.

В кризисные периоды истории традиционно возрастает потребность в символах. Они репрезентируют власть и легитимируют ее политические решения, мобилизуют общество на выполнение сверхзадач. Ключевым средством консолидации, самоидентификации и поддержания внутреннего единства различных общностей выступают образы прошлого¹. В результате общепринятые представления, которые формирует власть посредством политики памяти, становятся символической опорой политического режима. При этом их рамки и официальные интерпретации событий могут вступать в противоречие с индивидуальной памятью, порождая мемориальные конфликты.

Символическая иконография Великой Отечественной войны, включая движение Сопротивления, привлекает внимание историков², но ген-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00812, <https://rscf.ru/project/23-28-00812/>.

¹ Репина, Леонтьева 2015: 5.

² Копосов 2011; Попов, Пивоваров, Сак 2023: 95–114; Кринко 2021: 54–69; Образ 2020; Победа–70 2015; Козлов 2002; Krylova 2012; Fürst 2000: 38–75; Никонова 2005.

дерной проблематике все ещё уделено недостаточное внимание. В советской историографии основной фокус был направлен на партизанок и подпольщиц, отмеченных правительственными наградами, в большинстве случаев – посмертно³. Современные авторы продолжают уделять внимание наиболее известным участницам Сопротивления, однако исследовательский ландшафт значительно усложнился. Их биографии и последующую мифологизацию рассматривают в контексте политики памяти и гендерной политики советского государства по распределению женских и мужских функций в публичной и частной сферах. Так, в 2013 г. в научном журнале «Новое литературное обозрение» вышла серия статей с характерным названием «Кто она?: швы и прорехи в образе Зои Космодемьянской»⁴. Авторы на примере образов наиболее известных партизанок отмечают их прямую зависимость от гендерных стереотипов и политики государства в отношении женщин. Основное внимание уделяется военным и послевоенным года. Однако в советском публичном пространстве образы женщин в Сопротивлении не ограничивались только центральными фигурами, а их бытование – военным и послевоенным периодами. Особенности формирования и функции образов партизанок и подпольщиц, а также их критическое восприятие в позднесоветском обществе, не становились предметом отдельного изучения.

В статье динамика образов партизанок и подпольщиц с учётом влияния на нее гендерной политики, официальной политики памяти и низовых инициатив будет раскрыта не только на основе различных источников, предназначенных для публикации и демонстрации в публичном пространстве (журналистские статьи, повести, фильмы и т.д.). Реконструкция их «конфликтной составляющей» осуществлена на основе менее публичных эго-документов, включая интервью участников сопротивления (НА ИРИ РАН, ГАНИСО), черновики сборников воспоминаний партизан с редакторской правкой (ГА РФ), письма зрителей военных фильмов и читателей военной прозы, направленные авторам произведений (РГАЛИ) и в аппарат ЦК КПСС (РГАНИ).

Анка-пулеметчица и «вечная жертва-мученица»

К началу войны утвердилась официальная концепция «рабочей матери», которая визуально выражалась в сочетании образов женственности и материнства с образами работниц, героинь производства⁵. Вместе с тем появился и новый образ женщины-воина. Девушки проходили в школах военную подготовку, многие из них вдохновлялись примерами партизанок Гражданской войны⁶. После нападения Германии на Советский Союз эти модели продолжали сосуществовать.

Необходимость оказывать сопротивление врагу на захваченных им территориях стала очевидной в первые дни войны. 29 июня 1941 г.

³ Муромцева 1974.

⁴ Брукс 2013: 54–78; Щербенюк 2013: 79–92; Харрис 2013: 93–110.

⁵ Здравомыслова, Тёмкина: 314.

⁶ Женщина в гражданской войне 1938.

вышла Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей⁷. В тексте не было разделения на мужчин и женщин – предполагалось, что их пространство войны в тылу противника должно быть вне гендера.

В советской прессе рассказы о партизанках начинают появляться уже в августе 1941 г. Одним из первых их образ воплотил Демьян Бедный в стихотворении «Комсомолка-партизанка» в «Правде». Главная героиня Анка подрывала вражеские танки, ходила в разведку, била врага «за расстрелянного брата, за сожженного отца». Этот образ отсылал читателей к самому популярному женскому персонажу Гражданской войны – Анки-пулеметчицы из культового кинофильма «Чапаев» (1934). По утверждению некоторых исследователей, тогда она была введена в сценарий по настоянию Сталина, потребовавшего показать на экране женщину-бойца и «романтическую линию»⁸.

Из журналистских сообщений следовало, что женщины в партизанских отрядах не только били врага, но и сохраняли свои традиционные гендерные функции. Специальный военный корреспондент «Правды» М. Шур в сентябре 1941 г. рассказывал в статье «Женщины-партизанки» о том, как две комсомолки настояли на отправке их в партизанский отряд. Там девушки наравне с мужчинами носили тяжелые рюкзаки, винтовки, формировали продовольственные базы, ходили в разведку и участвовали в «стычках» с противником. Но при этом «когда бойцы спали, прислонившись к сосне, партизанки находили время для того, чтобы пришить пуговицу к шинели товарища, наложить заплату, просушить у костра одежду, обувь»⁹.

Необычайную популярность на фронте и в тылу приобрели истории погибших в ноябре 1941 г. партизанок Зои Космодемьянской и Лизы Чайкиной. Во многом под влиянием этих сюжетов уже на начальном этапе войны женщины в Сопrotивлении «приобрели статус вечной жертвы-мученицы, которую помнят скорее за ее смерть, чем за ее действия»¹⁰. С одной стороны, их трагическая гибель призывала представителей сильного пола выступить в роли защитников традиционного социального порядка. С другой, впервые присвоенное этим девушкам в 1942 г. звание Героев Советского Союза декларировало гендерное равенство в качестве нормы военного времени¹¹.

Постоянно воспроизводившийся эталонный образ героических партизанок влиял на мужские оценки и самоидентификацию женщин в Сопrotивлении. Например, инструктор ЦК ВЛКСМ С. Семенова писала в докладной записке о партизанке полка «13» в Смоленской области: «Комсомолка Таня Кошелева являет [собой] настоящий образ “Тани”

⁷ Партизанское движение 2015: 25.

⁸ Романишина 2017 № 12:106–109.

⁹ Правда, №271, 30 сентября 1941 г.

¹⁰ Fürst 2000.

¹¹ Брукс 2013: 55.

(Зои Космодемьянской). На ее долю выпала такая же судьба, как и Зои»¹². Такое сопоставление было свойственно и мужским текстам. На примере интервью Комиссии по истории Великой Отечественной войны И.И. Минца видно, что партизаны чаще вспоминали женщин, которые либо погибли, либо получили боевые награды¹³. Женщины, выполнявшие в отрядах хозяйственные функции, в большинстве своем оставались за границами мужского нарратива.

Несмотря на то, что участницы Сопротивления поколения 1920-х – 1930-х гг. не воспринимали свою новую идентичность как вторжение на «мужскую территорию»¹⁴, уже во время войны они отмечали расхождение между образами пропаганды и повседневностью. В партизанских отрядах большинство из них были заняты на кухне и не имели оружия. Даже те, кто принимал участие в вооруженных столкновениях с оккупантами, не были склонны подчеркивать свои боевые заслуги. Как писал корреспондент «Правды» в 1941 г., «партизаны взволнованно рассказывают нам о своих боевых спутницах, а Оля М., смутившись и раскрасневшись, перебивает бойцов, советуя им лучше рассказать о боевых делах отряда и о других подробностях партизанской жизни, полной суровых испытаний»¹⁵.

После победы в Сталинградской битве советское общество постепенно возвращалось к традиционной гендерной иерархии. Нужно было восстанавливать освобожденные территории и рожать детей, чтобы компенсировать военные потери. В пропаганде акцент сместился на довоенный сценарий «гражданской» работницы, жены и матери. В 1943 г. на советские экраны вышли два фильма о партизанках – Ф. Эрмлера «Она защищает Родину» и М. Донского «Радуга». В них героинями выступали не молодые комсомолки, а замужние женщины. Через гибель их детей зрителям была показана социальная значимость материнства. В образ Зои, запечатленный в фильме Л. Арнштама 1944 г., добавились ее детские годы и первая влюбленность¹⁶. Изменившийся подход к репрезентации затруднял коллективное осознание женщинами себя в качестве фронтовичек, партизанок или подпольщиц.

От войны к миру: оживление образа

В период позднего сталинизма перед государством стояла задача, связанная с выработкой консолидирующей модели того, чем была война для советского общества. Особое место в этом нарративе занимало партизанское движение, доказывавшее всеобщую поддержку советской системы и неизменную преданность «вождю народов».

В послевоенные годы пантеон героически погибших партизанок пополнялся новыми именами. Основной вклад в этот процесс внес

¹² Партизанская борьба 1962: 449.

¹³ Научный архив ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел II. Оп. 2. Д. 21 а. Л. 6.

¹⁴ Krylova 2012. С. 14.

¹⁵ Правда, №271, 30 сентября 1941 г.

¹⁶ Харрис 2013: 100.

ВЛКСМ, который использовал образы войны в воспитании советской молодежи. Широкий отклик имела вышедшая в 1947 г. книга «“Девушка из Кашина”. Дневник и письма юной партизанки Ины Константиновой». В статье Б. Брайнина «Женщины Советской страны» в «Литературной газете» эти дневники ставились в один ряд с поэмой М. Алигер «Зоя» 1942 г. и книгой Н. Бирюкова «Чайка» 1945 г. о Лизе Чайкиной, с образами героических девушек из «Молодой гвардии» А. Фадеева¹⁷. Однако от всех предыдущих нарративов текст дневника отличал ярко выраженный личный характер: «Немало и труда, и грязи, и неприятностей. Но все это скрадывается и совершенно забывается благодаря большому, яркому чувству, которое можно выразить словами: я – партизанка. Как это прекрасно!»¹⁸.

Статьи о подвиге Ины Константиновой выходили в популярном молодежном журнале «Смена»¹⁹. «Наши советские герои не упали с неба, – размышлял на страницах издания И.Г. Эренбург о юной героине, ставя ее в пример каждому юноше и каждой девушке, – они выросли на нашей земле; их вооружили не боги, а умные и хорошие книги»²⁰. 20-летняя Т. Терешкова поделилась в дневнике своими мыслями после прочтения статьи Эренбурга: отныне имя Константиновой ей стало «в тысячу раз ближе, чем имя хотя бы Зои Космодемьянской»²¹.

Образ женщин, погибших в Сопротивлении, сохранил свое место и в послевоенном кинематографе. В 1947 г. вышел кинофильм «Марите» о «литовской Зое» – партизанке Марии Мельникайте, посмертно получившей в 1944 г. звание Героя Советского Союза²². Борьба молодежи в подполье нашла воплощение в фильме «Молодая гвардия» (1948), получившем в 1949 г. Сталинскую премию первой степени. От сложившегося во время войны канона «Молодую гвардию» отличало то, что в этой картине действовал не один герой, а сплоченный коллектив преданных партии юношей и девушек. В ней был показан спектр женских образов в подполье: девушка-лидер, которая наравне со своими товарищами участвует в принятии решений, девушка-исполнитель и даже «коллаборантка», вынужденная выступать перед немцами в театре, чтобы получать нужную подполью информацию. Интерпретация событий в Краснодаре и героические кинообразы нашли широкий отклик у советской молодежи. 20-летняя М. Добрынина писала в дневнике, что после просмотра «ходила в совершенно ненормальном состоянии, готовая каждую минуту расплакаться. Чудесные герои Краснодона неотступно стояли перед глазами»²³.

¹⁷ Литературная газета 1947.

¹⁸ Константинова 1974: 84.

¹⁹ Константинова 1949: 6.

²⁰ Эренбург 1949: 10.

²¹ URL: <https://corpus.prozhito.org/person/2008>

²² Правда 1947.

²³ Страницы 2015.

Создание текстов о женщинах в Сопротивлении шло параллельно с созданием мемориалов и ритуалов поминовения. Так, воспоминания сестры И. Константиновой сопровождала большая иллюстрация посещения школьниками комнаты погибшей комсомолки в ее доме и показом ученических тетрадей²⁴. Фильм «Марите» заканчивался кадрами монументального памятника М. Мельникайте на берегу озера Зарасай, а «Молодая гвардия» – шурфа шахты, куда по фильму были сброшены героини-молодогвардейцы. В конце картины у шурфа выжившие киногерои Краснодона провели траурный митинг.

Однако наиболее известной фигурой оставалась Зоя Космодемьянская. В 1947 г. на главной площади Тамбова в память о ней появился памятник. За его основу была взята скульптура М.Г. Манизера, удостоенная в 1943 г. Сталинской премией первой степени. Вид девушки с винтовкой на плече, запечатленный в бронзе, минимально акцентировал внимание на её половой принадлежности. В документах Комитета по делам искусств при СНК СССР говорилось, что такой героический образ является удачным²⁵. В то же время в д. Петрищево, где самую известную партизанку казнили, дела с мемориализацией обстояли плачевно. Как писал в 1948 г. инструктор отдела школьной молодежи ЦК ВЛКСМ Тищенко вышестоящему начальству, «в домах, где находилась Зоя в последние часы своей жизни, никаких музейных экспонатов, связанных с пребыванием Зои, нет. Место ее временного захоронения ничем не отмечено»²⁶. Такое расхождение между публичным прославлением и практикой мемориализации отражало непоследовательность власти в сохранении памяти об участии женщин в Сопротивлении.

Вместе с тем в первые послевоенные годы в публичном пространстве бытовал не только образ мученицы, но и образ выжившей партизанки. Он репрезентировал гендерную политику советского государства по успешной адаптации бывших участниц войны к мирной жизни, их равенство с мужчинами на «трудовом фронте». О бывших партизанках регулярно писали в газетах, особенно накануне и в День 8 марта²⁷.

Большую популярность в первые послевоенные годы получила повесть Т. Логуновой «В лесах Смоленщины», написанная по материалам партизанского отряда Бати²⁸. Логунова представляла себя отважной партизанкой, которая изо дня в день с оружием в руках борется с фашистами. В то же время она влюбляется в командира отряда, но ее чувства высоконаравственны. Как писали об очерке в «Литературной газете», «Т. Логунова видит и подчеркивает одухотворенность человеческих поступков, и эта позиция, эта точка зрения рядовой партизанки – наилучшее доказа-

²⁴ Смена 1949.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 2458. Оп. 8. Д. 1775. Л. 1.

²⁶ Зоя Космодемьянская: Документы и материалы / Сост. М.М. Горинов, Е.Г. Иванова, В.А. Шевченко; Отв. ред. М.М. Горинов. – М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, Издательство Патриот, 2011. С. 155.

²⁷ Известия, № 55, 08 марта 1949.

²⁸ Логунова 1945: 73–111.

тельство высокой идейности массового, многомиллионного движения»²⁹. Именно благодаря большой популярности книги Логунову пригласили в аспирантуру исторического факультета Московского университета. Это был новый идеал успешной комсомолки, который должна была воспринять советская молодежь. Однако книга Логуновой вызвала недоумение у смоленских партизан. Бывшая партизанка отряда Шульца В.А. Иванова рассказывала в интервью 1947 г., что местные жители, видевшие оккупацию, были крайне возмущены преувеличением автором своей роли и замалчиванием более выдающихся участников Сопротивления. Кроме того, Логунову даже обличали в интимной связи с немецким комендантом³⁰. «Я разубеждала народ, что эта книга нужна для воспитания народа, – делилась Иванова, – но народ не убедишь, говорят: “Интересно читать книгу, когда она правильно написана”»³¹.

Уже в первые послевоенные годы героические образы женщин, участвовавших в войне, воспринимались неоднозначно. В повседневной жизни фронтовичек, среди которых были и бывшие партизанки и подпольщицы, нередко упрекали в распущенном половом поведении на фронте и в тылу противника³². В этот период ничем неподкрепленные обвинения в сожительстве с врагом как крайней степени женского предательства в условиях нехватки мужчин стало важным «инструментом» реализации личных матримонимальных планов и сведений счетов.

В условиях возвращения к мирной жизни героизация являлась эффективным механизмом мобилизации общества. Вероятно, это отвечало психологическому состоянию советских граждан, видевших войну своими глазами. Негативным следствием стало то, что за официальными рамками памяти остались болезненные темы военной повседневности, индивидуальный трагический опыт рядовых участников, гендерной и половой дискриминации. Все это объявлялось проявлением отсталости, легкомыслия и безответственности, чуждых советским людям.

Оттепель в образах участниц Сопротивления

В период оттепели наметились два вектора в осмыслении событий Великой Отечественной войны. Первый – обращение к массовому опыту ее участников в контексте десталинизации. В то же время на низовом уровне обозначился второй вектор, связанный с критическим отношением к официальному канону, особенно проявившемся среди представителей либеральной советской интеллигенции.

Однако, несмотря на либерализацию общественной жизни, героические образы партизанок и подпольщиц практически не изменились. В предисловии популярной брошюры «Героини войны: Очерки о женщинах – Героях Советского Союза», напечатанной в 1963 г., говорилось, что женщины на войне совершили тысячи подвигов, но большин-

²⁹ Литературная газета 1946.

³⁰ ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 282. Л. 4.

³¹ ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 282. Л.5.

³² Эделе 2023: 155–160, 182–183.

ство из них погибло. Все они испытывали беспредельную любовь к Советской Родине и своему народу – «вот что превращало хрупких девчонок в сказочных богатырей». Именно их подвиг и их жертва легли в основу технологических прорывов СССР: «Они живы [...] в дыхании могучих советских космических кораблей, в подвиге первой в мире женщины-космонавта Валентины Терешковой»³³.

В хрущевский период новым актором мемориализации партизанского движения стал созданный в 1956 г. Советский Комитет ветеранов войны. Он должен был представлять Советский Союз в международном символическом пространстве как главного победителя фашизма и миротворца³⁴. Контакты с границей планировалось налаживать через организации участников движения Сопротивления в Европе, и в этой связи история партизанского движения на оккупированных советских территориях была как никогда актуальна. Характерно, что в туристический маршрут для групп иностранных резистантов одними из первых вошли место казни и могила Зои Космодемьянской³⁵.

Секция партизан и подпольщиков, образованная в составе СКВВ, считала своим долгом восстановить и сделать достоянием широкой общественности историю «народных мстителей». К юбилею Октябрьской революции в 1957 г. члены организации задумали издать сборник «Партизанские были»³⁶. Женских текстов, присланных в редакцию, оказалось существенно меньше, чем мужских. Примечательно, что некоторые женщины под влиянием духа времени стремились приукрасить личные подвиги. Так, шквал критики редактора вызвали воспоминания смоленской партизанки У.А. Арсеньевой. Он утверждал, что рукопись «писал кто-то другой», «с большими преувеличениями», что вызывает недоверие: «Описывая первое боевое крещение, автор утверждает, что при неожиданной встрече с 6-тью вооруженными гитлеровцами в лесу, она одна-одинешенька, еще не обстрелянная, с легкостью необыкновенную дала очередь из автомата и всех до единого ШЕСТЬ опытных фронтовиков-немцев уложила на месте»³⁷. Текст был отклонен, хотя преувеличения и акцентирование на героизме были типичными для нарратива послевоенного периода. Критическая реакция редактора «Партизанских былей» показала, что чем дальше женские воспоминания отстояли от времени описываемых событий, тем меньше они имели права вторгаться на «мужскую территорию».

Героини Сопротивления на фоне «застоя»

После избрания в 1964 г. на пост первого секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева произошел мемориальный поворот, связанный с увеличением символического статуса Великой Отечественной войны в поли-

³³ Героини войны 1963: 3.

³⁴ Сак, Попов 2023: 108–121.

³⁵ ГА РФ. Ф. Р-9541. Оп. 1. Д. 46. Л. 1.

³⁶ Там же. Д. 143. Л. 4.

³⁷ Там же. Д. 144. Л. 104.

тике памяти. Страна широко отметила 20-летний юбилей Победы, а праздник 9 мая официально стал нерабочим днем³⁸. Вклад женщин в победу нашел признание на государственном уровне – по указу Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г. Международный женский день объявлялся выходным «в ознаменование выдающихся заслуг советских женщин в коммунистическом строительстве, в защите Родины в годы Великой Отечественной войны, их героизма и самоотверженности на фронте и в тылу, а также отмечая большой вклад женщин в укрепление дружбы между народами и борьбу за мир»³⁹.

Этот указ актуализировал героический образ участниц Сопrotивления. Среди прочего это проявилось в популярной телепередаче С.С. Смирнова «Рассказы о героизме», подготовленной к юбилею. С одной стороны, автор хотел показать войну через личные судьбы ее участников. С другой, уже само название определяло вектор повествования. Показательна в этом отношении встреча Смирнова с участницей Малинского подполья Житомирской области О. Енько. Енько: «Люди, которые случайно остались на оккупированной территории врагом, не могли оставаться в стороне от всеобщей борьбы. Ведь война была всенародная, поднималось на защиту страны все население нашей страны не только на фронтах, но и в тылу». Смирнов: «Вы знаете, ну, вот я бы хотел, чтобы вы тут, так сказать, вспомнили состояния ваши душевные, что вас толкнуло»⁴⁰. Далее следовал рассказ о героических буднях Малинского подполья, и ничего не было сказано, например, о неорганизованной эвакуации, о коллаборационизме, о внутренних мотивах женщин в Сопrotивлении, которые не ограничивались исключительно патристическими соображениями.

Несмотря на то, что живые участницы войны все чаще стали появляться в публичном поле, образы погибших героинь продолжали доминировать. Эта проблема была озвучена на собрании актива женщин-ветеранов войны, организованном СКВВ 15–16 марта 1966 г. Так, Герой Советского Союза М.А. Пронин рассказывал, что на встречах с молодыми людьми часто слышит о том, что они не хотят становиться героями, потому что те непременно умирают. В этом контексте негативную роль, по его мнению, играл и образ Зои Космодемьянской: «Это происходит потому, что у нас все вытягивают Матросова, Зою Космодемьянскую и других, а живых героев мы не показываем [...] видно некоторые перестраховщики боятся этого, а вдруг он где-то выпил лишнего или что еще делал, а с мертвыми легко дело обстоит»⁴¹.

Действительно, политика по массовой героизации участников войны лишь отчасти отвечала потребностям женщин в коллективном осмыслении своего непростого опыта. И рядовые участницы Сопро-

³⁸ Попов, Пивоваров, Сак 2023.

³⁹ ru.wikisource.org/wiki/Указ_Президиума_ВС_СССР_от_08.05.1965_№_3589-VI

⁴⁰ <https://www.youtube.com/watch?v=CPo4Awj8Hos>

⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-9541. Оп. 1. Д. 998. Л. 129.

тивления и фронтовички были слабо вовлечены в процесс коммеморации. Так, представительница ленинградской секции СКВВ делилась своими впечатлениями о вечере, организованном 8 марта 1966 г. для женщин-ветеранов: «Пришли все с наградами – орденами и медалями. Все были очень рады, что вот один раз в год мы вспомнили об них и решили собрать. Сколько было благодарностей от женщин за то, что они смогли собраться и поделиться своими впечатлениями, вспомнить о прошлом, потому что где же им собраться, кроме этого вечера»⁴².

В конце 1960-х – 1970-х годах тема Великой Отечественной войны и Великой Победы окончательно заняли центральное место в политике памяти, став «апологией поколения, прошедшего войну, объяснением априорной правоты старшего поколения, которое выстрадало на войне подлинные ценности»⁴³. Расширилась практика установки памятников «народным мстителям». Нередко их частью являлась скульптурная фигура партизанки с оружием. Этот образ не только репрезентировал признание государством равенства между мужчинами и женщинами на войне, но стал одним из центральных в интерпретации «всенародной борьбы» с захватчиками. Так, в 1975 г. в районе г. Луга был заложен грандиозный монумент «Партизанская слава» (архитекторы В.Э. Горевой, В.И. Бажинов, В.И. Неймарк, С.А. Кубасов). Он должен был служить площадкой для торжественных церемоний и встреч ветеранов. Как говорилось в пояснительной записке к проекту памятника, «на вершине холма устанавливается на высокому пьедестале аллегорическая фигура Партизанской славы, девушки-партизанки, олицетворяющей победу народа в справедливой войне»⁴⁴. Мемориал, смыслообразующем элементом которого выступала женская фигура, композиционно перекликался с одним из самых знаменитых и символических монументов «Родина-мать» на Мамаевом кургане.

Мемориальные конфликты проблемы достоверности и гендерная специфика

Следствием мемориального бума позднесоветского периода стало увеличение различных текстов о «всенародной борьбе». Героизирующая матрица, на которую они накладывались, воспроизводила одни и те же смыслы и не учитывала специфику смены поколений. Кроме того, авторские интерпретации нередко влекли за собой искажения фактов. Историческая неточность в изображении партизанок все больше приводила к разочарованию в их образах⁴⁵.

В 1965 г. зрители увидели первый в истории советского телевидения многосерийный фильм «Вызываем огонь на себя», снятый режиссером С.Н. Колосовым к юбилею Победы. Выходу фильма предшествовала публикация одноименной повести О.А. Горчакова и Я. Пшиманов-

⁴² Там же. Л. 87.

⁴³ Кукулин 2005: 645.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 3151. Оп. 2. Д. 271. Л. 11.

⁴⁵ Furst 2000.

ского⁴⁶. Повесть получила широкую популярность после того, как к 20-летию освобождения Брянщины в 1963 г. по радио транслировалась ее художественная постановка. Героинями картины были девушки, действовавшие в группе Анны Морозовой на территории авиационной базы нацистов в Сещи в Брянской области. Партизаны в качестве консультантов приняли участие в создании картины. Приглашенные на предпросмотр ветераны были до глубины души тронуты увиденным. «Я не партизанка, я фронтовичка, – делилась впечатлениями М.Ш. Махарадзе, – но я скажу, что иногда выходишь из кинотеатра и говоришь: ерунда картина, а бывает и так скажешь: ничего фильм, смотреть можно. Ну, а “Вызываем огонь на себя” – это здорово. Я редела»⁴⁷. Одобрили фильм и партизаны⁴⁸. Именно популярность образов девушек Сещинского подполья обусловила посмертное награждение Анны Морозовой званием Героя Советского Союза 8 мая 1965 г.

Однако повесть, радиопередача и фильм вызвали критику некоторых брянских партизан. Так, учительница-пенсионерка Е.А. Иванова, собиравшая вместе со школьниками у партизан материалы о подполье и передавшая их писателю О. Горчакову, обвиняла Колосова в том, что он неверно отразил образ Людмилы Сенчилиной. Самая молодая героиня вышла замуж и забеременела от поляка-антифашиста Яна Маньковского. По мнению Ивановой и некоторых бывших брянских партизан, Сенчилина вовсе не была подпольщицей. Критерием для них выступал моральный облик: «Не каждый маленький подпольщик достоин прославления, особенно если он с такой грязной личной жизнью, как у Л.И. Сенчилиной. Это главный мотив нашего отвода ее из незаслуженно приписанной ей роли героини [...] Общий дух теперешнего времени никак не подходит для прославления лжегероев. Мы боремся за людей чистых в моральном отношении»⁴⁹.

Случались и такие ситуации, когда читатели выступали против дегероизации женщин в Соппротивлении. В 1965 г. вышел роман В.И. Ардаматского «Грант вызывает Москву» о деятельности Николаевского подполья. Две подпольщицы, мать и дочь – Э.И. Дукарт и М.И. Дукарт-Корнеева были представлены в нем как предательницы. В действительности они остались в оккупации по решению органов госбезопасности и предоставили свое жилье под конспиративную квартиру. В процессе подпольной работы между руководителем группы В.А. Лягиным и М. Дукарт возник роман, девушка стала его фактической женой и забеременела. Затем подпольщиков раскрыли, а Лягина расстреляли. Дукарты эвакуировались в Германию, оттуда после войны были репатрированы и как изменницы Родины репрессированы. М.И. Дукарт-Корнеева в 1952 г. скончалась в психиатрической больнице при Казанской

⁴⁶ Горчаков, Пшимановский 1960.

⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 3343. Оп. 1. Д. 252. Л. 28.

⁴⁸ Там же. Л. 12–13.

⁴⁹ Там же. Д. 155. Л. 39–39 об.

тюрьме. Уже после выхода книги Ардаматского в 1967 г. подпольщичи реабилитировали и наградили медалями «За боевые заслуги». Только после этого их товарищи по антифашистской борьбе выразили возмущение тем, что автор романа полностью исказил образы подпольщичи: они обратились за помощью в ЦК КПСС и просили восстановить светлую память реабилитированных героев, а также «не допустить искажения их роли в борьбе с фашизмом в литературе, прессе и кино»⁵⁰.

Встречается в письмах граждан и тема женского коллаборационизма. Так, на несколько лет с конца 1970-х гг. растянулось разбирательство, инициированное двумя бывшими партизанками Смоленской области А.Г. Бочаровой и Т.Н. Соколовой по поводу выхода повести Я. Макаренко и Л. Муханова «Угранский набат». Их обвинения в искажении фактов рассматривались на уровне Смоленского обкома, КГБ и ЦК КПСС. В качестве прототипа одной из героинь книги выступала Нина Исакова, после войны – известная певица, солистка Московского театра Станиславского и Немировича-Данченко и народная артистка РСФСР (1981 г.). По мнению авторов многочисленных обращений, во время оккупации она сначала пела партизанам, потом немцам, сожительствовала с полицаем и при наступлении Красной армии эвакуировалась в тыл противника⁵¹. Расследование КГБ, которое курировал неизвестный Ф.Д. Бобков, показало, что претензии бывших партизан к автору книги необоснованны. Однако примечателен накал этой дискуссии. На напечатанном на машинке обращении к XXVI съезду КПСС Бочарова и Соколова дописали от руки: «Мы бесконечно слышим по радио, что у нас “никто не забыт, ничто не забыто”. Нам неприятно стало все это слышать, и мы просим Вас, если Вы не сможете правильно решить все эти вопросы, то тогда ответьте нам – кому нам верить: прессе, радио или горькой действительности???»⁵².

Рождение альтернативного образа

В 1970-х гг. к женскому опыту войны обратились белорусские писатели, работавшие в жанре документальной прозы. В 1977 г. вышла книга «Я из огненной деревни...» А. Адамовича, Я. Брыля и В. Колесника. В ее основе лежали интервью, взятые у жительниц белорусских деревень, которые своими глазами видели оккупацию и карательные операции нацистов. Некоторые из них спасались в отрядах партизан. А. Адамович писал В. Быкову о работе над повестью: «Мы ненавидим войну, но так втянулись в роль ее “летописцев” и разоблачителей, что уже начинаем (а многие давно начали) любить свою память о войне. Украшательство, эстетизация войны через разоблачение (которое стало любимым занятием) – вдруг вот как это поворачивается [...] У тех самых баб нет и намека на то, чтобы они любили свою память о войне»⁵³.

⁵⁰ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 847. Л. 4.

⁵¹ Там же. Д. 848. Л. 82.

⁵² Там же. Л. 49.

⁵³ www.sibogni.ru/content/dialog-v-pismah?ysclid=ls08ybyk81535551613

На основе собранных материалов на киностудии «Белорусь-фильм» в 1976 г. режиссер В. Дашук создал одноименный документальный фильм. Затем в период с 1981 по 1984 гг. выходили телевизионные фильмы из цикла «У войны не женское лицо» Дашука (сценарий написан совместно со С. Алексиевич). Своими размышлениями о войне делились, в основном, фронтовички, однако нашлось в повествовании место и участницам Сопротивления. На киноэкранах перед зрителями предстали не официальные образы «сказочных богатырей», а обычные советские женщины. Крупнейшие белорусские писатели и их ученики публично обозначили проблемы женской повседневности и экзистенциальных переживаний на войне. Член Союза писателей БССР М. Тычина писал в «Литературной газете» в 1986 г.: «“Да хорошо ли выводить все это на свет?..” Но если жители сотен белорусских деревень и блокадного Ленинграда, женщины-фронтовички и партизанки пережили весь ужас войны, то почему мы не найдем в себе душевные силы, чтобы пережить это же хотя бы в воображении?»⁵⁴.

Тогда же на широкие экраны вышел фильм режиссера Э. Климова «Иди и смотри» (сценарий написан совместно с А. Адамовичем). В нем акцент был сделан на трагической стороне партизанского движения. Одна из ключевых героинь Глаша попала к партизанам во время этапирования на принудительные работы в Германию. В отряде она имела близкие отношения с командиром. Девушка, не выдержав ужасов оккупации, находилась в состоянии, граничившим с безумием. Это была полная противоположность традиционной героической иконографии женщин в Сопротивлении. Фильм, снятый как альтернатива «партизанфильмам», по выражению Климова, поражал зрителей своей жестокостью, которая должна была предостеречь мир от новой войны⁵⁵.

Однако несмотря на то, что запрос на переосмысление военных событий и их контекста открыто звучал в 1980-е годы, в официальном нарративе существенной трансформации образа партизанок и подпольщиц не произошло. 29 октября 1986 г., в годовщину создания комсомола, на Новодевичьем кладбище состоялось открытие памятника Зое Космодемьянской, созданного по проекту народного художника РСФСР О. Комова. В этом памятнике отразилась попытка по-новому представить привычный образ партизанки. От прежнего его отличала подчеркнутая женственность – стройная фигура, обнаженная грудь, вьющиеся волосы, плавно закинута назад голова. Тем не менее в «Правде» о памятнике писали традиционно, подчеркивая героизм и отвагу девушки и советского народа в борьбе с «коричневой чумой»⁵⁶.

После запрета коммунистической партии в августе 1991 г. деконструкции подверглись многие советские символы, в том числе связанные с Великой Отечественной войной. В центре мемориального скан-

⁵⁴ Тычина 1986.

⁵⁵ См. обсуждение фильма со студентами ВГИКа: РГАЛИ. Ф. 3095. Оп. 1. Д. 204.

⁵⁶ Правда 1986.

дала на страницах российской прессы оказалась и биография Зои Космодемьянской, которая все чаще интерпретировалась как изначально мифологизированная для достижения идеологических целей. Серия публикаций представляла на суд читателей отдельные достоверные факты, подобранные так, что разрушали героический образ. Авторы текстов говорили, что на знаменитых снимках погибшей Зои Космодемьянской на самом деле изображена другая партизанка – Лиля Азолина, что в детстве у Зои «подозревали шизофрению», что главная цель ее диверсии состояла в том, чтобы сжечь дома местных жителей в соответствии с тактикой «выжженной земли»⁵⁷. Все это было только началом дискуссии, которая развернулась уже в другую, постсоветскую эпоху.

Память о Великой Отечественной войне была важной символической составляющей мемориального консенсуса советского общества и власти. При этом определенные изменения в отношении рядовых граждан к образам войны в целом и женщин в Сопротивлении в частности отражали социокультурные трансформации, происходившие в 1940-е – начале 1990-х гг. Во время войны и в первые послевоенные годы образы партизанок и подпольщиц однозначно трактовались через призму героизирующего нарратива, в целом присущего как военной пропаганде, так и официальной советской политике памяти. С переходом женских образов в сферу образно-символического творчества послевоенных мирных десятилетий (особенно в литературных произведениях и кинофильмах) возможности для вариативности их интерпретаций существенно расширились. По мере ослабления связи между канонической иконографией участниц Сопротивления и реалиями позднесоветского периода росло критическое восприятие устоявшихся символов и нарративов. Бывшие участницы Сопротивления все чаще озвучивали несоответствие их личного опыта и официального образа. С годами в обществе, особенно в кругах интеллигенции, задействованной в производстве культурной продукции на исторические темы, возникала потребность в критической рефлексии на темы женского участия в войне, что приводило к выходу за рамки официального канона. Эта тенденция становилась особенно заметной на фоне роста недоверия к государственной идеологии в последние десятилетия существования Советского Союза. Тем не менее, героический канон пережил годы развала СССР и продолжает доминировать в современном российском публичном пространстве, вернув на пьедестал символ женского Сопротивления и женской жертвы – образ Зои Космодемьянской.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9541. Оп. 1. Д. 46, 143, 144, 998.

Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 282.

⁵⁷ Горинев 2003: 77.

- Научный архив ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел II. Оп. 2. Д. 21 а.
- Российской государственной архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2458. Оп. 8. Д. 1775; Ф. 3095. Оп. 1. Д. 204; Ф. 3151. Оп. 2. Д. 271; Ф. 3343. Оп. 1. Д. 252, 155;
- Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 100. Оп. 5. Д. 847, 848.
- Героиной войны: Очерки о женщинах – Героях Советского Союза. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. 719 с.
- Горчаков О.А., Пшимановский Я. Вызываем огонь на себя. М.: Молодая гвардия, 1960. 238 с.
- Женщина в гражданской войне: Эпизоды борьбы на Северном Кавказе и Украине в 1917–1920 гг. [М.]: История гражд. войны, 1938. 247 с.
- Зоя Космодемьянская: Документы и материалы. М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, Издательство Патриот, 2011. 211 с. [Zoya Kosmodem'yanskaya: Dokumenty i materialy. M.: Izdatel'stvo Glavnogo arkhivnogo upravleniya goroda Moskvy, Izdatel'stvo Patriot, 2011. 211 p.]
- Известия, № 55, 1949, 08 марта.
- Константинова И. Девушка из Кашина. М.: «Московский рабочий», 1974. 160 с.
- Константинова Р. О моей сестре // Смена, 1949, №5. С. 6.
- Литературная газет, 1946, № 11, 9 марта.
- Литературная газета, 1947, № 10, 08 марта.
- Логунова Т. В лесах Смоленщины // Новый мир. №, 10, № 11–12. С. 73–111.
- Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины. 1941–1943 гг.: Документы и материалы. Смоленск: Смоленск. кн. изд-во, 1962. 528 с. [Partizanskaya bor'ba s nemetsko-fashistskimi okkupantami na territorii Smolenshchiny. 1941–1943 gg.: Dok. i materialy. Smolensk: Smolensk. kn. izd-vo, 1962. 528 p.]
- Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны: рассекреченные документы из Архива Президента Российской Федерации. М.: Издательство «Историческая литература», 2015. 689 с. [Partizanskoe dvizhenie v gody Velikoi Otechestvennoi voyny: rasssekrennyye dokumenty iz Arkhiva Prezidenta Rossiiskoi Federatsii. M.: Izdatel'stvo «Istoricheskaya literatura», 2015. 689 p.]
- Правда, №271, 1941, 30 сентября.
- Правда. № 336, 1947, 17 декабря.
- Правда, № 303, 1986, 30 октября.
- Страницы из дневника М.А. Добрыниной // Победа! 70 лет. Страницы семейных архивов. М., 2015. URL: <https://corpus.prozhito.org/person/954>.
- Тычина М. Магия «зрительных описаний» // Литературная газета, № 17, 1986, 23 апреля.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Брукс Пл. Дж. Зоя Космодемьянская между истреблением и жертвоприношением // НЛЮ, № 6, 2013. С. 54–78 [Bruks Pl. Dzh. Zoya Kosmodem'yanskaya mezhdzhu istrebleniem i zhertvoprinosheniem (Zoya Kosmodemyanskaya between extermination and sacrifice) // NLO, № 6, 2013. P. 54–78].
- Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // ЖИСП. 2003. № 3–4. С. 299–321 [Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. Gosudarstvennoe konstruirovaniye gendera v sovetskom obshchestve (State construction of gender in Soviet society) // ZhISP. 2003. № 3–4. P. 299–321].
- Клинова М.А., Трофимов А.В. Образы Великой Отечественной войны в советском кинематографе второй половины 1940-х гг. и их отражение в эгодокументах // Вестник Томского государственного университета. 2021. №467. С. 200–208 [Klinova M.A., Trofimov A.V. Obrazy Velikoi Otechestvennoi voiny v sovetskom kinematografe vtoroi poloviny 1940-kh gg. i ikh otrazhenie v egodokumentakh (Images of the Great Patriotic War in Soviet cinema of the second half of the 1940s and their reflection in egodocuments) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. №467. P. 200–208].
- Козлов Н.Д. С волей к победе: Пропаганда и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Ленингр. гос. обл. ун-т им. А. С. Пушкина, 2002. 312 с. [Kozlov N.D. S volei k pobede: Propaganda i obydennoe soznaniye v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (With the Will to Win: Propaganda and Everyday Consciousness during the Great Patriotic War). SPb.: Leningr. gos. obl. un-t im. A. S. Pushkina, 2002. 312 p.]
- Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. М.: НЛЮ, 2011. 320 с. [Koposov N. Pamyat' strogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii (Memory of the strict regime: History and politics in Russia). M.: NLO, 2011. 320 p.]

- Кринко Е. Ф. Политика памяти и мемориальные конфликты на Северном Кавказе // Историческая и этнокультурная тематика в учебном, научном и общественно-политическом дискурсе Северного Кавказа. Москва: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2021. С. 54–69 [Krinko E. F. Politika pamyati i memorial'nye konflikty na Severnom Kavkaze (Politics of memory and memorial conflicts in the North Caucasus) // Istoricheskaya i etnokul'turnaya tematika v uchebnom, nauchnom i obshchestvenno-politicheskom diskurse Severnogo Kavkaza. Moskva: Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN, 2021. P. 54–69].
- Кукулин И. Регулирование боли (Предварительные заметки о трансформации травматического опыта Великой Отечественной/Второй мировой войны в русской литературе 1940-1970-х годов) // НЗ. 2005. № 2–3. С. 324–336 [Kukulin I. Regulirovaniye boli (Predvaritel'nye zametki o transformatsii travmaticheskogo opyta Velikoi Otechestvennoi/Vtoroi mirovoi voyny v russkoi literature 1940-1970-kh godov) (Pain regulation (Preliminary notes on the transformation of the traumatic experience of the Great Patriotic War/World War II in Russian literature of the 1940s–1970s)) // NZ. 2005. № 2-3. P. 324–336].
- Муромцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1974. 272 с. [Muromceva V.S. Sovetskie zhenshchiny v Velikoi Otechestvennoi vojne (Soviet women in the Great Patriotic War). M.: My'sl', 1974. 272 p.].
- Никонова О.Ю. Женщины, война и «фигуры умолчания» // Неприкосновенный запас, № 2, 2005. С. 282–290 [Nikonova O.Yu. Zhenshchiny, voyna i «figury umolchaniya» (Women, war and "figures of silence") // Neprikosnovennyy zapas, № 2, 2005. P. 282–290].
- Образ Великой Отечественной войны на экране: к 75-летию Победы. М.: Вече, 2020. 541 с. [Obraz Velikoi Otechestvennoi voyny na ekrane: k 75-letiyu Pobedy (The image of the Great Patriotic War on the screen: for the 75th anniversary of Victory). M.: Veche, 2020. 541 p.]
- Победа-70: реконструкция юбилея. М.: АИРО-XXI, 2015. 622 с. [Pobeda-70: rekonstruktsiya yubileya (Victory-70: reconstruction of the anniversary). M.: AIRO-XXI, 2015. 622 p.]
- Попов А. Д., Пивоваров Н.Ю., Сак К.В. Ритмы прошлого: первые годовщины Великой Отечественной войны в советской политике памяти (1945–1965) // Российская история. 2023. № 3. С. 95–114 [Popov A. D., Pivovarov N.Yu., Sak K.V. Ritmy proshlogo: pervye godovshchiny Velikoi Otechestvennoi voyny v sovetskoj politike pamyati (1945–1965) (Rhythms of the Past: The First Anniversaries of the Great Patriotic War in Soviet Memory Policy (1945–1965)) // Rossiiskaya istoriya. 2023. № 3. P. 95–114].
- Репина Л. П., Леонтьева О.Б. Образы прошлого, мемориальная парадигма и "историография памяти" в современной России // ЭНОЖ "История". 2015. № 9(42) [Repina L. P., Leont'eva O.B. Obrazy proshlogo, memorial'naya paradigma i "istoriografiya pamyati" v sovremennoy Rossii (Images of the past, memorial paradigm and "historiography of memory" in modern Russia) // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya". 2015. № 9(42)]. URL: <https://history.jes.su/s207987840001259-3-1/?ysclid=luz9h8x8xf938976204>.
- Романишина В. Пулеметчицы Анка, Мария, Лидия, Павлина // Родина. 2017. № 12. С. 106–109 [Romanishina V. Pulemetchitsy Anka, Mariya, Lidiya, Pavlina (Machine gunners Anka, Maria, Lidia, Pavlina) // Rodina. 2017. № 12. P. 106–109].
- Сак К.В., Попов А.Д. Глобальный мир и фронтовые раны: создание советского комитета ветеранов войны и противоречия политики памяти в СССР 1950-х годов // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 4(63). С. 108–121 [Sak K.V., Popov A.D. Global'nyi mir i frontovye rany: sozdanie sovetskogo komiteta veteranov voyny i protivorechiya politiki pamyati v SSSR 1950-kh godov (Global peace and frontline wounds: the creation of the Soviet committee of war veterans and contradictions in the policy of memory in the USSR of the 1950s) // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya. 2023. № 4(63). P. 108–121].
- Харрис А. Сталинская линия и выдуманные женихи: роль любовной линии в повествованиях о героях Второй мировой войны // НЛО, № 6, 2013. С. 93–110 [Kharris A. Stalinskaya liniya i vyдуманneye zhenikhi: rol' lyubovnoi linii v povestvovaniyakh o geroyakh Vtoroi mirovoi voyny (Stalin's line and fictitious suitors: the role of the love line in the stories about the heroes of the Second World War) // NLO, № 6, 2013. P. 93–110].
- Щербенюк А. Психика без психологии: «Зоя», идеология и сталинское кинопространство // НЛО, № 6, 2013. С. 79–92 [Shcherbenyuk A. Psikhika bez psikhologii: «Zoya», ideologiya i stalinskoye kinoprostranstvo (Psyche without psychology: "Zoya", ideology and Stalin's cinematic space) // NLO, № 6, 2013. P. 79–92].
- Эделе М. Советские ветераны Второй мировой войны: народное движение в авторитарном государстве, 1941–1991. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 480 с. [Edele

M. Sovetskie veterany` Vtoroj mirovoj vojny`: narodnoe dvizhenie v avtoritarnom gosudarstve, 1941–1991 (Soviet veterans of World War II: a popular movement in an authoritarian state, 1941–1991). M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. 480 p.]

Fürst J. Heroes, Lovers, Victims — Partisan Girls during the Great Fatherland War: an analysis of documents from the spetsotdel of the former Komsomol Archive // *Minerva: Quarterly Report on Women and the Military*. 2000. Vol. XVIII. № 3–4. P. 38-75.

Kosmodemyanskaya L. My Correspondence // *USSR Information bulletin*. 8 January 1947. P. 18–19.

Krylova A. Soviet women in combat: a history of violence on the Eastern front. Cambridge: Cambridge univ. press, 2012. 336 p.

Сак Ксения Васильевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, старший научный сотрудник Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, ksenia.sak@gmail.com

A Fragile Girl and a Fabulous Hero: Images of Participants in the Resistance in the Soviet Space of Memory of the Great Patriotic War

The article examines the process of creating and transforming the images of partisans and underground women during the Great Patriotic War and the late Soviet period. The memory of the War was an important symbolic component of the consensus of Soviet society and government. It was based on the glorification of events and participants in the war and the suppression of painful topics related to victims, discrimination, problems of adaptation, etc. Based on various historical sources, including archival ones, the author comes to the conclusion that the changing attitude of ordinary citizens to images of war in general and women in the resistance in particular reflected the sociocultural transformations of the period under review. At the initial stage, female images represented the gender policy of the Soviet state; later they moved into the sphere of symbolic politics and collective memory. As the connection between official iconography and everyday practices weakened, a critical perception of the implanted symbols grew, and a need was formed to go beyond the official heroic canon. This trend became especially noticeable against the backdrop of growing distrust in state ideology, which reached its peak in the late 1980s.

Keywords: *Great Patriotic War, Resistance movement, gender politics, politics of memory, memorial conflicts.*

Ksenia Vasilyevna Sak, Ph.D. in History, Candidate of Sciences in History, Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Senior Researcher, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, ksenia.sak@gmail.com

В.С. ГРУЗДИНСКАЯ, С.О. НАЗАРОВ

**«ВМЕСТЕ БОРОЛИСЬ, ВМЕСТЕ СТРОИМ!»
ОБРАЗ СОВЕТИЗАЦИИ И СССР В МЕМУАРАХ
ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ИСТОРИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.¹**

После Второй мировой войны страны Восточной Европы попали в орбиту советского политического влияния. Начался процесс советизации всех сторон жизни общества. Советская историография была провозглашена ориентиром для национальных историографий, а советские историки развернули в регионе кипучую деятельность. Чехословацкая историческая наука не стала исключением в этом процессе. Одновременно разрушение старых оснований исторической науки и возведение на их месте новых институций не только меняло «фасад» и перекраивало бывшие каналы коммуникаций, но и оказывало влияние на личность самого ученого, иногда ставя его перед выбором между сопротивлением или приспособлением к происходящему. Именно поэтому обращение к источникам, отражающим личный опыт проживания эпохи советизации, имеет большой исследовательский потенциал. В статье рассматриваются мемуары трех чехословацких историков – Й. Полишенского, Ф. Кавки и М. Мышки, и предпринимается попытка реконструкции восприятия современниками процессов советизации и «самосоветизации» чехословацкой исторической науки.

Ключевые слова: Чехословакия, СССР, мемуары, советизация, «самосоветизация», чехословацкая историческая наука.

Послевоенная Прага утопала в плакатах с громкими лозунгами: «Вместе боролись, вместе строим», «С Советским Союзом навсегда!», «При поддержке Советского Союза мы строим крепость мира и социализма!». Очарование Советским Союзом в те годы было искренним и огромным. Оказавшаяся в орбите политического влияния СССР Чехословакия приступила к советизации, которая предполагала трансформацию всех сторон общественной, экономической, культурной жизни, включая сферу науки и высшего образования. Курс был взят на заимствование/копирование советских моделей организации исследовательской деятельности и подготовки научных кадров². В то же время советизация далеко не всегда и не везде предполагала директивное и централизованное управление из Кремля. Местные власти с воодушевлением приступили к заимствованию советского опыта³. Современные исследователи характеризуют этот процесс как «самосоветизация». Они уже не пишут о вездесущей роли Москвы, а видят процесс более многогранным, делая акцент на участии местных политических элит⁴.

В дисциплинарном плане (само)советизация не была однородной: более всего она затронула те области научного знания, в основе которых лежал сильный идеологический компонент. В этом ряду историческая

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект № 20-78-10053-П «Советско-чехословацкие научные коммуникации в 1948–1991 гг.: трансфер идей и социальные практики ученых».

² Connelly 2000. P. 282.

³ Ibid. P. 282.

⁴ Штеллнер, Ковалев 2022: 191.

наука занимала особое место. Советская историография была провозглашена ориентиром. В исследовательской литературе проблема интеллектуального присутствия советских историков в Чехословакии в частности и Восточной Европе в целом уже поднималась⁵. Однако немало сторон этого феномена требуют осмысления. К таковым, например, относится вопрос – как ученые из социалистических стран оценивали советизацию, советскую науку и Советский Союз в целом. Официальный образ советской науки представлен на страницах газет, исторических журналов, в стенограммах заседаний и обсуждений. Но вырисовывается и другой образ, «без купюр». Он запечатлен в источниках личного происхождения – в дневниках, письмах и мемуарах.

Мы попытаемся воссоздать такой образ на примере опубликованных воспоминаний чехословацких историков Й. Полишенского, Ф. Кавки и М. Мышки. Наших героев отличает друг от друга происхождение, область научных исследований, занимаемые должности и даже регионы проживания. Но велико и объединяющее начало этих историков. Их опыт проживания социалистической эпохи схож. Несмотря на неоспоримый вклад в чехословацкую историческую науку, все же они не задавали тренды в общественно-политической жизни. Могли ли они подумывать, что спустя 20 лет лозунги «С Советским Союзом навсегда!», «Вместе боролись, вместе строим!» сменятся на «Советские оккупанты!», «СССР – домой!», а еще через 20 лет на улицах Праги будут звучать призывы «Демократия для всех!», «Свободные выборы!» Оставленные ими мемуары, равно как и зафиксированные в них образы советизации и Советского Союза, интересны и с точки зрения памяти, и с точки зрения травмы и ее преодоления.

Как и в российской историографии последних десятилетий, в чешской исторической науке наблюдается «мемуарный взрыв». Схожесть политического и культурного контекстов роднит советских/российских и чехословацких/чешских ученых. Эти нарративы имплицитно подчинены стремлению историков осмыслить собственный жизненный путь на фоне «большой истории» XX в.⁶ Мемуары историков – пример особой формы рефлексии, когда смыкаются «исследовательской и жизненной позиции» автора, а сам автор выступает одновременно и объектом, и субъектом исследования⁷. Размышляя о советском опыте, О.Б. Леонтьева подчеркивает: «Историческая катастрофа бросает вызов историку и как человеку, которому не посчастливилось “жить в эпоху великих перемен”, и как специалисту, который по долгу своей профессии стремится к пониманию и концептуальному объяснению происходящего»⁸. Бесспорно, данное утверждение относится к чехословацким ученым.

⁵ См.: Груздинская 2022; Расчесова 2014: 78–86; Солдатов 2018: 248–266; Стыкалин 2015: 83–91; Шереш 2019: 147–152 и др.

⁶ Паперно 2004: 105–110.

⁷ Там же: 141; Сальникова 2002: 118.

⁸ Леонтьева 2016: 141.

Сложный взгляд с двух точек – «свидетеля» и «исследователя» – неминуемо ставит автора воспоминаний перед проблемой самоидентификации, которая может быть разрешена путем применения «ролевых моделей». К моделям «историк и власть», «догма и научный поиск»⁹, выделенным на советском материале О.Б. Леонтьевой, применительно к чехословацкой картине уместно добавить такие связи, как «свой и чужой», «гонитель и жертва». Выбор мемуаристом своих главных ролей задает вектор воспоминаний, выступая своего рода «столпом памяти».

Йозеф Полишенский: взгляд «спасшегося на льдине»

Йозеф Полишенский (Josef Polišenský; 1915–2001) принадлежал к тому поколению чехословацких историков, которому суждено было строить свою жизнь и научную карьеру на крутых выражах эпохи – немецкая оккупация, установление коммунистического режима, Пражская весна и ее разгром, политика Нормализации, Бархатная революция 1989 г. и падение коммунизма. Будущий историк родился в 1915 году в семье лесничего в моравском городке Простейове. В 1939 г. он завершил обучение на философском факультете Карлова университета и был оставлен для подготовки диссертации. Получить степень доктора наук он смог лишь в 1945 г., после освобождения Чехословакии. Благодаря британской стипендиальной программе в 1946–1947 гг. Полишенский работал в архивах Англии. Вернувшись на родину, историк в 1948 г., пройдя процедуру хабилизации в Карловом университете, подтвердил свою квалификацию. В 1948–1962 гг. он работал в Университете Палацкого в Оломоуце, а с 1951 г. преподавал в Карловом университете. В 1957 г. Й. Полишенский получил должность профессора по всеобщей истории. Его научные интересы распространялись широко в географических и хронологических координатах: изучение роли чешских земель в международных отношениях XVI–XIX вв., деятельности Я.А. Коменского, складывания иберо-американского мира, проблемы средневековой Англии и др. Исследования историка получили мировое признание: его работы издавались на чешском, испанском, английском, немецком, русском, французском и других языках. Й. Полишенский был избран членом академий наук в Австрии и Нидерландах¹⁰.

В 2001 г. в Праге посмертно вышли мемуары историка¹¹. В них он рассказывает, как менялась жизнь его и его окружения в водовороте событий XX века. Ученый вспоминает о многочисленных поездках за границу. География его путешествий впечатляет: он побывал в Великобритании, Чили, Мексике, США, на Кубе и др. Несколько страниц посвящено поездкам по Восточной Европе.

Ключевое место в этих мемуарах занимает осмысление советизации Чехословакии, достоинств и изъянов этого процесса. Й. Полишенский признается, что историк в нем превосходит политика, поэтому и

⁹ Там же: 143.

¹⁰ Лаптева 2002: 73–79; Zacek 2001. P. 922–923.

¹¹ Polišenský 2001. 351 s.

оценивает он произошедшее соответствующим образом – ретроспективно¹². Интересно, как он себя идентифицирует: «Мое политическое мышление было мышлением человека, выросшего в стране, которая сейчас называется Республикой Масарика»¹³. Ему были близки идеи социальной справедливости, которую он познавал, читая труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, Э. Бернштейна, К. Каутского и др.¹⁴ Очарование марксистскими идеалами возможно и подтолкнуло юного Полишенского в 1933 г. пополнить ряды Социал-демократической партии Чехословакии. После слияния последней с коммунистами в 1948 г. он автоматически перешел в члены Коммунистической партии Чехословакии (далее – КПЧ). Послевоенная партийная жизнь мало привлекала историка, поэтому, как он вспоминает, старался избегать партийных собраний¹⁵.

Период, когда происходила реформа науки и университетского образования, перестройка их по образцам Советского Союза, описан Полишевским сквозь призму индивидуального опыта и определен как «моя эпоха советизации»¹⁶. Он выделяет несколько этапов процесса. Первый этап, охватывающий с 1948 г. до середины 1950-х гг., назван им «временем революционного подъема и террора»¹⁷. Полишенский вспоминает, что в исторической науке на первый план вышли новые люди – активные участники февральского переворота 1948 г. и им «сочувствующие». Мемуарист упоминает об увольнении профессоров «старой школы», не называя их имен. Описание реформы, по сути, сведено к фиксации изменений, произошедших на философском факультете Карлова университета. За пределами его воспоминаний осталась трансформация академического центра. В 1952 г. была образована Чехословацкая академия наук, которая создавалась как уменьшенный слепок АН СССР¹⁸. Подготовкой историков на факультете ведали две кафедры – всеобщей истории и истории Чехословакии. Их возглавляли адепты новой власти, молодые профессора В. Гуса (Václav Husa; 1906–1965) и О. Ржиги (Oldřich Říha; 1911–1974). По словам Полишенского, В. Гуса относился к нему более благосклонно и даже посоветовал сохранять связи с западными коллегами¹⁹. К этому этапу относятся воспоминания мемуариста о советских историках, которые приезжали в Прагу на философский факультет для чтения лекций. Й. Полишенский упоминает Е.А. Косминского, Б.А. Рыбакова и Е.В. Тарле. Лично он общался только с последним. Е.А. Косминского автор называет своим «тайным образцом для подражания»²⁰. Но образец этот, как не удивительно, совсем не научного пла-

¹² Ibid: 139.

¹³ Ibid: 141.

¹⁴ Ibid: 128, 141.

¹⁵ Polišensky 2001: 140.

¹⁶ Ibid: 145.

¹⁷ Ibid: 145.

¹⁸ Franc 2019: 83–105.

¹⁹ Polišensky 2001: 155.

²⁰ Polišensky 2001: 129.

на. Полишенскому нравились статьи Косминского для еженедельной газеты «Британский союзник». Она издавалась в СССР Министерством информации Великобритании с 1942 по 1950 г. Полишенский же писал статьи для аналогичного издания, выходившего в Чехословакии.

Завершение первого этапа советизации мемуарист связывал с XX съездом ЦК КПСС. С 1956 г. начинается следующий этап. Он продлился до начала 1960-х гг., и это время, по мнению ученого, отмечено всплеском международной активности историков, расширением границ «дозволенного» и готовностью к диалогу с коллегами из капиталистических стран. Наблюдения историка подтверждаются исследованиями современных чешских авторов, которые отмечают благоприятный климат для развития международных связей²¹. В СССР оттепель в исторической науке завершилась делом «Вопросов истории» и отстранением главного редактора А.М. Панкратовой. В 1958 г. аналогичный процесс потряс чехословацких историков. В частности, Полишенского и некоторых его коллег обвинили в неопозитивизме, структурализме и недостаточной критике буржуазных историков. Правда, в итоге обвинения против Полишенского не были сняты²².

Третий этап советизации чехословацкой исторической науки, по мнению автора, длился с начала 1960-х до начала 1970 гг. Полишенский отмечает: «1960-е годы ознаменовались отступлением величайших идеологов, хотя партийные органы и органы государственной безопасности продолжали тщательно охранять всех возможных противников. 1968 год показался мне кульминацией развития»²³.

Надежды на трансформацию социализма рухнули с подавлением Пражской весны. О 21 августе 1968 года историк вспоминал: «В ту ночь меня разбудил Богумил Черный, который сказал мне, что они [танки] уже здесь, и мы согласились, что ожидаемое вмешательство продлится достаточно долго для наших уважаемых братских союзников. Это, безусловно, был тяжелый удар, но то, что последовало за этим, в будущем будет восприниматься не только как сопротивление чешского общества произволу Москвы, но и как подъем национального чувства и политического самосознания»²⁴. В 1969 г. правительство Чехословакии приступило к политике Нормализации, отмеченной массовыми исключениями из партии, увольнениями с работы и пр. В 1971 г. Полишенского лишили места на кафедре всеобщей истории. С этого времени и до выхода на пенсию в 1981 г. он проработал на научной должности в Центре ибероамериканских исследований Карлова университета, он сравнил это с чудесным «спасением на льдине» после кораблекрушения²⁵. Вернуться на кафедру всеобщей истории он смог после Бархатной революции 1989 г.

²¹ Míšková 2019: 306.

²² Ibid: 143.

²³ Ibidem

²⁴ Ibidem.

²⁵ Polišenský 2001: 143–144.

Известно, как минимум, о трех визитах Й. Полишенского в СССР – в 1960, 1970 и 1977 гг. Подробные воспоминания он оставил о поездке 1977 г. В тот год историк получил приглашение прочитать лекции о европейско-латиноамериканских связях в XVI в. на кафедре новой и новейшей истории МГУ²⁶. Любопытны его зарисовки московского быта. Полишенский вспоминает, что он разместился в гостинице с неплохими сытными завтраками. Вспоминает он и об очередях в продуктовых магазинах. Увиденное потрясло ученого, поэтому он старался не злоупотреблять гостеприимством своих московских приятелей, зная теперь, каким трудом в Москве добываются продукты. С искренним удивлением он вспоминал: «Конечно, я мог бы сытно поесть у своих друзей, но, когда я видел очереди, а то и толпы людей, дерущихся за кусок колбасы или мяса, я просто недоумевал, как <...> Иосиф Григулевич, моя коллега Зорина или Строгановы, получали все, что ставили на стол»²⁷.

Своими московскими друзьями Полишенский называет И.Р. Григулевича, едва ли не самого загадочного советского историка, разведчика, в конце 1970-х работавшего в Институте этнографии АН СССР, преподавателей МГУ латиноамериканиста А.И. Строганова и слависта Л.П. Лаптеву, сотрудницу Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, переводчицу, специалиста по новой и новейшей истории стран Латинской Америки И.Н. Зорину – с ней Полишенский был знаком с середины 1960-х гг., со времен ее работы в издаваемом в Праге международном журнале «Проблемы мира и социализма»²⁸. Историк вспоминал: «Я знал Зорину по ее предыдущему пребыванию в Праге, потому что в то время бедная женщина искала в Праге еще иголки и булавки, которых в Москве на тот момент не было»²⁹.

Мемуарист рисует два противоположных образа Москвы, как он сам называет их «официальный» и «неофициальный». Первый облик советской столицы мало притягателен и описан эпитетами – холодная, строгая, чопорная и безынициативная. Второй образ, напротив, наполнен душевным теплом. Оно исходило и от общения с друзьями-единомышленниками, и от культурной жизни Москвы, и от ее «старой», дореволюционной, архитектуры. «От Зориной и Григулевича я услышал много анекдотов и неофициальных критических замечаний в адрес режима, – вспоминал Й. Полишенский, – они оба обменялись опытом о том, какая тюрьма им больше подходит. Несомненно, их судеб хватило бы на роман»³⁰. Вместе с И.Н. Зориной он посещал спектакли Театра на Таганке, где он смог увидеть «неофициальные пьесы», в том числе с участием В.С. Высоцкого³¹. Экскурсию по московским закоулкам и

²⁶ Лаптева Л.П. указывает дату этого события 1976 г. См.: Лаптева 2002: 75.

²⁷ Polišensky 2001: 270.

²⁸ См. об этом: Зорина 2014.

²⁹ Polišensky 2001: 270.

³⁰ Ibid: 270.

³¹ Ibidem.

церквям Й. Полишенскому провел славист из Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР А.С. Мыльников³², показав ему непарадную Москву, скрытую от глаз туристов и гостей столицы. К экскурсии присоединилась Л.П. Лаптева, с которой Полишенский был знаком со времен ее визитов в Прагу³³. Ученый остался доволен и вспоминал: «Я также увидел Москву дореволюционной эпохи и был рад, что попал в неофициальную Москву и что смог составить действительно независимое представление о том, как она выглядит»³⁴. Для справки мемуарист отметил и тот, факт, что его работы не были запрещены в СССР и даже вносились в рекомендованные студентам библиографические обзоры. «В то время как работы моих уважаемых оппонентов во главе с Мацеком и Граусом не были включены в списки рекомендуемой доступной литературы»³⁵ – не без гордости подчеркнул Полишенский.

Советизацию историк оценивает ожидаемо негативно, причина того – события августа 1968 г. Он вспомнил и свои чувства: его переполняло желание «сопротивляться изо всех сил, чтобы наша наука не попала в руки Советов»³⁶. Далек Полишевский и от огульного отрицания. Он отмечает в советском опыте положительные моменты. «Я сам считаю подобные «причитания» ложной защитой, потому что говорить о том, что за сорок лет не было сделано ничего хорошего, – это просто нонсенс» – резюмирует историк³⁷. Оценки ученого эмоционально сдержанны, лишены резких выпадов против советской коллег. Объясняется это и тем, что он не был полностью погружен в мир «социалистической науки», его связи с коллегами из Восточного блока едва ли превосходили по интенсивности и значимости контакты с западными историками. Даже в годы Нормализации он сохранял эти контакты: выезжал за границу, печатал свои исследования в западных странах.

Без «дара веры»: Франтишек Кавка и его опыт соприкосновения с «социалистической наукой»

Франтишек Кавка (František Kavka; 1920–2005) относился к той же генерации, что и Й. Полишенский. Его воспоминания вышли годом позже, после мемуаров первого героя – в 2002 г.³⁸ Ф. Кавка происходил из еврейской семьи. Его отец владел доходным домом в рабочем пригороде Праги – в Бржевнове. В 1939 г. Ф. Кавка поступил на философский факультет Карлова университета, а спустя два месяца после нача-

³² С ним историк был уже знаком, это подтверждают письма А.С. Мыльникова в фонде Й. Полишенского. Сохранилось пять писем за 1970–1986 гг. См.: Archiv Univerzity Karlovy. Fond Polišíenský Josef. Kart. A. Mylnikov (фонд не обработан).

³³ С начала 1960-х гг. историки состояли в личной переписке. В фонде Й. Полишенского сохранились письма от Л.П. Лаптевой за 1961–1981 гг. См.: Archiv Univerzity Karlovy. Fond Polišíenský Josef. Kart. L. Laptěvova (фонд не обработан).

³⁴ Polišíensky 2001: 271.

³⁵ Ibid: 271.

³⁶ Ibid: 145.

³⁷ Ibid: 140.

³⁸ Kavka 2002: 8–87.

ла учебного года, в ноябре, университет был закрыт. В годы немецкой оккупации он работал стажером в ломбарде, клерком в банке, разнорабочим на заводе и железной дороге.

В сентябре 1945 г. Карлов университет вновь открыл свои двери для студентов, и Ф. Кавка возобновил учебу. Для поступивших до войны студентов действовало послабление: они могли экстерном, за два года, пройти весь университетский курс. Так, в 1947 г. Ф. Кавка завершил обучение и поступил на работу в гимназию в городе Хотеборже. Одновременно он готовился к получению степени доктора наук. Историк вспоминает, как осенью 1948 г. сдавал экзамен по философии: «Постфевральский режим пока не сказался на их содержании [вопросов – *В.Г., С.Н.*]. Только на экзамене у профессора Яна Болеслава Козака меня удивил вопрос, что я думаю о философии Бухарина. <...> Не знаю, были ли уже прописаны вопросы из марксизма или это была, может быть, частная инициатива тогдашнего декана факультета. <...> Однако возможно также, что он хотел показать, что не следует советским официальным взглядам»³⁹. При профессор Я. Козак (*Jan Blahoslav Kozák*; 1888–1974) был протестантским богословом, но готовым идти на компромисс с новым руководством. Известно, что именно им было озвучено предложение исключить из университета студентов, выступивших против коммунистического переворота в феврале 1948 г.

С советизацией Ф. Кавка столкнулся во время работы в Высшей школе политических и экономических наук (1949–1953). В учебном заведении готовили партийных чиновников и идеологов⁴⁰. То время, вспоминает историк, было пропитано «атмосферой политических процессов и вызванного ими страха»⁴¹. Пишет мемуарист и об огромном авторитете СССР и лично товарища Сталина в чехословацких интеллектуальных кругах. Ф. Кавка, как и Й. Полишенский, летом 1948 г. стал членом КПЧ после ее слияния с социал-демократами. Заняться политикой он решил, чтобы не отставать от эпохи и быть причастным к творящейся здесь и сейчас истории. В своих мемуарах ученый отрешивается от коммунистов, будто стесняясь этого факта своей биографии. Ф. Кавка пишет, что никогда не симпатизировал коммунистам: его отталкивали их примитивная агитация, популизм и национализм (в последних двух он находил созвучие с немецкой НСДАП). При этом попыток выйти из коммунистической партии историк не предпринимал. Словно предвидя вопрос читателя – «Почему?», он пишет, что воспринимал переворот февраля 1948 г. как «логическое завершение» мировой войны. Правда, признается Ф. Кавка, новые тренды вселяли в него страх⁴².

Преподавание в Высшей школе политических и экономических наук заставило историка погрузиться в тонкости марксистской филосо-

³⁹ *Ibid.*: 25.

⁴⁰ Штеллнер, Соби 2022; Ковалев, Соби. 2022: 22–36.

⁴¹ *Kavka* 2002: 29.

⁴² *Kavka* 2002: 22.

фии. Он называет себя и всех представителей своего поколения «самоучками» в освоении идей Маркса и его последователей. На партийных заседаниях, отмечает он, звучали «общие фразы», необходимые для практической работы⁴³. Экспортированный из советской науки марксизм Кавка называет «государственным» или «догматическим», мало схожим с тем учением, которое он нашел на страницах «классиков». Этот вариант марксизма напоминает ему католическую догматику тем, что «работает с канонизированными текстами, имеет своих “святых отцов”, создает свою ортодоксию и схоластику», а их пренебрежение влечет за собой обвинения в ереси (здесь ревизионизм и правый оппортунизм) и наказание репрессивными элементами инквизиторского характера⁴⁴. Повинен в таком извращении, по мнению историка, лично И.В. Сталин. Среди коллег Кавки немало было рьяных сталинистов. В частности, он вспоминает о специалисте по международным отношениям Андре Симоне (André Simone; 1895–1952), который на вопрос, что он как эксперт думает о международном политическом событии, повторял: «Не могу ответить, я не читал сегодняшний комментарий в Правде»⁴⁵. Парадокс состоит в том, что в 1952 г. А. Симон будет объявлен шпионом и врагом народа. Он и еще несколько чехословацких коммунистов проходили по «делу Сланского» и обвинялись в сотрудничестве с И. Тито.

Вину за извращение чехословацкой истории в сталинском духе Кавка возлагает на министра просвещения, историка, музыковеда З. Неядлы (Zdeněk Nejedlý; 1878–1962), который в 1939–1945 гг. жил в Москве и преподавал в МГУ⁴⁶. Его концепция, вспоминает Кавка, была лаконично сформулирована «в тезисе о коммунистах как о наследниках прогрессивных традиций нашей истории», что предопределило тематику будущих исторических исследований⁴⁷. Чехословацким историкам предписывалась изучать «прогрессивные» сюжеты: гуситское движение, крестьянские бунты, революцию 1848 г., национальное возрождение, развитие рабочего движения (от социал-демократической партии до КПЧ).

В 1953 г. начал работать вновь созданный Институт истории Чехословацкой академии наук. Его директор Й. Мацек (Josef Macek; 1922–1991) столкнулся с серьезной проблемой – нехваткой марксистских кадров⁴⁸. Он приглашал в свой институт многих молодых историков, в том числе Ф. Кавку. Но тот предпочел продолжить преподавательскую карьеру. Тем более к тому времени он уже два года читал лекции в Карловом университете. Советизации академической и вузовской науки в воспоминаниях историка представлен как напряженный и конфликтный процесс. Упоминает он о разногласиях двух молодых, но амбициозных коллег – В. Гусы и Й. Мацека. Причина – борьба за кресло директора Ин-

⁴³ Ibid: 29.

⁴⁴ Ibid: 30.

⁴⁵ Ibid: 29.

⁴⁶ См.: Křest'an 2012.

⁴⁷ Kavka 2002: 30.

⁴⁸ Jiroušek 2004: 32–49.

ститута истории Чехословацкой АН, а, следовательно, и за статус главного проводника «линии партии» в исторической науке⁴⁹.

Конкуренция между университетскими и академическими историками продолжалась еще несколько лет. Проявилась она и в написании учебника по истории Чехословакии. Кавке, как и его коллегам по Карлову университету, не хватало учебных материалов, что существенно осложняло учебный процесс. Мемуарист вспоминал: «Академическая “модель”⁵⁰ спасения не предоставила. Поскольку текст еще не окончательный, он не может быть опубликован в достаточном количестве экземпляров»⁵¹. Это заставило Ф. Кавку приступить к написанию учебника, который можно было бы использовать студентам и дневного, и вечернего отделения. К работе он привлек Й. Полишенского и Ф. Кутнара (František Kutnar; 1903–1983). Учебник охватывал период с древнейших времен до конца XVIII в. Издание вышло в трех частях в 1956–1958 гг.⁵² и, по словам Ф. Кавки, вызвало возмущение в Институте истории, который «почувствовал себя обиженным потерей первенства»⁵³.

Другая черта советизации чехословацкой исторической науки, о которой упоминает мемуарист, – идеологическое давление на трактовку и интерпретацию событий XIX–XX вв. Ранней истории, считает Ф. Кавка, повезло больше, так как «советские историки до сих пор уделяли ей мало внимания, а потому их взгляды нельзя было донести до нас»⁵⁴. Это расхожее утверждение, возможно, даже миф бытовал среди чехословацких историков. При этом на страницах мемуаров Ф. Кавки не встречается ни одной фамилии ученого из СССР. Как и нет упоминаний о поездках в Советский Союз. Историк размышляет о чехословацкой исторической науке в целом и о пражском ученом сообществе в частности. Он подробен в изложении тех или иных событий, конкретен в оценках коллег, но обезличен при описании советского влияния.

В 1958 г. Ф. Кавка возглавил недавно созданный при Карловом университете Институт истории. Его директорство продлилось до 1970 г. Воспоминания об этом периоде фактурно насыщены. Историк, словно из корзины памяти, достает воспоминания об университетской жизни, детали подготовки книги по истории университета, останавливается и на международных связях, прежде всего с западными странами, на участии в Международных конгрессах исторических наук в Стокгольме (1960) и Вене (1965). 1960-е гг. Кавка называет «временем больших надежд»⁵⁵.

⁴⁹ Груздинская 2022.

⁵⁰ Имеется в виду учебник «История ЧСР» (Dějiny ČSR. Praha, 1955), в написании которого Ф. Кавка не принимал участия.

⁵¹ Kávka 2002: 37.

⁵² Přehled dějin Československa v epoše feudalismu I: (do poloviny 14. století). Praha, 1958; Přehled dějin Československa v epoše feudalismu II: (od poloviny 14. stol. do r. 1526). Praha, 1956; Československa v epoše feudalismu III: (1526–1781). Praha, 1956.

⁵³ Kávka 2002: 37.

⁵⁴ Ibid: 38.

⁵⁵ Kávka 2002: 52.

События августа 1968 г. он характеризует как оккупацию, но посвящает им всего пару строк из разряда: я так и знал, что все этим закончится. Он пишет, что подавление Пражской весны показало «нереальность курса реформ» и стало «поражением для всех нас, кто в нем участвовал»⁵⁶.

Нормализация в университет пришла позже, чем в Академию наук – ее пик пришелся на начало 1970-х гг.⁵⁷ В 1971 г. Ф. Кавка был уволен из университета. В мемуарах он цитирует протокол Ученого совета, из которого следует, что историк допустил «серьезные ошибки политического характера» в своих публицистических трудах и «в период контрреволюционного кризиса» эти «ошибки» создали в глазах общественности неверный образ Карлова университета. Завершает документ фраза, которая, во всей вероятности, гарантировала профессору найти хоть какую-нибудь работу по специальности. В протоколе говорилось: «Профессор Кавка – видный историк, чьи средневековые труды приносят важные исследовательские результаты, и поэтому ему будет полезно иметь возможность заниматься исследовательской работой за пределами Карлова университета»⁵⁸. Летом 1971 г., после нескольких месяцев поиска работы, историк получил место в Государственном еврейском музее, которое он назвал «щедрым подарком судьбы»⁵⁹. Несмотря на отлучение от преподавания, сокращение доходов (зарплата музейного работника была ниже, чем вузовского преподавателя) Кавка считал, что ему повезло, особенно в сравнении с другими коллегами, многим из которых пришлось освоить новые профессии. Следующие два десятка лет историк посвятил работе в музее и научным штудиям. Он занимался изучением средневековой истории чешских земель, империи Карла Великого. После 1989 г. он, как и его коллега по факультету Й. Полишенский, на короткое время вернулся к преподаванию.

Милан Мышка: «три дня гонялись за мной...»⁶⁰

Последний наш герой – Милан Мышка (Milan Muška; 1933–2016) – тоже был свидетелем/участником происходившей советизации. В 1951 г. он поступил в Карлов университет. В опубликованных в 2018 г. на чешском языке мемуарах историк подробно описывает университетские годы, вспоминая преподавателей и их курсы, свои первые научные штудии, в деталях подмечая царившую на факультете атмосферу.

М. Мышка познакомился с трудами ведущих чехословацких историков еще в гимназические годы, некоторых из них (Ф. Граус, М. Паулова, В. Гуса и А. Клима и др.) он слушал в университетской аудитории. С нетерпением будущий историк ждал лекций профессоров «ста-

⁵⁶ Ibid: 58.

⁵⁷ Это подтверждает в своих воспоминаниях первый декан философского факультета Карлова университета, искусствовед, театральный критик Ф. Черный. См.: Černý 2009: 23–24.

⁵⁸ Kavka 2002: 63.

⁵⁹ Ibid: 64.

⁶⁰ Так начинается чешская народная песня, строку из которой М. Мышка взял для названия своих мемуаров.

рой» школы – З. Калисты (Zdeněk Kalista; 1900–1982) и К. Стлоукала (Karel Stloukal; 1887–1957). Он вспоминал, что эти господа были “уволены” незадолго до моего прибытия на факультет и лишены возможности заниматься своей академической деятельностью»⁶¹. Они стали жертвами первой волны «чисток» в чехословацкой науке, развернувшейся после февральского переворота 1948 г.⁶² З. Калиста получил реальный срок тюремного заключения. Судьба К. Стлоукала сложилась менее трагически – он остался на свободе, но лишился права преподавать и заниматься научным трудом⁶³. Это первое упоминание М. Мышки об изменениях в университетской жизни.

Из немногочисленных реплик-оценок мемуариста словно мозаика складывается образ советизации чехословацкой исторической науки в первой половине 1950-х гг. Этот образ скорее отрицательный, хотя не лишен он и теплых оттенков. Характеризуя преподавателей Карлова университета, М. Мышка в числе негативных черт, присущих большинству из них, называет приверженность коммунистической идеологии.

Критически мемуарист оценивает обучение основам марксизма. Теоретические дисциплины М. Мышка называет не иначе, как «десятками потерянных часов», которые делали его жизнь «очень некомфортной». Программа мало отличалась от программы в советских вузах и включала в себя исторический и диалектический материализм, историю ВКП(б) и историю КПЧ. Преподаватели, вспоминает мемуарист, не разбирались в преподаваемых ими курсах, а только разбрасывались «вечными истинами» из «блестящей» «Истории ВКП(б)»⁶⁴. Историк не скрывает своего сожаления и признается, что ему как специалисту по экономической истории не хватало познаний из этой области.

Вспоминает М. Мышка о занятиях по русскому языку, которые. Их, отметил он, вела «красивая женщина откуда-то из Югославии»⁶⁵. Преподавательница ругала студента за многочисленные прогулы и обещала «отомстить» на экзамене. Решение конфликта было найдено преподавателем, медиевистом Ф. Граусом (František Graus; 1921–1989), который к тому же курировал перевод на чешский язык школьного учебника по Средним векам Е.А. Косминского. Он предложил М. Мышке вместо посещения практических занятий по русскому языку перевести часть текста учебника на чешский язык. Перевод получился качественным, и полностью устроил Ф. Грауса. Позже, в середине 1960-х гг., Мышка, будучи преподавателем Педагогического института в Остраве, снова столкнулся с советскими учебниками. На этот раз он жаловался на несоответствие программы курсов и имеющихся в наличии советских

⁶¹ Мышка 2018: 42.

⁶² Hanzal 1999: 79

⁶³ Ироушек 2016: 84.

⁶⁴ Мышка 2018: 49.

⁶⁵ Ibid: 50.

учебников⁶⁶. Правда, мемуарист подчеркивает, что не все переведенные работы советских авторов были плохого качества⁶⁷.

Теплотой пропитаны воспоминания М. Мышки о Й. Полишенском, с которым познакомился на первом курсе на семинаре по источниковедению⁶⁸. Их судьбы будут связаны и в дальнейшем. Полишенский называл младшего коллегу «своим человеком» и помогал ему и в публикации научных работ, и в продвижении по карьерной лестнице.

Займствование таких советских практик, как «дискриминация» по классовой принадлежности и политической ориентации, Мышка называет пагубным. Окончив университет в 1956 г., он столкнулся с системой распределения. Как работала данная система в то время он уточняет: «В системе директивной экономики сталинского социализма потребность в рабочей силе также контролировалась бюрократическим путем <...>. Каждый год университету выделялись <...> своего рода ваучеры на работу, в соответствии с отдельными специальностями. <...> Отбор обычно проходил в два этапа: сначала ваучеры на трудоустройство вручались студентам-коммунистам, а остальные делились между собой»⁶⁹. Поскольку М. Мышка отучился на специалиста по истории не педагогического профиля и на предложение декана поступить на пятый курс, чтобы иметь право работать педагогом, отказался, то рабочего места ему предоставлено не было. Найти работу помог Й. Полишенский⁷⁰, устроив его в Высшую педагогическую школу в Опаве, где молодому историку поручили лекции и семинары по русской истории. Мемуарист вспоминал, что у него ушло около двух лет на разработку курса, хотя он уже имел представление о русской истории благодаря университетскому курсу А.В. Флоровского. Настольной книгой для него стал многотомник «Очерки истории СССР», комплект которого находился в местной библиотеке. Издание, по его словам, было «прекрасным» и подробно освещало события русской истории от призвания варягов до новейшего времени, а также включало подробные разделы по историографии⁷¹.

М. Мышка, как и его старшие коллеги, Й. Полишенский и Ф. Кавка, пострадал после подавления Пражской весны. В те годы он работал в Педагогическом институте в Оставе. Его вызвали на комиссию для проверки на благонадежность. Главный вопрос, который задали историку, звучал так: «Как вы относитесь к братской помощи, оказанной чехословацкому народу в августе 1968 г.?». Он вспоминал: «Я осознал, что как бы я ни ответил, результат будет один и тот же, списки еретиков давно составлены и утверждены». Поэтому он ответил так, как думал. А думал он совсем не то, что хотела слышать высокая комиссия. Как и многие «еретики»—преподаватели, М. Мышка остался без работы.

⁶⁶ Имеются в виду учебники: Kosminskij 1951a; 1951b; Sergejev 1952; Maškin 1952.

⁶⁷ Myška 2018: 101.

⁶⁸ Myška 2018: 42.

⁶⁹ Ibid: 51.

⁷⁰ Myška 2018: 51–52.

⁷¹ Ibid: 54.

Несколько лет он перебивался случайными заработками, испытывая острую нужду. Лишь в 1983 г. историк получил постоянное место в Силезском краеведческом музее⁷². За профессорскую кафедру ученый вернется после ноябрьского переворота 1989 г. При этом работу в музее вспоминает как плодотворный период, давший ему стабильный заработок, время для научных исследований и опыт организации выставок.

В период Нормализации М. Мышке запрещалось печатать свои работы, а уже опубликованные труды были под запретом для читателей в библиотеках. Однако советский историк И.И. Удальцов в монографии «Историография чешского национального возрождения: новейшие чехословацкие и советские исследования (1950–1980)» (М., 1983) обращается к исследованиям Мышки. Об этом историку сообщил его друг историк Я. Гавранек. Мемуарист, в ответ на лестные отзывы И.И. Удальцова о его работах, не без иронии заявил: «Либо он не знал, что я вхожу в число запрещенных в Чехословакии историков, либо хотел указать на бессмысленную, с политической точки зрения, ограниченность чехословацких коммунистов-нормализаторов»⁷³. Правда, добавил, что на счет последнего у него серьезные сомнения.

Пережитый опыт, естественно, сказался на отношении историка к Нормализации. Он вспоминал: «Я никогда не был бойцом на баррикадах, поэтому предполагаю, что баррикадой была преступная политика нормализации, проводимая коммунистическими боссами»⁷⁴. На страницах мемуаров М. Мышка размышляет о психологических аспектах Нормализации и ее главном герое – «нормализаторе». К ним он причислял обывателей, вызвавшихся зачищать общество от «контрреволюционеров» после 21 августа 1968 г. Он отмечает их талант приспосабливаться к обстоятельствам и готовность присягнуть любой власти, что они вновь продемонстрировали на излете коммунистического режима.

В мемуарах М. Мышки упоминания советских историков и их исследований единичны, в отличие, скажем, от польских, немецких и венгерских коллег. Тематика работ последних соотносилась с интересами историка, изучавшего экономическую историю Силезии. Отсутствуют в воспоминаниях и пространные рассуждения о расстановке политических сил, как на мировой арене, так и внутри страны. Мемуарист занят рефлексией над своей жизнью, которая теснейшим образом вплетена в исторический контекст эпохи.

Подводя краткий итог нашего исследования, нельзя не отметить схожий образ советизации, который вырисовывается на страницах мемуаров чехословацких историков. Их отношение к этому процессу нескрывая отрицательное, хоть и признаются положительные моменты. Они без стеснения указывают на порочные практики, бытовавшие в интеллектуальной среде социалистической Чехословакии. Однако вина

⁷² Ibid: 72.

⁷³ Ibid: 75.

⁷⁴ Ibid: 80.

за произошедшее вменяется отнюдь не советским коллегам, не высокому начальству из Москвы, а ответственность возлагается на местную партийную и научную элиту. Такое восприятие соотносимо с оценками и интерпретациями современных историков «самосоветизации».

Контекст пережитого в определенной степени задает «угол» воспоминаний, который, по мнению Л.П. Репиной, зависит от «сформированной в массовом сознании памяти о критических событиях прошлого, в том числе о великих исторических событиях»⁷⁵. Болевая точка рассматриваемых нами воспоминаний – ввод войск Организации Варшавского договора в августе 1968 г. и политика Нормализации. Но и в данном случае ответственность больше возлагается на чехословацких коммунистов. Кремль, иностранные войска представлены как нечто второстепенное, своего рода «белый шум», а не злой гений и враг. Возможно, это способ преодоления травмы. Ведь наши герои в большей или меньшей степени пострадали после подавления Пражской весны.

Советские историки на страницах воспоминаний – редкие гости, в отличие от коллег из соседних социалистических и западных стран. Напрашиваются вопросы: почему? Контакты были настолько незначительны, что не заслуживали упоминания? Умолчание как способ преодоления травмирующего опыта и желание поскорее забыть? Вопросы остаются открытыми и требуют дальнейших исследований. Очевидно, одно – после установления коммунистических режимов в регионе Советский Союз самоустранился от решения таких «мелких» проблем, как советизация науки и образования, отдав их на откуп местным коммунистам. «Мягкая сила» как политический инструмент и канал влияния советскими идеологами и партийными деятелями использовалась редко и малоэффективно.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Груздинская В.С. В пространстве социалистической науки: обсуждением чехословацкого учебника по истории (1953 г.) // ЭНОЖ «История». 2022. Т. 13. Вып. 4. [Gruzinskaya V.S. V prostranstve socialisticheckoj nauki: obsuzhdeniem chekhoslovackogo uchebnika po istorii (1953 g.) (In the Space of Socialist Science: a Discussion of the Czechoslovak History Textbook (1953)) // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya». 2022. T. 13. Vyp. 4]. URL: <https://history.jes.su/s207987840021118-8/1>
- Зорина И.Н. Прожили большую жизнь // Знамя. 2014. № 7. [Zorina I.N. Prozhili bol'shuyu zhizn' (Lived a great life) // Znamya. 2014. № 7].
- Ироушек Б. Чешская историческая наука между двумя съездами чехословацких историков (1937–1947) // Славяноведение. 2016. № 3. С. 78–86. [Iroušek B. Cheshskaya istoricheskaya nauka mezhdvu dvumya s"ezdami chekhoslovatskikh istorikov (1937–1947) // Slavyanovedenie. 2016. № 3. P. 78–86].
- Ковалев М.В., Соби П. «Кадры решают всё!»: профессиональные траектории первых сотрудников высшей экономической школы в Праге (1950-е годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История. Филология. 2022. № 1. С. 22–36. [Kovalev M.V., Szobi P. «Kadry reshayut vse!»: professional'nye traektorii pervykh sotrudnikov vysshei ekonomicheskoi shkoly v Prage (1950-e gody) ("Employees Make the Difference!": Career Trajectories of First Employees of the Higher School of Economics in Prague (1950s)) // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya. 2022. № 1. P. 22–36].

⁷⁵ Репина 2021. № 2: 13.

- Лаптева Л.П. Йозеф Полишенский (1915–2001). Памяти выдающегося чешского историка XX века // Славяноведение. 2002. №5. С. 73–79. [Lapteva L.P. Jozef Polishenskii (1915–2001). Pamýati vyduyushchegosya cheshskogo istorika XX veka (Josef Polishenskii (1915–2001). In memory of the outstanding Czech historian of the 20th century) // Slavyanovedenie. 2002. № 5. P. 73–79].
- Леонтьева О.Б. Мемуары историков на переломе эпох: личностная рефлексия, профессиональная идентичность // История Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18. № 6. С. 138–146. [Leont'eva O.B. Memuary istorikov na perelome epoch: lichnostnaya refleksiya, professional'naya identichnost' (Memoirs of historians at the turning point of history: personal and professional self-identity) // Istoriya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. 2016. T. 18. № 6. P. 138–146].
- Паперно И. Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель // НЛЮ. 2004. №4. С. 102–127. [Paperno I. Sovetskii opyt, avtobiograficheskoe pis'mo i istoricheskoe soznanie: Ginzburg, Gertsen, Gegegl' (The Soviet Experience, Autobiographical Writing and Historical Consciousness: Ginzburg, Herzen, Hegel) // NLO. 2004. № 4. P. 102–127].
- Расчесова М.В. Зарождение сотрудничества немецких и советских историков. Создание комиссии историков СССР и ГДР (1949–1961 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5. С. 78–86. [Raschsova M.V. Zarozhdenie sotrudnichestva nemetskikh i sovetskikh istorikov. Sozdanie komissii istorikov SSSR i GDR (1949–1961 gg.) (Origins of cooperation between the German and Soviet historians. Establishment of the commission of the USSR and GDR historians (1949–1961)) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2014. № 5. P. 78–86].
- Репина Л.П. Память и наследие в «крестовом походе» против истории, или рождение «мемориальной парадигмы» // Уральский исторический вестник. 2021. № 2. С. 6–16. [Repina L.P. Pamyat' i nasledie v «krestovom poxode» protiv istorii, ili rozhdenie «memorial'noj paradigmy» (Memory and heritage in the “crusade” against history, or the birth of the “memorial paradigm”) // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2021. № 2. P. 6–16].
- Сальникова А.А. Историк и автобиография // Диалог со временем. 2002. Вып. 8. С. 113–130. [Sal'nikova A.A. Istorik i avtobiografiya (Historian and autobiography) // Dialog so vremenem. 2002. № 8. P. 113–130].
- Стыкалин А.С. Венгерский историк Д. Секфю о русском национальном чувстве и советском патриотизме (1946) // Историческая экспертиза. 2015. № 3. С. 83–91. [Stykalin A.S. Vengerskii istorik D. Sekfyu o russkom natsional'nom chuvstve i sovetskom patriotizme (1946) (Hungarian historian D. Sekfű on Russian national feeling and Soviet patriotism (1946)) // Istoricheskaya ekspertiza. 2015. № 3. P. 83–91].
- Шереш А. Визит директора Института истории АН СССР профессора А.Л. Сидорова в Венгрию в 1956 г. // Новая и Новейшая история. 2019. № 1. С. 147–152. [Seres A. Vizit direktora Instituta istorii AN SSSR professora A.L. Sidorova v Vengriyu v 1956 g. (Visit of Professor A.L. Sidorov, Director of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences, to Hungary in 1956.) // Novaya i Noveishaya istoriya. 2019. № 1. P. 147–152.]
- Штеллнер Ф., Ковалев М.В. Коммунистическая партия Чехословакии и советизация высшего экономического образования в 1945–1948 гг. // Россия и современный мир. 2022. № 3. С. 188–209. [Stellner F., Kovalev M.V. Kommunisticheskaya partiya Chekhoslovakii i sovetizatsiya vysshego ekonomicheskogo obrazovaniya v 1945–1948 gg. (The Czechoslovak Communist Party and the Sovietization of the higher economic education in 1945–1948) // Rossiya i sovremenniy mir. 2022. № 3. P. 188–209].
- Штеллнер Ф., Соби П. Советизация высшего экономического образования в Чехословакии (середина 1940-х гг. – 1950-х гг.): проблемы и перспективы изучения // ЭНОЖ «История». 2022. Т. 13. Вып. 4. [Stellner F., Sobi P. Sovetizatsiya vysshego ekonomicheskogo obrazovaniya v Chekhoslovakii (seredina 1940-kh gg. – 1950-kh gg.): problemy i perspektivy izucheniya (Sovietization of higher economic education in Czechoslovakia (mid-1940s – 1950s): problems and perspectives for study) // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya». 2022. T. 13. Vyp. 4]. URL: <https://history.jes.su/s207987840021116-6-1/>
- Černý F. Normalizace na pražské filozofické fakultě (1968–1989): vzpomínky. Praha, 2009. 238 s.
- Connolly J. Captive University: The Sovietization of East German, Czech, and Polish Higher Education, 1945–1956. Chapel Hill: University of North Carolina Press. 2000. 432 p.
- Franc M. Diskuse o organizaci mimouniverzitní vědy 1945–1952 // Dějiny Československé akademie věd I. (1952–1962) / Martin Franc, Věra Dvořáčková a kol.. Praha: Academia, 2019. S. 83–99.

- Hanzal J. Cesty české historiografie. 1945–1989. Praha: Univerzita Karlova v Praze. Nakladatelství Karolinum. 1999. 272 s.
- Jiroušek B. Josef Macek. Mezi historií a politikou. Praha: Vyzkumne centrum pro dejiny vedy, 2004. 239 s.
- Kavka F. Ohlédnutí za padesáti lety ve službě českému dějepisectví. Praha: Univerzita Karlova v Praze. Nakladatelství Karolinum, 2002. 383 s.
- Kosminskij J.A. Dejiny stredoveku / Prel. Helena Pauličková-Rochová. Bratislava: Pravda, 1951a. 303 s.
- Kosminskij J.A. Dějiny středověku. Praha, 1951b. 258 s.
- Křest'an J. Zdeněk Nejedlý. Politik a vědecv osamění. Praha; Lítomyšl: Paseka Národní archiv, 2012. 569 s.
- Maškin N.A. Dějiny starověkého Říma. Praha, 1952. 719 s.
- Mišková A., Kunštát M. Mezinárodní vědecká spolupráce ČSAV v letech 1952–1956 // Dějiny Československé akademie věd I. (1952–1962) / Martin Franc, Věra Dvořáčková a kol.. Praha: Academia, 2019. S. 292–313
- Myška M. Vzpomínání aneb “Tri dni ma naháňali, eště ma nědstali...”. Ostrava: Ostravská univerzita, 2018. 168 s.
- Polišensky J. Historik v měním se světe. Praha: Univerzita Karlova, 2001. 351 s.
- Přehled dějin Československa v epoše feudalismu I: (do poloviny 14. století). Praha, 1958; Kavka F. Přehled dějin Československa v epoše feudalismu I: (do poloviny 14. století). Učební texty vysokých škol. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1955. 240 s.
- Přehled dějin Československa v epoše feudalismu II: (od poloviny 14. stol. do r. 1526). Praha, 1956; Československa v epoše feudalismu III: (1526–1781). Praha, 1956.
- Sergejev V.S. Dějiny starověkého Řecka. Praha, 1952. 525 s.
- Zacek J.F. Josef V. Polišensky, 1915–2001 // Slavic Review. V. 60. Iss. 4. Winter 2001. P. 922–923.

Груздинская Виктория Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; старший научный сотрудник, Архив РАН, vik11910314@yandex.ru

Назаров Сергей Олегович, аспирант, младший научный сотрудник, Институт всеобщей истории; научный сотрудник, Архив РАН, sergey_nazarov13@mail.ru

«Together we Fought, Together We Build!»:

The Image of Sovietisation and the USSR in the Memoirs of Czechoslovak Historians of the Second Half of the 20th Century

After the Second World War, the countries of Eastern Europe fell into the orbit of Soviet political influence. The process of Sovietisation of all aspects of society began. Czechoslovak historical science was no exception to this process. Soviet historiography was proclaimed as a reference point for national historiographies, and Soviet historians were very active in the region. At the same time, the destruction of the old foundations of historical science and the construction of new institutions in their place not only changed the “façade” and reshaped the former channels of communication, but also had an impact on the personality of the scholar himself, sometimes confronting him with a choice between resistance or accommodation. Therefore, turning to sources reflecting the personal experience of living through the Sovietisation has great research potential. The article examines the memoirs of three Czechoslovak historians – J. Polišenský, F. Kavka, and M. Myška, with the help of which an attempt is made to reconstruct the perception of contemporaries of the processes of sovietisation and “self-sovietisation” of Czechoslovak historical science.

Key words: *Czechoslovakia, USSR, memoirs, sovietisation, “self-sovietisation”, Czechoslovak historical science.*

Gruzinskaya Victoria S., PhD in Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; Senior Researcher, Archive of the Russian Academy of Sciences; vik11910314@yandex.ru

Nazarov Sergey O., Postgraduate student, Junior Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; Researcher, Archive of the Russian Academy of Sciences; sergey_nazarov13@mail.ru

С.А. САХАРОВ

АВГУСТИН И ГОСУДАРСТВО: О ПОЛОЖЕНИИ ЕПИСКОПА В СИСТЕМЕ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ (ПО ДАННЫМ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ ОТЦА ЦЕРКВИ)

Эпоха поздней античности формирует принципиально новый по сравнению с предшествующими столетиями тип социально-политических отношений. Царский Рим и республика, даже принципат опирались на традиции античной демократии. В период же домината в основу функционирования римской государственной системы были положены начала неограниченного монархического правления, а деспотические черты проникли в самые разные области общественно-политической жизни. Одним из выразителей «духа» эпохи стал Аврелий Августин – христианский епископ, сумевший совместить непререкаемый религиозный авторитет с элементами мастерства политического деятеля, заложив тем самым новые основы взаимоотношений государства и Церкви. Письма Августина свидетельствуют о его включенности в политическую жизнь Поздней Римской империи. Епископ активно взаимодействует с должностными лицами центрального правительства и провинциальных администраций, использует находящиеся в их руках инструменты для решения задач нравственного совершенствования общества. Это позволяет говорить о сопричастности Августина позднеримской политической элите. Он дает нравоучительные наставления высокопоставленным чиновникам, обращается к ним с ходатайствами и просьбами, получая всякий раз желаемый ответ. Эпистолярное наследие епископа Гиппона позволяет сделать вывод о его рациональном отношении к политике и государству. Он не борется с ними и не противостоит им. Напротив, Отец Церкви склонен использовать государство в качестве средства решения проблем общества.

Ключевые слова: *Аврелий Августин, поздняя Римская империя, доминат, христианство, система государственной власти поздней Римской империи, magister officiorum, викарий Африки Македоний, коррупция в поздней Римской империи.*

В научной и учебной литературе Аврелий Августин традиционно рассматривается в качестве одного из родоначальников теологических воззрений на происхождение государства и права¹. В своих политических рассуждениях, берущих начало в Священном Писании², он выстраивает систему обоснований необходимости государственных институтов³. Даже несмотря на то, что Августин не был политическим мыслителем и специально не занимался вопросами политики⁴, его постулаты и в двадцатом столетии позволяли обосновывать свои притязания на первенство как светским властям, так и духовным лидерам⁵, а аргументы Отца Церкви до настоящего времени используются для объяснения причин конфликтов в современных обществах⁶.

¹ Ромашов, Харьковский 2024: 37; Ершов 2023: 27.

² Taylor 1998: 287, 303.

³ Burt 1990: 155-156.

⁴ Taylor 1998: 287-288.

⁵ Loetscher 1935: 16.

⁶ Kaufman 2010: 699.

Интеллектуальное наследие Августина относится к числу наиболее изученных разделов исторической науки. Тем не менее сохранившиеся тексты, принадлежащие перу епископа Гиппона, коснувшегося в своих работах едва ли ни каждой темы, которая может волновать разум человека⁷, по сей день оставляют обширное поле для исследований. К примеру, споры в научном сообществе в свое время вызывало отношение Отца Церкви к политической жизни. П. Браун утверждал, что политика для Августина в своей сущности родственна болезни⁸. По мнению Дж. Фиггиса и О. Донована, участие людей в деятельности государства с точки зрения епископа если не естественно, то, по крайней мере, нравственно нейтрально⁹. Споры в научном сообществе вызывали вопросы определения Августином пределов вмешательства этики в политику. Как отмечал Р. Дидаро, исследователи разделились в своих суждениях на две группы. Одни из них доказывали, что Отец Церкви не предпринимал никаких усилий для продвижения своих взглядов на взаимоотношения власти и общества. По мнению других, напротив, епископ делал довольно много для реализации этических установок в политике¹⁰. Считая оправданным участие христиан в государственной жизни¹¹, он говорил, к примеру, что полномочия судьям дал Бог, или что христиане должны добросовестно выполнять государственные обязанности, молясь при этом об избавлении от них¹².

Проблемы восприятия Августином государства и политики представляются нам весьма важными и заслуживающими очередного обстоятельного рассмотрения. Дело в том, что интеллектуальное наследие Отца Церкви действительно дает основания для разных суждений. По своему правы историки, которые говорят, что Августин осуждает «земное» государство и не принимает политику. Но правы и те исследователи, которые придерживаются прямо обратной позиции.

В историографии известен тезис, согласно которому, имея в молодости неплохие карьерные перспективы, Августин сознательно отказывается от политической и государственной деятельности, предпочитая им жизнь, посвященную этическим размышлениям¹³. Скорее негативное восприятие «земного» государства мы видим в сочинениях Отца Церкви, имеющих богословский характер. В числе таковых следует назвать трактат «О граде Божьем», суммирующий всю апологетическую деятельность Августина¹⁴ и которым он отвечал на обвинения

⁷ Canavan 1930: 409.

⁸ Burnell 1992: 13.

⁹ Burnell 1992: 13–14.

¹⁰ Didaro 2004: 431.

¹¹ Didaro 2004: 431.

¹² Kaufman 2003: 331.

¹³ Kaufman 2009: 48.

¹⁴ Зверев, Лопатин 1893: 29.

язычников, виновных во всех бедствиях империи христианские времена¹⁵. С другой стороны, анализ эпистолярного наследия епископа Гиппона открывает несколько иную картину. Здесь мы можем увидеть как нейтральные морализаторские паттерны в восприятии государства и его деятельности¹⁶, так и совершенно рациональное восприятие государственных институтов¹⁷.

Отправной точкой нашего исследования взаимодействия Августина с позднеримским государством стал тезис, выдвинутый немецкой исследовательницей С. Мрачек, по мнению которой епископ Гиппона выполнял в Африке обязанности светского правителя¹⁸. Однако, как нам представляется, названное утверждение можно уточнить, решив несколько задач: во-первых, определить масштаб включенности епископа Гиппона в функционирование государственных институтов поздней Римской империи; во-вторых, решить вопрос о допустимости причисления Августина к позднеримской политической элите; в-третьих, определить его отношение к политике как таковой.

Для решения названных задач нами было использовано эпистолярное наследие Отца Церкви. Выбор неслучаен. Дело даже не в том, что епископ использовал свои послания в качестве одного из видов «оружия» против оппонентов¹⁹. По замечанию Е.В. Литовченко, эпистолография периода поздней античности проливает свет на настроения людей эпохи, показывает их подлинное отношение к происходящему²⁰. Р. Бивер также в свое время обращал внимание на то, что письма не просто показывают жизнь Августина, а иллюстрируют положение иерарха Церкви в поздней Римской империи – в эпоху, когда формировался образ епископата для последующих столетий²¹.

Непосредственным объектом нашего исследования стала та часть писем гиппонского епископа, которая раскрывает его взаимодействие с позднеримским государством. Интерес для нас представляет ряд из них. Во-первых, это письма 96 и 97²². Оба послания написаны в 408 году на имя магистра оффиций Олимпия. Причиной их появления стал сложный имущественный спор, решением которого Августину пришлось непо-

¹⁵ Казаков 1995.

¹⁶ Примером могут послужить послания, содержащие рассуждения Августина о причинах, в силу которых светские чиновники должны быть снисходительны к преступникам (Ep. 153–155).

¹⁷ Например, использованные нами письма, написанные епископом Гиппона в связи с его деятельным участием в защите имущественных интересов церкви (Ep. 96–97) или оказавшегося в долгах арендатора Фавенция (Ep. 115–116).

¹⁸ Mratschek 2001: 230.

¹⁹ Литовченко 2021: 537–538.

²⁰ Литовченко 2007: 32.

²¹ Beaver 1934: 187.

²² См. Augustinus. Epistulae (ep. 31–123) / Ed. A. Goldbacher // Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum (CSEL). Vol. 34/2. Prague / Vienna / Leipzig, 1898.

средственно заняться. Во-вторых, письма 115 и 116, датированные 410 годом. Их адресатами значатся епископ Цирты Фортунат и правитель Нумидии Генероз. Названные послания были написаны Августином в целях защиты арендатора Фавенция, оказавшегося в трудной жизненной ситуации. В-третьих, письма 153–155²³, отправленные епископом в 413 или 414 году²⁴ на имя викария Африки Македония. В отличие от упомянутых выше посланий, имеющих преимущественно прагматическое назначение, эти тексты носят нравоучительный характер, объясняя высокопоставленному провинциальному руководителю, почему светские власти должны прислушиваться к ходатайствам епископов, когда они просят о снисхождении для лиц, преступивших закон, но способных покаяться и встать на путь исправления. Каждое из этих писем ценно по-своему. Раскрывая масштаб личности Августина, все они позволяют увидеть его в нескольких проекциях: как предстоятеля, защищающего свою паству; как уважаемого духовного лидера, в круг общения которого входили имперские министры и руководители провинций²⁵; как священноначальника, действующего в интересах церковной организации.

Следует обратить внимание, что картина, полученная в результате анализа эпистолярного наследия Августина, имеет мало общего с образом государства, представленным в его сочинениях религиозно-философского характера²⁶. К примеру, в уже упомянутом трактате «О граде Божьем», встраивая свои рассуждения в логику процессов христианизации Римской империи²⁷, различая два рода государства²⁸ и два рода закона²⁹, Августин противопоставляет реальное земное государство идеальному государству Бога, которым правит сам Христос³⁰, а теократическая государственность которого является выражением божественного начала³¹. В противоположность ему земное государство представлено как сообщество людей, отошедших от истины³². Его воплощением как раз и является Римская империя, могущество которой основано не на правде и справедливости, а на устрашающем стремлении к доминированию, жажде господства и власти³³. Такое государство, подобно цизероновской республике, способно лишь подражать государству Бога³⁴,

²³ См. Augustinus. Epistulae (ep. 124–184 A) / Ed. A. Goldbacher // Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum (CSEL). Vol. 44. Vienna / Leipzig, 1904.

²⁴ The Works of Saint Augustine 2002: 390.

²⁵ Kuhn 2007: 72.

²⁶ Deferrari 1929: 109.

²⁷ Казаков 2021.

²⁸ Гусев 2018: 16.

²⁹ Епифанова, Буреєв 2015: 232–233.

³⁰ Loetscher 1935: 25.

³¹ Алонцева 2019: 180.

³² Loetscher 1935: 21–22.

³³ Kaufman 2010: 701.

³⁴ Гусев 2018: 16.

и то при условии, что оно будет стремиться к достижению всеобщего блага³⁵, действуя на основе принципов «симфонии властей» – концепции, получившей развитие в идеях Иоанна Златоуста³⁶ и в наиболее законченном виде реализованной в Византийской империи³⁷.

Обратимся к той части переписки Августина, в которой влиятельный, известный и уважаемый повсюду епископ выступает в защиту «маленького» человека, простого позднеримского провинциала, столкнувшегося с произволом, обусловленным особенностями социально-экономической организации позднеримского общества. Сразу оговоримся, что использованный нами фрагмент переписки иллюстрирует единственный случай, который, тем не менее, отражает типичную ситуацию, когда Августин вставал на защиту своей паствы, используя для этого все свое влияние. Дабы избежать однобокого представления об Августине, как уникальной фигуре поздней античности, важно отметить, что действия его не были чем-то уникальным. Науке известны многочисленные примеры заступничества за паству других епископов. Свидетельства тому мы находим в письмах Василия Каппадокийского, неоднократно ходатайствовавшего за людей, оказавшихся в трудных ситуациях (Ер. 79/83, 80/84)³⁸, жизнеописании Иоанна Златоуста, содержащим в высшей степени показательный, но столь же спорный с точки зрения своей историчности и даже легендарный пример заступничества епископа за вдову, у которой сама императрица отняла виноградник³⁹ и пр.

Нами были проанализированы письмо 115, адресованное Августинем епископу Цирты Фортунату, в котором и содержится изложение существа проблемы, вынудившей его вмешаться, и письмо 116, которое Фортунат, по замыслу епископа, должен был передать провинциальному руководителю Нумидии Генерозу. Именно этому чиновнику предстояло рассмотреть дело Фавенция, заботой о котором продиктовано появление обоих посланий. В письме Фортунату читаем: «Твое святейшество, – начинает Августин, – хорошо знаком с Фавенцием – арендатором поместья в Парацинском лесу. Он, спасаясь от преследований со стороны владельца этого имения, укрылся в одной из церквей Гиппона и оставался там, как обычно поступают беглецы, ожидая, пока при моем посредничестве, его дело будет улажено⁴⁰. Становясь с каждым днем

³⁵ Гегель 1990: 294.

³⁶ Гусев 2018: 15–16.

³⁷ Barnes 2017: 186.

³⁸ Рус. пер.: Святитель Василий Великий, Архиепископ Кесарии Каппадокийской // Творения: В 2 т. Том второй: Аскетические творения. Письма. М., 2009. С. 19.

³⁹ Как отмечает Балаховская А.С., многие современные ученые полагают, что, хотя некоторые детали описанной в житии Иоанна Златоуста истории носят легендарный характер, ядро повествования – факт заступничества епископа за обездоленную императрицей вдову, является подлинным. См. Балаховская 2013: 8.

⁴⁰ Согласно закону, укrywшихся в храме должников следовало выдавать властям, либо их долги должен был выплатить предоставивший защиту епископ (CTh. IX.45.1).

все менее бдительным, он, ...выходя из дома после ужина, был похищен группой вооруженных людей во главе с неким Флорентином ... Я сразу обратился к трибуну, командующему охраной (в этой местности – *прим. автора*) ... Утром мы узнали, где ночевал похищенный. Нам стало известно, что ранним утром он покинул дом, в котором провел ночь, вместе с человеком, удерживающим его... На следующий день я направил письмо с просьбой предоставить ему привилегию, установленную императором для таких случаев: лиц, которым предъявлены обвинения, спрашивали в муниципальном суде, желают ли они в течение тридцати дней находиться в городе под умеренной охраной, дабы уладить спор или найти средства для судебного разбирательства. Я надеюсь, что за это время смогу решить его вопрос как-то полюбовно. ... Я также ожидаю, что он (судья – *прим. автора*) отсрочит слушание дела, потому что я не уверен в виновности этого человека» (Ер. 115).

Однако стремление Августина добиться отсрочки в рассмотрении дела Фавенция обусловлено не только неуверенностью епископа в виновности его «подзащитного». Действительное, как нам кажется, объяснение тому приведено далее. «... если ... (Фавенций – *прим. автора*), – продолжает епископ, – предстанет перед судом магистрата, то нельзя гарантировать того, что он не станет жертвой несправедливости. Хотя этот судья широко известен своей честностью и неподкупностью, Фавенций имеет противника очень богатого человека» (Ер. 115). Иными словами, Августин ставит под сомнение саму систему римского правосудия. Он не доверяет ей. Как писал в свое время Г. Колдуэлл, епископ Гипсона реалистично относился к судебной практике своего времени, показывая напряженные отношения между человеком и государственными институтами⁴¹. Именно по этой причине он, посвящая Фортуната в перипетии злключения Фавенция, просит своего коллегу в епископском достоинстве изложить существо проблемы руководителю Нумидии, передав и соответствующий документ (Ер. 115).

Начинает это «сопроводительное письмо» епископ с лестного приветствия, осыпая провинциального начальника хвалебными эпитетами. Он называет его «благородным» и «справедливым» сыном, отмечая, что хорошо осведомлен о его деятельности и заслугах (Ер. 116). Августин считает необходимым подчеркнуть, что ранее никогда не тревожил его своими просьбами. Это важно, поскольку, по словам Р. Бивера, другие епископы часто злоупотребляли своим правом ходатайствовать за преступников, что в итоге привело к его ограничению актами императоров Феодосия и Аркадия⁴². Наконец, Августин в своем письме выражает уверенность, что, вникнув в суть проблемы, «доброе сердце» судьи сразу уразумет причину, вынудившую епископа отни-

⁴¹ Caldwell 1960: 7–8.

⁴² Beaver 1934: 202–203.

мать его драгоценное время (Ер. 116). Призывая Генероза руководствоваться высшими нравственными идеалами⁴³, гиппонский епископ пишет: «Я совершенно убежден, что, питая к нам то чувство, которого мы вправе ожидать во имя Христа, ты поступишь в этом деле так, как подобает не только честному судье, но и судье-христианину» (Ер. 116).

В распоряжении историков имеются и прочие письма Августина, относящиеся к делу Фавенция. Среди них письмо упомянутому в послании «трибуну, командующему охраной», а также письмо, написанное епископом в адрес самого похитителя Флорентина. В первом из них Отец Церкви выражает надежду на то, что проблема Фавенция может быть решена «дружеской беседой» между чиновником и похитителем⁴⁴. В письме же Флорентину Августин весьма категоричен, заявляя: «По чьей власти и по чьему повелению ты похитил Фавенция, заботит лишь тебя. Я же убежден, что всякая власть, подвластная воле императора, подчинена закону. Я посылаю тебе копию документа, ... о существовании которого ты должен был знать и прежде. Однако я посылаю его тебе снова!» (Ер. 114)⁴⁵.

История арендатора Фавенция, дальнейшая судьба которого, к сожалению, неизвестна⁴⁶, не единична в своем роде. Известен случай некоего Фасция, который, оказавшись в долгах перед фиском, укрылся в храме. Августин выплатил его долг, для чего ему пришлось одолжить необходимую сумму у «богатого человека». Однако Фасций долг не вернул, и Августину пришлось просить особое пожертвование у прихожан, дабы самому рассчитаться с человеком, одолжившим деньги⁴⁷.

Если рассмотренные выше послания епископа носят прагматический характер, ибо имеют целью решение проблем конкретных людей, то письма на имя викария Африки Македония скорее должны быть отнесены к числу текстов морализаторского характера. Являясь христианином-кафоликом и считая Августина духовным отцом⁴⁸, Македоний тем не менее задается вопросом о правомерности и целесообразности ходатайств епископов о прощении преступников⁴⁹. Августин, стремясь развеять сомнения чиновника, формулирует основанные на определенном истолковании христианских истин доводы. В своем письме он выражает убежденность в том, что судья должен быть милосердным к преступникам. В обоснование своей точки зрения он приводит две позиции. Во-первых, прощение дает им время для покаяния⁵⁰, которое гораздо

⁴³ Didaro 2004: 440.

⁴⁴ Caldwell 1960: 14.

⁴⁵ Caldwell 1960: 14.

⁴⁶ Caldwell 1960: 15.

⁴⁷ Beaver 1934: 203.

⁴⁸ Didaro 2004: 434.

⁴⁹ Caldwell 1960: 17–18; Kaufman 2009: 50–51.

⁵⁰ Caldwell 1960: 18.

важнее любых земных наказаний. Во-вторых, судья всегда должен помнить, что и он однажды будет судим, если не судом земным, то судом божьим⁵¹. Следовательно, заключает Августин, просьбы епископов о помиловании преступников не только правомерны и обоснованы, но и необходимы (Ер. 153.11).

Вместе с тем, продолжает Августин, эти ходатайства никоим образом не отменяют необходимости, а в некоторых случаях и полезности, государственного принуждения, являющегося одним из средств исправления человека: «... не следует (думать – прим. автора), – пишет епископ, – что власть государя, орудие пыток палача, оружие солдата, дисциплина, установленная правителем, или суровость доброго отца бессмысленны. Все они полезны по-своему. Когда их боятся, зло ограничивается и добро живет более мирной жизнью среди зла» (Ер. 153.16). Выбор средств, применяемых для исправления преступников, зависит от характера людей, в отношении которых они применяются. «Действуя в пределах своей епископской компетенции⁵², – продолжает Отец Церкви, – мы иногда грозим судом человеческим, но всегда – судом божьим. В некоторых случаях мы делаем это в частном порядке, а в некоторых – публично, поскольку разные люди подвержены влиянию разных лекарств» (Ер. 153.21). «... те, кто путем обмана, кражи или грабежей приобрел имущество вопреки законам человеческого общества, должны возместить ущерб, а не раздавать награбленное нищим» (Ер. 153.24).

Вероятно, доводы Августина возымели действие. Такой вывод мы можем сделать из ответного письма Македония. Викарий Африки пишет: «Ты не требуешь от меня всего чего ты хочешь, как поступают многие. Но ты советуешь, как, по твоему мнению, следует поступить судье, запутавшемуся в столь многих проблемах... Потому я немедленно удовлетворил твою просьбу в отношении всех тех, за кого ты ходатайствуешь. Я открыл им путь надежды» (Ер. 154.1).

Рассмотренные фрагменты переписки Августина с двумя высокопоставленными чиновниками позднеримской провинциальной администрации позволяют нам сделать ряд заключений.

Итак, мы видим, что Августин не доверяет римскому правосудию, обращая внимание на факт коррумпированности судебной системы империи. Попыткой решения проблемы стала получившая широкое распространение в поздней Римской империи *audientia episcopalis* – в некотором смысле альтернатива светскому суду. Однако, отмечает П. Кауфман, с течением времени отношение Августина к подобного рода практикам существенно трансформируется. Причиной тому историк считает следующее обстоятельство: исполнение епископами судейских полномочий компрометировало их как духовных лидеров, ибо проигравшая

⁵¹ Beck 2017: 38.

⁵² В данном фрагменте переписки, вероятно, речь идет об *audientia episcopalis*.

сторона всегда оставалась недовольной, что ставило под сомнение возможность епископа давать нравственные наставления и советы⁵³.

Однако несмотря на критическое отношение Августина к существующей судебной практике, он вовсе не склонен игнорировать институты римского государства. Напротив, он активно использует свое влияние на высокопоставленных чиновников для решения проблемы своего подзащитного, берет на себя инициативу, фактически начиная собственное расследование дела и привлекая к нему должностных лиц, обладающих необходимыми полномочиями.

Епископ Гиппона предстает в переписке в качестве некоего духовного наставника, ожидающего от светских чиновников определенной лояльности, а местами и покорности. По первой просьбе ему оказывает содействие «трибун, командующий охраной». Епископ выражает, вероятно, небезосновательную надежду и даже уверенность в содействии руководителя Нумидии Генероза. В послании викарию Африки Македонию епископ вновь дает нравоучительные наставления, прямо касающиеся выполнения провинциальным начальником своих обязанностей, и получает желаемый ответ.

Иными словами, мы видим прямую сопричастность Августина деятельности позднеримских государственных институтов. Пользуясь авторитетом защитника плебса, епископ Гиппона вместе с тем проявляет осмотрительность. Выступая в защиту конкретных лиц, он проверяет факты, стремясь действовать не только как добрый, но и как справедливый защитник, что лишь увеличивает его моральный авторитет и вес.

Письма свидетельствуют о развитой политической и правовой культуре Августина. Отец Церкви убежден, что любой вред должен быть возмещен. Простого покаяния или раздачи милостыни в случае причинения имущественного вреда, по его мнению, недостаточно. Одновременно Августин выражает убежденность в том, что наказание за преступление не должно сводиться к некоей мести. Оно имеет своей целью исправление человека. Именно поэтому епископ приходит к выводу о целесообразности снисхождения к тем из преступников, которые встали либо могут встать на путь исправления. Августин демонстрирует приверженность идее гуманизации наказания, призывая судей избегать их чрезмерной суровости. В подобного рода суждениях Аврелий Августин, как известно, не одинок. Аналогичного подхода в своих «Нравственных правилах» придерживается Василий Каппадокийский, который, среди прочего, пишет, что «верующие в Господа должны прежде всего покаяться по проповеди Иоанновой и по проповеди Самого Господа нашего Иисуса Христа. Ибо те, которые ныне не каются, осуждены будут более осужденных прежде Евангелия» (Moral. reg. 1.1)⁵⁴.

⁵³ Kaufman 2016: 557.

⁵⁴ Рус. пер.: Святитель Василий Великий, Архиепископ Кесарии Каппадокийской // Творения: В 2 т. Том второй: Аскетические творения. Письма. М., 2009.

Эпистолярное наследие Аврелия Августина раскрывает и иные стороны его личности и деятельности. Для анализа взаимодействия гиппонского епископа с государственной властью важное значение имеет его переписка с магистром оффиций Олимпием (Ер. 96.2; 97.1) – человеком, поступки которого вызывали крайне полярные оценки в среде позднеантичных интеллектуалов: от восторженных похвал у Августина, восхищающегося его добродетелями и христианским благочестием, до резкого осуждения в трудах Зосима и Олимпиодора, которые, среди прочего, ставят в вину чиновнику интриги, приведшие к гибели Стилихона (Zosim. Hist. V.32–34; Olymp. Fr. 2.8).

Нами были проанализированы письма, которые Августин адресует руководителю имперской бюрократии.

Из письма 96, датированного 408 г., мы узнаем о сложном имущественном споре, в решение которого пришлось погрузиться Отцу Церкви. В послании рассказывается история епископа Катаквы Павла, оказавшегося в больших долгах перед фиском. Заняв епископскую кафедру, он продал свое имущество, чтобы рассчитаться с казной. Однако часть вырученной суммы Павел оставил себе и как бы для Церкви на имя подставных лиц купил земельный участок – «немногие поля, посредством которых он мог бы себя прокормить» (Ер., 96, 2). После смерти Павла новый глава церкви Катаквы Бонифаций не осмелился принять приобретенное таким путем имущество. Он направил в адрес императора официальный документ, в котором, честно признавая факт махинаций своего предшественника, попросил списать долги. Однако его просьба не была удовлетворена. Бонифаций обратился за помощью к Августину, ожидая, что его авторитета будет достаточно для решения проблемы (Ер. 96.2). Отец Церкви тут же начинает действовать. Едва получив известие о блистательном возвышении Олимпия, он, быстро воспользовавшись ситуацией⁵⁵, пишет в адрес магистра полное лестных эпитетов письмо. Выбор адресата неслучаен. Августин уверен, что, обладая поистине огромными полномочиями⁵⁶, Олимпий сможет уладить проблему так, как ему нужно. И он не ошибается. «Вновь передаю на твое рассмотрение, – пишет епископ, – прошение брата и соратника моего Бонифация с надеждой, ибо то, что не могло быть решено прежде, может быть, теперь находится в твоей власти» (Ер. 96.2). Августин предлагает чиновнику свое видение решения проблемы. Указывая, что Церковь «может... завладеть этим имуществом не тайным обманом своего епископа, а лишь открытым актом щедрости императора-христианина» (Ер. 96.2), он предлагает магистру просить правителя передать ему в собственности оспариваемое земельное владение, а затем отдать его в качестве дара церкви Катаквы. Своему замыслу епископ придает соответ-

⁵⁵ Mratschek 2001: 224–225.

⁵⁶ Hunt 1983: 87.

ствующее идейное обрамление: «... кто, – пишет Августин, – упрекнул бы твою просьбу? Нет! Кто не одобрил бы ее? Ведь продиктована она не личной алчностью, а христианским благочестием» (Ер. 96.3).

Вероятно, план Августина удался. Такой вывод следует из нового письма, которое епископ адресует главе правительства: «... Господь, милостью которого ты так силен, может время от времени посредством твоего благочестивого послушания помогать его церкви...». И далее: «Ты воистину сын! В душе твоей не было иного чувства кроме того, которое ты сейчас явил нам своим письмом...» (Ер. 97.1).

Реализация Августином этого плана в свое время сама стала предметом научной дискуссии. По мнению Р. МакМаллена, организовывая подобного рода «схемы», епископ содействовал уклонению от уплаты налогов и коррупции⁵⁷. С ним не соглашается П. Кауфман. Профессор Ричмондского университета склонен полагать, что для Августина борьба с коррупцией состоит отнюдь не в реформировании правительства или искоренении злоупотреблений властью. Она заключается в том, чтобы «завоевать» душу и в итоге исправить ее «греховно-неправильное расположение»⁵⁸. На основании этого П. Кауфман приходит к выводу, что использование Олимпием своей власти в интересах христианской общины Катаквы не является чем-то предосудительным.

Почему так? Ответ на этот вопрос дает Р. Дидаро. Он утверждает, что по мнению Отца Церкви христианская мораль требует от государственного деятеля согласования своего стремления к благам «земного града» с благами «града небесного». Если эти два рода благ противоречат друг другу, то государственный деятель, не колеблясь, должен отдать предпочтение вторым. Только так он сможет достичь подлинного благочестия⁵⁹. Иными словами, действуя в интересах Церкви, Олимпий как раз и обнаруживает готовность поставить во главу угла те самые «блага града небесного».

Переписка Августина с Олимпием на этом не заканчивается. Она содержит еще один эпизод, иллюстрирующий, по словам С. Мрачек, эффективное взаимодействие между духовенством и людьми, обладающими политической властью⁶⁰. Августин обращается к магистру с новой просьбой, которая на этот раз касается религиозно-политической стороны взаимодействия власти и Церкви. Запрещение языческого шествия в Каламе привело к массовым беспорядкам, в ходе которых была сожжена базилика и разграблены церковные склады⁶¹. На фоне этого Отец Церкви просит магистра официй обеспечить неукоснительное соблюдение законов, изданных против религиозных диссидентов: «Я

⁵⁷ Kaufman 2009: 49.

⁵⁸ Kaufman 2010: 700.

⁵⁹ Didaro 2004: 438, 442.

⁶⁰ Mratschek 2001: 224-225.

⁶¹ Mratschek 2001: 228.

пищу тебе, чтобы приветствовать тебя и поручить любовью, которую ты имеешь во Христе, следить за исполнением твоего дела с величайшим усердием, дабы враги знали, что законы об уничтожении идолов и исправлении еретиков, изданные еще при жизни Стилихона, были созданы по воле нашего самого благочестивого императора» (Ер. 97.2).

Подобной тактики Августин придерживался и позднее, в период противостояния с донатистами. Выступая против тезисов раскола, который, по словам Е.Н. Трубецкого, был столь же антигосударственным движением, как и антицерковным⁶², епископ не только формулирует обоснования необходимости применения гражданских законов против еретиков и раскольников⁶³, но и разрабатывает проблематику допустимости и границ вмешательства государства в дела Церкви⁶⁴, применения государственного принуждения в интересах поддержания религиозного мира⁶⁵. Не возражая в целом против такового, епископ выдвигает всего одно условие – государственное участие не должно влечь применения к отступникам чрезмерно суровых наказаний⁶⁶.

В целом, переписка с Олимпием обнаруживает Августина в первую очередь как доблестного и весьма рачительного священноначальника. Не вдаваясь в детали интерпретации в исторической науке участия епископа в разрешении проблемы Бонифация, мы можем констатировать, что он проявляет неподдельный интерес к защите имущественных интересов Церкви. Проявляет он и решимость в отстаивании позиций христиан в их противостоянии с идейными оппонентами. Безусловно, в сказанном нет ничего удивительного или необычного с учетом места и роли Августина в церковной организации. Для нас в данном контексте интереснее не то, что делает Августин, а то, как он это делает – используя власть и влияние высшего гражданского чиновника империи, который оказывает епископу Гиппона содействие в реализации его планов.

Справедливости ради и для того, чтобы избежать неверной или односторонней оценки влияния епископа на позднеримское государство и его институты, необходимо упомянуть о том обстоятельстве, что светские власти отнюдь не всегда удовлетворяли ходатайства представителей Церкви. Известны случаи и иного рода. К примеру, в переписке Василия Каппадокийского мы обнаруживаем письма, отражающие крайне критическое отношение епископа к вопросу о разделении провинции Каппадокии на две части. Тем не менее, ни его мольбы, ни упреки в адрес властей не изменили ситуации. Провинция, как пишет сам Василий, была словно «рассечена надвое» (Ер. 70/74), в результате чего, подобно ладье, потопленной в море сильным порывом ветра, или

⁶² Трубецкой 1892: 114.

⁶³ Кирюхин 2017: 67.

⁶⁴ Бежанидзе 2016: 48.

⁶⁵ Canavan 1930: 421.

⁶⁶ Kaufman 2003: 23; Kaufman 2010: 702, 711; Kaufman 2016: 558, 565.

городу, разрушенному землетрясением или затопленному водами, она быстро пришла в совершенное запустение (Ер. 72/76). Нельзя не упомянуть в данном контексте и уже упомянутый ранее легендарный пример безуспешного заступничества Иоанна Златоуста за бедную вдову, лишенную императрицей своего виноградника. Даже с учетом существующих в исторической науке разночтений по поводу этой истории, которая появляется в житиях Иоанна Златоуста с середины VII в. и с этого времени становится неперенным атрибутом его агиографии⁶⁷, для нас она важна, будучи хорошей иллюстрацией обратной стороны взаимоотношений позднеримского епископата и государства.

Подводя итог анализа взаимодействия Августина с позднеримским государством, мы можем констатировать следующее.

Во-первых, проанализированные фрагменты переписки Отца Церкви показывают его тесную связь с высокопоставленными чиновниками позднеримского правительства. Решая задачи пастырского служения, Аврелий Августин раз за разом использует инструменты власти, находящиеся в руках адресатов его посланий. Даже принимая в расчет то обстоятельство, что нами рассмотрены лишь некоторые письма гиппонского епископа, описывающие частные случаи его взаимодействия со светскими властями, сказанного достаточно, чтобы говорить о включенности епископа в политическую жизнь.

Во-вторых, эпископальное наследие дает основания говорить о сопричастности Августина позднеримской политической элите. Письма показывают круг его общения. В нем должностные лица центрального правительства, провинциальные руководители, чиновники, ответственные за вопросы безопасности и т.д. Письма показывают, что Отец Церкви взаимодействует с ними на равных, хотя и стремится всякий раз подчеркнуть превосходство и выдающиеся качества адресатов своих посланий, демонстрируя таким образом обычную для своего времени форму вежливого обращения. Последнее, тем не менее, не мешает ему давать высокопоставленным чиновникам нравоучительные наставления, обращаться к ним с просьбами, прямо связанными с реализацией ими своих властных полномочий.

В-третьих, Августин демонстрирует рациональное отношение к политике и государству. Он использует их как средство достижения задач нравственного совершенствования общества. Августин демонстрирует ясное понимание роли государства и его институтов в общественной жизни; понимает, как и в каких пределах можно использовать их в интересах Церкви и паствы. А.В. Марей очень точно определил логику восприятия Августином государства, отмечая, что для него государственная власть представляет собой некую упорядочивающую силу⁶⁸, по-

⁶⁷ Балаховская 2013: 8.

⁶⁸ Марей 2019: 96.

требность в которой будет сохраняться до тех самых пор, пока не наступит царство божие⁶⁹.

В-четвертых, возвращаясь к тезису С. Мрачек о том, что Августин выполнял в Африке полномочия светского правителя, мы можем констатировать следующее. Нам представляется, что Августин не мог и не должен был выполнять полномочия светского правителя. Однако, это совершенно не означает, что он не обладал влиянием, сопоставимым с властью провинциального начальника. Напротив, мы полагаем, что влияние Августина значительно превосходило власть провинциальных руководителей. Связано это как с ролью Церкви и христианского епископата в жизни позднеримского общества, так и с личным авторитетом и влиянием епископа Гиппона. В данном ключе представляется важным замечание профессора Венского университета К. Рапп, по мнению которой епископ являлся одной из самых влиятельных фигур поздней античности⁷⁰.

В контексте сказанного следует обратить внимание на августиновское обоснование необходимости вмешательства епископа в государственные дела. Это вмешательство необходимо в силу несовершенства государственных институтов, которые неспособны обеспечить подлинный порядок и справедливость. Епископ же, выступая в роли посредника между элитой и массами, должен устранить это несовершенство. Итак, мы можем утверждать, что Аврелий Августин стремился к продвижению этических установок в политике. Обнаруживая определенное недоверие к римскому государству, видя его пороки, он, тем не менее, активно действует. Участвуя в решении социальных проблем всякий раз, когда их не могло решить государство, епископ стремился достичь подлинной христианизации позднеримского общества.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алонцева Д.В. Августин Блаженный об истоках теократической государственности в Византийской империи // Образование и право. 2019. № 6. С. 179–181 [Alonceva D.V. Avgustin Blazhennyj ob istokah teokraticheskoj gosudarstvennosti v Vizantijskoj imperii (Augustine the Blessed on the Origins of Theocratic Statehood in the Byzantine Empire) // *Obrazovanie i pravo*. 2019. № 6. S. 179–181].
- Алонцева Д.В. Взгляды Августина Блаженного на теократию, государство и церковь // Закон и право. 2020. № 11. С. 38–39. [Alonceva D.V. Vzglyady Avgustina Blazhenного na teokratiyu, gosudarstvo i cerkov' (Views of St. Augustine on Theocracy, State and Church) // *Zakon i pravo*. 2020. № 11. S. 38–39]
- Балаховская А.С. Легенда о винограднике вдовы Феогноста в агиографии свт. Иоанна Златоуста: Pro et contra // Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология. 2013. №32 (2). С. 7–20 [Balahovskaya A.S. Legenda o vinogradnike vdovy Feognosta v agiografii svt. Ioanna Zlatousta: Pro et contra (The legend of the vineyard of the widow of Feognost in the hagiography of St. John Chrysostom: Pro et contra) // *Vestnik PSTGU. Seriya 3: Filologiya*. 2013. №32 (2). S. 7–20].
- Безанидзе Г.В. Блаженный Августин и святитель Филарет об участии государственной власти в деле обращения еретиков и раскольников в православие // Вестник ПСТГУ.

⁶⁹ Алонцева 2020: 39.

⁷⁰ Рапп 2005: 3

- Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2016. № 5 (72). С. 48–57 [Bezhanidze G.V. Blazhennyj Avgustin i svyatitel' Filaret ob uchastii gosudarstvennoj vlasti v dele obrashcheniya eretikov v pravoslavie (Blessed Augustine and St. Philaret on the Participation of State Authorities in the Conversion of Heretics and Schismatics to Orthodoxy) // Vestnik PSTGU. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 2016. № 5 (72). S. 48–57].
- Гегель В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с. [Gegel' V.F. Filosofiya prava (Philosophy of Law). M.: Mysl', 1990. 524 s.].
- Гусев О.Ю. Церковь, государство и право в их историческом взаимодействии (к вопросу о теоретико-правовых основаниях трактовки) // Юридическая мысль. 2018. № 2 (106). С. 13–20. [Gusev O.YU. Cerkov', gosudarstvo i pravo v ih istoricheskom vzaimodejstvii (k voprosu o teoretiko-pravovyh osnovaniyah traktovki) (Church, State and Law in Their Historical Interaction (on the Issue of Theoretical and Legal Foundations of Interpretation)) // YUridicheskaya mysl'. 2018. № 2 (106). S. 13–20].
- Епифанова Т.В., Буреев А.А. Божественный закон в De civitate Dei Августина Блаженного (Divine Law in De Civitate Dei of St. Augustine) // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 6. Т. 10. С. 231–236. [Epifanova T.V., Bureev A.A. Bozhestvennyj zakon v De civitate Dei Avgustina Blazhennogo // Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk. 2015. № 6. T. 10. S. 231–236].
- Зверев Н., Лопатин Л. К вопросу о мирозерцании Блаженного Августина (On the Question of the Worldview of St. Augustine) // Вопросы философии и психологии. М., 1893. Год IV. Кн. 3 (18). С. 26–40. [Zverev N., Lopatin L. K voprosu o mirozozercanii Blazhennogo Avgustina // Voprosy filosofii i psihologii. M., 1893. God IV. Kn. 3 (18). S. 26–40].
- Казаков М.М. Епископ и империя: Амвросий Медиоланский и Римская империя в IV веке. Смоленск: Траст-Имаком, 1995. 334 с. [Kazakov M.M. Episkop i imperiya: Amvrosij Mediolanskij i Rimskaya imperiya v IV veke (Ambrose of Milan and the Roman Empire in the 4th Century). Smolensk: Trast-Imakom, 1995. 334 s.].
- Казаков М.М. Христианизация Римской империи в IV веке. Саратов: Вузовское образование, 2021. 463 с. [Kazakov M.M. Hristianizaciya Rimskoj imperii v IV veke (Christianization of the Roman Empire in the 4th Century). Saratov: Vuzovskoe obrazovanie, 2021. 463 s.].
- Кирюхин В.В. Теологические разработки блаж. Августина в правоприменительной деятельности Римской империи V века // Труды Белгородской духовной семинарии. 2017. № 6. С. 67–71. [Kiryuhin V.V. Teologicheskie razrabotki blazh. Avgustina v pravoprimenitel'noj deyatel'nosti Rimskoj imperii V veka (Theological Developments of St. Augustine in the Law Enforcement Activities of the Roman Empire of the 5th Century) // Trudy Belgorodskoj duhovnoj seminarii. 2017. № 6. S. 67–71].
- Литовченко Е.В. К образу Аполлинария Сидония: человек поздней античности // Научные ведомости БелГУ. 2007. № 3 (34). С. 30–38. [Litovchenko E.V. K obrazu Apollinariya Sidoniya: chelovek pozdnej antichnosti (To the Image of Apollinaris Sidonius: a Man of Late Antiquity) // Nauchnye vedomosti BelGU. 2007. № 3 (34). S. 30–38].
- Литовченко Е.В. Позднеантичная эпистография в контексте медиализации и культурного континуитета на латинском Западе (IV–VI вв.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Белгород, 2021. 804 с. [Litovchenko E.V. Pozdneantichnaya epistolografiya v kontekste medievizacii i kul'turnogo kontinuiteta na latinskom Zapade (IV–VI vv.) (Late Antique Epistolography in the Context of Medievalization and Cultural Continuity in the Latin West (4th–6th Centuries)). Dissertation on the attainment of the degree of Doctor of Historical Sciences. Belgorod, 2021. 804 s.].
- Марей А.В. О Боге и его наместниках: христианская концепция власти // Политика. 2019. № 2 (93). С. 85–107. [Marej A.V. O Boge i ego namestnikah: hristianskaya koncepciya vlasti (About God and His Governors: The Christian Concept of Power) // Politika. 2019. № 2 (93). S. 85–107].
- Святитель Василий Великий, Архиепископ Кесарии Каппадокийской // Творения: В 2 т. Том второй: Аскетические творения. Письма. М.: Сибирская Благовонница, 2009. 1232 с. [Svyatitel' Vasilij Velikij, Arhiepiskop Kesarii Kappadokijskoj // Tvoreniya: V 2 t. Tom vtoroj: Asketicheskie tvoreniya. Pis'ma (Saint Basil the Great, Archbishop of Caesarea of Cappadocia // Works: In 2 volumes. Volume two: Ascetic works. Letters). M.: Sibirskaaya Blagovonnica, 2009. 1232 s.].

- Теория государства и права / Под ред. В.В. Ершова. М.: ПГУП, 2023. 464 с. [Teoriya gosudarstva i prava (Theory of State and Law) / Pod red. V.V. Ershova. M.: RGUP, 2023. 464 s.].
- Теория государства и права / Под ред. Р.А. Ромашова, Е.Л. Харьковского. М.: Издательство «Юрайт», 2024. 471 с. [Teoriya gosudarstva i prava (Theory of State and Law) / Pod red. R.A. Romashova, E.L. Har'kovskogo. M.: Izdatel'stvo «YUrajt», 2024. 471 s.].
- Трубецкой Е.Н. Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке. В 2 ч. Ч. 1: Мирозерцание Блаженного Августина. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1892. 272 с. [Trubeckoj E.N. Religiozno-obshchestvennyj ideal zapadnogo hristianstva v V veke. V 2 ch. CH. 1: Mirosozercanie Blazhennogo Avgustina (The Religious and Social Ideal of Western Christianity in the 5th Century. In 2 Parts. Part 1: Worldview of St. Augustine). M.: Tip. E. Lissnera i YU. Romana, 1892. 272 s.].
- Augustinus. Epistulae (ep. 31–123) / Ed. A. Goldbacher // Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum (CSEL). Vol. 34/2. Prague / Vienna / Leipzig, 1898.
- Augustinus. Epistulae (ep. 124–184 A) / Ed. A. Goldbacher // Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum (CSEL). Vol. 44. Vienna / Leipzig, 1904.
- Barnes T.D. Emperors and Bishops of Constantinople (324–431) // Christianity, Democracy, and the Shadow of Constantine / Ed. by G.E. Demacopoulos and A. Papanikolaou. N.Y.: Fordham University Press, 2017. 304 p.
- Beaver R.P. Augustine of Hippo, Servus Servorum Christi // Church History. 1934. Vol. 3. No. 3. P. 187–206.
- Beck R. God the Judge and Human Justice // Journal of Law and Religion. 2017. Vol. 32. No. 1. P. 33–39.
- Burnell P.J. The Status of Politics in the St. Augustine's "City of God" // History of Political Thought. 1992. Vol. 13. No. 1. P. 13–29.
- Burt D.X. Augustine on the State as a Natural society // Augustiniana. 1990. Vol. 40. No. 1/4. P. 155–166.
- Caldwell G.L. Augustine's critique of human justice // Journal of Church and State. 1960. No. 7. P. 7–25.
- Canavan J.E. Saint Augustine and the State 430–1930 // Studies: An Irish Quarterly Review. 1930. Vol. 19. No. 75. P. 408–424.
- Deferrari R.J., Keeler M.J. "City of God": Its Plan and Development // The American Journal of Philology. 1929. Vol. 50. No. 2. P. 109–137.
- Didaro R. Political and Theological Virtues in Augustine. Letter 155 to Macedonius // Augustiniana. 2004. Vol. 54. No. 1/4. P. 431–474.
- Hunt E.D. Der magister officiorum in der Spätantike (4–6. Jahrhundert). Das Amt und sein Einfluss auf die kaiserlich Politik by Manfred Claus // New Series. 1983. Vol. 33. No. 1. P. 86–87.
- Kaufman P.I. Augustine and Corruption // History of Political Thought. 2009. Vol. 30. No. 1. P. 46–59.
- Kaufman P.I. Augustine's Punishments // The Harvard Theological Review. 2016. Vol. 109. No. 4. P. 550–566.
- Kaufman P.I. Christian Realism and Augustinian (?) Liberalism // The Journal of Religious Ethics. 2010. Vol. 38. No. 4. P. 699–724.
- Kaufman P.I. Patience and/or Politics: Augustine and the Crisis at Calama, 408–409 // Vigiliae Christianae. 2003. Vol. 57. No. 1. P. 22–35.
- Kuhn E.–M. Justice Applied by the Episcopal Arbitrator: Augustine and the Implementation of Divine Justice // Ethics and Politics. 2007. No. 2. P. 71–104.
- Loetscher F. W. St. Augustine's Conception of the State // Church History. 1935. Vol. 4. No. 1. P. 16–42.
- Mratschek S. Te velimus... consilii participem: Augustine of Hippo and Olympius – a Case Study of Religious-Political Cooperation in the Fifth Century // Studia Patristica. 2001. Vol. 38. P. 224–232.
- Rapp C. Holy Bishops in Late Antiquity: The Nature of Christian Leadership in an Age of Transition. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2005. 346 p.
- Taylor Q.P. St. Augustine and Political Thought: A Revisionist View // Augustiniana. 1998. Vol. 48. No. 3/4. P. 287–303.

The Works of Saint Augustine. A Translation for the 21st Century. Letters 100–155 (Epistulae). II/2 / ed. by B. Ramsey. N.Y.: New City Press, 2002. 440 p.

Valk F. V. Friendship, Politics, and Augustine's Consolidation of the Self // Religious Studies. 2009. Vol. 45. No. 2. P. 125–146.

Станислав Александрович Сахаров, кандидат исторических наук, доцент, кафедра государственно-правовых дисциплин, Смоленский государственный университет, sacharov.stanislav@yandex.ru

Augustine and the State: The Position of the Bishop in the System of Power and Administration of the Late Roman Empire (According to the Epistolary Heritage of the Father of the Church)

The age of Late Antiquity forms a fundamentally new type of socio-political relations compared to previous centuries. The eras of the Roman Kingdom and Republic, as well as the Principate, were based on the traditions of ancient democracy. However, during the Dominate period, the foundations of the Roman state system were rooted in principles of unlimited monarchical rule, and despotic features began to permeate various aspects of Rome's socio-political life. One of the exponents of the "spirit" of the age was Aurelius Augustine, a Christian bishop who managed to combine unquestioned religious authority with elements of the skill of a politician, thereby laying new foundations for the relationship between the state and the church. Augustine's letters indicate his involvement in the political life of the Later Roman Empire. The bishop actively interacts with officials of the central government and provincial administrations, using them as tools in their hands to solve problems of moral improvement of society. This allows us to talk about Augustine's involvement with the Late Roman political elite. He gives moralizing instructions to high-ranking officials, addresses them with petitions and requests, each time receiving the desired answer. The epistolary heritage of the Bishop of Hippo allows us to conclude that he has a rational attitude towards politics and the state. He does not fight them or oppose them. On the contrary, the father of the church tends to use the state as a means of solving the problems of society.

Keywords: *Aurelius Augustine, the Late Roman Empire, dominate, Christianity, epistolary heritage of Augustine, system of government of the Late Roman Empire, magister officiorum, vicarius Africae Macedonius, corruption in the Late Roman Empire.*

Stanislav A. Sakharov, PhD in History, Associate Professor of the Department of State-Legal disciplines of Smolensk State University, sacharov.stanislav@yandex.ru.

ПИСЬМА З.Н. ГИППИУС В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Статья посвящена эпистолярному наследию З.Н. Гиппиус – видного представителя общественной мысли России конца XIX – начала XX в. и русского зарубежья. Поставлен вопрос о потенциале писем З. Гиппиус как источника по изучению христианского либерализма, представители которого стремились синтезировать ценности свободы личности и духовных оснований жизни общества. Определены особенности эпистолярного творчества З. Гиппиус, способные повлиять на возможности исследования общественно-политического содержания ее писем. Выявлены материалы, в которых представлены ключевые положения христианско-либеральной доктрины в политизированном варианте, разработанном З. Гиппиус и ее сподвижниками, сторонниками «нового религиозного сознания». Обозначены эпистолярные источники, наиболее релевантные для исследования проблем истории христианского либерализма. Продемонстрировано, каким образом в письмах З. Гиппиус отразились различные аспекты ее социальной концепции, реакция на политические события, сведения об общественной деятельности представителей христианского либерализма.

Ключевые слова: *З.Н. Гиппиус, христианский либерализм, «новое религиозное сознание», эпистолярные источники.*

История русского христианского либерализма является сложным объектом для изучения. Не составив целостного учения или организованной политической силы, названная часть отечественной интеллектуальной традиции приобрела специфические черты, которые рассматриваются в современной науке как отражение социально-политических условий развития российского общества. В числе обстоятельств, определивших судьбы христианско-либерального проекта в истории нашей страны, исследователи называют положение Русской православной церкви. По мысли О.А. Жуковой, ее роль была двойственной: «с одной стороны, культуросозидательная, с другой – легитимирующая различные социально-политические формы закрепощения человека, что противоречит базовой христианской ценности свободы»¹. Кроме «социальной беспомощности» церкви, В.К. Кантор обращает внимание на роль самодержавия, не готового «к диалогу с народом в контексте христианского собеседования», а также «неукорененность в сознании народа идей христианства»². А.В. Макаркин видит российскую специфику отношений либерализма и христианства в «сословной замкнутости духовенства» и «догоняющем» характере либерального движения³. В результате, как отметил А.А. Кара-Мурза, Россия «пошла по пути разрыва между демократической и христианской традициями»⁴. Это обусловило неоднородный характер христианского либерализма, который, несмот-

¹ Российский либерализм и христианские ценности: 134.

² Там же: 132-133.

³ Макаркин 2021: 102-104.

⁴ Российский либерализм и христианские ценности: 123.

ря на невысокую степень институционализации, слабую связь с государством и церковью, стал заметной частью общественно-политической жизни пореформенной России и русского зарубежья.

Христианско-либеральные идеи получили воплощение в концепциях ряда выдающихся русских мыслителей, влияние которых было «не только чисто интеллектуальным, но и практически политическим»⁵. Их объединяли поиски религиозных оснований реализации идеалов свободы личности, путей духовного совершенствования жизни общества. Синтез христианских и либеральных ценностей приводил к созданию теорий, отличавшихся идеологическим разнообразием. Данная работа сосредотачивает внимание на общественных взглядах и деятельности З.Н. Гиппиус, в чьих творческих исканиях был реализован оригинальный проект христианского либерализма. З.Н. Гиппиус и ее единомышленники (прежде всего Д.С. Мережковский и Д.В. Философов) развивали либеральные идеи социального переустройства, основываясь на философии «нового религиозного сознания». На общем фоне христианско-либеральной мысли эти идеи выделялись радикализмом и острой политической направленностью.

Интерес к истории христианского либерализма со стороны ученых не был устойчивым. В советской историографии творчество представителей исследуемого движения оценивалось негативно, причислялось к буржуазным направлениям общественной мысли и изучалось с целью раскрыть его контрреволюционную сущность. Начиная с 1990-х гг., отечественные исследователи стали проявлять все возрастающее внимание к наследию христианских либералов, рассматривая их деятельность как значимое явление в общественно-политической и культурной жизни России и русского зарубежья. В зарубежной историографии такой интерес можно наблюдать, начиная с 1970-х гг., когда стали выходить фундаментальные труды американских ученых, исследовавших религиозно-философские искания русской интеллигенции. Накопленный опыт в области изучения христианско-либерального движения демонстрирует возможность привлечения различных групп источников. Помимо документов общественно-политических организаций, стенограмм заседаний Государственной Думы, периодической печати, исследователи активно используют источники личного происхождения. Материалы частной переписки дают возможность зафиксировать отношение общественных деятелей к текущему политическому моменту, проследить генезис и эволюцию их социальных воззрений, выявить убеждения, которые по разным причинам не получили отражения в публичной сфере.

Обширное эпистолярное наследие деятелей русской культуры рубежа XIX–XX вв. активно изучается в течение последних десятилетий, в основном в контексте истории литературы и философии. Реконструируя историю христианско-либерального движения России и русского за-

⁵ Там же: 133.

рубежья, ученые обращаются и к письмам ряда мыслителей (И.С. Аксакова, Г.П. Федотова и др.)⁶. Однако в таких исследованиях эпистолярные источники незаслуженно играют вспомогательную роль.

Письма З.Н. Гиппиус нередко становились материалом для изучения ее общественно-политических взглядов и деятельности. Подобные примеры можно обнаружить уже в советской науке, не уделявшей много внимания исследованию христианского либерализма. В частности, статья Г. Горбачева «Святая семейка», опубликованная в 1933 г., содержит анализ политической позиции З.Н. Гиппиус, проведенный по материалам письма к А.Н. Потресову⁷. В монографии С.Н. Савельева «Идейное банкротство богоискательства в России в начале XX века» использованы фрагменты переписки с С. Каблуковым⁸. В зарубежной историографии проблемы наиболее заметным явлением являются работы Т.А. Пахмусс, хранителя архива З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского, активно занимавшейся публикацией и изучением их произведений, в т.ч. эпистолярных⁹. Современные отечественные исследователи рассматривают различные аспекты творчества З.Н. Гиппиус, но специальных трудов, посвященных анализу ее писем, по-прежнему не так много¹⁰. Авторы ряда диссертаций рассматривают эпистолярные материалы как важную группу источников по изучению общественно-политических позиций З.Н. Гиппиус¹¹, но не для исследования истории христианского либерализма. Цель статьи – выявить потенциал эпистолярного наследия З.Н. Гиппиус как исторического источника по изучению христианско-либерального движения в России конца XIX – первой трети XX вв. и русского зарубежья.

Благодаря усилиям отечественных и зарубежных исследователей, внушительная часть исследуемых материалов введена в научный оборот. В научных журналах и сборниках публиковались как отдельные фрагменты, так и комплексы эпистолярного наследия З.Н. Гиппиус. В 2018 и 2021 гг. в серии «Литературное наследство» вышло двухтомное академическое издание, включившее материалы переписки с 1891 по 1942 гг.¹² До этого времени существовало два собрания писем литератора,¹³ не лишённые ряда недостатков¹⁴. Авторами публикаций успешно решаются задачи поиска и внешней критики эпистолярных произведений З.Н. Гиппиус как источника.

Данная работа направлена на рассмотрение писем с точки зрения выявления в них общественно-политического содержания и отражения христианско-либеральных ценностей.

⁶ См., напр.: Кара-Мурза, Жукова 2011; Кара-Мурза 2015.

⁷ Горбачев 1933.

⁸ Савельев 1987.

⁹ Pachmuss 1971; Hippius 1972.

¹⁰ Багно 1998; Демидова 2023.

¹¹ Городничкая 1996; Стаканова 2015; Воеводина 2009.

¹² Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус Кн. 1-2.

¹³ Hippius 1972; Гиппиус 2013.

¹⁴ Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. 1: 5.

Методологической основой исследования служат принципы и приемы внутренней критики эпистолярных источников. В отечественной исторической науке сложилось представление о задачах работы с письмами, которые включают выявление их происхождения, функционального значения и информационного потенциала, установление эпистолярных отношений корреспондентов, рассмотрение отдельных писем внутри эпистолярного комплекса¹⁵. Немаловажным аспектом анализа переписки является определение соотношения эпистолярных стереотипов и субъективных качеств корреспондентов. Как отметил М.Л. Гаспаров, «письмо – это жанр, имеющий свои нормы, меняющиеся от эпохи к эпохе, и если мы не будем учитывать эти нормы, мы не сможем правильно реконструировать факт»¹⁶. При этом, следует иметь в виду не только «существовавшие в то или иное время эпистолярные традиции», но и «индивидуальную манеру самих корреспондентов»¹⁷. В случае с изучением наследия З.Н. Гиппиус это тем более важно отметить, принимая во внимание ее яркую индивидуальность, получившую такое же яркое воплощение в различных сферах творческой жизни. Г.В. Адамович считал, что именно в частных письмах литератора наиболее отчетливо запечатлелась «единственность» ее личности¹⁸. В связи с этим в рамках данного исследования необходимо определить особенности эпистолярного творчества З.Н. Гиппиус, его место в истории развития эпистолярного жанра.

Как установили советские источниковеды, во второй половине XIX – начале XX в. происходило увеличение количества писем, расширение их функционального назначения, «демократизация» («письма высокого интеллектуального и эмоционального накала, являвшиеся привилегией дворянства, все чаще начинают встречаться у интеллигенции») ¹⁹. По выражению И.В. Кобак, в переписке указанного периода «начинают преобладать новые тенденции — утилитарность, большая краткость и монотематичность писем»²⁰. Под влиянием этих изменений письма перестают быть «предметом особого внимания и искусства», как отметила Т.Г. Кучина, что, однако, «не исключает духовной глубины и эмоциональной насыщенности в лучших образцах эпистолярного жанра»²¹. К ним, несомненно, стоит отнести письма З.Н. Гиппиус, которые, действительно, представляли собой уникальное явление широких масштабов. Это было очевидно уже для современников литератора. Как свидетельствовал М. Вишняк, эпистолярный жанр, «по мнению многих, в том числе поэтов и литературных критиков, является высшим

¹⁵ Прохоров 1964; Кучина 1984; Кобак 2012.

¹⁶ Гаспаров 1998: 12.

¹⁷ Кобак 2012: 147.

¹⁸ *Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. 2*: 815.

¹⁹ Кучина 1984: 41-45.

²⁰ Кобак 2012: 147.

²¹ Кучина 1984: 44.

достижением в многообразном и разнохарактерном творчестве Гиппиус»²². «Если когда-нибудь эти бесчисленные письма будут собраны, разобраны и обнародованы в десятках томов, вклад в нашу словесность окажется бесценный, и панорама русской литературной жизни за полвека будет необычайно широка и ярка», – отмечал Г.В. Адамович²³. Их стиль «был действительно несравненным», – считал Волынский. «Тут все чеканно-просто, коротко и содержательно. При этом в основе – философическая серьезность, редкая в женщине способность к созерцательно-логическому мышлению»²⁴. Специфика писем З.Н. Гиппиус не просто сделала их интересным феноменом русской культуры, но и непосредственно повлияла на их содержание, что требует особого подхода к анализу исследуемых источников.

Взгляды З.Н. Гиппиус на собственное эпистолярное творчество породили нетипичное с точки зрения исследования переписки явление. Письма корреспондентов, живущих в одном городе и имеющих возможность видаться лично, обыкновенно единичны и содержат фрагментарную информацию²⁵. Однако для З.Н. Гиппиус письма к близким людям имели значение гораздо большее, чем компенсация невозможности личного общения. «О, эти мои письма! – писала она. – О, как они меня жгут, каждое, даже невинное, не содержанием, а самим фактом!»²⁶. Это обусловило «чрезвычайную интенсивность переписки» с Д.В. Философовым, как отметил А.Л. Соболев, ведь эпистолярный диалог поддерживался не только «при кратких периодах разлуки», но и «для подробного прояснения обстоятельств, не предназначенных для проговаривания вслух»²⁷. С В.А. Злобиным, который был практически неразлучен с Мережковскими в годы эмиграции, «переписка не прекращалась даже в дни, когда оба участника эпистолярного диалога жили в соседних комнатах, – указывает М.М. Павлова, – не имея запаса бумаги, они продолжали обмениваться посланиями в студенческой тетради Злобина для конспектов по славянским литературам, передавая ее из рук в руки»²⁸. Известно высказывание З.Н. Гиппиус об отношении к своим письмам, зафиксированное в дневнике: «Я никогда не лгу в письмах. Никто не знает, какой кусок мяса — мои письма! Какой редкий дар! Да, редкий. Пусть они худы – даю, что имею, с болью сердца, с верой в слова. Из самолюбия писем не пишу, но после они обращаются на мое самолюбие, и я это знаю, и жертвую самолюбием – слову»²⁹. Несмотря на кажущуюся откровенность этого признания, стоит пом-

²² Вишняк 2008: 670.

²³ *Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. 2:* 815.

²⁴ Волынский 1995: 262.

²⁵ Кобак 2012: 146.

²⁶ Гиппиус 1999: С. 47-48.

²⁷ *Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. 1:* 627.

²⁸ *Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. 2:* 502.

²⁹ Гиппиус 1999: С. 47-48.

нить, что мы имеем дело с письмами человека искусства, более того – представителя символистской традиции. Конечно, сведения из эпистолярных документов литераторов (и З.Н. Гиппиус здесь не исключение) вряд ли заслуживают абсолютного доверия. Как заметил М.Л. Гаспаров, «писатель раскрывает себя в письмах ровно настолько, насколько он хочет, рисует в них свой образ точно так же, как в любом другом жанре – образ своего героя»³⁰. А сложившийся в рамках символизма образ жизни и художественной деятельности принуждает исследователя смотреть на эпистолярные источники как «воплощение того искомого символистами синтеза, который объединяет повседневное существование, бытование творческой личности и литературное творчество, искусство»³¹. Участие в переписке для символистов, по наблюдению составителей издания «Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус», – «это был самый что ни на есть символистский способ общения»³². Возвращаясь к цели настоящего исследования, заметим, что указанные особенности рассматриваемых писем придают им дополнительный вес с точки зрения выявления в них социально-политической тематики.

Общественные взгляды З.Н. Гиппиус получили отражение в разнообразных по форме и содержанию эпистолярных документах. Конечно, в огромном наследии литератора немало источников, непосредственно посвященных политическим событиям и социальным явлениям. Среди них письмо к Д.В. Философому от 17 октября 1905 г. с характерной припиской, подчеркивавшей общественную значимость момента: «Писано за час до манифеста». В нем З.Н. Гиппиус тщательно разбирала и оценивала цели партии социал-демократов и вероятные последствия их реализации³³. В письме к А.Н. Потресову, написанному, как считает Г. Горбачев, в конце сентября – начале октября 1917 г., воспроизведены события корниловского мятежа, которого, по мнению З.Н. Гиппиус, «просто не было». К такому выводу автор письма пришла, проанализировав имевшиеся в ее распоряжении сведения о действиях и настроениях политических деятелей (Корнилова, Керенского, Львова, Савинкова)³⁴. Подробнейшее изложение общественно-политических взглядов христианских либералов содержится в письмах 1920-х гг. П.Н. Милюкову, с которым З.Н. Гиппиус активно полемизировала по вопросам оценки революции, большевизма, политических целей эмиграции³⁵.

По мнению советских источниковедов, проникновение подобных тем в частную переписку было связано с социальными обстоятельствами. Как указывает Е.И. Прохоров, в XIX в. в условиях «царской цензуры» «переписка служила не только средством личного общения, но ста-

³⁰ Гаспаров 1998: 12.

³¹ Ерохина 2008: 167.

³² *Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. 1: 5.*

³³ «Писано за час до манифеста»: 78-80.

³⁴ Горбачев 1933: 183-190.

³⁵ Зинаида Николаевна Гиппиус: 159-213.

новилась и своеобразной формой взаимного ознакомления с общественной жизнью, формой общественно-политических и литературно-публицистических бесед»³⁶. Такое объяснение можно принять лишь частично. С одной стороны, после установления полицейского надзора за З.Н. Гиппиус и ее близкими и перлюстрации семейной корреспонденции, очевидно, письма не могли выполнять роль свободного обмена информацией социально-политического содержания, в связи с чем, по свидетельству М.М. Павловой, «возрастает рефлексия конспиративного письма»³⁷. С другой стороны, как показала И. Крыцка-Михновска, в эмигрантский период одной из заметных тем корреспонденции З.Н. Гиппиус стало ограничение свободы литературного творчества. «Несколько раз в своей переписке она возвращается к дореволюционному периоду, утверждая, что тогдашняя цензура была легче, чем в эмиграции», – отмечает исследователь³⁸. Рассмотрение вопросов цензурных ограничений, которое так часто происходило на страницах писем З.Н. Гиппиус в последние десятилетия ее жизни, демонстрирует не только трудности профессиональной реализации в качестве писателя и публициста, но и верность идеалу свободы слова – одной из ключевых ценностей христианского либерализма.

Письма, в которых З.Н. Гиппиус, обращаясь к единомышленникам или оппонентам, подробно разъясняла свои социально-политические позиции, представляют несомненную ценность для изучения истории общественной мысли. Такие эпистолярные документы могли, по собственному выражению литератора, превращаться в «трактаты»³⁹. Но даже в небольших по объему письмах, посвященных повседневному нуждам или деловым вопросам, встречается информация, раскрывающая особенности христианско-либеральных установок. Примером может служить письмо М.В. Вишняку от 31 декабря 1923 г., которое состоит всего из нескольких предложений. В нем З.Н. Гиппиус просила принести корректуру статьи, предназначенной для публикации в издаваемом в Париже журнале «Современные записки», редактором которого был адресат, благодарила за материал для рецензии и поздравляла с праздником⁴⁰. Однако из короткого текста становятся известны не только факты литературной жизни русской эмиграции и особенности взаимоотношений между корреспондентами. Письмо отсылает исследователя к политическому идеалу З.Н. Гиппиус («Всего приятного к Новому Году: демократической республики, например...»), ее позиции по национальному вопросу («Нормальные люди будут упрекать меня в невежестве, а ненормальные, пожалуй, в антисемитизме! Я не хочу ни того, ни

³⁶ Прохоров 1964: 7.

³⁷ Павлова 2017: 228.

³⁸ Крыцка-Михновска 2021: 139.

³⁹ Зинаида Николаевна Гиппиус: 178.

⁴⁰ Вишняк 2008: 679-680.

другого»), связям с Б.В. Савинковым, который интересовал христианских либералов не столько как писатель, сколько как общественный деятель («Благодарю за «Коня», которого мы взнуздаем») ⁴¹.

Еще одним специфичным для исследования христианского либерализма источником является любовная переписка. Как отметил А.Л. Соболев, рассуждая о «любовных историях» З.Н. Гиппиус, «ее фундаментальная литературоцентричность превращала любой роман в эпистолярный» ⁴². Она выработала оригинальную манеру любовного письма, отличительной чертой которого М.М. Павлова назвала дискретность ⁴³. Действительно, в «эпистолярных романах» оказались зафиксированы переживания и рассуждения З.Н. Гиппиус, не привязанные к конкретному адресату и ситуации, устойчивые представления, которые с равным успехом можно обнаружить в других письмах, дневниках и публицистике. Поэтому к анализу исследуемых материалов не всегда можно применить традиционные методы работы с эпистолярными источниками. Е.И. Прохоров видел особенную ценность писем в том, «что они отражают данный конкретный момент жизни писателя, его сегодняшнюю, может быть, мимолетную, случайную, далеко не бесспорную, но в других условиях неповторимую мысль» ⁴⁴. Однако в письмах З.Н. Гиппиус часто встречаются уже тщательно продуманные сентенции, отточенные формулировки, изложение долго разрабатываемых идей. Например, В.А. Злобину она писала о «физическом “1”», «ступени “2”» и пути к «3» ⁴⁵. Письмо к Г.В. Адамовичу содержит указание на то, что, по мнению адресанта, существует «три», и оно определяет «отношение и к одному, и к двум» ⁴⁶. Представления о том, что «1» есть личность, «2» – любовь к другой личности, «3» – «множественность», олицетворявшая религиозно-общественный идеал христианских либералов, раскрываются в таких произведениях З.Н. Гиппиус, как дневник «О Бывшем» ⁴⁷ и статья «О любви» ⁴⁸.

Идея тройственности, вокруг которой выстраивались приведенные размышления в области «метафизики любви», была одной определяющих в теории «нового религиозного сознания». В письме к М.С. Шагинян З.Н. Гиппиус так объясняла важность этой идеи: «процесс подожного понимания единотроичности должен был произойти своим чередом, и лишь после него могла установиться известная незыблемая концепция мира во всех его явлениях» ⁴⁹. Принятие данного принципа определило пути решения такой значимой для любой социально-философской теории проблемы, как взаимодействие личности и общества. По

⁴¹ Там же.

⁴² Соболев 2021: 65.

⁴³ Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. 2: 501.

⁴⁴ Прохоров 1964: С. 7.

⁴⁵ Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. 2: 595.

⁴⁶ Там же: 706.

⁴⁷ Гиппиус 1999: 133.

⁴⁸ Гиппиус 2002: 434.

⁴⁹ Зинаида Николаевна Гиппиус: 97.

мнению христианских либералов, личное и общественное начала должны были соединиться в «высшем синтезе»⁵⁰. Это представление отражено в эпистолярном творчестве З.Н. Гиппиус. Обращаясь к Э.Ф. Голлербаху, она указывала на ограниченность индивидуализма, понимаемого как «самососредоточивание, перепроизводство личного Начала», сравнивая его с «безличным коллективом»⁵¹. Ни то, ни другое не соответствовало ценностям христианского либерализма, которые были ориентированы на гармоничное развитие личности и общества.

Концепция тройственности не только определяла отдельные аспекты христианско-либеральной теории, но и обусловила выход на различные социальные практики. В 1901 г. был создан «тройственный союз» З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского и Д.В. Filosofova. Этот религиозно-общественный эксперимент именовался «Главным» или «Бывшим» и был призван раскрыть полноту религиозной истины сообразно с оригинальной теорией хода истории, разработанной в рамках христианского либерализма. Понимая исторический процесс как религиозное развитие человечества и определяя целью этого развития достижение Царства Божиего на земле, З.Н. Гиппиус и ее сподвижники считали духовное единение трех лиц шагом к реализации социального идеала. В письме к С.П. Ремизовой-Догвелло уточнялось: «когда я говорю “мы” – то я не про нас таких-то говорю, я говорю вообще о религиозном возрасте мира»⁵². Единомышленники З.Н. Гиппиус составили христианский коллектив, включавший «тройственные союзы» и «посвященных»⁵³. Одно из писем З.Н. Гиппиус убеждало А. Белого, принимавшего участие в собраниях религиозной общины: «Вы – только *один из нас*; и все мы, служба Одному, должны одинаково служить друг другу, и вы трем, и все трем»⁵⁴. История «Главного» представляла собой важное направление деятельности христианских либералов и разворачивалась в течение первых двух десятилетий XX в., затем «тройственный союз» распался. Несмотря на это, идеологи «нового религиозного сознания» продолжали рассматривать духовное объединение подвижников как путь социальных изменений. В 1918 г. Гиппиус писала С.П. Ремизовой-Догвелло:

«никогда в жизни не было у нас мысли, не могла даже по существу самой идеи быть, что *Н<овая> Цер<ковь> начнется с нашей ячейки!*.. Мы думали: вот, мы поняли, что нужна новая церковь, т<о> е<сть>, истинное общение людей в Боге... Если вот мы, не святые и довольно обыкновенные, что-то иначе, изнутри <так!>, поняли, чего-то нам стало мало, о чем-то завоздыхали, – это только знак, что уж наверно есть и другие люди, которые поняли то же самое и того же захотели»⁵⁵.

⁵⁰ Воеводина 2018: 119.

⁵¹ Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. 2: 621.

⁵² Там же: 352.

⁵³ Павлова 2017: 227-228.

⁵⁴ Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. 2: 59.

⁵⁵ Там же: 351-352.

Представители христианского либерализма выработали особое понимание роли церкви в развитии общества. Истинным христианством им виделась грядущая вселенская церковь Третьего Завета, тогда как православие представлялось лишь частью религиозной правды, одной из ступеней истории человечества. Отсюда мысль о необходимости новой церкви, в становлении которой стремились принять участие христианские либералы. В письме к В.Я. Брюсову З.Н. Гиппиус разъясняла: «ну, конечно, я *не* христианка в вашем, общем смысле, значении. Я говорила как с “сотаинником” с вами. А вы не захотели понять, потому что иначе не спрашивали бы, как я, “колючая”, могу быть христианкой. Оттого и могу, что колючая, оттого и колючая, что могу»⁵⁶. Такая позиция, однако, не означала отказа от принятия части истины, олицетворяемой «историческим» христианством. В одном из посланий Д.В. Философову содержится пространное рассуждение об отношении к Православной Церкви, которую З.Н. Гиппиус ценила, но в силу «ее *святой* невозможности самой измениться и идти самой» признавала «необходимую видимость отрыва» даже при отсутствии действительной борьбы «нового религиозного сознания» с православием⁵⁷. «Невозможность» участников «тройственного союза» совершать таинства в Православной Церкви толковалась в письме Вяч. Иванову следующим образом: это «не отречение, а любовное утверждение и надежда»⁵⁸. «Вы, например, так глубоко добрались до правды о том, что мы не сектанты, что мы чувствуем себя в церкви», - писала З.Н. Гиппиус, обращаясь к М.С. Шагинян⁵⁹. П.Н. Милюкову разъяснялось: «“Отпавшие” от церкви правосла^вной> в глазах церкви правосла^вной>, – мы, однако, в собственных глазах, для себя, *не* считали себя от нее отпавшими»⁶⁰.

Неприятие церковными деятелями идей «нового религиозного сознания» продемонстрировал опыт Религиозно-философских собраний, организованных по инициативе христианских либералов и проходивших в Петербурге в 1901-1903 гг. Задуманные как способ примирить духовенство и интеллигенцию, Собrania показали невозможность объединения «церкви» и «мира». В 1902 г. З.Н. Гиппиус писала В.В. Розанову: «Православные гонители забоялись: “куда нам, мы с ними не справимся, вернее будет просто двери прикрыть”. Не пушай – и конечно. Не понимают и тут, как в сектантских делах, до чего такое громогласное признание внутренней несостоятельности вредит им же самим, и во всех отношениях»⁶¹. Христианские либералы довольно болезненно воспринимали критику своих религиозных позиций со стороны Православной Церкви не только в силу личных причин, но и вследствие раз-

⁵⁶ Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Философова...: 285.

⁵⁷ Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. 1: 845.

⁵⁸ Там же. Кн. 2: 219-220.

⁵⁹ Зинаида Николаевна Гиппиус 2002: 110-111.

⁶⁰ Там же: 177.

⁶¹ «Все равно от России не отречешься»: 183.

деляемых ими убеждений о значении свободы совести. Представители христианского либерализма пришли к выводу о том, что общественные проблемы, которые не решались в рамках православия, должны стать делом грядущей Церкви Третьего Завета.

Говоря о взглядах З.Н. Гиппиус, невозможно разделить собственно социально-политические и религиозно-философские идеи, что неудивительно, если учесть характер христианско-либерального движения, представители которого связывали социальный идеал с духовным преобразованием личности, что обнаруживается в письмах Гиппиус периода первой русской революции, когда происходила политизация концепции христианского либерализма. В переписке с В.Я. Брюсовым она упоминала, что ее «общественность» – всегда лишь метафизика, небесные миндали⁶². А Белому адресовано такое рассуждение: «Между метафизикой и политикой (общественностью) есть не сразу видная связность, узел лежит глубоко в личности. Если есть настоящая общественная нитка в человеке, – непременно *есть* какая-то, пусть подсознательная, метафизика. А уж если есть метафизичность, – непременно как-то прикоснешься к общественности»⁶³. И гораздо позднее З.Н. Гиппиус приходилось разъяснять особенности своего религиозно-политического мировоззрения, в т.ч. в общении с близкими по духу. В 1927 г. она писала Адамовичу: «Берб<ерова> сказала: “Ах, раз Алданов с таким уважением отозвался о вас и о Д.С., что вы интересуетесь только одним возвышенным!” Я чуть не упала с парашюта от такого понимания моей “формулы”, но, поразмыслив, даже не стала возражать. Возвышенным так возвышенным. Всегда так всегда. Впало Каспийское море в Белое, так впало»⁶⁴.

В соответствии со своими убеждениями З.Н. Гиппиус не принадлежала к какой-либо политической партии, предпочитая играть роль духовного лидера. «Мы не партийные люди, мы только литературные работники», – писала она Е.К. Брешко-Брешковской⁶⁵. В.Я. Брюсову сообщалось: «Не думайте, что я, от старости, начала политикой особенно заниматься; нет, я верна по-прежнему своей милой метафизике»⁶⁶. Подробное объяснение этой позиции содержит письмо 1915 г., в котором З.Н. Гиппиус отвечает на пояснения А.И. Тинякова относительно того, что его «личность» не вмещается ни в «политику», ни в какие бы то ни было «политические партии». Адресант негодовала: «Думаете ли вы, что моя вмещается, или даже что я допускаю вмещение другой какой-нибудь “личности”? Личность вмещается только в Бога, но в нее-то вмещается очень многое... И вечный происходит отбор, выбор... Партии, группы и т.д., все, что касается правды *человечества*, это отдель-

⁶² Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Философова...: 134.

⁶³ Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус 2021. Кн. 2: 60.

⁶⁴ Там же: 699.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 5975. Оп. 1. Д. 275. Л. 1.

⁶⁶ Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Философова с В.Я. Брюсовым (1906-1909 гг.): 127.

ные земляные, грубые куски, золотых слитков нет; но надо хватать эти куски и *выбирать* те, которые можно очистить, в которых *есть* золото, а не пустая черная земля»⁶⁷. Поэтому неудивительно, что деятельностью партий З.Н. Гиппиус активно интересовалась и поддерживала отношения с представителями различных политических течений. Для христианских либералов это был один из способов повлиять на ход общественного процесса, найти в нем место для реализации своих идей. Завершая анализ политической ситуации 1905 г. в упомянутом выше письме к Д.В. Философову, З.Н. Гиппиус указала: «Сюда должна врезаться наша нота, как вдруг врезается одна, новая, в гремящий оркестр»⁶⁸. С этой целью деятели христианского либерализма начали активно контактировать с социалистами-революционерами, что получило отражение в материалах переписки с Б.В. Савинковым⁶⁹.

Оценивая в письмах текущие политические события Гиппиус обнаруживала приближение к христианско-либеральным идеалам или отдаление от них. В октябре 1905 г. она писала Ремизовой-Догвелло: «Тата сейчас была на Казанской пл<ощади> и сама видела, как казаки нагайками лупили народ. А дворники злобно говорили: “долго ли вам, черти, еще фараонить?” Это казакам. Ну и “свобода”!»⁷⁰. Понимание свободы как своеобразия противоречило представлениям идеологов христианского либерализма. Они считали, что социально-политические изменения были лишь условием достижения подлинной свободы на путях религиозной революции. «Будет у нас и своя революция», – писала З. Гиппиус А.С. Суворину в 1908 г.⁷¹. Это убеждение чуть было не воплотилось в 1917 г. В февральских событиях сторонники «нового религиозного сознания» увидели шаг к духовному преображению общества. Письмо А. Белому от 18 марта 1917 года содержит следующее замечание: «нашей Революции, да еще такой ясной, никто не отнимет, она была»⁷².

Однако дальнейший ход политического процесса не оправдал надежд христианских либералов на религиозное возрождение. События октября 1917 г. не соответствовали их представлениям об истинной революции. В письме П.Н. Милюкову 1922 г. З. Гиппиус описала свое видение установления советской власти в России: «приехали – на готовенькую (революцию). Подобрали – власть, валявшуюся на улице. А затем стали издавать приказы: “сотворить новый мир” и “разрушить старый”. Первая серия, естественно, провалилась к черту; вторая пошла более успешно, найдя подходящих исполнителей – народ, только что сорвавшийся с самодержавной цепи»⁷³. В последние десятилетия своей жизни

⁶⁷ Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. 2: 63.

⁶⁸ «Писано за час до манифеста»: 80.

⁶⁹ «Религиозная общественность» и террор; «Революционное христовство».

⁷⁰ Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. 2: 289.

⁷¹ Там же. Кн. 1: 94.

⁷² Там же. Кн. 2: 90.

⁷³ Зинаида Николаевна Гиппиус 2002: 166.

З.Н. Гиппиус, оказавшись в эмиграции, осуждала большевизм и считала необходимым вести с ним непримиримую борьбу. Высказываясь о советской власти в переписке, она не стеснялась в выражениях. В послании Л.С. Баксту говорилось: «большевиков ненавижу... ибо, какая уж они “политика”!»⁷⁴. М.В. Вишняку было адресовано следующее замечание: «Заметьте мою кровожадность: радуюсь, что сдох Ленин, и жалею, что поздно»⁷⁵. Представителей эмиграции, которые лояльно относились к советской власти или недостаточно резко ее критиковали, З.Н. Гиппиус упрекала. В частности, она писала П.Н. Милюкову: «разделяет нас именно различное содержание “пафоса” (точнее: некоей *совокупности* разума и воли.) Он у вас в борьбе с монархистами; у меня – с большевиками. Не входя в оценку того и другого, замечу лишь, что мой “пафос” как-то натуральнее, обращен на борьбу с реально в данный момент существующим злом, т.е. с первоочередным... Мне, вот, и непонятно – ни моему разуму, ни ощущению – как это “полагать свою жизнь” на борьбу с не актуальным противником, с тем, у кого нет в руках того, *за что* борешься – России»⁷⁶. В целом, материалы переписки с П.Н. Милюковым демонстрируют, что в течение эмигрантского периода З.Н. Гиппиус оставалась верна социальному идеалу, разработанному на основе ценностей «нового религиозного сознания» на рубеже XIX–XX вв. Она продолжала пропагандировать идеи грядущей новой церкви, но теперь считала, что религиозному возрождению России мешает большевизм.

Анализ эпистолярного наследия З.Н. Гиппиус целесообразно проводить с опорой на сформировавшееся в историковедении положение о том, что «содержание и информационный потенциал письма напрямую зависят от отношений автора и адресата»⁷⁷. Наиболее продуктивны для исследования христианского либерализма письма, адресованные единомышленникам и тем, кого Гиппиус пыталась вовлечь в круг своей деятельности, разъясняя свои религиозно-философские и социально-политические взгляды. В частности, «Ремизовы казались ей податливым материалом для реализации той религиозно-общественной программы, которую они вместе с Мережковским и Философовым разрабатывали в узком кругу посвященных»⁷⁸. «Белый, войдя в их потаенный круг, становился одним из тех, за кого они принимали на себя ответственность, стараясь – в меру своего понимания – наставить его на истинный путь, ведущий к единственно правильным решениям»⁷⁹. Б.В. Савинкова Гиппиус наставляла как ученика в стремлении «обратить революционеров-атеистов в “христианских революционеров”»⁸⁰. Личность П.Н. Ми-

⁷⁴ Теркель 2016: 427.

⁷⁵ Вишняк 2008: 683.

⁷⁶ Зинаида Николаевна Гиппиус: 183.

⁷⁷ Кобак 2012: 145.

⁷⁸ Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус. Кн. 2: 251.

⁷⁹ Там же: 15.

⁸⁰ «Революционное христовство»: 188–190.

люкова «привлекала и побуждала вступать в борьбу с ним, попытаться переубедить, привлечь на свою сторону»⁸¹. Отсюда, в частности, и большая важность, придаваемая идеологом христианского либерализма собственным письмам. М. Вишняк указывал на убежденность З.Н. Гиппиус в том, что «своими письмами она “делала политику”», и представлял эти произведения «разновидностью “прелестных писем”, которые распространялись в смутное время с целью обольстить и склонить к переходу на свою сторону противника»⁸². Таким образом, письма превращались в инструмент пропаганды идей христианского либерализма.

Проведенное нами исследование показало, что в эпистолярном наследии З.Н. Гиппиус отразились представления об общественном идеале и путях его реализации, отношение к текущему политическому устройству, отклик на события и явления социальной жизни, сведения об общественно-политической деятельности сторонников «нового религиозного сознания». В переписке литератора зафиксированы основные положения доктрины христианского либерализма: примат духовности в понимании социально-политических процессов, внимание к проблеме прав и свобод личности (в особенности свободы совести и слова), идеи духовного совершенствования общества и человека. Специфика христианско-либеральных взглядов, которые были сконцентрированы на необходимости исправления не только внешнего пространства, но и духовного мира человека, подразумевала трансформацию личности всех причастных к движению «нового религиозного сознания». Индивидуальность З.Н. Гиппиус сделала ее эпистолярное творчество не только феноменом символистской культуры, но и яркой страницей в истории либерального движения. Письма, таким образом, могут рассматриваться не только как дополнительный источник изучения христианского либерализма, но и как вполне самостоятельный факт религиозно-общественного творчества З.Н. Гиппиус, требующий отдельного тщательного изучения в качестве оригинального феномена социально-политической жизни России и русского зарубежья.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- «Все равно от России не отречешься». Письма З.Н. Гиппиус В.В. и В.Д. Розановым (1897-1908) / Публ., вступит. ст. и комментарии Е.Н. Никитина // Литературоведческий журнал. 2010. № 27. С. 172-205. [«Vse ravno ot Rossii ne otrzechesh'sya». Pis'ma Z.N. Gippius V.V. i V.D. Rozanovym (1897-1908) / Publ., vstupit. st. i kommentarii E.N. Nikitina // Literaturovedcheskij zhurnal. 2010. № 27. S. 172-205.]
- «Писано за час до манифеста»: Письмо З.Н. Гиппиус к Д.В. Философову / Публ. Е. Бенья // Наше наследие. М., 1990. № 4. С. 78-80. [«Pisano za chas do manifest'a»: Pis'mo Z.N. Gippius k D.V. Filosofovu / Publ. E. Benya // Nashe nasledie. M., 1990. № 4. S. 78-80.]
- «Революционное христовство»: З.Н. Гиппиус, Д.В. Философов и Б.В. Савинков в 1911 году / Публ. Е.И. Гончаровой // Русская литература. 2005. № 1. С. 187-213. [«Revolucionnoe hristovstvo»: Z.N. Gippius, D.V. Filosofov i B.V. Savinkov v 1911 godu / Publ. E.I. Goncharovoj // Russkaya literatura. 2005. № 1. S. 187-213.]

⁸¹ Зинаида Николаевна Гиппиус: 157.

⁸² Вишняк 2008: 679.

- «Религиозная общественность» и террор. Письма Д. Мережковского и З. Гиппиус к Борису Савинкову (1908—1909) / Публ. Е.И. Гончаровой // Русская литература. 2004. № 4. С. 140-161. [*«Religioznaia obshchestvennost'» i terror. Pis'ma D. Merezhkovskogo i Z. Gippius k Borisu Savinkovu (1908—1909) / Publ. E.I. Goncharovoj // Russkaya literatura. 2004. № 4. S. 140-161.*]
- Багно В.Е. «Красный» цикл писем Зинаиды Гиппиус к Зинаиде Венгеровой // Русская литература. СПб., 1998. № 1. С. 84-87. [Bagno V.E. «Krasnyj» cikl pisem Zinaidy Gippius k Zinaide Vengerovoj // Russkaya literatura. SPb., 1998. № 1. S. 84-87.]
- Вишняк М. З.Н. Гиппиус в письмах // З.Н. Гиппиус: pro et contra / сост. А.Г. Николокин. СПб.: РХГА, 2008. С. 669-696. [Vishnyak M. Z.N. Gippius v pis'mah // Z.N. Gippius: pro et contra / sost. A.G. Nikolyukin. SPb.: RHGA, 2008. — S. 669-696.]
- Воеводина А.А. Личность и общество в социально-философской теории З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18. № 3. С. 116-121. [Voevodina A.A. Lichnost' i obshchestvo v social'no-filosofskoj teorii Z.N. Gippius i D.S. Merezhkovskogo // Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. 2018. T. 18. № 3. S. 116-121.]
- Воеводина А.А. Социальная доктрина и общественно-политическая деятельность З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского в контексте развития русского христианского либерализма: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009. 246 с. [Voevodina A.A. Social'naya doktrina i obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' Z.N. Gippius i D.S. Merezhkovskogo v kontekste razvitiya russkogo hristianskogo liberalizma : dis. ... kand. ist. nauk. Samara, 2009. 246 s.]
- Вольнский А.Л. Русские женщины // Минувшее: Исторический альманах. 17. М.; СПб.: Atheneum; Феникс. 1995. С. 209-292. [Volynskij A.L. Russkie zhenshchiny // Minuvshhee: Istoricheskij al'manah. 17. M.; SPb.: Atheneum; Feniks. 1995. S. 209-292.]
- Гаспаров М.Л. Эпистолярное творчество В.Я. Брюсова // Валерий Брюсов и его корреспонденты: в 2 кн. Кн.1. М.: ИМЛИ РАН, 1991. С. 12-29. [Gasparov M.L. Epistolyarnoe tvorchestvo V.Ya. Bryusova // Valerij Bryusov i ego korrespondenty: v 2 kn. Kn.1. M.: IMLI RAN, 1991. S. 12-29.]
- Гиппиус З.Н. Дневники: В 2 т. Т. 1. М.: НПК Интелвак, 1999. 736 с. [Gippius Z.N. Dnevniki: V 2 t. T. 1. M.: NPK Intelvak, 1999. 736 s.]
- Гиппиус З.Н. Мечты и кошмар (1920-1925) / Сост. А.Н. Николокин. СПб.: ООО «Издательство «Росток», 2002. 560 с. [Gippius Z.N. Mechty i koshmar (1920-1925) / Sost. A.N. Nikolyukin. SPb.: ООО «Izdatel'stvo «Rostok», 2002. 560 s.]
- Гиппиус З.Н. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 14. Я и услышу, и пойму. Избранная переписка 1891-1945 гг. Венюк посвящений. М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2013. 1060 с. [Gippius Z.N. Sobranie sochinenij: v 15 t. T. 14. YA i uslyshu, i pojmu. Izbrannaya perepiska 1891-1945 gg. Venok posvyashchenij. M.: Izd-vo «Dmitrij Sechin», 2013. 1060 s.]
- Горбачев Г. Святая семейка. Звезда. Л., 1933. № 4. С. 175-190. [Gorbachev G. Svyataya semejka. Zvezda. L., 1933. № 4. S. 175-190.]
- Городницкая А.А. Общественно-политические взгляды старших символистов, середина 90-х годов XIX века - 1917 год. Дисс. канд. ист. наук. М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 1996. 204 с. [Gorodnickaya A.A. Obshchestvenno-politicheskie vzglyady starshih simvolistov, seredina 90-h godov XIX veka - 1917 god. Diss. kand. ist. nauk. M.: Moskovskij gosudarstvennyj universitet im. M.V. Lomonosova, 1996. 204 s.]
- Демидова О.Р. Георгий Адамович – Зинаида Гиппиус: философский диалог в письмах // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2023. № 3. С. 106–117. [Demidova O.R. Georgij Adamovich – Zinaida Gippius: filosofskij dialog v pis'mah // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina. 2023. № 3. S. 106–117.]
- Ерохина Т.И. Художественное творчество и обыденное поведение символиста в эпистолярном жанре // Вестник Вятского государственного университета. 2008. № 2-2. С. 167-169. [Erohina T.I. Hudozhestvennoe tvorchestvo i obydennoe povedenie simvolista v epistolyarnom zhanre // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 2-2. S. 167-169.]

- Зинаида Николаевна Гиппиус: Новые материалы. Исследования / Ред.-сост. Н.В. Королева. М.: ИМЛИ, 2002. 382 с. [Zinaida Nikolaevna Gippius: Novye materialy. Issledovaniya / Red.-sost. N.V. Koroleva. M.: IMLI, 2002. 382 s.]
- Кара-Мурза А.А. На пути к христианскому либерализму: эволюция концепции «свободы» в трудах Г.П. Федотова // Политическая концептология. 2015. № 1. С. 187-208. [Kara-Murza A.A. Na puti k hristianskomu liberalizmu: evolyuciya koncepcii «svobody» v trudah G.P. Fedotova // Politicheskaya konceptologiya. 2015. № 1. S. 187-208.]
- Кара-Мурза А.А., Жукова О.А. Свобода и вера. Христианский либерализм в российской политической культуре. М.: ИФ РАН, 2011. 184 с. [Kara-Murza A.A., Zhukova O.A. Svoboda i vera. Hristianskij liberalizm v rossijskoj politicheskoj kul'ture. M.: IF RAN, 2011. 184 s.]
- Кобак И.В. Письма как исторический источник: задачи и приемы изучения // Вестник СПбГУ. Сер.2. 2012. Вып. 2. С. 142-148. [Kobak I.V. Pis'ma kak istorichesij istochnik: zadachi i priemy izucheniya // Vestnik SPbGU. Ser.2. 2012. Vyp. 2. S. 142-148.]
- Крыцка-Михновска И. Об эмигрантской (не)свободе: из полемики Зинаиды Гиппиус с Павлом Милуковым // Другие берега русской литературы и культуры: идеи, поэтика, контексты. Вроцлав; Краков: Poligrafia Salezjanska, 2021. С. 129-142. [Krycka-Mihnovska I. Ob emigrantskoj (ne)svobode: iz polemiki Zinaidy Gippius s Pavlom Milyukovym // Drugie berega russkoj literatury i kul'tury: idei, poetika, konteksty. Vroclav; Krakov: Poligrafia Salezjanska, 2021. S. 129-142.]
- Кучина Т. Г. К вопросу об изучении эволюции эпистолярных источников второй половины XIX –начала XX в. // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М.: Наука, 1984. С. 40-48. [Kuchina T. G. K voprosu ob izuchenii evolyucii epistoljarnyh istočnikov vtoroj poloviny XIX –nachala XX v. // Problemy istočnikovedeniya istorii SSSR i special'nyh istoričeskikh disciplin. M.: Nauka, 1984. S. 40-48.]
- Макаркин А.В. Православие и либерализм в российской политике // Полития. 2021. № 3 (102). С. 99-124. [Makarkin A.V. Pravoslavie i liberalizm v rossijskoj politike // Politija. 2021. № 3 (102). S. 99-124.]
- Павлова М.М. К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т.Н. Гиппиус). Статья 1 // Русская литература. 2017. № 4. С. 166–194. [Pavlova M.M. K istorii neohristianskoj kommuny Merezchkovskih (na materiale «dnevnikov» T.N. Gippius). Stat'ja 1 // Russkaja literatura. 2017. № 4. S. 166–194.]
- Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Filosofova с В.Я. Брюсовым (1901-1903 гг.) / Публ. М.В. Толмачева // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5/6. С. 276-322. [Perepiska Z.N. Gippius, D.S. Merezchkovskogo, D.V. Filosofova s V.YA. Bryusovym (1901-1903 gg.) / Publ. M.V. Tolmacheva // Rossijskij literaturovedčeskij zhurnal. 1994. № 5/6. S. 276-322.]
- Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Filosofova с В.Я. Брюсовым (1906-1909 гг.) / Публ. М.В. Толмачева // Литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 124-347. [Perepiska Z.N. Gippius, D.S. Merezchkovskogo, D.V. Filosofova s V.YA. Bryusovym (1906-1909 gg.) / Publ. M.V. Tolmacheva // Literaturovedčeskij zhurnal. 2001. № 15. S. 124-347.]
- Прохоров Е.И. Издание эпистолярного наследия // Принципы издания эпистолярных текстов. Вопросы текстологии. Вып. 3. М.: Наука, 1964. С. 6-60. [Prohorov E.I. Izdanie epistoljarnogo naslediya // Principy izdaniya epistoljarnyh tekstov. Voprosy tekstologii. Vyp. 3. M.: Nauka, 1964. S. 6-60.]
- Российский либерализм и христианские ценности // Polis. 2011. № 3. С. 122-140. [Rossijskij liberalizm i hristianskie cennosti // Polis. 2011. № 3. S. 122-140.]
- Савельев С.Н. Идеиное банкротство богоискательства в России в начале XX века. Л.: Изд. Ленинградского университета, 1987. 184 с. [Savel'ev S.N. Idejnoe bankrotstvo bogoiskatel'stva v Rossii v nachale HKN veka. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1987. 184 s.]
- Соболев А.Л. Переписка З.Н. Гиппиус с Ф.А. Червинским // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 61–107. [Sobolev A.L. Perepiska Z.N. Gippius s F.A. Chervinskim // Literaturnyj fakt. 2021. № 1 (19). S. 61–107.]
- Стаканова, М.В. Общественно-политическая деятельность и взгляды З.Н. Гиппиус: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2006. 201 с. [Stakanova, M.V. Obshchestvenno-politicheskaya deyatelnost' i vzglyady Z.N. Gippius : dis. ... kand. ist. nauk. Bryansk, 2006. 201 s.]

- Теркель Е.А. «Вспоминать свое, бывшее или почти бывшее, – желанное...»: Письма Зинаиды Гиппиус Льву Баксту // Вестник истории, литературы, искусства. 2016. Т. 11. С. 416-433. [Terkel' E.A. «Vspominat' svoe, byvshee ili pochni byvshee, – zhelannoe...»: Pisma Zinaidy Gippius L'vu Bakstu // Vestnik istorii, literatury, iskusstva. 2016. T. 11. S. 416-433.].
- Эпистолярное наследие З.Н. Гиппиус: в 2 кн. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 888 с.; Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 940 с. [Epistolyarnoe nasledie Z.N. Gippius: v 2 kn. Kn. 1. M.: IMLI RAN, 2018. 888 s.; Kn. 2. M.: IMLI RAN, 2021. 940 s.].
- Hippius Z.N. Intellect and ideas in action: Selected correspondence of Zinaida Hippius / Comp. by T. Pachmuss. München: Fink, 1972. 784 с.
- Pachmuss T. Zinaida Hippius. An intellectual profile. Carbondale: Illinois University Press, 1971. 491 p.

Воеводина Анастасия Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент, Самарский государственный медицинский университет, Самарский государственный университет путей сообщения, avoiovodina@list.ru

Z.N. Gippius' Letters in the Context of the Russian Christian Liberalism History

The article is devoted to the epistolary heritage of Z.N. Gippius, a prominent representative of Russian social thought at the end of the 19th and beginning of the 20th c. and the Russians abroad. The question is raised about the potential of Z.N. Gippius' letters as a source for the study of Christian liberalism, whose representatives sought to synthesize the values of individual freedom and the spiritual foundations of social life. The features of Z. Gippius' epistolary creativity that could be important for research on the socio-political content of the letters are determined. Correspondence materials have been identified, which present the key theses of the Christian liberal doctrine in a politicized version developed by Z. Gippius and like-minded people, supporters of the "new religious consciousness". The epistolary sources that are most productive for studying the problems of the history of Christian liberalism are identified. It is demonstrated how Z.N. Gippius' letters reflect various aspects of her social concept, reaction to events in political life, information about the social activities of Christian liberalism representatives.

Key words: *Z.N. Gippius, Christian liberalism, «new religious consciousness», epistolary sources.*

Anastasia A. Voevodina, Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor, Samara State Medical University, Samara State Transport University, avoiovodina@list.ru

СЕВЕРНАЯ РОДЕЗИЯ 1930-Х ГГ. В ПИСЬМАХ БРИТАНСКОГО ВРАЧА А. БОРДА

В статье, основанной на неопубликованных письмах британского врача из Северной Родезии 1930-х гг., сохранившихся в частном семейном архиве, анализируются сведения о различных аспектах повседневной жизни британской колонии: транспортном сообщении, занятиях белого населения, взаимоотношениях с африканцами, устройстве больниц. Материалы писем А. Борда позволяют судить о представлениях служащих колониальной администрации о местном населении, медицинской работе и имперской миссии Британии на континенте.

Ключевые слова: история Британской империи, история медицины, Северная Родезия, Колониальная служба.

Поднимаясь на борт парохода в Тилбери в апреле 1935 г., 26-летний британский врач Артур Джон Борд, командированный в Северную Родезию, рассчитывал вернуться домой уже через три года¹. Однако следующие 35 пять лет он провёл в тропической Африке, где стал свидетелем Второй мировой войны и распада Британской империи. Пройдя путь от рядового врача Колониальной медицинской службы до главы Медицинского департамента Кампалы (столицы Уганды) и затем Солсбери (ныне Хараре, столицы Зимбабве), Борд внёс большой вклад в формирование системы медицинской помощи местному населению: коллеги характеризовали его как выдающегося врача и администратора².

Свои первые яркие впечатления о континенте, его населении, природе и медицинской службе молодой врач описал в письмах в Англию 1935–1937 гг., которые сохранились в частном семейном архиве³. Эти неопубликованные тексты являются источником сведений о самых разных аспектах повседневной жизни британской колонии Северная Родезия – о транспортном сообщении и снабжении отдалённых станций, занятиях белого населения и взаимоотношениях с африканцами, работе миссионеров и устройстве больниц. В письмах содержатся оценки действий британской колониальной администрации, характеризуются личные качества её служащих. Материалы писем А. Борда позволяют судить о представлениях «убеждённого англичанина-патриота с либеральными воззрениями»⁴ об африканцах, медицинской работе и имперской миссии Британии на континенте. В статье анализируется первая часть архива, посвящённая начальному этапу пребывания врача в Северной Родезии.

Корпус писем Артура Джона Борда представляет собой альбом из напечатанных на пишущей машинке текстов с указанием дат и мест

¹ Letters of Dr. Arthur John Board, 1935–1937. Newitt Family Archive. 26 September 1935. P. 26.

² WWC. A.J. Board (Obituary Notices) 1976: 1475.

³ Благодарю Джоан Р. Ньюитт, дочь Артура Борда, за предоставление архива в моё распоряжение.

⁴ WWC. A.J. Board (Obituary Notices) 1976: 1475.

составления, последовательно подшитых и имеющих сквозную пагинацию до л. 68 (письмо от 26.03.1936). Перепечатка изначально рукописных писем с сохранением всех деталей текста оригиналов велась незамужними тетками Борда, сёстрами его отца Элси и Джесси. Некоторые рукописные письма вложены в альбом и не имеют нумерации страниц. В альбом также подшиты картонные листы с наклеенными на них фотографиями с подписями. Фотографии, иллюстрирующие жизнь на станции в Баловале в Северной Родезии, были сделаны самим Бордом и отпечатаны в Англии. Диапазон дат писем, включённых в альбом, ограничен 31.03.1935 и 22.03.1937.

Артур Джон Борд (1908–1976) родился в Бристоле, в 1933 году с отличием окончил Бристольский университет, получив квалификацию врача общей практики и хирурга⁵. В 1935 году он вступил в ряды Колониальной медицинской службы, пройдя строгий отбор, и был направлен в Северную Родезию (ныне Республика Замбия). Его первым местом назначения стала станция в небольшом населённом пункте Баловале на северо-западе страны – именно о жизни здесь рассказывают сохранившиеся письма. Позже Борд работал в больницах в разных частях региона, возглавлял первую школу для подготовки младшего медицинского персонала из числа африканцев в столице Северной Родезии г. Лусаке. С началом Второй мировой войны он сопровождал Северо-Родезийский полк в Кению, где в ходе Восточноафриканской кампании Британия противостояла Италии. После возвращения в Северную Родезию Борд работал в нескольких областях региона. В 1950 году он защитил докторскую диссертацию в Бристольском университете и через три года был назначен заместителем главы Медицинской службы в Уганде. После провозглашения Угандой независимости в 1962 году Борд уволился из Колониальной службы, возглавив Медицинский департамент в Городском совете новой столицы Уганды, г. Кампалы. Через несколько лет он занял аналогичную должность в Солсбери, столице независимой Зимбабве (ныне г. Хараре), где и оставался до выхода на пенсию и возвращения в Англию в 1970 году⁶.

К моменту прибытия Борда к месту службы в июне 1935 года Северная Родезия находилась в статусе британского протектората. Создание этой административной единицы к северу от р. Замбези стало результатом усилий знаменитого предпринимателя С. Родса по расширению империи. В 1890-е гг. возглавляемая им Британская Южно-Африканская компания заключила серию договоров с местными вождями на разработку недр и установление британского протектората над их землями. Англия, со своей стороны, подписала соглашения с другими европейскими державами (Португалией, Германией и Бельгией) о разграниче-

⁵ Объединённая квалификация врача общей практики и хирурга, MB ChB (Bachelor of Medicine, Bachelor of Surgery), была более сложной для получения и более престижной, чем обычная. См.: Crozier 2007: 108–109.

⁶ WWC. A.J. Board (Obituary Notices) 1976: 1475.

нии рубежей новой территории. Несколько десятилетий Северная Родезия управлялась чиновниками Британской Южно-Африканской компании от лица Великобритании. Компания построила железную дорогу и вела разработку руд цветных металлов; в страну начали стекаться европейские поселенцы - выходцы из метрополии и южноафриканских колоний⁷. В 1924 г. управление протекторатом было передано британской колониальной администрации. Её главой в Северной Родезии стал губернатор, напрямую подчинявшийся Министерству колоний. Туземные вожди сохранили власть над племенами, превратившись в посредников между населением и британскими чиновниками. Губернатор мог назначать и смещать их; при вождях находились британские советники. Такая административная конфигурация подготавливала введение системы «косвенного управления», официально установленной в 1929 г., когда было объявлено о создании «туземной администрации» и «туземных судов», где судопроизводство велось в соответствии с традиционным обычным правом⁸. Введение этой системы объяснялось необходимостью дать племенам возможность ограниченного самоуправления и подготовить африканцев к самостоятельной жизни.

Баловале, куда был командирован Борд, находился в отдалённой части Северной Родезии, в стороне от бурных событий и перемен первых десятилетий XX века. «Насколько можно судить из книги Ливингстона, – писал врач, – в Баротселенде мало что изменилось с его времён. Кажется, мы единственная часть Африки, которая осталась... похожей на Африку из книг, и я боюсь, что скоро и она станет слишком цивилизованной, чтобы быть по-настоящему интересной»⁹. Пока же путь до Баловале от ближайшей железнодорожной станции, г. Ливингстона, названного в честь знаменитого путешественника, пролегал по реке Замбези и занимал пять недель. Поскольку до ближайшего к Баловале магазина было порядка 600 миль, запасы всего необходимого для трёхлетней жизни на станции пришлось покупать в Ливингстоне. В мае 1935 года две тяжело нагруженные барки, приводимые в движение тридцатью гребцами, отправились по реке, продвигаясь со скоростью 3 мили в час. У порогов и в топких местах барки нужно было разгружать и тянуть по воде с берега. Всей работой занимались африканцы; они же готовили еду и обустроивали лагерь на ночь¹⁰. Для самого англичанина сложности пути состояли в основном в монотонности и отсутствии привычных бытовых удобств, о чём, впрочем, он писал вполне бодро: «Я представляю собой ужасное зрелище, полностью обгорел с ног до

⁷ История Замбии 1990: 44–49.

⁸ Там же. С. 53–54.

⁹ Letters. 26 September 1935. P. 24с. Д. Ливингстон (1813–1873) – знаменитый исследователь тропической Африки в 1840-х – 1870-х гг., автор нескольких книг. Борд, скорее всего, имеет в виду первую книгу Ливингстона «Путешествия и исследования в Южной Африке с 1840 по 1856 г.» (1857), где описана экспедиция 1853–1856 гг. по р. Замбези. Баротселенд – часть Северной Родезии, населённая племенами баротсе.

¹⁰ Letters. 4 May 1935; 2 June 1935. P. 10; 13 June 1935. P. 12–13.

головы... сам себя стригу ножницами, и буду продолжать в течение трёх следующих лет»¹¹. Непривычная жизнь очевидно воодушевляла его; он с удовольствием сообщал о ночёвках под открытым небом, ловле рыбы огромных размеров и встречах с новыми людьми: «Никогда в жизни не чувствовал себя лучше... Каждый день поздравляю себя с тем, что согласился на эту работу – она превосходит все мои ожидания... куда бы ты ни приехал, как только люди узнают, что ты врач, тебя сразу же окружают пациенты...»¹².

В исследовании о британских медиках, служивших в соседних с Северной Родезией регионах в то же время, что и Борд, А. Крозье отмечает, что выбор карьеры врача в Африке был выбором определённого образа жизни, который заметно отличался от того, что вели медики в Англии. Работа в Африке в рядах Колониальной службы позволяла выпускникам медицинских факультетов, людям иногда весьма скромного происхождения, совмещать врачебную помощь населению с активным участием в управлении империей, а также становиться частью героической традиции африканских приключений. Как вспоминал один колониальный чиновник, «все мы чувствовали себя молодыми Стэнли и Спиками... бесстрашными исследователями, отправлявшимися в романтическую «Миссию вглубь Африки»¹³.

В письмах Борда рассказы об африканской экзотике занимают значительное место. Он пишет о бегемотах, опрокидывающих почтовые лодки с посылками, опасных змеях, свисающих с деревьев над рекой, крокодилах, которые сбивают туземцев с ног ударами хвоста и утягивают их в воду, огромных армиях муравьёв, чья живая угольно-чёрная масса покрывает москитные сетки и палатки при движении через лагерь, и, конечно, о слонах и львах. Одни истории Борд слышит от туземцев, другие – от встреченных им соотечественников, в каких-то участвует сам: так, уже в первые дни путешествия врач сообщает об убитой им гиене («довольно большая бестия») и ликовании африканцев, которые «очень боятся всех диких зверей»¹⁴.

На станции в Баловале, устроенной за три года до его прибытия, Борд нашёл «восхитительный» дом, где жил его предшественник доктор Керби. Просторный дом у большого лесистого холма с видом на Замбези («на дальнем берегу реки - песчаный пляж, где живёт старый добрый крокодил») состоял из нескольких комнат и хозяйственных пристроек и был окружён по периметру открытой верандой с лёгкими стульями. Рядом располагались огород и сад с цветущими кустами и фруктовыми деревьями («лайм, лимон, манго, гуава и другие, названий которых я не знаю»). В своё распоряжение Борд получил нескольких

¹¹ Letters. 13 June 1935. P. 12.

¹² Letters. [N.d.] P. 9.

¹³ Crozier 2007: 1, 117. Г.М. Стэнли (1841–1904) и Д.Х. Спик (1827–1864) – знаменитые исследователи Африки.

¹⁴ Letters. 2 June 1935. P. 10–11; 13 June 1935. P. 12.

африканских слуг и повара, который ежедневно готовил ему разнообразные завтраки, обеды и ужины из нескольких блюд¹⁵.

Отправляясь на уединённую станцию в глубине Африки, врач ожидал, что помимо собственно работы, занятий будет немного, и планировал проводить свободное время за чтением и подготовкой докторской диссертации. Новости издалека приходили редко – каждую неделю он получал газету «Булавайо Кроникл» из Южной Родезии, английские же газеты шли так долго, что теряли всякий смысл. Борд быстро к этому привык и уже в июле 1935 г. писал родным, что никакой телеграф ему не нужен: «меня ужасно расстраивает, когда я получаю новости, которым ещё не исполнилось 6 недель. Последний аэроплан, прибывший сюда, привёз немного газет, но мы порвали их, не читая, – они портят наш заведённый порядок»¹⁶. Его дни оказались полностью заняты рабочими и хозяйственными делами, диапазон которых был значительно шире, чем дома в Англии.

Много времени занимала работа в больнице. Больница представляла собой комплекс построек: большое кирпичное здание вмещало кабинет врача, амбулаторию, где Борд вёл приём пациентов, «отлично оснащённую» операционную, в которой два раза в неделю проводились хирургические манипуляции, и аптеку. Рядом располагались «палаты» – небольшие домики на двоих. Пациенты приходили на приём со всеми родственниками и прихватывали с собой домашнюю птицу, поэтому в больничном «городке», видимо, всегда было оживлённо. В больнице Борду помогали пятеро санитаров-африканцев, носивших форму цвета хаки с красным крестом на груди и живописные красные фески; их глава, «превосходно обученный парень», заполнял на пишущей машинке многочисленные ведомости, вёл записи и делал анестезию¹⁷. Подготовка младшего медицинского персонала из числа африканцев велась в южной части континента уже с начала XX в.¹⁸ Борд возлагал на туземных служащих больницы большие надежды – уже через несколько месяцев после прибытия он разработал схему развития медицинской службы в регионе, включавшую создание сети амбулаторий под началом африканских санитаров. Общий контроль над ней должен был осуществляться британским окружным врачом и предусматривал его регулярные визиты¹⁹. Довольно скоро на лечение к Борду стали приезжать местные вожди с семьями, число пациентов постоянно росло, закладывая бюджет на следующий год, он просил у правительства увеличить расходы на строительство больничных домиков, так как имеющихся уже не хватало²⁰.

¹⁵ Letters. 21 June 1935. P. 14.

¹⁶ Letters. 17 July 1935. P. 19.

¹⁷ Letters. 21 June 1935. P. 15.

¹⁸ Digby 2012: 173–176.

¹⁹ Letters. 22 August 1935. P. 23–24.

²⁰ Letters. 3 July 1935. P. 17. В ноябрьском письме за этот же год он приводит цифру в 150 больных, которые находились в стационаре. Их содержание, как и содержание больных проказой, оплачивалось британскими властями. 11 November 1935. P. 41.

Как и другие врачи, работавшие в Африке, Борд указывал на большую распространённость проказы у населения. В Баловале рядом с больницей был устроен огороженный посёлок для прокажённых. Больных проказой кормили и лечили, снабжали посудой и одеялами и давали возможность работать за довольно щедрую для этих мест оплату²¹. Прочие пациенты часто попадали в больницу с тяжёлыми ножевыми ранениями («они пускают ножи в ход при малейшей перепалке», писал Борд), а также с серьёзными ожогами, которые получали, курая у костра местный табак, смешанный с коноплёй, и падая в огонь. Борд не раз выражал удивление, наблюдая выносливость африканцев: европеец, обугленный до костей, не выжил бы от шока. Африканцы приносили ему случайно отрубленные пальцы с просьбой пришить на место и стоически терпели удаление зубов без анестезии²².

Работая на станции и разъезжая по окрестностям, Борд познакомился с туземными лекарями и обнаружил, что вопреки распространённым в Англии представлениям, они не имели ничего общего с колдунами, с которыми боролись британские власти в Африке. Борд отмечал, что их способы лечения были полностью рациональны, основаны на применении лекарственных растений и часто крайне успешны. Африканские лекари, писал он, отлично умеют делать небольшие операции, такие как обрезание и вскрытие абсцессов, и «знают о тропических болезнях намного больше, чем мы думаем»²³.

Помимо работы в больнице, в обязанности врача входило посещение заключённых, а также еженедельные инспекции местной тюрьмы и помещений для посыльных. Инспекции осуществлялись совместно с главой британской администрации в регионе, окружным уполномоченным, и забавляли Борда своей имперской помпой: «Я надеваю галстук, воротничок и длинные брюки, и мы торжественно вышагиваем по Баловале, посыльные и полиция отдают нам честь и берут на караул... Туземцы ужасно вежливы, и когда видят твоё приближение, отступают с дороги, преклоняют колени и хлопают в ладоши, пока ты не пройдёшь, а санитары в больнице выстраиваются в линию и салютуют, когда я приезжаю. Я начинаю чувствовать себя членом королевской семьи...»²⁴.

Свободное время Борд проводил в обществе немногочисленных соотечественников, обитавших в Баловале или приехавших на станцию по делам. Компании англичан – в основном, служащих британской колониальной администрации – встречались Борду на протяжении всего пути к Баловале: он плывёт с ними на пароходе из Англии в Кейптаун, обедает и играет в теннис и крикет на палубе; с группой других в Кейптауне, в ожидании поезда в Северную Родезию, он ходит в кино,

²¹ Letters. 31 January 1936. P. 57. О проказе среди африканцев в этот период см.: Browne 1980: 69–79.

²² Letters. 21 June 1935. P. 15; [N.d.]. P. 15–16.

²³ Letters. 26 September 1935. P. 27.

²⁴ Letters. 21 June 1935. P. 15.

совершает поездки вдоль океанского побережья и поднимается на вершину Столовой горы по канатной дороге, чтобы полюбоваться открывающимися видами. Во всех точках своего маршрута к месту назначения он встречает англичан, с которыми немедленно отправляется обедать или играть в гольф²⁵. В исследовании коллективного портрета представителей британской колониальной администрации 1858–1966 гг. английский историк Э. Кёрк-Грин описывает эту профессиональную группу как обладающую внутренним единством, обусловленным общностью образования, подготовки и мотивации. Хотя чиновники Колониальной службы считались имперской элитой, социальное происхождение имело второстепенное значение для вхождения в эту группу. Главной для них была правильная подготовка к службе, где важнейшую роль играли воспитание в духе верности, стойкости характера, уважения к субординации, самодисциплины и долга, поставленного выше личных интересов. Именно на привитии этих ценностей были сосредоточены частные школы и университеты – «фабрики джентльменов», чьей прямо артикулируемой миссией было целенаправленное формирование имперской элиты²⁶. Как хорошо видно из текстов Борда, эта общность позволяла чиновникам колониальной администрации легко находить друг друга в различных частях империи и чувствовать себя непринуждённо в незнакомой компании. В его доме регулярно останавливались аудиторы и пилоты, директора образования и инспекторы крупного рогатого скота, приезжавшие на станцию по делам службы. Круг общения врача включал и других представителей белого населения – торговцев и миссионеров, живших в окрестностях.

Рассказывая о своих приятелях и коллегах, Борд неизменно пишет о них как об отличных охотниках – эта черта выступает в качестве одной из важнейших их характеристик. Охота, неотъемлемая и символически значимая часть имперской культуры, была распространённым занятием колониальных элит. Будучи традиционно классовой привилегией в Британии, на имперских территориях она сохранила и укрепила свой статус, связанный с демонстрацией престижа и доминирования. С ростом популярности естественной истории и коллекционирования во второй половине XIX в. охота приобрела дополнительную «исследовательскую» легитимацию, что было особенно актуально для колониальных территорий, где активно собирались образцы фауны²⁷. В письмах Борда англичане описываются как охотники-знатоки местного животного мира. Умение охотиться часто выглядит у него как условие выживания в окружении дикой природы: врач участвует в охотничьих экспедициях, когда запасы мяса на станции истощаются и их оказывается

²⁵ Letters. 31 March 1935. P. 1–2; 12 April 1935. P. 3; 21 April 1935. P. 4; 28 April 1935. P. 6; 30 April 1935. P. 8; 2 June 1935. P. 8; 21 June 1935. P. 14 и др.

²⁶ Kirk-Greene 2000: 1–3, 9–10. О представителях британской имперской администрации см.: Глушенко 2010: 107–108. О врачах на имперской службе: Crozier 2007.

²⁷ MacKenzie 1988: 6–53.

невозможно пополнить обычным способом. Вместе с коллегами он преследует львов и леопардов, когда звери подходят слишком близко и угрожают безопасности людей – Борд часто пишет о ранениях и увечьях, наносимых хищниками африканцам и европейцам. Каждое известие о нападении становится поводом для новой охотничьей экспедиции²⁸. Врач говорит о необходимости держать под контролем поголовье хищников, которое иначе становится неуправляемым и приводит к жертвам – прежде всего, среди африканцев. Так, из-за вывода конной полиции Британской Южной Африки с территории Северной Родезии (в рамках плана по замене дорогостоящих сил европейцев туземными частями) львы стали «серьёзной проблемой» – рядом со столицей Лусакой лев убил 75 туземцев, а ближе к Баловале люди сообщали о прайдах, состоящих из 40 львов²⁹. Как и многие европейцы, Борд отмечает страх африканцев перед хищниками; англичане, спасающие их от диких зверей, выступают в патерналистской роли защитников населения империи. Эта роль англичан как «взрослых» отчётливо прослеживается в письмах врача. В одном из них он рассказывает о бесстрашном поведении главы округа, англичанина Во (Vaugh), к которому доставили африканца, продававшего чудодейственное средство. Лекарство будто бы позволяло ему оставаться неуязвимым для укусов ядовитых змей. Чтобы продемонстрировать силу этого средства, торговец носил с собой десяток самых смертельно опасных змей Африки. Во потребовал показать змей, и тот вытряхнул на пол «кобру, мамбу, африканскую гадюку – огромных тварей. Я был до смерти напуган, – пишет Борд, – но сделал всё, что в моих силах, чтобы это скрыть, а офис, только что полный туземцев, через несколько секунд был пуст. Туземцы страшно боятся змей и ящериц и никогда не трогают их даже мёртвых... Во раздвоенной палкой придерживал африканскую гадюку, открыл ей рот и обнаружил, что ядовитые зубы у неё вырваны. Он вытащил её наружу, показал африканцам, и бедного заклинателя змей чуть не линчевали – ни у одной из змей не было зубов. Теперь старик в тюрьме»³⁰. Во, таким образом, избавляет африканцев от шарлатана и одновременно защищает его от них, не давая туземцам расправиться с мошенником и водворяя законность.

В своих письмах Борд даёт высокую оценку Во и другим коллегам по Колониальной службе, везде характеризуя их как настоящих профессионалов. Выпускник Кембриджа Во описывается им как большой знаток народа баротсе: он «бегло говорит на их языке, лично знает вождей, историю этого народа, их обычаи и верования. Туземцы его боготворят, они приходят в Бому со всеми своими проблемами и похоже,

²⁸ Letters. 10 July 1935. P. 17–18; 30 July 1935. P. 20; 7 August 1935. P. 21–22; 13 August 1935. P. 23.

²⁹ Letters. 2 June 1935. P. 10.

³⁰ Letters. 17 July 1935. P. 19.

советуются с ним обо всём»³¹. И таких людей здесь много, подчёркивает Борд. Он не раз пишет о представителях британской администрации как о «прекрасных людях, живо интересующихся делами африканцев, делающих всё, чтобы помочь этой стране», людях, которых «очень ценят и любят сами туземцы»³².

Практически с момента прибытия в Африку Борд резко критикует британскую прессу, которая ругает имперскую администрацию, «находясь за сотни миль от происходящего»³³. В мае 1935 года, в то время как врач добирался до Баловале, плывя по реке, в одной из провинций Северной Родезии, Коппербелте, где были сосредоточены месторождения меди, на шахтах произошла забастовка рабочих, вызванная повышением налогов. В ходе столкновений с войсками несколько рабочих были убиты, многие ранены и арестованы³⁴. Врач, однако, просит родных не принимать ничью сторону, пока все факты не будут известны, и не верить разговорам об «эксплуатации» колоний. Напротив, пишет он, законы здесь «применяются с большой осторожностью и рассудительностью» и правительство делает для африканцев очень многое (позже он отправит домой копию официального отчёта о делах туземного населения за 1934 год, чтобы «открыть глаза» всем критикам британской администрации в колониях). Больницы и школы отлично управляются, пишет Борд, и «когда туземцы станут более образованными, и страна встанет на ноги, мы с достоинством удалимся и предоставим им самим ею руководить»³⁵. О событиях в Коппербелте и в целом о работе британской администрации он мог узнать только из разговоров с коллегами из Колониальной службы; таким образом, в письмах он транслирует взгляд изнутри своей корпорации, который выглядит удивительно монолитным. Борд полностью идентифицируется с британской администрацией в Северной Родезии, постоянно употребляя местоимение «мы», когда речь идёт о действиях властей на любом уровне, от образования африканцев и субсидирования миссий до прокладывания дорог и сезонного выжигания равнин в районе. Много внимания он уделял сравнению британской администрации с колониальными властями других держав – Германии и особенно Португалии – не в пользу последних³⁶. В отличие от британских чиновников, писал врач, португальские не знают местных языков, тотально коррумпированы, используют принудительный труд африканцев и изощрённые пытки³⁷. Массовую миграцию из соседней португальской Анголы в Северную Родезию Борд рассматривал как

³¹ Ibid. P. 20. «Бомой» называлась резиденция главы округа во многих частях Африки; обычно вокруг неё формировался европейский анклав. См.: Crozier 2007: 118.

³² Letters. 2 June 1935. P. 11; 6 November 1935. P. 38.

³³ Letters. 17 July 1935. P. 20. См. также: 2 October 1935. P. 28 – 29.

³⁴ История Замбии 1990: 74–75.

³⁵ Letters. 2 June 1935. P. 11.

³⁶ Ibid.; 26 September 1935. P. 25, 27; 31 October 1935. P. 37.

³⁷ Letters. 26 September 1935. P. 28.

свидетельство «предпочтения английских методов управления»³⁸.

Лояльности правительству и коллегам, которую демонстрирует врач, была в том числе результатом целенаправленной политики Колониальной службы, формировавшей единое сообщество своих представителей в Африке с общим кодексом поведения и системой ценностей. Рекрутирование в ряды колониальной администрации предполагало отбор тех британцев, чьи ценности и образ мыслей в наибольшей степени соответствовали идеалам служения империи. Единство её представителей постоянно поддерживалось официальной риторикой, в которой использовались крайне эмоциональные формулировки, подчёркивавшие значимость сохранения стандартов поведения во имя общей цели - процветания империи³⁹.

Консервативные установки, свойственные представителям Колониальной службы, заметны и в описаниях Бордом африканцев. Его взгляд имел характерную имперскую перспективу сверху вниз и в целом может быть описан как патерналистский.⁴⁰ Он отмечал физическую выносливость африканцев как людей, близких к природе, - например, рассказывая, как его гребцы делают 30 ударов в минуту в жару по 8 часов в день и время от времени перетаскивают лодку через мели по поясу в воде, после чего, устроив лагерь на берегу и приготовив еду сначала ему, а затем себе, до полуночи разговаривают у костра, поют и танцуют⁴¹. Но в основном врач, как и многие его предшественники, говорил об африканцах как о детях. Все они, даже взрослые, писал он, «выглядят и ведут себя как дети не старше двенадцати лет», пока внезапно не состарятся в 60–70. Они повторяют всё за «взрослыми»-англичанами, охотятся за английскими зонтиками и швейными машинками и как школьники, хочут во время лекции с волшебным фонарём. «Здесьние туземцы, - писал врач, - весёлые, беспечные, любящие природу люди, совсем не те одурманенные и запуганные создания, которых я ожидал увидеть. Нет, средний африканец намного счастливее среднего белого, он живёт в полную силу»⁴². Борд, наблюдавший за туземцами в Баловале, отдалённом районе, относительно мало изменившемся с приходом англичан, отдавал себе отчёт в том, что «естественный образ жизни» африканцев, в основном сохранившийся здесь, обусловлен отсутствием в регионе «шахт и железных дорог». При этом врач отмечал растущий спрос со стороны туземцев на образование, советы по развитию фермерства и лесного дела и выражал надежду, что эта часть Северной Родезии будет развиваться в более привычном для африканцев русле сельскохозяйственного, а не промышленного производства.

³⁸ Letters. 26 September 1935. P. 25.

³⁹ Crozier 2007: 116, 125.

⁴⁰ Об особенностях описаний африканцев европейскими путешественниками в XIX в. см.: Афанасьева 2004: 140–178.

⁴¹ Letters. [N.d.]. P. 12 – 13.

⁴² Letters. 13 August 1935. P. 23; 20 September 1935. P. 24a; 3 July 1935. P. 17.

В последующие месяцы Борду и его коллегам пришлось столкнуться с серией испытаний, что отразилось на тональности писем врача, которые становились всё менее оптимистичными. Он писал о напряжённых отношениях с миссионерами, последствиях неурожая, растущем разочаровании в африканцах и ощущении надвигающейся войны в Европе. Однако энтузиазм Борда в отношении развития медицинской службы в Африке не угас и много лет продолжал поддерживать его активную деятельность на континенте. Письма А. Борда дают возможность увидеть детали повседневной жизни британской колонии и образа мыслей колониального врача в период интербеллум, когда многим казалось, что Британской империи «суждено существовать вечно».

Letters of Dr. Arthur John Board, 1935 – 1937. Newitt Family Archive.

WWC. A.J. Board (Obituary Notices) // British Medical Journal, 1976. 12 June. P. 1475.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Афанасьева А.Э. Британские путешественницы в Восточной Африке во второй половине XIX в.: проблемы статуса и репрезентаций / Дисс. к.ист.н. Ярославль, 2004 [Afanasyeva A.E. Britanskije puteshestvennitsy v Vostochnoj Afrike vo vtoroj polovine XIX v.: problemy statusa i reprezentacij / Diss. k.ist.n. (British Women Travellers in East Africa in the second half of the 19th century: the problem of status and representations. PhD in History). Yaroslavl', 2004].

Глущенко Е.А. Некоторые причины распада Британской империи / Британская империя в XX веке. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 106–111 [Gluschenko E.A. Nekotorye prichiny raspada Britanskoj imperii. /Britanskaya imperiya v XX veke. (Some causes of the collapse of the British Empire. / The British Empire in the XX century) M., IVI RAN, 2010. S. 106–111].

История Замбии в новое и новейшее время. М.: Наука, 1990 [Istoriya Zambii v novoe i novejshee vremya. (The Modern and Contemporary History of Zambia) M.: Nauka, 1990].

Browne S.G. Leprosy. In: Health in Tropical Africa during the Colonial Period. Based on the proceedings of a symposium held at New College, Oxford 21–23 March 1977 / Ed. by E.E. Sabben-Clare, D.J. Bradley and K. Kirkwood. Oxford: Clarendon Press, 1980. P. 69–79.

Crozier A. Practising colonial medicine: The Colonial Medical Service in British East Africa. London and New York: I. B. Tauris, 2007.

Digby A. The Mid-Level Health Worker in South Africa: The In-Between Condition of the “Middle”. In: Public health in the British Empire. /Ed. By R. Johnson and A. Khalid. New York: Routledge, 2012. P. 179–199.

Kirk-Greene A. Britain's Imperial Administrators, 1858–1966. N.Y.: St. Martin's Press, 2000.

MacKenzie J.M. The Empire of Nature. Hunting, Conservation and British Imperialism. Manchester: Manchester University Press, 1988.

Афанасьева Анна Эдгаровна, кандидат исторических наук, доцент Школы философии и культурологии, НИУ ВШЭ (Москва); старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории ИВИ РАН; aafanasieva@hse.ru

Northern Rhodesia of the 1930s in the letters of a British doctor A.J. Board

The article, based on unpublished letters of a British doctor from Northern Rhodesia in the 1930s, kept in a private family archive, explores various aspects of daily life in the British colony: transportation, occupations of the white population, relations with Africans and the establishment of hospitals. The letters of A.J. Board provide a valuable perspective on the attitudes of the British Colonial Service towards local population, medical work and Britain's imperial mission on the continent.

Key words: *history of the British Empire, history of medicine, Northern Rhodesia, Colonial Service.*

Anna Afanasyeva, PhD, Associate Professor, HSE University, Moscow; Senior Research Fellow, Institute of World History, RAS. E-mail: aafanasieva@hse.ru

А. С. МИНАКОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МУЗЕИ РОССИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ ИТОГИ МАСШТАБНОГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО ПРОЕКТА

Статья-рецензия посвящена второму тому энциклопедии «Литературные музеи России», который завершил уникальное по своим масштабам издание отраслевого музейного справочника. Разобран состав публикации, методологические и источниковедческие аспекты подготовки, а также перспективы научно-просветительской разработки представленных материалов. Большим достоинством книги являются очень информативные иллюстрации, отражающие историю, современное состояние и деятельность литературных музеев. Очевиден вклад авторов книги в укрепление теоретической базы современного музееведения. В книге дана насыщенная портретная галерея не только ярких музейных деятелей и ученых, но и писателей, которые внесли вклад в музейное строительство, поднимается широкий круг вопросов, которые имеют значение не только для музеологии, но также связаны с разными областями гуманитарного знания. Фондовые коллекции литературных музеев и места памяти важны для изучения многих проблем социальной истории на микроуровне, истории повседневности. Энциклопедия оказалась интересной площадкой междисциплинарного дискурса и зафиксировала значимый для всего интеллектуального сообщества срез накопленной справочной и аналитической информации о мемориализации литературного наследия.

Ключевые слова: музеи, литература, культура, энциклопедия, музейное дело.

Сокровища литературных музеев, галерея блистательных подвижников музейного дела, тысячи уникальных фотографий, интересных фактов и многое другое. Благодаря реализации масштабного издательского проекта – энциклопедия «Литературные музеи России», все это теперь в распоряжении не только профессиональных музейщиков, литературоведов и историков, но также всех ценителей национального культурного наследия. Выход второго тома этого уникального труда в 2024 г.¹ не только завершил беспрецедентную по своему масштабу публикацию, но и подвел итоги первой в отечественной практике подобной систематизации музейного наследия.

Работа над энциклопедией еще на ее подготовительных этапах придала ей общероссийское звучание. Высокий и ответственный уровень ее наполнения получил качественную проработку благодаря планомерной поддержке проекта со стороны Министерства культуры Российской Федерации, а также профессионального сообщества в лице Ассоциации литературных музеев Союза музеев России. Хронология проекта символично вписалась в два знаковых события. Активная подготовка энциклопедии началась в 2015 г., объявленном Годом литературы в России. Второй, заключительный том, появился накануне издания Указа Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации

¹ Литературные музеи 2024.

в области исторического просвещения», где определена особая роль музеев в развитии научной базы исторического просвещения и повышения грамотности. Действительно, столь знаковый контекст реализации проекта, его общефедеральная повестка, подчеркивают высокую общественно-культурную миссию литературных музеев, которая сегодня гораздо шире, чем музеефикация биографий и наследия писателей.

Ключевая роль в подготовке энциклопедии принадлежит Государственному музею истории российской литературы им. В.И. Даля (Гослитмузей). Именно он стал базовым центром составления энциклопедии, а его сотрудники определили лицо будущего издания. Рецензируемый том открывает программная вступительная статья руководителя проекта, директора Гослитмузея, известного литературоведа, поэта и переводчика Д.П. Бака. В ней раскрываются теоретические и практические механизмы реализации проекта. Среди факторов, определивших ресурсную базу двухтомника, Бак отмечает корпоративное взаимодействие между литературными музеями страны еще с советского времени. Профессиональные контакты укрепляла трансграничность жизненных судеб многих писателей, предопределившая глубокие культурно-исторические связи между городами и регионами. Наконец, итоги работы над энциклопедией актуализировали литературоцентризм русской культуры, о котором Бак пишет в своих исследованиях².

Почти десять лет, пока готовилась энциклопедия, шла апробация проекта на профессиональных форумах и в публикациях³. Ценными для формирования ключевых посылов будущего издания и выявления потенциального круга авторов стали мероприятия Международного проекта «Музеи-архивы-библиотеки в информационном обеспечении исторической науки». Его основатель, заведующая сектором издательских проектов Гослитмузея Е.А. Воронцова стала душой проекта. Ей принадлежит важная роль не только в определении концептуального содержания энциклопедии и ее словника, но и в формировании редакционной коллегии, редакционного совета, авторского коллектива. Совместно с Д.П. Баком и Э.Д. Орловым она подготовила методические разработки, которые стали настольной книгой авторов, помогая им ориентироваться в концептуальных принципах будущего издания, требованиях к оформлению статей и особенностям научно-справочного аппарата⁴.

В этой связи впечатляет высокий уровень квалификации авторского коллектива рецензируемого издания. Авторами статей выступили И.В. Андреева, А.Н. Балаш, Е.А. Воронцова, Л.С. Именнова, А.В. Лушников, Е.Н. Мастеница, Н.И. Михайлова, А.А. Никонова, О.С. Сапанжа, Л.И. Скрипкина, М.Б. Шапошников и другие авторитетные музеологи, историки, искусствоведы из ведущих федеральных и региональных музеев, а также вузов и академических центров страны.

² Бак 2015 (1): 492; Литературные музеи 2024: 7–8.

³ Бак 2015 (2); Воронцова 2015, 2017, 2022.

⁴ Энциклопедия 2016.

Среди содержательных достоинств книги выделим несколько ключевых. Прежде всего, авторам удалось синтезировать огромный разноплановый материал и продолжить первую в историографии систематизацию музеев литературного профиля (посвященных отдельным писателям, литературным произведениям и их героям; музеи-заповедники и музеи-усадыбы и др.). Здесь собраны справочные сведения об истории музея, составе фондов, научной, экспозиционной и просветительской деятельности. В соответствующих статьях дана характеристика существующей локализации музеев, посвященных конкретным писателям (например, «Пушкина А.С. музеи», «Рериха Н.К. музеи», «Тургенева И.С. музеи» и др.). В целом, музейная география литературной России дана емко и интересно. На страницах энциклопедии многие региональные музеи впервые столь развернуто рассказали о своей истории, своих богатствах и своем вкладе в сохранение культурной памяти. К таким статьям дано много иллюстраций с музейных мероприятий, особенно для детской аудитории. Это правильный подход, оживляющий отчасти академичный стиль издания.

Второй том продолжил замечательную панораму персоналий ревнителей литературного наследия, начатую в первой части издания. Среди них прославленные труженики музейного фронта, посвятившие свои жизни спасению и популяризации драгоценных писательских и литературных реликвий (М.Н. Петай, Н.П. Пузин, Н.М. Чернов и др.); видные отечественные ученые-гуманитарии (Б.Л. Модзалевский, М.П. Погодин, А.М. Разгон, И.М. Сибирцев, М.Н. Тихомиров, Н.Ф. Федоров и др.).

Колоссальный вклад в сохранение памяти о писателе, тайнах его творческой лаборатории принадлежит потомкам художников слова. В книге можно найти интересные материалы о представителях разных поколений «литературных» фамилий, например Толстых, Тютчевых, Чернышевских, Чеховых, для которых сохранение уникальных писательских реликвий стало частью их семейной истории. Энциклопедия знакомит читателей и с малоизвестными сторонами жизни известных писателей, многие из которых внесли вклад в отечественное музейное строительство: В.Ф. Одоевский, М.М. Пришвин, А.И. Солженицын и др.

В книге увековечены имена подвижников музейного дела из регионов России. Это организаторы музеев, коллекционеры-дарители, библиофилы, краеведы-популяризаторы истории литературы и книжного знания, руками которых сохранены уникальные собрания предметов музейного значения, редких книжных памятников, автографов писателей, мемориальные обстановки и памятные места. До выхода энциклопедии имена многих энтузиастов были известны лишь на местном уровне.

Энциклопедия стала площадкой нового понимания теоретической базы современного музееведения. Ряд статей концептуального блока («Музейный предмет», «Научно-исследовательская деятельность», «Памятное место», «Экспозиция» и др.) содержат великолепный мате-

риал для дискуссионной осмысления. Эти и подобные терминологические материалы раскрывают понятия, без которых невозможна объективная характеристика истории и современной деятельности представленного в энциклопедии профиля музеев. Большая их часть представляет микромонографические обзоры, которые сопровождается новейшая библиография по теме, погружающая читателя в междисциплинарный дискурс проекта в целом.

Несмотря на кажущуюся специфику предметной области, музейная память о литературном наследии очень важна в общеисторических исследованиях. Она может быть основой для реконструкции процессов, происходящих в меняющихся политических системах и рефлексии на них в различных социальных группах. Поэтому колоссальный массив данных энциклопедии расширяет представление об источниковой базе, раздвигая границы предметной области общих направлений исторического знания. С одной стороны, перспективы применения таких данных лежат в исследовательской стратегии междисциплинарного сотрудничества. Например, в микроаналитическом анализе жизни и творчества литераторов, как индивидуальных акторов, так и представителей малой (писательской) социальной группы. В обоих случаях музейные источники свидетельствуют о накоплении повседневного культурного опыта.

С другой стороны, учитывая актуальность социокультурных аспектов исторического процесса, музейное наследие дает хороший материал в области культурной антропологии, социальной психологии, лингвистики и др. Это тоже поддерживает интерес к микроистории, которая, к примеру, ярко выражена в литературных «местах памяти», где образ писателя и его творчества неповторим, но вписан в контекст «большой» истории государства и общества. При этом, развивая мысли Л.П. Репиной, перспективы междисциплинарной интеграции нового нарратива непременно должны учитывать «творческую роль личности», механизмы ее самореализации, что может обеспечить «синтез индивидуального и социального в истории»⁵.

Разбирая первый том энциклопедии, автор этих строк уже отмечал, что динамизм современных процессов цифровизации глобальных информационных потоков напрямую затрагивает и гуманитарное знание в целом⁶. Трудно отрицать, что современные печатные справочники перестали быть оперативными источниками. Д.П. Бак также пишет, что «справочные издания на бумаге сегодня стремительно устаревают, люди цифрового поколения практически утратили навык общения с печатными справочниками», а потому задачей энциклопедии являлось «зафиксировать существование и функционирование музейной сети на промежутке от XIX столетия до первой четверти нашего века»⁷.

⁵ Репина 2004: 17.

⁶ Минаков 2023: 338–339.

⁷ Литературные музеи 2024: 9.

Действительно, Интернет-ресурсы позволяют быстро и в широком разнообразии получить справочные данные о каком-то музее, писателе и т.п. Однако практически неограниченный объем и высокая скорость сетевых данных идут в серьезном отрыве от их качества. К примеру, несмотря на объемы и популярность русскоязычного сегмента Википедии (<https://ru.wikipedia.org>), занимающей 3-е место по посещаемости и 7 место среди всех языковых разделов этого сайта, достоверность ее статей трудно верифицировать. Наряду с этим, блогосфера и социальные сети наращивают ресурсы музейной тематики, авторами которых нередко являются далекие от профессионального музейного сообщества люди, со своими личными симпатиями и антипатиями. Официальные сайты литературных музеев представляют крайне пеструю, трудно сравнимую друг с другом картину. Борьба за посетителя обуславливает коммерциализацию их контента, в котором много рекламы услуг музея. Поэтому в наши дни успех издания в традиционной, печатной форме, несомненно, зависит от его презентации как носителя какого-то иного, оригинального содержательного свойства.

Адресная аудитория издания потенциально широка – от специалистов-музейщиков – до обывателей, которых может заинтересовать музей для посещения. Поэтому представление энциклопедии именно в печатном виде крайне важно, как некий интеллектуальный эндаумент, который останется базой, зафиксировавшей академический срез состояния значимого сегмента общероссийского культурного поля.

Таким образом, второй том энциклопедии расширил важные позитивные составляющие ее первой книги. Вместе с тем сохранился и ряд спорных моментов, которых авторам избежать не удалось. Так, в замечательной портретной галерее подвижников отечественного музейного строительства явно не хватает некоторых ярких персоналий. Например, для мемориализации книжной культуры и образов литераторов много сделал видный отечественный историк и москвовед, многолетний председатель Археографической комиссии РАН С.О. Шмидт (1922–2013). Длительное время он сотрудничал с Государственным музеем А.С. Пушкина (член ученого совета с 1993 г.), Домом-музеем Марины Цветаевой (член Попечительского совета с 1995 г. и член ученого совета с 1996 г.), Государственным мемориальным музеем Булата Окуджавы в Переделькино и др. Тесными были связи Шмидта и с Гослитмузеем. В свое время, когда обсуждался вопрос о переезде музея, он был горячим сторонником передачи ему здания на Арбате, 37. Историк постоянно выступал на крупнейших выставках и конференциях музея, в том числе традиционных Московских Анциферовских чтениях. Шмидт принимал активное участие в увековечивании выдающихся русских писателей (заместитель председателя Всесоюзного комитета по подготовке и празднованию юбилея Н.М. Карамзина в 1991 г., член Государственной комиссии по подготовке празднования 200-летия со

дня рождения А.С. Пушкина в 1997–1999 г. и др.), в рамках которых обновлялись музейные экспозиции.

Рецензируемый том могла бы органично дополнить биографическая статья о митрополите Волоколамском и Юрьевском Питириме (Нечаеве) (1926–2003). На рубеже XX–XXI вв. он был не только одним из наиболее влиятельных иерархов Русской Православной церкви, но и известным популяризатором отечественного культурного наследия. Мировое значение имело его личное собрание богослужебных книг, на основе которого в 1991 г. при Иосифо-Волоцком монастыре по инициативе Питирима был создан единственный в стране музей Библии, о котором в первой томе энциклопедии есть соответствующая статья.

Среди лакун книги необходимо отметить и отсутствие статьи о музее видного советского философа, богослова и литературоведа С.И. Фуделя (1901–1977). С 2018 г. он организован при филиале Московского педагогического государственного университета в г. Покрове Владимирской области. В нем сохранены личные вещи писателя, воссоздан домашний интерьер и проводятся экскурсии для посетителей.

Несомненным достоинством обеих книг энциклопедии является богатство иллюстраций, но, как и в первом томе, в их подборе и атрибуции имеет место некоторый дисбаланс. Например, отсутствуют портреты таких известных популяризаторов музейного дела XIX–начала XX вв., как Ф.А. Толстой, С.С. Уваров, С.Д. Шереметьев (при том, что их живописные изображения вполне известны).

Статьи по некоторым музеям, например, «Пастернака Б.Л. дом-музей» (с. 188), «“Чехова домик” музей» (с. 623), сопровождаются иллюстрациями, не отражающими их современное состояние. В целом, выбор только исторических фото для иллюстрирования соответствующих текстов сомнителен. Они действительно передают эпоху бытования своих героев, но не говорят о сегодняшних реалиях музея. Между тем, задача энциклопедии не только показать накопленные знания об объекте памяти, но и показать, чем он живет сейчас. При этом сочетание исторических и современных фото музейных объектов очень гармонизирует. Хороший пример такого подхода – статья «Пушкина А.С. мемориальная музей-дача», где даны как историческое фото музея (дом А.К. Китаевой) 1916 г., так и современный вид музея (с. 261).

Встречаются и не вполне корректные иллюстрации. Например, в статье «Спасское-Лутовиново» помещена фотография дуба, посаженного И.С. Тургеневым (с. 421). К сожалению, в 2021 г. данное дерево, бывшее главной природной реликвией заповедника, погибло. Поэтому в атрибуции фотоснимка следовало дать соответствующее уточнение.

Статья «“Слово о полку Игореве” музей» иллюстрирована двумя фотографиями с музейных мероприятий, но нет изображения легендарной Погодинской избы в Хамовниках, где музей размещался в 1970–1980 гг. Заметим, что изображение этого известного памятника русско-

го стиля московской архитектуры было бы уместно и в статье о самом М.П. Погодине.

Не всегда удалось выдержать единообразие в характеристике музейной географии. Например, было отмечено наличие памятной доски Ф.И. Тютчеву в Москве и Мюнхене (с. 521), но пропущены доски в Санкт-Петербурге (Невский проспект, 40–42) и в Пушкине (место, где в Царском селе находился дом, где скончался поэт).

Впрочем, данные пожелания совсем не снижают высказанных ранее положительных оценок книги. Энциклопедия стала великолепной платформой презентации мира литературных музеев России во всем его многообразии на огромном географическом и этнокультурном пространстве. Выход такой энциклопедии – это рубежное событие в научной и культурной жизни России.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бак Д.П. История литературы и литературный музей: закономерности и взаимодействия // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / Авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. Л.И. Бородкин, А.Д. Яновский. М.: Этерна, 2015. С. 487–492. [Bak D.P. Istorija literatury i literaturnyj muzej: zakonornosti i vzaimodejstviya // Rol' muzeev v informacionnom obespechenii istoricheskoy nauki: sbornik statej / Avt.-sost. E.A. Vorontsova; отв. red. L.I. Borodkin, A.D. Yanovskij. M.: Eterna, 2015. S. 487–492.]
- Бак Д.П. History of Literature and Literary Museum: Patterns of Interaction // Role of Museums in Information Support of Historical Science: a collection of articles / Author-compiler E.A. Vorontsova; responsible editors L.I. Borodkin, A.D. Janovskiy. Moscow: Eterna, 2015. P. 487–492.
- Бак Д.П. Проект издания энциклопедии «Литературные музеи России» и новые алгоритмы работы сети российских литературных музеев // Диалог со временем. 2015. Вып. 52. С. 223–226. [Bak D.P. Proekt izdaniya enciklopedii «Literaturnye muzei Rossii» i novee algoritmy raboty seti rossijskih literaturnyh muzeev // Dialog so vremenem. 2015. Vyp. 52. S. 223–226.]
- Bak D.P. The project of the publication of the Encyclopedia «Literary Museums of Russia» and new algorithms in the work of the network of Russian literary museums // Dialog with Time. 2015. Issue 52. P. 223–226.
- Воронцова Е.А. Мир литературных музеев в зеркале энциклопедии «Литературные музеи России»: концептуальные основания проекта // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 2. С. 228–235 [Vorontsova E.A. Mir literaturnyh muzeev v zerkale enciklopedii «Literaturnye muzei Rossii»: konceptual'nye osnovaniya proekta // Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2015. № 2. S. 228–235].
- Vorontsova E.A. The world of literary museums in the mirror of the encyclopedia "Literary Museums of Russia": conceptual foundations of the project // Historical Journal: scientific research. 2015. No. 2. P. 228–235.
- Воронцова Е.А. Проект «Роль музеев-библиотек-архивов в информационном обеспечении исторической науки: итоги и перспективы» // Трансформация музеев-библиотек-архивов и информационное обеспечение исторической науки в информационном обществе. Сборник статей по материалам научно-практического семинара. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 265–275. [Vorontsova E.A. Proekt «Rol' muzeev-bibliotek-arhivov v informacionnom obespechenii istoricheskoy nauki: itogi i perspektivy» // Transformacija muzeev-bibliotek-arhivov i informacionnoe obespechenie istoricheskoy nauki v informacionnom obshchestve. Sbornik statej po materialam nauchno-prakticheskogo seminar. M.: INION RAN, 2017. S. 265–275.]
- Vorontsova E.A. Project «The role of museums-libraries-archives in the information support of historical science»: results and perspectives // Transformation of museums-libraries-archives and information support of historical science in the information society. Collection of articles based on the materials of the scientific and practical seminar. Moscow: INION RAS, 2017. P. 265–275.
- Воронцова Е.А. Отечественная литература – литературные музеи – энциклопедия «Литературные музеи в России»: предварительный анализ потенциала сформированного

информационного ресурса // «Учителя, ученики, коллеги...»: сборник статей к 60-летию Дмитрия Петровича Бака. М.: РГГУ, 2022. С. 713–721. [Vorontsova E.A. Otechestvennaya literatura – literaturnye muzei – enciklopediya «Literaturnye muzei v Rossii»: predvaritel'nyj analiz potenciala sformirovannogo informacionnogo resursa // «Uchitelya, ucheniki, kollegi...»: sbornik statej k 60-letiju Dmitrija Petrovicha Baka. M.: RGGU, 2022. S. 713–721]. Vorontsova E.A. Domestic literature – literary museums – encyclopedia «Literary museums in Russia»: preliminary analysis of the potential of the formed information resource // «Teachers, students, colleagues ...»: collection of articles for the 60th anniversary of Dmitry Petrovich Bak. M.: RSUH, 2022. P. 713–721.

Литературные музеи России: энциклопедия. Т. 2. М–Я. М.: ГМИРЛИ имени В.И. Даля, 2024. 740 с. [Literaturnye muzei Rossii: enciklopediya. T. 2. M–Ya. M.: GMIRLI imeni V.I. Dalja, 2024. 740 s.]. Literary Museums of Russia: encyclopedia. Vol. 2. M–Ya. M.: GMIRLI named after V.I. Dahl, 2024. 740 p.

Минаков А.С. Новые горизонты литературной России: первый опыт музейной энциклопедии // Диалог со временем. 2023. № 85. С. 336–342. [Minakov A.S. Novy'e gorizonty literaturnoj Rossii: pervyj opyt muzejnoj e'nciklopedii // Dialog so vremenem. 2023. Vyp. 85. S. 336–342.]. Minakov A.S. New perspectives of literary Russia the first experience of the museum encyclopedia // Dialog with Time. 2023. Issue 85. P. 336–342.

Репина Л.П. Междисциплинарность и история // Диалог со временем. 2004. № 11. С. 5–17. [Minakov A.S. Mezhdisciplinarnost' i istoriya // Dialog so vremenem. 2004. № 11. S. 5–17]. Repina L.P. Interdisciplinary and history // Dialog with Time. 2004. Issue 11. P. 5–17.

Энциклопедия «Литературные музеи России»: Методические материалы / Сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. Д.П. Бак. М., Издательство «Литературный музей», 2016. 288 с. [E'nciklopediya «Literaturny'e muzei Rossii»: Metodicheskie materialy' / Sost. E.A. Vorontsova; otv. red. D.P. Bak. M., Izdatel'stvo «Literaturnyj muzej», 2016. 288 s.]. Encyclopedia «Literary Museums of Russia»: Methodical materials / Comp. E.A. Vorontsova; ed. by D.P. Bak. M., Publishing house "Literary Museum", 2016. 288 p.

Минаков Андрей Сергеевич, доктор исторических наук, директор Дирекции изучения истории МПГУ, профессор кафедры истории России Московского педагогического государственного университета; ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН; minakovas@bk.ru

Literary museums of Russia in the space of humanitarian knowledge the results of a large-scale encyclopedia project

The review article is devoted to the second volume of the encyclopedia «Literary Museums of Russia», which completed a unique edition of the branch museum directory. The article examines the composition of the publication, methodological and source-based aspects of preparation, as well as the prospects for its scientific and educational development. The great advantage of the book is its very informative illustrations, reflecting both the history and the current state of literary museums and their activities. The contribution of the authors of the book to strengthening the theoretical basis of modern museology is obvious. The peer-reviewed publication provides a rich portrait gallery of not only prominent museum figures and scientists, but also writers who have contributed to museum construction. The book opens up to a wide audience and devotees of the museum business from different regions. The encyclopedia raises a wide range of issues that are important not only for museology, but also related to various fields of humanitarian knowledge.

Key words: museums, literature, culture, encyclopedia, museum business.

Andrey S. Minakov, Dr. Sc. (History), Head of the Directorate for the Study of History of MPSU, Professor of the Department of Russian History (Moscow Pedagogical State University); Leading Research Fellow, Institute of Russian History (RAS), minakovas@bk.ru

ОТ ВИЗАНТИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ К НОВОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ: О НОВОЙ КНИГЕ Э. КАЛДЕЛЛИСА*

Статья представляет собой критический отзыв на монографию американского византиниста Энтони Калделлиса «Новая Римская империя» (The New Roman Empire). В рецензии оценивается, видоизменилась ли концепция византийской истории, ранее сформулированная исследователем в монографии «Византийская республика», где Византия изображается уникальной правопреемницей античности в средневековом мире, и если да, то как. Формулируются основные черты того образа Византии, который создает Калделлис, предпринимается попытка объяснить его природу и происхождение.

Ключевые слова: Византия, Калделлис, Рим, империя.

Американский византинист греческого происхождения Энтони Калделлис вряд ли нуждается в представлении: благодаря прогремевшей в свое время эпатажной монографии «Византийская республика» (Kaldellis 2015) за ним прочно закрепилась репутация белой вороны¹ византинистики. Новый труд Калделлиса, на ту же тему становления и природы византийской государственности, носит название «Новая Римская империя», с подзаголовком «История Византии» (Anthony Kaldellis. The New Roman Empire: A History of Byzantium, Oxford University Press, 2023. 1160 p.). Амбиции автора в этот раз простираются дальше: не просто пересмотреть сложившиеся теоретические представления о Византийской империи, но максимально подробно изложить в контексте этого пересмотра всю ее историю. За девять лет, прошедших с выхода «Византийской республики», историк успел выпустить еще несколько монографий ревизионистского толка, но по более частным вопросам и без столь явной претензии на всеобъемлемость².

Во введении исследователь замечает, что 200–300 страниц мало для подобной работы, очевидным образом намекая на подобные попытки, предпринятые в последние годы его коллегами³. Объем книги составляет 900 страниц, не считая приложений, библиографии и указателей – что уже дало западной критике повод комплиментарно сравнить автора с Тредголдом и Острогорским⁴. В монографии десять ча-

* Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

¹ Или *enfant terrible*, как более мягко выразился Д. Г. Плешак (Плешак 2021).

² Русскоязычному читателю, вероятно, более известна переведенная на русский «Византийская кунсткамера» (Kaldellis 2017 / Калделлис 2021), по сути, сборник не всегда приличных анекдотов. Кроме того, в свет вышла работа об этническом составе Византийской империи (Romanland: Ethnicity and Empire in Byzantium, 2019).

³ Herrin 2007; Harris 2015.

⁴ Sarris 2024 (<https://engelsbergideas.com/reviews/the-secret-to-byzantiums-success/>).

Автор рецензии саркастично замечает, что для современных студентов освоение

стей, разбитых на 37 в общей сложности глав.

Конечно, главная интрига состоит в том, насколько автор сохранил прежние воззрения, сформулированные в «Республике». Нужно сразу сказать, что замена терминов в названии, с «республики» на «империю», не означает автоматической смены идейного каркаса. Для Калделлиса Византия по-прежнему видится продолжением Рима, правопреемницей античного мира, а не частью средневекового. Принципиальным для автора становится отказ от традиционного названия «Византия». Вместо него Калделлис использует слово «Романия» (*Romanía*)⁵. Истоки своей «Романии» автор возводит к принципату Августа. Именно на него, как утверждает Калделлис, ориентировался Константин I, от которого и можно вести отчет существования Византии (с. 11). По-своему это объясняет превращение «республики» в «империю» в названии монографии – и, казалось бы, приближает ее к традиционным представлениям. Но лишь на первый взгляд. Ассоциативно тут же приходят на ум работы Якова Межеричко, особенно последняя монография 2016 г., в которой тот последовательно доказывает, что Рим тех времен был не монархией, скрывающейся под маской прежней республики, а честной и, что немаловажно, успешной попыткой восстановить ее после столетия гражданских войн⁶. Если предположить, что Калделлис, пусть он даже незнаком с этой работой и действовал независимо, рассматривал сущность августовского режима так же, концептуальная разница с его предыдущей монографией нивелируется.

Основной набор тезисов, которые можно почерпнуть из первой, по сути, вводной и наиболее теоретической части новой монографии, «Новая империя» (*The New Empire*, с. 11–77), говорит о том, что это впечатление не ложное. Большинство постулатов выглядят заимствованными из «Византийской республики»: связи внутри «нового римского мира» носили горизонтальный характер, разъеденной коррупцией автократией считать Византию нельзя, главной целью всех политических акторов было «общее благо», обязательным залогом императорской легитимности было приятие со стороны подданных.

От двух наиболее спорных положений «Византийской республики», о секулярном характере Византии⁷ и якобы существовавшем у ромеев праве на восстание⁸, Калделлис, впрочем, похоже отходит. Во

такого объема приведет к психотравме, требующей вмешательства специалистов (the days are long gone when one could set undergraduate students a 1,000-page book as a mere part of their initial reading for a course. The therapy dogs would be summoned before you even had time to dictate the name Constantine Porphyrogenitus).

⁵ Интерес к этому термину Калделлис обозначил в одной из прошлых работ: Kaldellis 2019: 89–90.

⁶ Межеричкий 2016.

⁷ См. напр.: Александрова 2017: 169–170.

⁸ Именно это стало главным упреком, например, со стороны С. А. Иванова, прозвучавшим на презентации «Византийской республики» в Европейском университете

всяком случае он не столь радикален в освещении темы религии и разных форм гражданского противостояния. Его основная мысль о роли христианства теперь состоит в том, что оно вполне вписалось в рамки, установленные римским правом и государством (с. 62–77), а религиозная борьба была либо политической (с. 88), либо борьбой за ресурсы (с. 81). Смена же авторской риторики о мятежах на этот раз порождает новую, уже другую проблему, о которой будет сказано ниже, отдельно.

Подробно пересказать содержание всех десяти частей – составляющих без малого сорока глав в рамках рецензии представляется невыполнимой, да и вряд ли нужной задачей. С фактологической точки зрения автор скрупулезно излагает византийскую историю «от Адама до Потсдама», результатом чего оказывается полезный в первую очередь для новичков сборник, эдакий Companion, подобный вышедшему недавно коллективному труду по истории Северной Африки⁹. Интерес для специалистов может представлять сам образ Византии (или Романии), который конструируется благодаря его изложению.

Сложно отделаться от ощущения, что монография – это не просто попытка разрушить старое историографическое клише о Византии как отсталой, коррумпированной автократии, а политический манифест. Неслучайно в разделе «благодарности» автор пишет: «Наконец, я особенно благодарен молодым исследователям по всему миру, которые борются с неолиберальным скупердядством, политически ангажированным неприятием гуманитариев и превратностями системы трудоустройства и распределения грантов в академическом мире – чтобы распространять наше знание дальше и передавать любовь к нему следующим поколениям студентов».¹⁰ И нельзя сказать, что Калделлис воюет с ветряными мельницами, бросая вызов конъюнктуре западного академического мира с его антиколониалистской повесткой.

Симптоматично, что буквально одновременно, ноздря-в-ноздрю с монографией Калделлиса вышла другая работа с претензией на ревизионизм, но направленной в другое русло – «Вандальский рай» (Vandal Heaven) Саймона Элиотта. Автор этой работы в качестве цели своего труда обозначил реабилитацию вандальского королевства в Северной Африке, разрушение которого в ходе Юстиниановой «реконкисты», по его мнению, произошло против воли местного населения, в т.ч. и римлян; стало актом кровавого византийского империализма и привело к завоеванию региона арабами и его выпадению из ареала европейской

(<https://www.youtube.com/watch?v=jjIXsTySCM0>; 18-я минута записи). Показательно, что теперь в списке византийских императоров, замыкающем его труд, узурпаторы отмечены отдельно (с. 921).

⁹ И даже вдвое превосходящий его по объему (см.: Hitchner 2022).

¹⁰ С. 8: Finally, I am immensely grateful to young scholars around the world who are struggling—against the headwinds of neoliberal austerity, politicized hostility to the humanities, and the insecurities of adjunct employment and the project/grant system—to expand our knowledge of history and impart their love of it to the next generation of students.

цивилизации¹¹. Автор, в предисловии извиняющийся за то, что называет «варваров» «варварами»¹², объясняет потерю Африки Византией именно неэффективностью этой «коррупцированной автократии» (!)¹³.

Но по иронии судьбы, объявляя войну одним пропагандистским штампам, автор «Новой Римской империи» воспроизводит другие, не имеющие никакого отношения к исследуемой им эпохе, но оттого не менее узнаваемые. «Новая Римская империя» изображается не просто правопреемницей «старой». После распада империи на Восток и Запад в возведенной Калделлисом конструкции Константинополь становится главным хранителем традиционных западных ценностей, в то время как запад стремительно деградирует и варваризуется. Византия (т. е. Романия) веками живет в кольце врагов, окруженная ими как с запада, откуда ей грозят варварские королевства, а впоследствии держава Карла Великого и крестоносцы, так и с востока, где ее донимают персы, а затем – арабы и османы. Ромейская держава на протяжении всей истории своего существования стойко проходит сквозь все эти испытания, демонстрируя необычайную способность восстанавливаться после неудач и адаптироваться к новым обстоятельствам. Все это – благодаря воле мудрого руководства, способного убедить подданных, что все, что оно делает – в общих интересах и для общего блага; надо лишь сплотиться и потерпеть. Восстания, носящие характер крестьянских или сепаратистских, благодаря этому чрезвычайно редки.

Безусловный талант Калделлиса, позволяющий увидеть в нем исследователя, а не ведущего программы «Византия 24», состоит в том, что далеко не всегда эти тезисы проговариваются прямо (как напр. здесь: с. 480, 511). Читатель порой будто подталкивается к таким заключениям, благодаря к месту подобранным историком цитатам. Например, из наставления папы Григория Фоке о том, что «варварские» (т. е. западные) короли правят рабами, а только византийские, т. е. римские, т. е. настоящие, императоры – свободными людьми (с 347). Или из призыва Ираклия к ромеям биться, на сей раз с персами, не за что-нибудь, а за римский суверенитет (с. 364).

Нельзя пройти мимо и некоторых трогательных деталей, оживляющих повествование и явно рассчитанных на столь внимательное к ментальному здоровью юношество¹⁴. Например, штрихом к портрету не самого удачливого византийского императора Юстина II Калделлис делает панические атаки, возникшие на фоне поражения от персов и потери Дары (с. 326). Элемент – очень в духе развлекательной «Византийской кунсткамеры» (а вероятно, и заимствованный оттуда¹⁵) – и

¹¹ Elliott 2024: I–XIV.

¹² Elliott 2024: VIII.

¹³ Elliott 2024: 179–190.

¹⁴ Ср. замечание Сарриса (Sarris) в сноске 4.

¹⁵ В «Кунсткамере» Калделлис просто констатирует, что Юстин сошел с ума (Калделлис 2021: 89).

вполне способный пробудить сочувствие и интерес к византийскому правителю у подрастающего поколения.

То ли в силу некоторой ангажированности, желания показать Византию античным «лучом света» в средневековом «темном царстве», то ли в силу гигантского объема обработанного материала, книга не свободна от противоречий. Из того, что бросается в глаза: например, непонятно, как увязывается центральный тезис монографии об античном характере византийской державы на протяжении всего ее существования с высказыванием, что сравнительно ранний император Юстиниан I фактически загубил всю классическую культуру и образование (с. 340).

Но гораздо в большей степени стройную картинку Византии как единого организма разрушают упоминания разного рода внутренних конфликтов. «Зеленые» ненавидят «синих», халкидониты – миафизитов, александрийцы – антиохийцев, и так далее. Конфликты эти то затухают, то разгораются, иногда их участники вынужденно консолидируются, но внутреннее противоборство по тому или иному принципу оказывается неизменным атрибутом Византии. Само по себе выражение *civil war*, «гражданская война», употребляется в книге 122 раза, в подавляющем большинстве случаев относясь именно ко внутривизантийским делам (далеко не исчерпывающий список примеров: с. 12, 57 - 58, 80, 98, 129, 197, 234, 275, 427, 436, 450, 573-599, 629, 767, 915).

Несмотря на восхищенный тон автора по поводу стойкости державы ромеев, трудно избавиться от ощущения, что залогом стабильности Византии в ее тысячелетнем существовании было не общественное согласие, а общественный раскол. У «холодной гражданской войны», *cold civil war*¹⁶, менялись участники, вокруг нее менялись декорации, и только она сама оставалась неизменной, как будто цементирующей византийскую государственность – как и предыдущую, римскую.

С научной точки зрения этот феномен так и не получает в книге внятного объяснения. Но будучи выводим из найденных в монографии противоречий, значительно расширяет ее практическую значимость. поскольку затрагивает не просто замкнутый на себе исторический контекст античной или средневековой эпохи, а позволяет задаться вопросом о сущности империи и цене ее существования в принципе. И приобретает особенную актуальность в свете попыток построить после «второго Рима» какой бы то ни было «третий». Весьма поучительным, или даже пророческим, выглядит резюме монографии (с. 915): в конце концов погрузившиеся в междоусобные дразги политические элиты Константинополя утратили саму идею «общего блага» и привели Византию к поражению в борьбе с конкурирующими империализмами: Османским и зарождающимся западноевропейским. Как говорят в таких случаях, все совпадения случайны, но неизбежны.

¹⁶ Калделлис использует и такой термин: с. 197, 234.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Александрова Т.Л. Рецензия на кн.: Kaldellis A. *The Byzantine Republic. People and Power in New Rome*. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts and London. England, 2015 // Вестник ПСТГУ. Серия 3. Вып. 50 (1). 2017. С. 167–170. [Aleksandrova T.L. Recenziya na kn. Kaldellis A. *The Byzantine Republic. People and Power in New Rome*. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts and London. England, 2015. (Review) // Vestnik PSTGU. 3. 50(1), 2017. P. 167–170].
- Византийская республика: народ и власть в Новом Риме. Сергей Аркадьевич Иванов [Vizantijskaya respublika: narod i vlast' v Novom Rime. Sergej Arkad'evich Ivanov (The Byzantine Republic: People and Power in New Rome. S. A. Ivanov)] // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jjIXsTySCM0>.
- Калделлис Э. Византийская кунсткамера. Неортодоксальные факты из жизни самой православной империи. Пер. с англ. А. Ю. Виноградова, под ред. С. А. Иванова. М. 2021. [Kaldellis E. *Vizantijskaya kunstkamera. Neortodoksal'nye fakty iz zhizni samoj pravoslavnoj imperii*. Per. s angl. A. YU. Vinogradova, pod red. S. A. Ivanova. (A Cabinet of Byzantine Curiosities: Strange Tales and Surprising Facts from History's Most Orthodox Empire. Trans. A. Vinogradov, ed. S. Ivanov). M. 2021].
- Межеричский Я. Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М. 2016. [Mezherickij YA. YU. «Vosstanovlennaya respublika» imperatora Avgusta. (Res publica restituta of emperor Augustus). M. 2016].
- Плешак Д. Г. Монархическая республика Византия. Как историк Энтони Калделлис переворачивает наши представления об устройстве власти в Византийской империи. 20 января 2021 г. [Pleshak D. G. *Monarhicheskaya respublika Vizantiya. Kak istorik Entoni Kaldellis perevorachivaet nashi predstavleniya ob ustrojstve vlasti v Vizantijskoj imperii*. (The Monarchical Republic of Byzantium. How historian Anthony Kaldellis overturns our ideas about the power structure of the Byzantine Empire. January 20, 2021)] // URL: <https://knife.media/byzantine-republic/>
- Elliott S. *Vandal Heaven: Reinterpreting Post-Roman North Africa*. Havertown, PA. 2024.
- Harris J. *The Lost World of Byzantium*. New Haven / London. 2015.
- Herrin J. *Byzantium: The Surprising Life of a Medieval Empire*. London, 2007.
- Hitchner R. B. (ed.). *A Companion to North Africa in Antiquity*. Hoboken. 2022.
- Kaldellis A. *The Byzantine Republic: People and Power in New Rome*. Cambridge, MA / London. 2015.
- Kaldellis A. *A Cabinet of Byzantine Curiosities: Strange Tales and Surprising Facts from History's Most Orthodox Empire*. New York/Oxford. 2017.
- Kaldellis A. *Romanland: Ethnicity and Empire in Byzantium*. Cambridge, MA / London 2019.
- Sarris P. *The secret to Byzantium's success* // URL: <https://engelsbergideas.com/reviews/the-secret-to-byzantiums-success/>

Никольский Иван Михайлович, к. и. н. доцент РАНХиГС, ivan.nikolsky@mail.ru

From the Byzantine Republic to the New Roman Empire: on the New Book by A. Kaldellis

The paper is a critical review of the monograph *The New Roman Empire* by the American Byzantinist Anthony Kaldellis. The review assesses whether the concept of Byzantine history, previously formulated by the researcher in his monograph *The Byzantine Republic*, which portrays Byzantium as a unique successor of antiquity in the medieval world, has changed, and how, if so. The main features of the image of Byzantium that Kaldellis creates are formulated, and an attempt is made to explain its nature and origin.

Keywords: *Byzantium, Kaldellis, Rome, empire.*

Ivan M. Nikolsky, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), ivan.nikolsky@mail.ru.

ТЕКСТЫ И СМЫСЛЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

В статье рецензируется книга И. Р. Чикаловой «[Не]забытая война: Первая мировая война в документах, публицистике, воспоминаниях и исследованиях современников (1914–1941)», 2-е изд., доп. и перераб. (Минск: Беларуская навука, 2024. 507 с.)¹ как методологически новаторское комплексное исследование Великой войны в жанре интеллектуальной истории. Автор раскрывает ход и различные аспекты Первой мировой войны, опираясь на опубликованные на протяжении 1914–1941 гг. источники, созданные ее участниками и современниками. В книге рассматривается также историографическая рефлексия Первой мировой войны в научных исследованиях межвоенного времени. Книга осмысливается как многоуровневый нарратив, представляющий совокупность и систему текстов – собственно авторского, текстов источников и научных работ, созданных на протяжении 1914–1941 гг., а также гипертекста самой книги в единстве ее иллюстративной и текстовой составляющей. Представленная книга выступает примером гибридного жанра, соединяя в себе исторический нарратив, источниковедческое исследование и историографическую рефлексию, являясь одновременно ярким примером работы в парадигме интеллектуальной истории. Автор создает собственную конструкцию исторической памяти о Первой мировой войне, что весьма востребовано в актуальных социокультурных и политических реалиях.

Ключевые слова: *Первая мировая война, интеллектуальная история, источниковедение, письменные источники, историография, историческая наука межвоенного периода, текст, интерпретация, историческая память.*

При знакомстве с новой книгой доктора исторических наук, профессора И. Р. Чикаловой взгляд задерживается на названии. «[Не]забытая война». В публичном дискурсе давно привычными стали слова «памятное», «забвению не подлежит», «никогда не забудем», «память поколений», «незабывое» и подобные им. Здесь же потенциальный читатель видит слово, в котором приставка «не» окружена квадратными скобками. С одной стороны, совсем забытой эту войну назвать нельзя. С другой – наши знания о Первой мировой войне в общем поверхностны и отношение к ней достаточно индифферентное.

Действительно, вряд ли можно сейчас получить ощутимые политические дивиденды от итогов Первой мировой войны. Напротив, трактовки Второй мировой и Великой Отечественной войны зачастую приобретают характер информационного противоборства. В свое время большевики выдвинули лозунг «превратим войну империалистическую в войну гражданскую». И Гражданская война заслонила Первую мировую – империалистическую и антинародную в оценках советской историографии. Потери и значимость Второй мировой войны еще больше отодвинули Первую мировую на периферию исторической памяти. Од-

¹ См. также: Чикалова И. Р. [Не]забытая война: Первая мировая война в документах, публицистике, воспоминаниях и исследованиях современников (1914–1941). Минск: Беларуская навука, 2022. 426 с.

нако такое положение по отношению к войне, которую называли Великой, а в России – Второй Отечественной (наряду с войной 1812 г.) нельзя признать правильным. Война 1914–1918 гг. привела к двум революциям, распаду Российской империи и созданию независимых национальных государств, память о которых весьма востребована и актуальна в постсоветских политических реалиях.

Предвоенные десятилетия позднее назовут «прекрасной эпохой» – по контрасту с итогами Великой войны, приведшей к миллионам погибших и покалеченных, гибели империй, новому мировому порядку и психологической драме «потерянного поколения». Еще более трагическими были итоги Второй мировой войны, сейчас все настойчивее говорят о Третьей мировой войне. Несмотря на реалии XXI в., описанное в «[Не]забытой войне...» производит эффект «дежавю». Информационная война, борьба спецслужб, соревнование пропаганды, гонка вооружений, достижения и провалы командования, сотни тысяч беженцев, сотни тысяч погибших... – не являемся ли мы сегодня свидетелями того же самого? «[Не]забытая война...» попадает в нерв сегодняшнего дня, заставляет размышлять и сопоставлять. Можно ли больше сказать об огромной социальной значимости этой книги?

Исследование И. Р. Чикаловой представляет собой объемное и многомерное конструирование исторической и социальной памяти о Первой мировой войне. Многомерность выступает в нескольких аспектах. Во-первых, «[Не]забытая война...» – это произведение современной историографии. Налицо антропологический подход – в «[Не]забытой войне...» десятки действующих лиц, их судьбы автор включает в повествование, расширяя его временные рамки. Дискурсивный подход наполняет книгу оригинальными текстами, истолкование которых – дело не только автора, но и читателя. Книга создана в парадигме «мемориального поворота». Суть его заключается в рассмотрении историками событий или явлений не как таковых, а самой памяти о них, сохранившейся в сознании общества². При этом память не только фиксируется, транслируется и функционирует, но и может быть визуализирована для социальных целей, что нашло свое отражение в коммеморации и коммеморативных практиках³.

Во-вторых, говоря о конструировании памяти о войне, И. Р. Чикалова делает акцент на «опубликованных текстах, публицистических и научных, разных жанров и тематики»⁴, ставших средством этого конструирования. Однако приводимые тексты – это не только средство, но и отдельный сюжет и уровень понимания, предложенный читателю. Они самоценны, оригинальны и могут осмысливаться как самостоятельные части книги.

² Леонтьева 2015: 59.

³ Ландина 2023.

⁴ Чикалова 2024: 493.

Наконец, еще одним компонентом созданной конструкции является авторский текст – нарратив, комментарии и оценки. Текст автора выполняет ключевую функциональную задачу – служит каркасом книги. Благодаря ему «[Не]забытая война...» не воспринимается как публикация источников, их аннотированный пересказ или хрестоматия по истории Первой мировой. Таким образом, три уровня текстов пересекаются, фрагментируются и создают эффект совместного воздействия.

Пространство текстов структурировано согласно решению авторских задач. Первая из них – создание последовательного повествования о Великой войне. Второй задачей является освещение в заданном формате отдельных ее аспектов. Третьей задачей представляется раскрытие осмысления Первой мировой войны в историографической динамике. Это достигается через преломление феномена войны в разнообразных письменных источниках, вышедших в публичное пространство, а также путем историографической рефлексии в работах 1918–1941 гг.

Автор начинает с реконструкции кануна войны и его отражения в социокультурном пространстве, когда дипломатическая борьба и общественные настроения сразу же находили отзыв в разнообразных печатных изданиях «здесь и сейчас». Следующая тема – образы «своих» и «чужих», точнее, технология их создания, наглядно вскрываемая И. Р. Чикаловой. В частности, приведенные автором цензурные предписания в освещении военных событий⁵ – одна из многих «фишек» «[Не]забытой войны». Глава «Война в письмах, дневниках, воспоминаниях ее российских участников...» на основе документов раскрывает ряд проблем: ход боевых операций, вооружение и кадровый состав армии, оценки высшего командования и Николая II как главнокомандующего. Большой интерес для читателя представляет, например, анализ состояния армии после Февральской революции⁶, аргументация Л. Д. Троцким своей позиции на переговорах в Бресте⁷ и т.д. Отдельным блоком выступает рефлексия войны в переведенных на русский язык работах зарубежных политиков, военных, ученых. Перед читателем открывается возможность сопоставления трактовок одних и тех же событий российскими и зарубежными авторами.

Вызывает закономерный интерес раздел, посвященный отражению войны в мемуарах и трудах работников и руководителей спецслужб. Вот, например, один из ярких сюжетов «[Не]забытой войны» о немецком шпионаже в 1914 г. во время боев в Восточной Пруссии: «Это была женщина исключительной красоты. К тому же она была ловка и обаятельна. Благодаря ее информации по некоторым вопросам Гинденбургу удалось задержать русское наступление в Восточную Пруссию... Из своей гостиницы, расположенной позади русского

⁵ Чикалова 2024: 75–76.

⁶ Чикалова 2024: 256–265.

⁷ Чикалова 2024: 379–380.

фронта, она посылала с почтовым голубем в генеральный штаб Германской армии информацию о ходе наступления русских. Внезапным нападением на центр и фланги германцы вбили клин между обеими русскими армиями, которые стали поспешно отступать. Этот удар привел, в конечном счете, к катастрофе у Мазурских озер»⁸.

Если рассматривать работу с утилитарных позиций исследователя, работающего в данной проблематике, книга имеет огромную ценность, предоставляя готовый массив информации для поиска различных групп письменных опубликованных источников. Нельзя переоценить и массу сведений об этих источниках – о позиции авторов, самих авторах, времени, месте и условиях создания и публикации и т.д.

Особую важность имеет заключительная историографическая глава, построенная по проблемно-хронологической схеме и объясняющая востребованность изучения Великой войны в СССР в межвоенный период. Читателю представлен ряд авторов, бывших очевидцами и участниками событий, и их работ, написанных «по горячим следам». Характеризуя содержательную сторону последних, И. Р. Чикалова одновременно раскрывает социально-политические условия развития советской историографии – относительный плюрализм 1920-х гг., господство «школы Покровского» и затем утверждение в трактовках Первой мировой войны сталинского историографического канона. Таким образом, источниковедение и историография превращаются в книге И. Р. Чикаловой в нечто иное, нежели традиционная нормативная часть любого исследования. Создается последовательный и познавательный для читателя научный нарратив, который можно отнести к своеобразному гибриднему жанру.

Смыслы, заключенные в «[Не]забытой войне...», генерируют ряд неожиданных и неутешительных выводов. Да, это война, где десятки тысяч погибших – просто статистика. Но зачем это? Неужели ради таких итогов: «Бои продолжались (в Нарочской операции – Л. Л.) с 18 по 30 марта 1916 г. Немцы потеряли 30–40 тыс. человек, русские – около 100 тыс. солдат и офицеров, *однако преодолеть глубоко эшелонированную, хорошо укрепленную оборону противника русским войскам в условиях весенней распутицы, не удалось, и существенного продвижения не произошло (здесь и далее курсив мой – Л. Л.)*. Тем не менее Нарочская операция свою роль сыграла: германское командование перебросило в район военных действий на Нарочи две дивизии из Бельгии и две из Восточной Пруссии, которые могли бы быть использованы под Верденом»⁹. Как тут не вспомнить катастрофу Первой и Второй русских армий в Восточной Пруссии в августе-сентябре 1914 г., ценою которой французы и англичане победили на Марне... Барановичская операция в июне 1916 г., попытка русского наступления: «*В результате атак наступающий овладел 1–2 рядами на нескольких участках обороны, но ни удержать, ни раз-*

⁸ Чикалова 2024: 331.

⁹ Чикалова 2024: 427.

вить успеха не мог... Общие потери... русских – до 120 тыс. человек...» Немцы потеряли до 40 тыс. человек. Правда, «германское командование не смогло перебросить войска с этого участка фронта против наступления генерала А. А. Брусилова за Западной фронте»¹⁰.

В чем же величие этой Великой войны? Где ее славные победы? Может быть, закономерно произошли Февраль и Октябрь 1917 г. при такой безысходности взаимного истребления людей с обеих сторон? Межвоенная стабилизация продлилась недолго – «мнение о начале Второй мировой войны уже в 1935 г. было широко распространено в СССР»¹¹. Вторая мировая принесла биполярный мир. Но и он рухнул. И вновь идут войны. Как тут не вспомнить обращение к павшим солдатам из «Старинной солдатской песни» Б. Окуджавы: «Спите себе, братцы, — все начнется вновь, / Все должно в природе повториться: И слова, и пули, и любовь, и кровь... / Времени не будет помириться».

То, что «война не кончается, она отдыхает»¹², отражает обложка книги. На ней изображен не имеющий начала и конца путь солдат в форме армий XX в. Люди устало идут по кроваво-ржавой земле, на которой могильные кресты и колючая проволока перемежаются со сгоревшей травой. Шествие отражается в реке. Ее вода с едва заметной рябью течет на запад. Туда, куда, как считается, уходят души умерших, и куда идут пока еще живые. Это – река забвения, отражающиеся в ее водах фигуры солдат размываются и ломаются. Вода в реке – свинцово-бурого цвета, с пятнами то ли крови, то ли заката. В разрезающем серое небо солнечном свете видно, как на восток, туда, где рождается новый день, летит стая журавлей – птиц, которые, в отличие от идущих на смерть людей, свободны. Может быть, создатели этой картины вспомнили и такие строки: «Мне кажется порою, что солдаты, / С кровавых не пришедшие полей / Не в землю нашу полегли когда-то, / А превратились в белых журавлей...»¹³. О визуальной составляющей книги нужно сказать отдельно. Дизайн шрифтов начала XX в., подложка, имитирующая пожелтевшую бумагу старого документа, фотографии времен войны создают особую тональность восприятия. Но это далеко не все. Книга полна портретов персоналий, и перед читателем проходит эпоха в лицах. «Героями» повествования выступают также издания, вышедшие на протяжении 1914–1941 гг. и иллюстрирующие издательскую культуру первых десятилетий XX в.

Вдумчивое чтение предполагает замечания и предложения. Так, говоря о ценности визуальной составляющей, нужно отметить и ее предметный минимализм – читателю представлены портреты и изда-

¹⁰ Чикалова 2024: 430–431.

¹¹ Чикалова 2024: 491.

¹² Автор этого афоризма – польская писательница Уршуля Козел (р. 1931 г.)

¹³ Песня «Журавли», ставшая культовой для нескольких поколений, была создана композитором Яном Френкелем на стихи Расула Гамзатова и впервые исполнена Марком Бернесом в июле 1969 г.

ния. Это, возможно, авторская позиция, но имеющийся изобразительный ряд скорее распаляет визуальный голод. Так, рассказ о вооружении и анализ сражений Первой мировой приобрели бы новое качество при сопровождении их иллюстрациями и картами из межвоенных изданий.

Антропология войны – тема неисчерпаемая. Представляется, что раздел о повседневности войны стал бы интереснейшей частью книги. Женщины и дети, военный быт и медицина, оккупационный режим и жизнь в тылу – темы, раскрытие которых не оставит читателя равнодушным.

Сараевское убийство и последовавшие за ним события, естественно, являются предметом пристального авторского внимания. Но, говоря столько о Сербии и Австро-Венгрии, было бы желательно при рассмотрении сути конфликта обратиться непосредственно к текстам дипломатических документов. Выдержки из первоисточников задали бы оптимальный ракурс восприятия и, вероятно, подтолкнули бы читателя к собственным выводам.

Завершающий раздел 5.5. «Война, революция и новый мировой конфликт» по своему месту и глубине обозначенных проблем предполагает очерчивание целого ряда принципиально важных вопросов, что в общем сделано. Однако практически вне авторского внимания остался распад Российской империи и создание независимых республик в Прибалтике, Финляндии, Украине, Польше, Беларуси, Закавказье и др. Разумеется, данная проблематика огромна и является предметом отдельного рассмотрения. Тем не менее, минимальный соответствующий авторский текст был бы необходим, и в первую очередь для понимания ряда проблем международных отношений в рамках Версальско-Вашингтонской системы.

Каждый, прочитавший «[He]забытую войну...», сформулирует собственные выводы и пожелания. И это естественно – тексты для того и существуют, чтобы порождать интерпретации. Книга И. Р. Чикаловой представляет собой одновременно и конструирование исторической памяти, и раскрытие авторской позиции в осмыслении о Первой мировой войны. «[He]забытая война...» – это и версия исторического нарратива, созданного историком-профессионалом, и историографический источник, и в известной мере источниковедческое исследование. Как уже было отмечено, жанр книги можно определить как гибридный, и созданное в его рамках произведение представляется весьма удачным.

В научном же аспекте исследование И. Р. Чикаловой – фундаментальное рассмотрение истории Первой мировой войны в жанре интеллектуальной истории. «[He] забытая война...» – пример нового образа исторической науки, основанного на памяти о прошлом непосредственно рассматриваемого социума, что приводит историка «на новое исследовательское поле – истории исторической культуры»¹⁴. «[He] забытая война...» представляет собой также масштабный обобщающий

¹⁴ Профессиональная историография.... 2017: 6

проект, который открывает целый ряд направлений дальнейшего изучения в русле данной тематики, что может только приветствоваться.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ландина Л. В. Коммеморация как объект междисциплинарного знания // Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 1 (47). С. 15–26. [Landina L. V. Kommemoratsiya kak obyekt mezhdisciplinarnogo znaniya (Commemoration as an object of interdisciplinary knowledge) // Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta kulture i iskusstv. 2023. № 1 (47). P. 15–26].
- Леонтьева О. Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 59–96. [Leontyeva O. B. «Memorialnyy povorot» v sovremennoy rossiyskoy istoricheskoy nauke ("Memorial turn" in modern Russian historical science) // Dialog so vremenem. 2015. Vyp. 50. P. 59–96].
- Профессиональная историография и историческая память: опыт пересечения и взаимодействия в сравнительно-исторической перспективе. Под ред. О. В. Воробьевой, О. Б. Леонтьевой. М.: Аквилон, 2017. [Professionalnaya istoriografiya i istoricheskaya pamyat: opyt peresecheniya i vzaimodeystviya v sravnitelno-istoricheskoy perspective (Professional historiography and historical memory: the experience of intersection and interaction in a comparative historical perspective). Pod red. O. V. Vorobyeyov, O. B. Leontyeyov. M.: Akvilon. 2017].
- Чикалова И. Р. [Не]забытая война: Первая мировая война в документах, публицистике, воспоминаниях и исследованиях современников (1914–1941). Минск: Беларуская навука, 2022. [Chikalova I. R. [Ne]zabytaya voyna: Pervaya mirovaya voyna v dokumentakh, publitsistike, vospominaniyakh i issledovaniyakh sovremennikov (1914–1941) ([Not] Forgotten War: World War I in documents, journalism, memories and studies of contemporaries (1914–1941)). Minsk: Belaruskaya navuka, 2022].
- Чикалова И. Р. [Не]забытая война: Первая мировая война в документах, публицистике, воспоминаниях и исследованиях современников (1914–1941). 2-е изд. Минск: Беларуская навука, 2024. [Chikalova I. R. [Ne]zabytaya voyna: Pervaya mirovaya voyna v dokumentakh, publitsistike, vospominaniyakh i issledovaniyakh sovremennikov (1914–1941) ([Not] forgotten war: World War I in documents, journalism, memories and studies of contemporaries (1914–1941)). 2-ye izd., Minsk: Belaruskaya navuka, 2024].

Ландина Лариса Владимировна, д. и. н., доцент, профессор, Белорусский государственный университет культуры и искусств; larisa-hist@mail.ru

Texts and Meanings of the First World

The article reviews the book of Doctor of Historical Sciences, Professor I.R. Chikalova "[Not] forgotten war: World War I in documents, journalism, memoirs and studies of contemporaries (1914-1941)," 2nd ed., Addendum and revision. (Minsk: Belarusian Navuk, 2024. 507 pp.) As a methodologically innovative comprehensive study of the Great War in the genre of intellectual history. The author reveals the course and various aspects of the First World War, relying on published during 1914-1941. sources created by its participants and contemporaries. The book also considers the historiographic reflection of the First World War in scientific studies of interwar times. The book is understood as a multi-level narrative, representing the totality and system of texts - actually author's, texts of sources and scientific works created during 1914-1941, as well as the hypertext of the book itself in the unity of its illustrative and textual component. The presented book is an example of a hybrid genre, combining historical narrative, source study and historiographic reflection, while being a vivid example of work in the paradigm of intellectual history. The author creates his own construction of historical memory of the First World War, which is in great demand in current socio-cultural and political realities.

Key words: *First World War, intellectual history, source study, written sources, historiography, historical science of the interwar period, text, interpretation, historical memory.*

Larisa V. Landina, Dr.Sc. (History), Docent, Professor, the Belarusian State University of Culture and Arts; larisa-hist@mail.ru

Т.В. ЗВЕРЕВА

«БАРОНЫ ГОЛЛИЗМА» НА ФОНЕ ПОРТРЕТА ЭПОХИ

Книга видного российского историка, доктора исторических наук, профессора Марины Цолаковны Арзаканян «Сподвижники де Голля» повествует о жизни и творчестве наиболее ярких соратников и преемников генерала де Голля. Автор представляет их биографии в историческом контексте, рисуя широкое полотно политической жизни Франции XX в. Получили отражение такие ключевые события, как Вторая мировая война, алжирская проблема, специфика партийно-политической жизни Франции, а также вопросы государственного строительства в первые годы Пятой Республики. Особенность рецензируемого издания, как и всего творчества М.Ц.Арзаканян, состоит в том, что в нем уделено большое внимание психологии героев. Автор исследует, что повлияло на характер того или иного сподвижника Голля, чем руководствовался тот или иной политический деятель при принятии решений, многие из которых стали судьбоносными для самой Франции. Главный герой книги – сам Шарль де Голль, который незримо присутствует на ее страницах, объединяя своих соратников и направляя их деятельность. Новая работа М.Ц. Арзаканян во многом дополняет предыдущие исследования жизни и творчества де Голля, выходявшие ранее из-под ее пера и получившие заслуженное признание.

Ключевые слова: Франция, генерал де Голль, война в Алжире, конституция Пятой республики, голлисты у власти, Андре Мальро, Жак Сустьель, Жорж Помпиду.

В эпоху господства интернета трудно удивить читателя биографией какого-либо политического деятеля. Практически о каждом можно прочитать в различных электронных изданиях, с большей или меньшей достоверностью описывающих его основные достижения, ошибки, а также ключевые этапы жизненного пути. Казалось бы, нет особой необходимости утруждать себя чтением толстых фолиантов, тем более что жизнь становится все более сложной и насыщенной, а средства массовой информации быстро предоставляют сведения на любой вкус. Однако увидевшая свет в 2024 г. книга видного историка Марины Цолаковны Арзаканян «Сподвижники де Голля», написанная с блеском и глубоким знанием предмета, безусловно, заслуживает самого пристального внимания. Ее уникальная особенность состоит в том, что, уделяя большое внимание психологии героев, автор, вместе с тем, представляет их биографии в широком историческом контексте.

Рецензируемое издание состоит из семи биографических очерков, повествуя о жизни и творчестве наиболее ярких соратников и преемников генерала де Голля. Это – два президента Пятой республики – Жорж Помпиду и Жак Ширак, три премьер-министра – Мишель Дебре, Жак Шабан-Дельмас, Эдуар Балладюр, а также два блестящих представителя французской интеллектуальной элиты – ученый-этнограф Жак Сустьель и писатель Андре Мальро. Хотя «картинная галерея» состоит из портретов семи выдающихся французских политиков, ее самый главный герой, фактически ее основное действующее лицо - сам Шарль де

Голль. Он незримо присутствует на страницах книги, объединяя ее персонажей и направляя их деятельность. Новая работа М.Ц. Арзаканян во многом дополняет все предыдущие исследования жизни и творчества де Голля, выходявшие ранее из-под ее пера и получившие заслуженное признание. Читатель узнает много нового, получая возможность взглянуть на него глазами его ближайших сподвижников, так называемых «баронов голлизма». Важная грань личности де Голля – он, как никто другой во Франции XX в., умел собрать в «единую команду» и сплотить ярких, поистине выдающихся людей для решения задач, стоявших перед страной. Автору книги удалось еще больше оживить образ де Голля, при этом не лишая его привычной монументальности, не умаляя достоинств и достижений. Эта крупная политическая фигура как бы возвышается над соратниками. Все они высоко ценили возможность работы под его руководством и, тем более, личную дружбу с ним. Отношение сподвижников к де Голлю можно выразить словами одного из самых ярких персонажей, Андре Мальро. Будучи в 1945 г. представленным генералу, он четко осознал, что ему довелось познакомиться «с воплощением самой Франции», а впоследствии написал, что нашел де Голля «полностью соответствующим мифу о нем» (93). Не случайно, память о «самом известном французе XX века» жива и в наши дни, причем наследие легендарного президента стремятся «присвоить» себе практически все политические силы современной Франции как правого, так и левого толка.

Все герои книги оставили яркий след в истории Франции, поэтому повествование о конкретных судьбах выдающихся французских политиков, – прежде всего портрет эпохи. Каждая статья представляет собой законченное научное исследование, на первый взгляд, мало зависящее от других. Однако по мере знакомства с «картинной галереей» постепенно становится ясно, что все семь очерков находятся в тесной взаимосвязи, дополняя друг друга. Автору удалось не просто создать биографии отдельных крупных политических фигур, а расцветить новыми красками саму историю Франции XX в. Читатель получает возможность посмотреть на одни и те же события сквозь призму политических судеб выдающихся французских политиков, окружавших де Голля.

Для будущих соратников знаменитого генерала важным рубежом стала Вторая мировая война. Поэтому книга содержит интересные факты о том, как проходила организация и укрепление сил французского Сопротивления и какую роль в этом процессе играли сподвижники де Голля. Первым среди персонажей книги к опальному генералу в Лондоне присоединился молодой, но уже очень известный ученый-этнограф Жак Сустель, постепенно развернувший активную деятельность в поддержку основанной де Голлем «Свободной Франции» и в дальнейшем возглавивший Центральное бюро разведки и действий (БСРА) (14–15). Организацией антифашистского подполья под руковод-

ством де Голля на территории оккупированной Франции успешно, несмотря на огромный риск, занимался и другой сотрудник БСРА – Жак Шабан-Дельмас, получивший в это время закрепившийся за ним на всю жизнь псевдоним Шабан (141–142). Мишель Дебре уже с 1942 года находился в рядах подпольного Сопротивления (50), помогая Жану Мулену объединить все оппозиционные режиму Виши силы. Особый интерес представляет собой и информация о сотрудничестве во время Второй мировой войны французских (деголлевских) и советских спецслужб, почерпнутая автором в Архиве Коминтерна. (19–20). Новые краски в картину франко-советских отношений этого периода добавляют материалы Архива внешней политики России (21).

Повествование о других исторических событиях, имевших в истории Франции особое значение, - о войне в Алжире - местами напоминает остросюжетный авантюрный роман. На страницах издания получила отражение атмосфера тех лет, в которой Алжирская война занимала центральное место. Автору удалось показать, насколько сложной и противоречивой была проблема Алжира и какое огромное значение она имела для всего голлистского движения. В течение долгих десятилетий многим поколениям французов со школьной скамьи внушалось, что Алжир – неотъемлемая часть Франции и что защита ее интересов там – патриотический долг каждого гражданина республики. Ситуация усугублялась тем, что на момент начала антифранцузского восстания в ноябре 1954 года в Алжире проживало около одного миллиона французов и других европейцев. В силу особенностей законодательства они занимали там привилегированное положение, никак не хотели с ним расставаться и продвигали идею войны с местными повстанцами до победного конца. Сторонники французского Алжира – алжирские «ультраколониалисты» - были поддержаны большинством жителей метрополии (58), включая многих голлистов. В 1958 году они объединились вокруг де Голля, призвав его к власти в надежде на то, что, как в 1944 году, он приведет Францию к победе. В этих условиях, генерал, казалось бы, должен был продолжать колониальную битву «до победного конца». Однако национальные интересы Франции требовали скорейшего завершения вооруженного конфликта. Добиться полного поражения алжирских повстанцев было невозможно, а многолетняя колониальная война истощала Францию, забирая тысячи молодых жизней, дестабилизируя внутреннюю политику, осложняя социально-экономическое положение и подрывая международный престиж страны. В этих условиях де Голль, призванный в 1958 г. голлистами во власть для наведения порядка и победного завершения войны, принял решение о предоставлении Алжиру независимости, не побоявшись вступить в открытый конфликт по этому ключевому для Франции вопросу даже с некоторыми своими ближайшими сподвижниками. В целом, все разделы, связан-

ные с войной в Алжире и написанные на источниках, читаются «на одном дыхании».

В книге получили отражение и многие другие важные события той эпохи, в том числе, напрямую связанные с государственным и партийным строительством, непосредственными творцами которого были герои повествования. Так, большое внимание уделено специфике действующей до сих пор конституции Пятой республики, проект которой готовился под руководством Дебре (60). Нельзя не упомянуть и об огромном интеллектуальном и практическом вкладе талантливого и трудолюбивого Помпиду в создание государственной и партийной системы Пятой республики. Биографии сподвижников де Голля, изложенные на фоне широкого исторического полотна и помещенные в соответствующий политический контекст, представляют собой значительный вклад в изучение истории Франции XX в.

Психологические портреты

Отличительной чертой данного издания, как и в целом, всего творчества М.Ц. Арзаканя, является глубокое проникновение во внутренний мир тех персонажей, о которых она повествует. Автор стремится не просто представить сухие факты из жизни каждого политика, но в определенной степени стать его alter-ego, а для этого – понять и объяснить, как формировалась та или иная историческая личность. Читатель узнает, чем руководствовался тот или иной политический деятель при принятии решений, многие из которых стали судьбоносными для самой Франции. В книге представлены портреты не только самих сподвижников де Голля, но и рассказы об их семьях, взаимоотношениях с супругами, о судьбах их детей, что делает их образы объемными и достоверными.

Сложно выделить какие-либо общие черты, которые были бы присущи одновременно всем этим выдающимся людям. Все они очень разные, как и семьи, из которых они происходили. Если, например, Мишель Дебре, Жорж Помпиду или Жак Шабан-Дельмас вышли из относительно зажиточной, благополучной среды, то другие, как еще в детстве отличавшийся неумным воображением Жак Сустель – из скромных небогатых семей. Пожалуй, главной особенностью раннего периода жизни всех героев книги была их неизменная любовь к чтению, что, в том числе, в дальнейшем обусловило их общий высокий уровень образования и эрудиции. Во взрослой, осознанной жизни всех их объединяли такие качества, как желание и умение отстаивать свои убеждения и патриотизм в самом высоком смысле этого слова. В остальном же эти политики, сопровождавшие де Голля на разных этапах его жизненного пути, сильно отличались друг от друга. Эта специфика имела двойственное значение: с одной стороны, такие разные люди, окружавшие генерала, были способны решать сложные задачи, стоявшие тогда перед Францией. Однако, с другой стороны, столкновение сильных личностей

могло вызывать споры и расхождения, которые порой выливались и в открытые конфликты.

С этой точки зрения большой интерес представляет драматическая история взаимоотношений Жака Сустеля и генерала де Голля, получившая отражение в книге. Противостояние двух ярких политиков показано в динамике. Его постепенное нарастание явилось следствием как специфики личностей героев, так и влияния на них внешних обстоятельств. Проявляя максимальную деликатность, М.Ц. Арзаканян стремится разобраться в причинах конфликта, разделившего двух выдающихся политических деятелей. И здесь автору, постепенно погружающему читателя в драматические отношения де Голля и Сустеля, нельзя отказать в художественном мастерстве. Разногласия между ними вызревали постепенно, в течение длительного времени, начиная, скорее всего, с назначения Сустеля министром-резидентом Алжира в 1955 году (27), хотя, как показано в книге, первые признаки расхождений двух политиков появились еще за три года до этого (25). Окончательно их разделил «алжирский вопрос». Сустель, долгие годы полностью преданный де Голлю и находившийся в его тени, в определенный момент не смог подняться до уровня своего президента в понимании национальных интересов Франции. Он не сумел переступить через свои убеждения и занял сторону ультраколониалистов, фактически превратившись в знамя французского Алжира, что, конечно, не могло не привести его к разрыву с де Голлем.

И тот, и другой сильно переживали по поводу этой ситуации и в дальнейшем стремились разобраться в причинах конфликта. Так, большой интерес представляют собой последние высказывания героев об их противостоянии. Де Голль на долгие десять лет «забыл» о своем ближайшем соратнике и только в 1970 г. попытался открыто заговорить о том, что же произошло между ними. Складывается впечатление, что генерал косвенным образом признавал свою ответственность за разрыв с Сустелем, личность которого продолжал высоко ценить, называя его «талантливым человеком, блестящим интеллектуалом и пылким политиком» (37). Что же касается Сустеля, то в его жизни, по словам другого видного голлиста, было три страсти – «ацтеки, генерал и Алжир». После драматического разрыва с де Голлем ему ничего не оставалось, как вернуться к этнографическим исследованиям. В конце жизни он, по видимому, понял, что выдвигая им идея интеграции Алжира с Францией была ошибочна (44), и тем самым подвел черту под конфликтом, некогда разрушившим его отношения с генералом.

Среди всех героев книги наиболее гармоничные отношения у де Голля сложились с Андре Мальро, несмотря на то что, казалось бы, многое противоречило их дружбе и взаимопониманию. Они не совпадали друг с другом ни характерами, ни политическими симпатиями. Де Голль происходил из католической среды и получил соответствующее воспитание, в молодости поддерживал правые политические движения, да и

в целом по жизни склонялся к консерватизму. Мальро, наоборот, особенно в юные годы отличался симпатиями к левым идеям и приверженностью социал-демократическим ценностям. О его сумасбродном, самовлюбленном, горделивом нраве, умении ставить превыше всего самого себя (93) ходили легенды, что, казалось бы, не могло нравиться де Голлю. Однако эти два человека испытывали друг к другу огромное уважение и симпатию. Для Мальро де Голль стал настоящим кумиром, единственным человеком, достойным преклонения. Для де Голля «Мальро окажется, может быть, единственным другом, которому он будет полностью доверять и делиться с ним самым сокровенным» (93), а на заседаниях правительства в середине 1960-х гг. Мальро, будучи министром культуры, неизменно сидел рядом с де Голлем с правой стороны (102).

По-видимому, из всего окружения генерала только этот яркий представитель французской интеллигенции мог сравниться по масштабу личности с самим де Голлем, который вполне это осознавал. «Присутствие рядом со мной этого гениального друга, человека такой высокой судьбы, иногда заставляло меня думать, что я сам зауряден», – писал он о Мальро в первом томе своих «Мемуаров надежды» (105). Нельзя не отдать должное прозорливости и политической мудрости де Голля. Скорее всего, близкие отношения с Мальро, которого де Голль, придя к власти, назначил министром культуры, помогали первому президенту Пятой республики выстраивать так трудно дававшееся ему взаимодействие с левыми интеллектуалами и с пестрым, противоречивым миром французской культуры тех лет.

Характеры героев книги показаны во всей сложности и противоречивости. Благодаря цитатам, раскрывающим их внешний и внутренний мир, персонажи как бы оживают на страницах издания. К примеру, Сустьель получил от соратников по голлистской партии прозвища, которые надолго закрепились за ним, – «Большой Жак» и «Толстый кот» (24). Другая яркая характеристика, приведенная на страницах книги, относится к Мишелю Дебре 1950-х гг.: «Худощавый брюнет с заостренным лицом, говорящий высоким слогом, волнующим голосом. Все время в движении, готовый броситься, напасть и поразить. Он напоминал персонаж с картины Гойи» (57). Особое обаяние, которым обладал Андре Мальро, передают слова его современника, который отмечал: «От него исходил просто ошеломляющий шарм, а слова вылетали из его рта целым каскадом». Другой его коллега подчеркивал: «Андре Мальро всегда нас поражал и восторгал магией слова, богатством эпитетов и неожиданностью искрометных замечаний, которые взмывали в воздух словно фейерверк» (95). Что касается Помпиду, то о нем прекрасно сказал Эдуар Балладюр, наблюдая за тем, как на склоне жизни он борется с тяжелым недугом: «Помпиду был энергичным и упорным, всегда оптимистичным, с сердцем, исполненным мужества» (135).

Особо ценным является то, что для создания биографий соратников де Голля было изучено большое количество оригинальных, ранее нигде не использованных источников. Повествование об их судьбах, как и характеристики, которые дает им автор, базируется на документах, впервые введенных в научный оборот. Уникальный характер книги связан, в том числе, с тем, что она основана на личных беседах автора с ее действующими лицами в ноябре-декабре 1990 г. в Париже. Увлекая читателя в историю Франции XX века, это значительное научное исследование читается легко и с огромным интересом.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Арзаканян М.Ц. Де Голль и голлисты на пути к власти. М.: Высшая школа, 1990. 240 с. [Arzakanyan M.TS. De Goll' i gollisty na puti k vlasti. (De Gaulle and the Gaulists on the way to power). М.:Vysshaya shkola, 1990. 240 s.].
- Арзаканян М.Ц. Политическая история Франции XX века. М.: Высшая школа, 2003.157 с. [Arzakanyan M.TS. Politicheskaya istoriya Frantsii ХХХХ века. (The political History of France in the twentieth century). М.: Vysshaya shkola, 2003. 157 s.].
- Арзаканян М.Ц. Де Голль. М.: Молодая гвардия, 2017. 304 с. [Arzakanyan M.TS. De Goll'. (De Gaulle). М.: Molodaya gvardiya, 2017. 304 s.].
- Арзаканян М.Ц. Сподвижники де Голля. М.: Молодая гвардия, 2024. 255 с. [Arzakanyan M.TS. Spodvizhniki de Gollya. (De Gaulle's companions). М.: Molodaya gvardiya, 2024. 255 s.].

Зверева Татьяна Вадимовна, доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт актуальных международных проблем, Дипломатическая академия МИД России, tatyana.zvereva@yandex.ru.

«The Barons of Gaullism» on the Historical Picture

The book "Companions of de Gaulle" by M. Arzakanyan, a prominent Russian historian, Doctor of Historical Sciences, Professor and specialist in the history of France, is devoted to the life and to the work of the most prominent associates and successors of General de Gaulle. The author presents their biographies in a historical context, drawing a wide canvas of the political life of France in the twentieth century. Such key events as the Second World War, the Algerian problem, the specifics of the party and political life of France, as well as issues of state-building in the early years of the Fifth Republic are reflected. The specificity of the publication, as well as of the entire work of M.Arzakanyan, is that it pays great attention to the psychology of the actors. The author explores what influenced the characters, what guided their decisions, many of which became fateful for France. The main character of the book is Charles de Gaulle himself, who is invisibly present on its pages, uniting his companions and directing their activities. M. Arzakanyan's new work is a complement to her previous studies of de Gaulle's life and work, which received wide recognition.

Keywords: France, General de Gaulle, the war in Algeria, the constitution of the Fifth Republic, the Gaulists in power, Andre Malraux, Jacques Soustelle, Georges Pompidou.

Zvereva Tatyana Vadimovna – Doctor of Political Sciences, Chief Researcher at the Institute of the Contemporary International Problems of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, tatyana.zvereva@yandex.ru.

ДВА ЛИКА РОССИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В АВСТРАЛИИ

Статья посвящена вышедшей в 2023 г. в РФ монографии австралийского историка Ш. Фитцпатрик «Белые русские – красная угроза? История русской эмиграции в Австралии», в которой рассматривается тема иммиграции в Австралию российских граждан после Второй мировой войны. Главное внимание уделено основным идеям и выводам монографии, а также вкладу д-ра Фитцпатрик в изучение весьма актуальной для многих стран темы массовых миграций.

Ключевые слова: СССР, Австралийский Союз, иммиграционная политика, перемещенные лица, Харбин, Шанхай, «дело Петрова».

В 2023 г. в Москве вышел в свет перевод монографии австралийско-американского историка и советолога Шейлы Фитцпатрик, посвященной иммиграционным процессам в Австралийском Союзе (АС) после Второй мировой войны. Интригующее название «Белые русские – красная угроза? История русской эмиграции в Австралии»¹ привлекло внимание читателей, но большинство откликов сводились к краткому пересказу содержания и замечанию о новизне избранной автором темы.

Профессор Ш. Фитцпатрик – дочь крупного австралийского журналиста и историка Бр. Фитцпатрика, училась в Оксфорде, преподавала в университетах Австралии, Великобритании, США, всемирно известна своими работами по советской истории². Ее труды неоднократно переводились и в РФ. Книга о послевоенных мигрантах, изданная на родине ее автора в 2021 г.³, попала в наградной шорт-лист Литературной премии 2022 г., рецензии на нее дали известный австралийский историк Ст. Макинтайр и австралийский дипломат Фр. Бедди. Представители русской диаспоры высоко оценили труд Фитцпатрик, сказав, что «она вносит важный вклад в историю миграции русских в Австралию»⁴.

На написание монографии о русских Ш. Фитцпатрик подвигли как профессиональный интерес, так и личные обстоятельства: родители, «интеллектуалы левого толка»; брат, специалист по истории Ирландии, кому она и посвятила свой труд; муж М. Данос, чья судьба эмигранта и беженца заставила ее «посмотреть на все это под иным углом» (с. 31). Личные знакомства с представителями разных волн иммиграции помогли ей «понять, каково это – быть русским иммигрантом в Австралии» (с. 522). Все это рождает чувство сопричастности к описываемым событиям не только автора, но и читателей.

Монография серьезно фундирована: только краткий обзор основных источников занимает несколько страниц (с. 33–36); обширен раздел

1 Фитцпатрик, 2023.

2 К примеру: Fitzpatrick 2007; Fitzpatrick 1994; 2015.

3 Fitzpatrick 2021.

4 Ивачев 2021.

библиографии (с. 413–427). Это архивные документы из государственных хранилищ РФ, АС, США, ряда стран Европы и Азии; множество мемуаров, материалы прессы, издания русской общины АС, интервью автора с членами диаспоры и др. Ссылается она и на труды российских коллег, особенно на работу Г.И. Каневской «Мы еще мечтаем о России...»⁵. Необходимо отметить тщательный анализ всего этого огромного массива и в целом взвешенный подход к изучаемым проблемам.

Хронологические рамки широки и обоснованы. Отправная точка – 1920-е гг., эмиграция первой волны и ее центры в Европе и Китае. Основное внимание уделено послевоенным потокам, когда Австралия стала массово принимать беженцев. Завершение – знаменитое «дело Петрова» (1954), когда сотрудник посольства СССР в Канберре В. Петров попросил политического убежища, и антисоветские настроения в годы холодной войны возобладали в АС.

Структура монографии продумана и логична. Она состоит из введения, заключения и трех частей – Часть I «Перемещенные лица в Европе», Часть II «Русские в Китае» и Часть III «Переселение в Австралию». В каждой из них несколько глав, анализирующих состав мигрантов, особенности стран исхода и политику АС при отборе новых граждан, условия их приема и адаптации. Интерес представляют разделы о настроениях и политических симпатиях «белых» и «красных» русских и деятельности австралийских спецслужб (ASIO) в условиях холодной войны. В Заключении обобщены все факты и оценки, которые рисуют пеструю картину иммиграции россиян в АС в 1940-х гг.

Во Введении автор предупреждает: «Это история переселений... отчаянная история, где беженцы, чья жизнь и так уже опрокинулась из-за войны и других бедствий, решаются на прыжок в неизвестность просто потому, что другая страна выдает им визу» (с. 9). Речь идет о «перемещенных лицах», или DP – беженцах из разоренной Второй мировой войной Европы, и «китайских русских», как их именуют в АС, – переселенцах из Манчжурии, уезжавших от коммунистического режима КНР. В центре внимания – маршруты, которыми они двигались, прежде чем оказаться в Австралии, и интеллектуальный «багаж», привезенный ими.

Две главы Части I посвящены первой, послереволюционной, волне, структуре белой эмиграции и центрам ее расселения: от Парижа до Харбина. Одной из характерных черт Русского Зарубежья, по мнению автора, были как ярко выраженный антикоммунизм и стремление сохранить русскую дореволюционную культуру, так и страх депортации в СССР, заставлявший их тщательно скрывать свое прошлое. Очень подробно рассмотрены методы отбора приезжих при первом министре иммиграции АС А. Колуэлле. Не обойдены вниманием и противоречия, которые породила новая волна миграции в среде русской диаспоры: отмечено, что послевоенные русские иммигранты питали симпатии к левым гораз-

до чаще тех, кто попал сюда в 1920-е гг., и довольно благосклонно относились к СССР. В условиях политики «белой Австралии» и особого внимания к этническим корням, претенденты на въезд часто обманывали иммиграционные службы: чтобы попасть в АС, они придумывали себе профессии, национальность, биографии (с.98–107). Детально описана и деятельность АСИО по недопущению в страну «подрывных элементов». Отмечается такой парадокс: ДР, которым дорогу в страну открыло лейбористское правительство, как правило, не симпатизировали лейбористам, руководствуясь ненавистью к коммунизму и заодно к социализму.

Часть II фиксирует отличия двух крупнейших центров расселения русских в Китае – Харбина и Шанхая. Автор подчеркивает: «Особенность русского Харбина в 1920-х годах состояла в том, что это был одновременно красный (советский) и белый город» (с. 125). После заключения соглашения о КВЖД в 1924 г. в Манчжурии советские паспорта получили около 50 тыс. россиян, появились советские школы с соответствующим воспитанием детей. Любопытны наблюдения автора за политическими и этническими противоречиями, разделявшими население Харбина; прослеживаются взаимоотношения с властями СССР по проблемам репатриации в 1930-х гг. Раздел о русских фашистах в Манчжурии примечателен тем, что на основе архивных документов называются поименно многие фигуры, упоминания о которых нет в других публикациях. Привлекают внимание факты неоднозначного отношения к ним японцев, а также перемена настроений после побед СССР на фронтах Второй мировой войны, впервые вызвавших «прилив патриотизма среди националистически настроенных белых русских» в Маньчжурии и прибрежных регионах Китая (с. 153).

В Шанхае русские жили в основном во французском и британском поселениях и занимали более низкую ступень, чем представители западного мира. Это вынуждало их браться за неквалифицированную работу, а женщин толкало на путь занятия проституцией (с. 156–160). Фитцпатрик, подробно описывая жизнь русской общины в Шанхае, рассказывает о русских белоэмигрантских организациях и взаимоотношениях внутри сообщества, отмечает, что «столкновения между белыми и красными порой выливались в насилие» (с. 183). Когда в конце 1940-х гг. открылись пути эмиграции в США, Латинскую Америку и Австралию, многие решили этим воспользоваться.

Глава 5 посвящена переезду русских из Китая в АС. Хотя в августе 1945 г. входившие в Харбин советские войска встречали с цветами: «все обрадовались Красной Армии именно как русским» (с. 190) – активная деятельность СМЕРШ быстро охладила умы. Интересно, что даже среди местных фашистов оказались лица, служившие одновременно и «советскими агентами» (с. 191). Подробно рассказано о репатриации в СССР начала 1950-х гг. для освоения целинных земель и изменении ситуации после создания КНР, что очень многих подтолкнуло к отъезду. Отдель-

ный раздел посвящен знаменитому перевалочному пункту мигрантов – острову Тубабао. Автор отмечает, что жесткие условия въезда в АС (принадлежность к европейской расе, требование по усмотрению правительства отработать 2 года в качестве неквалифицированной рабочей силы и т.п.) заставляли людей вновь идти на обман. В результате мигранты «представляли собой любопытное сочетание белых и красных», и эти «различия сказались позже, когда переселенцы из обеих групп достигли берегов Австралии и сообща сделались новыми австралийцами» (с. 222).

Часть III посвящена трудностям переезда в АС и устройству на новом месте: плавание на переполненных судах, склочная атмосфера и проживание в перевалочных лагерях, что порождало естественное недовольство мигрантов. Возникали и проблемы по поводу членства в профсоюзе, которое рассматривалось как «важнейшее условие приема в австралийское сообщество». Но переселенцы далеко не всегда стремились вступить в их ряды, а профсоюзы «склонны были видеть во всех перемещенных лицах своих потенциальных ненавистников и протофашистов» (с. 240–241). Ностальгическая тоска по отечеству «являлась важной эмоциональной частью русской жизни в Австралии» (с. 251). Подводя итоги, автор пишет: «Австралия с ее политикой и культурой оставались пока странным и чуждым миром, на который русские смотрели (если вообще желали на него смотреть) со стороны» (с. 260).

Глава 7 описывает культурологическую доминанту белых русских: национализм, антикоммунизм и «крепкую приверженность православной церкви». Говоря о роли РПЦЗ, автор отмечает, что священники, уроженцы Западной Украины, «придавали ее антикоммунистичности и антисоветской деятельности особенную жесточенность». Вторым влиятельным институтом был НТС, «и многим кружили голову надежды на неминуемое освобождение от советского ига» (с. 263). Хотя большинство было занято обустройством новой жизни, диаспора в целом принимала эту идеологическую позицию. Автор признает, что «для многих русских иммигрантов послевоенной волны церковь служила главной опорой, костяком русской общины в Австралии» (с. 268): содействовала приему иммигрантов, делам благотворительности, создавала молодежные организации, субботние школы для детей с преподаванием русского языка и культуры. При этом внутри РПЦЗ «всегда происходила фракционная борьба, часто сопровождавшаяся обвинениями противников в просоветских симпатиях, в шпионаже на Советы или наоборот – в излишнем воинственном антикоммунизме» (с. 276–277). Подробно рассказывается о центре общественной жизни «белых» – Русском доме в Сиднее, где собирались люди разных взглядов: «от старомодного монархизма до современного воинствующего антикоммунизма» (с. 281–287). Досконально освещая деятельность НТС, автор отмечает, что «между антикоммунистическими организациями вроде НТС и АСИО если и не царил полное доверие, то уж точно существовал взаимный интерес» (с. 298).

В Главе 8 Фитцпатрик указывает на то, что в сознании австралийцев еще с 1920-х гг. понятия «русский» и «красный» сливались. Никто из новых переселенцев не вступал в Компартию Австралии; тем не менее бдительное внимание спецслужб к посетителям «красного» Русского общественного клуба в Сиднее и их контактам с посольством СССР сохранялось. Для них Россия была не только центром мирового коммунизма, но и родной страной, и отношения между руководителями клуба и сотрудниками советских учреждений были зачастую дружескими (с. 309–314). Подробнейшим образом рассказывается о работе сотрудников посольства по связям с диаспорой и их попытках «залучить новых репатриантов» среди тех, кто не сумел устроиться в АС. Успехи были скромные: за 1951–1952 гг. вернулся в СССР всего 21 гражданин, из них девять были иждивенцами (с. 332).

Глава 9 повествует о деятельности ASIO в годы холодной войны, у ее сотрудников страх перед коммунистами и советскими шпионами был сильнее страха перед пособниками нацистов или японцев. Главной их заботой была «возможная инфильтрация советских шпионов», хотя в итоге спецслужбы «или не находили их в большом количестве, или скрывали от общества свои находки» (с. 339). Советских агентов было выявлено мало; да и ASIO не пыталась завербовать кого-то из репатрировавшихся советских граждан для шпионажа в пользу АС.

В Заключении автор выделяет три основные характеристики русских мигрантов: православие, скрытность и публичные заявления о своих антикоммунистических убеждениях. Страх внедрения «советских агентов» приводил к «вечной подозрительности», придававшей жизни русской диаспоры «особый горький привкус вражды и недоверия» (с. 383). Но для большинства людей главными были «попытки приспособиться к жизни в Австралии и примириться с ней», и по мере обустройства на новом месте, эта страна, «какой бы скучной и чужой она ни была, стала для переселенцев тихой гаванью, надежным прибежищем» (с. 390–392). В прошлое уходили темные страницы жизни: и симпатии к фашизму, и вольные нравы Европы и Китая, которые не приветствовались в несколько чопорной в те годы Австралии. Ностальгия приводила и русских DP, и китайских русских на просмотр советских фильмов, гастроли артистов из СССР. Некоторые ходили встречать советские корабли в Сиднее и Мельбурне, «просто чтобы услышать русскую речь и, быть может, узнать что-нибудь о жизни в Советском Союзе» (с. 396).

Книгу отличает чрезвычайное обилие фактов, колоссальная информативность и детализация⁶, при этом получается такая пестрая мозаика, что в ней порой увязает и подготовленный читатель. Даже Фр. Бед-

⁶ Более осведомленные рецензенты отметили «некоторые опечатки или ошибки», но это касалось лишь отдельных деталей. Ивачев, 2021.

ди «было трудно уследить за всеми персонажами, приходилось возвращаться к указателю, чтобы проверить, кем они были»⁷.

Порой эмоциональность автора выливается в предвзятость. Если к русским евреям Фитцпатрик относится с явной симпатией, то к представителям РПЦЗ она откровенно не расположена. Особенно досталось ««неутомимому епископу Иоанну», «энергичному и харизматичному деятелю, которого РПЦЗ впоследствии канонизировала под именем Св. Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского». Автор видит в этом подвижнике преимущественно антисемита, духовно окормлявшего русских фашистов и НТС в Шанхае (с. 167–168, 180, 183). Столь же тенденциозна оценка непростых отношений между РПЦ и РПЦЗ, поступков отдельных клириков, которым вменяется в вину как яростный антикоммунизм, так и сотрудничество с Советами. Таких пассажей в книге много.

Нерешенными остались два важных вопроса: этнический состав российской иммиграции и ее численность. Посвятив этому специальные разделы (с. 20–30, 307–411), Фитцпатрик назвала причины невозможности «поставить все точки над и»: недостоверность сведений, сообщаемых соискателями виз, и небрежность работы иммиграционных служб того времени. «Отвечая на мучительный вопрос “кто такие русские?”, я, прежде всего, придерживалась правила, что русские – это те, кто считает себя таковыми, особенно если они продолжают говорить по-русски и поддерживать какую-либо связь с русскоязычной общиной в Австралии» (с. 29). Отосительно численности приводится общепризнанная цифра: за 15 лет после окончания Второй мировой войны в АС прибыли в общей сложности 25 тыс. русских иммигрантов (с. 10). Попытка верификации подсчетов привела автора к выводу: «Осмысление данных, собранных о русских иммигрантах в Австралии, чрезвычайно затруднено, мы никогда не сможем установить точно, сколько же их было» (с. 411).

Впрочем, в этой нерешенности заключается и прелесть самой истории как науки: у коллег профессора Фитцпатрик всегда остается возможность внести свой вклад в дальнейшее изучение этой большой проблемы, которая остается востребованной до тех пор, пока люди имеют возможность менять свое место жительства.

Огорчает отсутствие иллюстраций в русской версии монографии: кроме маловыразительного коллажа из старых снимков на обложке, нет ни одной фотографии или портрета, что значительно обедняет это издание. Впрочем, и в английском оригинале их было совсем немного.

Изучение истории русских в АС продолжается. Газета «Единение» в 2023 г. анонсировала проект по оцифровке книг, выпущенных диаспорой за последние сто лет, с последующим размещением их архивов в интернете⁸. Так что можно надеяться, жалоб на недостаток материалов по русским в АС станет меньше. Чем более доступными будут архивы и

⁷ WHITE RUSSIANS, RED PERIL, 2021.

⁸ Петренко 2023.

интенсивнее станут работать в них исследователи, тем более объективную картину прошлого и настоящего мы можем получить. А значит, и лучше ориентироваться с прицелом на будущее.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ивачев А. Новая книга австралийского историка о русских мигрантах из Китая и Европы в послевоенный период. Опубликовано 22 Март 2021. [Ivachev A. Novaya kniga avstralijskogo istorika o russkih migrantah iz Kitaya i Evropy v poslevoennyj period. <https://www.unification.com.au/articles/1616027333/>].
- Каневская Г.И. «Мы еще мечтаем о России...». История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. – вторая 80-х гг. XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2010. 372 с. [Kanevskaya G.I. «My eshche mechtaem o Rossii...». Istoriya russkoj diaspory v Avstralii (konets XIX v. – vtoraya polovina 80-h gg. NKH v.). Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo un-ta, 2010. 372 s.]
- Петренко И. Оцифровка семейных архивов и книг Русской диаспоры. <https://www.unification.com.au/articles/1702801421/> [Petrenko I. Ocifrovka semejnyh arhivov i knig Russkoj diaspory. <https://www.unification.com.au/articles/1702801421/>]
- Фицпатрик Ш. Белые русские – красная угроза? История русской эмиграции в Австралии. М.: АСТ: Corpus, 2023. Пер. с англ. Татьяны Азаркович. 544 с. [Fitzpatrik SH. Belye russkie – krasnaya угроza? Istoriya russkoj emigracii v Avstralii. M.: Izdatel'stvo AST: Corpus, 2023. Per. s angl. Tat'yany Azarkovich. 544 s.] <https://www.unification.com.au/articles/1616027333/>
- Fitzpatrick Sh. On Stalin's Team: The Years of Living Dangerously in Soviet Politics. Princeton University Press, 2015.
- Fitzpatrick Sh. The Russian Revolution. Oxford University Press, 3rd revised ed. 2007.
- Fitzpatrick Sh. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. Oxford University Press, 1994.
- Fitzpatrick Sh. White Russians, Red Peril: A Cold War History of Migration to Australia. Routledge, Black Inc., 2021.
- WHITE RUSSIANS, RED PERIL: A COLD WAR HISTORY OF MIGRATION TO AUSTRALIA. Sheila Fitzpatrick | 2021. <https://www.historians.org.au/book-reviews/whiterussiansredperil>.

Скоробогатых Наталья Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, arhip2212@yandex.ru

Two Faces of the Russian Diaspora in Australia

The article is devoted to the Australian historian Sh. Fitzpatrick's monograph that was published in Moscow in 2023 and examines the immigration of Russian citizens to Australia after World War II. The main attention is paid to the ideas and conclusions of the monograph, as well as Dr. Fitzpatrick's contribution to the study of mass migrations that is very relevant for many countries.

Key words: *the USSR, the Commonwealth of Australia, immigration policy, displaced persons, Harbin, Shanghai, the Petrov Affair.*

Natalia Skorobogatykh, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Center for Southeast Asian, Australian and Oceanian Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences arhip2212@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

История и теория

<i>И.Н. Ионов</i>	
Цивилизационный ренессанс и когнитивистика.....	5
<i>В.П. Буданова</i>	
К вопросу о ландшафтном варварстве.....	20
<i>О.В. Воробьева</i>	
«Он открыл для меня новое измерение жизни»: Юнг и Тойнби.....	28
<i>С.В. Демиденко, С.Б. Маргулис</i>	
Проблема глобального неравенства в теориях революций (краткий экскурс)...	38
<i>О.С. Поршинева</i>	
Эвристический потенциал социологических теорий в изучении социальных девиаций в России и Европе на рубеже XIX–XX вв....	49

Интеллектуальная история сегодня

<i>Д.С. Ткаченко</i>	
Освоение Кавказа в контексте ориенталистского нарратива периодической печати 1820–1840 гг.	61
<i>А.В. Бодров</i>	
Образ российского панславизма на страницах «La Nouvelle Revue» (1879–1900 гг.).....	77
<i>Т.Т. Кручковский</i>	
Польский вопрос в России XIX– начала XX Века в оценке Н.И. Кареева. Ч. 1...	94
<i>М.Д. Бухарин</i>	
Славянский вопрос в академическом дискурсе первой четверти XX в. (по материалам архива В.И. Вернадского).....	108
<i>М.В. Ковалев</i>	
Российские ученые-эмигранты и Карлов университет пути и модели интеграции (1920–1930-е гг.).....	122
<i>М.В. Грибовский</i>	
Профессора против академиков конфликт 1940-х гг. в контексте истории советской науки.....	139
<i>А.А. Щелчков</i>	
Гуманистический социализм Родольфо Мондольфо.....	156
<i>М.В. Кирчанов</i>	
«Эдемский» цикл Гарри Гаррисона в контекстах интеллектуальной истории американских правых 1980-х гг.....	174
<i>М.Е. Яковлев</i>	
Военная история: в поисках новой социальной роли историка.....	192

Перекрестки интердисциплинарности

<i>А.К. Шабунина</i>	
Объект и метод в междисциплинарном изучении социокультурных практик прошлого.....	207
<i>И.П. Давыдов, И.А. Фадеев</i>	
Как мыслят церковные институты механизмы формирования этноконфессиональной идентичности.....	220
<i>А.Ю. Вязинкин</i>	
Крестьянская семья как поле «битвы поколений» во второй половине 1920-х годов.....	232

<i>А.В. Шубин</i>	
Коминтерн перед лицом фашизма (1922–1924 гг.).....	248
<i>К.А. Беспалова</i>	
Формирование транснациональных сетей антиимпериалистической лиги (1927)	264
<i>Д.В. Шмелев</i>	
Религиозная ситуация в СССР на страницах газеты «La Croix» (1920–1930-е гг.).....	280
К Юбилею	
<i>Д.Б. Вершинина, А.В. Садилова</i>	
Союз, сотрудничество, общность: маркеры научной школы К юбилею Любови Александровны Фадеевой.....	293
История и память	
<i>М.М. Горелов</i>	
Складывание образа идеального государя в национальной историографии: Альфред Великий.....	302
<i>А.А. Исэров</i>	
«Связанные цари» – во имя польской конституции или Российской империи?...	319
<i>К.В. Сак</i>	
Хрупкая девчонка и сказочный богатырь: образы участниц сопротивления в советском пространстве памяти о Великой Отечественной войне.....	334
<i>В.С. Груздинская, С.О. Назаров</i>	
«Вместе боролись, вместе строим!»: образ советизации и СССР в мемуарах чехословацких историков второй половины XX века.....	351
История в письмах	
<i>С.А. Сахаров</i>	
Августин и государство: о положении епископа в системе власти и управления Поздней Римской империи (по данным эпистолярного наследия отца церкви)...	368
<i>А.А. Воеводина</i>	
Письма З.Н. Гиппиус в контексте истории русского христианского либерализма	385
<i>А.Э. Афанасьева</i>	
Северная Родезия 1930-х гг. в письмах британского врача А. Борда	402
Читая книги...	
<i>А.С. Минаков</i>	
Литературные музеи России в пространстве гуманитарного знания итоги масштабного энциклопедического проекта.....	413
<i>И.М. Никольский</i>	
От византийской республики к новой Римской империи: о новой книге Э. Калделлиса.....	421
<i>Л.В. Ландина</i>	
Тексты и смыслы Первой мировой.....	427
<i>Т.В. Зверева</i>	
«Бароны голлизма» на фоне портрета эпохи.....	434
<i>Н.С. Скоробогатых</i>	
Два лика российской диаспоры в Австралии.....	441
CONTENTS.....	448

ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИФИКАТОР ОБЪЕКТА DIGITAL OBJECT IDENTIFIER (DOI)

Поиск DOI: <http://search.rads-doi.org/index.php/>
<http://www.doi.org/>

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 89 / 2024

Главный редактор: Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции

119334, Москва, Ленинский пр., д. 32А, к. 1423; тел. +7 (495) 938–53–91

<http://www.roii.ru/intellect/books/index.htm>

dialogue.time@yandex.ru

История и теория

И.Н. Ионов

Цивилизационный ренессанс и когнитивистика

[10.21267/AQUILO.2024.89.89.034](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.034)

В.П. Буданова

К вопросу о ландшафтном варварстве

[10.21267/AQUILO.2024.89.89.001](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.001)

О.В. Воробьева

«Он открыл для меня новое измерение жизни»: Юнг и Тойнби

[10.21267/AQUILO.2024.89.89.002](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.002)

С.В. Демиденко, С.Б. Маргулис

Проблема глобального неравенства в теориях революций
(краткий экскурс)

[10.21267/AQUILO.2024.89.89.003](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.003)

О.С. Поршинева

Эвристический потенциал социологических теорий
в изучении социальных девиаций в России и Европе
на рубеже XIX–XX вв.

[10.21267/AQUILO.2024.89.89.004](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.004)

Интеллектуальная история сегодня

Д.С. Ткаченко

Освоение Кавказа в контексте ориенталистского нарратива
периодической печати 1820–1840 гг.

[10.21267/AQUILO.2024.89.89.005](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.005)

А.В. Бодров

Образ российского панславизма
на страницах «La Nouvelle Revue» (1879–1900 гг.)

[10.21267/AQUILO.2024.89.89.006](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.006)

Т.Т. Кручковский

Польский вопрос в России XIX– начала XX Века в оценке

Н.И. Кареева. Ч. 1

[10.21267/AQUILO.2024.89.89.007](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.007)

М.Д. Бухарин

Славянский вопрос в академическом дискурсе первой четверти XX в.

(по материалам архива В.И. Вернадского)

[10.21267/AQUILO.2024.89.89.008](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.008)

М.В. Ковалев

Российские ученые-эмигранты и Карлов университет

пути и модели интеграции (1920–1930-е гг.)

[10.21267/AQUILO.2024.89.89.009](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.009)

М.В. Грибовский

Профессора против академиков

конфликт 1940-х гг. в контексте истории советской науки

[10.21267/AQUILO.2024.89.89.010](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.010)

А.А. Шелчков

Гуманистический социализм Родольфо Мондольфо

[10.21267/AQUILO.2024.89.89.011](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.011)

М.В. Кирчанов

«Эдемский» цикл Гарри Гаррисона

в контекстах интеллектуальной истории американских

правых 1980-х гг.

[10.21267/AQUILO.2024.89.89.012](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.012)

М.Е. Яковлев

Военная история: в поисках новой социальной роли историка

[10.21267/AQUILO.2024.89.89.013](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.013)

Перекрестки интердисциплинарности

А.К. Шабунина

Объект и метод в междисциплинарном изучении

социокультурных практик прошлого

[10.21267/AQUILO.2024.89.89.014](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.014)

И.П. Давыдов, И.А. Фадеев

Как мыслят церковные институты

механизмы формирования этноконфессиональной идентичности

[10.21267/AQUILO.2024.89.89.015](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.015)

А.Ю. Вязинкин

Крестьянская семья как поле «битвы поколений»
во второй половине 1920-х годов
[10.21267/AQUILO.2024.89.89.016](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.016)

А.В. Шубин

Коминтерн перед лицом фашизма (1922–1924 гг.)
[10.21267/AQUILO.2024.89.89.017](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.017)

К.А. Беспалова

Формирование транснациональных сетей
антиимпериалистической лиги (1927)
[10.21267/AQUILO.2024.89.89.018](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.018)

Д.В. Шмелев

Религиозная ситуация в СССР
на страницах газеты «La Croix» (1920–1930-е гг.)
[10.21267/AQUILO.2024.89.89.019](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.019)

К Юбилею

Д.Б. Вершинина, А.В. Садилова

Союз, сотрудничество, общность: маркеры научной школы
К юбилею Любови Александровны Фадеевой
[10.21267/AQUILO.2024.89.89.020](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.020)

История и память

М.М. Горелов

Складывание образа идеального государя
в национальной историографии: Альфред Великий
[10.21267/AQUILO.2024.89.89.021](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.021)

А.А. Исэров

«Связанные цари» – во имя польской конституции
или Российской империи?
[10.21267/AQUILO.2024.89.89.022](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.022)

К.В. Сак

Хрупкая девчонка и сказочный богатырь: образы участниц
сопротивления в советском пространстве памяти
о Великой Отечественной войне
[10.21267/AQUILO.2024.89.89.023](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.023)

В.С. Груздинская, С.О. Назаров

«Вместе боролись, вместе строим!»: образ советизации и СССР
в мемуарах чехословацких историков второй половины XX века
[10.21267/AQUILO.2024.89.89.024](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.024)

История в письмах

С.А. Сахаров

Августин и государство: о положении епископа в системе власти и управления Поздней Римской империи (по данным эпистолярного наследия отца церкви)

[10.21267/AQUILO.2024.89.89.025](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.025)

А.А. Воеводина

Письма З.Н. Гиппиус в контексте истории русского христианского либерализма

[10.21267/AQUILO.2024.89.89.026](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.026)

А.Э. Афанасьева

Северная Родезия 1930-х гг. в письмах британского врача А. Борда

[10.21267/AQUILO.2024.89.89.027](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.027)

Читая книги...

А.С. Минаков

Литературные музеи России в пространстве гуманитарного знания: итоги масштабного энциклопедического проекта

[10.21267/AQUILO.2024.89.89.028](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.028)

И.М. Никольский

От византийской республики к новой Римской империи: о новой книге Э. Калделлиса

[10.21267/AQUILO.2024.89.89.029](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.029)

Л.В. Ландина

Тексты и смыслы Первой мировой

[10.21267/AQUILO.2024.89.89.030](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.030)

Т.В. Зверева

«Бароны голлизма» на фоне портрета эпохи

[10.21267/AQUILO.2024.89.89.031](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.031)

Н.С. Скоробогатых

Два лика российской диаспоры в Австралии

[10.21267/AQUILO.2024.89.89.032](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.89.89.032)

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

89 / 2024

Главный редактор
Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции
119334, Москва, Ленинский пр., д. 32А, к. 1423
Тел. +7 (495) 938-53-91
Web-страница: <http://www.roii.ru/intellect/books/index.htm> ;
Электронная почта: dialogue.time@yandex.ru

Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Формат 60x90 / 16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 28,5. Тираж 600.

Отпечатано в типографии Onebook.ru
ООО «Сам Полиграфист»
Москва, Волгоградский пр., дом 42, строение 5
Тел.: +7 495 545-37-10
Эл. почта: info@onebook.ru
Адрес в Интернете: www.onebook.ru

ISSN 2073-7564

Журнал индексируется в Российском индексе научного Цитирования (РИНЦ).
Журнал включен в диссертационный перечень ВАК по специальностям: история, история философии, филология; в каталог «Роспечать» (подписной индекс 36030); в базу данных SCOPUS (с 2016 г.); в базу данных WoS Core Collection (Emerging Sources Citation Index [ESCI]) (с декабря 2017 г.), Q 1 (январь – март 2024 г.); Q2 (апрель – декабрь 2024 г.).
Полные электронные версии статей представлены на сайте: <http://roii.ru/publications/dialogue>
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.).
Электронная версия — Эл. № ФС 77-53624.